

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

НОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. БАРСОВА.

1885

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ

1885.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1885 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

	Стран.
1. Акты, относящіеся къ Малороссіи. Сообщены Д. Чл. В. И. Холмогоровымъ.....	1— 46
2. Жизнь А. С. Пищевича, имъ самимъ описанная. 1764—1805. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. Чл. Нила Попова.....	113—273

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНІЕ.

Туранизмъ Русскихъ. Д. Чл. П. А. Безсонова.....	1—137

III. МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Лѣтопись Византійца Феофана. Въ переводѣ съ Греческаго В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго.....	97—136

IV. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О доходахъ Московскаго Государства. И. Д. Бѣляевъ..	113—144

V. СМѢСЬ.

Изъ рукописей Е. В. Барсова. 1. Память боярамъ и воеводамъ о томъ, чтобы вѣдать Кирилловъ монастырь въ одномъ Приказѣ Большаго Дворца и ни для какихъ дѣлъ посланника туда не посылать. 1615 г....	1— 1
2. О ссылкѣ воина Нащокина въ Кирилловъ монастырь. 1667 г. Грамота о томъ изъ Розряда. Отписка о томъ же въ Розрядъ.....	2— 3
3. Дневныя записи Правительственнаго дозора о Московскихъ раскольникахъ. Сообщены А. А. Титовымъ. Съ предисловіемъ..	1— 40

1.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

А К Т Ы, относящіеся къ Малороссіи *).

1. *Списокъ съ подлинныхъ межевыхъ книгъ границъ города. Путивля и городищъ Чернигова и Черкасъ.*

Лѣта 7155, іюня въ 23 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи самодержца и многихъ Государствъ государя и обладателя, его царского величества межевые судьи стольникъ и намѣстникъ Кашинской и города Сѣвска и Камарицкихъ волостей драгунского строю воевода Замятня Ѳеодоровичъ Леонтьевъ, да дворянинъ Ѳеодоръ Михайловичъ Мякининъ, да дьякъ Григорей Пятово съѣзжались межъ царского величества города Путивля и городищъ и коруны Полскіе городовъ Чернигова и Черкасъ, наяснѣйшаго великого государя Владислава четвертого Божіею милостію короля Полского и великого князя Литовского, его королевского величества съ межевими судьи съ паномъ Раднымъ и великимъ посломъ и комисаромъ коруны полскіе съ Адамомъ Свентольдичемъ Киселемъ, каштеляномъ енераломъ Кіевскимъ, Житомирскимъ, Оврутцкимъ, съ старостою Носовскимъ, да Станиславомъ Спенчинскимъ съ судьею земскимъ Черниговскимъ, да съ Яномъ Пенчинскимъ подчашемъ Новгородка-Сѣверского и ротмистромъ королевского величества, по государскому вѣчному докончанью и по договору царского величества великихъ пословъ боярина и намѣстника Суздальского князя Алексѣя Михайловича Лвова Ярославского съ товарищи, королевского величества съ паны Рады, для пріиманья городищъ и совершенья межевого дѣла; а которые города и засѣдаемые мѣста въ сторону цар-

*) Изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

ского величества приняли и отмежевали, и каковъ которой городъ мѣроу, и что въ нихъ всякого строенья, и сколько къ тѣмъ городамъ земли и всякихъ угодей отмежевано, и въ которыхъ мѣстехъ и урочищахъ по межѣ грани потесаны и концы посыпаны и всякіе признаки учинены, и то писано въ сей книгѣ:

Городъ Недрымайловъ, на рѣкѣ на Сулѣ на берегу, отъ Путивля за рѣкою за Сулою, а въ немъ двои ворота—одни болшіе проѣзжіе отъ земельного вала и отъ слободъ, а другіе малые ворота къ рѣкѣ Сулѣ; а городъ на четыре угла ставленъ острогомъ дубовымъ стоячимъ, на осыпи осыпь здѣлана вновь, а по ней острогъ ставленъ, а на всѣхъ на четырехъ углахъ поставлены башни, да на дву воротѣхъ по башнѣ жъ, всего шесть башенъ. А по мѣрѣ города: ворота болшіе проѣзжіе даѣ сажени съ четвертью, на верху на воротѣхъ поставлена вмѣсто башни изба, около избы перила, отъ тѣхъ воротъ до наугольной башни, что противъ церкви, девятнадцать дворовъ.

Башня наугольная, рублена въ пять стѣнъ, изъ острогу выставлена на уголь сажень съ четью, къ ней руковецъ острогомъ. Отъ той наугольной башни до наугольной же башни, что у рѣки Сулы, противъ пруда, по мѣрѣ стѣны дватцать восемь сажень, а на томъ углу вмѣсто башни и острогу въ стѣнѣ поставлены двѣ избы двойные, межъ ими стѣны, длина избамъ и стѣнямъ пять сажень, а въ другую острожную стѣну, что отъ рѣки отъ Сулы, тѣхъ же избъ и стѣней въ стѣнахъ пять сажень же. Отъ тѣхъ наугольных башенъ по стѣнѣ отъ рѣки Сулы по мѣрѣ до воротъ осмнатцать сажень, ворота мѣроу дву сажень съ четью, на воротѣхъ башня, отъ воротъ до наугольной башни, что сверху рѣки Сулы, по мѣрѣ стѣны дватцать сажень безъ четверти.

Наугольная башня, рубленая въ пять стѣнъ, изъ острогу выставлена на уголь сажень съ четью, къ ней учиненъ руковецъ острогомъ. Отъ той наугольной башни до наугольной же башни, что башня отъ земляного вала, дватцать шесть сажень.

Наугольная башня, рублена въ пять стѣнъ, изъ острогу выставлена на уголь двѣ сажени безъ четверти, къ ней учиненъ руковецъ острогомъ. Отъ той наугольной башни до болшихъ воротъ 17 сажень. И всего по мѣрѣ около города сто сорокъ двѣ сажени съ четью.

А въ городѣ строенья: двѣ свѣтлицы—одна четверня, а другая двойня, межъ ими стѣны, обѣ свѣтлицы и стѣны подъ одною кровлею.

У воротъ двѣ избы, межъ ими стѣны, два погреба, да конюшня.

Около города ровъ отъ городской стѣны, глубина рву до подошвы 3 сажени, и съ осыпью инде и болши, потому что изо рву подъ

острожную стѣну всыпана осыпь, а съ другую сторону глубина рву полторы сажени, инде и болше.

Да вмѣсто острогу съ полевые стороны здѣланъ межъ города и болота валъ земляной, около валу ровъ, а въ земляномъ валу церковь во имя Василя Великого Кесаріи Каппадакиского, деревяна, образы и царскіе двери вынесены и колокола сняты. А мѣра тому валу отъ городского рву отъ наугольной башни, что сверху рѣки Сулы, до болота 43 сажени, на той стѣнѣ отъ городского рву во штинатцети саженьхъ здѣланы ворота острожные, мѣра воротамъ и острогу что къ нимъ приставлено 3 сажени, у болота на углу на башню оставлено мѣсто, длина тому мѣсту 3 сажени, поперегъ двѣ сажени безъ чети. Отъ того наугольного мѣста возлѣ болота 48 сажень, оставлено мѣсто на башню. Отъ того башенного мѣста 98 сажень, здѣланы ворота, мѣра воротамъ и что къ нимъ острогомъ придѣлано 3 сажени, изъ тѣхъ воротъ черезъ болото на гумна и на поля вмѣсто мосту здѣлана гать. Отъ воротъ возлѣ болота жъ до угла 60 сажень, на углу оставлено мѣсто на башню полтретьи сажени. Отъ того башенного мѣста 48 сажень здѣланы ворота, мѣра воротамъ и съ тѣмъ что къ нимъ приставлено острогомъ полчетверты сажени. Отъ тѣхъ воротъ 48 саж., оставлено мѣсто на башню полтретьи сажени. Отъ того мѣста до угла, что уголь у рѣки Сулы, 36 сажень, на углу оставлено мѣсто на башню. Отъ того угла возлѣ болота рѣки Сулы 60 сажень, оставлено мѣсто на башню полтретьи сажени. Отъ того башенного мѣста 41 сажень, сквозь валъ учинены воротца малые, а черезъ ровъ помещены лавы къ водѣ и рѣкѣ къ Сулѣ. Отъ воротецъ 24 сажени проѣзжая болшая дорога, что ѣздить черезъ рѣку Сулу черезъ прудъ въ городъ и въ земляной валъ, мѣра тому проѣзжему мѣсту три сажени, а валъ въ томъ мѣстѣ оставленъ взаметъ бревнами, да въ тѣхъ же воротѣхъ учиненъ кобылинъ. Отъ тое дороги до городского рву 10 сажень. И всего около земляного валу по мѣрѣ пятьсотъ пятьдесятъ шесть сажень. А въ земляномъ валу дѣвяносто шесть дворовъ цѣлыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣсть, съ которыхъ хоромы свезены, сорокъ девять мѣсть. А за землянымъ валомъ на посадѣ и въ слободахъ, по обѣ стороны рѣки Сулы, двѣсте шесть дворовъ цѣлыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣсть, съ которыхъ хоромы свезены, сто мѣсть. И всего въ Недрыгайловѣ цѣлыхъ триста два двора да пустыхъ дворовыхъ сто сорокъ девять мѣсть.

А подъ городомъ на рѣкѣ на Сулѣ учиненъ прудъ, мельница нѣмецкая, на немъ два анбара, въ одномъ двой жорновы да толчекъ,

пять ступь, а въ другомъ анбарѣ двоижъ жорновы, да толчея, пять же ступь, совсемъ цѣлы.

Да въ уѣздѣ, на той же рѣкѣ Сулѣ, деревня Кормышовка, выше Недрыгайлова 2 версты, а въ ней 51 дв., да пустыхъ двор. мѣсть, съ которыхъ хоромы свезены, 22 мѣста; да на рѣкѣ жъ Сулѣ вверхъ выше отъ Недрыгайлова версть съ пять деревня Цыбулина, а въ ней 17 дворовъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣсть, съ которыхъ хоромы свезены, 24 мѣста.

И всего въ городищѣ Недрыгайловѣ и въ уѣздѣ 370 дворовъ цѣлыхъ, да пустыхъ дворовыхъ 195 мѣсть; а обмежеванъ городъ Недрыгайловъ съ землями и съ лѣсами и съ водами и со всякими угоды.

Городище Каменное, надъ рѣкою Псломъ, по мѣрѣ по осыпи 80 сажень, а въ осыпи длиннику 25 сажень, поперегъ 20 сажень, да близъ осыпи по смѣтѣ поля съ десять десятинъ, внизъ по Пелу рѣки ниже городища съ пять десятинъ, на берегу Литовская пасека. Выше Каменного городища слобода, на берегу Псла рѣки, а въ ней 68 дворовъ, да винокурня пяти сажень. Да на Пслѣ жъ рѣкѣ по конецъ слободы мельница, на одной плотинѣ два анбара, а въ анбарахъ по двои жорновы да по пяти ступь. А лѣсу къ тому Каменному городищу и пасекъ въ немъ много, а въ рѣкѣ рыбная ловля.

Городище Ахтырское, на рѣкѣ на Ворсклу, а въ немъ на горѣ острогъ дубовой стоячей, а на острогѣ башня проѣзжая, да десять башень глухихъ рубленыхъ, а по мѣрѣ около острогу 354 сажени, да въ острогѣ изба, передъ нею сѣнцы. Да подъ городищемъ на посадѣ 48 дворовъ, а лѣсу къ тому городищу и пасеки въ немъ много, а въ рѣкѣ рыбная ловля.

Городище Олшанское, на рѣкѣ на Олешнѣ, а въ немъ два острога дубовыхъ, одинъ острогъ стоячей малой, а другой острогъ косою, а межъ остроговъ течетъ рѣчка Олешна, а черезъ рѣчку Олешну межъ остроговъ на столбахъ устроень мостъ, а по тому мосту ѣздить изъ острогу въ острогъ; а въ меньшомъ острогѣ башня проѣзжая рубленая, да четыре башни глухихъ, да въ острогѣ жъ изба съ сѣнми, а по мѣрѣ около меньшова острогу двѣсти полчетверты сажени. А изъ большого острогу трои ворота съ башнями проѣзжіе, а въ острогѣ 403 двора пустыхъ, да 36 лавокъ, да четыре кузницы, да тридцать винокурень и пивоварень, 127 мѣсть дворовыхъ, а дворы сожжены, да отъ острогу противъ тѣхъ дворовыхъ мѣсть выжжено на 25 саженьяхъ, а по мѣрѣ того острогу 860 сажень. А около обѣихъ остроговъ копаны рвы и подѣланы надолобы дубовые. Да подъ меньшимъ

острогомъ на рѣчкѣ на Олешнѣ мельница, да отъ острогу въ трехъ верстахъ на той же рѣчкѣ другая мельница, да въ томъ же мѣстѣ побляску отъ той мельницы въ трехъ же верстахъ отъ острогу на рѣчкѣ на Сумѣрѣ мельница жъ, всѣ съ толчеями. А тѣ всѣ три мельницы и толчеи раззорены, изъ амбаровъ жерновы повыношены, и колеса и ступы и толкачи переломаны, и желѣзные всякіе мелничные снасти всѣ сняты и обломаны, и плотины разломаны, и пруды всѣ выпущены.

Да сверхъ посолскихъ договорныхъ записей отмежевано царского величества въ сторону изъ Королевскіе стороны:

Городъ Бобрискъ, за рѣкою за Пеломъ, на рѣчкѣ на Бобрискѣ, а въ немъ два острога: острогъ меншой по мѣрѣ 186 сажень, а въ немъ церковь деревянная во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да въ острогѣ жъ свѣтлица да изба, межъ ими стѣны, да конюшня новая большая, да три избы ветхи, да погребъ съ выходомъ, а другой острогъ большой, а по мѣрѣ кругомъ ево 1908 сажень. А въ острогѣ и за острогомъ на посадѣ и въ слободахъ 349 дворовъ, да девять лавокъ, да кузница, да двѣ винокурни, да двѣ пивоварни, да солодовня, да подъ городомъ на рѣчкѣ на Бобрискѣ мельница, да толчея, да четыре ступы.

Деревня Будиловка, на рѣчкѣ на Пелѣ, усть рѣчки Будиловки, а въ ней 18 дворовъ, да мельница.

Острожекъ Олшаной, на рѣчкѣ на Сулѣ, усть рѣчки Олешенки, а въ немъ 91 дворъ.

А принявъ города и остроги и слободы и засѣдаемое мѣсто со всякими угодами изъ Королевскіе стороны, и учинили межю отъ прежняго межеванья 154 году, отъ прилуцкіе дороги отъ копцовъ, по межѣ идучи прямо степью съ версту до копцовъ, на лѣвой сторонѣ копецъ царского величества, а на правой сторонѣ копецъ королевского величества; а отъ тѣхъ двухъ копцовъ ѣдучи прямо версты съ полторы два копца, на лѣвой сторонѣ копецъ царского величества, а на правой сторонѣ копецъ королевского величества; а отъ тѣхъ копцовъ съ версту возлѣ колокъ осиноый большой, а колокъ осиноый королевского величества въ сторонѣ, а отъ того колка ѣдучи двѣ версты два копца блиско дороги, что ѣздятъ изъ Путивля въ Литовской городъ Красной; а отъ тѣхъ дву копцовъ ѣдучи версты съ четыре прямо степью возлѣ дороги, что ѣздятъ изъ Путивля за рубежъ въ городъ въ Ромонъ, два копца, а отъ тѣхъ копцовъ ѣдучи черезъ тое дорогу версты съ три надъ логомъ два копца, противъ тѣхъ дву копцовъ въ сторонѣ царского величества въ перестрѣдѣ двѣ

берески; а отъ тѣхъ концовъ ѣдучи версты съ двѣ переѣхавъ логъ въ перестрѣль два копца, а отъ тѣхъ концовъ ѣдучи версты съ двѣ два конца, а отъ тѣхъ концовъ ѣдучи подъ гору съ версту вверхъ Сухова Ромна на долину противъ терновыхъ верховъ два копца, а на терновые верхи и рѣчка Тернъ въ сторонѣ царского величества; а отъ тѣхъ дву концовъ ѣдучи съ полверсты черезъ Лозу два копца, въ одномъ копцѣ въ сторонѣ королевского величества поставленъ крестъ деревяной, а отъ тѣхъ концовъ ѣдучи версты съ двѣ два копца, а противъ концовъ въ сторонѣ царского величества березовой колокъ да курганъ вывареной въ перестрѣль; а отъ тѣхъ дву концовъ ѣдучи версты съ двѣ промежъ бѣлаго березья на дву курганахъ два копца, а отъ тѣхъ концовъ ѣдучи версты съ три на болшомъ курганѣ копецъ опчей, а отъ того опчева копца ѣдучи двѣ версты черезъ вершину Бѣховскую на дорогѣ два копца, а отъ тѣхъ концовъ отъ вершины болота Бѣхавскаго ѣдучи съ версту на степи два копца, а отъ тѣхъ концовъ съ полверсты до логу и до болота, а логомъ и болотомъ вверхъ съ версту, а отъ верху болота и логѣ съ полверсты курганъ болшой старой, на немъ копецъ болшой опчей; а отъ того опчева копца до верху Малые Уси съ полверсты, а верхъ Малые Уси два копца, а отъ тѣхъ концовъ отъ верху Уси Малые на низъ рѣчкою Усью Малою версть съ пять до мельницы, а на той мельнице жорновы да шесть ступъ; а отъ мельницы Малою Усью внизъ до рѣки Сулы версты съ двѣ, гдѣ впала въ рѣку Сулу, а отъ прилуцкой дороги до верху Сухова Ромна и черезъ вершину Сухова Ромна и до вершины Уси Малые и рѣчкою Устью (sic) Малою до мельницы и отъ мельницы внизъ Усью Малою до рѣки Сулы, гдѣ впала Усь Малая въ рѣку Сулу: по лѣвую сторону земля и угодыя великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи самодержца и многихъ Государствъ государя и обладателя—его царского величества путивская, а по правой сторонѣ земля наяснѣйшаго и великого государя Владислава четвертаго Божією милостію короля Польского и великого князя Литовского и иныхъ—его королевского величества Черниговского и Черкасского уѣзду. А рѣчка Усь и на ней мельница по поламъ: половина рѣчки и мельницы царского величества, а другая половина той рѣчки и мельницы королевского величества. А отъ тѣхъ концовъ и отъ мельницы противъ устья Уси рѣки Малые, перешодчи рѣку Сулу, и отъ рѣки Сулы долиною и ржавцомъ, а на ржавцѣ по лѣвую сторону копецъ царского величества, а въ немъ береста, а по правую сторону копецъ королевского величества, а до тѣхъ концовъ отъ рѣки Сулы, что противъ устья Уси рѣки Малые, сажень со

ста, а отъ тѣхъ кощцовъ прямо на дубъ, а на немъ грань, а подлѣ дуба на лѣвой сторонѣ копецъ опчей царского величества и королевского величества, а въ немъ кладено черепья и кости; отъ того дуба и отъ конца у берегу рѣчки Недрыгайловки копецъ опчей царского величества и королевского величества, а въ немъ сыпано уголья и и береста и кости и черепья, а отъ того конца перешодчи рѣчку Недрыгайлиху (sic) копецъ опчей, а отъ того конца и отъ рѣчки Недрыгайловки на старой курганъ, а на немъ насыпанъ новой копецъ, а отъ того кургана полемъ на два конца, а отъ того конца на копецъ опчей что у долинки, а отъ того конца посередь Недрыгайловского пахатного поля на копецъ что надъ ложкомъ, а въ немъ сыпано уголье; а отъ того конца долинкою черезъ дорогу, что дорога изъ Недрыгайлова въ Берестовку, на лѣвой сторонѣ копецъ царского величества, а на правой сторонѣ дороги копецъ королевского величества, а отъ тѣхъ кощцовъ межа вверхъ долиною, и изѣхавъ всю долинку поверхъ тое долинки копецъ опчей: а отъ того конца черезъ дорогу, что ѣздятъ изъ Недрыгайлова въ Берестовку, и переѣхавъ тое дорогу и у той дороги копецъ, а отъ того конца полемъ у долинки, которая идетъ къ Сулѣ, два конца, и отъ тѣхъ кощцовъ на полъ два конца жъ, а отъ тѣхъ кощцовъ полемъ же противъ дубровы два конца, а та дуброва отошла царского величества въ сторону; а отъ тѣхъ кощцовъ черезъ болото на вывареной курганъ, а съ того вывареного кургана на меншой курганъ, а съ того меншого кургана переѣхавъ черезъ дорогу гадичкою два конца; а отъ тѣхъ кощцовъ перешедчи вершину Хоронскую два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ перешедчи другую вершину Хоронскую два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ и отъ вершины полемъ на два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ не доѣжая долины два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ переѣхавъ логъ на курганъ два конца; отъ того кургана на Глыбей лугъ, а литовские люди называютъ Круты яръ, а отъ того лугу на два дуба, на дубу двѣ грани царского величества, а около того дуба насыпанъ копецъ, а тотъ дубъ царского величества въ сторонѣ, а на другомъ дубу грань королевского величества и около того дуба насыпанъ копецъ же, и тотъ дубъ королевского величества въ сторонѣ; а отъ тѣхъ дву дубовъ идучи Глыбимъ логомъ и вышедчи изъ Глыбева логу два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ идучи подлѣ Глыбей логу по лѣвой сторонѣ и перешедчи ложокъ два конца; а отъ тѣхъ кощцовъ идучи къ рѣкѣ Груни, оставя старые подолки царского величества въ сторону, два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ прямо черезъ рѣку Грунь, а за рѣкою Грунью два конца, а отъ тѣхъ кощцовъ на старой курганъ, а

на томъ курганѣ учинены вновь два копца; а отъ тѣхъ копцовъ черезъ красную дубровку и черезъ бояракъ на дубъ виловатой, а на дубу грань, а около дуба копецъ, а отъ того дуба и конца черезъ врагъ и черезъ болото на старой курганъ, противъ вываренова кургана, оставя тотъ вывареной курганъ царского величества въ сторону, на немъ два копца; а отъ того конца и отъ копцовъ черезъ логъ два копца, а отъ тѣхъ копцовъ прѣхавъ къ болоту два копца жъ, а то болото идетъ въ рѣку въ Грунь, и переѣхавъ то болото у дороги, которую дорогою ѣздить изъ Гадича въ Озакъ, до Борку Филиповка, оставя весь королевского величества въ сторону, два копца; а отъ тѣхъ копцовъ перешедчи дорогу, которую ѣздить изъ Борку въ Каменное Городище, два копца, а отъ тѣхъ копцовъ переѣхавъ дорогу, которую ѣздить съ Цѣпковъ въ Каменное городище, и у той дороги два копца, а отъ тѣхъ копцовъ черезъ дорогу, которую ѣздить изъ Гадича въ Каменное Городище, и перешедъ тое дорогу противъ старыхъ кургановъ два копца жъ, а отъ тѣхъ копцовъ на два дуба, а на тѣхъ дубахъ насѣчены грани; а отъ тѣхъ дубовъ и отъ копцовъ до рѣки Псла, а у рѣки Псла на берегу два копца, а промежъ копцовъ на дубу насѣчены грани: и отъ рѣки Сулы до рѣки Псла по лѣвую сторону земля и угодья великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Руссїи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя—его царскаго величества Путивльская, а по правую сторону земля и угодья наяснѣйшаго и великаго государя Владислава четвертаго Божією милостію короля Польскаго и великого князя Литовскаго и иныхъ его королевского величества. А переѣхавъ рѣку Пселъ мимо сѣчь по долкову надо Псломъ два копца, а отъ тѣхъ копцовъ попоѣхавъ, на вязу на лѣвой сторонѣ слово русское *цы*, а на правой сторонѣ на волхъ королевского величества польское *вѣди*; а отъ тѣхъ копцовъ и отъ вязу и отъ волхи поѣхавъ черезъ рѣчку Бобрикъ Малой до селца Бобрика, а городъ Бобрикъ въ сторонѣ царского величества, вверхъ Псла рѣки во шти верстахъ, до дву копцовъ, а отъ тѣхъ копцовъ попоѣхавъ прямо въ дуброву съ полверсты два копца, а отъ тѣхъ копцовъ попоѣхавъ дубровою съ полверсты до дуба, а на немъ на лѣвой сторонѣ грань, а на правой сторонѣ польскіе *вѣди*; а отъ того дуба попоѣхавъ на дорогу, которая дорога лежитъ изъ Гадича въ Бобрикъ, мѣжъ дубовъ два копца, а отъ тѣхъ копцовъ попоѣхавъ дубровою немного на дубу двѣ грани, на лѣвой сторонѣ грань *мылете*, а на правой сторонѣ польскіе *вѣди*; а отъ того дуба поѣхавъ прямо дубровою, минувши сосновой борокъ въ сторону царского величества, до другой дороги Гадицкой,

что съ Бобрিকা, блиско берески до дуба два конца, а отъ тѣхъ копцовъ выѣхавъ изъ дубровы межъ березами два конца, а отъ тѣхъ копцовъ поѣхавъ черезъ поле Бобрিকা малаго межъ полями два конца, а отъ тѣхъ копцовъ поѣхавъ прямо черезъ насянное поле до горы степью черезъ лютелскую дорогу, что ѣздить изъ Лютелки въ Бобрикъ, идучи дорогою и выѣхавъ съ подола на гору къ степи выше лѣсу по правой сторонѣ два конца, а отъ тѣхъ копцовъ черезъ долину, оставя отъ тое долины дубровку въ королевскую сторону, и выѣхавъ на гору къ степи два конца; а отъ тѣхъ копцовъ черезъ двѣ дороги на верховину лѣска, что идутъ повыше того лѣска въ Бобрикъ жъ, переѣхавъ черезъ долину и верхъ лѣска и долины два конца, а отъ тѣхъ копцовъ переѣхавъ Гадницкую дорогу, что ѣздить въ Бобрикъ, на степи не доѣжаючи Грунскую вершину два конца, а отъ тѣхъ копцовъ переѣхавъ Грунскую вершину ниже лѣска и переѣхавъ долину на горѣ два конца, а отъ тѣхъ копцовъ на Грунской лѣсѣ Ташенскою степью прямо вверху вершины Грунской два конца, а отъ тѣхъ копцовъ до рѣки Груни ташенской у рѣки Груни два конца, а отъ тѣхъ копцовъ, перешедши черезъ болотцо и черезъ гору вверху по вершину и минувши два боярачка и вышедши изъ вершины, на горѣ на лѣвѣ два конца, а отъ тѣхъ копцовъ по вершинѣмъ рѣчки Груни переѣхавъ долину ниже лѣска отъ двухъ кургановъ не дошедъ другой долины два конца, а отъ тѣхъ копцовъ черезъ дорогу и долину и отъ долины межъ лѣсками на гору у дуба два конца, а отъ тѣхъ копцовъ, оставивъ осиновый бояракъ въ сторону царского величества и переѣхавъ дорогу, что ѣздить изъ Зинкова въ Хотмынское и въ Бѣль-Городъ и въ иные мѣста королевского величества люди и подлѣ дороги межъ лѣсками два конца, а отъ тѣхъ копцовъ переѣхавъ черезъ долину по лѣвой сторонѣ лѣска на полѣ близко кургана и дуба два конца, а отъ тѣхъ копцовъ межъ тремя могилами до рѣки Груни Черкасской и не дошедъ рѣки два конца, а отъ тѣхъ копцовъ черезъ рѣку Грунь ниже Богдаровой сѣчи два конца, а отъ тѣхъ копцовъ съ полянки прямо черезъ Букримовской лѣсѣ и пришедъ къ лѣсу на дву дубахъ двѣ грани на лѣвой сторонѣ царского величества, а на правой сторонѣ королевского величества полскіе *вѣди*; а отъ тѣхъ граней выѣхавъ въ лѣсѣ на лѣвой сторонѣ на липѣ грань, а на правой сторонѣ на клену грань, а межъ липы и клену пень дубовой сухой, а отъ тѣхъ граней переѣхавши до дорожки, которая пришла съ лѣвые стороны не доѣжаючи Журавинные поляны на лѣвой сторонѣ на липѣ грань, а на правой сторонѣ полскіе *вѣди*; а отъ тѣхъ граней ѣдучи Букримовскимъ лѣсомъ противъ Журавинной поляны на

лѣвой сторонѣ на липѣ грань, а на правой сторонѣ на дубу полскіе *стѣны*; а отъ тѣхъ граней ѣдучи лѣсомъ на вершины, которые пошли въ Ворскль и въ Грунь, на лѣвой сторонѣ на липѣ грань, а на правой сторонѣ на клену грань, а отъ тѣхъ граней спорнымъ гребенемъ межъ вершинъ, которые идутъ въ Ворскль, а другіе въ Грунь, на лѣвой сторонѣ на клену грань, а на правой сторонѣ на дубу грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи лѣсомъ на вершину, которая взялась съ правой стороны, на двухъ липахъ двѣ грани, а отъ тѣхъ липъ ѣдучи лѣсомъ и изѣхавъ на дорожку, которая пришла съ лѣва по обѣимъ сторонамъ дорожки, на лѣвой сторонѣ на клену грань, а на правой сторонѣ на липѣ грань, а отъ тѣхъ граней поѣхавъ дорошкою на лѣвой сторонѣ на дубу грань, а на правой сторонѣ на липѣ грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи лѣсомъ дорошкою на лѣвой сторонѣ на клену грань, а на правой сторонѣ на липѣ грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи лѣсомъ, оставя дорожку въ правую сторону, перешедъ долину малую, на дву липахъ двѣ грани, а противъ тѣхъ липъ съ лѣвой стороны долина, а попоѣхавъ долиною по лѣвой сторонѣ на березѣ грань, а на правой сторонѣ на клену грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи лѣсомъ подлѣ тогожъ долу на лѣвой сторонѣ на дубу грань, а на правой сторонѣ на липѣ грань, а отъ тѣхъ граней съѣхавъ на дорожку, которая пришла съ правую сторону по обѣимъ сторонамъ тое дорожки, на лѣвой сторонѣ на липѣ грань, а на правой сторонѣ на клену грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи дорошкою, которая раздѣлилась на двое, на лѣвой сторонѣ на березѣ грань, а на правой сторонѣ на липѣ грань, а отъ тѣхъ граней ѣдучи дорошкою прямо на дву дубахъ грани, а отъ тѣхъ дубовъ ѣдучи лѣсомъ вверхъ Скедскихъ вершинъ около березки на двухъ старыхъ дубахъ грани, на лѣвой оторонѣ *цы*, а на правой сторонѣ грань, а отъ тѣхъ дубовъ дорошкою подъ гору къ кринейцы и въ той криницы на дву осинахъ двѣ грани; а отъ тѣхъ осинъ на низъ тою криницею до рѣки Ворскля и до Скедскихъ горъ, а на Скедской горѣ валь отъ лѣса Старого Городища, а въ томъ же Городищу по конецъ горы надъ Ворскломъ одиннатцать сосенъ, а надъ соснами и надъ рѣкою Ворскломъ два камня самородные великіе, по конецъ горы на лѣвой сторонѣ камень восгрый царского величества, а на правой сторонѣ камень плоской королевского величества, а въ букримовскомъ лѣсу поляна журавина и буда въ сторонѣ царского величества, а перешедши Ворскль отъ Скедскихъ горъ къ Муравскому шляху на рѣчку Котелву и на курганъ вывареной до Колонтаевоы гадки, которая на рѣкѣ Мерлѣ, а за тою гаткою и Мерломъ Муравской шляхъ и по тое Колон-

таеву гатку на лѣвой сторонѣ земля и угоды великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя—его царского величества Путивльскаго уѣзду, а на правѣ земля и угоды наенѣйшаго и великого государя Владислава, четвертаго Божією милостію короля Польскаго и великого князя Литовскаго и иныхъ—его королевскаго величества Черкаская. А застѣдалые мѣста и пасѣки и всякія угоды, о которыхъ писали къ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи Путивльскіе воеводы по Терну и по рѣкѣ пѣ Сулѣ и по рѣкѣ Ольшанкѣ и по Пелу и которые застѣдалые жѣ мѣста и пасѣки и всякія угоды, по государевѣ царевѣ и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамотѣ и противъ Хотмышскаго и Волновскаго воеводъ отписокъ и росписей, по рѣкѣ по Братеницѣ и по Рабыни и по Мерчыку и по вершинѣ Городенской отмежеваны царского величества въ сторону всѣ, а по Мерлѣ по Колонтаеву гадку пасеки и всякіе угоды отмежеваны въ сторону царского жѣ величества на пятидесяти верстахъ.

А на межеванѣ были царского величества Путивльскіе старожилцы—путивльцы: Никифоръ да Петръ Михайловы дѣти Яцины и Степанъ Леонтьевъ сынъ Золотаревъ, Григорей Устиновъ сынъ Титовъ, Микита Ивановъ сынъ Бунякинъ, Данила Васильевъ сынъ Малого, Семенъ Васильевъ сынъ Золотаревъ, Аванасей Романовъ сынъ Коровяковской, Козма Зиновьевъ сынъ Титовъ, Богданъ Федоровъ сынъ Кривошипинъ, Василей Ивановъ сынъ Новиковъ, Федоръ Степановъ сынъ Огрысковъ, Федоръ Михайловъ сынъ Забѣлинъ, Денисъ Михайловъ сынъ Лещинской;—черниговцы: Дмитрей Остафьевъ сынъ Горбуновъ, Кондратей Микифоровъ сынъ Вишневакой, Филиппъ Сергѣевъ сынъ Рыловъ;—путивльскіе жѣ: верстаной казакъ Терѣхъ Осиповъ сынъ Селивановъ, да донскіе кормовые казаки: Захаръ Ивановъ сынъ Хомтолинъ, Иванъ Ермолаевъ сынъ Бѣлой, да полковые казаки: Куземка Пенцовъ, Костыка Клетьевъ, Юшка Малого, Агафонка Ляховъ, Андришка Домашовъ, пушкарь Герасимко Шульгинъ, затинщикъ Митка Селянинъ, посацкіе люди: Лучка Русиновъ, Данилка Моклаковъ, Савка Филинъ, Микулка Бѣтовъ, Степанка Шопинъ, Ивашко Семнинъ, Илюшка Угримовъ, Юшка Бѣлицкой, Андришка Логиновъ, Николы Великорѣцкаго попа Алексѣя да дьякона Степана бобыль Юрка Пердуновъ;—полскіе старожилцы: изъ Лохвицы Федька Грицкой, Демка Зеленой;—да съ Пирятина Пархомъ Аванасенко, села Дудки Иванъ Дудка, да села Плешивки ляхна, да изъ Мирѣ-Городка Пархомъ Зиновьевъ.

Къ симъ межевымъ книгамъ столникъ Замятня Левонтъевъ руку приложилъ. Къ симъ межевымъ книгамъ Ѳедоръ Мякининъ руку приложилъ. Къ симъ межевымъ книгамъ діакъ Григорей Пятово руку приложилъ (межевыя дѣла по Малороссіи, кн. 7, л. 57—71.)

2. Лѣта 7155-го октября въ 6 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всея Руссіи указу и по отпискѣ изъ Белагорода боярина и воеводы князя Никиты Ивановича Одоевскаго, воевода князь Микифоръ Ивановичъ Белосельской съ Вольнова вѣдилъ и досматривалъ и мѣрилъ въ Вольновскомъ уѣздѣ по обѣ стороны рѣки Ворскла, внизъ по Ворсклу отъ Хотмышскаго уѣзду отъ Раковыхъ горъ до Лосицкаго острогу по русской сторонѣ, а вверхъ по Ворсклу отъ Лосицкаго острогу по Крымской сторонѣ до Хотмышсково жъ уѣзду до Раковыхъ же горъ, и велѣлъ описать, сколько въ Вольновскомъ уѣздѣ и въ Лосицкой волости обѣ стороны рѣки Ворскла какова лѣса по рѣкѣ по Ворсклу, и сколько перепалаяней по досмотру и по мѣрѣ, и что по досмотру и по мѣрѣ отъ Хотмышскаго уѣзду отъ Раковыхъ горъ до Лосицкаго острогу и гдѣ мочно какіе крѣпости дѣлать, чтобъ татаромъ черезъ рѣку Ворсколь пройти было не мочно въ тѣхъ мѣстахъ, а каковы лѣса и многоль перепалаяней и сколько тѣхъ лѣсовъ и перепалаяней по мѣрѣ отъ Раковыхъ горъ до Лосицкаго острогу и мочно какіе крѣпости дѣлать, и то писано въ сей книгѣ подлинно порознь по статьямъ:

Внизъ по рѣкѣ по Ворсклу отъ Хотмышскаго уѣзду отъ Раковыхъ горъ по мѣрѣ до Углицкаго стоялаго острожку, гдѣ съ Вольнова стоятъ сторожи, три версты. А на тѣхъ на трехъ верстахъ отъ Ракова острожка да Углицкаго два перепалаянье.

Первое перепалаянье 50 сажень, а другое перепалаянья 50 сажень подъ Углицкимъ острожкомъ.

И отъ Ракова острожка отъ Хотмышскіе засѣки почели Вольновскіе стрѣльцы засѣку засѣкать. И отъ Ракова острожка до Углицкова гдѣ лѣсъ и тутъ лѣсной заваль сѣченъ.

А на дву перепалаяньяхъ лѣсу на двѣ сажени и на тѣхъ перепалаяньяхъ тотъ лѣсъ на двѣ сажени посѣченъ.

А подъ Углицкимъ острожкомъ перепалаянья 75 сажень, лѣсу нѣтъ, и то перепалаянье половина закрѣплена надолбами и по то мѣсто стрѣльцы засѣку покинули дѣлать.

А подъ Углицкимъ острожкомъ лѣтомъ бываетъ Ворсколь рѣка мелка и уска, человекъ перескочить.

А отъ Углицкаго острожка до Вольновскихъ до стрѣлецкихъ

слободъ по мѣрѣ пять верстъ триста двадцать пять сажень. А на тѣхъ верстахъ до стрѣleckихъ слободъ семь перепаланной:

Первое перепаланье 150 сажень, другое перепаланье 375 сажень, третье перепаланье 375 же сажень, четвертое перепаланье 350 сажень, пятое перепаланье 350 же сажень, шестое перепаланье 150 сажень, седьмое перепаланье 80 сажень.

А отъ Углицкого острожку гдѣ лѣсъ и тутъ лѣсного завалу не сѣчено. А на перепаланьяхъ индѣ лѣсу есть на полсажени и тотъ лѣсъ не сѣченъ же.

А ниже Стрѣleckой слободы, на рѣкѣ на Ворсклу, подъ Вольнымъ, государева мельница, а ниже тое мельницы Пушкарская и Казачья слобода. И отъ Казачей слободы внизъ же по рѣкѣ по Ворсклу по мѣрѣ до Мокрой сторожи, гдѣ стоитъ стоялой острожекъ, а въ томъ острожкѣ стоятъ Вольновскіе сторожи, и по тотъ острожекъ отъ Казачей слободы семь верстъ двадцать пять сажень.

И до тое сторожи отъ Казачей слободы лѣсъ съ русскою сторону, а перепаланной нѣтъ и до Мокрой никакихъ крѣпостей не дѣлано.

А подъ острожкомъ подъ Мокрымъ гора крута, а по горѣ лѣсъ рѣдокъ, а по мѣрѣ тое горы по то мѣсто, въ которомъ мѣстѣ изъ острожка сторожи воду берутъ, триста семдесятъ пять сажень; и та гора мочно укрѣпить тѣмъ лѣсомъ, и та гора ничѣмъ не крѣплена. А отъ тово мѣста перепаланье сто сажень и то не крѣплено. А отъ тово перепаланья лѣсу тысяча четыреста сажень. И отъ тово лѣсу пришло перепаланье сто двадцать пять сажень, съ рускою сторону лѣсу есть въ ширину на сажень, а съ крымской стороны лѣсу нѣтъ.

И по то мѣсто Вольновскіе казани застѣлу покинули сѣчь.

А на томъ перепаланнѣ съ рускою сторону, что лѣсъ былъ на полсажени, и тотъ лѣсъ посѣченъ. А отъ тово перепаланья до Зеленчева кургана полтрети версты. А отъ тово перепаланья до Зеленчева кургана четыре перепаланья: первое перепаланье 75 сажень, съ рускою сторону лѣсу въ ширину на сажень, а съ крымскою сторону лѣсъ большой, и съ рускою сторону тотъ лѣсъ застѣченъ, а съ крымскою сторону не застѣченъ; другое перепаланье 50 сажень, съ русской стороны лѣсу нѣтъ, а съ крымскою сторону лѣсъ, и то перепаланье не крѣплено; третье перепаланье 350 сажень, съ русской стороны лѣсу есть на три сажени, а съ крымской стороны лѣсъ большой, и съ рускою сторону лѣсъ застѣченъ, а съ крымскою сторону лѣсъ не сѣченъ; четвертое перепаланье 260 сажень, съ русской стороны лѣсу на сажень, а съ крымскою сторону лѣсъ, и съ рускою сторону лѣсъ застѣченъ. А тѣ перепаланья промежъ лѣсовъ и тѣ лѣса

съ рускою сторону до Зеленчева кургана засѣчены, а съ крымскою сторону засѣка не сѣчена.

А отъ Зеленчева кургана до Ворсклицкаго устья, гдѣ рѣка Ворсклица впаде въ Ворсколь, девять верстѣ шестьсотъ двадцать пять сажень, и въ томъ мѣстѣ лѣсъ съ рускою сторону, а перепалаяней нѣтъ, а рѣка Ворсколь въ тѣхъ мѣстѣхъ во многихъ мелка и уска глѣтомъ бываетъ.

И отъ Зеленчева кургана до урочища до Вилъ до рѣки Ворсклицы двѣ версты, и въ томъ мѣстѣ засѣка не сѣчена, потому что то мѣсто ниско и въ осень дождемъ налило, стала вода и грязь большая, засѣчь была нельзя.

И по рѣку Ворсклицу Ницавская волость, въ каторой волости Вольной городъ поставленъ.

А отъ рѣки Ворсклицы пошла Лосицкая волость, въ каторой волости Лосицкой острогъ поставленъ, и тою волостью Лосицкою Вольновцы не владѣють.

Въ отъ того мѣста на Лосицкой острогъ, по государеву указу, боярлинъ и воевода князь Никита Ивановичъ Одоевской о той волости на Вольнов къ воеводѣ ко князю Микифору Ивановичю Белоселскому писалъ, велѣлъ тое Лосицкую волость по Ворсклу засѣки завѣкать Хотмышеномъ, потому что Лосицкой острогъ вѣдають изъ Хотмыши воеводы.

А въ Лосицкой волости отъ рѣки Ворсклицы до рѣки до Баровни пятнадцать верстѣ по Ворсклу съ рускою сторону съ одною лѣсъ ширекъ, мочно быть лѣсному завалу. А отъ рѣки Баровни до Лосицкаго острогу пять верстѣ, по Ворсклу лѣсъ съ одною сторону мочно лѣсному завалу.

И октября въ 11 день, воевода князь Микифоръ Ивановичъ Белоселской прѣвхалъ въ Лосицкой острогъ и у сотника у Захара Коешова спрашивалъ, въ каторомъ мѣстѣ ему черезъ рѣку Ворсклу перепалаяней на Крымскою сторону для досмотру лѣсовъ и перепалаяней по рѣкѣ по Ворсклу. И сотникъ Каѣоновъ сказалъ: есть де ниже Лосицкаго острогу въ трехъ верстахъ черезъ рѣку Ворсколь бродъ дорога большая проложена на степь, а проложили де тое дорогу Литовскіе люди, ѣздятъ изъ своихъ городовъ въ пасеки и въ Бѣлгородъ и въ Чугуевъ.

И въ томъ мѣстѣ черезъ рѣку Ворсколь на Крымскую сторону воевода князь Микифоръ Ивановичъ Белоселской съ Вольновскими служилыми людьми перепалаяней и досматривалъ съ Крымской стороны вверхъ по Ворсклу лѣсовъ и перепалаяней. А по досмотру тотъ бродъ

что Литовскіе люди проложили добръ мѣлокъ, въ томъ мѣстѣ Татарава проидуть, а съ русской стороны на томъ броду лѣсу нѣтъ, а съ Крымскою сторону лѣсъ болшой, мочно тотъ бродъ укрѣпить. А тотъ бродъ проложили Литовскіе люди, межъ Лосицкаго острогу и Литовского городка Алешки, отъ Алешки по сказкѣ знатцовъ семь верстѣ.

А по досмотру съ Крымской стороны, вверхъ по Ворсклу въ Лосицкаѣ волости по Ницанекою волость до Янкова рогу, лѣсъ болшой, перепаланей нѣтъ, мочно быть лѣсному завалу.

И въ тѣхъ мѣстѣхъ крѣпить засѣки засѣкать Хотмышеномъ. А отъ Янкова рогу въ Ницанской волости до уетья рѣчки Рабыни, гдѣ впала въ Ворскель, перепаланья въ трехъ мѣстѣхъ:

Первая перепаланье полверсты, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону лѣсъ есть, съ крымской стороны крѣпостей не дѣлано, а съ рускою сторону лѣсной завальъ засѣченъ, потому что Вольновцы съ рускою стороны мочели лѣсной завальъ сѣчь противъ Янкова рогу. А другое перепаланье 125 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской стороны лѣсъ есть, съ крымской стороны никакихъ крѣпостей не дѣлано, а съ рускою сторону лѣсной завальъ сѣченъ. Третья перепаланье 425 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской стороны лѣсъ, съ крымской стороны крѣпостей не дѣлано, а съ рускою сторону лѣсной завальъ сѣченъ.

Да за рѣчкою за Рабыню межъ Доброго колодезя перепаланье 250 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону лѣсъ есть, и тутъ лѣсной завальъ сѣченъ, а съ крымскою сторону крѣпостей не дѣлано, а за Добрымъ колодеземъ перепаланье 325 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской стороны лѣсъ есть, и тутъ лѣсной завальъ сѣченъ, а съ крымскою сторону крѣпостей не дѣлано.

А не доѣзжая Мсирой прости перепаланье 200 сажень, съ крымской стороны лѣсу есть въ ширину на сажень, а съ русской и съ крымской стороны не крѣплено, потому что по то мѣсто лѣсной завальъ покинули сѣчь съ русской стороны. А на Мокрой прости противъ стоялаго Мокрого острожка, гдѣ съ Вольнова сторожи стоятъ, перепаланье 825 сажень, а на той перепаланьѣ рѣтко березникъ и тутъ съ крымской стороны крѣпостей не дѣлано. А съ рускою сторону перепаланья же 100 сажень, по то мѣсто пока мѣста сторожи изъ Ворскла воду емлютъ изъ Мокрова острожка, и тутъ крѣпостей не дѣлано жъ. А отъ того мѣста противу того перепаланья, что съ крымской стороны, и съ рускою сторону гора крута, а во горѣ рѣтко дубъ и тутъ съ рускою сторону крѣпостей не дѣлано.

А не доѣзжая Ступина городища съ русской стороны по та мѣста два перепалыня съ крымской стороны: одно 225 сажень, а другое перепалыне 300 сажень, а на тѣхъ на перепалыняхъ съ крымскою сторону лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону лѣсъ большой и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано. А противу Ступина городища перепалыне 300 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано.

А выше Ступина городища три перепалыня: первая перепалыне 125 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской стороны лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано; другое перепалыне 75 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской стороны лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано; третья перепалыне 325 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ русской лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано.

А не доѣзжая Казачей слободы перепалыне 62 сажени, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ съ обѣ стороны крѣпостей не дѣлано. А противу Казачей слободы перепалыне 150 сажень, съ крымскою сторону крѣпостей не дѣлано, а съ рускою сторону лѣсной заваль завалентъ.

Подъ городомъ ниже мельницы два перепалыне: первое перепалыне 100 сажень, съ крымскою сторону лѣсу нѣтъ и тутъ съ крымскою сторону навоза завалилъ лѣсомъ, а съ рускою сторону лѣсной заваль есть; а другое перепалыне 125 сажень, съ крымскою сторону лѣсу нѣтъ и тутъ поставлены надолбы дубовые двойные, а съ рускою сторону лѣсной заваль есть.

А отъ таво перепалыня съ крымскою сторону до мельницы противу слободъ лѣсъ и тотъ лѣсъ весь посѣченъ, а въ ширину таво лѣсу въ широкомъ мѣстѣ на сто сажень, а въ иномъ мѣстѣ менши. А отъ тово лѣсу дорога противу поляны, ѣздить тою дорогою съ Вольнова станичники и казаки на лождѣ черель мельницу, и на той дорогѣ поставлены надолбы съ крымскою сторону. Да повыше мельницы перепалыне отъ той дороги противу Стрѣлецкихъ слободъ вверхъ по Ворожу 250 сажень, съ крымской стороны лѣсу нѣтъ, а съ рускою сторону Стрѣлецкая слобода и тутъ лѣтомъ воинскимъ людемъ пройти не мочно, потому что большая вода отъ мельницы и болота, а зимою и многимъ воинскимъ людемъ пройти мочно, лѣсъ въ водѣ погнилъ и повалился въ воду, а иной высеченъ въ прежніе годы, какъ городъ ставили и селили.

Да вверху же по Ворсклу переполынье 300 сажень, съ крымской стороны лѣсъ есть и въ томъ мѣстѣ не крѣплено съ обѣ стороны. А выше тово до Углицкого острожка шесть перепалыней: одно 250 сажень, а другое 150 сажень, третье 300 сажень, четвертое 250 сажень, пятое 250 же сажень, шестое противу Углицкого острожку, гдѣ стоятъ Вольновскіе сторожи, 150 же сажень. А на тѣхъ перепалыняхъ съ крымскою сторону лѣсовъ нѣтъ, а съ рускою сторону лѣса и то съ обохъ сторонъ лѣса и перепалыней до Углицкого острогу не крѣплено.

А отъ Углицкого острожка съ крымскою сторону два перепалынье по мѣрѣ 74 сажень и противъ тѣхъ перепалыней съ рускою сторону отъ Углицкого до Ракова острожка засѣки засѣчены, соткнуты съ Хотмышскими засѣками. И отъ Хотмышскаго уѣзду отъ Рановыхъ горъ воевода князь Микифоръ Ивановичъ Белосельской октября въ 18 день прїѣхалъ на Вольное и противъ своего досмотру Вольновскимъ служилымъ людямъ съ обѣ стороны рѣки Ворскла велѣлъ засѣки засѣкать въ ширину на пятьдесятъ сажень, а на перепалыняхъ всякіе крѣпости дѣлать. (Писцовая и отказная кн. 43, л. 282—397).

3. Мирныя книги съ описаніемъ мѣстъ, въ которыхъ устроены сторожи.

Лѣта 7160 г. сентября въ 6 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу и по наказу боярина и воеводы князя Бориса Александровича Репнина, за приписью дьяка Дмитрія Карпова, Елизарей Ивановичъ Яковлевъ да подъячей Зиновка Марковъ ѣздили въ городъ Обоянской и отъ рѣки ото Псла, отъ устья рѣчки Пвны къ Бакаеву шляху и черезъ Бокаевъ шляхъ до Ворскольскихъ черней и къ рѣкѣ Ворсклу, да отъ Гочевского городища вверху по рѣкѣ по Пелу, межъ рѣчекъ надрямъ, до Обоянскаго города, и что межъ городовъ Бѣлагограда и Курска и Болхового и Карпова и Хотмышскаго и Волного и Олешны и Каменева и Недрыгайлова и Обоянскаго верстѣ, и сколько на тѣхъ мѣстахъ межъ городовъ сторожъ и въ которомъ мѣстѣ учинены сторожи, и того всего смотрели и мѣрили накрѣпко, и что отъ тѣхъ отъ новыхъ городовъ до Путивля и до Рыльска и до Сѣвска и къ которому мѣсту отъ рѣки ото Псла, отъ устья рѣчки Пвны, черезъ Баклей шляхъ къ рѣкѣ къ Ворсклу черта приведена и то писано въ сей книгѣ подалинно по статьямъ.

Отъ рѣки ото Псла, отъ устья рѣчки Пвны, до Никольскаго колодезя восемь верстѣ 940 сажень и на тѣхъ осми верстахъ на 940 саженьяхъ бытъ земляному валу.

А Никольской колодезь, ржавецъ, черезъ его переѣхать во многихъ мѣстахъ мочно, поперегъ того колодезя 60 сажень и на томъ Никольскомъ колодезѣ быть острогу.

А отъ Никольскаго колодезя до рѣки Ракитны четыре версты 200 сажень и на тѣхъ четырехъ верстахъ на 200 саженьяхъ быть земляному валу.

А рѣчка Ракитна, ржавецъ, и черезъ тое рѣчку переѣхать во многихъ мѣстахъ мочно, поперегъ той рѣчки 100 сажень, а вода стоять озерами, и на рѣчкѣ Ракитнѣ быть острогу.

А отъ рѣчки Ракитны до Бокаева шляху 3 версты 400 сажень.

А Бакаевъ шляхъ до верховья рѣчки Готни 300 саж.

А отъ Бакаева шляху, внизъ по рѣчкѣ Готни, до плоть 3 версты 30 сажень.

И отъ рѣчки Ракитны черезъ Бакаевъ шляхъ до Готневскихъ плотей.

А Готневская плота, ржавецъ, переѣхать мочно, а поперегъ той плотей 80 саж., а другая плота 20 саж., и на тѣхъ Готневскихъ плотяхъ быть острогу, а межъ тѣхъ плотей сухова мѣста 40 саж. и на тѣхъ сорока саж. быть торасомъ.

А отъ Готневскихъ плотъ до Ворсклинскихъ черней до большого лѣсу верста 300 сажень и на той верстѣ трехъ сотъ саж. быть земляному валу.

А отъ большого черного лѣсу до рѣчки Локны двѣ версты 400 саж., да до засѣки двѣ версты, и въ томъ большомъ лѣсу быть засѣки.

А приведена черта выше Хотмышского города въ 4 верстахъ. А другою чертою отъ Инорогу, отъ Жерновной яруги до лѣсу 5 верстъ 500 саж., и на тѣхъ 5 верстахъ на 500 саж. быть земляному валу, а въ Жерновной яруги вода.

А гдѣ приведена другая черта и тотъ черной лѣсъ въ длину полторы версты, поперегъ ево 900 саж., и на тѣхъ 900 саженьяхъ быть въ томъ лѣсу засѣки.

А отъ того лѣсу до колодезя Тростенца полово мѣста 200 саж., и на тѣхъ двустахъ саж. быти земляному валу.

А колодезь Тростенець идетъ по ржавцу, переѣхать черезъ него не мочно, а поперегъ ево 100 сажень, и на томъ колодезѣ быть острогу.

А около колодезя Тростенца черного большого лѣсу до рѣки Ворскла до засѣки 8 верстъ и въ томъ въ большомъ лѣсу быть за-

сѣки до рѣки Ворскла и до старой застѣки. А приведена черта по другому мѣсту ниже Хотмышского города въ дву верстахъ.

И всего отъ рѣки ото Псла отъ устья рѣчки Пѣны другою чертою, въ которомъ мѣстѣ быть земляному валу и деревяннымъ крѣпостямъ и застѣки, 31 верста 700 сажень. А дѣлать тѣ крѣпости отъ рѣки ото Псла, отъ устья рѣчки Пѣны, черезъ Бакаевъ шляхъ, до рѣки Ворскла лѣтнею порою.

Да отъ Гочевского городища, вверхъ по рѣкѣ по Пселу, до устья рѣчки Рыбницы 722 саж. А поперегъ рѣчки Рыбницы 3 сажени. А отъ устья рѣчки Рыбницы до устья рѣчки Пѣны 824 саж., поперегъ рѣчки Пѣны 6 саж. А отъ устья рѣчки Пѣны до сторожевой поляны и до мосту, что мостъ черезъ рѣку Псельъ, 1300 саж. А отъ сторожевой поляны и отъ мосту до устья рѣчки Ивицы 1700 саж. А отъ устья рѣчки Ивицы до устья рѣчки Каменки 707 саж., да черезъ рѣчку мостъ 12 саж. А отъ устья рѣчки Каменки до устья рѣчки Туровицы 1854 саж., поперегъ рѣчки мосту 4 саж. А отъ рѣчки Туровицы до устья рѣчки Услоницы 2 версты 178 саж., да черезъ рѣчку Услоницу мосту 4 саж. А отъ рѣчки Услоницы до устья рѣчки Трубежа 2 версты 73 саж., да черезъ рѣчку 4 саж. А отъ рѣчки Трубежа до устья рѣчки Солотины 700 саж., черезъ рѣчку Солотину 4 саж. А отъ рѣчки Солотины до Обоянского города 800 саж. И всего отъ Гочевского городища вверхъ по рѣкѣ по Пселу напрямъ до Обоянскаго города 12 верстъ 895 саж.

Да межъ городовъ: отъ Бѣла-города до Болховаго города 4 версты 350 саж.

Отъ Болховаго города до Карпова 8 верстъ.

Отъ Карпова города до Хотмышского города 20 верстъ.

Отъ Хотмышского города до Волноваго города 19 верстъ, а на дорогѣ 3 сторожи: сторожа въ острожкѣ на Пробойной горѣ, сторожа въ острожкѣ на Раковыхъ горахъ, сторожа въ Углицкомъ острожкѣ, а стоятъ на тѣхъ сторожахъ Хотмышане служилые люди.

А отъ Волнова города до города Олешны 27 верстъ 300 саж., а пониже Волнова города сторожа на рѣкѣ Ворсклу на Мокрой прости.

А отъ города Олешны до города Каменева 17 верстъ, а на дорогѣ у Олешенскихъ надолбъ стоитъ сторожа — Алешенцы служилые люди.

А что былъ городъ Бобрискъ и нынѣ тутъ учиненъ стоялой острожекъ, а въ немъ стоитъ застава—Каменцы служилые люди. А изъ того стоялого острожку ѣздить на сторожу и стоять на Бокаевѣ

шляху въ Яругѣ, противъ Воронова кургана, и смотреть на Бокаевъ шляхъ. Да на Подолковской дорогѣ на Рогу сторожа.

А отъ Камешева города до города Недрыгайлова 32 версты 620 саж., а на дорогѣ стоитъ сторожа, на Будилловскомъ перелазѣ, а тотъ Будилловской перелазъ черезъ рѣку Пселъ.

А отъ Недрыгайлова города до города Путивля 31 верста.

А отъ города Путивля до города Сѣвска 59 версть.

А отъ города Сѣвска до города Рыльска 35 версть.

А отъ города Рыльска до Хотмышского города 90 версть.

А отъ Карпова до Обояни 29 версть. А отъ Курска до Бѣлагограда 72 версты 700 саж. (Писцов. кн. 43, л. 226—236).

4. Книги строившия Новою Острогожскою острога.

Лѣта 7161-го ноября въ 7 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, воевода Федоръ Юрьевичъ Арсеньевъ устроилъ, на Острогожскомъ городищѣ, Новый Острогожскій острогъ весь въ дубовомъ лѣсу, въ толстомъ концѣ 9 вершковъ, а въ отрубѣ 7 вершковъ, а въ вышину тотъ острогъ отъ земли до обломовъ 2 саж. съ аршиномъ, въ земли того острожнаго лѣсу сажень, облары по всей острожной стѣнѣ брусяные, рублены въ дубовомъ лѣсу въ три брусъ въ замокъ въ цѣпы, а брусъя облары въ отрубѣ 7 вершковъ, въ вышину облары пол-сажени, а облары здѣланы кругомъ всего острогу и башень, сверхъ обломовъ по всему острогу положено по три коты толстыхъ дубовыхъ въ отрубѣ полуаршина, а по острогу поставлены девять башень, рублены въ дубовомъ въ такомъ же толстомъ лѣсу.

Башня проѣзжая Московскіе ворота рублена въ шесть стѣнъ а въ ней отъ земли до обломовъ 60 вѣнцовъ, а облары рублены въ дубовомъ лѣсу брусеные въ шесть же стѣнъ въ замокъ въ четыре вѣнды, облары въ вышину сажень безъ чети, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ въ шесть стѣнъ же, въ вышину того шатра пол-пята сажени, а на верхѣ шатра здѣланъ чердакъ дощатой въ шесть стѣнъ, столбы точеные, кругомъ того чердака семь сажень съ полуаршиномъ а въ вышину тотъ чердакъ до верхова шатра двѣ сажени безъ чети, сверхъ чердака здѣланъ шатеръ на станилахъ, въ вышину того шатра сажень съ четью, а межъ угловъ та башня три сажени безъ чети, стѣна, а въ ней поперегъ пять сажень съ четью, а кругомъ всей башни съ углами 18 сажень, а въ вышину та башня отъ земли до облака 20 сажень безъ чети, а за острогомъ той башни выставлено 5 сажень, въ острогѣ сажень безъ аршина, а покрыта та башня дубовымъ тесомъ зубчатымъ съ прибойны и съ педзоры и съ горбыли,

а тесь прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ; а въ той башни здѣланы ворота дубовые брусяные въ замокъ въ два щита, противъ той башни и противъ воротъ черезъ ровъ здѣланъ мостъ дубовый съ перилами, а въ башни здѣланы два шатра, четыре мосты съ лѣсницы и съ перилы, пятой мостъ оверхъ шатра въ чердакъ, да въ той же башнѣ здѣланъ поземной бой, да на четырехъ мостахъ четыре бои, а мосты въ башняхъ и лѣсницы дубовые, а съ той башни съ воротъ московскихъ съ верхнева чердака видить въ стѣнь за рѣку за Тихую Сосну версть на 30 и болши до Марковскихъ и до Лисковскихъ вершинъ и до Татарина липяга, а по другую сторону по рѣкѣ по Соснѣ до Олшанского острогу и Олшанскіе поля какъ ѣздить и пашутъ и за Олшанской острогъ до Чесночнаго и до Мелового броду видити ворота, засовъ и пробой. А отъ той проѣзжей башни отъ московскихъ воротъ до угольной острогощенской башни острожные стѣны 50 сажень,

Башня угольная рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны стѣна межъ угловъ по двѣ сажени, а всей башни кругомъ съ углы 10 сажень, отъ земли той башни до обламовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнца, въ вышину обламы пол-сажени, оверхъ обламовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусомъ, въ вышину шатра до яблока пол-четверты сажени, всей башни отъ земли въ вышину до яблока пол-осмы сажени, а покрыта та башня тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры, тесь прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ, а за острогъ той башни выставлено полторы сажени, а въ острогѣ пол-сажени, да въ той же башни два моста дубовые съ лѣсницы и съ перилы, на мостахъ бои на всѣ стороны. А отъ той наугольной башни до Коротояцкой проѣзжей башни острожные стѣны 38 сажень.

Башня проѣзжая Коротояцкая рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны, межъ угловъ стѣна по три сажени, всей башни кругомъ 12 саж.; отъ земли до обламовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину пол-четверты сажени по обламы, а обламы вырублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ, въ вышину обламы пол-сажени, оверхъ обламовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусомъ, въ вышину шатра отъ обламовъ до яблока пол-четверты сажени, всей той башни въ вышину до яблока пол-осмы саж., а за острогъ выставлено той башни двѣ сажени съ аршиномъ, въ острогѣ сажень безъ аршина, а покрыта та башня дубовымъ тесомъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры, а тесь при(би)ванъ гвоздемъ желѣзнымъ, да въ той же башни здѣланы два моста дубовыхъ съ лѣсницы и съ

перилы, а на мостахъ бои на всѣ стороны, а противъ той башни черезъ ровъ здѣланъ дубовый брусяной мостъ съ перилы; да въ той же башни здѣланы ворота въ два щита дубовые въ замки, въ ворота жъ прибиты засовъ желѣзной и пробой. А отъ той проѣзжей Коротояцкой башни острожные стѣны 39 сажень съ четью.

Башня наугольная Пытачная рублена въ четыре стѣны въ дубовомъ лѣсу, межъ угловъ стѣна по двѣ сажени съ четью, кругомъ всей башни 10 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину до обламы пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, въ вышину обламы пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусковъ, въ вышину шатра отъ обломовъ до яблока пол-четверты сажени; всей башни въ вышину отъ земли до яблока пол-осмы сажени, а за острогъ той башни выставлено полторы сажени, въ острогѣ полсажени съ четью; а та башня покрыта тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры; да въ той же башни здѣланы два мосты дубовыхъ съ лѣсницы и съ перилы, на мостахъ бои во всѣ стороны. А отъ той наугольной Глухой (sic) башни до Троецкой проѣзжей башни острожные стѣны 42 сажени.

Проѣзжая Троецкая башня рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны, межъ угловъ стѣна по три сажени безъ чети, кругомъ всей башни 11 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, а въ вышину по обламы пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, въ вышину обламы полсажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусковъ въ вышину шатра отъ обломовъ до яблока пол-четверты сажени, да въ той же башнѣ здѣланы ворота въ два щита дубовые въ замки, противъ воротъ черезъ ровъ здѣланъ мостъ дубовый брусяной съ перилы, да въ той же башнѣ здѣланы два моста дубовые съ лѣсницы и съ перилы, на мостахъ бои во всѣ стороны; а за острогъ той башни выставлено двѣ сажени, въ острогѣ сажень безъ чети; а башня покрыта тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры, тесъ прибаванъ гвоздемъ желѣзнымъ, въ воротахъ прибиты засовъ желѣзной и пробой. А отъ той проѣзжей Троецкой башни до наугольной Глухой Сосенской башни острожные стѣны 41 сажень.

Башня Глухая Сосенская наугольная рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны, межъ угловъ стѣны по три сажени, кругомъ всей башни 12 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину до обломовъ пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу

брусяные въ замокъ въ четыре вѣнды, въ вышину обламы пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусковъ, въ вышину того шатра отъ обломовъ до яблока пол-четверты саж.; всей башни въ вышину отъ земли до яблока пол-осмы сажени, а та башня покрыта тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры, а прибиванъ тесъ гвоздемъ желѣзнымъ; да въ той же башни два моста дубовые съ лѣсницы и съ перилы, а по мостомъ бои на всѣ стороны, а за острогъ той башни выставлено двѣ сажени, въ острогѣ сажень. А отъ той наугольной Глухой Сосенской башни до Тайницкой башни острожные стѣны 33 сажени съ полу-саженью.

Башня Тайницкая рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны, а стѣны межъ угловъ по двѣ сажени съ полу-саженью, кругомъ всей башни 11 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину по обламы пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнды, въ вышину обламы пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на стропилахъ въ пять брусковъ, въ вышину того шатра до яблока пол-четверты сажени, всей башни въ вышину отъ земли до яблока пол-осмы сажени, а за острогъ той башни выставлено двѣ сажени, въ острогѣ пол-сажени, а покрыта та башня тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ причелины и съ подзоры, а прибиванъ тотъ тесъ гвоздемъ желѣзнымъ, да въ той же башнѣ здѣланы два моста дубовые съ лѣсницы и съ перилы, а на мостахъ бои на всѣ стороны. А изъ той башни выкопанъ тайникъ къ рѣкѣ къ Соснѣ, въ длину тайника до колодезя 11 сажень, поперегъ двѣ сажени, а въ вышину отъ земли до потолка сажень, а въ томъ тайникѣ выкопанъ колодезь, а въ колодецѣ поставленъ струбъ дубовый четырехугольной, стѣна пол-сажени, а тотъ струбъ въ вышину до воды сажень, а воды въ колодези сажень, а вода ключевая, а отъ того колодезя до рѣки до Сосны три сажени, да подъ Тайницкою же башнею къ тайнику вставленъ струбъ дубовой, въ вышину того струба сажень, поперегъ тожь, а въ приходъ воинскихъ людей, въ осадное время, осаднымъ людямъ водою екудно не будетъ. Да противъ тое жъ Тайницкіе башни подъ горою выкопанъ колодезь, а въ тотъ колодезь вставленъ струбъ дубовый брусяной четверугольной, стѣна межъ угловъ по сажени безъ чети, глубина того струба до воды пол-сажени, а воды въ колодезѣ на сажень, а вода ключевая. А отъ Тайницкой башни до Водяной проѣзжей башни острожные стѣны 25 сажень съ полу-саженью.

Проѣзжая Водяная башня, рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре

стѣны, стѣна по двѣ сажени съ полусаженью, кругомъ всей башни 10 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, въ вышину обламы пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на страпилахъ въ пяти брусахъ, въ вышину тотъ шатеръ до яблока пол-четверты сажени, всей въ вышину отъ земли до яблока пол-осмы сажени, за острогъ выставлено той башни двѣ сажени, въ острогѣ пол-сажени, а покрыта та башня тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелины и съ подзоры, а тесъ прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ; да въ той же башнѣ здѣланы два мосты дубовые, а на мостахъ бой во всѣ стороны; да въ той же башнѣ здѣлавы ворота въ два щита дубовые въ замки, въ воротахъ прибить засовъ желѣзной и пробой. А отъ той Водяной провѣзжей башни до Наугольной глухой Мериновской башни острожные стѣны 59 сажень.

Башня наугольная глухая Мериновская рублена въ дубовомъ лѣсу въ четыре стѣны, межъ угловъ стѣна по двѣ сажени съ четью, кругомъ еѣ 10 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину по обламы пол-четверты сажени, обламы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, въ вышину обламы пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ на страпилахъ въ пяти брусахъ, въ вышину шатра до яблока пол-четверты сажени, всей башни въ вышину отъ земли до яблока пол-осмы сажени, а выставлено той башни за острогъ двѣ сажени, въ острогѣ четь сажени; да въ той же башни здѣланы два мосты дубовые съ лѣсницы и съ перилы, на мостахъ бой на всѣ стороны, а покрыта та башня тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причелны и съ подзоры, а тесъ прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ. А отъ той наугольной глухой Мериновской башни до провѣзжіе Московскіе штиугольной башни острожные стѣны 49 сажень.

Да кругъ острогу выкопано рву на ровномъ мѣстѣ отъ берегу отъ рѣки Тихіе Сосны съ трехъ сторонъ и приведенъ ровъ концомъ къ рѣкѣ къ Соснѣ, а отъ рѣки отъ Сосны не копанъ ровъ, потому что гора крута, всего рву выкопано 325 саж., а ровъ копанъ въ глубину дву сажень, поперегъ тожъ, середь рву ширина дву сажень безъ локтя, въ подошвѣ четь аршина. А около рву здѣланъ честики столчей въ два ряда, тесоны брусья въ дубовомъ лѣсу и просѣчено насквозь на четыре стороны, а въ тѣ брусья биты дубовые колья насквозь на четыре стороны, а укрѣплены тѣ брусья съ честикомъ въ стоячіе столбы дубовые для того, чтобъ тотъ честики вертѣлся кру-

гомъ, а до земли не досталъ на вершокъ аршина, а позади рву и честику въ землю вставлены дубовыя столбы въ три ряды, чтобъ къ честику въ приступное время съ щитами и съ пинарды притить было не мощно, а честику здѣлано и столбовъ поставлено 326 саж.

Да въ острогѣ жъ, по острожной стѣнѣ межъ башенъ, здѣланы кровати дубовыя съ перилами, на кроватѣхъ колья и каменя, а на кровати здѣланы 32 лѣсницы брусныя дубовыя, кругомъ всего острогу рублены тарасы въ три вѣнца, въ дубовомъ въ толстомъ лѣсу, и землю тарасы насыпаны, сверхъ тарасовъ по всему острогу просѣчены бойницы въ три бои: поземной, средней на кроватехъ, третьей бой на обламахъ, по всему острогу бойницы просѣчены со всѣхъ кроватей, во всѣхъ башняхъ насквозь двери просѣчены. И всего острогу кругомъ межъ башенъ 377 сажень съ четью, а съ башнями 407 съ полу-саженью.

Да въ острогѣ жъ устроена соборная церковь во имя Живоначальныя Троицы да въ предѣлѣ Великого чудотворца Николая, церковь рублена съ трапезомъ въ липовомъ въ толстомъ лѣсу, на подклѣткахъ, а въ вышину церковь до продолу 43 вѣнцовъ, а на церкви поставлены на клѣтки двѣ главы, кругъ главъ шесть бочекъ, а обиты главы и бочки дубовою чюшаею и прибиваны чюшан гвоздемъ желѣзнымъ и кресты поставлены, а кругъ церкви и транезы здѣланы паперти досчатые на столбахъ, съ трехъ сторонъ 20 сажень съ полу-саженью; да въ той же церкви здѣланы трои двери, колоды косятчатые, да вверху два окна; два престола съ жертвенники, а церковь и трапеза и паперти покрыты тесомъ липовымъ въ два ряда съ подзоры зубчатымъ, тесъ прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ, а противъ церковныхъ и трапезныхъ дву дверей на паперти здѣланы два рундука да двѣ лѣсницы съ перилами, а на рундукахъ здѣланы шатры на столбахъ точеныхъ и покрыты тесомъ, въ церкви здѣланы подволока косятчатая въ четыре бруса.

Да въ острогѣ жъ поставлена съѣзжая изба, горница на подклѣтѣ, а въ томъ подклѣтѣ здѣлана тюрьма, а съѣзжая изба рублена въ липовомъ лѣсу, у съѣзжіе избы здѣланы двери, колоды косятчатые, да передъ съѣзжею избю здѣланы сѣни досчатые съ крылцомъ досчатымъ же на столбахъ, а та съѣзжая изба и сѣни и крылцо покрыты тесомъ липовымъ съ горбыли и съ причелины, а тесъ прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ.

Да въ острогѣ жъ здѣланъ казенный погребъ на зеленую и на свинцовую казну, а копанъ тотъ погребъ въ глубину пол-трети сажени, въ ширину четырехъ сажень, а въ тотъ погребъ вставленъ струбъ дубовой, а рубленъ тотъ струбъ потолокъ сводомъ, а погребъ здѣланъ

съ выходомъ, а выходъ здѣланъ въ дубовомъ лѣсу, а въ погребѣ здѣланы двери, у выхода рѣшотка.

Да въ острогѣ жъ устроены воеводцкой дворъ, а на дворѣ поставлены двѣ избы поземные, промежъ избъ здѣланы сѣни досчатые, въ одной избѣ здѣлана печь черная, а въ другой избѣ печь черная жъ, избы и сѣни покрыты лубьемъ, да на воеводцкомъ же дворѣ поставлена мыльня, покрыта лубьемъ, поварня рублена въ липовомъ лѣсу, погребъ погребница рублена въ липовомъ лѣсу, покрыты тесомъ, конюшня дубовая тыномъ огорожена, другая конюшня плетнемъ огорожена, сарай лошадемъ покрытъ лубьемъ, дворъ воеводцкой огороженъ тыномъ дубовымъ безъ воротъ. Да въ острогѣ жъ поставлены для караульщиковъ у четверыхъ проѣзжихъ воротъ четыре избы караульные липовые, покрыты лубьемъ.

Да въ острогѣ жъ дано соборнымъ попомъ дву Яковомъ подъ дворъ мѣста въ длину по 8 саж., поперегъ по шти сажень. Дьякону подъ дворъ мѣста 6 саж., поперегъ 5 сажень. Дьячку да пономарю и просвириницѣ подъ дворы мѣста въ длину по 5 саж., поперегъ по 4 сажени.

Приходцкому попу Григорью дано въ острогѣ для осадного времени подъ дворъ мѣста въ длину 8 саж., поперегъ 6 сажень.

А отъ острогу до посадскихъ до черкасскихъ дворовъ 32 саж.

Да въ Новомъ же Острогжскомъ острогѣ подъ посадомъ отъ острогу въ 85 саженьяхъ черезъ рѣку Тихую Сосну на татарскомъ перелазѣ на крымскую сторону здѣланъ мостъ дубовой брусной, на дубовыхъ же столбахъ, кладя и брусья дубовые, длина того мосту отъ берега до берегу 49 саж., поперегъ того мосту двѣ саж., по конецъ мосту поставлена изба караульная, въ ней днюють и начують черкасы на караулѣ въ день по 10 человекъ, а на ночь по 20 человекъ, а за мостомъ на крымской сторонѣ по конецъ мосту поставлена башня караульная дубовая четвероугольная, стѣна по три сажени, кругомъ той башни 12 саж., отъ земли по обламы 30 вѣнцовъ, въ вышину до обамовъ пол-четверты сажени, обамы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, въ вышину обамы пол-сажени, сверху обамовъ здѣланъ шатеръ на станилахъ въ пяти брускахъ, въ вышину шатеръ по яблока пол-четверты сажени, всей башни въ вышину пол-осмы сажени, а покрыта та башня тесомъ дубовымъ зубчатымъ съ горбыли и съ причедины и съ подзоры, а тесъ прибиванъ гвоздемъ желѣзнымъ, да въ той же башни два мосты дубовые съ лѣсницы и съ перилы, а на мостахъ бой на всѣ стороны, а въ башни ворота двойные брусяные дубовые, засовъ желѣзной и пробой,

а по сторонамъ той башни здѣланы надолбы двойные съ наметами 95 сажень, а въ той башнѣ стоятъ на караулѣ черкасы въ день по 10 человѣкъ, а ночью по 20 челивѣкъ.

Да за рѣкою жъ за Тихою Сосною, на крымской сторонѣ, на Лубянскомъ курганѣ, отъ острогу въ дву верстахъ, поставленъ стоялой караульной дубовой четвероугольной острожекъ, кругомъ 23 сажени, да въ томъ же острогѣ поставлена караульная четвероугольная дубовая башня, стѣна по три сажени, кругомъ той башни 12 сажень, отъ земли до обломовъ 30 вѣнцовъ, въ вышину пол-четверты сажени, обломы рублены въ дубовомъ лѣсу брусяные въ замокъ въ четыре вѣнцы, обломы въ вышину пол-сажени, сверхъ обломовъ здѣланъ шатеръ рубленой, въ вышину шатра до кѣтки три сажени, сверхъ шатра срублена кѣтка брусая, а въ ней простѣчены четыре окна, всей башни въ вышину отъ земли до ябллка 8 сажень, а покрыта башня тесомъ, а тесъ прибаванъ гвоздемъ желѣзнымъ, а въ томъ острожку стоятъ на караулѣ черкасы въ день по 10 человѣкъ, а ночью по 20 человѣкъ, а по вѣстемъ бываютъ съ прибавкою, а съ той сторожевой башни видятъ въ степь на крымскую сторону верстъ на 20 и на 30 и болши до Маркавскихъ и до Лисковскихъ вершинъ и до подпалатовскихъ черней; а на которомъ курганѣ та башня стоитъ и тотъ курганъ высокъ, отъ земли вверху до острожской стѣны 20 сажень, а у земли кругомъ того кургана 150 сажень, а вверху подъ острогомъ 26 сажень, а по другую сторону изъ той башни видятъ вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ до Алшанскаго острогу и за Алшанской острогъ и до Усердскаго рубежа и за Усердской рубежъ до Алтарскихъ перелазовъ до чесночною и до меловаго броду, а внизъ по рѣкѣ по Соснѣ до Дивьихъ горъ и до Коротояка къ Дону.

А около посаду здѣлано надолобъ концомъ отъ рѣки Сосны, а другимъ концомъ къ рѣкѣ жъ къ Соснѣ 2000 сажень. Да съ рускіе стороны по берегу рѣки Сосны по оградамъ, гдѣ бывали татарскіе перелазы, здѣлано надолобъ 240 сажень и честикъ бить.

Да за рѣкою за Сосною, на крымской сторонѣ, на татарокой сакмѣ, здѣлано надолобъ позади черкасскихъ огородовъ, межъ рѣки Сосны и лѣсу, 225 саж., а надолбы дубовые двойные съ наметами.

Да внизъ по рѣкѣ по Соснѣ отъ Острогужского острогу въ полторыхъ верстахъ, на татарскомъ перелазѣ, на избномъ плесѣ поставленъ стоялой деревянной острожекъ. А отъ того избного острожка 500 сажень, на татарскомъ же перелазѣ на рыбномъ плесѣ, поставленъ стоялой деревянной острожекъ, отъ Острогужского острогу до того татарскаго перелазу до Рыбного острожка двѣ версты.

Да въ праворотъ межъ Острогожского сосенскаго лѣсу здѣланъ земляной валъ, а тотъ земляной валъ отъ Острогожского острогу пол-четверты версты, а до Коротояка отъ Острогожского семь версть 150 сажень.

Да вверху по рѣкѣ по Соснѣ до рѣчки Острогоши 500 сажень, а въ верховьѣ рѣчки Острогоши межъ Острогожского лѣсу и Терновова здѣланъ земляной валъ, а по валу съ крымскую сторону обставлено дубовымъ лѣсомъ, да на томъ же земляномъ валу поставлены двѣ башни, а тотъ земляной валъ отъ острогу пол-четверты версты.

А отъ рѣчки отъ Острогоши до рѣчки Мерина полторы версты. А отъ рѣчки Мерина до крутого большаго боярака и до рубежа Нового Острогожского острогу съ Олшанскою землею пять версть, а внизъ крутого боярака на горѣ на татарской сакмѣ, которою сакмою хаживали татаровья черезъ рѣку Сосну въ осиновою бродъ, оставленъ караулною острожекъ.

А отъ того крутого боярака и отъ межи до Алшанскаго острогу двѣ версты, а отъ Острогожского девять версть.

А лѣсъ пошолъ отъ валу, которой валъ противъ Рыбнаго острожка, за рѣчку Острогошу и за рѣчку Меринъ и до Алшанска, а поперегъ того лѣсу на версту и на двѣ и на три, а въ иномъ мѣстѣ и болши и менши, а тотъ Острогожской лѣсъ и Мерниновской въ заповѣди, толко того Острогожского лѣсу межъ рѣчки Острогоши и рѣчки Мерина отмерено поперегъ на версту на городовое дѣло и черкасомъ на дворовое строенья.

А по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, Новой Острогожской острогъ дѣлалъ и строилъ воевода Федоръ Юрьевичъ Арсеневъ, а съ нимъ были разныхъ городовъ дѣти боярскіе и стрѣльцы и казаки и черкасы до отдѣлки острожнаго дѣла, а почето на тотъ острогъ лѣсъ возить въ прошломъ во 160 году, іюля съ 30 числа, а обложенъ тотъ острогъ августа въ 16 день, на принесеніе Нерукотвореннаго образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

А на острогъ и на башни и на всякое острожное дѣло лѣсъ возили и острогъ и башни и всякое острожное дѣло дѣлали воевода Федоръ Юрьевичъ Арсеневъ и разныхъ городовъ дѣти боярскіе и стрѣльцы и казаки и черкасы.

Воевода Федоръ Юрьевичъ Арсеневъ вывезъ собою лѣсу дубоваго 130 бревенъ и въ томъ лѣсу поставилъ острогу 15 сажень съ кравати и съ облами. А хто иманы и сколько котораго города въ Новомъ Острогожскомъ острогѣ съ воеводою съ Федоромъ Юрьевичемъ

Арсеньевымъ были служилые люди дѣти боярскіе и стрѣлцы и казаки и черкасы и которого числа хто въ Новой Острогѣжской острогѣ на готудареву службу для острожного дѣла пришолъ и до отпуску хто былъ и то писано въ сей книгѣ по статьямъ (Писцовая кв. 43).

5. Книги стрѣлныя Нежегольскіе и Колонтаевскіе, присланы изъ Бѣлгорода отъ боярина и воеводъ отъ Василія Борисовича Шереметева да отъ околичего отъ Федора Васильевича Бутурлина съ мнѣшникомъ во 163 году, декабря въ 10 день, съ мѣсяцникомъ съ Тимофеемъ Щеншинымъ.

Лѣта 7162 г. августа въ 22 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеи великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу, бояринъ и воеводы Василій Борисовичъ Шереметевъ да околичей Федоръ Васильевичъ Бутурлинъ да дьякъ Микита Головинъ ѣздили изъ Бѣлгорода для осмотра по валу всякихъ крѣпостей и чтобъ въ которыхъ мѣстехъ учинить какіе крѣпости вновь, а отъ воинскихъ бы людей были тѣ крѣпости въ заступу, а по осмотру боярина и воеводы Василія Борисовича да дьяка Микиты, на рѣкѣ Нежеголи, гдѣ бывалъ сторожевой острожекъ, велѣли сдѣлать породъ земляной со всякими крѣпостми и по обѣ стороны города велѣли сдѣлать земляной валъ, а гдѣ было валу дѣлать нельзя и въ тѣхъ мѣстехъ велѣли сдѣлать надолобы и честики, да межъ Муромскіе сакмы и старого Бокаева шляху, на рѣкѣ Мерлу, межъ Колонтаева и Грудякова бродовъ, по осмотру околичего и воеводы Федора Васильевича Бутурлина, велѣли сдѣлать городъ же деревянной рубленой со всякими жъ крѣпостми, столониками и стряпчими и дворяны Московскими и жилцы и городовыми дворяны и дѣтми боярскими и салдатского строю полковники и начальными людьми и салдаты и тульского драгунского строю начальными жъ людьми и драгуны и дѣдиловскими и михайловскими черкасы и чулковцы и донскими атаманы и ясауды и казаки и новокрещены, и въ тѣхъ новыхъ городѣхъ велѣли изъ городовъ быти служилымъ всякихъ чиновъ людемъ на вѣчномъ житѣ, для того въ прошломъ во 154 году переходили черезъ рѣку Мерлу въ Колонтаевъ бродъ въ Рыльскіе и въ Сѣвскіе и въ Курскіе мѣста Крымскіе царевици со многими Крымскими и Нагайскими людьми войною и Рыльскіе и Сѣвскіе и Курскіе мѣста нововолали и многихъ людей побили и въ половъ поймали, да въ тотъ же Колонтаевъ бродъ Крымскіе и Нагайскіе татарова хаживали и въ Черкасскіе города войною почасту, а черезъ рѣку Нижегаль, гдѣ былъ сторожевой острожекъ, Крымскіе и Нагайскіе татарова прихаживали съ Иашомскіе сакмы въ Бѣлгородской и въ Короченской уѣзды и тѣ мѣста волали по

часту, а каковы новые городы Нижегородской и Калантаевской построены, и что въ нихъ какого строенья и слободъ, и отъ приходу воинскихъ людей сколько сдѣлано земельного валу и всякихъ крѣпостей, и хто имяны въ тѣхъ городѣхъ на вѣчное житье строетца и то все писано въ сей книгѣ подлинно порознь, а противъ книгъ, учинены городомъ чертежи и посланы къ государю царю и великому князю Алексию Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержицу ноября въ 22 день, съ Мецняниномъ съ Тимофеемъ Шеншинимъ.

Строенья города Нижегородскаго.

Городъ Нижегородской сдѣланъ земляной, по правую сторону рѣки Нежегази, на горѣ, а башни деревяныя рублены въ четыре стѣны. Башня отъ рѣки Нежеголи съ проѣзжими ворота, мѣроу башня 2 сажени съ полусаженью, вверхъ до обломовъ 37 вѣнцовъ, обломовъ 7 вѣнцовъ, на обламахъ шестеръ рубленой покрыть, на шетрѣ караульной чердакъ покрыть же, передъ ворота черезъ ровъ мостъ. Отъ тѣхъ воротъ да наугольной башни городской стѣны 62 сажени съ полусаженью.

Башня глухая, на угольа поставлена, въ углу въ городѣ подъ башнею изба, вверхъ башня и съ избою до обломовъ 36 вѣнцовъ, обломовъ 8 вѣнцовъ, на обламахъ шестеръ рубленой покрыть, на шетрѣ короульной чердакъ, покрыть же. Отъ той башни до отводу, что Московскіе ворота, городской стѣны 48 сажень, а отводу отъ города отдѣлено 10 сажень съ полусаженью, отводу поперегъ и съ башнею 12 сажень съ четью, и башня что Московскіе ворота, поставлена на отводѣ на дубовыхъ столбахъ, вверхъ башня до обломовъ отъ столбовъ 8 вѣнцовъ, обломовъ 6 вѣнцовъ; на обламахъ шестеръ рубленой покрыть, на шетрѣ короульной чердакъ покрыть же, передъ ворота черезъ ровъ мостъ, а отводу отъ Московскихъ воротъ да наугольной глухой башни городской стѣны 19 сажень съ полусаженью.

Башня на угольа (sic), что отъ ряду и отъ верхнева валу, поставлена въ углу въ городѣ, подъ нею изба, вверхъ башня и съ избою до обломовъ 35 вѣнцовъ, обломовъ 8 вѣнцовъ, а на обламахъ шестеръ рубленой покрыть, на шетрѣ короульной чердакъ покрыть же, отъ той башни до наугольной башни городской стѣны 60 сажень безъ чети.

Башня наугольная надъ горою, что выше Тайницкой башни, 2 сажени съ полусаженью, вверхъ до обломовъ 34 вѣнца, обломовъ 8

вѣнцовъ, на обламахъ шетерь рубленой покрыть, отъ той наугольной башни до Тайницкой башни городской стѣны 39 сажень.

Башня Тайницкая 2 сажени съ полусаженью, вверху до обламовъ 35 вѣнцовъ, обламовъ 7 вѣнцовъ, на обламахъ шетерь рубленой покрыть, подлѣ той башни за городомъ калитка въ тайникъ, а тайникъ ведетъ къ рѣкѣ Нежеголи, въ Тайницкой колодезь сдѣлана труба для воды и приведена вода трубою изъ рѣки Нежеголи, а отъ Тайницкой башни до Нежеголскихъ воротъ городской стѣны и съ калиткою 40 сажень. Всево около города Нежеголского по мѣрѣ городскихъ стѣнъ и съ башнями 299 сажень.

Въ городѣ отведено мѣсто подѣ соборную церковь, да сдѣлано воевоцкой дворъ, приказная изба, казенной погребъ, государевы житницы, тюрьма съ острогомъ, Пушкарская слобода.

Крѣпостей около города—ровъ, вверху шириною 3-хъ сажень, въ глубину 2 сажени съ полусаженью, около рву до рѣки Нежеголи надолобы двойные съ наметы. У города у Московскихъ воротъ будутъ лавки торгѣвыхъ людей. Ниже города къ рѣкѣ къ Коронѣ слободы всякихъ чиновъ людей.

Отъ города по валу за валомъ земляной валъ до рѣки Нежеголи, на валу сдѣланы три башни деревянные, да два городка земляные, по конецъ валу къ рѣкѣ Нежеголи по займищу надолобы, а черезъ рѣку Нежеголь поставленъ честикъ, а за рѣкою Нежеголю отъ Волчьихъ водъ, отъ честика по грязи и по болоту надолобы, а отъ надолобъ отъ рѣки Нежеголи до рѣки Нежеголи жъ заваленъ земляной валъ, а въ валу три городка земляные да ворота проѣзжіе, по конецъ валу къ рѣкѣ къ Нежеголи по займищу надолобы; всего земляного валу съ одну сторону города Нежеголского 1405 сажень съ полусаженью. Да въ болотахъ и въ займищу честикъ и надолобъ 99 сажень съ полусаженью.

А городъ и валъ къ рѣкѣ Нежеголи и за рѣку Нежеголь и надолобы и честикъ дѣлали полковники Александръ да Яганъ Краффертовы и ихъ полковъ начальныя люди и салдаты, а у дѣла былъ Юрья Захаревъ сынъ Быковъ.

А по другую сторону Нежеголска, вверху по рѣкѣ по Нежеголи, по лѣвую сторону сдѣланъ земляной валъ до старого валу, по мѣрѣ того валу сдѣлано 961 сажень, на томъ валу три башни деревянные рубленыя съ обламы и съ короульными чердани, въ томъ же валу два городка земляные, да въ валу жъ ворота проѣзжіе, передъ ворота черезъ ровъ мостъ, по конецъ мосту опускаемые надолобы, а дѣлали валъ стряпчіе и дворяня Московскіе и жильцы и городовые

дворяне и дѣти боярскіе и полковникъ Арафайла Корсака и его полку начальные люди и драгуны и михайловскіе и дѣдиловскіе черкасы и донскіе казаки и новокрещены, а у дѣла былъ Петръ Михайловъ сынъ Беклемишевъ, да при Петрѣ жъ въ земляномъ городѣ здѣлаво 2 башни деревянные; а хто сколько земляного вала сдѣлали и то написано въ книгахъ у Петра Беклемишева.

А земля на пашню и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей къ Неже..... пашенные земли съ рускою сторону вала будутъ на тысячу на двѣоте чети въ полѣ, а въ дву потомужъ. А сѣнные покосы по рѣкѣ по Нежеголи и по Донцу внизъ по лѣвую сторону, и по рѣкѣ Волчьимъ водамъ и по рѣкамъ и по колодезямъ за валомъ да и къ старымъ городомъ, которые по чертѣ сѣнные покосы у всякихъ чиновъ людей за валомъ же. А лѣсъ селитебной и дровеной съ рускою сторону съ валу, межъ рѣчекъ Нежеголи и Корочи, а селамъ и деревнямъ быти внизъ по рѣкѣ Нежеголи жъ отъ Зимовного колодезя по правую сторону и по рѣкѣ по Донцу по лѣвую сторону. А по рѣкѣ Нежеголи внизъ по правую сторону и по Донцу по обѣ стороны большіе лѣса и займища. А рѣка Нежеголь вышла изъ подъ Изюмскіе сакмы изъ Порнова гребени, устьемъ пала въ рѣку Донецъ подъ городомъ Нежегольскимъ. А Нежеголеню рѣчка устьемъ впала въ рѣку Нежеголь съ лѣвую сторону, выше Березового колодезя. А Березовой и Зимовной колодези впали устьемъ въ Нежеголь же съ лѣвую сторону. Рѣка Волчь воды вышла изъ подъ Изюмскіе сакмы, пала устьемъ въ рѣку Донецъ.

А служилыхъ людей въ Нежегольскомъ дворами строяца, по челобитью изъ *Вьлаторода* дѣти боярскіе: Петръ Прохоровъ сынъ Шаратовъ, велѣно ему быти въ сотникахъ у стрѣльцовъ и у казаковъ, Костентинъ Алексѣевъ сынъ Ортелнова, велѣно ему быти въ приказной избѣ для письма до государева указу.

Служить съ городомъ: Тимошка Каноныхинъ, Васка Матренинъ, Давыдко Стрѣльниковъ, Елистратко Конищевъ, Потапко Анцыфоровъ, Кирюшко Григорьевъ, Овдокимко Лапинъ, Филка Каторжной, Потапко Колесниковъ, Мокѣйко Елнинъ, Ивашко Бабичевъ, Ивашко Долженковъ, Филка Дулинъ, Ивашко Шевелевъ, Федко Сидоровъ сынъ Стрѣльниковъ, Савка Семеновъ, Гришка Еремийнъ, Мишка Болотовъ, Федка Чебукинъ, Мишко Соколовъ, Сенка Хлыстовъ, Стенка Бронниковъ, Кирюшко Козловъ, Офонка Роганийнъ, Максимко Гладкой, Еустратко Леденевъ, Гаврилко Набережной, Васка Шетуновъ, Исайко Веретенниковъ; Андрюшка Ментешиновъ, Левка Ефимовъ, Куземко Есинъ, Исачко Внуковъ, казакъ Ивашко Ефимовъ.

Изъ *Болховою* велѣно быть въ дѣтехъ же боярскихъ: Гришка Осиповъ сынъ Костулановъ, въ Нежеголскомъ же велѣно быти изъ городовъ Бѣлаголицкимъ бѣглецомъ: Исею Гусева.

Въ дѣтехъ боярскихъ: Кирюшка Аргамаковъ, Ивашко Васильевъ, Алешка Аргамаковъ, Милованко Кулаковъ, Дорошка Шаховъ, Савка Цепелинъ, Ивашка Бѣляевъ, Якушко Исаевъ.

Въ станичникахъ: Филка Кобелевъ, Куземко Ладыгинъ, Ивашко Воронкинъ, Макарко Желтовской, Кононка Кукосовъ, Мосѣйка Ковелевъ, Тимошка Горбуновъ, Гришка Лихачевъ, Титко Лихачевъ, Ивашко Лихачевъ, Ивашко Якутинъ, Ивашко Кураксинъ, Тимошко Топорковъ, Сенка Костуринъ, Савка Чепурной, Парфенко Пуляевъ, Ларка да Ивашка Рѣиины, Тимошка Бухановъ, Васкада Стенка Воронкины, Васка Глазуновъ, Мишка Соколовъ, Потанко Фотѣевъ, Евтюшка да Максимко Почуевы, Якушко Исаевъ, Наумко Бѣлого, Пронка Мишеневъ, Тимошка Мишеневъ.

Велѣно быти въ казакахъ: Агѣйко Агудовъ, Зотко Евтеховъ, Ивашко Храновъ, Фролко Месниковъ, Устинка Снигиревъ, Микитка Елистратовъ сынъ Ожигай, Андрюшка салдаты, Нехорошко Беспортовой, Савка Сыромятниковъ, Митка Федоровъ, Ивашко Стрыгинъ, Мишка Дергаусовъ, Микифорко Немиръ, Ларка Демьяновъ, Давыдко Ивановъ.

Съ *Корочи* быти въ ѣздакахъ: Сидорко Бовыкинъ, Куземко Першинъ.

Быти въ казакахъ: Федотка да Зеновка Бородины, Васка Толкай, Илюшка Нѣмой, Стенка Пегаревъ, Илюшка Кирѣевъ, Алешка Рыбиловъ, Богдашко да Мишка Овсяниковы, Мартинко Агнищевъ, Демко да Фомко да Савостька Подставкины.

Въ Нежегольской же посланы на житье пушкарѣ изъ *Бѣлгорода*: Зотка Ларинъ, Андрюшка Скоркинъ, Данилка Капищевъ, Якушко Пономаревъ, Офонка Щекинъ. Изъ *Карпова*: Понкрашко Токаревъ, Максимко Сапожниковъ, Сафонка Сапожниковъ, Наумко Закурдай, Трофимко Котеневъ.

Всего въ Нежеголскомъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дворами строятца по челобитью изъ сведенцовъ. 115 человекъ.

Въ Нежеголскомъ же городѣ прежніе Бѣлоголицкіе присылки: на короульной башнѣ вѣстовой колоколъ, вѣсу въ немъ 8 пудъ 15 гривенокъ, 4 знамя киндячныхъ, 2 пищали желѣзныхъ—одна полковая, другая скорострѣльная, къ нимъ 70 ядеръ свинцовыхъ, 8 желѣзныхъ; тюфякъ мѣдной, къ нему пудъ желѣзнаго дробу, 4 мушкеты салдацие да къ нимъ 4 ядунки, зелья ручного 37 гривенокъ. А въ

прибавку послано изъ Бѣла жь города: 8 пицаль желѣзные, ядровъ 5 гривенокъ, къ нимъ по 50 ядеръ желѣзныхъ, 20 пудъ зелья пущечного, 8 пудъ зелья жь ручного, 25 пудъ свинцу.

Строеня города Колонтаева.

Городъ Колонтаевъ, поставленъ межъ Мурамскіе сакмы и Старова Бакаева шляху, на рѣкѣ Мерлу, межъ Колонтаева и Грудцкова бродовъ, въ которые броды хаживали въ государевы Украинные и въ Черкаскіе города татарова съ Мурамскіе сакмы, сдѣланъ городъ деревяной, 3 стѣны рублены въ три угла, вверхъ до обломовъ 14 вѣнцовъ, обломовъ 4 вѣнца, сверъ обломовъ положены катки и покрыто (пробѣлъ), а четвертая стѣна отъ рѣки Мерла поставлена острогомъ, и во всѣхъ четырехъ стѣнахъ просѣчены бойницы и учинены мосты и здѣланы лѣсницы, а на острожной стѣнѣ положены катки жь на страмилахъ, а по городу здѣланы 3 башни съ пробѣжими вороты да 4 башни науголные глухіе. А по мѣрѣ башни межъ башень городовые прясла.

Башня науголная отъ рѣки Мерла, у мельницы 2 сажени съ полусаженью; вверхъ до обломовъ 26 вѣнцовъ, обломовъ 6 вѣнцовъ, на обламахъ шетеръ покрытъ, отъ той башни городовые стѣны до Колонтаевскихъ воротъ 28 сажень.

Башня Колонтаевская съ пробѣжими вороты 3-хъ сажень безъ чети, вверхъ до обломовъ 30 вѣнцовъ, обломовъ 9 вѣнцовъ, на обламахъ шетеръ покрытъ, на шатрѣ чердакъ покрытъ же, около чердака перила. Изъ городовыхъ воротъ черезъ ровъ мостъ, съ перилъ по конецъ моста опускаемые надолобы въ два реда, отъ Колонтаевскихъ воротъ городовые стѣны да науголные башни 28 сажень.

Башня науголная 2 сажени съ полусаженью, вверхъ до обломовъ 26 вѣнцовъ, обломовъ 6 вѣнцовъ, на обламахъ шетеръ покрытъ; отъ науголной башни городовые стѣны до Московскихъ воротъ 26 сажень безъ чети.

Башня съ пробѣжими вороты 3-хъ сажень безъ чети, вверхъ до обломовъ 30 вѣнцовъ, обломовъ 9 вѣнцовъ, на обламахъ клѣтки 9 вѣнцовъ, около клѣтки по обломомъ перила, на клѣткѣ шетеръ, на шетрѣ короуанной чердакъ покрытъ. Изъ города черезъ ровъ мостъ съ перилами, по конецъ мосту опускаемые надолобы въ два ряда; отъ Московскихъ воротъ городовые стѣны до науголные башни, которая противъ яруги, съ Московскіе стороны 25 сажень съ полусаженью.

Башня науголная 2 сажени съ полусаженью, вверхъ до обломовъ 26 вѣнцовъ, обломовъ 6 вѣнцовъ, на обламахъ шетеръ покрытъ, отъ науголной башни острогу до калитки 26 сажень, на калиткѣ ба-

шенка сажень съ четью, отъ калитки острогу до наугольной башни, которая противъ мельницы, 26 сажень съ полусаженью. Всего около города Колонтаева по мѣрѣ городовыхъ стѣнъ и съ башнями 235 сажень съ четью.

А въ городѣ будетъ соборная церковь, да сдѣлано Приказная Изба, казенной погребъ, государевы житницы, воевоцкой дворъ, тюрьма съ острогомъ.

Около города крѣпостей: противъ 3-хъ рубленыхъ стѣнъ до рѣки Мерла ровъ, въ ширину вверхъ полуторы сажени безъ 3-хъ вершковъ, въ глубину ровъ сажень съ тремя вершки, около рву поворотные надолобы въ два реда съ честикомъ, а противъ четвертые острожные стѣны крѣпости—рѣка Мерль съ болоты и займищи и лѣса

За городомъ: за Грудцкими ворота въверхъ по рѣкѣ по Мерлу по лѣвою сторону будетъ церковь, а въ ней стрѣлетцкая и казачья и пушкарская слободы.

За Колонтаевскими ворота по другую сторону города будетъ церковь, а къ ней черкаская слобода, за Колонтаевскими жь ворота по конецъ городского мосту будутъ лавки торговыхъ людей, да гостинъ дворъ.

Подъ городомъ черезъ рѣку Мерль мостъ, по конецъ мосту съ рускою сторону—рѣшетка, съ польскую сторону—опускные надолобы въ два реда въ двѣ мѣстехъ, но тотъ мостъ черезъ рѣку Мерль съ рускою сторону наложена дорога вновь. На рѣкѣ Мерлу устроены мельницы: мельница на Грудцкомъ броду, выше города съ версту, мельница на Колонтаевѣ броду, ниже города версты съ полторы, а противъ тѣхъ мельницъ съ полскою сторону черезъ прежніе дороги здѣланы надолобы въ 3 реда, чтобъ мелничными платинами черезъ рѣку Мерль съ полскою сторону проѣзду не было, мельница подъ городомъ выше мосту, противъ наугольной нижней башни, мельница ниже Колонтаевскіе мельницы, противъ бору, отъ города версты съ полтрети. По рѣку Мерлу лѣса большой и болоты и займищи съ верховья и до устья до рѣки Ворскла.

А земли на пашню съ рускою сторону рѣки Мерла, выше и ниже города, будетъ многимъ людямъ да и сѣнные покосы съ рускою сторону будутъ же.

Да по рѣкѣ Мерлу съ полскою сторону и по рѣчкамъ Колонтаевкѣ и по Грудцкой и по Мерчику сѣнные покосы будутъ многимъ людямъ, а въ которыхъ мѣстехъ къ Колонтаеву городу быть селамъ и деревнямъ, и которые лѣса и рѣчки отъ воинскихъ людей въ заступу и не въ заступу и тому учиненъ чертежъ.

А служилыхъ людей въ Колонтаевъ дворами строятца, по чело-
бобитью.

Изъ *Хотмышка* велѣно быть въ дѣтехъ боярскихъ: Стенка Чу-
гуровъ, Васка Горловъ, Дружинка Залотухинъ, Гришка Сторобаевъ,
Антипка Некрасовъ, Ивашко Оврамовъ, Тихонко Чурсинъ, Ивашко
Поляпской, Ивашко Голощаповъ, Терешка Боравинъ, Гаврилко Пу-
ляевъ, Ивашка Зубаревъ, Якушко Брянцовъ, Мишка Анохинъ, Левка
Брянцовъ, Якушко Палчиковъ, Пронка Бошинъ, Захарка Халезевъ,
Стенка Чмыхинъ, Якушко Лохтионовъ, Микишка Деминъ, Игнатко Че-
модуровъ, Серешка Харынцовъ, Стенка Телицынъ, Исачко Рогожни-
ковъ, Ивашко Шераповъ, Гришка Сталыпановъ, Васка Пузачевъ,
Ивашко Сталыпановъ. Изъ *Карпова*: Сенка Полчинъ, велѣно быть въ
Приказной Избѣ для писма до государева указу.

Въ Колонтаевъ жъ велѣно быть Бѣлогородцкимъ бѣглецомъ. Съ
Обояни въ дѣтехъ боярскихъ: Осипко Офонасьевъ сынъ Фурсовъ,
Родка Офонасьевъ сынъ Фурсовъ, Гришка Павловъ сынъ Шипиловъ,
Ивашко Офонасьевъ сынъ Фурсовъ, Ивашко Павловъ сынъ Мерзля-
кинъ, Ефимко Офонасьевъ сынъ Фурсовъ, Ѳедка Романовъ сынъ Пу-
ляевъ, Мартинко Осиповъ.

Велѣно быть въ казакахъ: Ивашко Алексѣевъ сынъ Полшиковъ,
Бориско Семеновъ сынъ Лосевъ, Юрка Кондратьевъ сынъ Чевыкинъ,
Ивашко Савельевъ сынъ Тарасовъ, Ѳедка Давыдовъ сынъ Двожай-
ной, Оска Журавль, Офонка Гончаровъ, Юшка Прокофьевъ сынъ Ко-
лесниковъ, Савостка Селезневъ, Офойка Волончаевъ, Микитка Семе-
новъ, Обакумко Пузиковъ, Зотка Ивановъ сынъ Пяроговъ, Игнатко
Ивановъ сынъ Глухой, Гришка Дѣевъ сынъ Мишеневъ, Осипко Ти-
мофьевъ сынъ Брянчениновъ, Левка Савостьяновъ сынъ Павловъ, Га-
врилко Семеновъ сынъ Жердевъ, Ивашко Лотовской.

Изъ *Хатмышка* казаки: Гаврилко Мусинъ, Серешка Хадыкинъ,
Ивашко да Онтошка Елистратовы дѣти Блинниковы, Васка Ладыгинъ,
Куземка Сидоровъ, Антипка Форофоновъ

Съ *Волного* казаки жъ: Якушко Съѣдинъ, Андрюшка Шеховцовъ,
Федка Шеховцовъ, Ивашко Бабинъ, Гаврилка Бабинъ.

Изъ *Карпова* быти въ дѣтехъ боярскихъ: Ермолка Федоровъ
сынъ Савостинъ. Казаки: Бориска Мещеряковъ, Федотко Асѣевъ, Мак-
симко Алексѣевъ сынъ Козловъ, Степанъ Шулгинъ, Малешка Гребен-
нинъ, Куземка Кураковъ, Сидорко Кощуновъ, Ѳедка Шляховъ. Изъ
Карпова жъ посланы на житье пушкари: Куземко Фурсовъ, Родка
Пряхинъ, Ѳедка Чеботоревъ, Офонка Губинъ, Якушко Станинъ, Якуш-

ко Логиновъ. Всего въ Колонтаевѣ служилыхъ всякихъ чиновъ людей дворами строитца по челобитью изъ сведенцовъ 86 человекъ.

Въ Колонтаевѣ же взято изъ городного острогу 2 пищали мѣдныя, къ нимъ 100 ядеръ, 5 пудъ зелья, а тѣ пищали и ядра и зелья прислано было въ городной съ Волного.

Да въ Колонтаевѣ же послано изъ Бѣлгорода: 5 пищалей желѣзныхъ, къ нимъ по 50 ядеръ къ пищали, а ядра вѣсомъ къ одной по 5 гривенокъ, къ другой по 4 гривенки, къ тремъ по 3 гривенки, 20 пудъ зелья пушечного, 50 пудъ ручного зелья, 25 пудъ свинцу.

Да на Мурамскомъ шляху здѣлано крѣпостей вновь: отъ Валковского валу къ рѣчкѣ Коломку до крутого боярака и до лѣсу земляного валу 1445 сажень, а на валу здѣлана башня деревянная съ проѣзжими вороты да башня жъ глухая. А отъ боярака до Коломковского ржавца землянова валу 80 сажень. А по Ржавцу на 75 саженьяхъ поставлены надолобы. А ото Ржавца до Коломковского лѣсу здѣлано земляного жъ валу 320 сажень, да на валу сдѣлана глухая башня деревянная.

А въ Коломковскомъ лѣсу засѣчена засѣка въ длину 70 сажень, а поперегъ 25 сажень.

А на городовое дѣло лѣсъ возили дворяне московскіе и жилицы и городовые дворяне и дѣти боярскіе.

А городовсе и воловое дѣло и всякіе крѣпости дѣлали салдатскаго строю начальные люди и солдаты (подлинная писцовая и стрелецкая кн. 43, л. 268—290).

6. Переписная книга государевыхъ отписныхъ пасекъ въ Бѣлгородскомъ, Карповскомъ, Волновскомъ, Харьковскомъ, Короченскомъ, Хотмышскомъ и Олешенскомъ уѣздахъ.

7173 г. сентября въ 3 день, въ грамотѣ великого государя цзяря и в. к. Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца писано въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводамъ ко князю Борису Александровичю Репнину съ товарищи: указалъ великій государь царь и в. к. Алексѣй Михайловичъ (т) пасеки и земли, которыми пасеками и землями безъ ево великого государя указу владѣли окольниковичей и воевода князь Григорей Григорьевичъ Ромодановской съ товарищи и бѣлгородскіе подъячїе и иные люди, отписать на себя великого государя, а сколько въ которыхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ тѣхъ земель и пасекъ и что въ нихъ всякого заводу и кому тѣ пасеки до указу великого государя приказаны беречь и тому списокъ съ доѣзду и росписи стряпчаго Михаила Головина присланъ съ государевою грамотою, за приписью дьяка Фѣдора Грибѣдова,

и велѣно въ тѣ во все пасеки послать ково пригожь и тѣ пасекп и земли отписать на великого государя и медъ на тѣхъ пасекахъ велѣно вынимать вовремя и тотъ медъ къ великому государю къ Москвѣ присылать по зимнему пути съ кѣмъ пригожь, а сколько и въ котормъ числѣ и съ кѣмъ иманемъ того меду къ Москвѣ послано будетъ и о томъ къ великому государю велѣно боярину и воеводамъ князю Борису Александровичю Репнину съ товарищи писати иманно въ Розрядъ, а для береженья впредь у тѣхъ пасекъ велѣно быть тѣмъ же пасечникомъ, которые нынѣ на тѣхъ пасекахъ, и вновь кому и сколькимъ человекомъ доведетца, а которые люди живутъ на отписныхъ земляхъ и тѣхъ велѣно спросить: прежь сего они въ какихъ службахъ бывали, и хто ихъ на тѣхъ земляхъ устроилъ и почему, или онѣ волные люди и которыхъ городовъ и уѣздовъ, и сколь давно на тѣхъ земляхъ живутъ, и сколько на тѣхъ земляхъ какова хлѣба и, описавъ тотъ хлѣбъ стоячей и молоченой и земляной, велѣно беречь кому пригожь съ порукою и, обмогота тотъ хлѣбъ, привести въ Бѣлгородъ и устроить въ житницы, и что на тѣхъ отписныхъ земляхъ какіе животины тѣхъ людей, которые тѣми землями владѣли, и протое животину розыскать, какая у нихъ животина—купленая ль, или у ково имана отъ дѣлъ, и велѣно то все написать въ книги и тѣ книги потомужъ прислать въ Розрядъ за дьячею приписью.

И по указу великого государя царя и в. к. Алексѣя Михайловича (т.) бояринъ и воеводы князь Борисъ Александровичъ Репнинъ съ товарищи посылали въ Бѣлгородцкой, въ Карповской, въ Волновской, въ Харьковской, въ Короченской, въ Хотмышской въ Олешенской уѣзды отписать на великого государя пасеки, и что въ тѣхъ пасекахъ есть всякого заводу и которые въ тѣхъ пасекахъ охудалые и впрокъ не годятца и изъ тѣхъ ульевъ медъ вынимать, дворянина Ивана Аеонасьева сына Бунина. А земли и что на тѣхъ земляхъ всякого заводу и которые люди на тѣхъ отписныхъ земляхъ живутъ, прежь сего они въ какихъ службахъ бывали и хто ихъ на тѣхъ земляхъ устроилъ и почему, или они волные люди и которыхъ городовъ и уѣздовъ и сколь давно на тѣхъ земляхъ живутъ спрашивать и сколько на тѣхъ земляхъ какова хлѣба и тотъ хлѣбъ стоячей и молоченой и земляной описывать и, обмогота тотъ хлѣбъ, прислать въ Бѣлгородъ, и что на тѣхъ земляхъ какіе животины тѣхъ людей, которые тѣми землями владѣли, розыскивать—какая у нихъ животина купленая ль, или у ково имана отъ дѣлъ, болховитина Аеонасья Максимова сына Булгакова. А сколько въ которыхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ Иванъ Аеонасьевъ сынъ Бунинъ по росписи, какова прислана

подъ государевою грамотою, отписалъ на великого государя пасекъ, и сколько въ тѣхъ пасекахъ доброй сѣменной пчелы ульевъ оставлено впрокъ, и изъ сколькихъ ульевъ охудалыхъ и обвзматченыхъ медъ вынеть, и сколько пудъ того меду вынето и что какова строенья въ пасекахъ и то писано въ сихъ книгахъ по статьямъ:

1-я пасека въ Карповскомъ уѣздѣ, въ Карповскомъ заповѣдномъ лѣсу за рѣкою Ворскломъ, въ полянѣ подъ Серетиннымъ колодеземъ, что была за окольнымъ и воеводою за княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, а въ той пасекѣ 543 улья со пчелами, и та пасека отписана на великого государя; а изъ тое пасеки, по сказкѣ пасечниковъ, убито худыхъ пчелъ, которые впродъ негодятца 144 улья, а меду выломано 138 пудъ 20 гривеномъ, впрокъ оставлено добрые и середніе сѣменной пчелы 399 ульевъ. Строенья на той пасекѣ: изба съ сѣнами, да клѣтъ, конюшня, 4 омшаника—гдѣ на зиму пчелъ ставить, сарай, а въ немъ порожжихъ 644 улья; пасечной желѣзной и мѣдной посуды: котель мѣдной большой ведра въ 4—въ чемъ мѣдъ сытять, пчелу кормить на выставки весною; желѣзныхъ 4 теслы (?), заступъ, мотыка, топоръ, стругъ, буравецъ, скобель; въ пасекѣ колодезь, струбъ дубовой рубленой. Пасечники ирженіе черкашенины Гришка Уманецъ прихожь изъ Черкасскихъ городовъ, изъ за Днѣпра ла Хотмышской солдатъ Ивашко Капустинъ, съ ними въ сторожахъ хотмышсена дѣти боярскіе карповского полку салдаты Федка Сторожевъ, Ивашко Дурневъ, Дорошка Фетиневъ, Гришка Карнауховъ, Кондрашко Колужкинъ, а изпомѣщены онѣ помѣстными землями въ Хотмышскомъ уѣздѣ.

2-я пасека въ Карповскомъ уѣздѣ, въ заповѣдномъ лѣсу, за рѣкою Ворскломъ, въ Серетинной полянѣ, что была за Карповицы за Ондреемъ Покушеловымъ да за Гаврилою Пузановымъ, а въ той пасеки 80 угольевъ пчелы, а противъ росписи надобно 84 улья и 4 ульевъ нѣтъ, и та пасека отписана на великого государя; а изъ тое пасеки, по сказкѣ пасечника, убито худыхъ пчелъ, которые впродъ негодятца, 31 улей, а меду выломано 28 пудъ, оставлено впрокъ сѣменной доброй пчелы 49 ульевъ. А противъ росписи пасечникъ Амелька Гордѣевъ про 4 улья сказалъ: что противъ росписи не дошло въ четку, тѣ пчелы померли, а меду у нихъ не было, а медъ Гаврилко Пузановъ выломалъ и взялъ къ себѣ въ Карповъ и на Гаврилкѣ Пузановѣ тѣхъ 4 ульевъ за воскъ взято 4 пуда меду.

3-я пасека отъ Бѣла-города въ верстѣ, подъ Меловою горою, что была за окольнымъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, а въ той пасеки по росписи 85 ульевъ со пчелами, всѣ въ цѣлѣ, и та

пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки убито худыхъ пчель, которые впредь не прочны, 25 ульевъ, а меду выломано 16 пудъ 20 гривенокъ; а оставлено въ прокъ сѣменной доброй и средней пчелы 60 ульевъ. А строенья на той пасеки никакова нѣтъ. А пасечникъ ахтырской черкашенинъ Авонка Даниловъ; а приказано дозировать бѣлгородцу Жедену Долгоруеву.

4-я пасека въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, вверху по рѣчкѣ Таулинки, въ Плоской яругѣ, что была за бѣлгородскимъ подъячимъ за Иваномъ Муратовымъ, и въ той пасеки по росписи 50 ульевъ со пчелами, вся въ цѣлѣ, и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки, по сказкѣ пасечника, убито худыхъ пчель 14 ульевъ, да изъ обезматченныхъ выломано суши безъ меду изъ 7 ульевъ, итого убито и выломано суши 21 улей, а меду выломано 4 пуда 20 гривенокъ, а оставлено въ прокъ сѣменной средней пчелы 29 ульевъ.

5-я пасека въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чураевѣ, на рѣчкѣ Корени, промежъ Коренского и Короченского лѣсу, подъячего Василья Сопунова за сыномъ ево за Петрушкою въ помѣстьѣ, у крестьянина ево Фадюшка Сѣдого, по росписи 86 ульевъ, вся въ цѣлѣ, и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки убито худыхъ пчель, которые впредь не прочны, 30 ульевъ, да безматченныхъ и мертвыхъ выломано 26 ульевъ, а меду въ тѣхъ ульяхъ не было, итого убито и выломано 56 ульевъ, а меду выломано изъ 30 ульевъ 17 пудъ, а оставлено въ прокъ средней сѣменной пчелы 30 ульевъ.

А изъ дву пасекъ, что были за бѣлгородцы за подъячимъ за Иваномъ Муратовымъ, да Васильева сына Сопунова Петрушки пчелы сведены въ Карповской уѣздѣ въ пасеку, что была за карповцы за Ондреемъ Покушеловымъ, да за Гаврилкою Пузаковымъ. А въ той де пасеки строенья: изба съ сѣнми, противъ избы клетъ, омшаникъ—гдѣ на зиму пчель ставятъ, клетка на столбахъ, порозжихъ 250 ульевъ; пасечной мѣдной и желѣзной посуды: котелъ мѣдной, тесла, топоръ, скобель, стругъ. Пасечникъ прежней черкашенинъ Амелка Гордѣевъ прихожъ изъ черкасскихъ городовъ, родомъ мигилевецъ, сторожи съ нимъ пасечникомъ Карповскаго уѣзду, деревни Серетиной да Кустовой дѣти боярскіе: Иванъ Минаевъ, Давыдъ Кураковъ, да Карповскаго полку салдатъ Сысойка Букреевъ.

И всего на той пасеки свезенныхъ ульевъ и что отписана у Ондreja Покушелова у Гаврилко Пузанова 107 ульевъ, окромѣ тѣхъ пчель, что были за окольничимъ и воеводою за князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, что подъ Меловою горою, а тѣмъ

пчеламъ въ ту пасеку перевезеннымъ быть во 174 г. по первому зимнему пути.

А изъ которыхъ цасекъ ульи со пчелами вывезены и въ пасеки, что была за Бѣлгородскимъ подьячимъ за Иваномъ Муратовымъ, строенья осталось: изба, омшаникъ—гдѣ на зиму пчелъ ставятъ, да чуланъ—гдѣ порожіе ульи ставятъ. Да за подьячимъ за Иваномъ Муратовымъ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ въ Саженскомъ стану въ помѣстьѣ 50 четьи, а на томъ ево помѣстьѣ построена изба; въ гумнѣ стоячего хлѣба старой ржи скирдъ да одонья (?), въ нихъ было 30 копенъ съ хресцомъ, старой пшеницы одонье, а въ немъ было 9 копенъ, да нынѣшняго ярового хлѣба нажато овса 18 копенъ, гречи 14 копенъ безъ полкопны, и та земля и хлѣбъ отписаны на великого государя, и хлѣбъ обмолоченъ; ржи изъ копны вымолочено по 9 четвериковъ, итого всей ржи 34 четверти, пшеницы изъ копны вымолочено по осминѣ, итого 4 четьи съ осминою, овса изъ копны вымолочено по 9 четвериковъ, всего овса 20 четьи съ пол-осминою, гречи изъ копны вымолочено по 3 четверика итого 5 четвертей, и всего всякого отписного хлѣба въ гумнѣ у подьячего Ивана Муратова вымолочено 63 четьи 6 четвериковъ въ московскую таможенную мѣру.

Подьячего за Васильевымъ сыномъ Супонева за Петрушкою въ помѣстьѣ въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, за рѣкою Веселкою, отъ Бѣлгорода въ дву верстахъ, а въ томъ ево помѣстьи дворъ огороженъ тыномъ, а на дворѣ конюшня два сарая плетневые, одинъ покрытъ саломою, другой лубьемъ, въ гумнѣ стоячего хлѣба ржи пол-скирда, а въ немъ 15 копенъ съ полу-хресцомъ, да ярового хлѣба овса 35 копенъ безъ хресца, гречи 25 копенъ безъ хресца, въ кладушкѣ двѣ копны пшеницы, и то ево помѣстье и хлѣбъ отписанъ на великого государя; хлѣбъ обмолоченъ, ржи изъ копны вымолочено по четверти съ полу-осминою, всего ржи вымолочено 19 четьи, пшены изъ копны вымолочено по осминѣ итого четверть, овса изъ копны вымолочено по четверти съ осминою, итого овса 52 четьи, гречи изъ копны вымолочено по 3 четверика, итого гречи 10 четьи.

6-я пасека въ Волновскомъ уѣздѣ, промежъ рѣчекъ Коровы и Пожни, въ острову, что была за Путивяскимъ пушкаремъ за Сенкою Урюпинымъ, а въ той пасеки по росписи 200 ульевъ со пчелами вся въ цѣлѣ, и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки, по сказкѣ пасечника, убито худыхъ пчелъ, которые впредь непрочны, 99 ульевъ; меду выломано 35 пудъ 10 гривенокъ, а оставлено въ прокъ сѣменной доброй и средней пчелы 101 улей. На пасеки строенья: изба съ сѣнями, противъ избы клѣтъ, два омшаника — гдѣ

на зиму пчелу ставить, сарай, а въ немъ порозжихъ 400 ульевъ, сарай—гдѣ лошади ставятъ; пасечной посуды: стругъ, скобель, топоръ. Въ пасеки пасечникъ прежней черкашенинъ Ивашко Ѳоминъ, прихожъ съ Одешни, сторожи съ нимъ Волновского уѣзду деревни Пожни дѣти боярскіе Иванъ Бѣлевцовъ, Ерема Ломовъ.

7-я пасека въ Хотмышскомъ уѣздѣ, не доѣзжая Хотмышока, въ заповѣдномъ лѣсу, за рѣкою Ворскломъ, отъ города въ дву верстахъ, что была за хотмышскимъ воеводою за Парамонъ Барыковымъ, а въ той пасеки 32 улья со пчелами, а противъ росписи нѣтъ 28 ульевъ, и про тое пчелу Парамонъ Барыковъ сказалъ, что тѣ пчелы обезматчели, а иные худы, и онъ де тѣ пчелы 28 ульевъ побилъ и выломалъ меду изъ тѣхъ пчелъ пуда съ четыре, и та пасека отписана на великого государя, и тѣ 32 улья оставлены въ прокъ, а за 28 ульевъ на Парамонъ Барыковъ доправлено 28 пудъ меду.

8-я пасека въ Волновскомъ уѣздѣ, не доѣзжая Волнова, подлѣ рѣки Ворскла, въ полянѣ, что была за волновскимъ приказнымъ челоуѣкомъ за Одреемъ Овдѣевымъ, а въ той пасеки по росписи 30 ульевъ со пчелами, вся въ цѣлѣ, а изъ тое пасеки по сказкѣ пасечника, убито худыхъ пчелъ 15 ульевъ, оставлено впрокъ средней сѣменной пчелы 15 же ульевъ.

9-я пасека въ томъ же мѣстѣ, подлѣ рѣки Ворскла, что была за подъячимъ за Ивашкомъ Гутеневымъ, а въ той пасеки по росписи 21 улей со пчелами, вся въ цѣлѣ, убито худыхъ пчелъ 6 ульевъ, а меду выломано изъ дву пасекъ Одрея Овдѣева и Ивашки Гутенева 9 пудъ, а оставлено впрокъ средней сѣменной пчелы 15 ульевъ.

И изъ пасекъ, что были за Паромономъ Барыковымъ и за Одреемъ Овдѣевымъ, да за Ивашкомъ Гутеневымъ, пчелы перевезены въ Волновской же уѣздѣ промежъ рѣчекъ Коровы и Пожни въ пасеку, что была за путивльскимъ пушкаремъ за Сенкою Урюбинымъ, что писана выше сего. А на той пасеки пасечникъ Волновской черкашенинъ Васка Семеновъ, сторожи съ нимъ Волновского уѣзду деревни Пожни дѣти боярскіе Иванъ Бѣлевцовъ, Ерема Ламовъ, да Волновской пушкарь Воинка Чечюновъ. И всего въ той пасеки съ свозными 163 улья со пчелами. А изъ которыхъ пасекъ ульи со пчелами, что были за Одреемъ Овдѣевымъ да за Иваномъ Гутеневымъ осталось пасечнаго строенья 2 избы, 2 омшаника, 20 ульевъ порозжихъ, да Паромона Барыкова изба, 50 ульевъ порозжихъ.

10-я въ Волновскомъ уѣздѣ, промежъ рѣчекъ Коровы и Пожни, пасека, что была за путивльцомъ посацкимъ челоуѣкомъ Захаркою Михайловымъ, а въ той пасеки по росписи пчелы 170 ульевъ старыхъ,

да молодых 40 ульевъ, вся въ цѣлѣ, и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки по сказкѣ пасечника убито худыхъ, которые впредь не прочны, 52 улья, меду выломано 7 пудъ 20 гривенокъ; а впрокъ оставлено доброй средней пчелы 158 ульевъ. Строенья на той пасеки: изба съ сѣнми, клѣтъ, 2 омшаника—гдѣ на зиму пчелу ставятъ. Порозжихъ 350 ульевъ. Пасечникъ на той пасеки черкашенинъ Васка Семеновъ, сторожи у той пасеки Волновскаго уѣзду села Пожни большой дѣти боярскіе Иванъ Масалитиновъ Кирила Тарасовъ.

11-я въ Волновскомъ уѣздѣ, въ Ровномъ лѣсу, въ заднемъ колодези, пасека, что была за путивльскимъ пушкаремъ за Семеномъ Урюпиннымъ, а въ той пасеки по росписи 250 ульевъ со пчелами, всѣ въ цѣлѣ; да въ той же пасеки объявилось сверхъ тое пчелы прописные 87 ульевъ со пчелами; а по сказкѣ пасечника Ѳедки Алексѣева, ту де пчелу въ той пасекѣ прописалъ стряпчей Михаила Головиннъ путивляца посадкаго человекъ Ивашка Родчанова; и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки и изъ прописной по сказкѣ пасечника убито худыхъ пчелъ, которые впредь непрочны, 103 улья, меду выломано 34 пуда, а изъ прописной убито худыхъ же пчелъ 35 ульевъ, а меду выломано 16 пудъ съ четвертью, а оставлено впрокъ сѣменной доброй пчелы переписной и прописной 201 улей со пчелами. На пасекѣ строенья: 2 избы, омшаникъ—гдѣ на зиму пчелу ставятъ; порозжихъ 500 ульевъ подь сараемъ; а въ той пасекѣ пасечникъ Волновской черкашенинъ Ѳедка Алексѣевъ, сторожи съ нимъ Волновскаго уѣзду Семень Телѣгинъ, Дементій Потуловъ.

12-я въ Волновскомъ же уѣздѣ, въ Дерновной Яруги, пасека, что была за дьякомъ за Иваномъ Мамалаховымъ, а въ той пасекѣ по росписи 73 улья со пчелами, вся въ цѣлѣ; и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки по сказкѣ пасечника убито худыхъ пчелъ, которыя впредь не прочны, 40 ульевъ, меду выломано 5 пудъ 20 гривенокъ, а оставлено впрокъ сѣменной средней пчелы 33 улья.

13-я пасека Алешенскаго приказнаго человекъ Филипа Пересѣткова по росписи 57 ульевъ, пчела вся въ цѣлѣ, и та пасека отписана на великого государя, а изъ тое пасеки убито худыхъ пчелъ, которые впредь непрочны, 33 улья, меду 10 пудъ 30 гривенакъ, а оставлено впрокъ 23 улья сѣменной средней пчелы.

И изъ пасекъ, что были за дьякомъ за Иваномъ Мамалаховымъ, да за Филипомъ Пересѣтковымъ, ульи со пчелами свезены всѣ и поставлены въ Волновскомъ уѣздѣ, въ ровномъ лѣсу, въ заднемъ коло-

дезь на пасекѣ, что была за Путивльскимъ пушкаремъ за Семеномъ Урюпинимъ, а та пасека писана выше сего, а на тоѣ пасекѣ сторожи Волновскаго уѣзду дѣти боярскіе Иванъ Масалитиновъ, Семень Телѣгинъ, Кузма Рыбинъ, и всего въ тоѣ пасекѣ пчелы 257 ульевъ.

А на пасекѣ, что была за дьякомъ за Иваномъ Мамалаховимъ, изъ которой перевезены ульи со пчелами въ пасеку, что была за Сенкою Урюпинимъ, строенья остались два порога, 80 ульевъ порожжихъ.

14-я пасека: въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ Харьковскомъ лѣсу, за рѣкою Харьковомъ, на проходномъ колодези, отъ села Липца въ четырёхъ верстахъ, что была за Благородцы за подъячимъ за Фотьемъ Муратовимъ да за сыномъ боярскимъ за Акимомъ Резанцовимъ, а въ тоѣ пасекѣ по росписи 92 улья, вся въ цѣлѣ, да сверхъ тое пчелы объявилась въ тое же пасекѣ 20 ульевъ, а по сказкѣ пасечника Федки Денисова, та пчела Акима Резанова въ прежней росписи прописано, да въ тое же пасеки церковныхъ села Липца 48 ульевъ, по росписи вся въ цѣлѣ, да отъ тѣхъ пчелъ отроилось по сказкѣ пасечника 8 ульевъ, и того всей пчелы по росписи и прибылой 128 ульевъ и та пасека отписана на великаго государя, а изъ тое пасеки по сказкѣ пасечниковъ убито худыхъ пчелъ, которые впредь не прочны, 27 ульевъ, а меду выломано 28 пудъ 30 гривенокъ, а оставлено впрокъ сѣменной доброй пчелы 101 улей; на пасекѣ строенья: изба съ сѣнными, 2 чулана, а въ нихъ порожжихъ 300 ульевъ, 2 омшеника—гдѣ на зиму пчелу ставятъ; пасечной желѣзной посуды: стругъ, скобенъ, тесла, буровецъ, а въ тоѣ пасекѣ прежніе пасечники жители Харьковскіе черкасы харковского уѣзду, села Липца Федка Денисовъ, Еремка Григорьевъ, съ ними сторожи Харьковскаго жъ уѣзду рейтары Петрова полку Скоржинскаго дѣти боярскіе Терентей Карцовъ, Епифанъ Костинъ, салдатъ Федотка Тамелинъ, въ той же Фотьевой и Акимовой пасеки стоятъ пчелы пасечника Федки Денисова 33 улья и пасечникъ Федка изъ 19 ульевъ медъ вынялъ, а осталось 14 ульевъ и тѣ ульи оставлены впрокъ, а за 19 ульевъ велѣно на пасечникъ Федкѣ доправить по 26 алтынъ по 4 денги за улей въ государеву казну и въ тѣхъ денгахъ онъ Федка стоитъ на правежи.

15-я въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ Харьковскомъ лѣсу, подлѣ села Липца, пасека, что была за харковцомъ за сыномъ боярскимъ за Васильемъ Зайцовимъ, а въ той пасекѣ по росписи 42 улья со пчелами, вся въ цѣлѣ, да сверхъ тово въ той же пасекѣ пчелы 27 ульевъ, а по сказкѣ пасечника Симонки Иванова, та де пчела ево жъ Васильева, а въ росписи какъ переписывалъ стряпчей Михайла Головинъ, та

пчела прописана, и та пасека отписана на великого государя, а чѣз тое пасеки убито худыхъ пчелъ, которые впредь не прочны, 40 ульевъ, меду выломано 18 пудъ, а оставлено вирождь сѣменной доброй пчелы 27 ульевъ, и нѣтъ тое пасеки, что была за Васильемъ Зайцовымъ, пчелы свезены на пасеку, что была за подъячимъ за Фотьемъ за Муратовымъ, и всего на той пасекѣ 182 уды.

16-я въ пасекѣ подъ городомъ подъ Корочью Григорья Спѣшневъ, а въ ней по росписи 60 ульевъ, а по осмотру Ивана Бунина 40 ульевъ со пчелами живыхъ, а по сказкѣ пасечника, тѣ 40 ульевъ худы и тѣ 40 ульевъ выломаны, а меду выломано 23 пуда 30 гривенокъ, а 20 ульевъ померли, а меду ничего въ нихъ нѣтъ.

За подъячимъ за Фотьемъ Муратовымъ въ росписи написано въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ, въ помѣстьѣ въ Сажецкомъ стану, на Сѣверскомъ Донцѣ, на нагайской дорогѣ, выше ода Сабынина, на островкахъ, а во выписямъ съ отказныхъ книгъ за приписми дьяковъ Никифора Великоселского да Ивана Мамаляхова 169 и 172 г. написано 100 четви, а въ помѣстьѣ построены дворъ ево Фотьевъ, а во дворѣ изба, конюшня, закрома, а въ томъ ево дворѣ живутъ дворовые ево люди; въ гумнѣ стоячего хлѣба старой да новой ржи 2 сирда, а въ нихъ 50 копенъ, пшеницы старой и новой 24 копны, овса 60 копанъ, гречи 30 копенъ, да старого овса 10 копенъ безъ полукопны, да старой ржи под-сирда, и тотъ хлѣбъ молоченъ; старой ржи изъ копны вымолочено по 9 четвериковъ, новой ржи изъ копны вымолочено по 6 четвериковъ, пшеницы старой и новой изъ копны вымолочено по осминѣ, итого 12 четви, овса и старого и нового изъ копны вымолочено по четверти съ полуосминою, итого овса 86 четви 7 четвериковъ, гречи вымолочено изъ копны по осминѣ, всего 15 четви. Да у Фатея жъ въ росписи написано и по досмотру Аѳонасья Булгакова животины 8 лошадей, 15 воловъ, 5 коровъ рускихъ, 20 овецъ и барановъ.

А изо всѣхъ пасекъ по присылкѣ въ Бѣлгородъ Ивана Бунина меду и съ тѣмъ, что взято на Парамонѣ Барыковѣ да на Гаврилкѣ Бузановѣ и что прислано съ Боровли, 486 пудъ 20 гривенокъ, а по Бѣлгородскому вѣсу того меду 576 пудъ 30 гривенокъ. И декабря въ 24-день изъ того числа послано изъ Бѣлгорода великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю (т.) къ Москвѣ съ бѣлгородцомъ съ отставнымъ сыномъ боярскимъ съ Фодотомъ Кривчиновымъ 535 пудъ 30 гривенокъ, да воску къ великому государю къ Москвѣ послано того жъ числа съ нимъ же Фодотомъ 5 пудъ 30 гривенокъ; а выбить тотъ воскъ изъ вошины, которая вошина вы-

домана изъ худыхъ и изъ обезматченныхъ ульевъ и которые померли. А за посылкою въ Бѣлгородъ оставлено меду къ веснѣ на подкормку пчеламъ 41 пудъ по Бѣлгородскому вѣсу. А впрокъ оставлено во всехъ пасекахъ доброй и средней сѣменной пчелы 1310 ульевъ, да прописныхъ 14 ульевъ пасечника Федки Денисова оставлено впрокъ же, прописаль тѣ ульи Иванъ Бунинъ, какъ онъ пасеки отписывалъ на великаго государя.

Декабря въ 19 день, била челомъ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю (т.) бѣлгородскіе подъячіе Василей Сапуновъ, Логинъ Осиповъ, Фатѣи Муратовъ, по указу великаго государя, что отписаны у нихъ земли и на тѣхъ земляхъ всякой заводъ и хлѣбъ, и чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ противъ своево великаго государя указу на шашню земли изъ ихъ же прежней дачи отобрать и къ той земли дати имъ старые ихъ дворовые усадьбы, вмѣсто денежнаго годоваго жалованья, чтобъ имъ безъ государева годового денежнаго жаловенья и безъ земли голодною смертию не помереть.

И по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (т.) бѣринъ и воевода князь Борисъ Александровичъ Репнинъ съ товарищи велѣлъ бѣлгородскимъ подъячимъ Василью и Логину и Фатее дати въ помѣстье, противъ великаго государя указу и грамотѣ, изъ тѣхъ земель по 10 четей человѣку въ полѣ, а въ дву потомужъ и на тѣхъ земляхъ старые ихъ усадьбы, вмѣсто великаго государя денежнаго годового жалованья (Подлинная писц. кн. 42.)

лѣпству, положилъ только у него быть по службѣ; ему сіе показалось досадно и потому онъ говаривалъ: «я Пищевича за его упрямство терпѣть не могу, а когда увижу его эскадронъ, то нельзя его «не любить»!—Не смотря на сіе я положилъ по окончаніи похода, тогда преднамѣреваемаго, оставить полкъ Астраханскій, а перейти въ Таганрогскій драгунскій, куда я приглашенъ былъ полковникомъ Беклешовымъ.

Вскорѣ за симъ послано повелѣніе всему войску выступить въ походъ разными отрядами внизъ по Кубани. Въ одинъ день, будучи я дежурнымъ по войску, пошелъ рапортовать по утру генераль-майору князю Ратіеву, въ отрядѣ котораго мы состояли; онъ меня зналъ и всегда отлично со мной обходился, и потому узнавъ стороною, что я намѣренъ полкъ Астраханскій оставить, совѣтовалъ мнѣ того не дѣлать, говоря, что ему бы непріятно было видѣть разстроеннымъ столь прекрасное собраніе офицеровъ.

Продолжая мы походъ правымъ берегомъ Кубани, пришли къ развалинамъ Архангельскаго редута, назначеннаго сборнымъ мѣстомъ всему войску, гдѣ узнали, что на противулежащей сторонѣ скопище закубанскихъ Черкесовъ препятствовало другому отряду предъ нами пришедшему пользоваться водою изъ сей рѣки, засѣвъ въ лѣсъ стрѣляли по всѣмъ, кто къ берегу ни подходилъ. Князь Ратіевъ почелъ сіе за обиду войску и потому положилъ до прибытія главноначальствующаго занять лѣвый берегъ и прогнать дерзкаго непріятеля. Онъ взялъ съ собою часть своего отряда, въ числѣ которыхъ и я съ своимъ эскадрономъ находился. Подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ мы переѣхали на лодкахъ Кубань, и прогнавъ непріятеля заняли берегъ; чрезъ два дня послѣ сего г-нъ Текеллій прибывъ велѣлъ всему отряду князя Ратіева перейти на противулежащій берегъ, подъ прикрытіемъ котораго мостъ наводитъ положено было. Нѣсколько дней послѣ сего Черкесы оставили насъ въ покоѣ, послѣ чего появилось ихъ до 700-тъ человекъ предъ нашимъ лагеремъ. Князь Ратіевъ выступилъ съ частію своего отряда имъ въ лицо; нападеніе на ихъ произошло отъ нашего полка, который въ семъ случаѣ очень отличился и прогналъ скопившуюся черкесскую толпу. Полковника Зыкова мы въ семъ случаѣ замѣтили нетрусость, да и онъ не мало выхвалялъ опромѣтчивость полка ему вѣреннаго. Князь Ратіевъ, донося о семъ дѣлѣ главноначальствующему, говорилъ обо мнѣ съ отличною похвалою, какъ о такомъ офицерѣ, который въ его глазахъ съ эскадрономъ въ томъ день отличился. Г-нъ Текеллій, увидя меня

на другой день у развода, выхваляя мой поступок предъ всѣмъ собраніемъ. Но чтобы попало мое имя въ реляцію, то надобно было искать въ г-нѣ Острожскомъ, чего я не сдѣлалъ, и потому никто изъ моихъ знакомыхъ не имѣлъ удовольствія видѣть оное напечатаннымъ въ донесеніяхъ во все время начальствованія у Кавказа г-на Текеллія. А слѣдующій случай подалъ г-ну Острожокому меня совѣтъ не любить: все войско перешедъ Кубань слѣдовало подошвою Кавказскихъ горъ къ турецкому городу Анапѣ; на одномъ переходѣ получили извѣстіе, что нашимъ квартирмейстрамъ впереди насъ находящимся Черкесы мѣщали своимъ наѣздничествомъ занимать лагерь. Г-нъ Текеллій отправилъ въ помощь онымъ дежурнаго своего бригадира Савельева съ частью казаковъ, подкрѣпляемыхъ нашимъ полкомъ. Непріятель, увидя наше приближеніе, не замедлилъ отъ занимаемаго лагеря отступить, но занять позицію у большаго лѣса, въ которомъ часть онаго спряталось и изъ котораго, когда мы на нихъ наступили, переранили у насъ людей и лошадей. Г-нъ Савельевъ, видя, что безъ пѣхоты въ лѣсу не будетъ успѣха, и потому послалъ меня донести все происшедшее г-ну Текеллію и требовалъ, буде надобно изъ лѣса выжить непріятели, присылки егерей. Г-нъ Текеллій, котораго я уже засталъ въ лагерь, очень не одобрилъ наше наступленіе конницею на лѣсъ и, пока въ отрядѣ г-на Савельева убивали людей, сей старикъ занялся мнѣ рѣсказывать семейтней прусской войны одинъ случай, въ которомъ онъ раненъ отъ неразумнаго наступленія на засѣвшаго въ лѣсу непріятели, и окончивши оное, велѣлъ дабы г-нъ Савельевъ возвратился въ лагерь. Сіе мое г-ну Текеллію посольство крайне г-на Острожскаго на меня озлобило за то, что я прямо г-ну Текеллію вошелъ съ донесеніемъ г-на Савельева, а не отнесся прежде ему, какъ онъ было то завелъ, чтобы никто не смѣлъ приближаться къ главноначальствующему, пока не побываетъ у него. И такъ сіе сдѣлано, что г-нъ Острожскій меня терпѣть не могъ, а г-нъ Текеллій напротивъ всегда, гдѣ со мной ни встрѣчался, вступалъ въ разговоръ и оставляя часто обѣдать у себя, но уже мною сказано было прежде, что судьба сего старика опредѣлила быть всегда водиму своими письмоводителями, адъютантами и проч., и потому ласка главноначальствующаго не сильна была одолѣть противъ меня ненависть его адъютанта.

Продолжая мы походъ далѣе поставили свой станъ при рѣчкѣ Убинѣ, куда къ намъ выѣхалъ изъ горъ черкесскій князь Аджи-Гирей съ объясненіемъ, что онъ съ своими подданными желаетъ присяг-

нуть на вѣрность Россіи, и при томъ донесъ, что не подалеку отъ него живутъ другіе князья, которые, не желая слѣдовать его примѣру, пользуются великимъ богатствомъ и имѣютъ множество скота, которыхъ разорить весьма бы удобно было, ежели бы послать хотя небольшую часть войска. Г-нъ Текелій для сего отрядилъ 26-го сентября подполковника Мансурова можно сказать, съ горстью людей, въ числѣ которыхъ и я съ моимъ эскадрономъ находился. Аджи-Гирей, заведя насъ въ тѣсное мѣсто, самъ ушелъ, а мы увидѣли себя окруженныхъ болѣе нежели десятью тысячами Черкесъ и Турокъ съ пушками. Бой былъ неравный, ибо насъ было съ небольшимъ тысяча человекъ, но мужество или лучше сказать отчаянность въ семъ случаѣ была нашимъ путеводителемъ: мы находились отъ корпуса только верстахъ въ осьми, окруженные горами и непроходимыми лѣсами; болѣе трехъ часовъ мы уже были въ дракѣ отступая къ корпусу шагъ за шагомъ, а дерзкій непріятель насъ преслѣдовалъ и окружилъ весь корпусъ, который былъ расположенъ весьма невыгодно; ночь прекратила бой сколь чудный, столь и посрамительный для нашего войска, въ которомъ весь день стоя на одномъ мѣстѣ только лишь отстрѣливались. Въ сей день меня отѣнно въ своемъ донесеніи г-нъ Мансуровъ одобрялъ, но г-нъ Острожскій все сіе ни во что поставилъ.

Послѣ сего порученія гоняться за скотомъ, мы дошли до города Анапы, слабо тогда укрѣпленнаго и имѣющаго малый гарнизонъ, но ничего подъ онымъ не сдѣлавъ пустились въ обратный путь на линію, и около исхода ноябрю мѣсяца достигли своихъ квартиръ, претерпѣвъ довольно нужды все войско въ безуспѣшномъ семъ походѣ. Вся тактика нашихъ генераловъ состояла въ томъ, чтобъ искусно жечь убѣжища черкесскія и разорять ихъ въ конецъ, дабы они вѣдали, что генеральство наше ничего другаго не знало.

По возвращеніи моемъ въ Александровъ засталъ я въ оный прибывшимъ брата моего Ивана Семеновича. Г-нъ Зыковъ имѣлъ довольно случаевъ видѣть въ семъ походѣ неустранимость полка Астраханскаго и потому жалѣлъ лишиться офицеровъ, изъ которыхъ большая часть хотѣла оный оставить по нѣкоторымъ съ начала его обидамъ, и такъ онъ обратился къ другому средству: началъ насъ ласкать и мы положили остаться въ томъ же полку.

Г-нъ Зыковъ былъ человекъ любившій веселости, и потому очень часто у него были сѣзды изъ другихъ мѣстъ обоего пола господъ; танцы во всю сію зиму насъ занимали, а при томъ не забыто было

приведеніе полка въ настоящій-порядокъ, который было опустился въ малое время начальствованія онымъ г-на Десперадовича; мысль г-на Зыкова была, доведя полкъ до совершенной исправности, стараться, дабы оный выведенъ былъ съ линіи въ армію князя Потемкина.

Возвращеніе мое изъ похода возобновило мое волокитство за г-жею Гановой, но я нашелъ ее во многомъ перемѣнившуюся; находясь столь долго въ обращеніи съ однимъ своимъ мужемъ, начала его больше любить, нежели прежде!—Это не была бѣда!—а къ тому же сдѣлалась набожною—вотъ это была бѣда!—Однакожь я рѣшился на приступъ такой крѣпости, которая будучи столь долгое время въ облежаніи, а о сдачѣ не помышляла. Комнатная ея дѣвка была избрана мною въ мои лазутчики; она ввела меня въ одинъ вечеръ во время отсутствія г-на Гана въ спальню своей госпожи, которая уже находилась въ постелѣ и видя толикое предательство со стороны своихъ приближенныхъ, по нѣкоторой слабой оборонѣ сдалась на волю побѣдителя. Въ сію ночь разныя страсти ее занимали: пріятность, вспоминая начало нашего знакомства,—мое отсутствіе,—вѣрность къ мужу, слезы, мое возвращеніе, досада на дѣвку, нерѣшимость продолжать столь хорошо начатое дѣло, просьбы ее забыть; все сіе вмѣстѣ наконецъ запечатлѣвалось совершеннымъ удовольствіемъ, послѣ котораго слѣдовали увѣренія, что меня любить. Однакожь возвращеніе ея мужа прекратило все, онъ былъ уже хотя и не молодъ, но добрымъ обхожденіемъ съ своею женою и предупрежденіемъ ея желаній, обрѣлъ въ ея сердце первое мѣсто; она меня просила остаться ея другомъ, но впредь не надѣяться больше на ея слабость.

Г Л А В А Ш.

Происшествія со мной случившіяся въ 1789 году и въ началѣ 1790 года.

1789-й годъ не былъ никакими особыми для меня приключеніями примѣчательнъ, кромѣ что будучи оный крайнѣ болѣзненъ для войскъ на линіи состоящихъ, и умерло очень много, но я особливимъ крѣпкимъ своимъ сложеніемъ выдержалъ все время въ совершенномъ здороньи. Полкъ нашъ расположенъ былъ большую часть лѣта лагеремъ у круглаго лѣса, отстоящаго отъ Александрова не въ дальнемъ разстояніи. Ученія были ежедневно и полкъ доведенъ былъ до совер-

шенства. Въ юнѣ мѣсяцѣ узнали мы, что г-нъ Текелій отставленъ отъ службы, а мѣсто его заступалъ генералъ-аншефъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Услыша я имя Салтыкова, уже почиталъ себя на самой вершинѣ своего благополучія, ибо толиратно слышалъ я отъ отца моего, что графъ Салтыковъ былъ изъ числа лучшихъ его пріятелей; и такъ кто бы на моемъ мѣстѣ будучи не почиталъ себя благополучнымъ. Встрѣча сему новому начальнику была изготовлена со всею важностію, приличною его чину, знатности и мѣсту занимаемому; онъ ѣхалъ въ сей край съ великою довѣренностію, производить могъ до преміеръ-маіоровъ. Полка нашего большая часть была разставлена въ разныхъ мѣстахъ для его встрѣчи. Я съ моимъ эскадрономъ ожидалъ его въ деревнѣ Карамыкѣ. Ласка имъ мнѣ оказанная была велика и умножила лишь мою надежду къ будущему моему благополучію; съ нимъ также ѣхалъ тогда нашего полка шефъ Апраксинъ, который находился при графѣ дежурнымъ генералъ-маіоромъ.

Возвратившись въ Александровъ, засталъ я своего полковника Зыкова одержимымъ горячкою, который чрезъ нѣсколько дней послѣ того и умеръ къ крайнему сожалѣнію всего полка. Въ начальствованіе полка вступилъ преміеръ-маіоръ Махвиловъ и доказалъ, что ничего не можетъ быть выгоднѣе какъ пріемъ полка отъ умершаго полковника; не взирая на то, что графомъ Салтыковымъ приписана была похвала полку, который онъ нашелъ во всемъ совершенствѣ, а г-нъ Махвиловъ, задобривъ графскаго правителя канцеляріи князя Салагова, такового жъ Грузина, каковъ былъ и самъ, пустился опорочивать въ полку все и показать къ службѣ многое неспособнымъ, такъ что начтено до 40 тысячъ рублей на покойнаго и положено все его походное имущество продать на пополненіе сего мнимаго недостатка. Несчастный Зыковъ изъ гроба своего не могъ возразить противъ несправедливости!—Офицеры хотя и говорили, но ихъ голосъ былъ неслышенъ. Сей Махвиловъ былъ человекъ добрый, служивой, хлѣбосоль, но впрочемъ безъ малѣйшаго воспитанія и полагающій въ деньгахъ все блаженство свѣта; жена его была также Грузинка, умная женщина, но лукавая и великая ханжа. Итакъ имѣніе Зыкова, бывшее небѣдное, состояло въ многомъ серебрѣ, разныхъ другихъ вещахъ немалой цѣны, выставлено было въ залѣ и съ молотка на бильяръ продано безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Г-нъ Махвиловъ многимъ офицерамъ, забывшимъ добро Зыкова, зажалъ ротъ, позволивъ нравившіяся имъ вещи кушитъ за безцѣнокъ. При столѣ жа-

лостномъ грабительствѣ не безъ смѣха было, ибо когда г-жа Махвилова знаменовала себя крестомъ, сожалѣя притворно о г-нѣ Зыковѣ, а мужъ ея съ безстыдною жадностію, когда доходило до лучшихъ вещей, то вооружался молоткомъ самъ и тремя ударами рѣшалъ покупку на свою сторону, приговаривая притомъ, что онъ все сіе прочитъ въ приданое своей дочери. При сей продажѣ чуть моей книги не продали, которую бралъ у меня г-нъ Зыковъ на прочтеніе; я увидя поднятый надъ оною молотокъ, закричалъ, что я еще живъ и что эта книга мнѣ принадлежитъ.—И ежели бы на оной нѣ было моего имени, то быть бы ей подъ молоткомъ.

Теперь обращусь къ графу Салтыкову, котораго весь предметъ клонился къ тому, чтобъ линія во время его начальствованія пребыла покойною и чтобы хищность горцевъ обуздать, которые тотъ годъ какъ будто нарочито избрали своимъ отдохновеніемъ и не дѣлали ни гдѣ нападеній! большими партіями. Все войско продержано сей ради причины до глубокой осени въ лагеряхъ, гдѣ мы зарылись въ землянки. Графъ все сіе дѣлалъ въ ожиданіи только изъ Петербурга позволенія ему туда отбыть, которое наконецъ и получено, и онъ въ началѣ декабря оставилъ линію. Предъ его отъѣздомъ я былъ въ Георгіевскѣ, гдѣ г-нъ Апраксинъ говорилъ съ великою похвалою о моей отличной службѣ и просилъ мнѣ у графа въ награду капитанской чинъ; когда я отъѣзжалъ къ полку, то графъ меня увѣрилъ, что я не буду забыть при дѣлаемомъ тогда по Кубанской арміи производствѣ, но когда оное обнаружилось, то я себя въ ономъ не нашелъ. Мнѣ бы и по старшинству въ сей чинъ досталось, но графъ перевелъ изъ пѣхоты двухъ капитановъ въ нашъ полкъ, которые занявъ порожнія мѣста содѣяли мнѣ преграду въ повышеніи. Итакъ графъ, отбывъ съ линіи, оставилъ меня преисполненнаго тѣхъ же мыслей о дружествѣ его къ моему отцу, каковыхъ я уже довольно опытовъ имѣлъ отъ генераль-поручика Потемкина.

Сей случай доказалъ мнѣ, что друзья моего отца Потемкинъ и Салтыковъ меньше мнѣ оказали доброхотства, нежели его непріятель Текелдій, при которомъ ежели бы я не имѣлъ преградой злость Острожскаго, то сей бы отца моего недругъ доставилъ бы мнѣ скоро стезю, по которой бы я достигъ моего по службѣ счастія. Еще должно и то сказать, что можетъ бы я былъ произведенъ въ капитаны, ежели бы поклонился князю Салагову, правителю канцеляріи графа Салтыкова, котораго протекція много значила, ибо его воля составляла волю графскую, но я будучи протезированъ г. Апраксинимъ, который

былъ не владу съ княземъ Салаговымъ, и потому сей прежде ордеромъ причислилъ вышерѣченныхъ двухъ капитановъ, а потомъ сдѣлано производство, слѣдственно ваканціи и не оставалось, а ежели бы воля была Салагова творить добро, то онъ бы прежде сдѣлалъ производство, а тамъ бы ихъ и причислилъ и какъ они своею охотою шли въ драгуны служить, то могли бы и сверхъ комплекта остаться.

Начальство войскъ Кавказскихъ перешло отбытіемъ графа Салтыкова въ руки генераль-поручика Юрія Богдановича Бибикова, человѣка падкаго на деньги, и потому онъ положилъ сколь можно скорѣе обогатить себя выведеніемъ въ расходъ суммы, на чрезвычайныя издержки опредѣленной; и такъ затѣялъ зимой 1790 года походъ за Кубань, а потомъ и къ городу Анапѣ. Два эскадрона нашего полка къ сему предпріятію были назначены; г-нъ Махвиловъ назначилъ меня начальникомъ обоихъ оныхъ и когда я совсѣмъ уже былъ готовъ къ выступленію, тогда получено отъ г-на Бибикова распisanіе войску, шедшему съ нимъ, въ которомъ подробно были означены всѣ чины и при сихъ двухъ эскадронахъ сказано быть двумъ капитанамъ. И такъ не будучи я въ семь чинѣ и потому не удалось мнѣ раздѣлить тѣхъ трудностей, какія мои сотоварищи понесли въ семь походѣ, о чемъ я всегда жалѣть буду, ибо никогда навѣрное уже не повстрѣчаюсь съ толикимъ смѣшеніемъ нуждъ, бѣдствій, храбрости и голоду, каковыми сей походъ ознаменовалъ себя. Однимъ словомъ, Россіяне въ семь случаѣ показали себя свѣше человѣковъ. Зимнее наше въ Александровѣ пребываніе было болѣе, нежели скучное; беседа ежедневная между одними своими сотоварищами не имѣла никакого предмета новости. Я не жилъ, а мучился и потому положилъ обозрѣть часть линіи, отъ Моздока до Кизляра лежащую, гдѣ я еще не бывалъ. Случай къ сему предсталъ тотъ, что г-ну Гану, находившемуся въ Кизлярѣ для покупки лошадей, надлежало отвезти денегъ 3000 руб., я сіе взялъ на себя. Въ продолженіе сего пути, я оставался во всякой крѣпости и проживалъ по нѣскольку дней. Екатериноградъ удержалъ меня нѣкоторое время по причинѣ тогда наставшей сырной недѣли; явился я къ тамошнему губернатору Сергѣю Афанасьевичу Брянчанинову, пригласившій меня на балъ, во время котораго я видѣлся съ молодою Булычевою, вышедшею за мужъ за надворнаго совѣтника Тумашевскаго; сей, вѣдая все происходившее въ Ставрополѣ между мною и его супругою, оказалъ ей свое неудовольствіе ради того, что она вступила въ танцы, и потому она изъ оныхъ удалившись, занялась картами. Таковымъ безсмыслен-

нымъ поступкомъ г-нъ Тумашевскій открылъ всемо болѣе, нежели надобно было на счетъ прошедшаго поведенія своей жены. Всякій, кто зналъ ее охотницей танцовать, могъ легко видѣть, что мое появленіе въ Екатериноградъ было не по сердцу г-на Тумашевскаго; однакожь при всемъ толико строгомъ наблюденіи г-жа Тумашевская нѣсколько вечеровъ сряду нашла случай со мной видѣться на единѣ.

Оставивъ я сей городъ, прожилъ нѣсколько дней въ Моздокѣ у подполковника Бориса Александровича Мансурова, моего начальника въ Убинскомъ сраженіи; здѣсь я свелъ знакомство съ лѣкаремъ Григоріемъ Федоровичемъ Улазовскимъ, человѣкомъ умнымъ и столькожь любопытнымъ какъ и я; мы положили вмѣстѣ продолжать путь въ Кизляръ. Въ Наурѣ употребили мы два дни, дабы отплатить за ласку намъ оказанную бригадиромъ Иваномъ Дмитріевичемъ Савельскимъ, который былъ человѣкъ крайнѣ свѣдущій о положеніи Кавказа и онаго жителей; насъ попеременно занимали разговоры о той странѣ. Впрочемъ г-нъ Савельевъ всегда радъ, ежели его посѣщаютъ и старается угостить наилучшимъ образомъ; музыка и пѣвчіе занимаютъ бесѣду по вечерамъ. Въ Червліонской станицѣ равно я былъ обласканъ генералъ-маіоромъ Ларіономъ Тимоѣевичемъ Нагелемъ и всемо его семействомъ. Такимъ образомъ продолжая мы путь далѣе обозрѣвали все любопытства достойныя на берегу Терека, входили въ подробность нравовъ козаковъ Моздоцкихъ, Гребенскихъ и Семейныхъ. Въ Кизлярѣ проводили мы десять дней, въ которое время я со многими въ семъ городѣ познакомился; бригадиръ Иванъ Петровичъ Горичъ, подполковникъ Федоръ Карповичъ Сенинбергъ и маіоръ Андрей Карловичъ Сизингъ и г-нъ Ганъ были тѣ, у когорыхъ я наиболее время дѣлилъ. Въ одинъ вечеръ г-нъ Ганъ заигрался въ карты у г-на Горича, а я, пришедъ къ его женѣ, засталъ оную жалующуюся на нездоровье и крайнѣ задумавшуюся; разговоръ нашъ начался ничѣмъ и продолжался тѣмъ же, ибо языкъ говорилъ безъ согласія сердца, но чувства наши разумѣли между собой гораздо лучше; я сдѣлался предприимчивъ, г-жа Ганова уступчивою и мы въ забытіи семъ предалися тому, чего уже никакъ недумали возобновлять. Такова есть сила первой страсти: женщина какъ бы ни остерегалась, но выискиваются минуты ей измѣняющія. Сіе было послѣднее наше свиданіе. какъ любовниковъ, Впрочемъ мы всегда жили какъ добрые пріятели.

Возвратясь изъ сей поѣздки въ Александровъ, засталъ я мой эскадронъ въ уныніи и замѣшательствѣ; г-нъ Махвиловъ ожидалъ меня съ нетерпѣніемъ: прапорщикъ Ростъ, озлобясь на любимаго моего драгуна Куиреянова, билъ его столь нещадно, что сей спустя нѣ-

сколько послѣ того дней и умеръ. Весь эскадронъ требовалъ у г-на Махвилова моего возвращенія. Сей Росъ въслѣдствіи сего сочиненія нанесетъ мнѣ неудовольствіе, и потому надобно о немъ нѣчто сказать: онъ былъ солдатомъ прусскимъ, откуда бѣжалъ, записался въ цесарскую службу, гдѣ обличенъ будучи въ воровствѣ, прогнанъ сквозь строй; послѣ чего съ расписанной спиной ушелъ въ Польшу, гдѣ находился слугою во многихъ домахъ, пока наконецъ дошелъ до Россіи, вѣрное и прибыточное пристанище всѣмъ бродягамъ. Въ Петербургѣ онъ вступилъ слугою къ генераль-поручику Потемкину и, будучи роста большаго и потому одѣтъ по тогдашнему обычаю егеремъ, прибывъ на линію, вздумалось ему служить въ войскѣ и проситься въ Астраханскій драгунскій полкъ; г-нъ Потемкинъ произвелъ его вахмистромъ и опредѣлилъ по его желанію. Я находясь при семъ генералѣ, зналъ сего Роса потому, что онъ не рѣдко за моимъ столомъ стоялъ, чего ради онъ вида г-на Апраксина, а потомъ и г-на Дебрерадовича ко мнѣ хорошо расположенныхъ, прибѣгнувъ подъ мое покровительство и имѣя даръ плакать когда вздумаетъ, и потому представилъ себя бѣднѣйшимъ человѣкомъ; я вошелъ въ его состояніе, испросилъ у г-на Дебрерадовича ему кадетскій чинъ и опредѣленіе въ мой эскадронъ, гдѣ всѣ выгоды ему доставлены были, а наконецъ досталось ему и въ прапорщики и по моему отбытію въ Кизляръ по раскомандировкѣ офицеровъ оставался онъ начальникомъ моего эскадрона. Изъ смерти Купреянова вышло бы превеликое слѣдствіе, со всѣмъ на бѣду Росу клонящееся, ибо доказано было, что смерть сему драгуну послѣдовала отъ побоевъ имъ претерпѣнныхъ. Я едва упросилъ г-на Махвилова, чтобы онъ сей случай предалъ забвенію.

До августа мѣсяца полкъ нашъ простоялъ въ лагерѣ, близъ Александрова расположенномъ, въ которое время прибылъ къ намъ полковникъ Алексѣй Ильичъ Мухановъ и принялъ полкъ; онъ былъ человѣкъ въ обращеніи хорошій, но не разумѣющій службы и потому полкъ началъ опущаться; сей г-нъ Мухановъ полюбилъ меня очень и все время я долженствовалъ съ нимъ дѣлать.

Г Л А В А IV.

Пораженіе Баталъ-бею. Помѣха мнѣ одѣланная въ достиженію приготовленнаго мнѣ генераль-маіоромъ Германомъ благодѣянія. Взда моя въ Вендеры. 1790 годъ.

Генераль-поручикъ графъ Антонъ Богдановичъ Дебальмень, вступивши въ начальствованіе войскъ Кавказскихъ, имѣлъ довольно тру-

да въ расположеніи безопасности линіи; войска въ семь году столько же было большаго какъ и въ прошедшемъ, а извѣстія доходили, что изъ Анапы анатолийскій Баталъбей шель съ корпусомъ турокъ и черкесъ на линію; отчего сумятица въ семь году происходила не малая по всей линіи, а наконецъ графъ Дебальмень, располагавшій выступить противъ турокъ, самъ заболѣлъ и остался въ Георгіевскѣ. Генераль-маіору Герману предоставленъ былъ лавръ за пораженіе Баталъ-бея. Полкъ нашъ случился въ его отрядѣ. Г-нъ Германъ двинулся къ Кубани и разными походами и оборотами понудилъ Баталъ-бея войтить въ нашу границу, ибо онъ ожидалъ насъ въ горахъ на себя, но малолюдство нашего отряда поставило бы не равный бой съ столь превосходнымъ числомъ непріятеля. 30 числа сентября было назначено для сей знаменитой битвы, въ которой Баталъ-бей попалъ въ наши руки со всѣмъ своимъ лагеремъ, 30-ю пушками и военноплѣнными. Г-нъ Германъ, употреблявшій меня и до сраженія въ разныхъ посылки съ эскадрономъ, а въ самый тотъ день я до прибытія всего отряда занималъ гору, важности для успѣха побѣды не малой стоющую. Находясь нѣсколько дней сряду въ трудахъ, нуженъ былъ мнѣ покой, и потому когда мы поставили свой станъ гораздо уже поздно въ вечеру въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ турецкій, я въ своей палаткѣ отдыхая пилъ кофій, подчивая онымъ и плѣннаго раненаго турка, мною на полѣ битвы поднятаго, которому я велѣлъ перевязку сдѣлать. Въ сіе время приходитъ отъ г-на Германа ко мнѣ офицеръ, съ приказаніемъ къ нему явиться. Когда я предъ его предсталъ, то онъ мнѣ сказалъ: «ваша служба всѣмъ намъ извѣстна и не полученіе за оную никакой нѣграды также, и потому поручаю вамъ сіе донесеніе (отдавая мнѣ запечатанный пакетъ на имя г-на Дебальмена) доставить графу Дебальмену, въ которомъ я ему кратко описываю побѣду, предоставляя вамъ какъ очевидцу всѣ обстоятельства онаго расказать, и притомъ прошу его въ вознагражденіе усердной вашей службы отправить васъ съ донесеніемъ оной курьеромъ къ князю Потемкину; вѣдая я, съ какимъ удовольствіемъ его свѣтлость приметъ сіе извѣстіе, могу васъ напередъ поздравить маіоромъ».

Отправясь я въ Георгіевскъ, по дорогѣ ободрялъ всѣ селенія, приведенныя сближеніемъ турокъ въ крайнюю робость, вездѣ толпы обоего пола людей меня встрѣчали и едва вѣрили Баталъ-бееву пораженію. Ко всей сей бѣдѣ черкесы начинали дѣлать разныя наглости; во время моего проѣзда на разстояніи трехъ верстъ, казакъ одинъ ими убить впереди меня, а другой позади. Благопріятная мнѣ ми-

нута помогла избѣгнуть всякаго злоключенія. Георгіевскъ, который я засталъ въ немалой смятности, также привезеннымъ мною извѣстіемъ ободрился; графа Дебальмена въ тотъ вечеръ моего прїѣзда я не видалъ, по причинѣ его жестокой слабости, а дежурнымъ его подполковникъ Николай Петровичъ Лебедевъ отнесъ ему въ спальню столь радостную вѣсть; полагали, что она послужитъ не мало къ его выздоровленію. Графъ чрезъ него велѣлъ мнѣ сказать, чтобъ я былъ готовъ ѣхать въ Бендеры, гдѣ имѣлъ тогда свое пребываніе князь Потемкинъ съ симъ донесеніемъ, но что по слабости своей отлагаетъ до слѣдующаго утра мое отправленіе, въ которое онъ распроситъ меня о всемъ происшедшемъ обстоятельно.

Казалось, что счастье на мою сторону начинало приклоняться, но оно и на сей разъ меня обмануло. Справедливо говорится: «что гдѣ чортъ ничего не успѣетъ, туда всегда женщину посылаетъ».

Сдѣлавъ я въ тотъ день болѣе ста пятидесяти верстъ переѣзду верхомъ, былъ не безъ ослабленія своихъ силъ, и потому предался покою въ одной изъ комнатъ графскихъ, занимаемыхъ на время его болѣзни докторомъ Раппе. Въ прїятныхъ для меня мечтаніяхъ вкусилъ я сладчайшій сонъ, въ которое время графиня Дебальмена старалась опрокинуть все для меня судьбою приготовленное: она видѣла ясно, что графа супруга ея бытіе скоро прекратится, и имѣя въ виду одно свое и пяти дѣтей положеніе довольно недостаточное, а вѣдая, koliko графъ былъ взысканъ милостію князя Потемкина, и потому рѣшилась послать съ донесеніемъ Баталь-беева пораженія регистратора Юдина, челоуѣка ей совершенно приверженнаго, который бы его свѣтлости, при столь радостномъ извѣстїи, могъ обстоятельно изяснить положеніе не Кавказской страны ея мужу ввѣренной, а графскаго семейства. Такимъ образомъ въ ту же ночь, не взирая на слабость своего супруга, которымъ она совершенно управляла, понудила его сія бездушная женщина подписать донесеніе князю Потемкину о разбитїи Турокъ, столь же краткое, какое было прислано отъ г-на Германа, который полагалъ, что я, вѣдая всѣ обстоятельства сего предпрїятія, дополню изустнымъ донесеніемъ. Короче сказать женщина, вмѣшавшаяся не въ свое дѣло, всего сего не разбирала.

На другой день графъ получилъ нѣсколько облегченія, г-нъ Лебедевъ ему доложилъ о несправедливости мнѣ сдѣланной и упомянулъ, что всему корпусу извѣстна моя усердная, но несчастная служба, для вознагражденія которой я и былъ избранъ въ сію посылку.

Графъ, призвавъ меня предъ себя, желѣлъ о моемъ приключеніи, и не имѣя что въ свое оправданіе сказать, утверждалъ, что оное произошло отъ ошибки, и распросивъ подробно случившееся сраженіе, отпустилъ меня съ увѣреніемъ, что какъ скоро сдѣлается ему лучше, то отправить меня съ однимъ письмомъ къ князю Потемкину, въ которомъ будетъ мнѣ просить воздаянія за всю мою службу, но сего не случилось, ибо два дня спустя послѣ онъ умеръ. Генералъ-майоръ Сергѣй Алексѣевичъ Булгаковъ, принявшій начальство войскъ Кавскихъ, прибывъ въ Георгіевскъ и будучи ко мнѣ хорошо расположенъ, жалѣлъ не мало о случившейся мнѣ неудачѣ. Совѣтъ его былъ мнѣ ѣхать обратно къ г-ну Герману и просить, дабы я былъ отправленъ съ подробнымъ донесеніемъ случившагося дѣла; я сіе исполнилъ, но г-нъ Германъ, полагая меня уже въ предположенномъ пути, далъ обѣщаніе къ сему отправленію другому и потому слова переѣздить нельзя было.

Г-нъ Германъ, распустивъ свой отрядъ въ квартиры, отправивъ въ Георгіевскъ, взявъ и меня съ собой; здѣсь положено было съ г-мъ Булгаковымъ изыскать какое благопріятное донесеніе, съ которымъ бы я могъ быть отправленъ къ князю Потемкину. Пока все сіе со мной дѣлалось, а г-нъ Юдинъ прибылъ въ Бендеры въ самое то время, когда въ ономъ горевали о неудачномъ предпріятіи на крѣпость Килійскую и оплакивали смерть храбраго генерала Меллера-Закомельскаго; лишь князю Потемкину г-нъ Юдинъ былъ представленъ, то онъ его произвелъ въ капитаны и велѣлъ отпустить тысячу рублей на его издержки. Бендерскимъ жителямъ възвѣщена была слава войскъ Кавказскихъ 101-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, и его свѣтлость предался радости, ибо линію Кавказскую полагали погибшею. Когда собраніе стало у его свѣтлости велико, то призванъ былъ г-нъ Юдинъ для объясненія краткости донесенія; сей не вѣдая ничего о линіи и далѣе Георгіевска не бывалый не могъ ни въ чемъ дать толку, тогда князь началъ не мало досадовать, что не присланъ такой, который былъ очевидецъ сего дѣла; однакожь г-нъ Юдинъ остался съ наградой ни за что.

Разбитіе Батагъ-бея понудило нѣкоторыхъ Закубанскихъ черкесъ искать покровительства у Россіи; число сихъ доброхотствующихъ намъ простиралось до 20 тысячъ душъ, и потому съ симъ донесеніемъ г-нъ Булгаковъ меня отправилъ къ его свѣтлости, а притомъ г-нъ Германъ, сочиня планъ одержаннаго имъ сраженія, со мною же отправилъ и писалъ письмо къ г-ну Попову, правителю дѣлъ при

его свѣтлости, и просилъ его о повышеніи меня чиномъ, прописывая все что со мной графиня Дебальмена сдѣлала.

Въ городѣ Черкаскѣ едва я не утонулъ, переѣзжая довольно неисправный мостъ на Дону наведенный; доски раздвинулись и моя телѣга было опустилась подъ оный, но сбѣжавшимися людьми удержана. Воды въ ней уже столько было, что все перемочилось, а планъ, данный г-мъ Германомъ, лежалъ на верху въ деревянной трубкѣ и по легкости своей было поплылъ въ Азовское море, но съ заплатой рубля казакъ на лодкѣ его догналъ. Зашедъ въ семъ городѣ въ лавки для покупокъ, не мало удивился повстрѣчавшися въ оныхъ съ г-жею Колокольцевой, которую судьба вела на Кавказъ, ибо г-нъ Исленьевъ, будучи произведенъ генералъ-маіоромъ, въ тотъ корпусъ былъ опредѣленъ; онъ ее отправилъ впередъ, а самъ оставался еще въ Бендерахъ. Свиданіе столь неожиданное было съ обѣихъ сторонъ принято съ великимъ удовольствіемъ, должно было согласиться, сколь я ни спѣшилъ ѣздой, побывать въ ея квартирѣ на нѣсколько минутъ, вмѣсто которыхъ протекли у насъ часы и наконецъ настигшая ночь принудила меня у ней ночевать.

Продолжая мой путь далѣе, прибылъ я въ Кременчугъ и переѣхавъ Днѣпръ въ Крюковѣ простоялъ нѣсколько часовъ на сильномъ дождѣ при наступившей уже ночи; квартиры были набиты солдатами трехъ полковъ, въ семъ мѣстѣ ради переправы остановившимися, ибо мостъ уже былъ разведенъ, лошадей на почтѣ не было, и такъ я съ бывшимъ при мнѣ драгуномъ обременили своимъ экипажемъ свои спины, пустились по улицѣ, имѣя грязь по колѣна, искать себѣ ночлега. У одного дома сквозь ставни отворенные видѣнъ былъ мужчина, прохаживающійся по комнатѣ, въ военномъ сюртукѣ; я положилъ у него просить ночлега, но лишь вошелъ въ комнату, то наше удивленіе было обоихъ равно свидѣвшись: это былъ маіоръ Логинъ Карповичъ Бергольцъ, служившій капитаномъ въ С.-Петербургскомъ драгунскомъ полку и мнѣ бывший хорошимъ пріателемъ.

На другой день я заѣхалъ въ деревню отца моего, который на тотъ разъ отбылъ въ Петербургъ за пріемомъ изъ монастыря старшей моей сестры. Здѣсь я засталъ письмо его, которое должно было быть отправлено ко мнѣ на линію и писанное имъ при отѣздѣ въ Петербургъ; въ ономъ онъ меня извѣщалъ, что онъ, желая меня видѣть служащаго ближе къ себѣ, просилъ о переводѣ меня въ легкую конницу арміи князя Потемкина; мнѣ таковой оборотъ милости родительской былъ слишкомъ пріятенъ и я сѣлъ ему писать и

благодарилъ, изъясняя все со мной случившееся послѣ сраженія Баталь-беева. Въ сіе время увидѣлъ я вошедшаго ко мнѣ дядю моего Хорвата, который, проѣзжая нашу деревню на большой дорогѣ лежащую, узналъ о моемъ пріѣздѣ и потому послѣдно возвратился дабы со мной видѣться. Дядя меня увѣдомилъ, что отецъ мой началъ перемѣняться противъ меня и жалѣеть о неудачномъ моемъ служеніи, что г-нъ Таборовичъ умеръ, который было завелъ вражду между отцемъ и сыномъ до того, что родитель мой было положилъ меня никогда не видать, что смерть сего болѣе нежели чуднаго роднаго, а притомъ отъ всѣхъ слыша о моемъ поведеніи и службѣ, взяли верхъ надъ нелѣпыми расказами г-на Таборовича.

Простившись съ дядею пустился далѣе въ свой путь и прибывъ въ Елисаветградъ, остановился въ домѣ француза тутъ жившаго Юсифа Ивановича Тѣла, съ которымъ я подружился во время моего въ семь городѣ въ 1788 году пребыванія. Онъ человекъ очень свѣдущій и умный, у котораго я засталъ въ гостяхъ Молдавскаго господаря Мавро-Кордато, обласкавшаго меня много и пригласившаго меня къ себѣ ужинать. Изящность дарованій и обращенія сего принца привязывали съ перваго раза всякаго къ нему. Оставивъ я столь любезныхъ особъ, прибылъ въ деревню Злынку; темная ночь, грязь и дождь заставили меня остановиться до утра въ семь мѣстѣ. Около полуночи услышалъ я необычайный крикъ въ сосѣдней избѣ человека, просящаго помощи. Хозяинъ мой, я и драгунъ выскочили и войдя въ домъ сосѣда, увидѣли его связаннаго, который намъ объявилъ, что три человека войдя къ нему потребовали денегъ, которыхъ у него до 500 руб. было, и взявъ оныя, а притомъ и жену его посадя въ телѣгу ускакали; все сіе производилось при угроженіи его зарѣзать, буде малѣйше закричитъ. Между разбойниками онъ узналъ одного, въ котораго его жена была влюблена и онъ было скрылся изъ ихъ деревни болѣе года.

Рѣку Бугъ я переѣхалъ въ Ольвіополѣ, при которомъ мѣстѣ сходились трехъ государствъ границы: Ольвіополь—Россійское, Богополь—Польское, и Гольта—Турецкое, и продолжалъ путь Очаковскою степью верхомъ, ибо тутъ телѣгъ не было. Дорога въ Бендеры лежала возлѣ самой Польской границы, которую тогда занимали посты войска Рѣчи Посполитой, предназначенныя своимъ ополченіемъ, и величалась тѣмъ, что нѣкоторымъ образомъ они тогда отложились отъ подвластія Россіи; разѣзжая на добрыхъ коняхъ по своей землѣ и имѣя головы излишнею рюмкою налитыя, грозили всѣхъ Россіянъ истре-

бить; по всей границѣ было повелѣніе на всѣ сіи храброванія ничего не отвѣчать, ибо Россія, имѣя предъ собой Турокъ, Поляковъ оставляла до времени торжествовать пустяками.

Прибывъ я въ Бендеры ночью, остановился въ трактирѣ, гдѣ переодѣлся въ платье, сшитое изъ солдатскаго сукна, которымъ я себя еще на линіи призапасилъ, вѣдая то, что въ угодность князя Потемкина въ главной его квартирѣ никто не могъ иначе предстать. Лишь начало разсвѣтать, то я явился къ г-ну Попову, дабы его застать одного, котораго пробужденія ожидалъ еще добрыхъ часа два, а наконецъ онъ вышелъ ко мнѣ, развернувъ планъ Баталь-беева сраженія, спрашивалъ меня обо всемъ подробно и потомъ когда одѣлся, то съ онымъ пошелъ къ князю Потемкину. На письмо же г-на Германа мнѣ сказалъ, чтобы я взялъ терпѣніе, что всѣ бывшіе въ семъ дѣлѣ будутъ награждены.

Г Л А В А V.

Пребываніе мое въ Бендерахъ. Переѣздъ мой изъ оныхъ въ Яссы. 1790 годъ.

Съ пріѣзда моего въ Бендеры я легко могъ понять, что важность Баталь-беева дѣла уже пришла въ остудѣніе, ибо тогда всѣхъ занималъ Измаилъ, подъ которымъ графъ Суворовъ толикою славою себя покрылъ. Чтобы мнѣ получить чинъ надлежало было пріѣхать вмѣсто Юдина, ибо князь Потемкинъ имѣлъ привычку отправлять съ донесеніемъ какой-либо побѣды и ко Двору тогда же курьера, который ему оную доставлялъ, но на сей разъ видя въ Юдинѣ человека невѣдущаго ничего о семъ дѣлѣ и потому отправилъ капитана, котораго Императрица наградила маіорскимъ чиномъ, деньгами и брилліантовымъ перстнемъ.

Всякій день я посѣщалъ домъ князя Потемкина, который тогда балами, волокитствомъ и концертами занимался. Съѣздъ былъ необычайный, великолѣпіе у сего фельдмаршальскаго двора превышало нѣкоторыхъ царей; однимъ словомъ я посреди толикаго шума не безъ удовольствія время провождалъ, вырвавшись изъ Кавказской глуши, нашелъ здѣсь много своихъ знакомыхъ, въ деньгахъ недостатку не имѣлъ, ибо на линіи на сію поѣздку занялъ. Князь Потемкинъ не меньше меня занималъ своею особою; кому неизвѣстенъ сей во всемъ никому неподобный, чудный и великаго ума человекъ: видѣлъ я его

въ Крыму лежа на софѣ, окруженнаго фруктами и казавшагося ничѣмъ не занимавшагося, но посреди толикой безопасности Крымъ покорилъ Россіи.—Видѣлъ я его въ Елисаветградѣ провождающаго время смотрѣніемъ какъ 34 генерала, безъ всякаго начальства проживавшіе при немъ, попеременно играли на бильярдѣ, и послѣ сего Очаковскій упорный приступъ ознаменовалъ свѣту его предприимчивость.—Видѣлъ я его въ Бендерахъ во всемъ блескѣ пышнаго и сластолюбиваго вельможу у ногъ княгини Дожгуровой, и въ то же время распорядившаго воинствомъ на важное покореніе Измаила.

Въ одинъ изъ сихъ дней находясь я въ передней г-на Попова, которое было вмѣстѣлице всѣмъ ищущимъ чего у его свѣтлости, подошелъ ко мнѣ Острогорскаго легко-коннаго полка полковникъ Рахмановъ, сказалъ: «я узналъ, что вы Пищевичъ и племянникъ Лазарю «Степановичу Пищевичу въ моемъ полку служащему майоромъ, онъ «васъ переводитъ въ мой полкъ, и я по его просьбѣ поручаю вамъ «1-й эскадронъ въ начальство и потому прошу васъ, какъ скоро будете переведены, поспѣшите своимъ отправленіемъ къ полку».—Слова сіи меня удивили, и я оставляю на судъ разсудка, таковое привѣтствіе было ли средство къ приласканію такого офицера, который привыкъ быть уважаемъ своими начальниками. Впрочемъ отецъ мой писалъ, что я буду переведенъ въ легкую конницу, но въ какой полкъ того не означалъ, по письму имъ писанному князю Потемкину, и потому я ни съ которой стороны не могъ думать, чтобы онъ поручилъ дядѣ моему меня покровительствовать, которому самому нужна была протекція. Когда князь Потемкинъ и графъ Салтыковъ, будучи пріятели моему отцу, не успѣли мнѣ ничего сдѣлать, стало быть мнѣ милостивцемъ быть было нѣчто сверхъ нежели обыкновенное.

Чудный приступъ г-на Рахманова, а еще чуднѣе, что онъ не зная меня вовсе, поручалъ мнѣ эскадронъ, какъ будто изъ милости, побудилъ меня на толикую грубость дать отвѣтъ почти такого же смысла: «я (отвѣчалъ я ему) не вѣдаю о какомъ переводѣ говорите «и никогда не располагалъ ни въ какой полкъ запрашиваться, эскадронъ же имѣю уже пятый годъ безъ помощи дядошекъ и оный есть «таковъ, который я ни на какой первый не промѣняю».—Г-нъ Рахмановъ послѣ сего отвѣта увидѣлъ свою ошибку и что гордость его наказана, отошелъ отъ меня и чтобы показать будущему своему офицеру, что онъ что нибудь у г-на Попова значить, сунулся было къ дверямъ его кабинета, но дерзкій мальчишка, охранявшій входъ онаго, его отъ того удержалъ; и такъ сей мой новый милостивецъ остался

со мной и со многими другими въ передней. Узналъ я, что дядя мой былъ любимецъ г-на Рахманова, а сего уже и довольно было, дабы меня понудить не служить съ симъ моимъ дядею, котораго я однако жъ съ моего младенчества любилъ, а притомъ я держался все своего правила не служить съ родными, а и того меньше значить въ полку что ни есть по милости дядюшекъ. Однако жъ я положилъ дабы узнать яснѣе, что все сіе значило, выправиться въ канцелярію его свѣтлости, гдѣ увѣдомленъ былъ, что всѣ дѣлаемые переходы по арміи состоятъ въ рукахъ премьеръ-маіора Тетерина, къ которому я пришедъ спросилъ: «не имѣется ли у него какого свѣдѣнія о переводѣ поручика Пищевича изъ Астраханскаго въ Острогорскій полкъ». Онъ мнѣ отвѣчалъ, что есть у него о двухъ братьяхъ, переводимыхъ въ помянутый полкъ, по просьбѣ дяди ихъ, который на него сію комисію возложилъ; я ему отвѣчалъ, что я одинъ изъ тѣхъ и не сдѣлавъ привычки, чтобы мной могъ кто располагать, и потому пришелъ его просить уничтожить одно изъ тѣхъ прошеній до меня касающееся. Г-нъ Тетеринъ мнѣ отвѣчалъ, что я напрасно сіе дѣлаю, ибо буду переведенъ съ награжденіемъ чина, а притомъ передѣлать сіе уже нельзя, ибо переводы лежатъ уже для подписки предъ его свѣтлостію. Г-нъ Тетеринъ, дѣлавшій за деньги всякаго рода гнусности, обѣщалъ дядѣ моему за плату послать въ Астраханскій полкъ о выключкѣ меня, яко поручика, а въ Острогорскій причислить ротмистромъ, и сіе у г-на Тетерина называлось быть повышену въ чинъ!— На все сіе я г-ну Тетерину отвѣчалъ, что ежели онъ не уничтожить сего дѣла, то я доведу до того, что его свѣтлость будетъ знать. Г-нъ Тетеринъ, преисполненный гордости и высокоумія, едва удостоивалъ выслушивать сію мою грозу, а не только чтобъ ее сбыточною полагать. Я въ крайней досадѣ оставилъ г-на Тетерина быть повышену въ чинъ столь гнуснымъ образомъ; это не входило въ мою голову, когда я оный неоднократно заслужилъ честнымъ образомъ но не получилъ, то лучше ничего; все сіе меня удивляло и я съ симъ моимъ дядею не видался съ того времени, какъ былъ еще въ училищѣ и почему онъ сіе затѣялъ дѣлать, тогда я не зналъ.

Пришедши я въ залу его свѣтлости, увидѣлся я тутъ съ премьеръ-маіоромъ Яковомъ Ивановичемъ Коробынымъ, съ которымъ я давна былъ хорошимъ пріятелемъ; онъ замѣтя досаду, на моемъ лицѣ изображенную и отъ разговора съ г-мъ Тетеринымъ происшедшую, и узнавъ отъ меня о причинѣ оной, пошелъ къ сему продавцу чиновъ и увѣрилъ его, что ежели онъ не переимѣнитъ моего пере-

вода, то знавши мое свойство можетъ его увѣрить, что я сдержу свое слово, и сіе дѣло дойдетъ до свѣдѣнія его свѣтлости. По видимому все сіе понудило г-на Тетерина отложить для другаго мнѣ дѣлаемую милость, ибо спустя нѣсколько дней переводы по арміи вышли, но въ числѣ оныхъ ни меня, ни брата моего не было. Сіе однакожъ г-нъ Тетеринъ не забылъ и отомстил мнѣ, какъ я послѣ упомяну.

Имѣлъ я письмо отъ дяди моего Хорвата къ губернатору Екатеринославскому, Василю Васильевичу Каховскому, человѣку не живущему никогда въ своей губерніи, а находившемуся тогда у продовольствія арміи провіантомъ; по видимому онъ счеты свои лучше находилъ при семъ порученіи, нежели въ губерніи. Сей человѣкъ считался старымъ знакомцемъ моему отцу и добрымъ пріятелемъ моему дядѣ, который его въ своемъ письмѣ просилъ подать мнѣ помощь къ полученію капитанства. Имѣлъ я правиломъ прежде нежели адресоваться съ письмомъ, кому случалось быть поручаему, старался я его увидѣть и по обращенію съ другими располагалъ, являться ли къ нему или нѣтъ.—Г-на Каховскаго мнѣ показали, наружность его меня обманула. Іезуитское его лице показалось мнѣ изображающимъ доброту его души. Онъ былъ лукавъ, я былъ худой фізіогномистъ и сіе меня обмануло.—Я къ нему явился и засталъ г-на Каховскаго, занимающагося интересными расчетами съ душевнымъ его наперсникомъ премьеръ-маіоромъ Мартыновскимъ, и слѣдственно помѣшалъ въ какой ни есть статьѣ государственнаго воровства; г-нъ Каховскій, прочитавъ письмо съ наморщиннымъ лбомъ мнѣ сказалъ, чтобы я въ другое время у него побывалъ. Подумай всякъ о только вальяжной глупости сего надъ четвертьми губернатора, которому, сдѣлавъ я пренизкій поклонъ, вышелъ въ твердомъ намѣреніи никогда больше не покушаться отворять дверей его дома.

Послѣ сего посѣщенія былъ я у генералъ-аншефа Ивана Васильевича Гудовича, тогда опредѣленнаго начальствовать войскомъ Кавказскимъ. Сей простоты преисполненный генералъ былъ пренадменный человѣкъ, котораго князь Потемкинъ держалъ тогда въ уздѣ и поставилъ ниже травы; онъ едва удостоилъ у меня спросить, зачѣмъ я въ Бендерахъ. Когда я его оставилъ, то догнавшій его адъютантъ сказалъ мнѣ, чтобы я явился въ его канцелярію, гдѣ меня запишутъ. Я ему отвѣчалъ, что я уже записаннымъ состою пятнадцать лѣтъ!—«Но, отвѣчалъ мнѣ адъютантъ, генералъ напомнимъ г-ну Попову о вашемъ на линію отпращеніи!»—И сего не нужно, отвѣчалъ я,

ибо г-нъ Поповъ меня всякій день видитъ и знаетъ, вачѣмъ я здѣсь живу, и я не затѣмъ и приходилъ, а желаніе мое было себя представить новому моему начальнику.

Послѣ покоренія Измаила, князь Потемкинъ на четвертый день праздника Рождества Христова, переѣхалъ на жительство въ городъ Яссы, куда и мнѣ г-нъ Поповъ приказалъ слѣдовать. Въ сей путь я отправился съ подпоручикомъ Алексѣемъ Петровичемъ Лебедевымъ, который служа въ Кавказскомъ войскѣ мнѣ былъ истинный другъ и прибывшій туда также вкратчѣ поручичьяго чина. Людство за его свѣтлостію послѣдовавшее было необычайное, выставленныхъ на станціяхъ лошадей никакъ не доставало, и потому ѣхали на однихъ доколѣ ихъ силъ становилось, послѣ чего останавливаясь на дорогѣ проживали по нѣскольку дней. Это бы неминуемо и съ нами послѣдовало ежели бы не проворство бывшаго со мною драгуна отъ того насъ избавило: мы кое какъ дотащились на усталыхъ своихъ лошадяхъ до одной почты уже поздно въ вечеру, на которой лошадей только и было что заготовленные для генералъ-маіора Вита, тогда везущаго свою прекрасную жену вслѣдъ за княземъ Потемкинымъ, заступившую мѣсто княгини Долгоруковой. Драгунъ вмѣшался въ свиту Витову, и усердствуя въ упряженіи ему лошадей, вмѣшалъ нашихъ трехъ усталыхъ, а оттуда трехъ свѣжихъ взялъ; молдована нашего погонщика мы понудили править сими лошадьми, предоставляя его лошадямъ высокую честь везти любовницу его свѣтлости. Такимъ образомъ насъ двое, драгунъ, слуга Лебедева и молдованъ вмѣстились въ телѣжку, на которой и одинъ бы съ нуждой могъ сидѣть; на пути повстрѣчались мы съ шестью лошадьми и однимъ молдованомъ, и потому слѣдуя заведенному порядку въ арміи принудили мы его съ собой ѣхать, и дабы облегчить повозку свою, то посадили на тѣхъ лошадяхъ верхомъ драгуна и слугу и съ сими, вершниками прибыли мы въ мѣстечко Кишеневъ. Здѣсь мы отдохнувъ часа три въ постояломъ домѣ запрягли повстрѣчавшихся намъ лошадей и пустились далѣе. Грязь, проливной дождь и холодъ все намъ на пути предстало, ночь настигла насъ въ дремучемъ лѣсу, гдѣ лошади насъ везти не могли далѣе; и такъ мы остановились тутъ и послали драгуна и слугу въ деревню впереди насъ лежавшую сыскать лошадей или воловъ дабы насъ туда дотащить. Посланные наши ночью дошли до оной и напали нечаянно на конюшню казачьяго старшины, въ оной съ командною квартировавшаго, изъ которой взявъ трехъ добрыхъ лошадей привели къ намъ. Казаки встревожились о потерѣ лошадей своихъ, бросились во все стороны оныхъ искать,

какъ наконецъ по утру мы сами съ оными имъ въ руки явились прибывъ въ ту же деревню. Старшина въ первомъ бѣшенствѣ хотѣлъ насъ угрожать своимъ полковникомъ, къ которому мы и пошли, но сколь я обрадовался, увидѣвъ въ немъ Андреяна Карповича Денисова, моего стараго въ училищѣ товарища, съ которыми я съ тѣхъ поръ не видался. Онъ узнавъ меня обнялъ, а старшина видя сіе закусилъ языкъ.

Оставя мы г-на Денисова продолжали свою дорогу и на другой день въ вечеру прибыли или лучше сказать пришли пѣшкомъ, ибо лошади отъ насъ далеко отстали, къ рѣкѣ Пруту, гдѣ въ одной землянкѣ поваръ г-на Попова оставался и давалъ столъ проезжимъ за плату необыкновенно дорогую; но кто цѣлой день не ѣлъ, тотъ о цѣнѣ не заботится. Землянка была наполнена проезжими, всякаго сигнала былъ: давай ѣсть!—Поваръ едва успѣвалъ оное изготовлять, какъ саранча все поѣдала. Столъ состоялъ въ битомъ мясѣ въ костреюлѣ на скорую руку недоваренномъ, изъ которыхъ за каждую поваръ бралъ со всякой души по голландскому червонцу. Встали мы изъ за кострюли вполголодны, но утѣшилъ насъ одинъ офицеръ принадлежавшій канцеляріи его свѣтлости тѣмъ, что хотѣлъ увѣрить всѣхъ, что горы нами въ тотъ день пройденныя были хребты Африканскихъ горъ; я не вѣдалъ, что онъ чрезъ сіи хребты хотѣлъ сказать и потому спросилъ его: точно ли онъ увѣренъ въ томъ, что предлагалъ?—«Какъ мнѣ не знать, отвѣчалъ невѣжа, я нахожуся при княжой канцеляріи».—Изъ чего я заключилъ, что канцелярія его свѣтлости наполнена великими географами.

Наканунѣ новаго года мы увидѣли себя въ Яссахъ, употребивъ на переѣздъ 150 верстъ семь дней, остановился я съ г-мъ Лебедевымъ на одной квартирѣ. Трескъ въ вечеру по всему городу раздавался отъ ударенія бичами. Мнѣ сказали, что это есть одно изъ обыкновенной той земли, что толпы людей ходятъ и ударяя бичами подъ окнами дома, поздравляютъ хозяина съ наступающимъ новымъ годомъ, и сіе бичеваніе изображаетъ прогнаніе стараго года, за что имъ должно платить; изрядно сказавъ я, что городъ то норовъ, и давъ волю хлопать сколько угодно, не заплатилъ дани ни копѣйки сему чудному обычаю.

Г Л А В А VI.

Произшествія со мною въ Яссахъ. Возвращеніе мое на Кавказскую линію. 1791 годъ.

Ясская моя жизнь имѣла для меня довольно пріятности: всякое утро провождалъ я въ дому его свѣтлости, гдѣ людство бывало не-

обыкновенное; три раза въ недѣлю у него бывали балы, а три же дня давались въ семьъ городѣ редуты, въ которыхъ за умѣренную плату вечера проводжались въ танцахъ и игрѣ; дамы въ оныя собирались офицеровъ армейскихъ, а многія и молдавскихъ господъ жены. Итакъ шесть дней я являлся въ публику, а седмой оставлялъ для себя, въ который по своему обыкновенію предавался чтенію и размышленіямъ всего видѣннаго и слышаннаго во всю недѣлю. Столъ имѣлъ я въ знаменитомъ Ясокомъ кофейномъ домѣ грека Чумы, гдѣ множество также собиралось генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ; здѣсь можно было слышаться разныхъ сужденій, часто обняками выводимыхъ, но которыя, сличая съ видимыми дѣлами, нерѣдко доводили до сѣдѣнія различныхъ тайныхъ дѣлъ Ясокаго владыки.

Г-нъ Поповъ отбылъ въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ о покореніи Измаила, а я остался безъ всякаго рѣшенія по письму ему писанному г-нъ Германомъ; при его отъѣздѣ, когда я ему о себѣ напомнюлъ, онъ мнѣ сказалъ, что при награжденіяхъ, которыя за одоленіе Баталь-бея послѣдуютъ, я не буду забыть. Все сіе было великолѣпная посула безъ исполненія, и потому дня три послѣ его отъѣзда я рѣшился подать просьбу его свѣтлости, по совѣту многихъ моихъ знакомыхъ. Сія просьба состояла въ краткой запискѣ моей службы и просьбы о награжденіи меня чиномъ капитана. Къ сему предиріятію я тѣмъ скорѣе рѣшился, что рассуждалъ, что въ семьъ случаѣ не было никакой подлости просить толико разъ мною заслуженной чинъ у своего фельдмаршала. Впрочемъ множество было дорогъ, которыми доходили у сего вельможи до полученія желаемого, но всѣ оныя показались мнѣ подлыми и честному воину несвойственными. Притомъ я на сіе болѣе пустился и ради того, чтобъ себя не упрекать неисполненіемъ онаго, ибо многіе подававшіе таковыя записки получили просимое. Князь Потемкинъ, проходя изъ половины графини Браницкой въ свою спальню, принялъ мою записку; при семьъ случаѣ и многіе другіе подавали оныя же, въ томъ числѣ и мой пріятель Лебедевъ; князь вошелъ въ спальню, а затворявшаяся за нимъ дверь скрыла какъ его, такъ и мою бумагу отъ моихъ глазъ. Люди, жившіе при семьъ дворѣ съ давнихъ временъ и вѣдавшіе порядокъ дѣлъ, совѣтовали мнѣ: чтобы получить совершенной успѣхъ въ начатомъ дѣлѣ, попросить одного изъ камердинеровъ его свѣтлости, дабы онъ подкладывалъ почаще мою бумагу выше всѣхъ тѣхъ, которыя у его на столѣ во множествѣ лежали, или закладывать бы оною то мѣсто въ книгѣ, гдѣ князь остановился чтеніемъ, которое

есть средство, дабы просьба чаще ему въ глаза кидалась, и онъ по-семи приказывалъ выполнять или ради того, что она ему наскучить, видя все одну бумагу, или ее издереть, а чаще бываетъ, что выполнять догадываясь, что вѣрно кто изъ окружающихъ имѣетъ свою въ томъ пользу, которыми вельможи охотно угождаютъ, ибо не рѣдко жизнь ихъ въ рукахъ такихъ людей, отъ которыхъ приготовленіе и пищи и питья ихъ зависитъ, и такимъ образомъ предстоитъ чаще его глазамъ, будетъ наконецъ исполнена. Оставляю на разсужденіе всякому честному человѣку, что я мыслилъ въ сію минуту какъ о тѣхъ подлецахъ, которые думали, что я соглашусь быть капитаномъ чрезъ посредство камердинерское, такъ и о томъ, у котораго такими дорогами сыскиваются награды за службу отечеству.

Безъ сей подлости я на другой же день былъ произведенъ капитаномъ, ибо князь на моей запискѣ отмѣтилъ своею рукою сіе повышеніе, но бумага сія попала въ руки негодая Тетерина, котораго я себя сдѣлалъ злодѣемъ въ Бендерахъ. Человѣкъ, пустившійся было мошеннически мнѣ сей чинъ доставить, не долго размышлялъ выкрасть изъ между бумагъ сію записку мною съ отмѣткою самимъ видѣнную. Когда всѣмъ вышло рѣшеніе просившимъ въ одинъ со мною день, а я не видѣлъ себя ничего, то пошелъ къ подполковнику Янченкову, оставшемуся правителемъ дѣлъ послѣ г-на Попова, и на тотъ разъ по слабости своего здоровья бывшаго въ своей квартирѣ, и объяснилъ ему причину моего прихода. Г-нъ Янченковъ написалъ записку г-ну Тетерину, бывшему по немъ старшимъ въ канцеляріи о отысканіи сего дѣла; я оную отнесъ Тетерину-вору, которую прочитавъ, тотчасъ пошелъ самъ къ г-ну Янченкову, не проговоривъ со мною ни слова. Я не рѣдко замѣтилъ, что какъ скоро человѣкъ войдетъ при какой знатной особѣ въ правители письменныхъ дѣлъ, то поставяетъ какъ будто долгомъ не имѣть ни честности, ни души. Такъ и въ семъ случаѣ сдѣлано. Г-нъ Янченковъ предпочелъ представленія, сколь ни были лживыя къ своему оправданію, своего товарища моему дѣлу и моей справедливости.

Я чтобъ не остаться при семъ, подалъ вторичную просьбу его свѣтлости, въ которой прописалъ утерю записки и прочее, слѣдственно хотя не именовалъ, но выводилъ на руку гнусности Янченкова и Тетерина. Но на сіе уже ничего не могло выдти, ибо его свѣтлость того дня въ вечеру получа чрезвычайнаго изъ Петербурга курьера отправился ко двору съ толикою поспѣшностію, что на другой день Яесской его дворъ сдѣлался какъ будто необитаемымъ. Отправленіе

мое изъ Яссы зависѣло отъ канцеляріи его свѣтлости, я явился къ г-ну Янченкову, который мнѣ сказалъ, чтобъ я дѣлалъ, что я хочу!—Таковой отвѣтъ офицеру находившемуся въ службѣ, показался мнѣ довольно страннымъ!—Но г-нъ Янченковъ былъ на меня злобенъ, какъ ради вторичной моей просьбы князю поданной, такъ и потому, что я съ того времени, какъ утрачена записка о моемъ производствѣ, на-востривъ свой языкъ, далъ ему волю подбивать всѣмъ тѣмъ, что я зналъ гнусаго на счетъ сихъ члиновыхъ писцовъ его свѣтлости.

Г-нъ Лебедевъ, получа поручичій чинъ, былъ отправленъ курьеромъ на Кавказъ, а я уговорился ѣхать съ премьеръ-маіоромъ Коробьинимъ и наняли мы лошадей до Ольвиополя, полагая навѣрное, что оныхъ на учрежденныхъ почтахъ не имѣлось, судя по людству, какое тогда за его свѣтлостію потащилось. Такимъ образомъ оставилъ я Яссы, проживъ въ оныхъ безъ мала два мѣсяца во всякомъ удовольствіи, сдѣлавъ знакомство со многими, которые меня любили, но по службѣ своей ни въ чемъ не успѣлъ.

Въ семь же городѣ видѣлся я съ полковникомъ Золотухинимъ, съ которымъ при началѣ войны я въ Елисаветградѣ свелъ довольно тѣсное знакомство; ласка, имъ мнѣ всегда оказуемая, довольно заставляла меня вѣрить, что я имъ былъ любимъ. Его удивленіе было велико видѣть меня чрезъ четыре года продолжающейся войны все еще поручикомъ. Сей достойный всякаго почтенія человекъ соблазновалъ обо мнѣ какъ о другѣ своемъ и совѣтовалъ мнѣ пріѣхать на будущую компанію въ армію его свѣтлости, гдѣ онъ надѣялся, будучи любимъ графомъ Суворовымъ, мнѣ доставить перемѣну чиновъ.—«Мнѣ жаль, говорилъ онъ, видѣть васъ безъ всякой пользы служащаго отечеству въ столь неизвѣстномъ краю, и потому пріѣзжайте ко мнѣ; моя въ семь случаѣ польза та, что я буду имѣть пріятеля, съ которымъ могу время дѣлить, а къ тому жь увѣренъ, что вы «своими достоинствами сыщите случай перемѣнить свою судьбу».—Я вѣдалъ, что г-ну Гудовичу вѣрно было овладѣть Анапой и потому сѣвшилъ къ своему полку, но послѣ обѣщалъ г-ну Золотухину выполнить его волю; но окончаніе войны съ Турками перемѣнили обстоятельства въ Россіи, а потомъ войска вошли въ Польшу, гдѣ мой любезный Золотухинъ въ сраженіи подъ мѣстечкомъ Дубенкою палъ на полѣ чести. Казалось, что судьба нарочито прекратила жизнь сему великодушному человеку для того, что онъ выискался быть моимъ помощникомъ.

Прибывъ я и г-нъ Коробьинъ къ рѣкѣ Бугу, увидѣли мы оный только что вскрывшимся отъ льду, который препятствовалъ переезду.

Мѣсто, на которомъ мы остановились, было противъ Ольвіополя лежащее мѣстечко Турецкое Гольта, брошенное ими и въ конецъ разоренное, слѣдственно не гдѣ было обогрѣться и потому мы рѣшились сколь ни опасно было на переездъ. Запорожскій козакъ взялся насъ на своемъ челночкѣ по одиночкѣ доставить въ Ольвіополь. Г-нъ Коробьинъ пустился впередъ и Запорожець съ великимъ искусствомъ и смѣlostiю управлялъ между вѣшалыми льдинами столь малымъ судномъ, которое самымъ малымъ притолкновеніемъ къ льду вѣ могло бы быть опрокинуто; г-на Коробьина онъ доставилъ благополучно къ противуположному берегу и возвратившись взялъ меня. Сей новый Харонъ отѣхавъ нѣсколько отъ берега не могъ пробиться сквозь стѣснившіяся льдины, а опасность была та, что ежели бы онѣ окружили судно, то бы унесли съ собой, не въ силахъ будучи человекъ онымъ управлять. Запорожець не находилъ другаго средства къ спасенію какъ пристать къ Польскому мѣстечку Богополю. Часовой сей наци, поставленный у берега съ тѣмъ, чтобъ къ оному никого не подпущать, грозилъ по насъ стрѣлять, буде мы приблизимся къ берегу. Видя съ двухъ сторонъ напасть, рѣшились мы наконецъ, употребивъ всѣ силы пройтись льдины, что намъ не безъ опасности однакожь и удалось.

Въ Ольвіополь мы пошли къ г-ну Пулевичу, пограничному почтъ-директору, человекъ мнѣ знакомому, земляку, а можетъ быть и роднѣ, ибо всѣ Сербы полагаютъ себя родными, просить помощи о переправѣ нашихъ повозокъ на противуположномъ берегу оставшихся. Сей дурында, высокоумѣрія преисполненный, отказалъ намъ въ пособіи, но не забылъ упомянуть, колико онъ былъ взысканъ милостію князя Потемкина, и сквозь толикое чванство усматриваемъ былъ родъ могущества ему на границѣ вѣреннаго. Впрочемъ сей старикъ былъ презабавной балагуръ, старавшійся насъ увѣрить, что своею рѣшимостію и арміей, состоящей изъ 10 или 15 почталіоновъ, удерживалъ онъ въ страхѣ польскихъ два баталіона пѣхоты и четыре эскадрона конницы въ Богополь расположенныхъ, которые сей ради причины не начинали тогда еще непріятельски дѣйствовать противъ войскъ Императрицы, а что они хотѣли стрѣлять по офицеру того же войска, это не входило въ счетъ. Мы довольно посмѣявшись на счетъ толико страховитаго для Поляковъ почтмейстера, отправились въ имѣвшійся тогда въ Ольвіополь постоялой домъ, гдѣ прекрасная жидовка Роза, дочь хозяйская, сдѣлала такое чудо, что намъ въ столь скучномъ городишкѣ время протекло весело.

На другой день приложили мы стараніе къ переправѣ своихъ повозокъ, которыя на нѣсколькихъ составленныхъ вмѣстѣ лодкахъ перевезены не безъ опасности и не безъ трудности. Услугу сію намъ оказали четыре гарнизонные обвѣщанные медалями солдата; сіи почтенные воины за рублей пять готовы были утопиться. Послѣ чего, напоивъ сихъ удрученныхъ старостію героевъ и обнявъ милую Розу за наше препровожденіе времени, оставили мы Ольвіополь продолжая путь на почтовыхъ.

Въ Елисаветградѣ я уже не засталъ почтеннаго Мавро-Кордато, который тогда находился въ Петербургѣ. Въ трактиръ остановились мы обѣдать; содержатель онаго былъ Курляндецъ, забавлявшій насъ во время стола разсказами о своей отчизнѣ и не выпустившій отъ себя до того времени, пока не вымѣталъ намъ свою экзерцицію войскъ герцога Курляндскаго за неимѣніемъ ружья кочергой.

Въ семь городѣ я разстался съ г-мъ Коробьинымъ, отправившимся въ деревню свою близъ Екатеринослава лежащую, а я поѣхалъ въ Скальвую. Прежде нашего разлученія, я далъ слово г-ну Коробьину заѣхать къ нему, когда послѣдую на линію. Въ Скальвой я не засталъ моего отца, который еще находился въ Петербургѣ, и потому поѣхалъ я въ Крыловъ свидѣться съ своими родными. Здѣсь я прожилъ три дня, послѣ которыхъ выѣхалъ на линію, направивъ свой путь чрезъ Екатеринославъ, дабы выполнить обвѣщанное г-ну Коробьину. Въ домѣ отцовскомъ я оставилъ ему письмо, въ которомъ объяснилъ все со мной случившееся въ Бендерахъ и Яссахъ. Въ Екатеринославѣ лютость погоды, взволновавшая Днѣпръ, удержала меня два дня, послѣ чего я прибылъ къ г-ну Коробьину, у котораго дня четыре пробывъ пустился на линію; оную я засталъ въ великомъ движеніи преднамѣреваемымъ тогда походомъ къ городу Анапѣ. Г-нъ Мухановъ обрадованъ былъ очень моимъ пріѣздомъ; эскадрономъ моимъ начальствовалъ въ мою небытность вновь выпущенный изъ гвардіи капитанъ Книперъ, которому велѣно тотчасъ мнѣ оный возвратить.

Г Л А В А VII.

Приступъ къ городу Анапѣ. Начало на меня г-на Гудовича неудовольствія. 1791 годъ.

По предписанію гзавноначальствующаго войска изъ разныхъ мѣстъ линіи въ исходѣ апрѣля мѣсяца двинулись въ походъ. Мѣ-

стомъ сборнымъ назначенъ былъ Темижъ-бекъ, урочище на берегу Кубани. Полкъ нашъ, пришедъ въ Ставрополь, засталъ тутъ еще нѣсколько полковъ мимо идущихъ къ назначенному мѣсту, куда въ тотъ же день и г-нъ Гудовичъ прибылъ, который приказалъ всему у Ставрополя собравшемуся войску при ономъ дневать.

На другой день поутру всѣ чиновники были у развода въ главной квартирѣ, военныя разныхъ полковъ музыки увеселяли собраніе, идущее на врага отечества; похвалу же всеобщую заслужила нашего полка музыка и пѣвчіе—плодъ стараній неусыпнаго г-на Зыкова.

Въ вечеру былъ балъ у подполковника Петра Николаевича Львова, женившася предъ тѣмъ не задолго на дочери г-жи Колокольцовой, той самой малюткѣ, которую она съ собой взяла оставляя домъ мужа своего. На семъ дѣйствительно военномъ балѣ странно было видѣть пестроту представляющуюся глазамъ: всѣ чиновники по обыкновенію, введенному тогда княземъ Потемкинымъ, были одѣты въ куртки солдатскаго сукна, и имѣя конные офицеры повѣшенные чрезъ плечо яфдунки предавались въ семъ боевомъ нарядѣ пляскѣ англійскихъ и французскихъ контртанцовъ. На семъ балѣ столь весело было, что г-нъ Гудовичъ, будучи человѣкъ уже не молодыхъ лѣтъ, сдѣлалъ сотоварищество молодежи въ рѣзвости. Идучи я на непріятеля въ сей день возобновилъ все то удовольствіе, которое ощущалъ тому восемь лѣтъ назадъ въ обращеніи съ г-жею Колокольцовою, которая жизнь свою съ г-мъ Исленевымъ тогда оставила и жила у своей дочери. Сію великую мою въ ремеслѣ волокитномъ учительницу я никогда не забуду, съ толякимъ умѣніемъ она вкралась въ мое сердце. Тогдашнее несходство уже ея лѣтъ съ моими дѣлали великую разность, но при всѣмъ этомъ я оставилъ Ставрополь, влюбленъ будучи въ г-жу Колокольцову столько же, сколько я ея былъ занятъ, оставляя ее, слѣдуя въ Грузію. Слѣдствія обыкновенныя первой страсти, которой довольно узрѣть предметъ ее возжегшій, дабы паки вспыхнуть отъ, такъ сказать, подъ пепломъ тлѣющей искры.

Когда все войско назначенное къ Анапѣ собралось у Темижъ-бека, то г-нъ Гудовичъ затѣялъ онымъ маневрировать стоя на одномъ мѣстѣ: Темижъ-бекское мѣстоположеніе представляло довольно мѣстъ, въ которыхъ бы искусный военачальникъ могъ изострить разными военными хитростями ту еще неопытную молодежь; тутъ представлялись глазамъ горы, лѣса, долины, переправы, тѣсныя проходы и проч. Я въ тѣхъ мысляхъ и былъ, что г-нъ Гудовичъ подаетъ прежде наставленія какъ биться и одолѣть непріятеля умомъ; но вмѣсто сего

онъ выбралъ рванину, на которой выстроилъ обыкновенный съ Турками боевой порядокъ, то-есть нѣсколько каре́, а между ими поставилъ конницу, которые при играніи музыки туда и сюда прохаживались отъ перваго часа пополудни до заката солнца. Въ продолженіе сихъ оборотовъ г-нъ Гудовичъ показалъ намъ опытъ своей запарчивости, ибо въ первомъ движеніи своего бѣшенства приподнялъ было свою трость, чтобъ ударить одного пѣхотнаго офицера за то, что онъ нѣсколько впередъ изъ лѣвѣи вышелъ. Возвращались мы въ лагерь, ѣхало насъ не малое число вмѣстѣ, я и не выдержалъ чтобъ не сказать: «главноначальствующій нашъ видно насъ считаетъ за совершенныхъ-неуковъ даже и въ томъ ремеслѣ какъ съ Турками воевать; я ѣдучи сегодня на сборное мѣсто право воображалъ видѣть маневры Фридриха II, а вмѣсто того поподчивали насъ слишкомъ нашимъ глазамъ примелькавшимися кареями», а при томъ, говорилъ я: «главноначальствующій имѣеть привычку замахиваться на офицеровъ тростью, но здѣсь есть много такихъ, которыя сдѣлали свичку быть всегда съ тростями, такъ иногда таковыя палки въ горячности могутъ столкнуться».—Въ нашемъ обществѣ былъ премьеръ-маіоръ Николай Федоровичъ Титовъ, наперсникъ, наушникъ, сводникъ и пр. г-на Гудовича, котораго онъ за особенныя домашнія ему услуги въ два года вывелъ изъ сержантовъ до премьеръ-маіора; сей г-нъ Титовъ тогоже вечера г-ну Гудовичу мною выговоренное пересказалъ. Я сей слѣчай ради того упомянулъ, что отъ онаго началось г-на Гудовича на меня неудовольствіе и я отъ его понесъ обиду не малую, какъ это будетъ видно послѣ; не одобряю я вовсе мною сказанное на счетъ маневровъ, но я не могъ вытерпѣть того, что онъ умничалъ предъ нами столь ничего незначащими маневрами.

Отъ Темижъ-бека послѣдовавъ внизъ по Кубани и переправившись оную безъ всякаго отъ горцовъ сопротивленія, вошли въ подошву Кавказа. Въ первой части сего сочиненія я общалъ опять говорить о дочери драчуна Шмита, вышедшей въ замужество за г-на Круглова. Странна покажется можетъ быть всякому сія смѣшанная нестрота: маневры г-на Гудовича, походъ къ Анапѣ и упоминаніе о ничего значущей дѣвчонкѣ лекарской, но сему смѣшенію причиной г-нъ Гудовичъ, а не я.—Продолжаю: г-жа Круглова, со смертію своего мужа, осталась распорядительницею своего поведенія и не имѣя предъ глазами чубуковъ отцовскихъ, сдѣлала изъ себя лотарею, которую разыгрывать пустились молодые и пожилые люди за добрую плату. Изъ

первыхъ покупателей на ея прелести явился г-нъ Гудовичъ, которому она еще оставшеюся свѣжестію своей молодости понравилась; онъ ей предложилъ жить у него на содержаніи, которое она безъ всякаго зазрѣнія приняла и потащилась за нимъ къ стѣнамъ Анапскимъ. И какъ сія женщина была довольной простоты, то надменность новаго ея положенія превзошла мѣру. Въ одинъ день долженствовалъ обозъ всего войска проходить сквозь тѣсную щелину, у которой отъ стороны горъ показалось нѣсколько Черкесъ, намѣревавшихъ какою либо нашею оплошностію воспользоваться: я былъ оставленъ съ моимъ эскадрономъ и одною пушкою для защиты онаго. Когда весь обозъ прошелъ, то я отправился къ головѣ онаго, гдѣ мнѣ велѣно было слѣдовать до лагеря; здѣсь г-жа Круглова ѣхала въ своей каретѣ. Случилось спускаться съ одной небольшой горы; сія возгордившаяся потаскушка вздумала требовать отъ меня чрезъ присланнаго лакея 10 драгунъ для спуска ея кареты. Я велѣлъ ей сказать, что я съ эскадрономъ тамъ находился совѣмъ ради другихъ причинъ, нежели для спуска ея кареты, и потому въ сей требуемой помощи отказалъ. Она по прибытіи на мѣсто принесла на меня жалобу въ мнимои моей грубости своему любовнику, которому сего было довольно, и соединя мои разсужденія о Темижъ-бекскихъ маневрахъ, дабы возненавидѣть. Какъ сей человекъ не могъ никогда скрыть ежели на кого злобствовалъ, то того же дня у вечерней зори показалъ мнѣ свое негодованіе; онъ спросилъ у моего полковника Муханова обо мнѣ, тогда, когда я возлѣ его самъ стоялъ: «этотъ Пищевичъ что́ тому Пищевичу, который былъ должковникомъ Ахтырскаго егерскаго полку?» Г-нъ Мухановъ отвѣчалъ, что онъ не зналъ. А я хотя и слышалъ его вопросъ, но какъ не у меня спрашивалъ, то отвѣту ему на оный не далъ.—Г-нъ Мухановъ видя, что онъ останется моею молчаливостію безъ отвѣта, повторилъ мнѣ его вопросъ, которому я сказалъ, что я того Пищевича сынъ! Поступокъ сей моей бывшей любовницы меня взбѣсилъ, и потому въ одинъ день избралъ я случай, когда она сидѣла у окна своего домика, забавлять окружившихъ меня моихъ пріятелей разказами не упоминая именъ той забавной свадьбы, мною описанной въ концѣ первой части. Г-жа Круглова приняла сіе за предисловіе выдаваемыхъ мною въ свѣтъ ея приключеній, и потому во всякомъ случаѣ старалась мнѣ дѣлать досады. Многіе мои пріятели совѣтывали мнѣ быть осторожну, но я продолжалъ бить въ набать.

Войско, прибывъ къ стѣнамъ Анапскимъ и обложивъ сей городъ, производило по немъ огонь 12-ть дней, но видя упорность на-

чадьствовавшаго въ ономъ трехъ-бунчужнаго Мустафы-паши, г-нъ Гудовичъ рѣшился на приступъ, который 22-го іюня произведенъ со всею жестокостію разъяренныхъ воиновъ: дрались съ обѣихъ сторонъ съ необычайною яростію, но наконецъ Россіяне превозмогли и войдя въ городъ обагрили свой мечъ какъ въ крови оттоманскихъ воиновъ, такъ женщинъ и младенцовъ невинныхъ. Съ начала я съ моимъ эскадрономъ находился въ большомъ резервѣ подъ начальствомъ бригадира Александра Васильевича Поликарпова, а потомъ когда шедшія на приступъ колонны были оттѣснены, то велѣно драгунскимъ эскадронамъ изъ резерва итти къ стѣнѣ; мы прискакавъ до контрескарпа спѣшились и съ примкнутыми штыками вошли на валъ, который удержавъ за собою открыли путь прочему войску въ крѣпость; сіе мужественное драгунъ дѣйствіе удивило какъ своихъ, такъ и турокъ, и мы въ тотъ день заслужили всеобщую похвалу. Я, войдя въ городъ съ моимъ эскадрономъ, нашолъ толпу турокъ, на которую наступилъ, опрокинулъ и преслѣдовалъ до берега морскаго, куда часть спасшася отъ штыка бросилась, и убѣгая одной смерти, обрѣла другую. Въ сей день, ежели бы я былъ сроденъ къ грабительству, могъ бы обогатиться; когда воины турецкіе совершенно были одолѣны и выведены изъ крѣпости, тогда велѣно было войско пустить на добычу; многіе чиновники къ стыду ихъ послѣдовали примѣру простаго воина, обременили себя непріятельскою корыстію и навьючившись такимъ образомъ не краснѣя являлись въ свой станъ. Я оставаясь на валу возлѣ своего знамени съ нѣсколькими ранеными драгунами, а эскадронъ мой вошелъ въ лавки, преизбыточно наполненныя всякаго рода товаромъ, предъ нашимъ пришествіемъ незадолго изъ Анатолиі привезеннымъ, гдѣ онѣ себя обогатили.

Мимо меня проводили со всѣхъ сторонъ плѣнныхъ, какъ изъ одной таковыхъ кучи я услышалъ поруски закричавшаго турка, называя меня по имени; я удивился увидя себя въ Анапѣ знаема; онъ меня просилъ избавить его отъ смерти. Войдя я въ средину сей толпы, узналъ его: онъ находился въ услуженіи моего бывшаго полковника Децрерадовича, отъ котораго отошелъ и попалъ къ своимъ прежнимъ одноземцамъ, ибо онъ былъ взятъ въ прежнюю турецкую войну ребенкомъ въ Бендерахъ, выкрещенъ и выкормленъ г-мъ Децрерадовичемъ. Я его взялъ и послѣ доставилъ опять къ прежнему его господину.

Послѣ покоренія Анапы, сдѣланъ отрядъ войска подъ начальствомъ подполковника Сенинберга къ городу Суджукъ-Калѣ, древнему

Генуевскому укрѣпленію; я въ числѣ сего отряда съ моимъ эскадронномъ находился Суджукъ-Калѣ мы застали брошеннымъ, изъ котораго турки ушли на судахъ въ Трапезонтъ; мы онаго часть стѣнъ разорили, строеніе сожгли, а пушки бросили въ море.

Возвратившись я въ Анапу, узналъ, что бывший нашего полка начальникомъ г-нъ Махвиловъ отъ удара параличнаго пошелъ въ гробъ; такова кончина постигла сего, впрочемъ добраго, но жаднаго къ присвоенію чужаго, человѣка: не пріѣзжай г-нъ Мухановъ годъ прежде и не прими полка съ великою умѣренностію, то бы участь г-на Зыкова постигла г-на Махвилова, а можетъ быть на томъ же биліардѣ и тѣмъ же молоткомъ размытарено было имущество неправильно стяжанное. Забавно мнѣ было слышать, возвратясь на линію, превозносива себя похвалами его женой за то, что при разсматриваніи записокъ, кто у него займствовался деньгами, я увидѣлъ что меня въ числѣ его должниковъ не состояло, а я ему былъ долженъ двѣсти рублей, и потому занявъ оныя ей возвратилъ; сіе показалось великимъ чудомъ сей безхарактерной женщины, что молодой человѣкъ самъ вызвался должникомъ умершему.

Войско оставивъ разоренную Анапу, возвратилось къ берегамъ Кубани, гдѣ получено извѣстіе о заключенномъ съ Турками перемиріи, которому послѣдовалъ вскорѣ и настоящій миръ и потому Кавказское войско возвратилось на линію.

Линія мнѣ сдѣлалась нестерпимою по окончаніи войны, въ которую я не успѣлъ, при всемъ моемъ усердномъ служеніи, никакой себѣ въ чинѣ перемѣны сдѣлать. Впрочемъ служеніе на оной мнѣ не толь дико казалось, чтобы оное полагать несноснымъ, какъ то утверждали лѣнивцы и несмысленные тунеядцы. Напротивъ я полагаю тамошнюю службу школой молодому офицеру, тамошніе труды удовольствіемъ молодымъ воинамъ, съ примѣчаніемъ служащимъ: горы, лѣса, частыя перемѣны предметовъ и положеній острятъ умъ воина, который опредѣляетъ себя на вышнія достоинства. Присемъ не совѣтую ни одному туда переходить, кто привыкъ кресты и чины получать даромъ, ибо они не сыщутъ въ бодромъ Черкесѣ робкаго Турка, ниже въ горделивомъ Персіянинѣ низкаго Поляка. Множество случаевъ мнѣ предстояло къ возвышенію чиновъ такими дорогами, которыми честный воинъ гнушается. Я въ такомъ случаѣ согласенъ лучше, чтобы отечество мнѣ осталось должнымъ наградой, нежели я ему службой.—Вотъ въ чемъ состояла моя утѣха!—Вотъ чѣмъ я величался!—Вѣдаю, что многіе смѣялись таковому мнѣнію, но за то они

не вѣдали прямой цѣны тѣмъ почестямъ, которыя получали ни за что!— На сей разъ голова моя была преисполнена происходящими въ свѣтѣ дѣлами, и я бы полетѣлъ въ Германію, ежели бы у меня деньги были. Среди собранія всѣхъ Европейскихъ армій, противъ Французовъ тогда дѣйствовавшихъ, полагалъ я театръ усовершенствованію своему въ военномъ искусствѣ; признаюсь, что къ теоріи, мною изъ книгъ приобретенной, и практикѣ не большой походовъ мною сдѣланныхъ, недоставало мнѣ участвовать въ двухъ или трехъ компаніяхъ противъ войскъ регулярныхъ и тогда бы я достигъ до верха своихъ желаній!—Мнѣ больше ненужна была практика Турецкой войны. Я сихъ ничего-значущихъ воиновъ видѣлъ на приступѣ, видѣлъ въ частныхъ ошибкахъ, видѣлъ въ полевыхъ сраженіяхъ, вездѣ суть они одинаковы; вездѣ ихъ робость очевидна. Въ моемъ мнѣніи сіи Азіійскіе донкишоты исключены изъ числа браноносцевъ.—Вѣрю, что они были не таковы во время принца Евгенія и что должно было ихъ побуждать храбростію и искусствомъ. Побѣды при Центѣ, Бѣлградѣ и другія покрыли славою сего великаго вождя, котораго мечемъ остановлены Магометане отъ дальнѣйшихъ предпріятій на завоеваніе Христіанства. Тогда Россія только что возраждалась отъ внутреннихъ потрясеній. Вѣрю и тому, что Турки были лучшими воинами противъ графа Румянцева-Задунайскаго, но я говорю о недавно оконченной войнѣ, что Турки сдѣлались весьма слабы, робки и утрачены Русскимъ именованъ до того, что при единомъ на нихъ воззрѣніи оружіе свое бросаютъ. Судьбами управляющимъ было опредѣлено довершить Россіянамъ турецкое уничтоженіе, начатое принцемъ Евгеніемъ. Довершили они оное славно для себя, гибельно для Турковъ.

Г Л А В А VIII.

Я награждаюсь за приступъ Анапскій листомъ бумаги. Г-нъ Гудовичъ, г-жа Круглова и прапорщикъ Росъ соединяются къ отнятію у меня эскадрона. Я произведенъ въ капитаны. Я призванъ предъ судъ изъ двухъ четвертей муки и одного четверика крупъ. Я оставляю служеніе на Кавказской линіи. Прибытіе мое въ городъ Саратовъ. 1792 годъ.

Одобреніемъ г-на Поликарпова я за приступъ Анапскій получилъ по именному повелѣнію одобрительный листъ, въ которомъ прописано дѣйствіе моего эскадрона во время овладѣнія Анапы. Здѣсь

мѣсто упомянуть, что мнѣ опредѣленъ былъ орденъ Св. Георгія 4-го класса, но оный достался моему брату. Вотъ какъ сіе случилось: г-нъ Германъ не преставаѣь напоминать, прибывъ въ Петербургъ, г-ну Попову о писанномъ ему въ Бендеры Пищевичѣ, котораго слѣдовало наградить за разбитіе Баталь-бея. Когда получено донесеніе о покореніи Анапы, г-ну Попову поручено было означить награжденія противъ имени каждаго смотря по заслугамъ; первый Пищевичъ, ему попавшійся, былъ мой братъ, онъ полагая его мною назначилъ ему военный орденъ, а найдя въ томъ же списокѣ и другаго Пищевича, написалъ ему одобрителный листъ. Послѣ сего увидѣвъ г-на Германа, сказалъ ему: «я думаю, что вашъ Пищевичъ можетъ быть доволенъ, ибо ему назначенъ военный орденъ!» — Г-нъ Германъ, узнавши когда награжденіе вышло въ публику ошибку, отвѣчалъ ему: «правда, получившій сію награду можетъ быть доволенъ, но оный есть не тотъ, о которомъ я васъ просилъ». — Сіе награжденіе лежало до 1792 года, ибо смертію князя Потемкина дѣла таковыя остановлены были, въ который оное прислано на линію.

Въ началѣ 1792 года постигла меня новая досада: прапорщикъ Росъ, о которомъ въ семъ сочиненіи я уже разъ имѣлъ случай упомянуть, во время моей бытности въ Яссахъ, управляя капитаномъ Книперомъ, въ мое отсутствіе начальствовавшимъ 10-мъ эскадромъ, и сдѣлавъ свычку къ такому въ эскадронѣ самовластію, трудно ему было привыкать опять къ подчиненности, въ каковой я его держалъ, а притомъ я ему сдѣлалъ выговоръ за разныя обиды, имъ причиненныя во время его владычества эскадромъ, разнымъ добрымъ драгунамъ. Сей гнусный человекъ, видя себя при мнѣ ничѣмъ, и потому перемѣнился противъ рядовыхъ: изъ жестокаго сдѣлался вдругъ мягкосерденъ, ласковъ и ищущимъ ихъ пріязни. Во время похода нашего подъ Анапу онъ завелъ дружество съ лакеями г-на Гудовича, отъ которыхъ узналъ о недоброхотствѣ ихъ господина мнѣ. Я ему выговаривалъ не рѣдко за такую связь. Въ Анапѣ сей Росъ навьючилъ себя добычею, въ томъ числѣ досталъ и денегъ, а возвращаясь на линію, нашелъ онъ случай посредствомъ слугъ г-на Гудовича быть принату къ сему генералу на ординарцы. Во время сего ординарчества, онъ ѣзжалъ часто въ полкъ подъ разными предлогами. Здѣсь сей подлець принялся эскадронъ мой возмущать противъ меня. Всѣ сіе доходило до меня, но я и вѣрилъ и нѣтъ всему слышанному, и потому оставлялъ безъ изслѣдованія, тѣмъ скорѣе, что я увѣренъ былъ въ несодѣянной мною по эскадрону низкости; толикая моя без-

печность почтена подлымъ Росю за пренебреженіе имъ, и потому оная лишь его поощряла къ окончанію имъ предпринятаго. Намѣреніе мерзкому Росу тѣмъ легче удалось въ дѣйство произвести, что тогда въ полку Астраханскомъ служба очевидно опускалась; старые офицеры, коихъ уже не такъ много въ полку оставалось, не будучи поощренными, а вновь опредѣленные отъ незнанія еще службы до того довели, что въ нѣкоторыхъ эскадронахъ непростительныя шалости творились. На все сіе г-нъ Мухановъ взиралъ сквозь пальцы. Я же мой эскадронъ всегда содержалъ въ строгости и требовалъ наибольшаго повиновенія и порядка.

Въ продолженіе сырной недѣли, эскадронъ мой, которому я далъ волю гулять, воспользовался онымъ до того, что упившись два капральства осмѣлились въ ночь раздѣлить свои артельныя деньги между собой и убоившись наказанія, какъ скоро проспались, то старшій вахмистръ съ шестью рядовыми ушли какъ скоро разсвѣло. Они явившись въ Георгіевскъ предстали своему покровителю Росу, который, ихъ на сіе настроивши, при семъ случаѣ оробѣлъ и продержавъ безъ всякой рѣшимости цѣлыя сутки у себя въ квартирѣ, наконецъ сыскалъ имъ покровительницу г-жу Круглову, которая, злобствуя на меня, доложила о ихъ прибытіи г-ну Гудовичу, которому бѣглецы жаловались на притѣсненія мною дѣлаемыя и разныя выдумки строгости ради, которыя въ другихъ эскадронахъ не бывали видны, что я за 1791-й годъ не удовольствовалъ ихъ фламскимъ полотномъ на лѣтнюю одежду и что они, видя г-на Муханова ко мнѣ хорошо расположеннаго, не осмѣлились ему жалобу принести, а прибѣгаютъ подъ покровительство главноначальствующаго.

Рѣшеніе г-на Гудовича было скоропостижно. Спустя дней восемь, бѣглецы присланы при офицерѣ обратно въ полкъ; въ повелѣніи г-ну Муханову изображено было, дабы отъ меня 10-й эскадронъ взять и меня опредѣлить къ старшему капитану въ эскадронъ; бѣглецовъ распредѣлить по разнымъ эскадронамъ, наблюдая, чтобы ни одного не было въ томъ эскадронѣ, въ которомъ я буду; всѣмъ вообще чинамъ въ полку напоминалъ г-нъ Гудовичъ, дабы не мстили симъ негодяямъ. А въ заключеніе всего, главноначальствующій повелѣвалъ собрать 10-й эскадронъ и спросить, правильно ли жаловались на меня бѣглецы, которое показаніе представить ему на разсмотрѣніе. Всего забавнѣе было послѣднее опредѣленіе, что оставалось разсматривать, когда сентенція заключена и повелѣно эскадронъ у меня взять. Легко можно понять, до какой степени главнокомандующій былъ на меня

гнѣвъ; при сей обидѣ торжество мое было совершено, что поручикъ могъ до такой крайности взбѣсить генераль-аншефа. Это все еще были слѣдствія Темижъ—бекскихъ маневровъ.

Что жъ принадлежитъ до артельныхъ денегъ, раздѣленныхъ въ пьянствѣ безъ моего вѣдома, то въ семь они вольны, говорилъ покоритель Анапа, понеже деньги имъ принадлежали!—Браво, г-нъ Гудовичъ!—Сіе весьма справедливо сказано, и противъ сего ни слова: собственность наша должна безъ сомнѣнія зависѣть отъ нашего распорядженія, но чего же ради въ войскѣ нашемъ тогда установлены были артельные деньги, за цѣлость которыхъ отвѣчалъ эскадронный начальникъ. Фламское полотно велѣно съ меня взыскать и удовольствовать эскадронъ.

О просимомъ бѣглецами фламскомъ полотнѣ можно г-на Гудовича спросить, какъ можно отдать то, чего я самъ и весь полкъ не получилъ; оное лежало тогда въ казначействѣ и называлось хозяйственно обереженною вещью, слѣдственно поручика и силы недостаточны были оное оттуда вытащить, обороняемое страшною полковничею инструкціей. Изображенныя же бѣглецами притѣсненія отъ меня терпимыя суть слѣдующія: гулять въ праздники эскадрону моему позволено было, но съ такимъ подтвержденіемъ, дабы ихъ никто не видалъ валяющихся безчувственными по улицамъ, въ лагерѣ не позволялось являться драгунамъ въ безобразномъ видѣ, а должныствовали будучи раздѣты проходить въ обозъ или изъ палатки въ палатку прикрывъ себя плащемъ; походомъ мой эскадронъ всегда слѣдовалъ какъ бы предъ лицомъ какого генерала со всевозможнымъ равенствомъ, отставать отъ взводовъ безъ позволенія ни за какую надобностью нельзя было.—Въ семь случаѣ они правы, ибо такъ всегда бываетъ, когда начальникъ полковой не отдаетъ должной справедливости тому, въ части котораго порядокъ службы соблюдался, а вмѣстѣ съ нимъ и его подчиненнымъ, и не дѣлаетъ должнаго взысканія съ упускающихъ оную; солдатъ, все сіе замѣчая, видитъ, когда полковникъ сего требуетъ, или только эскадроннаго начальника это воля, и потому считаетъ себя уже притѣсненнымъ и почитаетъ порядокъ вещью лишнею и затѣйливою. Сей полкъ, привыкшій къ строгости во время начальства г-дъ Апраксина, Зыкова и Махвилова, вдругъ увидѣлъ въ г-нѣ Мухановѣ начальника не заботящагося о томъ, что во время похода драгуны отстаютъ отъ фронта подъ разными предлогами и потомъ кучею скачутъ догоняя полкъ, что въ лагерѣ водили на водоной лошадей мимо ставки главноначальствующаго и видны

были драгуны въ однихъ рубашкахъ и порткахъ, босикомъ и безъ галстуконъ, одни сидя на конѣ, другіе пѣшіе. Таковаго порядку бѣглецы отъ меня ожидали, но я согласенъ былъ лучше ихъ лишиться, нежели приучать себя къ такому роду службы.

Эскадронъ мой по приказанію г-на Гудовича былъ собранъ, г-нъ Мухановъ у ихъ спрашивалъ о причинахъ побудившихъ бѣглецовъ принести на меня жалобу; часть большая изъ нихъ молчала, другая приписала причину раздѣленію денегъ, нѣкоторые отзывались мною довольны; молчавшіе симъ самымъ подавали знать, что они отъ меня избавиться желали бы, дабы могли самовольничать. Все сіе представлено на разсмотрѣніе г-ну Гудовичу, который, видя вздорную претензію, но злобствуя на меня не хотѣлъ оправдать уже имъ обвиненнаго. Здѣсь послѣдовало вторичное г-на Гудовича рѣшеніе не меньше забавное перваго: онъ предписалъ г-ну Муханову, чтобы онъ бѣжавшимъ изъ 10-го эскадрона сдѣлалъ предъ полкомъ выговоръ за то, что они мимо полковника пошли на меня просить. Впрочемъ, онъ говорилъ, хотя и не правильно они на меня жаловались, но они уже довольно наказаны, будучи распределены по другимъ эскадронамъ!—Какое скотское сравненіе наказаній: людямъ солгавшимъ и замаравшимъ меня, и мнѣ, котораго и за вину всеконечно обидѣть больше нельзя бы было!—Г-нъ Мухановъ, ничего не въ угодность г-на Гудовича сдѣлать не смѣя, отрѣшилъ меня отъ начальства эскадрона 10-го не взирая на то, что и онъ въ семь дѣлъ обиженъ много, а при томъ эскадроннымъ начальникамъ, къ которымъ достались бѣглецы, связывались руки словомъ: *мищеніе*, и тѣмъ самымъ подавался поводъ къ наглостямъ людямъ, уже ободреннымъ въ преступленіи, и наконецъ фламское полотно тащили насильно изъ казначейства. Въ семь случаевъ нельзя не сказать, что г-нъ Мухановъ, будучи совершенно добрый и честный человекъ, не за свое дѣло взялся полкомъ управлять; я о его полковничествѣ всегда мыслилъ такъ: ежели бы меня произвели въ сей чинъ и требовали, чтобы я таковымъ былъ въ полку, каковъ онъ, то я бы отрекся отъ чести управлять полкомъ.

И такъ я лишился эскадрона, которымъ начальствуя близъ семи лѣтъ, не довелъ полкъ не токмо прогнать сквозь строй какого либо изъ онаго шалуна, но ниже палками полкомъ не былъ никто наказанъ; ни малѣйшей жалобы никогда на 10-й эскадронъ не было приносимо, воровство, буянство изъ онаго было изгнано; стало быть, я какой-нибудь порядокъ завелъ, дабы довести до желаемой цѣли, но

сего не приводили къ моему оправданію и не давали случая мнѣ о томъ предъ главнокомандующимъ изъясниться, ибо злоба имъ на меня питаемая не позволяла приносить ни какого оправданія. Сей случай сдѣлалъ въ полку толико тревоги, что въ четыре послѣ сего дня бѣжало изъ оного 36 человекъ къ г-ну Гудовичу всѣ съ разными на своихъ начальниковъ требованіями, но фламское полотно у всѣхъ на языкѣ было. Г-нъ Гудовичъ, желая сіе укротить, прислалъ повелѣніе въ полкъ, дабы бѣжавшіе отъ меня были прогнаны сквозъ строй въ страхъ другимъ, а въ партикулярномъ письмѣ г-ну Муханову запрещалъ сіе въ дѣйство производить, а приказывалъ, вывести полкъ, прочесть повелѣніе о ихъ наказаніи, послѣ чего показать видъ, что они имъ прощаются. Таковое кукольное игрище было въ дѣйство произведено, къ смѣху всѣхъ благомыслящихъ. Однако жъ сіе не уняло безпорядокъ въ полку: два унтеръ-офицера бывшаго моего эскадрона обличены въ воровствѣ и оказаніи своимъ начальникамъ грубости были лишены чиновъ и прогнаны сквозъ строй. При семъ случаѣ 10 эскадронъ вспомнилъ строгаго своего Пищевича и всю гнусность своего поступка. Толико есть справедливо: что испортить солдата потребна минута, но довести его годы до порядка не достаточны.

Сколько мнѣ пріятно было видѣть себя предъ симъ эскадрономъ: это только можно чувствовать, а описать не въ состояніи. Я иначе предъ сей почтенный фронтъ не выходилъ во время начальствованія полкомъ г-на Зыкова, совершеннаго знатока службы, какъ будучи увѣренъ, что получу благодарность за исправность эскадрона. Во время сраженія 10-й эскадронъ былъ неустрашимъ, надежду полагалъ на мою преданность къ отечеству, а я на ихъ смѣлость, изъ чего рождалась та похвала отъ начальства, которая всегда послѣ схватки съ непріателемъ преслѣдовала мой эскадронъ. Неоднократно мои драгуны говорили, что со мной готовы во всѣ опасности пуститься, а особливо я заслужилъ отъ ихъ сію довѣренность въ 1788 году во время Убинскаго дѣла. Могъ ли я воображать тому нѣсколько лѣтъ назадъ, чтобы лакей стоявшій за моимъ стуломъ, содѣлавъ въ короткое время моимъ по воинской службѣ сотоварищемъ, соединится съ потаскушкой и безсмысленнымъ главноначальствующимъ для причиненія мнѣ толикаго неудовольствія.

Я сдавъ эскадронъ объявилъ себя больнымъ и, не неся ни какой службы, жилъ уединенно; чтеніе книгъ и посѣщеніе моихъ сотоварищей любившихъ меня всѣ занимали мое время; въ такомъ положеніи проводилъ я три мѣсяца ожидая, не предстанетъ ли какой случай

уѣхать съ лѣни. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда войска вышли въ лагерь, я отправился въ Георгіевскъ къ другу моему Лебедеву, у котораго въ палаткѣ весь апрѣль, май, и часть іюня мѣсяцевъ, столько пріятно, сколько можно въ бесѣдѣ истиннаго друга, а послѣ возвратился въ Александровъ, въ которомъ прогулки и чтеніе прогоняли мое время; а притомъ я ѣзжалъ часто въ Сѣверную вѣрпость, въ которой оставался подъ видомъ немощи, дабы не быть въ лагерѣ, полковникъ Петръ Алексѣевичъ Чемодановъ. Надобно коротко обращаться съ симъ человекомъ, чтобъ извѣдать, да какой степени въ немъ было много хорошаго и много дурнаго: свѣдущій, умный, многочитавшій, хлѣбосоль, ласковъ, замысловатъ въ шуткахъ,—это его хорошее. Но вотъ и дурное: въ полку ему ввѣренномъ былъ деспотомъ, поставляя офицеровъ своими рабами. Отъ сего все то, что мыслило благородно, его оставило, которыхъ мѣста заняты негодьями, съ которыми онъ какъ съ послѣднею тварью обходится. — Казачья дѣвка не иначе входила въ постель г-на Чемоданова какъ на договоръ, чтобъ онъ ей доставилъ достоинство барыни!—Сіе вы поинялось такимъ образомъ: призывался унтеръ-офицеръ, которому предлагалось жениться на такой-то казачкѣ, бѣднякъ соглашался, дѣвка шла въ объятія полковника, а изъ оныхъ къ вѣнцу; за такое снисхожденіе унтеръ-офицеръ по представленію г-на Чемоданова поступалъ въ аудиторы, или адъютанты, посредствомъ котораго казачка становилась барыней и снабжалась приличнымъ одѣяніемъ на счетъ г-на Чемоданова, на что деньги не рѣдко употреблялись или артельныя солдатскія или изъ церковной суммы.—Таковыми офицерами весь Владимірской пѣхотной полкъ былъ наполненъ. Время мое я съ нимъ дѣлилъ такимъ образомъ: пріѣхавши займусь съ нимъ разговоромъ продолжавшіея обыкновенно нѣсколько часовъ, послѣ чего предлагается быть балу. — Онъ зоветъ слугу, которому приказывалъ созвать всѣхъ барынь, а по его наименованію *матичекъ*, которыя являются въ лучшихъ нарядахъ и усаживаются въ залѣ, мужья ихъ въ сіе время держатся толпой у дверей работѣнски. Показывается г-нъ Чемодановъ, а съ нимъ и я.—Матички всѣ привстаютъ и кланяются, а онъ подходя къ нимъ привѣтствія ради треплетъ ихъ по щекѣ спрашиваетъ: «что вы скурехи, здоровы ли?» — Потомъ обращаясь къ ихъ мужьямъ: «что дурачки, пили ли вы сегодня?» — Послѣ сего начинается подчиванье: г-ну Чемоданову и мнѣ шеколадомъ или кофеемъ, а матичкамъ пуншемъ, а дурачкамъ по стакану сивухи и послѣ двухъ или трехъ залповъ музыка начинается гремѣть, подъ которую все собраніе пляшетъ до того, пока наскучатъ, послѣ чего безъ

всякихъ околичностей ихъ высылалъ вонъ. — Таковъ былъ образъ жизни человѣка съ рѣдкими дарованіями.

Въ сей промежутокъ получено изъ Петербурга производство сдѣланное за приступъ Анапскій, въ которомъ наконецъ и я поступилъ въ капитаны. Военной Коллегіи повелѣно было дать по чину всѣмъ тѣмъ, кои за взятіе сего города не получили орденовъ. Г-нъ Мухановъ предложилъ мнѣ въ начальство эскадронъ, но я кромѣ 10-го не хотѣлъ никакого съ таковымъ при томъ требованіемъ, чтобы солгавшіе на меня бѣглецы и негодной Росѣ отданы были мнѣ серьезно къ наказанію, и ожидали бы отъ меня помилованья. Г-нъ Мухановъ не смѣлъ о семъ и подумать, а для меня не оставалось никакого предмета на линіи; война кончилась, скучная жизнь, образъ тамошней войны мнѣ уже сталъ слишкомъ извѣстенъ, гоненіе мнѣ Гудовича, все сіе призывало меня отъ нея удалиться. — Дѣло состояло только въ томъ, какимъ образомъ выплатить долгъ мною на оной нажитой — разтаться, не заплативъ тѣмъ кто меня одолжали, былъ бы поступокъ, которымъ бы я себя вѣкъ упрекалъ! — Я рѣшился воспользоваться выходомъ полковъ карабинерныхъ съ линіи, долженствовавшіе тогда слѣдовать внутрь Россіи, и потому положилъ было итти въ Каргапольской полкъ, въ который прибывшій тогда новый полковникъ Таракановъ старался пополнить оный молодыми и хорошими офицерами, заставъ въ ономъ большею честью старость, дряхлость и лѣность, однимъ словомъ, тѣнь офицерскую. Рѣшившись я такимъ образомъ на оставленіе линіи ожидалъ только, чтобы г-нъ Таракановъ меня пригласилъ въ свой полкъ.

Александръ Дмитріевичъ Буткевичъ, начальствовавшій тогда Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ, знавшій меня въ Крыловѣ и наслышавшись отъ г-на Апраксина обо мнѣ много хорошаго, узнавши, что я намѣренъ былъ надѣть синій кафтанъ, первый представъ съ своимъ предложеніемъ, дабы я перешелъ въ еѣ полкъ, которому квартиры назначены были въ городѣ Саратовѣ. Г-нъ Буткевичъ при семъ приглашеніи обѣщалъ мнѣ дать займо-образно денегъ для заплаты моихъ на линіи долговъ, которыхъ тогда до двухъ тысячъ рублей простирались. На сей заемъ я тѣмъ скорѣе согласился, что былъ почти увѣренъ оный выплатить въ скоромъ времени, выйдя въ Россію наслышавшись, что начальники эскадроновъ квартирую въ той странѣ наживали деньги, и я надѣялся не токмо сей долгъ г-ну Буткевичу выплатить, но еще и имѣть столько денегъ чтобы отправиться въ Польшу, гдѣ тогда только начинались ратованія противъ Поляковъ; я мы-

сленно уже утешался надеждой быть съ чинами, крестомъ и проч. Я рассчитывалъ навѣрно все сіе получить, ежели и въ половину въ той странѣ моего служенія будетъ столь усерднаго какъ на линіи.— Послѣдствіе сего сочиненія покажетъ сколь всѣ сіи предположенія были химерическія!—и что Богъ нашею судьбою управляетъ, а не мы. На сіе я тѣмъ скорѣе согласился, что полкъ его шелъ совѣтмъ въ противную сторону отъ дома моего отца, въ которомъ я лежалъ было никогда не быть, и вотъ тому причина: братъ мой, получа орденъ, отпросился въ отпускъ въ домъ отцовской, отъ котораго былъ обласканъ; онъ съ одной стороны младшаго сына видѣлъ украшена военнымъ знакомъ такимъ, каковаго тогда въ офицерскомъ чинѣ во всей арміи и десяти человѣкъ не было; съ другой стороны видѣлъ старшаго сына, давно служащаго безъ эскадрона, обиженнаго хотя и неправильно, но старикъ сего не разбиралъ, а говорилъ, что когда генералъ-аншефъ отнял у меня эскадронъ, стало я виновенъ. Хотя впрочемъ не было на линіи ни одного человѣка, который бы не утверждалъ вѣдая мое служеніе, что у меня эскадронъ отнятъ неправильно и по праву сильнаго. Онъ брату моему велѣлъ перейти въ одинъ изъ полковъ, около дома нашего расположенныхъ, а меня казалось забыть, и на мое ему письмо братъ доставилъ мнѣ въ отвѣтъ родъ записки, въ которой изъявлялъ отецъ мой свое мнѣ неудовольствіе за неповиновеніе въ Бендерахъ перейти въ Острогорской легкоконный полкъ. Онъ мнѣ писалъ: «я было все здѣсь устроилъ къ твоему благополучію, но ты привьдомъ своимъ все разстроилъ».—Я только отъ брата узналъ, что уничтоженное мною въ Бендерахъ чуднымъ образомъ устроенное мое производство было съ согласія моего отца сдѣлано и что по его волѣ я долженствовалъ быть въ Острогорскомъ легкоконномъ полку. И такъ я видя, что о постигшемъ меня на линіи неудовольствіи отецъ мой не токмо не соболъзновалъ, но еще меня обвинялъ, а потому положилъ и не ѣхать въ домъ отца моего и не писать ему, хотя бы это мнѣ стоило и лишенія наслѣдства и сіе лишеніе въ послѣдствіе времени я втвердилъ въ свою голову до такой степени, что ежелибы о семъ и вѣдомость дошла, то ни малѣйше бы меня не опечалила. Такимъ образомъ я поступалъ во всю свою жизнь и въ трудныхъ для меня обстоятельствахъ полагалъ всегда послѣдствія для себя самоудѣйшія и когда въ половину противъ оного со мною случалось, то я вмѣсто печали предавался радости.

Судьба, играющая нами какъ дѣти шариками, не замедлила сравнять г-на Гудовича со мной: у меня изъ эскадрона ушло семь чело-

вѣкъ и онъ сіе чудомъ поставлялъ, а у его три полка Донскихъ казакѡвъ вышло изъ послушанія и, перевязавъ своихъ начальниковъ, отправились на Донъ и глупости его на сіе столько достало, что онъ ихъ упустилъ такъ сказать изъ рукъ въ такое время, когда 25 тысячъ войска стояло въ полѣ и войска Русскаго. Г-нъ Савельевъ былъ отправленъ имъ въ слѣдъ; когда я узналъ, что преслѣдующіе оныхъ сравнялись съ Александровымъ, то я отправился изъ любопытства туда и, явясъ г-ну Савельеву, просилъ его, дабы, ежели надобность предстанетъ, онъ меня употребилъ на службу. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что сей козачей шуткѣ конецъ воспослѣдовалъ, ибо они ушли, а погоня ему ввѣренная пришла въ усталость, и потому онъ, оную оставивъ на отдыхъ, самъ поѣдетъ въ Сѣверную крѣпость ожидать повѣщенія отъ г-на Гудовича на посланное ему его донесеніе. Онъ пригласилъ меня съ собой: мы ѣхали на его линейкѣ, шестью лошадьми запряженной; и начавъ съ одной горы спусцаться, лошади испугавшись начали насъ тащить, и какъ гора была довольно крута и укрыта лѣсомъ, то линейка, ударясь о деревья, понудила всѣхъ съ оной упасть; одинъ г-нъ Савельевъ и я удержались, даже кучеръ и фрейторъ упали, послѣ сего, будучи мы взбѣсѣвшимися лошадьми вытащены на гору, стояли надъ вторичной кручей, которая несравненно бы была для насъ гибельнѣе первой, ежели бы Волжскіе казаки съ нами бывшіе не подоспѣли удержать лошадей:

Возвратясъ изъ сего кратковременнаго похода въ Александровъ, засталъ я требованіе отъ учрежденной военнаго суда комиссіи въ Екатеринбургѣ, дабы я предсталъ предъ оной, и вотъ въ чемъ дѣло состояло: когда нашъ полкъ квартировалъ въ Ставрополѣ, тогда находился въ ономъ при провіантскомъ магазинѣ прапорщикъ Митюринъ, человекъ молодой, вѣтреный и мотыга; онъ бралъ отъ подрядчиковъ вмѣсто муки, крупъ и овса деньгами съ тѣмъ намѣреніемъ, что покупая на линіи всѣ оныя дешевле пополнить магазинъ, но вмѣсто того деньги пустилъ на вѣтеръ, провіанта не купилъ, и когда оный начали свидѣтельствовать, то не оказалось по счету до трехъ тысячъ четвертой муки и крупъ. И такъ вѣтренникъ Митюринъ отданъ подъ судъ, гдѣ онъ пять лѣтъ вывертывался всякими манерами изъ бѣды, а наконецъ наученъ онъ былъ вѣдущимъ крючкотворство человекомъ показать, что онъ оный продалъ офицерамъ полку Астраханскаго драгунскаго, дабы вмѣстятъ многихъ въ сіе дѣло. Г-нъ Митюринъ могъ тѣмъ скорѣе освободиться; онъ на сіе пустился и показалъ на г-на Апраксина и на всѣхъ офицеровъ бывшихъ тогда въ полку, изъ которыхъ многіе вышли въ отставку, другіе въ прошед-

шую войну убиты или померли, а оставалось еще в полку изъ бывшихъ тогда на лицо не болѣе пяти или шести офицеровъ, въ томъ числѣ и я, и потому меня требовали для отвѣта, почему я осмѣлился приступить къ покупкѣ казеннаго провіанта. Судьба моя выдумала мнѣ сыграть сію шутку, поставивъ меня на одной доскѣ съ преступникомъ Митюринимъ; я повинуюсь ея волѣ отправился въ Екатеринбургъ, гдѣ являсь къ презусу военного суда маіору Лейману, который мнѣ объявилъ, что нужно имѣть отъ полка мой послужной списокъ, дабы сличить поведеніе мое съ подсудимымъ Митюринимъ, и котораго я, не вѣдая крюкотворческихъ дѣлъ, съ собою не привезъ. Я написалъ къ г-ну Муханову о присылкѣ онаго, чего ради пока оный прислали и отправился въ Моздокъ, гдѣ прожилъ съ недѣлю у подполковника Мансурова, а возвратясь въ Екатериноградъ узналъ, что мой послужной списокъ былъ полученъ. — Явился я въ судъ, въ которомъ засталъ г-на Леймана, четырехъ офицеровъ за ассессоровъ и одного аудитора, сей судъ составляющихъ, вмѣщавшихся въ простой казачей избѣ; и какъ они вмѣстѣ со мной въ оной вошли, то нужно имъ было сѣсть по мѣстамъ, и потому г-нъ Лейманъ мнѣ сказалъ, чтобы я вышелъ, пока буду призванъ по формѣ предъ судъ. Г-нъ Лейманъ, будучи нѣмчинъ, наблюдалъ всю акуратность своихъ соотчичей. Сей формы, за неимѣніемъ другой комнаты, я ожидалъ въ сѣняхъ, вмѣстѣ съ хозяйскою, домашнею птицею и преступникомъ Митюринимъ. Прошло не мало времени, пока господа судьи въ избѣ сидя кашляли, плевали и проч., наконецъ унтеръ-офицеръ пошелъ имъ объявить о моемъ приходѣ. Аудиторъ вышелъ въ сѣни и сказалъ мнѣ чтобы я явился въ судъ. Лишь я предъ оный предсталъ, то уже оный мнѣ смѣшнымъ показался, ибо презусъ и ассессоры, оставя свое настоящее положеніе и надувшись подобно индѣйскимъ пѣтухамъ, сидѣли за простымъ столомъ, покрытымъ изодраннымъ солдатскимъ краснымъ сукномъ, на стульяхъ половину изломанныхъ, которые бы могли упасть, ежели бы они не поддерживали оныхъ одной изъ своихъ ногъ; предъ ними стояло зеркало, на которое почтенные судьи и на всю избу дышали питымъ накануне простымъ виномъ. Такого покроя людямъ судьба несчастныхъ отдана была въ руки! — Послѣ молчанія нѣсколькихъ минутъ презусъ спросилъ меня: не имѣю ли я какого подозрѣнія на господъ составляющихъ оный судъ? — Я ему отвѣчалъ, слѣдуя порядку, что никакого! хотя впрочемъ я и весьма ихъ подозревалъ въ пьянствѣ. Аудиторъ тотчасъ записалъ мой отвѣтъ, который я долженствовалъ своею подпискою утвердить, что они были

честные кавалеры. После сего аудиторъ мнѣ прочиталъ, что прапорщикъ Митюринъ показалъ, что мнѣ продалъ изъ казеннаго провіанта муки двѣ четверти, крупъ одинъ четверикъ. Я тутъ только узналъ, изъ какой малости я былъ призванъ предъ зеркало, а до того я право думалъ, что дѣло о нѣсколькихъ тысячахъ четвертей состояло. На сіе я отвѣчалъ, что я въ таковой малости ни когда нужды не имѣлъ и на покупку казеннаго провіанта тайно-никогда не приступаю.—Сіе также аудиторомъ поставлено на бумагу и я оное подписалъ. После сего г-нъ Митюринъ былъ введенъ, которому прочитали мое возраженіе на его показаніе, но сей законный въ преступленіи человекъ настаивалъ въ своемъ, которому презусъ объявилъ, что онъ не имѣетъ свидѣтелей къ моей уликѣ, ибо показывалъ, что я провіантъ купилъ, а кто его мнѣ привезъ не вѣдалъ: явная ложь, ибо вѣрно я на себѣ его не понесъ, и потому судъ полагается болѣе на мои слова, нежели на его явно уже изобличеннаго преступника, и потому я отпущенъ въ полкъ. Я оставилъ Екатериноградъ, проклиная Митюрину и его муку, на которую поѣздку я болѣе денегъ на прогоны издержалъ, нежели бы заплатилъ за всклепанной на меня провіантъ.

Возвращаясь въ Александровъ, я въ Георгіевскѣ узналъ, что получено уже повелѣніе о высылкѣ карабинерныхъ полковъ въ Россію. Г-нъ Буткевичъ приступилъ къ г-ну Гудовичу о причисленіи меня къ Ростовскому полку, но сей, долго не соглашаясь, наконецъ далъ мнѣ паспортъ на 29 дней въ отпускъ въ городъ Саратовъ, а г-нъ Буткевичъ взялъ сіе на себя, чтобы отправить мое прошеніе въ Военную Коллегію о моемъ переводѣ въ его полкъ, которое и послѣдовало когда мы пришли въ Саратовъ.

Я возвратился въ Александровъ, гдѣ изготовился къ походу, куда чрезъ нѣсколько дней полкъ Ростовской пришелъ и мы направили свой путь по берегамъ Волги, чрезъ степь Царицынскую. Оставленіе мною служенія на Кавказѣ произошло 21 сентября. Я разстался не безъ душевнаго сожалѣнія съ Астраханскимъ полкомъ, въ которомъ столько лѣтъ сдѣлалъ свычку, былъ любимъ, уважаемъ; сотоварищи мои меня отпускали съ знаками совершенной ко мнѣ привязанности: большая часть драгунъ 10 эскадрона пришли ко мнѣ и, имѣя глаза исполненные слезъ, простидись съ своимъ прежнимъ начальникомъ. Между офицерами, которые меня вереть за 10 отъ города проводили, находился и полковой квартирмейстеръ Зиновой Никитичъ Поповъ, бывший въ моемъ эскадронѣ старшимъ вахмистромъ и которому за долговременную и добрую его службу выпросилъ я кадетской чинъ съ

такимъ старшинствомъ, посредствомъ котораго чрезъ годъ ему досталось въ прапорщики, а г-нъ Зыковъ, замѣтя его расторопность и честность, доставилъ ему полковаго квартирмистра чинъ. Сей человекъ сохранилъ во всю свою жизнь ко мнѣ благодарность и рѣдкую привязанность, при прощаніи слезы имъ проливаемые ирештествовали много говорить, а коротко: пожелалъ мнѣ столько счастья, сколько я ему добра сдѣлалъ. Я всегда жилъ со всѣми въ полку пріятельски, но между всѣми имѣлъ себѣ истиннаго друга поручика Александра Ивановича Федорова, который таковымъ мнѣ навсегда остался. Итакъ избавился я скучной линіи и за сіе преимущественно обязанъ 10-му эскадрону и подлomu Россѣ и нельзя въ семь случаевъ не сказать, что нѣтъ худа безъ добра.

Царицынская степь можетъ почесться сухопутнымъ моремъ, на которой воды, кромѣ въ рѣкѣ Манычѣ, и то горькой нигдѣ нѣтъ, равнина не оканчивающаяся предстаетъ глазамъ, на которой вмѣщаются многочисленныя табуны казмыцкихъ лошадей; множество волковъ и сагайдаковъ; ни съ лѣсомъ, ни хижиной нигдѣ нельзя повстрѣчаться; однѣ казмыцкія кибитки видны, но и тѣ почти всякую недѣлю переносятся съ одного мѣста на другое.

Въ семнадцать дней мы перешли четыреста восемьдесятъ одну версту, разумѣя отъ города Александрова до деревни Цацы, которая была первая намъ повстрѣчавшаяся, вышедъ изъ степи Царицынской. Радость наша была неописанна, увидѣвъ себя въ теплыхъ квартирахъ и избавившись несносной пустыни, которая бываетъ не меньше опасна, ежели на оной застанутъ проходящихъ снѣгъ и вьюги. Въ Цацѣ мы простаяли два дни, послѣ чего полкъ пошелъ проселочною дорогою до дорога Царицына, а полковникъ Буткевичъ со многими офицерами захалъ изъ любопытства посмотреть Геригутерскую колонію Сарепту, толико извѣстную разными изящными своими рукодѣльями. И подлинно странно, выйдя изъ почти непроходимой и дикой степи, повстрѣчаться у конца оной съ столь хорошо выстроеннымъ мѣстечкомъ какова Сарепта, гдѣ не токмо російскіе товары, но и иныхъ земель сыскать можно; сіе общество имѣетъ во всѣхъ главныхъ Россійскихъ городахъ свои конторы, а сношенія и съ заграничными мѣстами. Здѣсь надобности нѣтъ, покупая разныя вещи, переходить изъ одной лавки въ другую; одинъ огромный покой вмѣщаетъ всѣ, для дамъ, мужчинъ, хлѣбопашцевъ, солдатъ и проч.

Нельзя не сказать, что ежели бы Петръ I могъ встать, то онъ бы столько Россіи въ теперѣшнемъ ея положеніи удивлялся, сколько

онъ то дѣлалъ ѣзючи въ чужихъ краяхъ! — Сей городокъ былъ бы еще лучше выстроенъ, ежели бы извергъ Пугачевъ, посѣтившій оный, съ сонмомъ грабителей, зажигателей и проч., не опустошилъ Сарепты. Начальникъ Сарептскій со многими изъ старшинъ сей колоніи явился къ г-ну Буткевичу, которые изъявили намъ свое желаніе, дабы мы провели въ ихъ усадьбѣ время пріятно. На другой день по утру мы были въ ихъ церкви, гдѣ выслушали весьма умственно сочиненную рѣчь ихъ пастора, имѣющую предметомъ честность и доброе поведеніе гражданъ. Послѣ обѣда мы были водимы Сарептскимъ Обществомъ по всѣмъ ихъ руководѣльнаго мастерства заведеніямъ; чистота повсюду нами замѣчена была чрезмѣрная; наружную скромность и благовѣйное лицо никто лучше ихъ составить не можетъ. Жалости достойныя дѣвки, запертыя въ такъ называемомъ Сестринѣ домѣ, представляють образъ мертвецовъ, блѣдность ихъ лицъ не имѣющая ни капли крови, темно-голубыя подъ глазами пятна, суть ясныя доказательства коликъ онѣ мучимы безбрачностію. Съ другой стороны видѣнъ домъ Братѣевъ, которые одержимы одною съ сестрами болью, и говоря по человѣчески: ежели бы сіи дома соединить хотя на одинъ мѣсяць, то коликъ бы сія бѣдная молодежь перемѣнилась и Сарепта бы не замедлила увидѣть своихъ домашнихъ Сарептчиковъ! — Гернгутеры выдумали изъ своего городка сдѣлать мѣсто священнѣе нежели былъ рай, жаль только то, что Сестринъ домъ не вмѣщаетъ ни одной столь предприимчивой дамы, какова была прародительница наша Ева, а то бы скоро узнали братья всю сладость запрещеннаго яблока. Въ вечеру мы были приглашены къ градскому начальнику, гдѣ сыгранъ былъ концертъ ремесленниками сей колоніи; управляя оркестромъ хлѣбникъ; мы ихъ похвалили, и потому наши хозяева едва не падѣлись надъ своими инструментами, толико они усердствовали намъ угождать, и концертъ былъ сыгранъ изряднехонько, хотя и былъ составленъ оный изъ ткачей, столяровъ, сапожниковъ и проч. Забавило насъ очень и то, что сія музыка съ начала было очень оробѣла, видя съ нами полковаго капельмейстера, котораго они почтали виртуозомъ, и потому, дабы испытать его умѣніе, предложили ему скрипку; сей, будучи весьма посредственный музыкантъ, отговорился, что безъ очковъ играть не можетъ. Сарептяне доставили ему немедленно оныхъ разныхъ разборовъ и увидѣвъ, что онъ игралъ не лучше ихъ, и потому пришли въ смѣлость; мы, дабы оправдать своего капельмейстера, который впрочемъ былъ пренадутой нѣмчинъ, увѣрили Сарептскую капелію, что онъ у насъ полковой литавщикъ, чѣмъ взбѣсили своего

кашельмейстера до того, что прийдя въ Саратовъ онъ вышелъ изъ полка.

Оставивъ Сарепту, мы нагнали полкъ въ городѣ Царицынѣ, гдѣ два дня простояли, въ которое время я принялъ въ свое начальство второй эскадронъ полка Ростовскаго, хотя въ оный еще и не былъ переведенъ. Въ послѣднихъ числахъ октября мы сблизившись къ Саратову, начали чувствовать всю лютость зимы велико-россійской, и потому, не входя въ городъ всѣмъ полкомъ, эскадроны были распущены ближайшими дорогами въ опредѣленные имъ селенія отъ наѣстническаго правленія. Ни одного не было назначено въ Саратовъ, кромѣ штаба; г-ну Буткевичу желательно было, дабы я съ моимъ эскадрономъ въ ономъ или по крайней мѣрѣ по близости города квартировалъ, и потому приказалъ мнѣ на первый случай остановиться въ экономическомъ селѣ Мордовомъ на берегу Волги лежащемъ. Сихъ крестьянъ я нашелъ въ преизбыточномъ состояніи; вокругъ меня поселены было колоніи Нѣмецкія, выведенныя изъ Саксоніи; двадцать слишкомъ лѣтъ тогда было, какъ на берегу Волги не видали никакого войска, и потому мы были приняты съ распростертыми руками.

Расположивъ мой эскадронъ и проводивъ съ онымъ нѣсколько дней, я отправился въ Саратовъ. Г-нъ Буткевичъ меня представилъ губернатору генералъ-поручику Ильѣ Гавриловичу Нефедьеву, пріятелю моего отца, съ которымъ онъ служилъ вмѣстѣ. Сей г-нъ Нефедьевъ былъ старичекъ предобрый и честный, не вѣдущій вовсе что въ его губерніи дѣлалось, въ которой управленіе вмѣшивалась его жена, и потому всегда губернаторшу называли Ильей Гавриловичемъ, а губернатора Марьей Семеновной: такъ было имя губернаторши. Когда я былъ ей представленъ, то увидѣлъ себя предъ женщиной рослой и не молодой, которая впрочемъ говоря по пословицѣ: стоя бхаа, семерыхъ везла. Она тогда имѣла обожателемъ обветшалыхъ своихъ прелестей нѣкоего г-на Радищева, но любила видѣть вокругъ себя всѣхъ молодыхъ людей. Я въ семъ случаѣ какъ-то не попалъ на ладъ, ибо Саратовъ изобилуеалъ лицами гораздо пріятнѣйшими, на которыхъ мои глаза останавливались, изъ чего и вышло, что не дали моему эскадрону опредѣленныхъ было квартиръ въ прекрасномъ и богатомъ селѣ Покровскомъ, на лѣвомъ берегу Волги лежащемъ, противъ самаго города, которое было мнѣ опредѣлено, но послѣ перемѣнено, и я долженствовалъ расположиться съ эскадрономъ въ селѣ Логу, въ 60-ти верстахъ отъ Саратова, по пензенской дорогѣ.

Сей переходъ открылъ мнѣ глаза, какимъ образомъ наживаются въ Россіи эскадронные командиры, и съ сего времени мои затѣи тѣхъ въ Польшу исчезли. Я легко зная себя видѣлъ, что я не только не соберу денегъ, но и занятыхъ у г-на Буткевича не выплачу. Здѣсь я ясно видѣлъ себя въ довольно жалкомъ положеніи: нажива отъ эскадрона не могла иначе произойти, какъ грабя казну, слѣдственно обнищавая солдата, защиту отечества, моему начальству, моему призрѣнію ввѣреннаго; нажива отъ поселянъ сопряжена была съ ограбленіемъ ихъ собственности, то и другое должно было съ уничиженіемъ своего добраго имени производить! Боже, какого духа должно было быть, чтобъ пуститься на такую гнусность! При всемъ этомъ содержать себя надобно было, — я въ полку находился сверхъ комплекта, — и содержась съ нѣкоторою роскошью, какъ ради того, что я попался въ такое общество, гдѣ совершенно жить умѣли, такъ и потому что провѣдали достатокъ отца моего, на поддержаніе котораго и его чина я ничего не имѣлъ; слѣдственно подлежало прибѣгнуть къ новымъ займамъ, дабы предстать между людей соотвѣтственно моему званію, и потому я, возвратившись въ эскадронъ, перевелъ оный въ помянутыя квартиры, въ которыхъ пробылъ до совершеннаго устроенія всѣхъ выгодъ для солдата. Лога было селеніе не хуже мною оставленнаго и симъ кончился 1792 годъ. Нельзя не сказать того, что во время сего перехода я бы могъ нажить изрядныя деньги; крестьяне, по селеніямъ которыхъ я съ эскадрономъ проходилъ, были крайне именемъ солдатскимъ настращены, который въ нихъ страхъ чины земскаго суда старались поддержать своей ради пользы. Исправникъ Горбуновъ выѣхалъ мнѣ на встрѣчу для препровожденія эскадрона, предлагалъ мнѣ разныя дороги кривыя къ достиженію Лога; мужики лишь свѣдали о семъ посѣщеніи, то и стеклись на мой путь съ деньгами для откупленія себя отъ оного; я отрекся отъ ихъ подарковъ, говоря, что долгъ мой есть прямѣйшимъ трактомъ слѣдовать. Увѣрялъ ихъ, что они не имѣютъ причины опасаться солдатъ, которые суть не разбойники, но ихъ сограждане и защитники, водимые начальниками, которые честію своею обязаны не допускать своихъ подчпненныхъ ни до какихъ шалостей. Все сіе было не по сердцу г-на Горбунова, который послѣ въ Саратовѣ говорилъ, что я способенъ просвѣщать народъ и весьма похожъ на такого чловѣка, который готовъ революцію затѣять, однимъ словомъ, но его мнѣнію я принадлежалъ къ обществу Якобинцевъ. По маршруту г-на Горбунова я бы кружился около своихъ квартиръ мѣсяцъ или и болѣе тогда, когда я въ шесть дней кончилъ сей путь. Онъ хотѣлъ играть роль Моисея,

но въ моемъ эскадронѣ не нашелъ Израилтянъ, и я расположенъ былъ узрѣть землю Логовскую прежде сорока лѣтъ. Съ сего времени сей г-нъ Горбуновъ меня не полюбилъ, но я не о его доброхотствѣ помышлялъ, а о своей должности. Денегъ бы и съ нимъ раздѣлившись на мою часть изъ сего похода досталось тысячи двѣ рублей, но я лучше согласился веселиться занимая оныя, нежели грабить монахъ соотчичей.

Г Л А В А IX.

Веселости Саратовскія. Мои волокитства. Я перелавливаю воровъ. Я опредѣляюсь въ ассесоры военнаго суда. Пребываніе мое въ Аркаданѣ. Възда въ Борисоглѣбскѣ. Забавное судилище. Переѣздъ въ Кирсановъ. Я отъ суда отдѣлываюсь. 1793 годъ.

Саратовъ намъ съ самаго прибытія показался очень пріятнымъ какъ ради ласки, которую намъ въ ономъ оказывали, такъ и потому, что оставивъ пустыню Кавказскую увидѣли себя посреди многолюднаго общества, которое отчасти хотя по интереснымъ своимъ расчетамъ и раздѣлено между собой было, но мы не вмѣшиваясь въ оныя пользовались веселостями намъ ими доставляемыми. Дни въ недѣли были разобраны лучшими въ городѣ домами, въ которые по полудни съѣзжались, занимались картами, а въ вечеру начинались танцы, которые продолжались не рѣдко гораздо за полночь. Въ Саратовѣ пикировались тогда тѣмъ, у кого на балѣ больше собранія было и у кого танцовали больше; губернаторша въ семъ странномъ обыкновеніи первенствовала не потому, чтобы она лишне любима, но по страху, который она умѣла во всѣхъ вселить; жены и дочери не рѣдко и по неволѣ прыгали, дабы мужья и отцы могли покойно свои карманы набивать. Веселости въ Саратовѣ, волокитства и разныя празднества, даваемая въ угодность намъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ полка болѣе 20 лѣтъ не видали; женщины намъ головы вскружили, а мы имъ, и посреди всего сего я сдѣлался какъ очарованный, забывалъ претерпѣнныя нужды на линіи, забывалъ то, что всякій день вводилъ меня въ новые долги, забывалъ и то, что никакихъ средствъ не представлялось къ выплатѣ оныхъ. Надлежало здѣсь тотчасъ образумиться и деньги занимаемая употребить на поѣздку въ Польшу, но сего я не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ, деньги какъ приходили, такъ и расходились, и суммы большой въ рукахъ никогда не обрѣталось.

Въ началѣ 1793 года кончился трехлѣтній срокъ избраннымъ въ разныя по намѣстничеству чиновникамъ должности, и потому; по уложенію о губерніяхъ, посѣдовалъ съѣздъ со всѣхъ уѣздовъ дворянства къ выборамъ, что приумножило еще больше общество; балы были уже вещью обыкновенною и потому дано было четыре сряду маскарада.

Въ Саратовѣ никого нельзя увѣрить было судя по жизни, какую я велъ, чтобъ мнѣ отецъ мой менѣе двухъ тысячъ въ годъ на мое содержаніе присылалъ. Я не могу забыть тѣхъ послѣднихъ червонцевъ, мною въ лавку отнесенныхъ, дабы представить себя прилично въ маскарадахъ. Червонцевъ было у меня всего на все тридцать; мнѣ вздумалось равняться въ маскарадной одеждѣ съ своимъ полковникомъ. Страчная мысль!—Онъ получалъ въ годъ отъ полка около тридцати тысячъ рублѣй. Не взирая на сіе несходство кармановъ, я отнесъ свои червонцы въ лавку Сарептскую. Сарептянинъ оною торгующій принялъ ихъ въ ста двадцати рублѣхъ и клялся мнѣ нѣмецкою честностію ихъ возвратити, ежели я принесу ассигнаціи на мѣсто оныхъ; послѣ сего отмѣрялъ мнѣ атласу чернаго на венеціанъ и розоваго для подкладки онаго, на мантилію прекраснаго флеру и хорошихъ кружевъ для обкладки оной. За все сіе взялъ съ меня сто рублѣй, а остальные двадцать отпустилъ мнѣ ассигнаціями, для лучшаго впродъ расчета, говорилъ онъ. Я отнесъ свою покупку къ швеѣ, которая обѣщала платье мое изготовить прежде нежели освѣтитъ домъ маскарадный. Она въ своемъ словѣ устояла, которую я отъ радости за столь скоропостижное проворство поцѣловалъ и за ея труды отдалъ послѣдніе двадцать рублѣй. И такъ хотя и остался я безъ гроша, но пріѣхавши въ тотъ вечеръ въ маскарадъ, танцевалъ не съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ бы въ моемъ карманѣ милліоны вмѣщались. Во всемъ собраніи никто не былъ лучше одѣтъ г-на Буткевича и меня; всѣ говорили, что мудренаго: одинъ коннаго полка полковникъ, а другой богатаго отца сынъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ случились у меня деньги, я оныя отнесъ Сарептянину для выкуна изъ полона моихъ червонцевъ, тогда курсъ на червонцы поднялся; честный торгошъ заперся, что онъ отъ меня золото не бралъ!—Тутъ я увидѣлъ сколько дѣйствовали надъ Сарептянами рѣчи, говоренныя ихъ пасторомъ съ кафедры Сарептской!—Сей златолюбецъ остался съ червонцами, а я съ венеціаномъ. Я о семъ нигдѣ ни слова не смѣлъ сказать, вопреки общаго мнѣнія о Сарептянахъ, якобы они никого не обманываютъ, а напротивъ, хотя и противъ воли утверж-

далъ съ прочими, что они суть люди безкорыстные; самолюбіе мое претило мнѣ пустить сей случай въ публику, дабы не сказали, что я послѣднія деньги употребилъ на платье, и когда танцевалъ, имѣя прекрасный на спинѣ венеціанъ, тогда карманъ мой не вмѣщалъ ни одной полушки. Изъ сего случая вышла только та польза, что я извѣдалъ, до какой степени должно полагаться на нѣмецкую честность, которою они только цыкируются.

Глаза мои въ семь городѣ останавливались на г-жѣ Панчулидзевой, женщія лѣтъ 25-ти, которая сверхъ пріятностей ея лица, нравилась мнѣ своими душевными свойствами, веселымъ нравомъ и кротостію, имѣла великое искусство нравиться и безъ всякаго кокетства заманивая въ свои сѣти, уважала своими прелестями, своимъ добрымъ именемъ и долгомъ, которымъ всякая честная жена обязана своему супругу. Мужъ ея былъ тогда совѣтникомъ въ казенной палатѣ, слѣдственно отъ падающихъ крохъ имѣлъ случай жить великолѣпно, котораго она любила не по страсти, а по долгу. Сей имѣлъ сестру, вдову г-жу Кикину, у которой три дочери невѣсты съ нетерпѣніемъ ожидали замужества. И такъ въ сихъ двухъ домахъ я былъ принятъ какъ нельзя лучше: г-жа Панчулидзева видѣла меня съ удовольствіемъ при себѣ, иногда показывала мнѣ въ дали будущую награду за мою страсть, дабы совершеннымъ отказомъ меня отъ себя не отдалить, и лаская взаимною любовью удерживала меня при себѣ въ границахъ пріязни, и въ первый разъ въ жизни моей показала мнѣ удовольствіе въ любви такой, въ которой сердечныя чувствованія берутъ верхъ надъ минутными утѣхами сладострастія. Въ сей сердечной связи время течетъ одинаково удовольственно, но не всякій молодой человекъ опредѣлитъ себя оную испытать. Г-нъ Панчулидзевъ воображалъ, что я женюсь на которой ни есть изъ его трехъ племянницъ, и потому радъ былъ меня видѣть часто у себя. У г-жи Кикиной матери и ея средней дочери вскружились головы обо мнѣ, и я долго не вѣдалъ, которая изъ сихъ двухъ матерей или дочь меня избрали въ супруги, какъ наконецъ въ одинъ день, обѣдая у полковника Шахматова, былъ я увѣдомленъ губернаторшею, которая правиломъ себѣ поставила во все дѣла вмѣшиваться, что г-жа Кикина ей говорила, что она никогда не видывала двухъ лицъ, столь сходствующихъ, какъ ея средней дочери съ моимъ. И такъ я ясно могъ видѣть, что моею женою опредѣлено быть средней дочери. Я сей случай употребилъ въ свою пользу и какъ хитрый воинъ положилъ фальшивую атаку произвести на сію дѣвицу, дабы отвлечь бдѣніе

мужа и его сестры отъ настоящаго предмета, на который я всё свои силы стремилъ. Обѣ они были мною довольны: г-жа Панчулидзева тѣмъ, что я обожалъ ея прелести, что женщинамъ непротивно, и есть пища ихъ самолюбія, а молодая Кицина питаясь пустою надеждою быть моею женою. Желаніе, умножившееся еще болѣе тѣмъ, что въ Саратовѣ тогда говорили за мною быть тремъ тысячамъ душамъ, счастливое плодородіе въ деревняхъ мнѣ не принадлежащихъ, ибо отецъ мой всего тогда имѣлъ съ небольшимъ тысячу душъ.

Сколько ни былъ я влюбленъ въ г-жу Панчулидзеву, но долго не могъ пробыть, чтобы не имѣть любовницы, съ которою бы волокитство шло сократительнѣе. Скоро къ тому случай предсталъ: я познакомился съ г-жею Линицкою, женщиною молодою, бойкою, ума преисполненною и собою очень недурною, которая твердостію своею противустояла могуществу губернаторши, съ которою она была въ непримиримой ссорѣ. Г-нъ Линицкій, ея мужъ, находился тогда въ Петербургѣ, а я былъ его милой женой приглашенъ въ его домъ: два или три посѣщенія, ею мнѣ оказуемая немалая ласка, сдѣлали меня предприимчивымъ, я ей изъяснилъ въ чувствуемой мною ей любви и получилъ увѣреніе о взаимной; въ одинъ вечеръ, находясь я у ней, между разговоромъ хвалилъ нѣкоторыя картины, украшающія стѣны комнатъ, она обѣщала мнѣ показать превосходнѣе мною видѣнныхъ въ кабинетѣ ея мужа, и взявъ свѣчу меня въ оный ввела. Ни одна душа насъ не преслѣдовала, я видя себя съ нею наединѣ, имѣлъ право требовать знаковъ ея ко мнѣ любви; она, видя рѣшительный мой приступъ, долго отпѣкивалась; я ее обнимая цѣловалъ, въ которое время она уронила свѣчу, и это былъ сигналъ къ побѣдѣ; въ темнотѣ женщина теряетъ застѣнчивость: я ее повергаю на канапѣ!—Она хочетъ, слѣдуя обыкновенію своего пола, кричать, уста ея стискиваются моими; всё способы къ оборонѣ отняты и я торжествую. Въ сію минуту ежели бы кто вошелъ, то увидѣлъ бы ландшафтъ гораздо восхитительнѣе тѣхъ, которыми украшенъ былъ сей кабинетъ. Такимъ образомъ проводилъ я шесть недѣль въ Саратовѣ: въ объятіяхъ г-жи Линицкой, я упоялся любовью, а возвращаясь къ г-жѣ Панчулидзевой, тлѣлъ у ея ногъ отъ той же любви. Жизнь моя текла между удовольствіемъ и службой: ибо я хотя въ городѣ и танцовалъ какъ говорится до упаду, но, отправляясь въ свой эскадронъ, проживалъ нѣкоторое время, гдѣ служба, книги и мои сочиненія меня занимали; и такъ когда мои ноги отдыхали, тогда голова и руки въ работѣ находились. Въ семъ уединеніи удалось мнѣ

одинъ разъ оказать услугу общественному порядку: я переловилъ шайку разбойниковъ, но сіе усердіе лишь мнѣ хлопотъ надѣлало. Не вѣдая я дѣлъ плутовскихъ и потому полагалъ чудомъ, переловивъ мошенниковъ, грабившихъ нѣсколько лѣтъ проѣзжихъ купцовъ и нерѣдко ихъ убивавшихъ; я сего вовсе не зналъ, что они имѣли на откупѣ большія дороги и что ежели я около села Лога поймаю воровъ, то симъ обидятся воры, застѣвашіе въ правленіи намѣстническомъ и нижнемъ земскомъ судѣ. Важность преступленій мною пойманныхъ подводила ихъ подъ кнутъ, но они, какъ уже бывалые въ такихъ случаяхъ люди, умѣли отъ того свои спины избавить, удѣливъ изъ плодовъ ихъ грабительства совѣтнику Есипову и исправнику Горбунову три тысячи рублей, освободились и получили привиллегію продолжать свое ремесло. Между ими было три человѣка изъ села Лога, которые и грозили меня убить, ежели я имъ гдѣ одинъ попадусь.

Спустя нѣсколько недѣль, они принялись опять за свою работу; я въ это время случился въ Саратовѣ, когда о семъ пришло извѣстіе. Г-нъ Нефедьевъ меня призываетъ и проситъ, дабы я стараніе приложилъ переловить появившихся вокругъ своихъ квартиръ шалуновъ. Такъ угодно было наименовать г-ну губернатору головорѣзовъ!—На сіе я ему отвѣчалъ, что ежели и появились опять разбойники, то это не новые, а старые, мною уже разъ переловленные, но выпущенные. Г-нъ Есиповъ при семъ случившейся же, въ томъ стоялъ, что тѣ, о которыхъ я говорилъ еще содержались въ тюрьмѣ, а я, который ихъ своими глазами видѣлъ на волѣ, утверждалъ, что они точно выпущены. Губернаторъ, который столько вѣдалъ происходящее въ его губерніи, сколько зналъ, что тогда дѣлалось въ Мексикѣ, былъ одного мнѣнія съ г-мъ Есиповымъ, хотя обѣ сіи особы имѣли неодинаковыя причины вступаться за воровъ, ибо г-нъ Есиповъ взялъ съ нихъ деньги, изъ которыхъ губернатору ни гроша не удѣлилъ. При семъ случаѣ я вышелъ изъ терпѣнія, сказалъ губернатору, что ежели онъ сомнѣвается въ моемъ донесеніи, то власть имѣетъ для лучшаго доказательства приказать представить содержимыхъ разбойниковъ предъ себя. Г-нъ Есиповъ вышелъ съ тѣмъ, чтобъ ихъ приказать привести и больше не возвращался, а губернаторъ, поправляя по своему обыновенію свой парикъ, заговорилъ о заячьей травѣ и тѣмъ сіе кончилось на тотъ разъ, но послѣ сему дѣлу было слѣдствіе, о чемъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ прибыла въ Саратовъ изъ Новгородской своей деревни г-жа Буткевичева, о которой я уже имѣлъ случай говорить,

но съ которою я съ того времени нигдѣ не видался. Она будучи прелюбезная, умная и веселаго нраву женщина не замедлила сдѣлать изъ своего жилища домъ всеобщаго удовольствія; всѣ стекались къ ней, дабы участвовать въ скачкѣ и пляскѣ въ тѣ два дни, которые она въ недѣлѣ опредѣлила быть у нея собранію. Во время сихъ веселостей свелъ я тѣсное знакомство съ лѣкаршею нашего полку Боровою, молодою очень пріятнаго личина женщиною; мужъ ея нѣсколькими днями предъ нрѣздомъ г-жи Буткевичевой только что въ полкъ явился; съ перваго разу свидѣвшись я съ его женою, глаза наши встрѣчающіеся уже понимали одинъ другаго совершенно. Оставалось имѣть только свиданіе. Она была кокетка, но очень застычива и изъ того рода женщинъ, съ которыми надлежало нѣкоторое насильство употребить, дабы довести до желаемаго. Въ одинъ день данъ былъ купечествомъ въ честь губернаторши фейерверкъ, который расположили противъ дома г-на Буткевича; я предлагаю молодой Бауровой итти въ верхнее жильё дому, откуда увидѣть лучше оный, она дала мнѣ руку ея проводить. Входя мы на лѣстницу первой намъ въ глаза попался ея мужъ, который ожидалъ со свѣчею въ рукахъ у конца оной г-жу Буткевичеву съ гостями, дабы проводить на балконъ; онъ услыша насъ идущихъ воображалъ, что это была г-жа Буткевичева. Я ему сказалъ, что супруга его соскучившись, не видя его долго возвращающагося, просила меня ея проводить къ нему. Онъ свою жену любилъ очень, и потому немудрено его было въ семь увѣрить. Нѣсколько дней спустя послѣ сего г-нъ Бауръ оставался дома по слабости здоровья, экипажъ г-на Буткевича предсталъ у крыльца для отвозу г-жи Бауровой послѣ одного бала домой; я въ оный съ нею вмѣщаюсь и сей движущійся кабинетъ былъ свидѣтелемъ моего надъ ней торжества.

И такъ время мое въ Саратовѣ текло между разными утѣхами и я располагалъ долго жить въ городѣ, но одна минута все разстроила, послѣ чего я былъ судьбою заброшенъ совсѣмъ въ другое мѣсто: въ одинъ день обѣдалъ я у своего полковника, котораго жена осыпала меня лаской и, истинно говоря, я оной не толковалъ на счетъ любви, хотя впрочемъ она и была женщина преисполненная достоинствъ; ежели же въ послѣдствіе времени и родилась между нами взаимная склонность, то сему уже самъ мужъ причиною, подозревавши до того небывалую страсть. Отобѣдавъ мы, г-жа Буткевичева пригласила меня въ свой кабинетъ, гдѣ намѣрена была выбрать для меня изъ своей бібліотеки книги, -взамѣнъ тѣхъ, который она отъ

меня получила. Сіе происходило въ присутствіи ея мужа. Г-нъ Буткевичъ, полагая меня счастливицею волокитства, мыслилъ, что я началъ куртызировать его жену. Видя меня идущаго съ его женой, возвратилъ меня къ себѣ и сказалъ, чтобы я ѣхалъ въ свой эскадронъ, который онъ на другой день хотѣлъ смотрѣть. Мнѣ не надобно было толмача для растолкованія сихъ словъ смысла прямого, и потому я немедленно оставилъ Саратовъ. Уединеніе мое въ Логу ничего пріятнаго мнѣ не представляло, послѣ оставленія саратовскихъ веселостей; полковникъ мой, желая меня только удалить и не мыслилъ ко мнѣ ѣхать. Мѣсяцъ я проводилъ въ семь учтивомъ заточеніи: г-нъ Буткевичъ не хотѣлъ сдѣлать перваго шагу дабы призвать меня по прежнему въ городъ, а я упрямости ради не просился. Въ семь мѣствъ въ сіе короткое время г-жа Ливницкая, проѣзжая изъ города въ деревню своихъ знакомыхъ, два раза меня посѣтила; я долженствовала выдержать ея упреки, ибо въ городѣ всѣ полагали мое съ г-жею Буткевичевою болѣе нежели пріятельское обращеніе причиною моего изъ онаго удаленія.

Наконецъ, судьба играющая нами мнѣ въ семь случаевъ помогла и избавила отъ скуки: я былъ назначенъ ассессоромъ въ судъ, который долженствовалъ производиться въ городѣ Борисоглѣбскѣ надъ генералъ-маіоръ Иваномъ Родіоновичемъ Деврерадовичемъ за ослушность, имъ оказанную г-ну Гудовичу моему злодѣю, и неисправность полка Нарвскаго карабинернаго, имъ сданнаго полковнику Елчанинову, который успѣлъ скоро умереть. Таковую путаницу опредѣлено привести въ ясность генералъ-маіору барону Іосифу Федоровичу Беервицу, презусу сего суда, и нѣсколькимъ челоуѣкамъ молодыхъ ассессоровъ, которые всѣ вмѣствѣ никакого порядка не вѣдали до судопроизводства касающагося. Г-нъ Гудовичъ, подъ повелѣніемъ котораго въ Россію вышедшіе карабинерные полки состоятъ, и въ семь случаевъ не упустилъ мнѣ досадить, нарядивъ въ такое мѣсто, въ которомъ иногда отъ незнанія можно самому подъ отвѣтъ попасть.

Исполняя волю начальства, оставилъ я эскадронъ и прибылъ въ село Аркадакъ принадлежащее графу Разумовскому, въ которое на лѣто выѣхалъ жить баронъ Беервицъ изъ города Пензы, и съ позволенія графскаго занималъ его домъ. Должно себѣ представить Беервица старика лѣтъ около семидесяти, росту двухъ аршинъ и 9-ти вершковъ, тонкаго, худощаваго, имѣвшаго лице угреватое, глаза вялые, въ обѣихъ ушахъ серьги, волосовъ на головѣ весьма мало, предлинной широкой носъ, который на концѣ загибаясь спускался, миную губы, на

подбородокъ, изъ котораго висѣли сосульки хотя и табачныя, но ничего глазамъ пріятнаго не представлявшія. Таковъ былъ мой г-нъ презусъ, который на линіи будучи меня очень полюбилъ и потому приказалъ явиться въ Аркадакъ, а прочимъ ассессорамъ велѣлъ прямо ѣхать въ Борисоглѣбскъ. Беервицъ былъ превеселаго нраву; ежели бы онъ имѣлъ милліоны, то бы вѣрно употребилъ на выдумки для общаго удовольствія. Онъ изъ цесарской службы подполковникомъ препровожденъ императрицей Маріей Терезіей Государынѣ нашей при письмѣ за то, что не могъ ужиться съ сыномъ ея Іосифомъ. Баронъ любилъ службу, былъ храбрый и свѣдущій человекъ, но былъ столь оригинальнаго характера, что трудно изобразить: находили на его такія минуты, что въ дѣлахъ сего старца видны были дѣйствія и предположенія ребяческому возрасту приличнѣе. Скоръ и подвиженъ во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ.

Засталъ я его на дворѣ забавляющагося привязаннымъ медвѣдемъ, съ которымъ онъ измѣрялъ свою силу; онъ меня пригласилъ жить въ одномъ съ нимъ домѣ. Послѣ сего на давъ мнѣ ни минуты отдохнуть до самаго вечера занялся показывая своихъ лошадей, собакъ, конскіе уборы и наконецъ успѣхи его десятилѣтней дочери въ наукахъ; сіе дитя должноствовало предъ нами наизусть говорить въ стихахъ басни г-на Фонтенеля, танцовать менуетъ, польской, контредансы и проч.; за неимѣніемъ ей пары, г-нъ презусъ самъ прыгалъ.

Баронъ занялъ село Аркадакъ потому, что управитель графской Гогель, съ которымъ онъ въ Пензѣ повстрѣчался, будучи бароновъ старый знакомый еще въ Нѣмецїи, расхвалилъ ему положеніе Аркадакское и выгодную въ ономъ жизнь; г-на Гогеля въ семъ случаѣ цѣля та, чтобы онаго жителей, упрямыхъ въ платѣ имъ установленной дани, нѣсколько проучить и потому поставленъ къ нимъ постой генеральской квартиры; такимъ образомъ баронъ былъ обманутъ мнимымъ своимъ пріателемъ, и жительство его въ Аркадакъ почтено иначе не могло быть какъ командой экзекуціи, въ пользу г-на Гогеля устроенной. Такимъ образомъ иноземецъ игралъ и графомъ своимъ господиномъ и барономъ.—Сей Гогель пришелъ въ Россію по обыкновенію всѣхъ иностранцевъ пѣшкомъ съ сумкою за плечемъ и вкравшись въ довѣренность Графа Разумовскаго, сдѣлался его Саратовской вотчины управителемъ, и въ 10-ти лѣтнее пребываніе нажилъ великія тысячи.

Г-ну Беервицу жизнь въ Аркадакъ столько понравилась, что онъ положилъ въ тѣхъ мѣстахъ имѣть деревню, и метался во всѣ сто-

роны изыскивать удобную для себя купить, а пока сіе случилось, то сей странной человекъ отправилъ свою жену въ Екатеринославское намѣстничество продать тамъ имѣющееся его имѣніе, за исключеніемъ коннаго завода, который баронессою долженствовалъ былъ пригнанъ въ Аркадакъ; въ ожиданіи сего онъ располагалъ зиму проводить въ графскомъ домѣ, который хотя и былъ лѣтній, но дрова уже были заготовлены для отапливанія печей имѣющихся еще строиться. Итакъ баронъ положилъ сбыть съ рукъ настоящее свое имѣніе, заводился устройствомъ на воздухѣ будущаго своего имущества.

Баронъ, отправляя свою жену за табуномъ, оставилъ при себѣ г-жу Кропфъ, вдову французенку подъ видомъ воспитанницы своей дочери; сія г-жа Кропфъ, выключая ея ума, была не совсѣмъ пріятное твореніе; что касалось до ея лица, покрытое вѣчною блѣдностью, представляло женщину поминутно родами въ слабость приведенную. Она была привезена на Кавказскую линію г-мъ Беервицемъ и слыла другомъ барону, къ обидѣ баронессы, и учительницей его дѣтей, впрочемъ выдавалась она за невесту, хотя ей уже и подъ сорокъ лѣтъ было. Въ короткое время ея на линіи пребываніе выискался бригадиръ Кропфъ старыхъ лѣтъ за семьдесятъ, котораго увѣрили, что онъ въ нее влюбленъ, послѣ чего баронъ, слѣдуя обыкновенной своей скоропостижности, сыгралъ свадьбу. Старику Кропфу ничего такъ не желалось какъ имѣть дѣтей и несмотря на свою дряхлость, былъ увѣренъ своею супругою, что онъ скоро будетъ отцомъ. Г-жа Кропфъ, чтобъ угодить скорѣе своему мужу, выбрала изъ полка ему ввѣреннаго добраго офицера, который съ крайнимъ напряженіемъ долженствовалъ ее поставить въ такое положеніе, въ какое ветхость г-на Кропфа не въ состояніи ее была привести. Тайна сія не долго пребыла таковою: г-нъ Кропфъ поймалъ любовную чету и взбѣсясь по нѣмецки прибилъ и волокиту и любовницу. Однакожь чтобъ его успокоить, то она объявила себя беременною и пребыла таковою болѣе одиннадцати мѣсяцевъ, а старикъ всѣ дни считалъ по пальцамъ, и онъ не видя разрѣшенія своей супруги, началъ помышлять о разводѣ; она чтобъ его нѣсколько успокоить выбрала время его въ походѣ отправления и отписала ему, что родила сына. Г-нъ Кропфъ столько сему обрадовался, что отпросился побывать у своей жены, которую засталъ въ постелѣ и возлѣ ея младенца, ею на поддержаніе выпрошеннаго у одной недавно родившей женщины; полуумной Кропфъ, облобызавъ свое чадо, отправился въ команду, а младенецъ возвращенъ настоящей его матери, а г-ну Кропфу объявленъ умершимъ.

Послѣ сего старикъ не замедлялъ отдать долгъ натурѣ и умирая оставилъ все свое имѣніе своей женѣ, котораго было тысячь на тридцать рублей. Всего забавнѣе въ сей парѣ было то, что г-нъ Кропфъ кромѣ нѣмецкаго языка другаго не разумѣлъ, а г-жа Кропфъ только по французски говорила; и такъ сіи супруги изъяснялись между собой весьма исковерканнымъ русскимъ языкомъ, а больше молчали, находясь во все время своего сочетанія какъ будто при столпотвореніи.

Попавшись я въ такую компанію, проводилъ около двухъ мѣсяцевъ въ ожиданіи въ Борисоглѣбскъ пріѣзда г-на Депперадовича и собранія прочихъ судей. Время текло у насъ разъездами по разнымъ деревнямъ и дѣсамъ графскимъ, въ которыхъ баронъ устраивалъ объѣды, ибо онъ былъ великой охотникъ до жизни деревенской. Наконецъ получа увѣдомленіе о прибытіи подсудимаго въ Борисоглѣбскъ, отправился баронъ и я съ нимъ въ сей городъ. Чтобъ подать понятіе о семъ судилищѣ, то довольно сказать, что мы всѣ собранные были люди молодые и крайне невѣдущіе законовъ и порядка судебного, а презусъ нашъ и по русски худо говорилъ, и потому мы бродили съ утра до вечера сидя за зеркаломъ, а дѣла никакого не дѣлали. Г-нъ Депперадовичъ былъ человекъ упрямый и не совсѣмъ виноватый, котораго г-нъ Гудовичъ желалъ утѣснить, выбралъ себѣ въ письмоводители отставнаго подполковника Кандаурова, человека совершеннаго знатока законовъ, который сочинялъ г-ну Депперадовичу оправдательныя бумаги такового смысла, на которыя мы какъ птенцы въ крѣчкотворческихъ дѣлахъ не вѣдали, что отвѣчать. Думать надобно, что со времени существованія Россіи, столь забавнаго суда не было: обыкновенно мы въ пять часовъ утра собирались въ судъ, баронъ прохаживаясь по комнатѣ дѣлалъ свои предположенія къ пріему подсудимаго, и какъ онъ плохо говорилъ по русски, то и напишутъ ему отвѣты на полагаемыя г-на Депперадовича требованія, и презусъ старался ихъ выучить наизусть, закладывая ту бумагу за обшлагъ своего мундира. Когда появлялся г-нъ Депперадовичъ, то говоря совсѣмъ противное тому, чему мы барона приготовили; послѣ чего заведенная пружина останавливалась и подсудимый, наговоривъ намъ все что могъ къ своему оправданію, насъ оставлялъ, а мы закрывъ зеркало отправлялись въ лагерь Нарвскаго полка при Борисоглѣбскѣ разставленный, гдѣ у подполковника Ознобишина обѣдали, а послѣ онаго предавались разнымъ забавамъ. Вечеръ провѣждали у вдовы полковницы Елчаниновой, которая также тутъ жила для разбирательства дѣлъ ея умершаго мужа съ г-нъ Депперадовичемъ, я бу-

дучи бойкая полячка оказывала намъ тысячу ласковостей. Но при всемъ этомъ Борисоглѣбскъ былъ такой городишка, который можно не погрѣшивъ назвать несноснымъ: общество въ ономъ одни обыкновенные присутствующіе въ уѣздныхъ городахъ чиновники, и тѣ были совершенно и нелюдими и по интересамъ своимъ между собою въ разладѣ; въ околodкѣ дворянства очень мало. Мы всѣ думали, что отъ сего суда ни какъ не отдѣлаемся, и потому желали по крайней мѣрѣ въ веселое мѣсто оный перенести, настроили барона, чтобы у Тамбовскаго губернатора испросилъ для полка Нарвскаго Кирсановской уѣздъ, который былъ преисполненъ дворянствомъ ласковымъ, любезнымъ и веселымъ. Губернаторъ выполнилъ волю г-на Беервица; Кирсановской уѣздъ опредѣленъ былъ для квартированія полка Нарвскаго, слѣдственно туда долженствовалъ и судъ переѣзжать; но когда о семъ объявили г-ну Депрерадовичу, то онъ отвѣчалъ, что его вѣрно было судить въ Борисоглѣбскѣ, откуда онъ и не выѣдетъ. О такомъ подсудимаго упрямствѣ донесено г-ну Гудовичу, а пока на оное получено рѣшеніе мы переѣхали въ Кирсановъ, гдѣ предались всякаго рода удоовольствію. Сія округа наполнена была дворянствомъ, а особливо село Оржевка, отстоящее отъ Кирсанова верстѣ на десять вмѣщала въ себѣ домовъ пятнадцать дворянства, жившаго совершенно въ новомъ вкусѣ тогдашняго времени: въ семъ селѣ я не замедлилъ со всѣми познакомиться, а особливо былъ очень обласканъ въ домѣ Мартынова, котораго жена была первою красавицею во всей губерніи, но родивши нѣсколько дѣтей прелести ея хотя и поупали, но оставалось еще довольно въ ея лицѣ такого, что могло заставить ее полюбить. Съ перваго моего съ нею свиданія она мнѣ понравилась, и я замѣтилъ, что и я ей не противенъ. Нѣсколько баловъ данныхъ въ Кирсановѣ и Оржевкѣ ускорили наше знакомство; одно изъясненіе для объявленія взаимной склонности достаточно было къ приготовленію тайнаго свиданія, которое ни какой трудности не представляло, ибо я пріѣзжая въ Оржевку всегда останавливался въ домѣ г-на Мартынова. Таковая интрига могла почесться домашнею и представляла тѣму удовольствій и великое удобство отъ нечаянныхъ лововъ, какіе въ такихъ случаяхъ не рѣдко бываютъ.

Наконецъ отправленный курьеръ къ г-ну Гудовичу возвратился и привезъ г-ну Депрерадовичу повелѣніе явиться въ Кирсановъ, а г-ну Беервицу носъ длиною въ нѣсколько аршинъ за то, что осмѣлился безъ его вѣдома перевести полкъ на квартиры изъ одной округи въ другую. Какъ бы то ни было, а дѣло сдѣлано: баронъ пилюлю про-

глотивъ, а мы остались посреди веселостей и не рѣдко до того доходило, что одинъ презусъ съ аудиторомъ и подсудимымъ засѣдали, а мы всѣ по баламъ и собраніямъ развѣзжали.

Хотя и находился я посреди удовольствія, но не меньше помышляя о томъ, какъ бы выпутаться изъ числа судей, дабы со временемъ за нерадѣніе не попасть подъ отвѣтъ; и такъ видя я, что полковникъ Таракановъ, одинъ изъ ассессоровъ, отдѣлался отъ суда притворною болѣзнію, а я прибѣгнувъ къ тому, что г-нъ Депрерадовичъ мнѣ родня, и въ первое засѣданіе объявилъ презусу о семъ; послѣ чего определено меня отпустить въ полкъ. Прежде нежели я въ оный отправился побѣжалъ я въ городъ Нижней Ломовъ, гдѣ былъ расположенъ съ полкомъ Дмитрій Михайловичъ Таракановъ, который меня очень любилъ и которому я давно обѣщаль погостить у его. — Недѣлю я прожилъ у него будучи обласканъ много; онъ былъ веселаго свойства человѣкъ, но имѣлъ супругу, которая ему кружила голову, будучи женщина старѣе его лѣтами и съ капризами нестерпимыми, заставляла его не рѣдко уходить изъ дому. Упрямство ея было совсѣмъ чудно: она преобратила ночь въ день, а изъ сего сдѣлала ночь. Обыкновенно вставала она въ 12 часу пополудни, туалетъ ея продолжался часу до 1-го, послѣ котораго почитая еще утромъ играли въ карты до обѣда, который начинался въ 3 или 4 часа пополудни; послѣ сего опять карты почти во всю ночь, а ужинали не рѣдко въ 3 часа полночи. — Таковое превращеніе времени мнѣ въ короткое моего въ семь домѣ пребываніе наскучило, и я возвратился въ Кирсановъ.

Г Л А В А X.

Возвращаюсь въ Саратовъ и наказуюсь за поимку воровъ. Саратовскій четвергъ. Разбой терпимые въ Саратовскомъ намѣстничествѣ. Изображеніе г-на Нечедьева. 1793 годъ.

Въ половинѣ ноября мѣсяца я оставилъ Кирсановъ и пустился къ Волжскимъ берегамъ, проѣзжая городъ Аткарскъ заѣхалъ я къ штабъ-лекарю Мееру, человѣку честнѣйшихъ правилъ и доброй души, бывшему въ Астраханскомъ полку. Я предполагалъ тутъ проводить день одинъ въ пріятныхъ съ симъ умнымъ человѣкомъ разговорахъ но вмѣсто того застаю его лежаща мертва на столѣ. Женщина у его жившая въ слезахъ меня встрѣчаетъ тѣмъ, что мой пріятель уже не

въ живыхъ, и что попъ Аткарскій спорить съ прибывшимъ изъ Саратова пасторомъ и не дозволяетъ честнаго г-на Меера предать землѣ на одномъ со всѣми кладбищъ, а приказываетъ положить его особо, нехристя, будучи лютеранскаго исповѣданія. Я оставилъ почтеннаго старика на столѣ, женщину плачущую, пастора удивлявшагося бреднямъ неуча попа и городу, въ которомъ вѣровали, что лютеране суть нехристи, и продолжая мой путь прибылъ въ Саратовъ.

По возвращеніи моемъ въ Саратовъ, я въ ономъ не засталъ г-на Буткевича, который находился въ Петербургѣ. Съ его женой я совсѣмъ перемѣнился въ обращеніи, дабы ему дать покой; рѣдко у нея я бывалъ, чѣму она сначала удивлялась, а наконецъ оказала мнѣ свое неудовольствіе. Проводилъ я три недѣли въ семь городѣ, раздѣляя свое удовольствіе между г-жею Линицкою и г-жею Бауровою посѣщалъ и г-жу Панчудидзеву, у которой успѣхи моего волокитства оставались въ равномъ положеніи. Оставивъ я Саратовъ отправился въ эскадронъ, расположенный на зимнее пребываніе въ селѣ Терсѣ на берегу Волги, въ 120-ти верстахъ отъ Саратова.

Терса есть обширное и богатое село, жители онаго были всѣ сообщники изверга Пугачева, слѣдственно всѣ разбойники; собственно моя квартира была у полковника бунтовщичьихъ войскъ. Таково было гнѣздо, въ которомъ я квартировалъ, въ сосѣдствѣ находились старовѣрческіе монастыри на рѣкѣ Иргизѣ построенные, въ которыхъ всякаго рода бродяги принимались безъ выдачи въ тѣ мѣста, откуда они ушли, какого бы рода преступленіемъ они себя ни замарали. Иргизъ и Терса составляли какъ одну семью и изобилуя деньгами откупались въ Саратовѣ отъ всякородныхъ мошенничествъ. Г-нъ Есиповъ и губернаторша имѣли на оброкъ сіи толико избыточныя усадьбы.

Г-нъ Есиповъ, вѣдая меня охотника истреблять воровъ, и потому дабы отъ того меня отучить и обезпечить съ сей стороны жителей Терсы, которые по одной наслышкѣ меня боялись, и мой бы эскадронъ ни какъ въ ономъ не былъ бы поставленъ, ежели бы могли предвидѣть, что я отъ асессорства отдѣлаюсь, и такъ положилъ онъ меня проучить за поимку воровъ въ Логѣ, а при томъ не могъ мнѣ простить то, что я вездѣ рассказывалъ о купленной у его оными разбойниками свободѣ. Настроилъ логскихъ мужиковъ, дабы они на меня внесли просьбу губернатору въ неплатежъ имъ за все время моего квартированія у ихъ провіантскихъ денегъ, которыя они на общемъ сходѣ всѣхъ жителей подарили моему эскадрону; губернаторъ сооб-

щикъ о семь полку, г-нъ Буткевичъ находился еще въ Петербургѣ; а начальствовалъ нами майоръ Щегловъ, человекъ робкій и уступчивый. Сей приказалъ мнѣ учинить раскладу, я ему представилъ квитанціи, данныя мнѣ отъ логскихъ мужиковъ о удовлетвореніи ихъ вѣсѣмъ, при разсматриваніи которыхъ оказалось, что часть оныхъ не была засвидѣтельствована исправникомъ, и потому сочтены недействительными, и причиталось по онымъ заплатить двѣсти рублей, которые я отдалъ логскимъ мужикамъ, и сомнѣваюсь не безъ причины, миновали ли онѣ карманъ г-на Есипова. Въ семь случаѣ обижался не я, но мои подчиненные, которымъ за провіантъ мужиками не братой я составлялъ денежную сумму въ ихъ артели, какъ то водилось въ нашемъ войскѣ; въ такомъ случаѣ иногда начальникъ помышлялъ о пользѣ своихъ подчиненныхъ, но г-нъ Есиповъ судилъ обо мнѣ по своимъ свойствамъ и полагалъ, что я тѣми деньгами пользуюсь. Такова мнѣ была школа за то, чтобы я впредь носъ свой не вмѣшивалъ, куда не надлежало, и научили меня почитать разбойниковъ и вѣдать, что г-нъ Есиповъ былъ ихъ сообщникъ, губернаторша защитница, а г-нъ Нефедьевъ совершенный дуракъ. Такимъ образомъ я жилъ по среди воровъ, несмѣя вовсе въ ихъ дѣло вмѣшиваться. Сей случай заставилъ меня, дабы не быть вторично вмѣшану въ какую-либо денежную исторію, не брать на себя поставку своему эскадрону фуража и отказаться отъ расчетовъ съ хозяевами въ провіантъ, то и другое предоставилъ распоряжать самому полку.

Сіе наказаніе я терпѣлъ не токмо по злости на меня г-на Есипова, но и губернаторша крайне на меня негодовала, и вотъ томъ причина: предъ моимъ изъ Кирсанова пріѣздомъ, явилась въ публикѣ пасквиль на счетъ губернатора и его супруги; будучи я въ домѣ г-жи Линицкой, у которой въ тотъ день было собраніе, разговоръ зашелъ о семъ сочиненіи и на то, что не могли отыскать сочинителя оной, я сказалъ: «не пожалѣть бы губернаторшѣ свои доходы одного четверга, такъ бы оный вѣрно былъ отысканъ».—Все собраніе сей шуткѣ засмѣялось; г-жа Шильникова, одна изъ наперсницъ губернаторши, поймавъ сіи слова въ свои уши и исполняя долгъ рачительной лазутчицы, не замедлила донести оное г-жѣ Нефедьевой, которая, слѣдуя первому своему бѣшенству, положила меня отдать въ руки г-на Есипова. Зацѣпивъ меня такимъ образомъ и понудивъ заплатить неправильную плату, думали заставить молчать, но я, отдавши 200-ти, наострилъ свой языкъ болѣе и болѣе, ударилъ въ набатъ, что видѣлъ и слышалъ въ столь странноуправляемомъ намѣстни-

чествъ и семействъ, каково было того, подъ управой котораго состо-
яла Волгская область. А чтобъ подать толкъ, что значилъ доходъ чет-
верговой, то изъясняюсь: всякую недѣлю въ четвергъ бываетъ въ ве-
черу у губернаторши собраніе, но безъ танцовъ. На канунъ сего
дня она даетъ знать, у кого въ четвергъ обѣдать будетъ, ибо въ
онъ она обыкновенно дома не обѣдаетъ, дабы два раза не го-
товить стола, котораго припасы хотя и въ даръ получались, но
не меньше въ семъ случаѣ расчетъ соблюдался; пополудни съѣзжа-
ются все къ губернаторшѣ, которой чтобъ совершенно угодить, то
должно было прѣхать сколь можно раньше, дабы успѣть больше
игръ сдѣлать въ вистъ, три-три, лото и проч., и на сей разъ все
должны играть и непрерывно хотя бы то было и не хотя. На-
добно знать, что за карты деньги сама губернаторша собирала!—
А дабы и-самой не быть безъ дѣла, то въ сей вечеръ всегда зани-
малась въ лото, въ которомъ имѣла привычку красть номера безъ
всякаго зазрѣнія, называя сіе проворствомъ. За таковыя труды дава-
ла весьма поздно ужинъ довольно легкой, послѣ котораго собравъ за
карты деньги отпускала всѣхъ по домамъ.—Таковъ былъ Саратовскій
четвергъ и онъ былъ отчасти причиной, что моего эскадрона артель-
ныя деньги уменьшены 200-ми рублями.

Внутренней порядокъ въ семъ замѣстничествѣ былъ не заба-
вень, но жалости достойнъ: разбойники, видя себя покровительствуе-
мыхъ, смѣло вездѣ дѣлали грабежи и смертоубійства. Я только одинъ
случай здѣсь предложу. Поручикъ моего эскадрона Смирной былъ
посланъ по полковой надобности въ Воронежъ; въ одну ночь слѣдо-
валъ онъ по весьма узкой отъ великаго снѣга дорогѣ, гдѣ повстрѣ-
чался съ двумя санями, изъ коихъ впереди ѣхавшія были крытыя
одною лошадыю запряженныя, а заднія имѣли добрую тройку, на ко-
торыхъ вмѣщалось пять горлорѣзовъ. Сани г-на Смирнаго зацѣпив-
шись за впереди ѣдущую кибитку, оную опрокинули въ снѣжной
сугробъ. Отѣхавъ онъ отъ сего мѣста версты три, увидѣлъ, что сани
тремя лошадыми запряженныя догоняли его во весь скачъ и кричали
чтобъ онъ остановился. Лищикъ ударилъ по лошади, но тщетно,
ибо былъ опереженъ разбойниками и остановленъ, изъ которыхъ два
взяли за горло карабинера бывшаго съ г-мъ Смирнымъ, а два шли
къ нему, который былъ безъ всякаго оружія. Г-нъ Смирной имъ объ-
являлъ, что онъ офицеръ у котораго имъ нечего поживиться; «нѣтъ,
(отвѣчалъ одинъ изъ разбойниковъ, который казался быть начальни-
комъ), ты купецъ, ты долженъ или умереть, или деньги свои намъ

отдать».—Г-нъ Смирной чтобъ ихъ больше удостовѣрить, снявъ съ себя шубу, показалъ имъ подъ оной свой мундиръ; тутъ они увидѣли, что ошиблись и потому оставивъ сказали: «твой кафтанъ тебѣ спасъ, а мы думали, что ты купецъ судя по твоей шапкѣ и «шубѣ».—Отдѣлавшись такимъ образомъ г-нъ Смирной отъ бѣды, прибылъ въ деревню и перемѣняя на почтѣ лошадей, увидѣлъ вдругъ туда же вошедшихъ разбойниковъ его было остановившихъ, съ которыми прѣехала и одна пожилая женщина, которымъ всѣ тутъ бывшіе оказывали нѣкоторый родъ уваженія. Г-нъ Смирной рассказалъ съ нимъ случившееся, но получилъ въ отвѣтъ, что про то знаетъ всею околodокъ, что они разбойники, но никто не смѣетъ ихъ задерживать отъ страха, какой сія шайка всѣмъ вселила, что начальникъ ихъ есть отставной прапорщикъ, считавшійся въ гвардіи капрамомъ Родичевъ, который имѣетъ въ ихъ же околodкѣ деревню изрядную, но пятый уже годъ какъ производитъ разбой. Видѣнная женщина была его мать, которая ядомъ окормила своего мужа и, вдавшись въ самую распутную жизнь, не рѣдко сопутствуетъ своего сына въ его злыхъ предпріятіяхъ, какъ и въ сей разъ въ опрокинутой кибиткѣ она вмѣщалась. Родичевъ, вступая съ г-мъ Смирнымъ въ разговоръ, просилъ, чтобъ онъ случившееся съ нимъ не разглашалъ, что это сдѣлалось отъ того, что и онъ и его люди были пьяны. Таковыя дѣла были терпимы въ благоустроенномъ государствѣ!—Дорога была не безопасна—да отъ ко-гожь?—Отъ дворянина,—титло, служащее подпорою престолу.

Когда все сіе дѣлалось въ губерніи, губернаторъ о томъ не вѣдалъ ничего и вотъ вкратцѣ его изображеніе. Г-нъ Нефедьевъ, въ круглый годъ будучи изгнанъ изъ своей спальни женой, помѣщается съ своею постелью день въ кабинетъ, другой въ залъ, а третій гдѣ попало; встаетъ всегда очень рано и не занимается никакимъ разсмотрѣніемъ до губерніи касающимся, а только подписываетъ опредѣленія, изготовленныя г-нъ Есиповымъ, подъ присмотромъ губерна-торши. Секретарь оныя по утру приноситъ для подписи, которыя для порядка г-нъ Нефедьевъ приказываетъ прочесть, а между тѣмъ самъ слушая оныя засыпаетъ, въ которое время секретарь продол-жаетъ чтеніе и когда кончить, тогда будитъ губернатора для под-писки оныхъ. Послѣ сего охотники приносятъ гнѣзда щенковъ отъ разныхъ породистыхъ собакъ, губернаторъ занимается добрыя часа два сортировкой оныхъ, назначаетъ которыхъ себѣ оставить, другихъ въ подарокъ, а третьихъ забросить. Въ десятомъ часу утра начинаютъ посѣщенія, въ которое время оканчивается его туалетъ, въ про-

долженіе котораго говорятъ вздоръ, ежедневныя новости и проч., послѣ чего карты занимаютъ до обѣда, послѣ обѣда и въ вечеру. Такова была г-на Нефедьева ежедневная жизнь, исключая однакожь четверга, въ который день должность губернатора была смотрѣть за исправностью свѣчъ на игорныхъ столахъ. Въ семь одномъ случаѣ нельзя г-на Нефедьева не похвалить: онъ вѣдалъ, что губернаторская должность есть обширна, для исполненія которой потребны великія способности; онъ, не признавая въ себѣ никакихъ, пустилъ теченіе дѣлъ слѣдовать какъ нибудь и меньше всего заботился о вѣренной ему губерніи. Въ такомъ случаѣ виновенъ онъ какъ сынъ отечества, что самъ не откажется отъ должности; виновно правительство его поставившее.

Г Л А В А XI.

Монахи на Иргизѣ. Бунтъ на Дону. Сраженіе при Нижне-чирской станицѣ. Усмиреніе козаковъ. Я помѣщаюсь въ Нарвскій карабинерный полкъ. 1794 годъ.

Симъ дѣломъ, въ которомъ я выдержалъ нападеніе г-на Есипова, Логовскихъ разбойниковъ, губернатора и г-на Нефедьева, кончился для меня старый годъ, а начавшійся 1794 постѣтилъ меня болѣзнь, которая изъ двухдневнаго озноба превратилась въ великій жаръ и положила меня въ постель. Въ такомъ положеніи, не имѣя средствъ къ своему излѣченію, долго я находился въ нерѣшимости, ѣхать ли въ Саратовъ умирать, или выписать въ Терсу какого убійцу, который бы своимъ искусствомъ помогъ отправиться въ вѣчное спокойствіе, наконецъ рѣшился отдаться на произволъ судьбы. Крѣпость моей натуры переработала все и по прошествіи недѣли я сталъ здоровъ.

Дабы проѣздиться послѣ моей болѣзни, отправился я изъ любопытства на рѣку Большой Иргизъ обозрѣть поближе тамъ живущихъ мошениковъ; нашелъ ихъ поселившихся въ изобильномъ мѣстѣ семь, четыре мужскіе и одинъ женскій монастыри, находились не въ бѣдности; старовѣры со всѣхъ мѣстъ стекались спасенія ради и обогащали сіи святыни. Женскій монастырь изобиловалъ очень недурнаго лица дѣвками, присылаемыми на смиренномудріе изъ разныхъ старовѣрческихъ деревень и отъ купцовъ.— Сей отсылки предметомъ было благоговѣніе, но сіи красавицы большую часть времени проводятъ въ спасительныхъ объятіяхъ бородастыхъ Адонисовъ. Монаховъ положено

очень мало, но жителей въ сихъ монастыряхъ наберется до тысячи душъ, въ число которыхъ приняты бѣглецы солдаты, господскіе люди, воры-разбойники и проч. Строитель или игумень главнаго монастыря, увидя служивыхъ въ своей обители, крайнѣ струсилъ; со мной было два офицера моего эскадрона и три карабинера, и узнавъ, что я тотъ, который квартировалъ въ Терсѣ, а уже по наслышкѣ онъ вѣдалъ, что я былъ крайнѣй непріятель ворами, и потому взбѣгался до крайности, чтобъ насъ какъ можно лучше принять. Суетливость его тѣмъ болѣе умножалась, что я выѣхалъ изъ Терсы такъ, что никто изъ жителей не вѣдалъ, куда я ѣду, и слѣдственно не могли ему дать знать о моемъ посѣщеніи, и онъ точно полагалъ, что я пріѣхалъ въ расплохъ для того, чтобъ дѣлать выемку бѣглыхъ солдатъ. Мы, обзрѣвъ все въ сей обители и отобѣдавъ у строителя, отправились въ Терсу. Послѣ стола, игумень, отозвавъ въ другую комнату г-на Смирнаго, моего поручика, съ которымъ онъ замѣтилъ что я обходился пріятельски, спросилъ его, чѣмъ бы онъ могъ мнѣ служить, что онъ, не будучи предваренъ моего посѣщенія, не можетъ ничего другаго мнѣ предложить какъ одну лошадь довольно хорошую изъ его конюшни и деньгами на первый случай двѣсти рублей. Г-нъ Смирной ему отсвѣтовалъ сіе дѣлать, вѣдая, что я не только сего не приму, но и обижусь, заѣхавъ туда изъ одного любопытства. Для чрезъ два г-нъ строитель сдѣлалъ мнѣ посѣщеніе со многими изъ своихъ старшинъ, я его попотчивалъ военнымъ угощеніемъ, во время обѣда его упомнѣлъ, а послѣ онаго пѣсенники моего эскадрона повеселили сихъ бородачей до того, что они съ моего позволенія показали моимъ подчиненнымъ сколь они на деньги щедры. Неоспоримо я въ двѣ зимы моего на Волгѣ квартированія, имѣя въ рукахъ эскадронъ, могъ бы нажить великія деньги; но для сего надлежало имѣть пріятельскую связь съ исправникомъ, дѣлиться съ онымъ всѣми доходами, пить и гулять вмѣстѣ, грабить добродушныхъ поселянъ, ловить воровъ и, ограбивъ ихъ, отпускать. Таковы были стези, по которымъ слѣдуя можно было нажиться!—Всякій честный человекъ легко разсудить, что я былъ отъ сего весьма далекъ!—Угостить разъ пьянствомъ старовѣрческихъ монаховъ можно, а повторять сіе чаще мнѣ бы наскучило, хотя и то правда, что принудивъ себя къ сему, всякая таковая попойка награждалась бы мнѣ отъ нихъ съ лихвою, ибо они при дѣлаемой имъ по чести весьма щедры. Но кто благомыслящій на такія средства пустится?—Я одинъ случай упомяну, который покажетъ, что сіи монахи, въ ежечасномъ опасеніи живучи, при малѣйшей острасткѣ, выплачиваются чѣмъ могутъ изъ бѣды. Исправникъ той округи, въ которой

я квартировалъ, г-нъ Зыдовъ выпросилъ у меня двухъ карабинеръ; для понужденія взноса казенныхъ недоимокъ; я вѣдая, что при такомъ случаѣ солдаты получаютъ подарки, и потому, чтобъ дать случай моимъ подчиненнымъ нажать копѣйку, выбралъ двухъ отличнаго поведенія и рачительной службы солдатъ и далъ ему. По прошествіи недѣль двухъ они возвращаются ко мнѣ; я изъ любопытства спросилъ: помного ли они получили за свои труды, одинъ отвѣчалъ, что имѣеть двадцать рублей и нѣсколько аршинъ холста, а другой сказалъ, что онъ, находясь безотлучно при исправникѣ, не могъ ничего получить, ибо всѣ подарки шли въ руки г-на Зыдова, но когда кончился сборъ, то, чтобы его наградить, исправникъ велѣлъ ему ѣхать въ Иргизскіе монастыри, въ которыхъ ничего больше не дѣлать, какъ топоромъ замѣчать лучшіе деревья въ ихъ лѣсу, и когда его спросятъ, ради чего онъ сіе дѣлаетъ, то чтобъ отвѣчалъ, что на весну они будутъ срублены и спущены Волгою въ Астрахань для постройки государственныхъ судовъ. Выдумка грубая, доказывающая несмысленность тѣхъ, которые вѣрятъ, что карабинеръ будетъ выбирать удобный лѣсъ для флота!—Но не меньше посланный, выполнивъ г-на Зыдова наставленіе, былъ прошенъ въ обитель, угощаемъ два дни, которому подарено пятьдесятъ рублей, послѣ чего онъ оставилъ ихъ говоря, что ихъ лѣсъ негодится на сооруженіе судовъ.

Въ исходѣ января мѣсяца я получилъ повелѣніе отъ начальника полка майора Щеглова о замѣшательствѣ, происшедшемъ на Дону отъ тѣвшаго подъ пепломъ огня, загорѣвшагося съ того времени, какъ ушли съ линіи Кавказской три Донскіе полка, и потому безопасность государства требовала сблизить войско къ усмиренію сихъ бунтовщиковъ. Полкъ Ростовскій карабинерный былъ въ числѣ назначенныхъ; сборнымъ мѣстомъ оному опредѣлено село Усть-Бурлукъ на границѣ Донской земли лежащее. 24-го января я оставилъ Терсу и слѣдовалъ съ крайнею поспѣшностію безъ всякихъ отдыховъ, по безмѣрной глубинѣ снѣга проселочными дорогами, при почти нестерпимыхъ морозахъ и выюгахъ, однакожъ успѣлъ въ одиннадцать дней перейти 350 верстъ, и явился въ Усть-Бурлукъ. Здѣсь я засталъ г-на Буткевича возвратившагося изъ Петербурга, который, свѣдавъ о Донскомъ бунтѣ, поспѣшилъ къ полку. Онъ мнѣ изъявилъ великую ласку, ибо я съ нимъ съ того времени не видался, какъ я оставилъ Саратовъ для представленія ему эскадрона моего на смотръ, котораго онъ не пріѣзжалъ видѣть; онъ заѣзжалъ въ Саратовъ, гдѣ узналъ образъ моего съ его женой обращенія по возвращеніи моемъ изъ

Кирсанова, и казался онымъ былъ доволенъ. Когда всѣ эскадроны собрались, то мы вошли въ Донскіе предѣлы; мы слѣдовали по онымъ со всею предосторожностію, какую должно было соблюсти противъ непріятеля, хотя во всѣхъ станицахъ и было покойно, ибо главное смятеніе обрѣталось въ пяти изъ нихъ селеніяхъ, на которыхъ успѣхъ весь Донъ взиралъ. Походъ нашъ былъ крайне затруднителенъ по причинѣ холода, однакожъ достигнувъ мы Ново-Григорьевской станицы остановились въ оной, ожидая повелѣнія о дальнѣйшемъ предпріятіи, ибо сіе усмиреніе Донское поручено генераль-маіору князю Щербатову, который пропустилъ много времени; занимаясь въ крѣпости святаго Дмитрія Ростовскаго распоряженіемъ какъ войти въ бунтовщицкія станицы, хотя еще и отстоялъ отъ оныхъ въ 400-хъ верстахъ, а между тѣмъ бунтовщики сѣкли своихъ старшинъ, производя буйство необычайное, изготовляясь итти завладѣть крѣпости Царицынскою. Въ сіе время подошелъ къ намъ еще полкъ пѣхотный на почтовыхъ привезенный, и полкъ карабинеръ. Все сіе побудило г-на Буткевича, который въ собравшемся войскѣ былъ старшій, итти въ бунтующія станицы, тѣмъ скорѣе, что мы, простоявъ двѣ недѣли на мѣстѣ, не имѣли никакого о князѣ Щербаковѣ свѣдѣнія, ибо сообщенія между нами были пресѣчены волнующимися. Первую изъ таковыхъ станицъ мы заняли Пятиизбянскую, а на другой день мы узнавъ, что неподалеку отъ Нижне-чирской станицы собралась толпа бунтовщиковъ съ тѣмъ, чтобъ противиться нашему въ оную входу, и потому войско направило свой путь къ онымъ. 23-го февраля былъ день, который доставилъ мнѣ быть очевидцемъ глупѣйшаго сраженія, каковое бывало ли и когда съ начала какъ битвы между людьми начались. Пьяная толпа людей въ 500 расположилась на нашей дорогѣ; мы не могли оную обойти по причинѣ глубины снѣга; послано имъ сказать, чтобъ они сошли съ оной, но они отвѣчали бранью, на которую имъ послали два или три выстрѣла ядрами, отъ которыхъ они разсѣялись кто куда могъ; послѣ чего мы вошли въ Нижне-чирскую станицу, перевязали всѣхъ затѣйщиковъ сего заговора, и сямъ кончилось зло, которое было терпимо два года и отъ котораго могъ бы распространиться огонь и далѣе, къ потушенію котораго не мало бы пролилось храброй россійской крови. Впрочемъ сей походъ замѣчателенъ былъ рвеніемъ и усердіемъ, съ каковымъ все войско шло къ искорененію сего замѣшательства; не было ни одного въ ономъ чинѣ, который бы не вѣдалъ, что великая Екатерина крайне безпокоилась симъ происшедшимъ безпорядкомъ.

Война съ Донцами кончившись, началась она между начальниками: князь Щербатовъ былъ въ крайнемъ неудовольствіи, что сіе дѣло безъ его приведено къ окончанію, и потому началъ гнать г-на Буткевича; прибывъ онъ въ усмиренныя станицы съ того началъ, что поставилъ нашъ полкъ въ самую скучную Трехъ-островянскую станицу. Г-нъ Буткевичъ, котораго графъ Зубовъ, желая успокоить Императрицу, просилъ при отъѣздѣ изъ Петербурга дать знать какъ можно скорѣе, ежели что благопріятное на Дону случится, послалъ къ нему курьера съ симъ донесеніемъ, а при томъ писать о томъ же и къ графу Салтыкову, управлявшему Военной Коллегіей и котораго сила у Двора тогда немала была. Курьеръ прибывъ ко Двору явился прежде графу Зубову, который увѣдомилъ Императрицу, а потомъ пошелъ къ графу Салтыкову. Сей столько обрадовался, что тотчасъ отдалъ списокъ, присланной г-мъ Буткевичемъ о всѣхъ участвовавшихъ въ семъ усмиреніи своему правителю канцеляріи, чтобъ учинить по оному повышеніе чинами, а самъ не вѣдая, что графъ Зубовъ прежде его извѣщенъ, сѣлъ писать ему о семъ записку; въ самую эту минуту приходитъ отъ графа Зубова съ таковаго же содержанія запиской посланный. Графъ Салтыковъ разсердился взялъ обратно списокъ, по которому бы мы были произведены, извдралъ оный, а курьера приказалъ выслать изъ Петербурга. Страшнее въ семъ случаѣ то, что г-нъ Буткевичъ, находясь въ Петербургѣ, не могъ видѣть кто изъ двухъ графовъ на дѣла, до войскъ касающіяся, имѣлъ болѣе вліянія, къ тому было и прибѣгнуть. Князь Щербатовъ, отправивъ съ донесеніемъ къ графу Салтыкову о всемъ происшедшемъ на Дону, приносилъ жалобу на поступокъ г-на Буткевича, по его словамъ не въ свое дѣло вмѣшавшагося.

Одна досада рѣдко сѣдуетъ безъ спутницы, и потому неожиданно получается размѣщеніе сѣланное сверхъ комплекта состоящимъ офицерамъ; я будучи таковымъ въ полку Ростовскомъ и потому помѣщенъ въ комплектъ въ Нарвской карабинерный полкъ, и вотъ отъ чего сіе случилось. Вновь опредѣленный въ сей полкъ подполковникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бринкенъ, явись въ Москвѣ къ генераль-аншефу князю Прозоровскому, въ дивизію котораго перешли вышедшіе въ Россію съ линіи карабинерныя полки, и вѣдая, что данный ему полкъ былъ почти безъ офицеровъ, подалъ записку о тѣхъ, какихъ онъ изъ другихъ полковъ въ своемъ желалъ имѣть переведенными; въ томъ числѣ г-нъ Бринкенъ хотя меня и не зналъ, но ему говорено было обо мнѣ съ немалой похвалою офицерами бывшими при

дежурствѣ отъ сихъ полковъ, и посему онъ просилъ, дабы я былъ въ его полкъ помѣщенъ. Сіе со мной случившееся было мнѣ не по мыслямъ, г-ну Буткевичу также не хотѣлось меня отъ себя отпущать, и потому онъ представилъ къ князю Щербатову и просилъ у его мнѣ позволенія оставаться при полку Ростовскомъ до воспослѣдованія резолюціи на прошеніе, которое я располагалъ подать о уничтоженіи сего моего помѣщенія. Князь Щербатовъ, пѣтая досаду на г-на Буткевича за усмиреніе Донцовъ, вмѣшалъ и меня въ сіе дѣло, полагая меня главнымъ источникомъ затѣйливости сего усмиренія, будто я сдѣлавъ привычку въ полку Астраханскомъ къ дракамъ противъ Черкесъ, уговорилъ г-на Буткевича на сіе предпріятіе, и будто я находясь въ особой милости своего подполковника нажился въ семь дѣлъ, и дерзостная выдумка до того простиралась, что полагалъ до 20-ти тысячъ рублей, мною въ разныхъ случаяхъ захваченныхъ, и у главнаго ватажка сего мятежа эсаула Рубцова, котораго привели въ желѣзахъ сами козаки, когда мы пришли въ Нижне-чирскую станицу въ вечеру уже поздно. Г-нъ Буткевичъ послалъ меня съ нимъ поговорить и узналъ какого ума сей негодяи; я въ немъ нашелъ человека пылаго въ предпріятіяхъ и главное свое негодование полагающаго въ томъ, что онъ не имѣлъ чиновъ и крестовъ, какими другіе Донскіе старшины величались. Все, что я съ нимъ сдѣлалъ, было, что оставивъ его въ желѣзахъ приставилъ во внутрь комнаты, въ которой онъ находился, одного офицера и четыре карабинеръ. Князя Щербатова на г-на Буткевича представленіе послѣдовала отказъ съ строгимъ при томъ предписаніемъ, чтобы я былъ немедленно отправленъ къ новой моей командѣ, чего однако жъ г-нъ Буткевичъ не послушался, а удержавъ меня еще при себѣ, положилъ попробовать писать къ г-ну Бринкену и просить его о дачѣ мнѣ какой-либо по службѣ препорученности, подъ видомъ которой я могъ бы въ Саратовѣ ожидать накіи переводу въ Ростовской полкъ. Я о семъ же г-ну Бринкену писалъ и просилъ, и съ сими письмами г-нъ Буткевичъ отправилъ нарочнаго курьера въ городъ Кирсановъ, гдѣ полкъ Нарвской пребывалъ въ разсужденія суда производимаго надъ г-нъ Депрерадовичемъ.

Жизнь наша въ Трехъ-островянской станицѣ была скуки ради нестерпима: мы всѣ въ семь мѣстъ какъ въ заточеніи испытали, что можно не умирая быть мертвымъ. Ежедневное обращеніе съ полковыми товарищами не представляло уже ничего новаго въ разговорахъ; всѣ мы озадачены были случившимся намъ препятствіемъ быть произведену. Въ сей станицѣ было нѣсколько казачьихъ старшинъ,

которые своимъ знакомствомъ удобнѣе скуку нежели удовольствіе наводили. Въ такомъ положеніи мы находились за то, что нашъ полковникъ желалъ угодить графу Зубову, который за сію услугу и не мыслилъ вытащить изъ бѣды г-на Буткевича. Таковъ есть дворъ! Таковы суть населяющіе оныи!

Отправленный къ г-ну Бринкену курьеръ не привезъ ничего для меня удовлетворительнаго; онъ очень ласковымъ письмомъ приглашалъ меня пріѣхать въ полкъ, въ которомъ общалъ, что я все къ моему удовольствію найду. И такъ я положилъ отправиться по назначенію судьбы моей, но только ожидалъ еще въ Трехъ-островянской станицѣ лучшей дороги, ибо вскрывшаяся весна не позволяла ни на саниахъ, ни на колесахъ ѣхать. Такимъ образомъ проводилъ я еще недѣли двѣ въ скучномъ семъ заточеніи и хотя еще дорога и не общала быть лучшею, но я пустился въ путь, отправивъ свой экипажъ нѣсколькими днями впередъ въ Усть-Бурлукъ, гдѣ оставались тяжести полка Ростовскаго, а самъ отправился туда же на почтовыхъ. Въ семъ полку я имѣлъ себѣ другомъ ротмистра Николая Никаноровича Струкова, который женившись въ Саратовѣ получилъ за женой 300 душъ бородастыхъ мужиковъ, а это было для его довольно выгодно, ибо онъ бѣднякъ ничего не имѣлъ. Сія свадьба случилась, когда я былъ за ассессора на еудѣ, съ которою родные его невѣсты крайне спѣшили, ибо все въ городѣ говорили, что ежели я пріѣду, такъ ему оное какъ другу отсоветую, потому что мы оба располагали перейти въ какой-либо драгунской полкъ, въ Польшѣ стоящій, гдѣ намѣрены были счастья попробовать. Напрасно они такъ мыслили обо мнѣ; для моего друга сія женитьба составила состояніе, котораго можетъ по службѣ бы ему не удалось сдѣлать, и я доволенъ тѣмъ, что онъ вышедъ въ отставку продолжаетъ дни покойные. Судьба его привела ради сего въ Саратовъ, а моя меня совсѣмъ въ другія обстоательства завела.

Я едва дотащился до Усть-Бурлука—только дорога была затруднительна; кому неизвѣстно каково въ Россіи ранней весной ѣздить, гдѣ отъ такого снѣга самамалѣйшіе ручейки дѣляются такъ сказать озерами, а все лощины наполняются водой снося притомъ и мосты. И такъ я частью въ телегѣ, а частью верхомъ, иногда и вплавъ а иногда и пѣшкомъ достигъ Усть-Бурлука, гдѣ взялъ нѣсколько дней отдыха, въ которое время прибылъ мой экипажъ довольно растроенный симъ походомъ, лишившись я четырехъ лошадей отъ скоропо-

стижности похода съ какимъ мы слѣдовали на Донъ, что для служившаго безъ жалованія офицера было тягостно, для пополненія чего надлежало мнѣ опять приступить къ займу денегъ. Но правило мое было ни при какомъ неудовольствіи не унывать, и потому я свой экипажъ отправилъ прямѣйшею дорогою въ городъ Кирсацовъ, а самъ положилъ захватить въ Саратовъ, хотя и не безъ большаго круга, но оставить волокитныя дѣла не повидавшись съ пріятельницами своими было бы не простительно.

На семь пути переѣзжая рѣчку Ламовку, бывшую въ немаломъ половодіи, не расторопностію моего ямщика едва я не былъ утопленъ: онъ не умѣлъ различить настоящаго въ водѣ пути, попалъ какъ то на косогоръ водою закрытый и опрокинулъ повозку на Донъ, которая въ нѣсколько минутъ наполнилась водою и все въ оной бывшее замочено. Помощи ожидать не откуда было, и потому ямщикъ, мой слуга и я вошли до половины въ рѣчку и не могли сколько ни старались повозки поднять опять на колеса, а должныствовали вытаскивать изъ оной всякую вещь порознь и потомъ уже оную порожнюю не безъ труда вывезти. Времени въ семь купаніи проводилъ я болѣе трехъ часовъ, послѣ чего прибылъ въ нѣмецкую колонію, Линевское озеро называемую, гдѣ почти всю ночь занялся просушиваніемъ всего моего имущества; тетради вмѣщавшія десятилѣтніе мои труды замѣчавшія военныхъ всѣ перемочены были, такъ что надлежало ихъ вновь переписывать. При семъ же случаѣ пострадали безъ возврата разные подарки отъ женщинъ, съ которыми я находился въ связи: прекраснѣйшія записныя книжки и другіе намятники ихъ рукодѣля, услаждавшіе столько лѣтъ мое зрѣніе своимъ изрядствомъ, потерявъ цвѣтъ и свой блескъ, представились моимъ глазамъ въ обветшаломъ видѣ, въ каковой время приведетъ и тѣхъ, отъ которыхъ онъ получены.

На другой день предсталъ по моему требованію колонистъ сказавшійся портнымъ: росту онъ былъ гигантскаго, брюхо его свисло на четверть аршина ниже обыкновенной препорціи, ноги тонкостію своею уюдоблялись журавлинымъ, мѣсто, на которомъ былъ носъ, существовало, но отъ онаго ни малѣйшихъ уже слѣдовъ не оставалось, зубовъ пары двѣ еще имѣлъ для картофельнаго грызенія. Я ему ввѣрилъ допортить свой новой мундиръ, который бывши изъ не моченаго сукна сшить и ни одного разу мною ненадѣванъ; сей самозванецъ въ ремеслѣ портнаго обѣщалъ мнѣ его исправить, прибавя хвастовства ради, что онъ служилъ въ семилѣтнюю войну въ прус-

скихъ гренадерахъ и былъ раненъ, котораго Фридрихъ второй зналъ за честнѣйшаго солдата въ своей арміи, и только было сей старышонца, у котораго вся сія война на языкѣ вертѣлась, приготовился рассказывать мнѣ смерть фельдмаршала Шверина, но я ему зажалъ ротъ тѣмъ, что слышалъ уже сіе происшествіе отъ его земляка барона Беервица и симъ освободился, а то бы онъ меня своимъ словохотствомъ замучилъ. Спусти нѣсколько часовъ сей Фридриковъ ратникъ явился съ мундиромъ, который представленъ мнѣ весь въ пятнахъ, слѣдственно совсѣмъ къ употребленію не годнымъ. — На вопросъ мой: отъ чего это послѣдовало?—Нѣмчяинъ отвѣчалъ: «что солнечные лучи оное сдѣлали».—Какъ бы то ни было, но я ему за такое искусство заплатилъ пять рублей, при чемъ гренадеръ увѣрялъ, что онъ мой мундиръ исправилъ и, видя во мнѣ честнаго офицера, столь малую сумму запросилъ. Сибѣялся я надъ самимъ собою тому, что, казалось, я бы могъ высушить оный на солнцѣ сотворенномъ для всего міру и самъ, а досадовалъ, что я столь безобразнымъ германцемъ былъ обманутъ; положимъ, что я былъ уже честнымъ Сарептяниномъ въ червонцахъ проведенъ, но тотъ все былъ миловиднѣе прусскаго гренадера.

Расплатившись я съ хозяиномъ располагалъ уже ѣхать, но хозяйка представила мнѣ гуся съ изломанною ногою и требовала заплаты, всклепавъ такое изувѣчье на мою лягавую собаку, не отходившую отъ меня ни на шагъ. Я и сей заплатилъ и поблагодаря такимъ добрымъ поселянамъ за ихъ ласку, пустился въ свой путь. Такое господъ нѣмцевъ въ сей колоніи мнѣ препятствіе сдѣлало, что я еще болѣе началъ чувствовать отвращеніе отъ сей націи. При выѣздѣ почти уже изъ деревни увидѣлъ я по причинѣ воскреснаго дня не малое на улицѣ собраніе всякаго возраста обоюго пола нѣмчиковъ, взирающихъ на танцующую посреди улицы пару менуетъ подъ голось одной скрипки. Сіе зрѣлище меня остановило: молодой дѣтина танцовавшій былъ одѣтъ въ синій кафтанъ длиною до колѣна, исполнее таковаго же цвѣта и въ добавокъ съ гульфиномъ, красные чулки сверхъ колѣнъ завязанные, голову его покрывала пребольшая прусская шляпа треугольная и надѣта такъ, какъ Фридрихъ нашивалъ. Въ такомъ нарядѣ онъ вытягивался изо всей мочи предъ молодкой, которая растопыривъ свою юбку присѣдала предъ нимъ; народъ весь взиралъ на сей менуетецъ, какъ на нѣкое нѣмецкое чудо!—Ямщикъ везшій меня смѣючися сей пляскѣ, сказала: «черти, по чертовски и пляшутъ!»—потомъ ударивъ по лошадамъ, запѣлъ пѣсню. Признаюсь,

что мнѣ самому такового покроя менуеть столь страннымъ показался, что я сдѣлалъ обѣщаніе оставить сей танецъ, что и хранилъ во всю жизнь.

Въ исходѣ апрѣля мѣсяца прибылъ я въ Саратовъ и остановился квартирой не подалеку отъ дома г-на Буткевича; прїѣздъ мой случился предъ ужиномъ. Г-жа Буткевичева прислала меня къ оному пригласить, которую я засталъ одну съ своимъ семействомъ; былъ ею очень обласканъ, вечеръ прошелъ у насъ въ разговорахъ о партіяхъ, какія тогда послѣдовали въ Саратовѣ и раздѣлившія совершенно все общество, слѣдствіемъ чего несносная скука заняла мѣсто бывшихъ веселостей; она увѣдомила меня, что одна г-жа Панчулидзева ее посѣщала чаще другихъ, съ которою она въ нарочитой прїязни жила. На другой день по утру я былъ у губернатора для полученія подорожной до Кирсанова, губернаторша наговорила мнѣ тѣмъ ласковостей, которымъ однако жъ я не вѣрилъ, имѣя уже опыты ея ко мнѣ недоброхотства. Обѣдалъ я въ тотъ день у г-жи Буткевичевой, послѣ котораго оставшись однѣ начались между нами изъясненія: она меня увѣряла, что ее не мало удивила моя противъ ее перемѣна, по возвращеніи изъ Кирсанова, и дабы мнѣ тѣмъ же отплатить, то также и мнѣ оказала неудовольствіе, впрочемъ она бы всегда желала быть мнѣ прїятельницей, находя свое удовольствіе въ моемъ обращеніи, что ея мужъ сію ею мнѣ оказываемую ласку толковалъ въ другую сторону, и потому лучше всего было къ его успокоенію то средство, которое мы избрали, чтобы не видаться, и буде я прекратилъ ее посѣщать въ томъ же намѣреніи, то это было сдѣлано, какъ будто бы мы въ томъ сговорились. Она прибавила, что до сего изъясненія, она начала было почитать меня человѣкомъ неблагодарнымъ, котораго ея ласка не тронула, но видя совѣтъ мою невинность, которую я ей въ свое оправданіе предложилъ, и потому удвоивъ свою мнѣ ласку стараться будетъ привлечь меня въ число своихъ прїятелей. Таковое объясненіе заставило меня мыслить, что труда большаго не будетъ стоять преклонить сію женщину къ послѣдней слабости, но я очень ошибся; она говорила: чтобы я о семъ и не помышлялъ, что она прїятеlemъ меня имѣть хочетъ, но любовникомъ никогда; по ея мнѣнію, человѣкъ, дѣлящій свое сердце между г-ми Панчулидзевою, Линицкою и Бауревою, не можетъ иначе почесться, какъ непостояннымъ въ любви, что же можетъ быть горестнѣе для женщины, которая такому себя ввѣритъ. Изъ сихъ словъ я увидѣлъ,

что моимъ отсутствіемъ открыта тайна моя волочиться за многими въ одно время.

Обстоятельства мои съ прочими женщинами въ семь городѣ были: г-жа Панчулидзева жалѣла немало моему выходу изъ такого полку, который могло статься опять бы пришолъ въ Саратовъ, впрочемъ она хотя и знала мои другія волокитства, но увѣрена была по привязанности, какую я ей оказывалъ, что первое мѣсто имѣла въ моемъ сердцѣ. Г-жа Линицкая встрѣтила меня наименованіемъ безсовѣстнаго мужчины, увѣрявшаго ее въ любви, отъ которой таялъ у ногъ г-жи Панчулидзевой, прибавивъ, что она все сіе недавно узнала, и потому жалѣла, что ввѣрила себя такому мужчинѣ, который имѣлъ предметомъ ее обманывая умножить лишь ея число временныхъ своихъ любовницъ. Такимъ образомъ я почти былъ въ разстройство съ сей женщиной, о чемъ я мало и тужилъ, ибо всякое волокитство началомъ удовольствованно. Г-жа Баурева все была удостовѣрена, не вѣдая другихъ моихъ дѣлъ, что она одна участвовала въ такомъ сердцѣ, которое летало ко всему тому, что только было женщиной.

Молодая и старая Кикины крайне на меня злобствовали и отпустили меня изъ Саратова, не сожалья ни мало обо мнѣ. Главное ихъ неудовольствіе произошло изъ слѣдующаго: я далъ имена большой части Саратовскимъ мужчинамъ и женщинамъ приличествующія или ихъ дѣяніямъ, или свойству ихъ душъ. Признаюсь, что я сіе сдѣлалъ безъ всякаго злаго намѣренія и въ одну изъ тѣхъ минутъ, въ которую молодой человекъ, забывшись, вздумаетъ шалить. Въ семь спискѣ имена всего Кикина дому какъ-то такъ хорошо были потрафлены, что совершенно они были обнаружены. Саратовскій свѣтъ нечаянно о семъ узналъ: г-нъ Струковъ, отъ котораго у меня ничего не было скрыто, объявилъ часть изъ оныхъ своей тещѣ г-жѣ Карамышевой, которая терпѣть не могла домъ г-жи Кикиной и, будучи родня г-жѣ Панчулидзевой, ей объ оныхъ объявила, которая также весь причетъ сего дому не любила, а наконецъ, какъ это со всякою новостію случается, переходя она отъ одного до другаго дошла до свѣдѣнія и г-жѣ Кикиныхъ, никто однакожъ настояще не вѣдалъ издателя оныхъ. Во время моего на Дону бытія все семейство г-жи Кикиной въ одинъ день ужинало у г-жи Панчулидзевой. Г-жа Кикина между разговоромъ сказала, что господа полковые на счетъ городскихъ изволятъ забавляться, приписывая онымъ имена весьма обидныя. Г-жа Панчулидзева спросила: «Кто бы это изъ полковыхъ былъ?» — На что г-жи Ки-

киной отвѣтъ былъ: «Кому бы, какъ не тому, кто разные языки разумѣлъ и начитался много!»—Г-жа Панчулидзева, вѣдая, что кромѣ меня никто въ полку другихъ языковъ не разумѣлъ, и потому защищая меня, сказала: «Я думаю онъ неприлично никого не назоветъ».—«Хорошо, продолжала г-жа Кикина, что вы такъ счастливы, что васъ наименовали саратовскимъ украшеніемъ, а другихъ Богъ вѣсть съ чѣмъ сравнялъ».

Я положилъ было въ Саратовѣ пробыть дня три, но вмѣсто оныхъ проводилъ двѣ недѣли; дни текли подобно минутамъ: г-жа Буткевичева въ угодность мою дала у себя нѣсколько вечеринокъ, г-жа Панчулидзева также. Казалось, что сіи двѣ милыя женщины меня дѣлили между собой пополамъ: въ одной замѣчалась обязанность супружеская, удерживающая ее имѣть меня любовникомъ, а въ другой краткость времени моего въ томъ мѣстѣ пребыванія не позволяла уже начинать такого дѣла, въ которомъ она любила продолжительность и имѣть своего любовника безотлучно при себѣ. Я между ими забывалъ должность мою, зовущую меня въ новый полкъ, и о службѣ; мысль моя была единымъ преисполнена, какъ бы симъ двумъ прекраснымъ женщинамъ угодить. Наконецъ часъ ударилъ, въ который надлежало оставить столь пріятное мѣсто и толико любезныхъ особъ и слѣдовать къ своей должности.

Время моей жизни въ Саратовѣ будетъ для меня навсегда памятно: всякій день, казался мнѣ въ моей жизни новымъ днемъ, по различности удовольствій мною вкушаемыхъ; въ полку былъ любимъ и почитаемъ, имѣлъ эскадронъ, называвшій меня отцомъ, имѣлъ другомъ ротмистра Струкова, съ которымъ часто видѣлся и которому изъяснялъ чувства своей души; любилъ г-жу Панчулидзеву, которой былъ непротивенъ; для временнаго удовольствія имѣлъ сластолюбивую г-жу Линицкую, которой умъ придавалъ цѣны ея бесѣдѣ; въ городѣ всѣми былъ любимъ и уважаемъ до того, что лучшіе дома искали моего знакомства.

Г Л А В А XII.

Я являюсь въ Нарвской Карабинерный полкъ. Мое въ ономъ служеніе. 1794 годъ.

Оставивъ Саратовъ и сближаясь къ Кирсанову, забхалъ я въ село Оржевку къ г-ну Мартынову, у котораго проводилъ однѣ сутки

На другой день, явившись въ Кирсановъ, предсталъ своему полковнику Бринкену, въ которомъ увидѣлъ тощаго, длиннаго и вспылчиваго курляндца, имѣющаго лицо, всегда сердитаго человѣка представляющее. Принять я имъ былъ хорошо, не взирая на то, что предсталъ ему въ такую минуту, когда онъ былъ въ неудовольствіи на меня за долгое мое мѣшканье прибыть къ полку и положено было еще три дня обождать и ежели не явлюсь, то исключить меня изъ полка за неприбытіе. Вотъ что было надѣлали мнѣ саратовскіе контреданцы. Сего только не доставало для увѣнчанія моей и безъ того злосчастной службы. Окруженнымъ я его нашелъ разныхъ цвѣтовъ мундирами, въ которые были облечены офицеры, перешедшіе изъ кирасирскихъ, пѣхотныхъ, легкоконныхъ, конно-егерскихъ полковъ, для продолженія обще съ нимъ службы въ полку Нарвскомъ, которые всѣ были или лифляндцы, или курляндцы или другаго рода нѣмцы, большею частію родня г-ну Бринкену или его женѣ, которая была побочная дочь графа Румянцева-Задунайскаго, выросшая въ Лифляндіи, а рожденная отъ нѣмки, увезенной имъ въ его молодыхъ лѣтахъ изъ Пруссіи. Во всѣмъ полку насъ русскихъ офицеровъ не болѣе пяти человѣкъ было. И такъ оставивъ я нѣмецкихъ колонистовъ на Волгѣ, попалъ въ другую, въ которой педантическій этикетъ, толико занимающій сію націю, соблюдался въ самой высшей степени. Почиталось между ними великимъ преступленіемъ выговорить чье-либо имя, не прибавивъ къ оному нѣмецкой почтительности: *Фонъ*. Я, который сего народа не терпѣлъ, не хотя ради, долженствовалъ привыкать ко всѣмъ малостямъ, которыми нѣмцы съ толикою рачительностію зашимаются, и потому въ короткое время заслужилъ у ихъ о себѣ доброе мнѣніе, чего ради и прибавляли къ сербскому Пищевичу нѣмецкій фонъ. Два дня моего въ Кирсановѣ пребыванія прошли безъ всякаго опредѣленія меня въ какой-либо эскадронъ, а на третій г-нъ Бринкенъ, вызвавъ меня въ свой кабинетъ, сказалъ: что онъ по моему письму не отпустилъ меня по тому остаться въ Ростовскомъ полку, что самъ желаетъ служить съ хорошими офицерами, и потому просилъ меня остаться въ его полку и опредѣлилъ мнѣ начальствовать первымъ эскадрономъ. Не меньше меня на сіе рѣшиться заставило и то, что Ростовскій полкъ отъ г-на Буткевича графомъ Салтыковымъ взятъ, которому велѣно явиться въ военную коллегію къ отвѣту за усмиреніе Донскихъ бунтовщиковъ; и такъ мнѣ оставалось все равно, привыкать ли къ г-ну Бринкену или къ новому полковнику, опредѣленному въ Ростовскій полкъ, и потому я рѣшился оставаться тамъ куда судьбою былъ приведенъ.

Прибывъ въ Кирсановъ я деньгами былъ не очень богатъ или лучше сказать кошелекъ мой совершенно тощимъ глазамъ моимъ представлялся, и потому я положилъ апробовать щедрость своихъ родныхъ. Вспомнилъ я, что г-нъ Депрерадовичъ въ Кирсановъ находился и потому изъявилъ ему свою нужду, прося у его заимообразно 100 рублей. Г-нъ Депрерадовичъ, разинувъ ротъ до ушей и взявъ всѣмъ образа въ свидѣтели, божился, что не имѣлъ въ дому болѣе ста рубл. Это дѣлалъ такой человекъ, у котораго наличности тогда почиталось до семидесяти тысячъ рублей. Я его оставивъ повстрѣчался нечаянно въ Кирсановѣ съ другомъ моимъ ротмистромъ Андреемъ Артеміевичемъ Чириковымъ, съ которымъ служилъ въ Астраханскомъ полку, который хотя и не богатъ и деньгами не очень былъ запасливъ, но послѣдними со мной подѣлился. Сей случай еще болѣе меня отвратилъ отъ моихъ родныхъ; пріятели мои мнѣ всегда были драгоцѣннѣе.

Оставивъ я Кирсановъ отправился въ село Рудовку, гдѣ квартировалъ мой эскадронъ, который я принявъ повелъ въ лагерь, расположенный при селѣ Баликлеѣ, въ которомъ полку Нарвскому надлежало лежать проводить. Я велъ эскадронъ такого полку, который вселилъ на всѣхъ жителей Тамбовскаго намѣстничества страхъ подобный Пугачевскому бунту; толико чудно квартировалъ сей до крайности распущенный полкъ во время имъ начальствованія полковника Елчанинова: грабежъ и насильства почитались ни во что, неплатежъ вообще за все то, что ни бралось отъ крестьянъ; извѣстно уже, что таковыя гости пріятны чиновникамъ намѣстничества и потому все буйство сошло съ рукъ. Г-нъ Елчаниновъ провелъ большую часть своего полковничества безъ полку за послушаніе к-зю Потемкину и потому, получа оный, положилъ обогатить себя какъ можно скорѣе, но смерть ускорила прекратить его жизнь прежде событія сего намѣренія. Эскадронъ мой я нашелъ составленный изъ наипрекраснѣйшей видной и рослой молодежи, но крайне недоведенныхъ ни въ пѣшей, ни въ конной экзерцици; г-нъ же Бринкенъ, поручая мнѣ оный объявилъ, что я увижу эскадронъ рѣдкой, что касалось до виду людей, но крайне распущенной и вдавшийся въ разныя шалости, отъ чего доходятъ до его ежедневныя просьбы отъ поселянъ. Когда я оный принималъ, то собравъ ихъ въ кругъ началъ имъ говорить, что они во мнѣ увидятъ начальника строгаго, добраго и справедливаго, что сіи во мнѣ перемѣны зависятъ будутъ отъ ихъ поведенія, что я воровъ, забіякъ, пьяницъ и лжецовъ терпѣть не могу, что добраго поведенія солдата отличу всегда, что я люблю доставлять воину выгоды,

но требую спокойствія поселянъ, что все то, что солдату отъ Государя положено, не имѣю привычки ввѣрять для раздачи кому-либо, что они все то изъ моихъ рукъ получать будутъ. Впрочемъ прибавилъ имъ то одобреніе, какое г-нъ Бринкенъ мнѣ о ихъ сдѣлалъ. Отвѣтъ ихъ былъ таковъ: «Когда мы слышали о назначеніи васъ нашимъ начальникомъ, то мы все обрадовались, зная васъ довольно въ Астраханскомъ полку; ежели вы будете нами такъ начальствовать какъ въ ономъ 10-мъ эскадронѣ, то мы надѣемся, что полковникъ нашъ скоро о насъ будетъ другаго мнѣнія; поведеніе солдатское зависитъ отъ поведенія начальника, отъ насъ требовали шалостей, мы такими сдѣлались; мы имѣемъ унтеръ-офицеровъ нѣсколькихъ шалуновъ, старшаго вахмистра такового, котораго вѣрно вы унять постараетесь; онъ былъ любимъ бывшимъ нашимъ эскадроннымъ начальникомъ, и потому безъ всякаго опасенія обижалъ насъ, и имѣя нѣсколько шалуновъ изъ рядовыхъ на своей сторонѣ грабилъ поселянъ, а все относилось на счетъ всего эскадрона». И дѣйствительно, все то, что они мнѣ объявили, я нашелъ справедливымъ; эскадронъ сей въ короткое время сдѣлался въ полку примѣрнымъ и такъ скоро взялся за ученіе, что не стыдятся можно его было представить кому бы то ни-было знающему военное искусство. Просьбъ на оный во все время моего имъ начальствованія не произошло ни одной; драться съ ними вовсе не надобно было, добрыми словами я вселилъ въ ихъ къ себѣ великій страхъ и любовь, гордясь при томъ тѣмъ, что все ихъ хвалили, а сія амбиція была мнѣ порукою въ ихъ поведеніи.

Все лѣто проводили мы наискучнѣйшимъ образомъ. Должно себѣ представить то, что офицеры были большею частію со всѣхъ мѣстъ сошедшіеся въ сей полкъ, одинъ другаго коротко не знали, а соединить насъ некому было: полковникъ все лѣто проводилъ въ Кирсановѣ, подполковникъ въ своей деревнѣ, а начальствующій въ лагерѣ майоръ Кауфманъ былъ человекъ уже старый, сидѣвшій въ своей палаткѣ вѣчно, выглядывая изъ сей норы только къ вечерней зарѣ и къ разводу,—впрочемъ трубка табаку, чашка кофію, ученіе двухъ въ клѣткахъ посаженныхъ галокъ говорить и нѣсколько листовъ газетъ нѣмецкихъ прошедшихъ годовъ занимали все его время. Я свои часы дѣлилъ между книгами и эскадронѣ, впрочемъ посѣщалъ вблизи нашего лагеря живущихъ помѣщиковъ, между прочимъ домъ генералъ-майора Николая Николаевича Кармилицына и майора Василія Михайловича Огibalова, у которыхъ былъ очень обласканъ. Г-нъ

Бринкенъ приѣзжая нѣсколько разъ въ лагерь, увидѣлъ перемѣну въ моемъ эскадронѣ. и по тому поручилъ мнѣ уравнивать во всемъ полку конное и пѣшее ученье, на что дано мнѣ изъ каждаго эскадрона по одному офицеру, унтеръ-офицеру и по 10-ти рядовыхъ. Сія довѣренность привела всѣхъ нѣмцовъ на меня въ негодованіе, но я не взирая на оное продолжалъ на меня возложенную препорученность приводить въ порядокъ, которые люди мною въ короткое время до желаемого приведены и показаны полковнику, который все мною сдѣланное одобрилъ и велѣлъ во всемъ полку по оному поступать.

Послѣ сего г-ну Бринкену вздумалось меня послать обозрѣть уѣзды Тамбовской, Липецкой, Уманской и Борисоглебской, въ которыхъ бы были квартиры для полка выгоднѣе, ибо онъ было положилъ изъ Кирсановскаго округа выйти, а просить у губернатора другой уѣздъ. Причина сему та, что сей уѣздъ наполненъ дворянствомъ, умѣющимъ жить хорошо и любящимъ свѣтскую жизнь, г-нъ же Бринкенъ былъ человѣкъ уже лѣтъ немолодыхъ, недостаточный и обремененный семействомъ, и потому положилъ потихоньку набивать карманъ; карабинерный полкъ подавалъ къ тому случай, равнявшійся съ посредственною деревней. Кирсановское дворянство не одобрило нѣмецкую бережливость, начало осмѣивать изъ подъ руки; г-ну Бринкену всѣ сіе донесено, который, разгорячась по курляндски, началъ съ своей стороны всѣхъ дворянъ называть гундсвотами. *) Въ семъ случаѣ мое положеніе было нѣсколько принужденное, я былъ и любимъ и обласканъ всѣмъ дворянствомъ, г-нъ Бринкенъ также начиналъ ко мнѣ очень хорошо быть расположенъ и любилъ при томъ знать, какими словами дворянство отвѣчало на нѣмецкіе гундсфоты; вѣдалъ же онъ, что они безъ закрывки при мнѣ его бранили и потому внутренно досадовалъ, что я ему не сообщалъ всего мною слышаннаго, но сказать мнѣ о такового рода подлости никогда не смѣлъ.

Для сего назначеннаго мнѣ объѣзда уѣздовъ надлежало взять подорожную отъ губернатора, чего ради я и отправился въ Тамбовъ. Въ семъ городѣ я нечаянно свидѣлся съ г-жею Буткевичевой, которая, оставивъ Саратовъ, слѣдовала тогда въ свои Новгородскія деревни; она хотя и могла ѣхать другою дорогою, но увѣряла меня, что нарочито предпріяла слѣдовать чрезъ Кирсановъ, дабы со мною свидѣться, гдѣ онакожъ узнала, что я находился въ лагерь. Я прово-

*) Hundswuth.

диль съ нею часа два, послѣ чего она послѣдовала въ свой путь, а я взялъ дорогу въ Усмань, который осмотра ѣздилъ въ равныя селенія, послѣ чего отправился въ городъ Липецкъ и онаго уѣздъ, а оттуда проселочными дорогами прибылъ въ Борисоглѣбскъ, откуда возвратился въ Кирсановъ. Я вѣдая, что г-ну Бринкену желалось перевести полкъ въ Борисоглѣбскъ, потому сей уѣздъ и представилъ ему всѣхъ другихъ выгоднѣйшимъ, который что касалось для солдатъ былъ очень хорошъ, но для офицеровъ любящихъ веселую жизнь крайне скученъ, Кирсановскій же то и другое въ себѣ вмѣщаль.

Во время сей поѣздки, будучи въ Усманѣ, находился я только въ 60-ти верстахъ отъ Воронежа, въ которомъ тогда губернаторствовалъ двоюродный братъ моей матери, генераль-маіоръ Хорватъ; я было положилъ къ нему захватъ и онъ бы могъ мнѣ во многомъ помочь, будучи родня имѣвшему тогда въ своихъ рукахъ кормило Россійскаго государства графу Зубову, на котораго сестрѣ онъ былъ женатъ, но узнавъ я пышность и непомерную гордость, съ какою онъ себя велъ въ Воронежѣ, и потому будучи хотя и безпомоченъ, но не рѣшился допустить себя тереться въ передней вельможи надменнаго.

По моему представленію г-нъ Бринкенъ положилъ было вестъ полкъ въ Борисоглѣбскую округу и уже былъ отданъ приказъ къ слѣдованію въ оный полковымъ тяжестямъ, будучи онъ въ полной надеждѣ, что губернаторъ ему сихъ квартиръ не откажетъ. Но казенные крестьяне Борисоглѣбскаго уѣзда иначе о семъ думали: свѣдавъ они, что полкъ Нарвскій опять ихъ квартированіемъ своимъ посетитъ намѣренъ, котораго стоянка имъ еще памятна была, и потому они, собравшись не малою гурьбою, отправились въ Тамбовъ и безъ всякихъ околичностей объявили губернатору, что ежели опять поставится къ нимъ полкъ ихъ угнетавшій, то они пошлютъ отъ себя депутатовъ въ сенатъ просить защиты. Какой бы полкъ не желалъ быть столь страховитымъ врагамъ отечества!—Таковая рѣшимость поселянъ заставила губернатора отказать полку Борисоглѣбскую округу. Когда послѣдовала сія неудача г-ну Бринкену, то я былъ отправленъ въ Тамбовъ испросить у губернатора повелѣніе Кирсановскому исправнику, дабы онъ отвелъ подъ эскадроны тѣ селенія, какія г-нъ Бринкенъ пожелаетъ. Сіе мое посольство возымѣло успѣхъ по желанію моего полковника, и потому полкъ въ исходѣ августа изъ лагеря распущенъ по квартирамъ: моему эскадрону село Иноковка было на-

значено для зимняго пребыванія, отстоящее отъ Кирсанова въ семнадцати верстахъ.

Въ сію мою въ Тамбовъ поѣздку мнѣ удалось быть очевидцемъ слѣдующаго трогательнаго происшествія: человекъ съ полтора ста плѣнныхъ Поляковъ, въ числѣ которыхъ находилось три офицера, приведены были изъ своей отчины въ сей городъ, которыми должны были пополниться убылыя мѣста въ Тамбовскомъ гарнизонномъ баталіонѣ. Сіи несчастные уже разъ присягали на вѣрность Монархини Россійской, но Тамбовскій комендантъ полковникъ Булдаковъ вздумалъ ихъ еще разъ заставить цѣловать крестъ и евангеліе греческой вѣры, будучи они католики. Одинъ изъ плѣнныхъ офицеровъ осмѣлился предложить, что они уже разъ присягали, такъ чтобъ имъ исполняли въ чемъ будетъ состоять вторичная ихъ присяга. За таковое любопытство невѣжда комендантъ сему порядочно-воспитанному поляку велѣлъ къ спинѣ приложить около тысячи полновѣсныхъ палочныхъ ударовъ. Такимъ образомъ поступаемо было съ польскими патриотами въ Россіи!—Всякую боль къ себѣ надлежитъ примѣнить, почему и не можно не соблазновать о участи сихъ несчастныхъ, которые, защищая свои права, свое отечество, перемѣнчивымъ счастьемъ войны достались въ наши руки, а съ ними поступаютъ какъ съ тварью!—Да и кто же?—Россіяне!—которые, будучи сами герои, должны были почести неустрашимость въ своихъ непріятеляхъ.

Не успѣлъ я расположить свой эскадронъ по квартирамъ, какъ г-нъ Бринкенъ изъявилъ мнѣ свое желаніе, дабы я съѣздилъ на ярмарку въ Донскую Урюпинскую станицу, для покупки въ полкъ лошадей. Я, на котораго такового рода препоручености никогда еще не были возлагаемы, взялся за сіе и, отправившись въ помянутую станицу, увидѣлъ все окрестности оной такъ-сказать укрытыми болѣе нежели 15-ю тысячами лошадей, между которыми очень мало было такихъ, какими г-нъ Бринкенъ желалъ полкъ наполнить, и потому я только 50 лошадей купилъ, которыя по возвращеніи моемъ въ Кирсановъ были удостоены г-мъ Бринкеномъ.

Возвратясь я въ Иноковку предался жестокой скукѣ и очень рѣдко изъ оной выѣзжалъ; полковникъ мой былъ человекъ, любившій уединенность, и, огорчивъ противъ себя все дворянство, не былъ мнѣ посѣщаемъ и хотя мнѣ и невозбранялъ къ нимъ ѣздить, но видимо было его неудовольствіе, ежели кто часто отъ эскадрона отлучался, и потому онъ насъ приучалъ къ пустынноческой жизни посреди веселой Кирсанов-

ской округи и желалъ, чтобы мы въ скугѣ находили свое удовольствіе. И такъ, убѣгая скучной службы Кавказской линіи, попалъ я посреди Россіи еще въ скучнѣйшую, увидѣлъ себя закупорена въ четырехъ Иноковскихъ стѣнахъ и рѣшился бы въ одну минуту оставить Нарвскій полкъ, ежели бы имѣлъ достаточно денегъ для предпріятія въ какую другую армию переѣзда, а особливо происходившія тогда дѣла въ Польшѣ занимали меня много и я крайне досадовалъ, что не участвовалъ въ оныхъ.

Сотоварищи мои господа Нѣмцы, расположившись по квартирамъ, показали себя, сколь они были горазды набивать свои карманы, и не выѣзжая никуда изобрѣтали средства къ лучшему себя обогащенію, и сіе безотлучное ихъ при эскадронахъ нахождение причиталось къ прилежности службы. Ограбленіе мужиковъ происходило по обдуманнѣмъ правиламъ: чтобы имѣть отъ нихъ провіантъ и фуражъ подареннымъ, то собирали ихъ къ себѣ на дворъ, гдѣ выставляли пива и вина столько, сколько потребно было совершенно упоить человѣкъ сто почетныхъ въ селѣ крестьянъ, и сіи въ пьяномъ положеніи дарили все что отъ нихъ ни требовали, что все записывалось ихъ же сельскимъ пьянымъ писаремъ или попомъ, и на другой день отъ ротмистра посылались пріемщики для собранія сихъ даровъ; отъ чего дворъ эскадронаго начальника наполнялся всякимъ скотомъ, птицею, масломъ, хлѣбомъ и проч., а деньги за фуражъ и провіантъ сами по себѣ уже оставались въ его карманѣ. Таковое явное грабительство называлось добровольнымъ подаркомъ, и потому безъ зазрѣнія совѣсти отправлялось на торги, на которыхъ все сіе обращалось въ деньги, удѣляя однакожъ ясть изъ всего этого полковничьему любимцу маіору Спаніенбергу, который послѣ сего перевозносилъ ихъ похвалами предъ г-мъ Бринкеномъ и за таковыя поступки заслуживали наименованіе исправныхъ офицеровъ. Всѣ сіи господа когда собирались къ полковнику, то ни о чемъ другомъ не говорятъ какъ о честности и о добротѣ души, у всѣхъ это на языкѣ, а для достиженія сего шли со всѣмъ противнымъ путемъ.

Г-нъ Бринкенъ чуждался таковыхъ подаваній и былъ впрочемъ честный человѣкъ, но имѣлъ слабость ту, что любилъ наушниковъ и былъ изъ числа такихъ полковниковъ, который хотя и состарѣлся въ службѣ, но подробности ученія полка мало ему свѣдомы были. Онъ меня очень отличалъ и оказывалъ мнѣ великую довѣренность, что сдѣлало мнѣ завистниками почти всѣхъ ротмистровъ, а въ особенности г-на Спаніенберга, который былъ человѣкъ лукавства преис-

полненный, ласкавший по наружности меня много, а въ тайнѣ, имѣя своихъ лазутчиковъ по всему полку, старался въ чемъ ни есть подыскаться, но все было всуе; я велъ себя по дорогѣ честному человѣку свойственной. Г-нъ Спаніенбергъ читалъ довольно и имѣлъ даръ забавлять г-на Бринкена разными разказами, при томъ изъ его устъ почерпалъ г-нъ Бринкенъ разныя новости изъ Гамбургскихъ вѣдомостей; и потому онъ почитался домашнимъ человѣкомъ и, будучи съ давняго времени знакомъ г-ну Бринкену, перешелъ съ тѣмъ въ полкъ, чтобъ быть въ ономъ на всѣ случаи учителемъ и первенствовать надъ всѣмъ по довѣренности г-на Бринкена, и вѣдая всѣ грабительства прочихъ эскадронныхъ начальниковъ, держалъ ихъ въ уздѣ, а деревни, въ которыхъ они квартировали, какъ будто на откупѣ. Г-нъ Спаніенбергъ всегда старался отдѣлять отъ г-на Бринкена всѣхъ тѣхъ, которые ему угождали, а всѣхъ привлекалъ къ себѣ, дабы чрезъ то значилъ больше въ глазахъ г-на Бринкена и показать ему себя надобнымъ. Несмотря на толико явный обманъ, сіи два человѣка называли себя сердечными друзьями!—Впрочемъ въ семъ полку мастерскимъ произведеніемъ почиталось вмѣсто службы то, чтобъ подыскиваться одинъ подъ другимъ: лазутчиками полкъ наполнился, которыхъ г-нъ Спаніенбергъ покровительствовалъ, и въ семъ случаѣ его собственная служанка Агашка и кадетъ Дубининъ были лазутчики высшей степени, которые, выслушивая доносы отъ другихъ, вкладывали въ уши г-на Спаніенберга, а сей подстрекалъ полковника, и потомъ отдавался приказъ въ полкъ на счетъ того, кто попалъ въ немилость доносителямъ. Часто выводилась наружу несправедливость таковыхъ ябедничествъ, тогда г-нъ Спаніенбергъ оправдывался тѣмъ, что ему Агашка сказывала, а она слышала отъ своего мужа, а тотъ въ кабацѣ отъ цѣловальника, которому пьяный карабинеръ разсказывалъ, и изъ сей путаницы рождался полковой приказъ на счетъ благороднаго человѣка къ обидѣ его. Когда же дѣйствительно обнаруживалась таковая ложь, тогда г-нъ Спаніенбергъ идетъ со всею нѣмецкою важностію въ полковую канцелярію, гдѣ и вымарывалъ изъ тетради приказъ. Такимъ образомъ кто желалъ быть въ семъ полку покоенъ, тотъ долженъ былъ искать милости въ г-нѣ Спаніенбергѣ, Агашкѣ и Дубининѣ, а потомъ во всѣхъ лазутчикахъ въ эскадронахъ разсѣянныхъ.

Одному изъ таковыхъ приказовъ уничтоженію я былъ причиной: служилъ въ семъ полку ротмистръ Николай Федоровичъ Матвѣевъ, человѣкъ смиренный, по службы незнающій и при томъ не платившій

г-ну Спаніенбергу установленной дани, за что былъ имъ гонимъ. Сей г-нъ Матвѣевъ искалъ моей пріязни и былъ до моего въ полкъ пріѣзда крайне замаранъ у г-на Бринкена, приписывали ему пороки, которыхъ онъ не имѣлъ, а въ особенности наговорили, будто онъ въ тайнѣ упивался. Наши эскадроны были расположены на десяти верстахъ, и потому г-нъ Матвѣевъ очень часто меня посѣщалъ, въ которое время я, узнавши его короче, постарался его привести въ хорошія мысли у г-на Бринкена и доказать, что все на него наговоренное была ложь, за что заслужилъ на себя негодованіе г-на Спаніенберга. Въ одно время когда г-нъ Матвѣевъ находился у меня, всклепали на него, будто онъ ѣздилъ въ Тамбовъ; тотчасъ послано провѣдать въ эскадронъ и, не нашедъ его въ ономъ, повѣрили доносчику, и потому отданъ былъ въ полкъ преобидный на счетъ г-на Матвѣева приказъ, въ которомъ означали его отлучившимся отъ полка.—Я настроилъ г-на Матвѣева вступить за себя и сослаться на меня въ томъ, что онъ находился у меня, чего ради я и самъ отправился въ штабъ для защиты г-на Матвѣева невинности. Г-нъ Спаніенбергъ нашелся принужденнымъ вымарать приказъ, но далъ г-ну Бринкену на замѣчаніе, что я заводилъ въ полку свою партію, и что всѣ рускіе на моей сторонѣ; г-нъ Бринкенъ, хотя впрочемъ и былъ мнителенъ, не довѣрилъ однако жъ сему.

Таково было мое положеніе, въ которое судьбою я былъ завѣдѣнъ.—Избавиться изъ толико несносной скуки я не находилъ никакихъ средствъ, денегъ, сей первой во всѣхъ предпріятіяхъ пружины, у меня не доставало, обогащать себя съ обидою ближняго не умѣлъ, и потому предался на волю своей судьбы, которой немилосердное гоненіе не вѣдалъ чѣмъ заслужилъ.—Бездѣйственное положеніе молодого и еще въ силахъ сносить воинскія трудности человѣка, гонявшагося всегда за славою, было жалости достойно. Истекавшій 18 вѣкъ представлялъ моимъ очамъ неслыханныя происшествія: во всѣхъ углахъ свѣта на сушѣ и на водѣ слышенъ былъ звукъ оружія, воздухъ отъ дыма сгустился, текли ручьи крови человѣческой, милліоны войскъ выведены были на ратное поле, одни сражались за государей, другіе за милую вольность, а всѣ вмѣстѣ приготавливали для исторіи примѣры рѣдкой храбрости, примѣры великодушія, военныя хитрости, уловки ума, которыя не только потомковъ, но и предковъ нашихъ, ежели бы они могли возстать, привели бы въ изумленіе.

Ж И З Н Ь
АЛЕКСАНДРА ПИЩЕВИЧА,
ИМЪ САМИМЪ ОПИСАННАЯ.

Ч А С Т Ь Ш-я.

1795—1805.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Глава 1-я. Продолженіе моей службы въ Нарвскомъ Карабинерномъ полку. 1795 годъ.

Глава 2-я. Отъездъ мой въ Москву. Случившееся со мною въ оной. Переездъ мой въ Петербургъ. Хожденіе мое въ Военной коллегіи. 1796 годъ.

Глава 3-я. Продолженіе моего знакомства съ г-жею Буткевичевою. Я хочу итти служить противъ Шведовъ, потому вздумалъ попробовать счастья у наслѣдника двора. Войство Гатчинское. Приездъ въ Петербургъ генералъ-поручикъ Хорвата. Мои обстоятельства перемѣняются и я кидаюсь судьбою въ другой родъ службы. Я оставляю Петербургъ. Проѣздъ мой чрезъ Москву. Являюсь въ Тамбовскую окрестность и оставляю оную. 1796 годъ.

Глава 4-я. Приездъ мой въ Екатеринославъ. Войско Вознесенское уничтожается. Свиданіе мое съ моимъ отцомъ. Отъездъ мой въ Тульчинъ. Графъ Суворовъ-Рымникскій. Разводы главной квартиры. Возвращаюсь въ Екатеринославъ. 1797 годъ.

Глава 5-я. Отъездъ мой въ Москву. Я принужденъ итти въ гражданскую службу. Отъездъ мой въ Петербургъ. Хожденіе по дѣламъ въ Петербургъ. Смерть моего отца. Я отставляюсь отъ службы и причисляюсь къ герольдіи. Хожденіе по дѣлу въ Военной коллегіи. Преддверіе къ моей женитьбѣ. 1797 годъ.

Глава 6-я. Моя женитьба. Я оставляю Петербургъ. Заѣзжаю въ Бѣлорусское мое имѣніе. Приездъ мой въ деревню Скальвую. Положеніе моихъ домашнихъ дѣлъ. 1798 годъ.

Глава 7-я. Продолженіе моихъ домашнихъ дѣлъ. 1799—1805.

Г Л А В А I.

Продолженіе моей службы въ Нарвскомъ Карабинерномъ полку. 1795 годъ.

Наступившій 1795 годъ переѣнилъ мои правила угождать терпимою скучностію моему полковнику и потому я, отложивъ въ сторону прещенія г-на Бринкена, началъ по всеѣмъ своимъ знакомымъ ѣздить, не упуская ни одного случая, въ которомъ могъ потанцовать или веселиться, наблюдая притомъ во всеѣмъ порядокъ и въ эскадронѣ. Г-ну Спаніенбергу такое мое поведеніе не казалось, г-нъ Бринкенъ также косился на меня, но оба вмѣстѣ видѣли изъ даваемыхъ мною въ штабъ эскадронныхъ разводовъ, что оный день отъ дня становился лучшимъ, не взирая на то, что ротмистръ участвовалъ въ контретанцахъ, и потому предался молчанію.

Во всю зиму, какъ я уже упоминалъ, дѣлались въ эскадронахъ поборы столь сильные и такъ часто повторяемые, что крестьяне не взирая на то, что эскадронные начальники дѣлались съ исправникомъ, взошли просьбою къ губернатору генералъ-маіору Неклюдову, который съ наступленіемъ весны самъ поѣхалъ удостовѣриться на мѣстѣ о происходившемъ и увидѣлъ, что добродушные поселяне умолчали о многихъ другихъ шалостяхъ и забіячествахъ, для изясненія коихъ благопристойность останавливаетъ перо!—Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне полагали свое ограбленіе до нѣсколькихъ тысячъ. Одна Иноковка отозвалась совершенно довольною .моимъ въ оной пребываніемъ. Г-нъ Неклюдовъ, изяснившись о столь чудной стоянкѣ съ г-мъ Бринкеномъ, привелъ сего въ неудовольствіе на г-на Спаніенберга, докладывавшаго ему всегда тому противное, ибо всего чуднѣе было то, что ни полковникъ и никто изъ штабъ-офицеровъ во всю зиму ни въ одинъ эскадронъ не заглянули. Послѣ такого поступка все эскадроны, за исключеніемъ моего, были выведены въ лагерь, а я оставался въ своихъ квартирахъ. Такое мое по-

ведение побудило г-на Бринкена еще больше меня къ себѣ привязывать и, наслышавшись довольно о прошедшем моемъ служеніи, а притомъ видѣвъ въ короткое время, съ каковою пылкостью эскадронъ мой доведенъ былъ, заключилъ, что я выполню удобнѣе нежели г-нъ Спаніенбергъ его цѣль въ доведеніи полка и потому приложилъ всякое стараніе меня въ ономъ удержать.—Я ему подавалъ тогда добрый совѣтъ, чтобъ онъ отправилъ курьера къ графу Румянцеву-Задунайскому и просилъ бы выведенія полка на первый случай въ Малороссію, во время слѣдованія котораго походомъ можно было оный довести въ конномъ ученіи, люди во всемъ полку были какъ на выборъ прекрасны и молоды, за эскадронныхъ командировъ принятыя крѣпко, чтобъ они о службѣ помышляли, а не о заведеніи хуторовъ. Доведя такимъ образомъ полкъ, можно бы намъ показаться и въ Польшу въ армію графа Суворова-Рымникскаго, а пребывая долѣе въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ, находились въ сосѣдствѣ Кавказа, гдѣ при малѣйшей перемѣнѣ на линіи обстоятельствъ, полкъ будетъ паки на оную заведенъ.—Г-нъ Спаніенбергъ, которому все сіе не нравилось, опровергалъ потихоньку у г-на Бринкена мои совѣты, утверждая: «что для своей собственной пользы я сіе предполагалъ, гоняясь за чинами, а что для полковничей прибыли квартированіе внутри Россіи, было золотой источникъ, и что г-ну Бринкену какъ пожилому «человѣку, надлежало помышлять о деньгахъ, которыми бы остатки «своихъ дней проводить, а не участвовать въ усмиреніи польскихъ «затѣвъ, что карабинеръ на линію больше не возьмутъ, будучи они «съ оной разъ, по неспособности образа ихъ службы противъ гор-«цевъ, посланы».

Интересъ, врагъ славы, въ нѣмецкой расчетливости взялъ верхъ.—Положено оставаться посреди Россіи.—Однако жъ не прошло и года какъ послѣдовало событіе моего пророчества: когда войска съ Кавказа пошли въ Персію, тогда полки карабинерные заступили ихъ мѣста на линіи и подали случай г-ну Бринкену вспомнить мои слова.

Троицынъ день есть праздникъ, въ который въ Оржевкѣ отлично веселятся; тутъ сряду недѣлю, а иногда и больше переходятъ изъ одного дома въ другой балы, танцы. Я, дабы во всемъ семь участвовать, то и явился въ оную. Въ домѣ г-на Мартынова обыкновенно было мое пристанище. Свиданія мои съ его женой продолжались прежнимъ порядкомъ безъ всякой помѣхи и сія наша взаимная склонность покрыта была тайною.—Въ сей мой въ Оржевку пріѣздъ свидѣлся я въ первый разъ съ маіоромъ Шевелевымъ, кото-

рый съ давняго времени почитался въ числѣ добрыхъ пріятелей генераль-поручика князя Сергѣя Федоровича Голицына, женатаго на одной изъ племянницъ князя Потемкина. Сей г-нъ Шевелевъ нашель во мнѣ нѣчто такое, которое ему очень нравилось, и потому просилъ г-на Мартынова меня съ нимъ познакомить. Г-нъ Шевелевъ былъ родня моему хозяину, и дабы насъ скорѣе заставить другъ друга узнать, то на слѣдующую ночь намъ обоимъ опредѣлена одна комната. Г-нъ Шевелевъ былъ человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ, читавшій довольно, любилъ говорить о происшествіяхъ свѣтскихъ того времени и власть на оныя свои опредѣленія; старые люди хотятъ всегда быть правы и потому я какъ-то попадалъ на одни съ нимъ мысли. Съ сего вечера, въ который нашъ разговоръ продолжился далеко въ ночь, онъ меня очень полюбилъ, просилъ побывать у него.—Спустя нѣсколько дней я отправился въ село Макарово, въ которомъ онъ жительство имѣлъ; здѣсь онъ меня увѣдомилъ, что князь Голицынъ давно желалъ имѣть при себѣ молодаго человѣка, который бы, любя службу, имѣлъ нѣкоторое свѣдѣніе и о политическихъ дѣлахъ; по мнѣнію г-на Шевелева, я могъ сіе мѣсто заступить. Причемъ онъ мнѣ совѣтовалъ не терять себя служа въ такомъ полку, который повидимому долго на отдохновеніи среди Россіи пребыть располагалъ; обѣщалъ меня представить княгинѣ Голицыной, тогда находившейся въ своемъ селѣ Зубриловкѣ, а князь начальствовалъ войскомъ, вновь пріобрѣтенную Курляндію занимавшимъ.—На другой день мы явились въ Зубриловку, гдѣ застали не малое общество; изъ ласки мнѣ княгиней оказанной я усмотрѣлъ, что она слишкомъ съ хорошей стороны была г-мъ Шевелевымъ предварена о моихъ мало-значущихъ достоинствахъ.—Здѣсь же я познакомился съ Иваномъ Егоровичемъ Воллеромъ, также другомъ давнимъ княжяго дома, который меня пригласилъ въ свою деревню неподалеку Зубриловки, и говорилъ мнѣ почти тоже что и г-нъ Шевелевъ, приглашая въ штатъ княжій, и оба вмѣстѣ меня увѣрили, что сіе приглашеніе дѣлаютъ съ воли княгини.—Все сіе мнѣ было по душѣ, но я желалъ, дабы о семъ княгиня хотя одно слово мнѣ сама сказала.—Съ перваго раза я замѣтилъ между г-ми Воллеромъ и Шевелевымъ существовавшую ревность въ довѣренности князя и княгини, и потому всякій изъ нихъ желалъ, дабы вновь входившій въ штатъ сего дома былъ вводимъ которымъ ни есть изъ ихъ и сего новичка имѣть на своей сторонѣ. Я имъ далъ слово, подумавши о предлагаемомъ ими ихъ увѣдомить или самому еще побывать; казалось мнѣ что на одни ихъ приглашенія мнѣ полагаться не должно было. Проводивъ я около недѣли будучи много

обласканы какъ въ Зубриловкѣ, такъ у гг. Шевелева и Воллера, всё ои три мѣста было одно отъ другаго верстахъ въ трехъ; потомъ возвратился въ оной эскадронъ, гдѣ увидѣлъ себя лишенна пятнадцати лучшихъ карabinеръ, выбранныхъ для отсылки въ Петербургъ во вновь тогда составляемую конную артиллерію Г-нъ Бринкенъ получа о семъ повелѣніе вовсе не былъ расположенъ изъ моего эскадрона ихъ брать, но г-нъ Спаніенбергъ его увѣрилъ, что въ такое мѣсто надлежало послать людей видныхъ и выправленныхъ, а не какихъ-нибудь, дабы не возымѣя худаго мнѣнія о полку; предлагаемое имъ тѣмъ важнѣе представилъ, что помянутая артиллерія составлялась тогда подъ руководствомъ графа Platона Зубова. Въ такомъ советѣ скрывалось и то, чтобы мнѣ досаду причинить, ибо онъ вѣдалъ, что я любя свой эскадронъ отъ лишенія лучшихъ людей почувствую неудовольствіе на г-на Бринкена. Съ симъ советомъ попалъ онъ въ такую минуту, когда г-нъ Бринкенъ оказывалъ нѣкоторое неудовольствіе на мои разъѣзды, и потому приказалъ г-ну Спаніенбергу вѣхать въ мой эскадронъ и выбрать людей посредственныхъ, но онъ назначилъ самыхъ лучшихъ и пока я находился въ Зубриловкѣ, то ихъ уже отправили въ Петербургъ. Какъ г-нъ Спаніенбергъ мыслилъ, такъ и сбылось; я симъ г-на Бринкена со мною поступкомъ огорчился въ верхней самой степени и потому положилъ выйти изъ Нарвскаго полку, и о семъ моемъ намѣреніи вездѣ безъ закрышки говорилъ. Г-нъ Бринкенъ о томъ узнавши крайне досадовалъ, а г-нъ Спаніенбергъ подкладывалъ къ огню уголья: говорилъ ему, что я такой офицеръ, который хотя свое дѣло и знаю, но привычку сдѣлалъ больше командовать нежели повиняться, что я сроденъ въ полку завести свою партію. «Посмотрите, продолжалъ онъ, всё офицеры русскіе его любятъ и всегда около его, нѣмцы же хотя его и не любятъ, но стараются, дабы онъ къ нимъ добръ былъ, ибо вѣдая онъ, что они иногда дѣлаютъ, выводитъ наружу и издѣвается на ихъ счетъ самыми язвительными шутками.» При семъ случаѣ г-нъ Бринкенъ похаживая по комнатѣ задумался. «Я бы давно (продолжалъ г-нъ Спаніенбергъ) вамъ сіе даль замѣтить, но видя колико вы его отличали отъ всѣхъ, а притомъ супруга ваша о немъ всегда говорила какъ о нѣкоемъ чудѣ.» — При сихъ словахъ г-нъ Бринкенъ пришелъ въ курляндскую запальчивость на нѣсколько минутъ, но вспомнилъ, что г-жа Бринковой поведеніе было всегда безъ пятна и потому отошелъ. — Правда г-ну Спаніенбергу крайне неприятно было на то взирать, что г-жа Бринкена при всякомъ случаѣ оказывала мнѣ великую ласку; будучи великаго ума и свѣдѣній женщина находила

всегда удовольствіе заводить со мною разговоры о разныхъ вещахъ и которые часто долго продолжались. Г-нъ Спаніенбергъ во всегдашнемъ опасеніи находясь, чтобы я довѣренность г-на Бринкена на свою сторону не перетянулъ, а особливо потому, что г-жа Бринкена его почитала всегда лукавымъ человѣкомъ, и потому подсымалъ не рѣдко свою жену подслушивать нашъ разговоръ. — Г-нъ Спаніенбергъ видя что и сіе не помогло г-на Бринкена на меня осердить, и потому рассказалъ сколько я смѣялся на счетъ сгорѣвшаго мѣха кузнечнаго, и сіе по дѣйствовало больше всего; г-нъ Бринкенъ рассердился на меня до самого нелзя и въ общемъ совѣтѣ положено не жалѣть обо мнѣ, ежели и выйду изъ полку. О семъ мѣхѣ я не говорилъ: за нѣсколько дней предъ моимъ въ Зубриловку отъѣздомъ сгорѣла полковая кузница совѣмъ въ оной бывшимъ инструментомъ, при чемъ въ сосѣдствѣ жившій бѣдный мѣщанинъ лишился дому и всего своего имущества. Главною потерею въ семъ злоключеніи г-нъ Бринкенъ полагалъ кузнечной мѣхъ, который, будучи выписанъ изъ Нѣмецїи, удостоивалъ раздувать русскіе уголья. Г-нъ же Спаніенбергъ выводилъ оному родословному изъ кузницы герцога Брауншвейгскаго. Наконецъ во время сего горѣванія, въ которое случилось быть вмѣстѣ много нѣмцовъ, входитъ погорѣвшій мѣщанинъ и просить подаянїя за то, что онъ небреженіемъ кузнеца, бывшаго также изъ нѣмцовъ, лишился всего своего имущества. При семъ всѣ нѣмцы полковыя возстали противъ русскаго, осмѣливавшагося приписать нѣмецкой аккуратности небреженіе, и чуть его не прибили. Сей случай подалъ много мнѣ смѣяться на счетъ всего мною предложеннаго и говорить, что покойный мѣхъ по знатному его происхожденію заслуживалъ быть *франомъ*.

Въ исходѣ іюня полку назначено было переходеніе въ Борисоглѣбскую округу, чего наконецъ г-нъ Бринкенъ домогся. Квартированіе мое въ Иноковкѣ, толико отличное отъ другихъ эскадроновъ, сдѣлало во всей губерніи меня любима и всѣ превозносили похвалами; я въ семъ случаѣ чувствовалъ душевное удовольствіе, что всѣмъ могъ угодить. Я имѣлъ свой особый способъ, чтобы удержать въ согласіи моихъ карабинеръ съ ихъ хозяевами: прежде, нежели входилъ я въ квартиры, останавливалъ не доходя до оныхъ эскадронъ и говорилъ имъ, что ежели хотя малѣйшая просьба отъ хозяевъ произойдетъ на своихъ постояльцевъ, то чтобы увѣрены были быть жестоко наказанными, впрочемъ я обѣщаль стараніе приложить о доставленіи имъ всѣхъ выгодъ.—Когда же приходилъ въ селеніе,

тогда по обыкновенію собравшимся на поклонъ къ эскадронному начальнику крестьянамъ говорилъ такъ, чтобы мои солдаты не слышали, что ихъ долгъ есть своихъ постояльцевъ содержать хорошо, что они защищая ихъ, труды сносятъ великіе, что ежели мои солдаты будутъ жаловаться на хозяйскую неласку, то тогда позволю имъ съ ними обходиться какъ заблагоразсудятъ и не ручаюсь чтобы село уцѣлѣло, а впрочемъ ежели солдаты не будутъ обижены, то я поручаю что они своими постояльцами будутъ довольны. Изъ сего выходило великое спокойствіе обѣимъ сторонамъ: мужики боялись обидѣть солдатъ, а солдаты боялись трогать мужиковъ.

При семъ нельзя не упомянуть то сердечное удовольствіе, которымъ я былъ преисполненъ, когда я оставлялъ село Иноковку: когда жители онаго узнали что я ихъ оставляю, то наполнили мой дворъ своимъ собраніемъ, дабы изъявить свою благодарность за то стараніе, которое я въ десяти тысячное у нихъ квартированіе приложилъ къ соблюденію порядка и ихъ спокойствія до того, что они не чувствовали вовсе у себя постою, и потому подарили за всю зиму моимъ карабинерамъ провіантъ, что составило въ ихъ артель денегъ болѣе тысячи рублей, а я при приемъ эскадрона нашелъ въ ихъ артельной суммѣ только сто рублей, а на лѣто болѣе нежели на три мѣсяца снабдили ихъ всякаго рода съѣстными припасами.—Послѣ сего все село собралось къ тому мѣсту, гдѣ изготовлялся эскадронъ къ выступленію, и я малу препорцію положу, ежели сочту всѣхъ жителей на тотъ разъ собравшихся обоего пола до двухъ тысячъ душъ. Когда эскадронъ сѣлъ на конь, тогда преслѣдовала оный вся сія толпа отъ села версты за полторы, гдѣ старики изъ между жителей меня просили остановить эскадронъ, дабы они могли съ каждымъ солдатомъ проститься; когда я приказалъ эскадрону сойти съ лошадей, тогда добродушные жители поднесли всякому карабинеру по доброй чаркѣ вина и, давъ имъ на дорогу хлѣбъ и соль, распрощались какъ съ ближайшими родственниками. Изготовившись я опять въ путь подъѣхалъ къ провожавшимъ меня и благодарилъ ихъ за добрую ихъ душу и обращеніе съ моими подчиненными; тогда вся сія двухътысячная толпа въ одинъ голосъ закричала мнѣ: «дай Богъ тебѣ, нашъ отецъ, благополучно продолжать царскую службу!»—Колико тронули сіи слова мою душу, можетъ разсудить только тотъ, кто есть прямой солдатъ, сынъ отечества и любитель чести и славы. Всѣ эскадроны расположились въ разныхъ мѣстахъ помянутой округи лагеремъ; я съ моимъ простоялъ недѣли три при селѣ Верхнемъ-Чуевѣ, а потомъ

былъ введенъ въ село Мучкапъ, лежащее на межѣ Кирсановской округи, гдѣ и зимнее пребываніе эскадрона назначено было. Сіе г-нъ Бринкенъ по моей просьбѣ сдѣлалъ, первое ради того, что квартиры солдатамъ были выгодны, а другое мнѣ было ближе ѣздить въ Кирсановскую округу къ своимъ знакомымъ, нежели въ штабъ; г-нъ Бринкенъ, не взирая на осмѣянный нѣмецкій мѣхъ, ласкалъ меня опять, но я положилъ изъ полка выйти, и потому въ сентябрѣ мѣсяцѣ подалъ прошеніе о увольненіи меня въ Петербургъ на шесть мѣсяцевъ, гдѣ положилъ искать себѣ мѣсто. Изъ Мучкапа я опять ѣздилъ въ околичность Зубриловки къ гг. Шевелеву и Воллеру, ибо княгини уже въ оной не было, уѣхавъ она въ Москву. Я имъ объявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ; они мнѣ совѣтовали остановиться въ Москвѣ, куда на зиму прибудетъ князь Голицынъ и куда и они по первому зимнему пути отправятся, и обѣщали меня ему представить. Сіи совѣты каждый изъ нихъ подавалъ мнѣ не въ присутствіи другаго; я изъ сего ихъ поведенія ничего не понималъ, а старался въ обоихъ ихъ искать пріязни. Признаться я тогда желалъ очень быть при какомъ генералѣ и заниматься пустою по моему мнѣнію службою, но не меньше выгодною, ибо всѣ тѣ и были награждаемы. Я такового рода службы еще не велъ и потому положилъ испытать въ оной свое счастіе. Я начиналъ познавать koliko лучше въ Россіи вовсе не служить, считаясь только однимъ именемъ въ числѣ служилыхъ. На линіи я дурачился, метался во всѣ стороны, гдѣ бы себя прославить ввергаяся въ опасности.—Что изъ сего вышло?—Нѣсколько разъ мои начальники повторяли, что я хорошій офицеръ и только. Изъ всего сего лучшее вышло то, что неизувѣченнымъ отдѣлался отъ всѣхъ сраженій, а въ противномъ случаѣ надлежало бы итти по міру, будучи увѣренъ, что отецъ мой не далъ бы мнѣ уголка въ своемъ домѣ. Вышедъ въ Россію увидѣлъ, что тутъ все достоинство молодого человѣка зависѣло отъ того, чтобъ онъ не убѣгалъ бесѣдъ, а особливо съ женщинами танцовать, рѣзвиться, врать, что на умъ взбрѣло, и признать къ стыду моему, я было началъ къ сему шутовскому житію себя пріучать и скорѣ замѣченъ былъ вертопрахами и вертопрашницами. Съ сей стороны имъ я угодилъ!—Благомыслящіе люди во мнѣ видѣли другихъ свойствъ человѣка: похвалы, каковыми я удостоенъ былъ въ Саратовѣ, не замедлили меня познать и въ Тамбовской околичности, а къ тому смиренное мое вездѣ квартированіе, посреди толикаго въ полку происходившаго сумбура, заставило меня повсюду отличать и имя мое было упоминаемо вездѣ съ хорошей стороны.—Надежало мнѣ только въ новомъ знакомствѣ

объявить кто я, то уже сего довольно было чтобы быть отлично принято. Все сіе сдѣлало, что я былъ въ домѣ княгини Голицыной гораздо прежде знакомъ нежели въ оный явился; ей меня хваляли и люди здравомыслящіе и вертопрахи, но когда я отъ нея уѣхалъ, то она сказала: «я въ г-нѣ Пищевичѣ нашла еще больше достоинствъ, нежели мнѣ объ немъ говорили».—А когда она проѣзжала черезъ Тамбовъ въ Москву, и увидѣвъ г-на Чирикова моего друга, вручила ему двѣ книги своего перевода, сказала: «я вѣдаю охоту г-на Пищевича къ чтенію и потому желала бы, чтобы онъ моего труда книги помѣстилъ въ свою бібліотеку *)».

Квартированіе наше въ Борисоглѣбской округѣ было во всемъ подобно Кирсановскому: тѣ, которые посягали на наживу здѣсь лучшими не сдѣлались и, видя первую бѣду съ рукъ легко сошедшую, пустились опять грабить; а въ добавокъ къ сему явился въ полкъ премьеръ-маіоръ баронъ Умянцовъ, родной братъ г-жи Бринкевой, во всемъ на нее не похожій, и отличался сверхъ прочихъ тѣмъ, что крайній охотникъ былъ вытаскивать дѣвокъ, чего ради собралъ команду пѣсенниковъ, находившихся при немъ безотлучно, которымъ всѣ наглости позволительны были, и подъ шумомъ сихъ крикъ дѣвокъ увозимыхъ не былъ слышенъ; впрочемъ держался правилъ г-на Спаненберга и дѣлился съ эскадронными начальниками; съ г-нѣмъ Бринкеномъ и своею сестрою былъ во всегдашней ссорѣ, и г-нѣ Бринкенъ крайне не былъ радъ его пріѣзду.—Сей г-нѣ Умянцовъ однакожь полюбилъ меня очень, несмотря на неравенство нашихъ правовъ и образа мысли. Я ему отвѣчалъ то же лаской; не взирая на его забіячество, онъ былъ человекъ съ знаніями. Ежели бы мнѣ въ полку оставаться, не вѣдаю долго ли бы мы пріятелями остались. Однимъ словомъ состояніе мое въ семъ полку могло сравниться только съ тою злою дурачествъ и скуки, которую я въ 1788 году претерпѣвалъ въ Александровѣ, но съ тою разницею, что тамъ только глупости творились, а здѣсь подлость, гнусность, скупость, корыстолюбіе, наг-

*) Кн. Варвара Васильевна Голицына (род. 12 марта 11752, ум. 2 мал 1813) издала въ 1790 г. въ Тамбовѣ переводъ съ французскаго «Заблужденіе отъ любви Фанеліи и Мильфорта». См. *Гр. Гентади, Справочный Словарь русскихъ писателей*; т. I, стр. 234. Мужъ ея (род. 1748, ум. 1810) участвовалъ съ кн. Алексѣемъ Иван. Голицынымъ (род. 1762, ум. 1880) въ переводѣ французской повѣсти: «Новое торжество прекраснаго колу, или подлинныя записки дѣвцы Дюверпель» въ 2 частяхъ, помѣщенномъ въ журналѣ «Деревенская Библіотека» за 1783 годъ. Пищевичъ говоритъ о *двухъ* книгахъ перевода княгини Голицыной.

мый грабежъ денегъ провіантскихъ у бѣдныхъ карабинеръ, неопи-
санныя притѣсненія добродушнымъ русскимъ мужикамъ отъ сволочи
нѣмецкой, наполнявшей полкъ, распутство солдатъ, побди бѣднымъ
поселянамъ, пьянство, неподчиненность, насильства и другіе беспо-
рядки, отъ коихъ волосы дыбомъ становились, представлялись моимъ
глазамъ ежедневно и сіе все заставляло меня ожидать съ нетерпѣні-
емъ моего отпуска. Пока оный пришелъ, я заболѣлъ лихорадкою, въ
которой пользовалъ меня полковой лѣкаръ Иванъ Никитичъ Тихано-
вичъ, человекъ прелюбезныхъ свойствъ, молодъ лѣтами, но старикъ
своимъ искусствомъ, съ немалыми познаніями, который мнѣ сдѣлался
хорошимъ пріятелемъ. Наконецъ отпускъ мой изъ Военной коллегіи
въ октябрѣ мѣсяцѣ полученъ, но болѣзнь моя удержала меня на мѣ-
стѣ и весь ноябрь и декабрь мѣсяцы, въ которое время я требовалъ,
дабы отъ меня эскадронъ мой по порядку принять былъ, а между тѣмъ
изготовлялъ все къ тому нужное; но г-нъ Бринкенъ, не желая меня
лишиться, медля отдавать къ тому приказъ, я тѣмъ кончился 1795
годъ.

ГЛАВА II.

**Отъѣздъ мой въ Москву.—Случившееся со мною въ
оной.—Переѣздъ мой въ Петербургъ.—Хожденіе мое въ
Военной коллегіи.—1796 годъ.**

Въ началѣ января по неотступной моей просьбѣ отъ меня эска-
дронъ мой по порядку принять былъ, который сдвинутъ отправился я
въ Борисоглебскъ проститься со всѣми своими начальниками; г-ну
Бринкену таковой мой поступокъ былъ крайне непріятенъ, и онъ ясно
видѣлъ, что я всѣ средства употреблю уже въ его полкъ не возвра-
щаться.—Послѣ сего поѣхалъ я въ околичность Кирсанова, гдѣ по-
сѣтилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, у которыхъ веселости зняли меня
до того, что я и не увидѣлъ какъ мѣсяцъ Январь пришелъ.—Отсюда
долженствовалъ я ѣхать чрезъ Тамбовъ и Козловъ въ городъ Ли-
пецкъ, въ которомъ тогда жительствоваъ баронъ Беервицъ; онъ про-
силъ меня для нѣкоторыхъ препорученій къ нему заѣхать. У него я
проводилъ дня три и отправился чрезъ Рязань въ Москву.

Сія моя поѣздка имѣла источникомъ только досаду и предпріята
была безъ всякаго предположенія, а на удачу. Обыкновенная пого-
ворка людей беспомощныхъ: авось либо и удастся!—было все то,
что я могъ къ своему оправданію въ семъ случаѣ сказать.—За взя-

тіе изъ моего эскадрона людей въ конную артиллерію я съ г-мъ Бринкеномъ не хотѣлъ примириться и заупрямившись на томъ пунктѣ, чтобъ выйти изъ полка, я устоялъ; впрочемъ вѣдалъ что теряю, но не вѣдалъ что сыщу. Быть при князѣ Голицынѣ' я навѣрное не могъ надѣяться, однакожь попытаться положилъ, а въ случаѣ неудачи полагалъ отправиться отыскивать г-на Германа, который продолжалъ жалѣть о моей судьбинѣ; всѣ тѣ, которые явились къ нему, участвовавшіе въ разбитіи Баталя-бея получили награжденіе чинами; онъ и обо мнѣ было послалъ аттѣстатъ содержанія самаго дестнаго для меня и вручилъ оный для доставленія мнѣ г-ну Буткевичу, когда оный изъ Петербурга на Донъ слѣдовалъ, но сей толико завеселился въ столицѣ, не вѣдомо куда оный заложилъ и наконецъ утерять; другіе по такимъ же аттѣстатамъ свое получили.—Для сего пути сдѣлалъ я новый заемъ денегъ у друга своего Чирикова, который незадолго предъ тѣмъ въ Оржеvkѣ женился на пребогатой вдовѣ.—Весь свой экипажъ бросилъ я въ Мучкапѣ, подъ присмотромъ своихъ двухъ деньщиковъ.—Все сіе походило на предпріятіе отчаянностію путеводимое, но размысливъ какъ должно и разобравъ послѣдствія моихъ приключеній ясно можно видѣть, что судьбою моею на все мною здѣсь предложенное настроенъ я былъ. Изъ танцевъ Троицына дня надлежало мнѣ уцѣпиться за нить, доведшую меня на житіе собственнымъ домоводствомъ; можетъ быть безъ сего случая я бы больше не увидѣлся съ своимъ родителемъ и можетъ быть былъ бы лишень наследства!—Богу угодно было, дабы меня (разобравши здраво) объясненная прежде малость понудила оставить Нарвскій полкъ, побудилъ на предпріятіе безъ всякой въ ономъ къ успѣху надежды.

Обстоятельства въ моемъ пути мнѣ благопріятствовали; проѣзжаемая мною новыя мѣста занимали мое любопытство, я прибылъ благополучно въ прежнюю русскую столицу. Узрѣвъ лишь Москву, то уже и полюбилъ я сей городъ, въ которомъ, сверхъ необычайнаго людства, замѣчался въ ея жителяхъ сквозь испорченное иностранное переобразование Россіянъ, нѣкоторый остатокъ добродѣтелей, толико ознаменовавшихъ ихъ предковъ. На всякомъ шагу въ семъ городѣ читавшій русскую исторію замѣчалъ происходившее въ древности, то славные подвиги сего народа, то сцены убійства и волнованія народнаго. Я, взявъ двухдневный отдыхъ отъ дороги, явился во всѣхъ собраніяхъ, въ которыхъ въ обращеніяхъ благопрістойная вольность мнѣ очень нравилась, надменность вельможская здѣсь имѣла свои границы. Москва тогда торжествовала сочетаніе бракомъ великаго князя

Константина Павловича: маскарады, балы въ благородномъ собраніи, театры, потѣшные огни, освѣщенія и проч. занимали публику. Впрочемъ замѣтилъ я, что не меньше тогда занимались и графомъ Валеріаномъ Зубовымъ, проезжающимъ чрезъ Москву въ Персію; у всѣхъ на языкъ былъ онъ, его польская любовница, его деревянная нога, его молодость, его красота, и наконецъ все то, чего отъ его ожидать долженствовало отечество. Въ семь случаевъ Москва подражала обыкновенію людскому: хвалить то, что хвалили всѣ, возвышать того, котораго, немного тому прошло лѣтъ, едва ли замѣчали въ своемъ обществѣ; когда онъ былъ сержантомъ, тогда въ немъ ничего не казалось, а когда счастье ему благопріятствовало, то все привлекательно становилось въ человѣкѣ, котораго братъ у двора былъ всемогущъ! Съ графомъ Зубовымъ была свита молодыхъ людей великая, всѣ тогда скакавшіе въ Персію за орденами и чинами, и къ которымъ ежедневно вербовались еще болѣе. Многихъ между ими я нашелъ мнѣ знакомыхъ, которые меня въ свою толпу приглашали и которую я почелъ слишкомъ многлюдною, чтобы достало графу Зубову всѣхъ ихъ награждать, и потому я отъ сего отрекся.

О князѣ Голицынѣ я ничего еще не упоминалъ, у котораго я былъ и которымъ былъ довольно обласканъ; г-нъ Шепелевъ меня ему представилъ подъ именемъ своего друга; князь Голицынъ хотѣлъ, чтобъ я его просилъ о принятіи меня въ его штатъ, а я ожидалъ его мнѣ въ семь случаевъ приглашенія; ни съ той, ни съ другой стороны перваго шага не сдѣлано, и потому сіе дѣло кончилось ничѣмъ. Князь Голицынъ разговаривалъ со мною о войнѣ, подалъ о себѣ разумѣть вскользь, что воображеніе его исполнено той одной побѣдой, которую ему удалось за Дунаемъ надъ Турками въ послѣднюю войну одержать, изъ чего я замѣтилъ генерала, полагающаго вѣрностію бить Турокъ. Далѣе я увидѣлъ его чванство въ томъ, что онъ, годъ простоявши съ войскомъ въ Курляндіи, не ограбилъ оной; поработенные Курляндцы воспѣли лирически устройство войска ему вѣреннаго, а самолюбіе Голицыново заставило забыть, что долгъ есть полководца падать побѣжденныхъ, и возмечталъ о себѣ, что онъ былъ въ ремеслѣ воина-вождя есенція всего того, что было въ семь родѣ до того времени. Я искалъ быть при такомъ генералѣ, который бы не мечтательностію былъ великъ, и отъ котораго бы можно было поучиться, а князя Голицына я увидѣлъ гораздо ниже того, чѣмъ онъ былъ мнѣ описанъ. Окружена князя Голицына я увидѣлъ также, по обыкновенію тогдашнему всѣхъ генераловъ, множествомъ офицеровъ,

которые, увидя меня, полагали, какъ-будто я у нихъ что отнималъ уже. Сей толпѣ князь Голицынъ надобенъ былъ ради того, что онъ ихъ выводилъ въ чины и обвѣшивалъ ихъ орденами, а они князю надобны были ради того, что вездѣ превозносили мнимыя его добродѣтели, его храбрость, его знаніе военного искусства, въ которомъ они меньше его были еще свѣдуши. И вотъ на чемъ основана была слава такого полководца! На пустомъ крикѣ туенядцевъ, отъ полковъ уходящихъ, дабы умножать шалости главной квартиры!

Разобравши я все сіе съ той стороны, съ какой, не будучи льстецомъ, надлежало разбирать, положилъ ничего не начинать у князя Голицына, а ѣхать въ Петербургъ искать своего счастья; я тогда слышалъ, что г-нъ Германъ долженствовалъ явиться въ сію столицу изъ Литвы, гдѣ онъ служилъ. Денегъ у меня еще оставалось, проживши въ Москвѣ болѣе мѣсяца и весело и почти даромъ. Вотъ какъ это случилось: остановился я на квартирѣ съ двумя моими сослуживцами, капитаномъ Сатинымъ и княземъ Бибарсовымъ, которые, будучи ремесломъ карточные игроки, проживали на счетъ ближняго въ Москвѣ. Мы сложили всѣ трое небольшое число денегъ, и они два играя, раздѣляли на три части выигрышъ и проигрышъ, изъ которой третья доля была моя. Нѣтъ пользы безъ неудовольствія; мое въ семь случаевъ было то, что, имѣя мы одну карету, я долженъ былъ нерѣдко просиживать въ маскарадахъ лишнее время, пока кончатъ мои товарищи игру и выѣзжать изъ онаго нерѣдко послѣдними. Признаться, что таковой прибытокъ не мало мнѣ наносилъ скуки, я который не терпѣлъ и смотрѣть на игру, но нужда законъ перемѣняетъ. Оставилъ я Москву, слѣдуя къ Петербургу, на дорогѣ мнѣ вездѣ остановка была въ лошадахъ по причинѣ скачущихъ разныхъ чиновниковъ на покореніе Персіи. А всего страннѣе показалось мнѣ въ селѣ Городнѣ то, что помѣщикъ онаго Бемъ, взявъ на откупъ почту, производилъ грабежъ по большой дорогѣ; настрашалъ ямщиковъ до того, что ни за какую плату провезть сіе село ни одинъ не осмѣливался: въѣхавъ въ Городню, ежели не заплатишь того, что угодно будетъ г-ну Бему потребовать, то навѣрно прстоишь нѣсколько дней подъ отговоркою, что лошади всѣ въ разгонѣ, отчего всякій день можно было видѣть ярмарку въ имѣніи дерзкаго Бема. Я, чтобъ по пустому не стоять въ Городнѣ, согласился заплатить установленную дань въ казну г-на Бема, состоящую по 24 к. на версту за каждую лошадь и потому былъ безъ замедленія отправленъ. Таковой поступокъ былъ терпимъ на дорогѣ между двумя столицами и никто не помышлялъ

оний унять. Когда графъ Валеріанъ Зубовъ проѣзжалъ изъ Петербурга въ Персію, то г-нъ Бемъ, угождая ему, сѣлъ самъ на козлы его кареты возлѣ кучера и такимъ образомъ довезъ его до Москвы. Умные вертопрахи называли Бема хватомъ и человѣкомъ оборотливымъ. Отъ такового знакомства съ графомъ Зубовымъ Бемъ сдѣлался еще дерзновеннѣе.

Прибывъ въ Петербургъ, первое мое вниманіе обратилось отыскать домъ г-на Германа, освѣдомиться, скоро-ли онъ прибудеть въ сей городъ. Съ первыхъ дней я ободренъ былъ тѣмъ, что онъ съ часу на часъ въ оный ожидается былъ. А наконецъ узналъ, что онъ на пути своемъ жестоко заболѣлъ и остановился въ бѣлорусскихъ своихъ деревняхъ, гдѣ слишкомъ долго проводилъ время, чтобы мнѣ можно было надѣяться его скоро видѣть въ Петербургъ. И такъ я рѣшился искать секундъ-маіорскій чинъ въ сравненіе моихъ сверстниковъ, получившихъ оный за пораженіе Баталь-беев. Вѣдалъ я, что имѣть искъ по дѣламъ безъ денегъ предстояла мнѣ толикая трудность, какова была Португальцамъ при отыскиваніи пути въ Индію; блаженъ тотъ, кто пристанетъ къ мысу Доброй Надежды! — Я положилъ познакомиться съ военной коллегіей; нѣкоторые изъ моихъ пріятелей указали мнѣ нѣкоего г-на Сорокинскаго, офицера въ военной коллегіи, у котораго дѣла до производства касающіяся были въ рукахъ. Я увидѣлъ предъ собой человѣка, имѣющаго головные волосы всѣ въ пуху, немытаго и въ изодранной шубѣ кофейнаго цвѣта; я его просилъ выправиться о произведенныхъ за Баталь-беево пораженіе и по оному сочинить мнѣ просьбу и наставить по какому пути достигнуть мнѣ секундъ-маіорскаго чина. Г-нъ Сорокинскій обѣщавъ служить, показывая видъ надежды быть мною хорошо заплачену.

На другой день я явившись въ военную коллегію, кофейная шуба отыскала капитановъ: Ливена, Шрейдера и донскаго старшину Луковкина, произведенныхъ въ секундъ майоры за Баталь-беево сраженіе, и просьба была уже готова, о подачѣ которой Сорокинскій мнѣ объявилъ, что надлежало переговорить съ секретаремъ воинской Экспедиціи Тарутинымъ, и сіи переговоры означали, что ему надлежало посулить денегъ.—Узнавъ я жительство г-на Тарутина, положилъ на другой день явиться у его, а до того, возвратясь я на свою квартиру, предался размышленію, откуда взять денегъ на покупку маіорскаго чина, и наконецъ придумалъ, что ежели потребуютъ сумму небольшую, писать къ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей, дабы они меня оною снабдили и буде удастся получить сей чинъ, то просить о помѣщеніи

меня въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ, тогда находившійся въ Польшѣ.—Въ слѣдующій день еще ночь не совсѣмъ скрылась, а я уже былъ на пути къ предмѣстью Петербургской стороны, гдѣ жительствовадь г-нъ Тарутинъ; пять часовъ ударило на Петропавловской колокольнѣ, какъ я уже былъ у воротъ секретарскихъ, проводилъ утро или лучше сказать часть ночи изготовляясь предстать предъ его; никогда любовникъ, долженствующій предстать въ первый разъ предъ свою любовницу, не дѣлалъ съ толикимъ тщаніемъ своего туалета и не удвоивалъ столь скоропостижно своихъ шаговъ; я не шелъ, а такъ сказать перепрыгивалъ чрезъ ногу, дабы скорѣе достигнуть до Тарутиновой пристани; толико было велико мое нетерпѣніе.—Домишечко его довольно ветхой, требовавший скоропостижнаго обновленія, привелъ меня въ бодрость, по немъ я понималъ, что г-нъ Тарутинъ малымъ былъ доволенъ и что онъ продавалъ чины не такъ дорого. — Сначала пріемъ мнѣ былъ довольно сухъ.—Я объяснилъ г-ну Тарутину причину моего прихода. Онъ мнѣ отвѣчалъ: что дѣла дѣлаются въ военной коллегіи!—На сіе я ему: видя васъ въ оной озабочена множествомъ дѣлъ, не находилъ удобнѣе минуты къ моему объясненію, какъ въ собственномъ вашемъ домѣ васъ обезпокоить, и я готовъ вамъ служить, буде подадите совѣтъ какимъ образомъ мнѣ достигнуть до службы-маіорскаго чина. Слово *служить* на крючкотворчечкомъ языкѣ значить деньги!—При семъ г-нъ Тарутинъ, взглянувъ на меня пріятнѣе, взялъ мои бумаги разсмотрѣть, по прочтеніи которыхъ сказалъ, что упоминаемые мною въ моемъ прошеніи три мои сверстника произведенные не должны итти въ примѣръ, будучи: Ливенъ произведенъ по предстательству няньки великихъ княженъ, которая знакома теткѣ двоюродной сестры г-на Ливена; Шрейдеръ—получилъ по атестату г-на Германа, а Луковкинъ это совсѣмъ другое дѣло, продолжалъ г-нъ Тарутинъ, глядя мнѣ пристально въ глаза.—Изъ послѣднихъ его словъ я понималъ, что Луковкинъ купилъ чинъ.—Г-нъ Тарутинъ, оборачивая долго представленныя мною ему мои бумаги, наконецъ сказалъ, что если разобрать прилежно мою службу, то я имѣю право требовать не одной секунды, но и преміеръ маіорскаго чина и для сего нужно будетъ мнѣ просить атестатъ: отъ г-на Германа за разбитіе Баталь-бея для полученія секундъ-маіорскаго чина, а отъ г-на Мансурова за сраженіе случившееся на Убинѣ въ 1788 году, за которое мнѣ надлежало тогда быть капитаномъ, слѣдственно я бы получилъ за Баталь-беево дѣло секундъ маіорской, а за приступъ Анаискій преміеръ-маіорскій чины.—Такова была азбука мнѣ внушенная г-мъ секретаремъ, крайнѣ свѣдущамъ выводить наружу запутанныя старыя дѣла, и по которой для

полученія желаемого надлежало слѣдовать.—Г-нъ Тарутинъ отпустивъ меня отъ себя сказалъ, что онъ г-ну Сорокинскому прикажетъ отыскать всё съ Кавказской линіи присылаемыя донесенія и увидить во сколькихъ мое имя было упомянуто, и что я узнаю чрезъ г-на Сорокинскаго какимъ образомъ надлежало приступить къ сему дѣлу.—Дня два спустя я явился предъ г-мъ Сорокинскимъ, который мнѣ объявилъ, что отысканы всѣ реляціи въ коихъ я былъ одобренъ вышнему начальству, но между прочимъ представлялъ уменьшенно трудность всю въ достиженію желаемого и что г-ну Тарутину и ему будетъ надобно посидѣть, пока сіе дѣло обработаютъ и наконецъ что одному г-ну Тарутину должно будетъ служить шестьюстами рублями. Такова была цѣна премьеръ-майорскому чину, на покупку котораго карманъ мой былъ тощъ и потому я отрекся отъ сего иску.—Сверхъ сего должно было подарить и г-ну Сорокинскому по меньшей мерѣ 200 и при томъ самому жить, а такъ не имѣя денегъ положилъ ничего не начинать въ ожиданіи окончанія начатаго дѣла. При семъ моемъ въ военную коллегію хожденіи повстрѣчался я разъ въ одной съ г-мъ Тетеринимъ тѣмъ самымъ, который въ Бендерахъ хотѣлъ меня вывести въ капитаны; онъ былъ на сей разъ то, что онъ былъ и въ Бендерахъ, то есть самое гнусное твореніе и въ добавокъ изгнанное изъ службы и изъ общества всѣхъ честныхъ людей за два мошенничества точно такого рода, какого было положенное имъ меня ввести въ капитаны; по дѣламъ нашлись концы его плутовства, которые онъ полагалъ хорошо спрятанными. Видѣлъ я сего тогда надменнаго человѣка въ сей разъ толкающагося по улицамъ и получающаго свое пропитаніе отъ переписки разныхъ до крючкотворствъ касающихся бумагъ. Увидѣвъ меня онъ узналъ и взиралъ на меня глазами исполненными страха, чтобы я открытіемъ извѣстнаго мнѣ его торгова чинами не умножилъ бы его гибели, но я слишкомъ много его презиралъ, чтобъ мыслить къ прибавленію несчастія человѣку, впавшему отъ недостатка разсудка и честности въ бездну посрамленія. При возшествіи государя Павла 1-го на престоль дѣла сего негодяя разобраны лучше и онъ наконецъ за свои поступки лишень чиновъ и дворянства и сосланъ въ Нерчинскъ въ работу.—Александръ 1-й взойдя на престоль, милосердствуя всѣмъ въ томъ числѣ и Тетерину, позволилъ ему возвратиться къ его родственникамъ.¹

¹ Но чины и дворянство ему не были возвращены. См. *Московскія Вѣдомости* за 1802 годъ № 36.

Г Л А В А III.

Продолженіе моего знакомства съ г-жею Буткевичевою.—Я хочу итти служить противъ Шведовъ.—Потомъ вздумалъ попробовать счастья у наслѣдннкова двора.—Воинство Гатчинское.—Прїѣздъ въ Петербургъ генерала-поручика Жорвата; мои обстоятельства перемѣняются и я выдаюсь судьбою въ другой родъ службы.—Я оставляю Петербургъ. Прѣѣздъ мой чрезъ Москву.—Являюсъ въ тамбовскую окрестность и оставляю ону. 1796-й годъ.

Я занялся дѣлами моими по военной коллегіи, которая желая объяснить, и потому ничего еще не сказала о продолженіи моего знакомства съ г-жею Буткевичевою, которую я въ семь городѣ нашелъ: удовольствіе ея было велико меня увидѣть и прежняя наша прїязнь возобновилась; мужъ ея тогда находился въ Польшѣ.—Вотъ женщина, съ которою въ другой разъ при семь случаѣ начинались мои изъясненія въ чувствуемой мною къ ней любви; и при семь разѣ она повела меня по всѣмъ степенямъ волокитныхъ правилъ, дабы тѣмъ болѣе дать цѣну удовольствію мнѣ приготовляемому. Наконецъ, въ одинъ вечеръ возвратились мы изъ театра, въ которомъ играна была прекрасная итальянская опера: Утѣшенные Любовники. Имѣя преисполненныя воображенія и сердца наши всяко-родной чувственности; зрѣніе и слухъ нашъ были насыщены, но въ желаніяхъ нашихъ оставалась нѣкая пустота, которую итальянская піеса лишь привела въ вѣщнее волнованіе; вкусный ужинъ и прїятные напитки придали и болѣе огня къ чувствамъ нашимъ.—По окончаніи стода г-жа Буткевичева вошла въ прекрасно отдѣланный боскетъ, освѣщенный искусственнымъ огнемъ, который казалось только ради того горѣлъ, чтобы стыдливость женскую скрыть, она прилегла на софу, я сидѣлъ возлѣ ея; мы говорили о многомъ до нашей взаимной склонности касающемся, и наконецъ, истощивъ всѣ слова, проводили нѣсколько минутъ въ забытіи, при чемъ г-жа Буткевичева принимала мои поцѣлуи съ горячностію распаленной женщины.—Послѣ сего дня мы проводили время самымъ прїятнымъ образомъ: прогулки, театръ, концерты насъ занимали попеременно, а въ прочемъ возвращаясь домой г-жа Буткевичева находила свое удовольствіе имѣя меня безотлучно при себѣ; для чтенія, до котораго г-жа Буткевичева была великая охотница, имѣли мы также всякій день нѣсколько часовъ отдѣленныхъ; она имѣла умъ изостренный и свѣдуща была о многомъ. Она

мнѣ нерѣдко признавалась, что такого рода жизни еще никогда не испытывала и потому, положивъ пользоваться оною во всемъ пространствѣ, рѣдко очень посѣщала своихъ знакомыхъ, а ежели и дѣлала это, то единственно дабы только соблюдать благопристойность.

Возвращаюсь паки къ своимъ дѣламъ по службѣ: не прошло послѣ мною оставленнаго по военной коллегіи иска одной недѣли, какъ вдругъ заговорили о войнѣ противъ Шведовъ. — Гвардія изготавлялась въ походъ, прочіе полки съ разныхъ мѣстъ спѣшили къ границѣ шведской; причина такового ополченія была несогласіе шведскаго короля вступить въ супружество съ одной изъ великихъ княженъ россійскихъ. Ради толико маловажной для роду человѣческаго причины положено было двумъ государствамъ столкнуться, за которыми и другія бы державы вмѣшались и потекла бы человѣческая кровь за то, что шведской владыка положилъ имѣть супругой принцессу нѣмѣцкую, а не россійскую.—Предводительство сего воинства было ввѣрено опытному и храброму генералъ поручику Голенищеву-Кутузову. Я положилъ, буде война начнется, симъ случаемъ воспользоваться и ожидалъ лишь объявленія манифеста, и тогда располагалъ идти къ г-ну Кутузову и просить его о принятіи меня въ армію, а дабы въ ожиданіи сего было чѣмъ жить, то я занялъ двѣсти рублей у г-на Татарина, капитана артиллеріи, бывшаго моего сотоварища въ училищѣ и хорошаго мнѣ пріятеля. Пока войска изготавлялись къ бою, а переговоры между обоими дворами происходили съ живостью; наконецъ начали поговаривать о пріѣздѣ шведскаго короля въ Петербургъ, и потому миролюбіе заняло мѣсто военнаго духа.—Послѣ сего вошло въ мою голову другое предпріятіе, которое многимъ моимъ знакомымъ показалось страннымъ; но ежели бы смертному было опредѣлено угадывать будущее, то бы я можетъ въ сей странности сыскалъ свое счастье. Великій князь Павелъ Петровичъ тогда въ своей мызѣ Гатчинѣ завелъ дворъ, откуда онъ рѣдко показывался въ столицу, занимаясь устроеніемъ разнообразныхъ войскъ, раздѣлявшихся на гренадеръ, мушкатель, драгунъ, пушкарей, жандармъ, гусаръ, козаковъ и проч., а все сіе вмѣстѣ не составляло комплектныхъ и трехъ баталіоновъ пѣхоты, и шести эскадроновъ конницы, почему и видно что Гатчинской баталіонъ пѣхотной едвали изъ 100 человѣкъ состоялъ, а полкъ конный изъ 50 человѣкъ. Не взирая на это, сія миціаторная армія имѣла своихъ генераловъ, своихъ фельдмаршаловъ, свои походы, свои лагери и ставила бои непріятелю въ воображеніи противъ себя постигаемому.—Впрочемъ тактика прусская и покрови

ихъ военной одежды составляли душу сего воинства, служба вся полагалась въ присланной головѣ сколь можно бодрыя, коротенькой трости, немѣрной величины шляпѣ и натянутыхъ сапогахъ выше колѣна, а перчаткахъ закрывающихъ локти.—Вѣзжая въ Гатчину казалось вѣзжать въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II-го.—Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, на примѣръ: «Фридрихъ II-й во время семилѣтней войны одному «изъ своихъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ «отпороть тесьму съ ихъ шляпъ.»—Подражатель Гатчинской одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провести въ примѣръ другимъ чрезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдника оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость.—Всякой день можно было слышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ; толикія проказы позволялись наслѣднику ради того, чтобы онъ былъ чѣмъ нибудь занятъ и не помышлялъ бы о правленіи государствомъ, по его мнѣнію по всѣмъ правамъ ему принадлежащемъ, чего нѣкоторые изъ Россіянъ желали невѣдая сами ради чего. Новость обыкновенно прельщающая была единственнымъ ихъ въ семъ случаѣ предметомъ.—Тихое правленіе великой Екатерины становилось въ тягость; многіе желали бури, дабы испытать крѣпости своихъ кораблей.—Сія новость въ послѣдствіи Россіи дорого стоила, и отбила охоту отъ новыхъ перемѣнъ, всякой сѣтовалъ о старомъ.—И такъ, не взирая на все мною предложенное, я было вздумалъ идти въ Гатчину, явиться наслѣднику и испытать своего счастья въ прусскомъ обезьянничествѣ.—Всѣ мои знакомые возстали противъ меня, напоминая мнѣ, что гатчинскіе офицеры были бродяги, выгнанные за разныя гнусности изъ арміи, которые не имѣя пристанища рады были все переносить изъ куска хлѣба, что гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести, что имъ не рѣдко придають охоту къ службѣ цалкой.—А къ тому проникали тайну Екатерины II-й, желавшей отдѣлится отъ престола сына своего, котораго она лучше знала нежели тѣ, которые его желали видѣть на ея мѣстѣ.—Мысль ея была описавъ всѣ качества настоящаго наслѣдника отрѣшить его, а внуку своему Александру вручить кормило царства.— Въ совѣтѣ, въ

которомъ сія мудрая монархиня удостоила изъяснить свою мысль, всѣ взяли ея сторону, кромѣ графа Александра Безбородки, осмѣлившагося предложить вопреки ея намѣренію всѣ худыя слѣдствія такого предпріятія для отечества, привыкшаго почитать наследникомъ съ столь давнихъ лѣтъ ея сына. — Екатерина уважила сіе его справедливое мнѣніе и оставила безъ выполнения свое намѣреніе. Безбородкѣ въ послѣдствіи за сіе было очень хорошо, а царство русское извѣдало желѣзную лозу.

Уничтоживъ мое намѣреніе итти служить въ Гатчинѣ, остался я посреди Петербурга безъ всякаго дѣла и не вѣдалъ что съ собою начать; болѣзнь г-на Германа все его удерживала въ его деревняхъ, а кромѣ его мнѣ ни на чью помощь надѣяться нельзя было. Напрасно я искалъ въ семь мѣстѣ человѣка, который бы мнѣ подалъ руку помощи, и навѣрно полагать можно, что и Диогенъ съ своимъ фонаремъ не больше бы меня успѣлъ. Добродѣтельные состраданія о ближнемъ съ земной поверхности исчезли. Всякій помышлялъ лишь о себѣ.—Однако жъ я не желалъ возвращаться въ Нарвскій полкъ, а положилъ еще разъ испытать свое счастье у подошвы Кавказа, и потому подалъ въ военную коллегію прошеніе о помѣщеніи меня въ какой ни есть конный полкъ, въ которомъ бы по моему чину была вакансія изъ состоявшихъ тогда въ Персіи, и мыслилъ, когда сей переходъ послѣдуетъ, отправиться въ Тамбовскую губернію, гдѣ, исключая своихъ книгъ, продать съ публичнаго торга весь свой экипажъ и на вырученныя деньги явиться въ Астрахань, сѣсть на корабль и Каспійскимъ моремъ достигъ береговъ Персидскихъ.—Я надѣялся найти войско у стѣнъ Дербента.—Въ сей для меня стѣсненный промежутокъ прибылъ въ Петербургъ генералъ-поручикъ Іосифъ Ивановичъ Хорватъ, мой дядя, который далъ другой видъ моимъ дѣламъ.—Онъ тогда управлялъ Екатеринославскимъ намѣстничествомъ и имѣлъ наблюденіе надъ Таврическою областью и Вознесенскимъ намѣстничествомъ, и всѣ войска, расположенныя въ сихъ трехъ губерніяхъ, были въ его вѣдомствѣ; толикая ему довѣренность отъ Императрицы источникомъ имѣла связь его родства съ графомъ Платономъ Зубовымъ, и потому онъ участвовалъ и въ раздаваемыхъ отъ престола милостяхъ. Г-нъ Хорватъ дѣлалъ изъ себя важнаго человѣка и потому еще, что нѣкто Милорадовичъ, молодой Сербинъ, съ двумя еще другими своими земляками, прибывъ изъ Цесаріи къ г-ну Хорвату, искали его покровительства и старались его увѣрить, что они могутъ вывести въ Россію сѣдъ два людей годныхъ на службу. Г-нъ Хор-

вать ухватился за сіе предложеніе и, дабы заставить дворъ себя больше уважать, выдумалъ, что отъ не малой части Сербской націи сіи три человѣка присланы депутатами, что народъ услышавъ, что Хорватъ (сынъ того Хорвата, который заселилъ выведеннымъ изъ Цесаріи и Турціи народомъ Новую Сербію) начальствуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ до его сей отецъ управлялъ, положилъ переселиться въ Россію и полагалъ тысячъ до 20 семей таковыхъ переселенцевъ. Г-нъ Хорватъ ввелъ ко двору сихъ трехъ пришлецовъ околичною дорогою, они уже были у него въ Екатеринославѣ, которыхъ отправилъ чрезъ Кіевъ въ Петербургъ, будто-бы у него и не были, и будто не вѣдая они ничего ѣхали искать его въ Петербургъ; они дѣйствительно пріѣхали туда нѣсколькими мѣсяцами прежде его. Г-ну Милорадовичу удалось во время сей дороги оказать славное дѣло: проѣзжая Бѣлоруссію, на одной почтовой станціи заспоривъ о лошадяхъ застрѣлилъ почталіона, и за сіе смертоубійство не токмо не наказанъ, но достигнувъ Петербурга, г-нъ Хорватъ доставилъ ему изъ ничего подполковничій чинъ, а его товарищамъ,—одному маіорскій, а другому капитанскій.—Сего моего дядю удалось мнѣ видѣть во дворцѣ нѣсколько разъ; въ толпѣ множества ему тѣмъ менѣе меня было можно узнать, что я съ нимъ съ моего младенчества нигдѣ не встрѣчался. Я замѣтилъ въ г-нѣ Хорватѣ всѣ качества вельможескія: надменность и неприступчивость составляли главныя; сіе побудило меня убѣгать его, но всѣ мои знакомые приступили ко мнѣ, дабы я ему о себѣ объявилъ, на что наконецъ я рѣшился, а болѣе потому, что я помнилъ оказуемую имъ мнѣ ласку, когда я находился въ училищѣ: онъ тогда будучи подполковникомъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и биралъ меня къ себѣ всякій праздникъ, ласкалъ меня очень, помня нѣкоторыя одожденія моей матери въ его нуждахъ, когда онъ находился въ великихъ недостаткахъ, по причинѣ забранія въ казну всего имѣнія въ то время, когда его отецъ былъ сосланъ въ Вологду.

Явившись я въ жилище г-на Хорвата, увидѣлъ переднюю, наполненную всякаго званія людьми; двое изъ его слугъ несоразмѣрной величины въ гусарской одеждѣ со всею приличествующею въ такомъ случаѣ дерзостію защищали входъ сей комнаты, впуская въ оную только тѣхъ, которые назначены были ихъ господиномъ удостоиться сей чести, а прочимъ приходящимъ всѣмъ безъ разбора объявлялось, что г-нъ Хорватъ въ тотъ день не велѣлъ никого принимать. Сіи два придверника и мнѣ таковое объявленіе сдѣлали; но я имъ сказалъ, что я расположенъ былъ въ той комнатѣ ожидать вы-

хода ихъ господина, который, спустя часа четыре послѣ моего прихода, явился изъ своихъ внутреннихъ комнатъ, давалъ аудіенцію всѣмъ тутъ предстоящимъ; когда я къ нему подошелъ и объявилъ о себѣ, тогда онъ, казалось, удаливъ вельможскую надменность, уступилъ мѣсто чувствамъ родства, обошелся со мною ласково. Всѣ предстояшіе въ сей комнатѣ, едва до того меня между собой замѣчавшіе, оказали мнѣ разные знаки ихъ учтивства.—Толико есть свойственна низкость подлымъ душамъ.

Послѣ сего еще дня три сряду я ходилъ къ г-ну Хорвату, но всякій разъ огромные его гусары меня встрѣчали словомъ: что господинъ ихъ никого не принимаетъ!—Изъ чего я заключилъ, что не взирая на довольно ласковый пріемъ, мнѣ моимъ дядею сдѣланный, я учтивымъ образомъ выталкивался изъ его дома, и потому оставилъ его посѣщать. Хожденіе мое въ военную коллегію опять возобновилось по дѣлу о переводѣ меня въ Персидское войско, а остальное время я проводилъ у г-жи Буткевичевой. Въ одинъ день готовъ я былъ итти ее посѣтить, но оное остановлено ординарцемъ, присланнымъ отъ г-на Хорвата, который желалъ меня немедленно видѣть. Лишь я въ его домъ прибылъ, то увидѣлъ великую для себя перемену: грубые его гусары сдѣлались вѣжливы, отворяли мнѣ двери, адъютанты, лишь я показался въ комнату собранія, избѣгались итти своему генералу обо мнѣ доложить; наконецъ я былъ впущенъ въ его кабинетъ, котораго засталъ совсѣмъ готоваго ѣхать въ Царское Село, гдѣ тогда дворъ обрѣтался. Г-нъ Хорватъ обошелся со мною отлично ласково, но выговаривалъ мнѣ за то, что я разъ ему показавшись оставилъ его болѣе посѣщать.—На сіе я его увѣдомилъ, что приходилъ неоднократно къ нему, но принимаемъ не былъ. На сіе онъ сказалъ, что его люди не были предварены обо мнѣ, и потому пригласилъ меня съ того дня быть у него чаще.—Послѣ сего онъ, распросивъ у меня причину моего въ Петербургъ пріѣзда и сдѣлавъ записку о моей службѣ, обѣщалъ того же дня въ Царскомъ Селѣ постараться о произведеніи меня въ секундъ-майоръ.—Тогда давались чины чрезъ посредство графа Зубова, такимъ образомъ: написывалось краткое повелѣніе изъ дежурства Императрицы въ военную коллегію, гласящее, что такой-то по изустному Ея Величества приказанію производится въ такой-то чинъ и сіе подписывалъ г-нъ Зубовъ; просящій удовлетворялся, а Императрицѣ рѣдко о семъ бывало докладываемо.—Сею дорогою я надѣялся, что г-нъ Хорватъ доведетъ меня до секундъ-майорскаго чина.

Дня три г-нъ Хорватъ пробылъ въ Царскомъ Селѣ, а возвратившись въ Петербургъ мнѣ объявилъ, что онъ не начиналъ ничего о моемъ производствѣ, а положилъ лучше сдѣлать, переведа меня въ штатъ провіантскій оберъ-провіантмейстеромъ чина премьеръ-майорскаго, и потребуетъ въ комиссію, состоявшую тогда для продовольствія войскъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ расположенныхъ; послѣ чего имѣя препорученіе составлять Вознесенское войско, которое долженствовало быть изъ регулярныхъ козаковъ, раздѣленное на десять конныхъ баталіоновъ, и потому одинъ изъ оныхъ назначалъ мнѣ, представивъ меня прежде къ полученію подполковничьяго чина.—Каковаго мнѣ еще счастья лучше ожидать было?—Ежели бы оно сбылось, я бы достигъ верха своихъ желаній, вся бы моя прошедшая служба вознаградилась, а къ тому Екатерина II-я помышляла тогда дать помощь войскомъ Цесарю, угнетенному французами. Составленіе сего Вознесенскаго войска не могло длиться долго, ибо люди были уже готовы большею частью изъ разформированнаго Екатеринославскаго козачьяго войска, составленнаго изъ однодворцевъ, за храбрости которыхъ можно мнѣ было ручаться, прослуживъ столько лѣтъ въ Астраханскомъ драгунскомъ полку, изъ какого разбора людей и оный былъ составленъ; аммуниція Вознесенскому войску была назначена отъ обзоруженныхъ польскихъ войскъ. Г-нъ Хорватъ не испыталъ меня еще, но начиналъ уже имѣть ко мнѣ довѣренность по наслышкѣ обо мнѣ отъ многихъ меня знавшихъ. Онъ мнѣ объявилъ, что я въ моемъ баталіонѣ ежели захочу имѣть офицеровъ тѣхъ, съ которыми служилъ, то только бы подалъ записку о ихъ именахъ и они переведены будутъ; и такъ съ такими пособіями я надѣялся быть скоро въ состояніи довести мнѣ ввѣренную часть до того, что могъ бы надѣяться съ оною быть помѣщену въ число назначаемыхъ противъ французовъ войскъ. Повторяю: какое благополучіе кружилось около меня?—Я, который любя службу, имѣлъ бы случай показать свое въ оной знаніе, доведя ввѣряемую уже одному моему попеченію часть войска, а къ тому могъ надѣяться видѣть чужія земли, чего я съ юныхъ моихъ лѣтъ всегда жадничалъ.—На другой послѣ сего день я былъ г-мъ Хорватомъ отправленъ съ письмомъ къ генералъ-провіантмейстеру Петру Ивановичу Новосильцеву, въ которомъ онъ его просилъ о представленіи меня въ оберъ-провіантмейстеры. Г-мъ Новосильцевымъ я былъ принятъ ласково, и онъ въ тотъ же день сдѣлалъ обо мнѣ представленіе въ военную коллегію, въ которой оно не болѣе четырехъ дней пролежало, и я произведенъ въ премьеръ-майоры. Съ толикою поспѣшностію дѣла дѣлались, имѣя предстательство!—

Странно въ семь случаевъ было только то, что повышение мнѣ судьбой опредѣлено было посредству лошадей. Въ 1788 году не удалось подареннымъ скотамъ г-ну Шарову меня вывести въ капитаны, но на сей разъ г-нъ Хорватъ доставилъ мнѣ премьеръ-маіорскій чинъ въ отплату двухъ жеребцовъ, отцомъ моимъ ему подаренныхъ, о чемъ я послѣ узналъ и досадовалъ не мало. Послѣ сего г-нъ Новосильцевъ далъ мнѣ повелѣніе явиться къ г-ну Хорвату и состоять подъ его распоряженіемъ.

Г-нъ Хорватъ нѣсколько дней еще прожилъ въ столицѣ, отправился въ Екатеринославль, а меня отпустилъ въ Тамбовское намѣстничество для взятія оставшагося моего въ ономъ экипажа, послѣ чего я долженствовалъ къ нему явиться. Простившись съ г-жею Буткевичевой, съ которой я проводилъ цѣлый день и большую часть ночи, оставилъ Петербургъ. Лишь начало солнце восходить сѣдующаго дня, я уже находился у рогатки Царскаго Села, обиталища мудрой монархини; при зрѣніи сего великолѣпнаго ея уединенія, пришла мнѣ на мысль сія Государыня во всемъ величествѣ ея дѣлать. Сіе размышленіе заставило меня вздохнуть внутренно собогѣзновать о томъ, что лишень былъ случая, дабы сія монархиня узнала хотя часть моей къ ней душевной преданности.—Денегъ у меня столько еще оставалось, что я могъ доѣхать до Москвы, ибо просить оныхъ у г-на Хорвата я не могъ рѣшиться. Въ Москвѣ прожилъ я весь августъ мѣсяцъ ищучи денегъ занять, но безъ заклада никто въ семь мѣстъ своей суммы изъ рукъ не выпускалъ; и такъ я хотя и имѣлъ довольно знакомыхъ, но также безденежныхъ, съ которыми пріятно время дѣлалъ, но помощи въ моей нуждѣ они никакой мнѣ дать не могли. Дѣла мои быди въ худомъ положеніи, я начиналъ жить на честное слово въ разсужденіи найма квартиры, ходилъ иѣшкомъ, а столъ имѣлъ у своихъ знакомыхъ. Московское хлѣбосоольство извѣстно всему свѣту, въ оной отъ голода еще никто не умиралъ!—Наконецъ прохаживаясь я въ одинъ день въ Лафертовскомъ саду, толико обширномъ, но рѣдко посѣщаемомъ обществомъ Московскимъ, ибо на все есть мода, а тогда предпочитали сему изрядному саду пустое мѣсто, такъ называемое набережная, слишкомъ малое для великаго сѣзда, за то давка была велика и разѣхавшись съ трудомъ было о чемъ послѣ говорить.—Я съ пустымъ карманомъ избралъ пространное мѣсто для своей прогулки и размѣряя своими шагами сей садъ, предался размышленіямъ о томъ, кто выдумалъ деньги, сіе на свѣтѣ добро и зло, какъ у перекрестка двухъ аллей повстрѣчался съ г-мъ

Тихановичемъ, лѣчившимъ меня въ Мучкапѣ; мы оба удивились, увидѣвъ себя нечаянно вмѣстѣ, и зашедши въ бесѣдку сѣли разговаривать; онъ меня увѣдомилъ, что послѣ моего изъ Нарвскаго полка отбытія, ему наскучило Нѣмецкое общество, и потому нашелъ случай ускользнуть изъ онаго и на тотъ разъ находился при главной Московской больницѣ, гдѣ старался усовершенствовать себя въ врачебномъ искусствѣ.

Сей добрый мой пріятель, посѣщая меня часто, замѣтилъ во мнѣ родъ задумчивости, которая меня съѣдала, онъ потребовалъ отъ меня объясненія, обѣщалъ сыскать мнѣ денегъ и дня чрезъ два принесъ мнѣ двѣсти пятьдесятъ рублей, которыми я расплатился съ хозяиномъ и нанялъ лошадей доѣхать до Борисоглѣбска; потомъ обнявъ помощнаго мнѣ г-на Тихановича оставилъ Москву въ первыхъ числахъ сентября. Я послѣ уже узналъ, что г-нъ Тихановичъ не взирая на то, что былъ самъ человекъ недостаточный, дабы мнѣ подать руку помощи, заложилъ нѣкоторыя изъ своихъ даже необходимо надобныхъ вещей и взялъ деньги, которыми меня одолжилъ. Дорогой я заболѣлъ, хотя не опасно, но не имѣя врача принужденнымъ нашелся помогать себѣ самъ, и главное лѣкарство состояло не приступать къ пищѣ нѣсколько дней. Съ нѣсколькихъ лѣтъ я началъ всякую осень знакомиться съ болѣзнью, хотя не важною, которая однакожь всегда давала себя чувствовать; полагаю я оной причиной мое на Кавказѣ служеніе, которое было сопряжено при недостаточномъ состояніи со всяко-родными трудностями.

Доѣхавъ до Тамбова, узналъ я, что полкъ Нарвскій пошелъ на линію Кавказскую, а мой экипажъ обрѣтался въ селѣ Коноплянкѣ, принадлежащемъ генералъ-маіору Кормилицыну, который любя меня оный принялъ и велѣлъ отвезти квартиру, и потому мнѣ незачѣмъ было ѣхать въ Борисоглѣбскъ, а я отправился къ своему эскадрону.— Здѣсь я засталъ письмо отъ моего отца, дошедшее въ полкъ въ мою небытность: по прошествіи толикихъ лѣтъ нашего несвиданія, родитель мнѣ утѣшенія ради совѣтовалъ ѣхать въ армию противъ Персовъ, то есть паки заточалъ меня въ дикую землю, а въ добавокъ говорилъ, что прислалъ бы денегъ, но не вѣдаетъ ни съ кѣмъ, ни какъ. Сей листъ бумаги подкрѣпилъ меня въ томъ мнѣніи, что хотя бы и не ѣздить въ домъ отцовскій, но стекшіяся обстоятельства, но тогда мнѣ назначенному мѣсту при г-нѣ Хорватѣ, призывали меня на берега Днѣпровскіе. А до сего отъѣзда я написалъ письмо отцу слѣдующаго содержания:

«1796 года, изъ города Кирсанова.

«Радость моя была неописанна, когда я возвратясь изъ моеи Петербургской поѣздки, засталъ здѣсь почтеннѣйшее ваше письмо, которымъ вы меня удостоить извоили изъ Екатеринослава. Удовольствие мое получа оное тѣмъ чувствительнѣе было душѣ моеи, что я лишался уже нѣсколько лѣтъ вашихъ увѣдомленій; вижу также изъ онаго, что мои четыре письма вамъ писанныя изъ Саратова и Тамбова до васъ не дошли, и потому и сіе пишу на удачу.

«Изъ Петербурга увѣдомляя я васъ о перемѣнѣ моего чина, и что я командированъ къ Іосифу Ивановичу. Думаю, что онъ свое обѣщаніе выполнить препорученіемъ мнѣ составленія одного полка въ Вознесенскомъ козачьемъ войскѣ.

«Исполнить волю вашу слѣдовать въ Персидскую армію я бы съ охотою сдѣлалъ, ежели бы не получилъ теперешняго моего чина, для котораго я рисковать готовъ былъ, но теперь на такъ дальній путь я не пущусь, будучи линія Кавказская отъ мѣста гдѣ я нынѣ пребываю въ 1700 верстахъ, а войска находятся отъ онаго уже въ 500, а къ тому же необычайная трудность службы въ тамошнемъ краю мнѣ слишкомъ извѣстна, въ которомъ я промучился около 10-ти лѣтъ и выслужилъ одинъ листъ бумаги при всемъ томъ, что былъ знаемъ и любимъ своими начальниками, и потому твѣрдо положилъ никогда въ той странѣ на службѣ необрѣтаться. Я не предвижу, чтобы претерпѣвать нужду молодому человѣку полезно было, но ежели то правда, какъ увѣряютъ, будто она научаетъ жить въ свѣтѣ, то я уже слишкомъ ею доволенъ, чтобы съ доброй воли паки пущаться жить посреди степей, горъ и дикарей. Изъ видѣнной мной нужды вышло только то, что я потерялъ добрую часть моего здоровья, котораго никакія сокровища въ свѣтѣ вознаградить не въ состояніи будутъ. Графъ Валеріанъ Александровичъ при мнѣ изъ Москвы къ подошвѣ Кавказа отъѣзжалъ, и я имѣя многихъ пріятелей и знакомыхъ при немъ, меня приглашавшихъ съ собой, и стоило имъ слово сказать, то я бы былъ въ его свитѣ, но разсмотря множество окружающихъ его штабъ и оберъ-офицеровъ, поѣхавшихъ все съ тѣмъ, чтобы что получить, то полагаю весьма справедливую догадку, что его сіятельства (сколь онъ ни благотворительную душу имѣеть) не достанетъ всѣхъ отправившихся съ нимъ вознаградить. Ко всему этому въ томъ краю содержаніе дорого, такъ что прибавя къ премьеръ-маіорскому жалованью 500 рублей едвали достанетъ на годъ содержать себя посред-

ственно, а такъ какъ содержать себя теперь всѣ порядочные люди въ нашихъ арміяхъ, то и тысячи рублей мало, мнѣ же Петербургское житье не дешево стоитъ, и потому на сію новую издержку я не пустился. Скажу еще и то, что, по особливому моему усердію служить своему отечеству и душевной привязанности къ военному ремеслу, желалъ бы находиться противъ такого непріятеля, гдѣ бы я могъ чему ни есть не извѣстному еще мнѣ изучиться, а вѣсть войну противъ южныхъ нашей имперіи непріятелей, я столько насмотрѣлся, что не нахожу великой мудрости бить Турокъ, Черсовъ и Татаръ съ Россійскимъ солдатомъ, которому не предстоитъ ничего невозможнаго, ежели только голова ихъ полководцевъ и духъ достаточны начальствовать сими почтенными воинами. Признаюсь, что построение нашихъ войскъ въ карей и постановленіе между оными конницы суть такіе маневры, которые столько примелькались моимъ глазамъ, что уже и наскучили, и навѣрно сказать можно, что нечему научиться молодому воину у нашихъ генераловъ. Ежели бы я имѣлъ достаточно денегъ, зналъ бы я куда отправиться обозрѣть въ практикѣ то, что я изъ книгъ военныхъ почерпнулъ въ теоріи, и быть со временемъ отечеству полезнымъ въ великомъ чемъ ни есть, а не въ маломъ видѣ, въ какомъ я проводилъ до сего времени свою службу, и рана отъ сей досады слишкомъ глубоко въ сердце моемъ впечатлѣлась, чтобъ не чувствовалъ оной въ самой верхней степени.

«Ежели Іосифъ Ивановичъ ради какихъ ибудь причинъ выше-сказаннаго обѣщанія не выполнить, то мое желаніе служить въ драгунскихъ полкахъ, будучи они составлены изъ Великороссіянъ, между которыми я всегда служилъ и научился цѣнить и почитать сію достохвальную націю. Приверженность моя къ Великороссіянамъ происходитъ отъ извѣстнаго мнѣ ихъ усердія къ начальникамъ, неустрашимости посреди опасностей, а сего уже и довольно для человека, котораго изъ службы никакое неудачливое повышеніе чинами выгнать не будетъ въ состояніи; а къ тому, оставя мое служеніе на линіи Кавказской и выйдя въ Россію, нашелъ столько ласки и дружескаго обращенія между здѣшнимъ дворянствомъ, что утвердительно могу сказать, что въ губерніяхъ, въ которыхъ я квартировалъ, я вообще принятъ въ почтенныхъ домахъ, любимъ и уважаемъ особами всякаго почтенія достойными и посреди сихъ людей, которые прямо меня цѣнить знаютъ, проводилъ я близъ пяти лѣтъ въ совершенномъ удовольствіи. Неблагодарность не была мнѣ никогда свойственна и потому не воздать имъ должной въ душѣ моей признательности за всю

ласку, которой они меня удостоивали, была бы такая гнусность, которой я всегда чуждался.

«Медленности, съ каковой я слѣдую въ Заднѣпровскій край, причина разслабленіе моего здоровья: выѣхалъ изъ Москвы съ лихорадкой, которая частымъ своимъ посѣщеніемъ едва меня не замучила и тѣмъ опаснѣе была, что въ дорогѣ врачи не вездѣ встрѣчаются довольно искусные, которымъ можно было бы себя ввѣрить; наконецъ прибывъ въ Тамбовъ отъ оной освободился, но отъ простуды сдѣлаясь нарывъ на шеѣ, съ которымъ боюсь пущаться въ путь, а ожидаю облегченія въ домѣ его превосходительства Николая Николаевича Кармилицына, который изъ особенной ко мнѣ любви принялъ въ свой домъ мой мизерный экипажишко, по выступленіи на линію полка, въ которомъ я служилъ и содержалъ его на всемъ своемъ. Надежда есть что я скоро получу облегченіе и немедленно выѣду, дабы имѣть счастье предстать вамъ съ тѣмъ высокопочитаніемъ, съ каковымъ остается

М. Г. Б.

вашъ

покорнѣйшій сынъ

А. П.».

Поблагодаривъ г-ну Кормилицыну за данное моему экипажу пристанище, выѣхалъ я въ Кирсановъ, дабы быть ближе къ деревнѣ моего друга Чирикова, на котораго я всю надежду полагалъ въ денежной мнѣ помощи къ предпріятію моего пути въ назначенное мнѣ мѣсто; г-нъ Чириковъ тогда находился въ другихъ деревняхъ своей жены за Волгой, но ожидался скоро въ Оржевку. Первое мое стараніе здѣсь обратилось отослать занятія мною у г-на Тихоновича деньги; я имѣлъ правиломъ, что ежели уѣзжалъ куда въ дальнюю дорогу и былъ при деньгахъ, то всегда по моему расчету оставлять спрятанными въ моей походной библіотекѣ часть по своимъ силамъ денегъ, дабы возвратясь могъ къ онымъ въ случаѣ нужды прибѣгнуть; оставляя я Мучкопъ оставилъ въ своемъ казначействѣ болѣе полутора ста рублей, а за сто прибывъ въ Кирсановъ продалъ одну изъ своихъ лошадей, чѣмъ и расплатился съ г-мъ Тихоновичемъ. Г-на Чирикова ожидалъ я въ Кирсановѣ часть сентября и весь октябрь мѣсяцы, пока наконецъ въ первыхъ числахъ ноября его увидѣлъ; онъ не въ силахъ былъ меня снабдить тысячью рублями, чего я желалъ, ибо жена его была женщина пожилыхъ лѣтъ, и притомъ скудная, державшая концы своего кошеляка туго; до такой надѣ нею

власти онъ еще не дощолъ, чтобы оный развязать. И такъ обстоятельства мои были крайне стѣснены; деньги нужны мнѣ были и для дороги и для расплаты съ тѣми, у которыхъ мои деньщики брали на продовольствіе себя и моихъ лошадей во время моего отсутствія.— Въ самое сіе время получается извѣстіе о постигшей кончинѣ великой Екатерины, а вслѣдъ за онымъ всѣ строгости Павла I-го. Всѣ должествовали быть у своихъ мѣстъ или выгнаны съ безчестіемъ изъ службы. На ниткѣ висѣла судьба моя по службѣ!—Наконецъ приходитъ ко мнѣ кирсановскій купецъ и предлагаетъ восемьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы я далъ ему вексель въ тысячѣ рублѣхъ. Я на все согласился, и думаю: съ радостію бы ему далъ и въ двухъ тысячахъ, только чтобы поспѣшить къ мѣсту, которому приналежалъ. Въ тотъ же день я получилъ восемьсотъ рублей, и расплатился съ моими мелочными долгами и, простившись со всѣми знакомыми въ Кирсановѣ и Оржеvkѣ, отправился изъ области Тамбовской въ первыхъ числахъ декабря. Я послѣ узналъ, что деньгами купецъ меня снабдилъ не своими, а кирсановскаго городничаго, г-на Платцова, который, оказывая всегда мнѣ отличную ласку, хотѣлъ одолжить меня за большіе проценты, но посредствомъ куща, а не своимъ именемъ. Дорога моя была медленна, по причинѣ постигшей всеобщей оттепели, и въ семь холодномъ климатѣ въ столь раннее еще время показывалась весна, которая до того довела дороги, что ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣздить почти нельзя было; во многихъ мѣстахъ я простаивалъ по нѣскольку дней отъ невозможности переѣзжать самыя малѣйшіе разлившіеся ручейки, однакожъ не взирая на все сіе, платилъ хорошо нанимая лошадей для подмоги моимъ и людей, которые меня обводили хотя и кружно на мѣста удобныя къ переѣздамъ; наконецъ, претерпѣвъ разныя трудности, дотащился кое-какъ до города Воронежа наканунѣ праздника Рождества Христова. Здѣсь я положилъ нѣсколько дней обождать лучшей погоды къ предпріятію дальнѣйшаго пути, а притомъ думалъ самъ ѣхать въ Екатеринославъ на почтовыхъ, а экипажъ свой оставить продолжать путь вольной ѣздой; на другой день я явился къ воронежскому коменданту, полковнику Санберху, Петру Андреевичу, у котораго выпросилъ пропускной видъ для своего экипажа; онъ меня обласкалъ много, пригласилъ у себя остаться обѣдать. Бесѣда состояла изъ нѣсколькихъ его пріятелей, разговоръ былъ о происшествіяхъ того времени: смерть Екатерины и царствованіе Павла I-го, похожее уже при его началѣ на желѣзное, были у всѣхъ на языкѣ, которое однакожъ не меньше надлежало хвалить; ибо ежедневныя скаканья установленныхъ симъ государемъ въ

Россіи фельдъ-егерей поселили страхъ во всѣ души; сихъ гонцовъ должность была увозить въ Сибирь и другія заточенія тѣхъ, на которыхъ упала гнѣвъ Павла I-го. Наконецъ, дабы развеселить насъ нѣсколько, приносятъ съ почты Московскія Вѣдомости, въ которыхъ начитываемъ исключеннаго гвардейскаго офицера за негодность изъ службы. Всѣ были поражены толикимъ посрамленіемъ во всенародное извѣстіе выданнымъ. Три дня я проводилъ въ Воронежѣ, который городъ всегда слылъ мѣстомъ, исполненнымъ веселостью, но въ сіе время ничего меньше, какъ о оныхъ помышляли: всякій былъ объятъ страхомъ за себя и за своихъ знакомыхъ, родныхъ, пріятелей; никто не былъ удостовѣренъ, чтобъ его не перевезли на ночлегъ въ крѣпость; ко всѣмъ симъ страхованіямъ присоединить надобно во всѣхъ бесѣдахъ черную одежду какъ на женщинахъ, такъ и на мужчинахъ, то ясно узрится картина всеобщей печали сѣтовавшей Россіи. Въ сіе мое въ Воронежѣ пребываніе зима, возобновившись постигшими сильными морозами и выпавшимъ снѣгомъ, доставила добрую дорогу и потому я оставилъ сей городъ, слѣдуя уже на почтовыхъ.

Г Л А В А IV.

Пріѣздъ мой въ Екатеринославъ.—Войско Вознесенское уничтожается.—Свиданіе мое съ моимъ отцомъ.—Отъѣздъ мой въ Тульчинъ.—Графъ Суворовъ-Рымникскій.—Расходы главной квартиры.—Возвращаюсь въ Екатеринославъ. 1797-й годъ.

На другой день новаго года я увидѣлъ себя въ Харьковѣ. Здѣсь я остановился потому, что въ семь мѣстъ никому лошадей не давали иначе, какъ надлежало явиться къ губернатору Кишенскому. Сіе дѣлалось не ради какой-либо предосторожности, а потому что онъ былъ великій охотникъ знать происходившее въ другихъ мѣстахъ, и потому желалъ всякаго проѣзжаго видѣть и извѣдать отъ его что ни есть. Я сего г-на Кишенскаго зналъ еще на линіи Кавказской подполковникомъ, достигшій до губернаторства разными троинками уничтоженія, низкости и прочими способами, которыми малая душа доходитъ до своей цѣли. Онъ былъ избранъ г-мъ Самоиловымъ ѣхать съ донесеніемъ къ князю Потемкину въ 1784 году о сраженіи съ Лезгинцами, въ немъ нашли рѣдкую способность ложь выдавать за правду и отъ того времени онъ пошелъ въ гору. Въ сіе время проѣздомъ остановился въ Харьковѣ генералъ поручикъ Бердяевъ, слѣдовавшій

въ Екатеринославъ военнымъ губернаторомъ и имѣвшій нѣкоторыя отъ государя и по Харьковской губерніи препорученности, или по крайней мѣрѣ за такого себя выдавалъ. А сего уже и слишкомъ дозволено было, дабы заставить Харьковскаго губернатора ползати у ногъ Екатеринославскаго и потому г-нъ Кишенскій едва удѣлялъ для себя столько минутъ, чтобъ побывать дома. Являлся я къ нему раза четыре и въ отвѣтъ все одно получалъ, что отъ г-на Бердяева еще не возвращался, наконецъ уже къ вечеру засталъ его дома; принять я имъ былъ какъ старый знакомый и оставленъ ужинать. Бесѣда состояла изъ нѣсколькихъ особъ обоего пола, которые занялись разговоромъ во весь вечеръ о Бердяевѣ, его прусскихъ сапогахъ, новообразовомъ мундирѣ, какъ онъ стоялъ, какъ говорилъ; однимъ словомъ, имя сего военного губернатора у всякаго на языкъ оборачивалось въ минуту по крайней мѣрѣ разъ, ибо онъ любимъ императоромъ былъ. Въ добавокъ пополняли разговоръ простудой г-жи Бердяевой и тѣмъ, что ихъ сынъ въ полку кирасирскомъ майоромъ и что онъ упалъ съ лошади и ногу переломилъ и что та нога столь искусно исцѣлена, что переломъ непримѣтенъ и наконецъ, жагѣли о семъ молодомъ человѣкѣ, какъ онъ будетъ привыкать носить кирасъ, который будетъ тяжелъ и грудь его будетъ въ опасности. Короче сказать, я крайне обрадовался, увидя конецъ ужину, раздѣлявшій сію бесѣду, столько мнѣ наскучилъ г-нъ Бердяевъ и о немъ сужденіе и я, откланявшись хозяину, пустился въ путь.

Прибывъ въ Екатеринославъ, явился къ г-ну Хорвату, которымъ былъ принять съ отмѣнной ласкою. Нашелъ его крайне встревоженнымъ душой, онъ смѣнялся съ губернаторства, и я первый ему привезъ извѣстіе о слѣдованіи г-на Бердяева, который былъ ему врагъ; требовалъ отъ его отчетовъ государь за всѣ годы, суммы отпускаемыя ему были не малыя, въ которыхъ открывалась не малая часть имъ себѣ присвоенныхъ. Дѣла мои были въ такомъ положеніи, что государь повелѣлъ уничтожить составленіе Вознесенскаго войска; г-нъ Хорватъ не успѣлъ меня изъ штата провіантскаго вывести въ армію, и потому я оставался ничѣмъ и ни при чемъ. Но и въ семъ для меня непріятномъ положеніи видѣлъ, сколько Провидѣніе о моей участи пеклось, не попустивъ мнѣ ѣхать съ г-мъ Хорватою изъ Петербурга прямо въ Екатеринославъ, какъ онъ того тогда желалъ: онъ имѣлъ великія суммы денегъ въ своемъ распоряженіи для заготовленія провіанта въ трехъ губерніяхъ его вѣдомства сухопутнымъ и морскимъ арміямъ, имѣя и того больше охоту себя обогащать и потому

выводилъ счеты небывалыхъ расходовъ и для утвержденья всего этого побуждалъ къ подписанію бумагъ всѣхъ бывшихъ при немъ по провіантской части чиновниковъ, которые при восшествіи на престолъ Павла I-го всѣ сосланы въ Сибирь на каторжную работу. Я, бывши ему племянникъ такой, которому онъ новышеніе чина доставилъ, и потому навѣрно полагать можно, что самая большая часть плутовскихъ дѣлъ къ подпискѣ пала бы на мою долю. Дабы подать понятіе о другихъ наживахъ г-на Хорвата, нужно одинъ случай только упомянуть: магази провіантѣ, въ нѣсколько сотъ тысячъ четвертей состоявшій, объявленъ къ употребленію негоднымъ отъ гнилости, который велѣно продать, а на мѣсто его другой пополнить. Гнилой показанъ проданнымъ съ публичнаго торга по одному рублю, а на мѣсто его куплена четверть по шести рублей. Испорченный, проданный и опять купленный провіантъ все одинъ былъ, а только бумагами и ложными свидѣтельствами провіантскихъ служителей все сіе обработано и въ карманъ г-на Хорвата поступило болѣе полумилліона рублей.

Весь день пробылъ я у г-на Хорвата, въ который онъ придумывалъ что со мной начать, а наконецъ положено мнѣ ѣхать въ польское мѣстечко Тульчинъ, гдѣ у фельдмаршала графа Суворова стараться о причисленіи меня въ Павлоградскій гусарскій полкъ. Г-нъ Хорватъ при своемъ представленіи посылалъ мною написанное прошеніе графу Суворову и положено мнѣ на другой день ѣхать, опасаясь, что съ пріѣздомъ г-на Бердьева онъ уже не въ силахъ будетъ никакого производства дѣлъ отправлять. Оставивъ я Екатеринославъ, прибылъ въ домъ родителя моего, въ которомъ только переночевалъ; ласка мнѣ оказанная на сей разъ моимъ отцомъ была отлично велика. Ежели бы онъ всегда со мной такимъ образомъ обходился, то бы я вѣрно чаще посѣщалъ его; здѣсь же я увидѣлся съ двумя своими сестрами, предъ тѣмъ не задолго изъ монастыря Дѣвичьяго выпущенными и съ которыми съ дѣтства я разстался. Дѣла мои меня звали скоро оставить деревню отцовскую, и потому пустившись въ путь не замедлилъ ѣхать въ предѣлы бывшей Польши, гдѣ увидѣлъ наипрекраснѣйшія мѣста, деревни частыя, мужики суть Малороссіяне со всей оныхъ лѣнностью, ибо при столь плодородной землѣ они могли бы быть обогащены, ежели бы были трудолюбивѣе; поляки ихъ называютъ *русняками* и обходятся съ ними какъ съ послѣднею тварью.

Въ шестой день по выѣздѣ моемъ изъ Екатеринослава, прибылъ я ночью въ мѣстечко Тульчинъ, гдѣ мнѣ опредѣлили жительство

жидовскій домъ. Безпокойства такового въ квартирахъ нигдѣ нельзя сыскать, какъ въ польскихъ городкахъ, ибо всякій жидъ, исключая нечистоты имъ свойственной, въдобавокъ торгуетъ виномъ горячимъ, къ которому ежеминутныя посѣщенія отъ любящихъ сей напитокъ, и потому можетъ ли быть въ такомъ мѣстѣ покой проѣзжему; заказать же симъ пьянымъ входъ, это лишитъ жида дневнаго пропитанія.

Въ Тульчинѣ Павелъ I-й подалъ мнѣ случай болѣе удивиться нежели въ Воронежѣ. Здѣсь я нашелъ на одну доску поставленнаго съ удивившимъ меня въ Воронежѣ выключеннымъ гвардейскимъ офицеромъ, графа Суворова, страха турковъ, низложителя польской гордыни, выгнаннымъ за вздоръ изъ службы. Вся его вина состояла въ томъ, что онъ отпустилъ въ Петербургъ одного подполковника, за что взять съ него отвѣтъ и сдѣланъ выговоръ, припечатанный въ вѣдомостяхъ къ свѣдѣнію всей имперіи. Графъ, получа сіе, тотчасъ употребилъ одного изъ присланныхъ для разсылокъ къ нему фельдъ-егерей отправленіемъ къ государю съ прошеніемъ о увольненіи его отъ службы. Въ ожиданіи на свое прошеніе царскаго опредѣленія, графъ занимался по утрамъ по пристрастію своему къ воинскому ремеслу осмотромъ развода вступающаго въ главную квартиру, и должно признаться, что видѣть оный, это видѣть героевъ, упражняющихся въ воинскихъ подвигахъ для наученія себя, какъ побѣждать, прогнать и заполнить злодѣевъ своей отчизны; все сіе производилось съ пушечною и ружейною пальбою, при звукѣ огромной музыки, и восклицаніи многозначущаго русскаго ура! — При семъ военномъ зрѣлищѣ нельзя видѣть педанствъ еродныхъ прусакамъ съ ихъ протяжными, уподобляемыми вою волчьему, командными словами, не повстрѣчаешься здѣсь ни съ какою надменностію, но увидишь простоту, въ которой образцомъ самъ фельдмаршалъ, единообразіе, величіе, между которыми замѣчаются иногда проказы, самимъ графомъ дѣлаемые и которыя часто нравятся русскому солдату; впрочемъ во всѣхъ частяхъ зрится важность войска сотвореннаго дать законы четыремъ частямъ свѣта. Конница атакуетъ иѣхоту съ неслыханной опрометчивостію, не смотря на пальбу по оной производимую, и въ сіе же мгновеніе сдвигаются части фронта, въ которые промежутки конница проскакиваетъ. Однимъ словомъ, въ семъ ученіи видѣлись игры, прыганія, иѣсни и проказы и сими забавами творились герои, удивлявшіе своими дѣлами свѣтъ.

Я столько занялся мною предложеннымъ, что отсталъ отъ своего предмета, что и простиительно человѣку любящему свое отечество. Я

отдалъ представление г-на Хорвата подполковнику Мандрикину, управлявшему тогда графской канцеляріей, которому велѣно было всѣ бумаги разсматривать и докладывать графу. Г-нъ Мандрикинъ мнѣ объявилъ графскую волю, что онъ не смѣетъ и подумать меня переводить въ полкъ гусарскій. И такъ дѣло мое рѣшено въ нѣсколько минутъ, и я положилъ, оставя Тульчинъ, ѣхать въ городъ Могилевъ, что на Днѣстрѣ, гдѣ квартировалъ со своимъ батальономъ подполковникъ Иванъ Егоровичъ Шевичъ, женившійся на моей сестрѣ, съ которою я не видался съ того времени, какъ она была отдана въ Дѣвичій Монастырь. Радость сихъ моихъ родныхъ была велика меня видѣть, съ сестрой я почти не былъ знакомъ кромѣ нашего малолѣтства, и потому не мудрено, что она меня не узнала. Г-нъ Шевичъ былъ одинъ изъ моихъ сотоварищей въ училищѣ, изъ котораго вышедъ я больше съ нимъ нигдѣ не встрѣчался, который также не скоро распозналъ черты моего лица; жизнь въ непрерывной почти нуждѣ, неудачахъ, недостаткахъ при всей бодрости перемѣняетъ въ челоуѣкъ лицо и кровь. Два дня я у ихъ проводилъ, потомъ пустился обратно въ Екатеринославъ; появляясь у г-на Хорвата было одно мое убѣжище, ибо онъ меня завелъ въ родъ службы, въ которой я никогда не думалъ быть, онъ долженъ изъ оной и вывести. Я думаю рѣдко кто могъ при началѣ царствованія Павла I-го похвалиться толикими изъ одного конца въ другой царства разъѣздами какъ я, ибо тогда велѣно таковыхъ ловить и сажать въ крѣпость, которые не при своемъ мѣстѣ и разъѣзжаютъ безъ настоящей отъ своихъ начальствъ препорученности, но мнѣ въ семъ случаѣ моя судьба благоприятствовала,

Заѣхалъ опять въ деревню Скальватую; при всемъ томъ, что надлежало спѣшить узнать свою судьбу, но ласка моего отца мнѣ оказанная тронула мою душу и сей есть одинъ только случай въ жизни моей, въ которой усладился я тѣмъ прямымъ удовольствіемъ, которое нѣжныя сердца ощущаютъ въ обращеніи съ своими кровными. Я опредѣлилъ четыре дня на мое у его пребываніе, въ которое время онъ занимался съ удовольствіемъ слушать все то, что я ему ни рассказывалъ о видѣнномъ мною и замѣченномъ въ мою жизнь. Однимъ словомъ, въ сей разъ я вкусилъ всю нѣжность отца и вмѣстѣ друга моего. Послѣ я слышалъ, какими похвалами онъ меня вездѣ превозносилъ и жалѣлъ очень, что прежде не замѣтилъ во мнѣ способностей тѣхъ, какія на тотъ разъ увидѣлъ, и наконецъ довершилъ похвалу тѣмъ, что я пошелъ совершенно по стезѣ его и похожу во всѣхъ моихъ поступкахъ на его.

Прибывъ въ Екатеринославъ, засталъ уже г-на Бердлева въ ономъ, а г-на Хорвата безъ всякой должности, которому я объяснилъ неудачливое мое въ Тульчинъ путешествіе; онъ приказалъ мнѣ явиться г-ну Бердяеву, какъ къ начальнику, заступившему его мѣсто; но сей мнѣ объявилъ, что а къ нему вовсе не принадлежу и чтобъ г-нъ Хорватъ въ разсужденіи меня дѣлалъ что заблагоразсудитъ. Послѣ и сей неудачливой попытки, я пошелъ провѣдать въ провіантскую комиссію, состоявшую тогда въ Екатеринославѣ, не имѣется ли въ оной обо мнѣ какого повелѣнія, но и тутъ къ своему утѣшенію ничего не обрѣлъ. Оставался я нѣсколько дней въ крайне для меня затруднительномъ положеніи и не могъ съ мыслями собраться что съ собою начать. Таково было одоженіе г-на Хорвата, показавшееся мнѣ безпомощному сначала только великодушнымъ, оторвать меня отъ мѣста и не прилѣпить ни къ какому; при переводѣ меня въ штатъ провіантскій, ежели бы онъ слово сказалъ графу Зубову, то бы я былъ переименованъ въ армію майоромъ; но онъ не токмо сего не сдѣлалъ, но даже забылъ сообщить въ Екатеринославѣ состоявшей провіантской комиссіи о томъ, что я при немъ числялся.

Г Л А В А V.

Отъѣздъ мой въ Москву.—Я принужденъ идти въ гражданскую службу.—Отъѣздъ мой въ Петербургъ.—Хожденіе по дѣламъ въ Сенатъ.—Смерть моего отца.—Я отоставляюсь отъ службы и причисляюсь къ герольдіи.—Хожденіе по дѣлу въ военной коллегіи.—Преддверіе въ моей женитьбѣ.—1797 годъ.

Въ таковой критической для меня промежутокъ узнаю я, что уже болѣе двухъ мѣсяцевъ лежитъ на почтѣ на мое имя повелѣніе отъ новаго генераль-провіантъ-мейстера Обольянинова, куда я опрометью бросился и распечатавъ увидѣлъ приказаніе мнѣ слѣдовать немедленно въ Петербургъ и явиться у его. Сильно я сему листу бумаги обрадовался, столько на противъ и задумался увидя, что повелѣніе писано давно и боялся не быть выключену за долгое медленіе, и въ награду всей моей службы быть поноснымъ образомъ выгнану изъ оной, каковыми образцами тогда всѣ газеты наполнялись.

Того же дня я оставилъ Екатеринославъ и пустился въ деревню моего отца, у котораго положилъ просить на предпріемлемую въ Пе-

тербургъ поѣздку денегъ, ибо у меня изъ занятыхъ мною въ Кирсановѣ оставалось не болѣе 12-ти рублей, въ каковую дорогую цѣну мнѣ стоили разные мои переѣзды и содержаніе моего экипажа въ Екатеринославѣ, ибо я оный не смѣлъ препроводить въ деревню отцовскую безъ его позволенія.

Въ Скальвой пробылъ я два дня, въ которое время отецъ мой изготовлялъ разныя въ Петербургъ письма, ибо онъ препоручалъ мнѣ ходатайство въ Сенатъ по двумъ тяжбамъ о двухъ лѣсныхъ островахъ, принадлежавшихъ къ бѣлорусскому нашему имѣнію и которые болѣе двадцати лѣтъ находились въ приказной волокитѣ, а сверхъ сего писалъ онъ генераль-поручику графу Буксгевдену, бывшему тогда въ великой милости у государя, котораго почиталъ добрымъ себѣ пріятелемъ, и просилъ его о напоминовеніи о немъ государю и исходатайствовать ему генераль-поручичій чинъ, а мнѣ переходъ въ гусарскій полкъ. На дорогу и всѣ прочія издержки отецъ мой отсчиталъ мнѣ четыреста рублей и накрѣпко подтвердилъ, дабы я старался выйти непременно изъ штата провіантскаго, ибо, говоритъ онъ, изъ роду нашего никто въ семь родѣ службы не обращался, и при семъ позволилъ моему экипажу прибыть въ его деревню изъ Екатеринослава. Я, простившись съ нимъ, 17 февраля отправился чрезъ Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Москву и прочія мѣста въ Петербургъ.

Всякій разъ, когда я сію страну оставляю, чувствую душевное удовольствіе, во всемъ тѣлѣ здоровье, память свѣжѣе. Казалось бы, что при началѣ моей жизни мнѣ вдохновеніе сдѣлано не терпѣть сію часть Россіи, въ которой люди между собой живутъ злодѣями; злоба и зависть одного противъ другаго суть два порока, коими ихъ головы, чувства и сердца занимаются. И Боже! Екатерина Великая таковой сонмъ гнусныхъ людей удостоила назвать обществомъ Екатеринославскимъ.—Родные меня вовсе не привязываютъ, а напротивъ своею между собой несогласицей моей душѣ омерзѣли. Сербы, мои земляки, своею скупостію противны моимъ глазамъ, а къ тому разсчетами о древности происхожденій ихъ фамилій, дурацкими дипломами и другими знаками ихъ глупости надоѣли до самаго нельзя.—Малороссіяне, сосѣди Новой Сербіи, напоивши свои сердца ябедами, дносами и тяжбами, живутъ въ вѣчной между собой войнѣ.—Однимъ словомъ, въ сей странѣ мнѣ только воздухъ пріятенъ, который по справедливости названъ Италіей Русской.

Оставивъ Скальвую въ восьмой день, прибылъ я въ Москву, которую засталъ въ великомъ движеніи, по причинѣ ожиданія Госу-

дари въ оную для коронаціи.—Сей городъ увидѣлъ я преобразованный на прусскую ногу, все здѣсь было по нѣмецки, дабы угодить вкусу новаго Царя.—У воротъ при въѣздѣ наскучили мнѣ гатчинскими вопросами: откуда я, зачѣмъ, куда и прочее; удовлетворивъ любопытству, объявлено мнѣ, дабы я явился военному губернатору старшему князю Долгорукову, военному губернатору младшему Архарову, оберъ-коменданту Глазову, коменданту Кушелеву, полиціймейстеру Каверину, плацъ-полковнику Гессе, и при томъ чтобъ болѣе восьми часовъ въ городѣ не оставался.—Что мнѣ на толикую нелѣпость отвѣчать было какъ—хорошо, и потомъ заѣхавъ въ трактиръ отобѣдать, выѣхалъ изъ Москвы, не являвшись ни къ кому изъ выше-сказанныхъ, ибо все сіе начальство жило въ разныхъ странахъ города, для объѣзда которыхъ мало бы было и 24-хъ часовъ, а особливо той ѣздой, которая тогда въ Москвѣ заводилась—нѣмецкая, важная, шагъ за шагомъ; сія ослушность осталась безъ слѣдствія, изъ чего я на первый случай понималъ, что прусская аккуратность въ Москвѣ измѣнчива.—Пріѣхавъ въ городъ Клинь, узналъ я, что весь штатъ провіантскій слѣдовалъ изъ Петербурга въ Москву и что уже передовые отъ онаго находились въ Клину, и потому я положилъ не продолжая далѣе пути дожидаться въ семь мѣстѣ онаго; дня чрезъ три генераль провіантъ-мейстеръ Обольяниновъ проскакалъ въ престольный городъ, куда и я возвратился.—На другой день явившись я къ г-ну Обольянинову, который лишь выслушалъ отъ меня, что я его команды, то съ удивленіемъ мнѣ сказалъ: «Ахъ! какъ же вы носите «старого покроя мундиръ, ради Бога переодѣньтесь скорѣе по новому «образцу».—Симъ кончилась пріемная мнѣ отъ него аудіенція, и я возвратясь на квартиру тотчасъ послалъ за портнымъ и сапожникомъ, которымъ далъ волю меня переобразить въ пруссака.—Г-нъ Обольяниновъ былъ изъ Гатчинскихъ офицеровъ, въ короткое время, послѣ возшествія на престолъ Павла I-го, получившій генераль-майорскій чинъ, двѣ тысячи душъ крестьянъ, ордена и прочая, и любимъ Государемъ, а по сей причинѣ и былъ его дворъ наполненъ каретами, въ которыхъ привезены были на поклонъ разные вельможи къ такому челоуѣку, на котораго мѣсяца за четыре назадъ они смотрѣть не хотѣли. Сіи твари, славящіяся подпорой отечества, были на тотъ разъ подножіемъ Гатчинскаго вновь составленнаго вельможи.

Смерть Екатерины II-й пока зала Россіи, съ коликою выгодною служили всѣ приставшіе къ Гатчинскому двору, увидѣли избитыхъ офицеровъ генераловъ, обвинанныхъ менѣе нежели въ годъ

орденами, повышенныхъ чинами, одаренныхъ деньгами и деревнями, ими во всей Россіи на выборъ выбираемыми. Я здѣсь увидѣлъ но поздно, сколько я потерялъ, что не послѣдовалъ своему намѣренію итти служить прусскому подражателю. Правда и то, что весь сей новый генералитетъ оказалъ въ послѣдствіи столько же услуги отечеству, сколько и въ Гатчинѣ, и при всѣхъ прусскихъ маневрахъ вышла изъ нихъ знающіе капралы. Ежеди бы это были люди съ малѣйшимъ понятіемъ, то они бы должны были доказать во всѣхъ случаяхъ свои способности въ глазахъ завидовавшихъ скоропостижному ихъ возвышенію. Пока новая одежда мнѣ изготовлялась я не выходилъ никуда, ибо казаться въ прежнемъ мундирѣ это все равно, какъ будто бы сдѣлать какое злодѣяніе противъ достоинства величества!—Когда я стараніемъ моего портнаго и сапожника былъ превращенъ въ прусскую обезьяну, то поспѣшилъ я своимъ видомъ обрадовать г-на Обольянинова, который меня вовсе не узналъ въ сей гаерской одеждѣ, толико она перемѣняла человѣка. Былъ я имъ принятъ очень ласково; онъ, казалось, удивлялся, что по всѣмъ провіантскимъ дѣламъ отъ г-на Хорвата присланнымъ моего имени нигдѣ не было видно, не смотря на то, что я считался при немъ, за котораго пострадало не мало изъ штата его, а по сему и почиталъ меня великимъ магомъ въ грабической наукѣ. А какъ онъ набиралъ въ штатъ провіантскій людей крайне бойкихъ до вывода счетовъ воровскихъ, ибо провіантская часть оставалась при своей цѣли, чтобы себя обогащать на счетъ кзаны, то ему и нужны были доки въ семь случаевъ, и по видимому я къ тому же предназначался.—Понималъ я очень все сіе и внутренно смѣялся причитанію въ воровскую шайку такого человѣка, который не токмо государственнымъ воромъ быть не могъ, но не смѣлъ обокрасть и эскадрона ему вѣреннаго. Всякій день я бывалъ у г-на Обольянинова, котораго ласка ко мнѣ возрастала, и онъ начиналъ меня любить; я почти было рѣшился оставаться въ штатѣ провіантскомъ до времени, дабы узнать лучше обстоятельства новаго правленія, но приказаніе отца моего, дабы непременно перейти въ армію, меня въ моемъ намѣреніи останавливало.—Спустя нѣсколько времени, началъ я замѣчать, что г-на Обольянинова ласка приходила противъ меня въ остудѣніе; два случая были поводомъ къ таковой перемѣнѣ: первая, увидалъ онъ мое безграмотство въ приказныхъ крючкахъ, а второе: отецъ мой имѣлъ по Блорусскому имѣнію тяжбу о одномъ изъ тѣхъ острововъ, о которыхъ мнѣ имъ препорученность сдѣлана, съ такимъ человѣкомъ, за которымъ была сестра г-на Обольянинова; и потому, когда я ему объ-

вѣлъ мое желаніе продолжать службу въ штатѣ провіантскомъ, то онъ мнѣ на сіе: «я вамъ бы сего не совѣтовалъ, ибо ежели я васъ «опредѣлю къ мѣсту и при малѣйшемъ упущеніи, которое можетъ «послѣдовать по вашей непривычкѣ къ сему роду службы, то тогда «уже на меня не пеняйте».—Я видя его отъ меня отчужденіе и потому просилъ его подать мнѣ руку помощи о моемъ переводѣ таки въ армію. Его отвѣтъ былъ: «я не въ силахъ перемѣнять государскія «постановленія, которыя изображаютъ, чтобъ изъ штата провіантскаго «иначе никуда выпуску не быть, какъ къ статскимъ дѣламъ».—Весь сей разговоръ происходилъ въ присутствіи не малаго собранія у него на тотъ разъ бывшаго, которыя, будучи гнусныхъ душъ творенія, старались на перерывъ одобрить таковое его опредѣленіе кто ужимкой, кто улыбкой, кто шаркнувъ лишній разъ ногой, однимъ словомъ, всѣми коверканьями, какія только свойственны подлецамъ, ни одно лицо не показывало сободѣзнованія о моемъ горестномъ положеніи.—Таково было положеніе офицера, служившаго съ охотою и понесшаго не мало труда для познаній военнаго дѣла; оставалось мнѣ за все сіе христарадничать и о мѣстѣ, и слѣшать не привыкшимъ моимъ ушамъ слово: малѣйшее упущеніе! Послѣ сего отправился я на свою квартиру, гдѣ довольно имѣлъ времени раздумывать о видѣнномъ и слышанномъ мною въ тотъ день. Но при всемъ этомъ не имѣя помощи ожидать ни отъ кого, надлежало творить волю г-на Обольянинова: рука моя подписала страшное для меня прошеніе о увольненіи меня къ статскимъ дѣламъ, которое мною и подано генераль-провіантмейстеру. Такимъ образомъ одинъ изъ усердныхъ воиновъ славнаго царствованія Екатерины долженствовалъ уступить свое мѣсто какому пришлецу нѣмчину.—Молю Бога, чтобы отечество славилось толико при помощи переодѣтыхъ пруссаковъ, колико оно въ подсолнечной гремѣло отъ непобѣдимой руки законодательницы русской, которая въ душѣ всякаго честнаго Россіянина пребудетъ навѣки.—Дай Богъ, чтобы Гатчинская сволочь породила болѣе неустрашимости въ нашихъ воинахъ, нежели которою они себя прославили, но не дай Богъ чтобъ стражъ отечества имѣлъ ихъ душу и заразился бы ихъ образомъ мыслей.—Казалось бы, что долгъ Государя, какъ отца, не огорчать насъ вручившихъ ему нашу участь, которые суть его защита, которыми онъ живетъ и безъ которыхъ наивеличайшій властелинъ есть ноль.—Казалось бы, что ежели мы уже и хуже Гатчинскихъ офицеровъ, то прежде выгона нашего изъ службы должно было испытать, не способны ли мы на что нибудь, ибо въ отечествѣ всякаго рода люди потребны. Ежели властелинъ и сего не вѣдаетъ, то горе

его народу!—При такомъ разбирательствѣ не худо бы и желаніе у всякаго спросить, ибо къ сему мы были приучены великодушной нашей матерью, а то учрежденіе, которое отъ великаго дара произошло, уничтожено слабоуміемъ быть не должно. Около сего времени привезенъ былъ г-нъ Хорватъ изъ Екатеринослава въ Москву посланнымъ за нимъ нарочно офицеромъ, которому велѣно было въ его квартирѣ ожидать объясненія на его въ столицу позивѣ. Онъ говаривалъ, что не можетъ выѣзжать по причинѣ нездоровья, а всякій ясно видѣлъ, что это былъ еще довольно снисходительный для тогдашняго времени бурнаго арестъ домашній. Посѣщали его очень мало и то родные по женѣ, а впрочемъ я, которому онъ все испортилъ переводомъ въ штатъ провіантскій, находился при немъ по нѣсколькимъ часамъ всякій день. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что я старался своими разговорами прогнать его задумчивость, объявшаю душу его въ самой высшей степени.—Какая это была уничижительная и столь скоростяжная съ симъ человѣкомъ разница: не прошло тогда и года еще какъ онъ игралъ ролю вельможи; входъ къ нему защищаемъ былъ дерзостію, отказывающею зрѣть его лицо всякому тому, кто не былъ вельможа; улица около его дома заставлена была кучею каретъ. Это было прошедшее обозрѣніе его положенія, которое прошло подобной сонной мечтѣ!—Въ настоящемъ же былъ видимъ въ заточеніи, едва въ столь пространномъ городѣ зналъ кто о его въ ономъ пребываніи. Измѣривая своими шагами изъ одного угла въ другой свою комнату, съ лицомъ блѣднымъ и убитою душою находился въ невѣденіи, какая участь его постигнетъ, заслуживъ немилость Царскую. Гордость можетъ быть еще никогда столь жестоко не была наказана, и въ семъ горестномъ положеніи сотоварищемъ имѣлъ того племянника, которому за нѣсколько мѣсяцевъ до того дверь свою отказывалъ, и котораго во время своего благополучія ни единожды на мысль себѣ не привелъ, а на сей разъ съ признательностію жалѣлъ, что прежде меня не зналъ, дабы съ пользою могъ я быть употребленъ на службу отечества.

О коронаціи Павла I-го я ничего не скажу и о всѣхъ тѣхъ празднествахъ, которыми при семъ случаѣ столица тогда занималась. На всѣ сіи достопамятности я взиралъ хладнокровно и съ досадою разобиженной души. Видѣлъ себя изъ службы почти выгнана, а предъ собою все нѣмецкое гаерство.—Все сіе терзало мое сердце.—Выходя я со двора видѣлъ во всѣхъ улицахъ ученье войску, приведенному не малымъ числомъ къ коронаванію въ Москву; все сіе вводимое въ нашу службу прусское подражаніе меня тревожило, но не меньше и

въ моей квартирѣ уши мои поражались иноземскими словами: я жилъ тогда въ постояломъ домѣ одной французенки мадамъ Шеню, на Тверокой улицѣ. Самая легкая перегородка раздѣляла мою комнату съ другою, въ которой вмѣщался поручикъ Гатчинскій, бывшій нѣмецъ во всей обширности понимаемаго мною сего слова, находившійся до того конюхомъ у Гатчинскаго двора, гдѣ онъ насмотрѣлся всякаго рода маневровъ, и будучи опредѣленъ тогда въ кирасирскій Екатеринбургскій полкъ, сдѣлался тактическимъ учителемъ офицеровъ сего прекраснаго корпуса, которые будучи вагоняны на вахтъ-парадахъ Государемъ и не понимая изданнаго вновь тогда устава, который въ самой вещи былъ написанъ непонятнымъ, и потому толпами такъ сказать ежеминутно наполняли комнату конюха-офицера, изъ устъ котораго усовершенствовали себя въ своемъ ремеслѣ.—Крикъ въ спорахъ ими поднимаемый съ ихъ учителемъ и бряцаніе несоразмѣрной величины ихъ шпоръ, обременявшихъ ноги конниковъ, заглушали мои уши, и я принужденнымъ нашелся бѣжать изъ сего трактира, ибо невозможно было ни читать, ни писать.—Когда они довольно накрикивались, тогда расходились, а конюхъ-тактистъ, сидя съ нѣсколькими изъ своихъ земляковъ, за трубкой табаку и бутылкой полпива произносилъ съ обыкновенною нѣмецкою флегмою: «сіи русскіе офицеры «суть настоящіе ослы»,—въ чемъ я ему и не прекословлю, ибо ходитъ учиться у нѣмчуры Россійскому дворянству, то надобно ежели не быть настоящими ослими, то по крайней мѣрѣ не далеко отъ того отстоять.

Послѣ коронаціи, Павелъ 1-й поѣхалъ въ польскій городъ Гродну и всѣ части разныхъ правительствъ, прибывшіе въ Москву для сего случая, отправились въ Петербургъ. Г-нъ Оболяниновъ при семъ не забылъ меня, приказавъ слѣдовать туда же, гдѣ и ожидать увольненія къ статскимъ дѣламъ, но не прежде какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ; но сіе Гатчинское превосходительство не вспомнило обо мнѣ въ то время, когда по его предствательству произведены всѣ чины провіантскаго штата, бывшіе во время коронаціи въ Москвѣ, и которые своимъ бездѣйствіемъ столько же прибыли принесли коронѣ, сколько и я, но г-ну Оболянинову хотѣлось показать свое могущество у Государя. Въ сіе же время г-ну Хорвату повелѣно слѣдовать въ Петербургъ, гдѣ его дѣла преданы разбирательству Сената. Онъ пригласилъ меня съ собой ѣхать, и 2-го мая мы прибыли въ Петербургъ.—Намѣреніе мое было остановиться на особой квартирѣ, но г-нъ Хорватъ желалъ непремѣнно, дабы я жительство имѣлъ съ нимъ

вмѣстѣ, на что я уступая вѣжливости противъ воли моей согласил-ся.—Противъ воли говорю потому, что человекъ надменный никогда не могъ быть моимъ глазамъ приятенъ, а я въ г-нѣ Хорватѣ остатки сей болѣзни замѣтилъ во время нашего переѣзда изъ Москвы. Видѣлъ я, что г-нѣ Хорватъ сдѣлавъ привычку окружену быть множествомъ чиновниковъ для личной своей прислуги, и потому ежели онъ меня съ собою и пригласилъ, то это было дабы я въ дорогѣ исправлялъ всякородныя его прислуги, Но я не сдѣлавъ къ сему привычки и полагая себя взятымъ для сопутствія, и потому разлегся я съ г-мъ выключеннымъ губернаторомъ въ его дорمهѣ, не помышляя вовсе о устройствѣ его дорожныхъ хлопотъ. Г-нѣ Хорватъ, видя что я самъ въ себѣ, оставилъ меня въ покоѣ, но лицо его изображало неудовольствіе, для чего я не хотѣлъ быть его слугою.—Живучи съ нимъ, я имѣлъ довольно случаевъ разобрать его: во время его фаворитства лезть находила въ немъ всѣ достоинства государственнаго человѣка.—Я скажу, что онъ отъ сего отстоялъ такъ далеко, какъ нельзя больше: будучи человекъ весьма обыкновеннаго ума, во всю свою жизнь не читалъ ничего и не токмо не имѣлъ никакого понятія о политическомъ положеніи другихъ державъ, но и о отечествѣ своемъ судилъ какъ можетъ быть судили о Америкѣ до ея открытія.—Гордость его, во время счастья г-на Зубова, сдѣлала его неприступнымъ, почему мало было такихъ, кои бы имѣли случай его подробно растолковать.—Только есть справедливо, что глупаго вельможу не скоро можно узнать, ибо надменность его, титулы его, сателиты, охраняющіе дверь его суть преграды къ разсмотрѣнію вблизи надутую тварь. Таковой вельможа, проговоривъ сквозь зубы нѣсколько нескладныхъ словъ, по-даетъ думать принявшему у него аудіенцію, что онъ столько занятъ дѣлами, что ему и говорить недосугъ, отдавая на отгадъ остальной смыслъ того, чего самъ не понимаетъ, и отъ сего то о неприступномъ вельможѣ въ публикѣ сужденіе бываетъ двояко: одни утверждаютъ, что онъ всевѣлущъ, а другіе не говорятъ ни то, ни се.

Разсмотрѣвъ мое положеніе въ тогдашнюю минуту, оно было очень худо: былъ я безъ мѣста, безъ службы, безъ жалованья, безъ предстателей и наконецъ безъ всякой почти надежды куда нибудь впередъ быть прилѣплену. Въ разговорахъ я съ г-мъ Хорватомъ о семъ изяснялся и напоминалъ ему, что ежели не получу какого мѣста, то не вѣдалъ что съ собой начать, полагая невозможнымъ мнѣ ужиться въ деревнѣ отцовской, и что мнѣ тамъ дѣлать?—Г-нѣ Хорватъ приглашалъ меня жить съ собою въ его деревнѣ, когда его отпустятъ:

жить изъ куска хлѣба у надменнаго челоуѣка было горестное положеніе!—Но вскорѣ и сіе оказуемое мнѣ г-мъ Хорватомъ снисхожденіе обратилось ни во что, и я заслужилъ его немилость, которая наконецъ насъ раздѣлила, происшедшая отъ слѣдующаго: г-нъ Хорватъ былъ волокита. Въ одномъ съ нами домѣ вмѣщалась нѣкая княгиня Голицына, о свѣтскомъ обращеніи и наукахъ которой родители помышляли, а о душѣ и благоуравіи ни мало. Она бросила своего мужа и потомъ въ свою очередь брошенная своимъ любовникомъ, для прихотей котораго прѣмотала 3000 душъ родныхъ своихъ крестьянъ, послѣ чего переходя въ разныя руки рѣшилась жить въ Петербургѣ на содержаніи 70-лѣтняго сенатора Щербачева, котораго она до того умѣла очаровать, что сей дряхлый любовникъ открылъ свои волокитныя батареи противъ ея уже поношенныхъ прелестей; бѣлоголовый адонисъ требовалъ изъясненій, княгиня указывала на кошелекъ!—Старець оный открылъ, заплативъ ея долги, одарилъ ее многими вещами и страсть сего кощуна дошла до того безумія, что онъ утвердилъ ей получить 600 душъ послѣ его смерти. Боже, чѣмъ платится потаскушкѣ за удовольствіе охлажденнаго старца!—На счетъ г-на Щербачева скопъ молодежи собирався въ жилище княгини Голицыной, привлекаемые изряднымъ ея пѣніемъ, играніемъ на гитарѣ, фортепіанѣ и арфѣ, вкусными яствами и добрыми напитками. Такимъ образомъ ветхій любовникъ былъ съ рогами за чистую свою монету. Лѣтній садъ служилъ ей полемъ жатвы, въ которомъ она по вечерамъ уловляла молодежь въ свои сѣти, будучи изрядно и со вкусомъ одѣта, а къ тому сохранила нѣкоторыя коверканья и тѣлодвиженія, которыя только ей могли итить и которыя представляли ея рѣзвой 20-лѣтней дѣвушкой.

Съ пріѣзда нашего въ сей домъ, сіе поруганіе имени Голицыныхъ, вѣдая достатокъ г-на Хорвата, положило дѣлаться съ нимъ его кошелекомъ, и потому прислала его спросить о здоровьи и пригласить къ обѣду, не будучи ему вовсе знакома. Г-нъ Хорватъ не могъ ее удовлетворить, находясь тогда въ такомъ нездоровьи, въ которомъ принуждены бываютъ пить декохтъ и глотать пилюли. Сіе посольство было отъ меня сокрыто.—Въ одинъ вечеръ, прохаживаясь по набережной Фонтанки, на которой мы и жили, увидѣлъ я себя догоняема гурьбой женщинъ, изъ эскадрона которыхъ отдѣлилась княгиня Голицына и атаковала меня тысячью ласковостями, пригласивъ и къ себѣ; до сего я съ ней нигдѣ не встрѣчался, я видѣлъ ее издалека у окна ея жительства, но казалось, что мы вѣкъ были знакомы;

я далъ ей руку и проводилъ въ ея домъ.—Здѣсь я насмотрѣлся, до какой крайности сія женщина вѣтрена; первое ея дѣйствіе было разлечься на окнѣ, передразнивать мимо проходящихъ, повторяя слова ими говоренныя. Послѣ чего на ономъ стала ногами, съ котораго перешла на столъ, спрыгнула на стулъ, канapé и наконецъ на полъ, гдѣ приподнявши платье прыгала, коверкалась, пѣла, играла; это были тѣ ея мнимыя пріятности, которыми она старалась уловлять молодѣжь въ своя сѣти. Всякій легко посудить, что кромѣ вертопраховъ никто не захочетъ около ей стараться, развѣ только для умноженія числа скоропроходящихъ удовольствій.—Бывшія съ нею женщины наконецъ насъ оставили, а мы перешли въ ея диванную, на которомъ сія сіятельная потаскушка безъ всякихъ околнчностей отдалась въ мои объятія. На другой послѣ сего день замѣтилъ я, что г-нъ Хорватъ, который уже начиналъ выздоравливать, бѣгалъ около окошекъ внутреннихъ своихъ комнатъ, дабы увидѣть княгиню Голицыну, жившую противъ насъ, а княгиня Голицына съ своей стороны тоже дѣлала; смѣшно было видѣть сей куплетъ, метавшійся подобно бѣшенымъ. Княгиня Голицына мѣтила на кошелекъ г-на Хорвата, а его самолюбіе заставляло вѣрить, что онъ еще привлекателенъ и что она въ него влюблена.—Я всему видѣнному внутренно смѣялся; спустя нѣсколько дней г-нъ Хорватъ заступилъ мое мѣсто у потаскушки Голицыной, выхвалялъ ее предо мною, а я называлъ ее наглою, безстыдною, изъ чего вышло между нами несогласіе, умножившееся еще больше, когда онъ узналъ, что любовница его моихъ рукъ не миновала.—Я подалъ надменному собою Хорвату чувствовать, что я рожденъ не хуже никого, а между чинами веду только счетъ предъ фронтомъ, а впрочемъ я умѣю себя поддержать наравнѣ со всякимъ,—и наконецъ, дабы все сіе кончить, я оставилъ жительство волокиты-дяди и перешелъ жить на собственную квартиру, состоявшую въ домѣ генераль-поручика Турчанинова въ Садовой улицѣ, гдѣ я занялъ маленькую комнатку, которую раздѣлилъ ширмами съ своимъ слугою, оставя вовсе посѣщать г-на Хорвата. Сей случай заставилъ меня узнать, колико есть тяжело одолжаться роднымъ, а особливо роднымъ высококомѣрнымъ.—Надобно знать, что когда я сіе сдѣлалъ, то у меня не болѣе десяти рублей въ карманѣ оставалось, но недѣли двѣ спустя отецъ мой обо мнѣ вспомнилъ и прислалъ мнѣ сто рублей.

Такимъ образомъ кончилось мое житье у г-на Хорвата. Приступаю объяснить, что послѣдовало по письму моего отца, писанному графу Буксгевдену: явившись въ его домъ, я удивился не видя ни

одной кареты у воротъ, да и передняя его не была меблирована просителями. Сіе меня заставило подумать, къ г-ну Буксгевдену ли я пришелъ.—Онъ былъ въ великомъ случаѣ у Государя, а тактика вельможеская не соблюдалась; но я послѣ узналъ, что графъ былъ чело-вѣкъ, а не вельможа. Придверникъ указывалъ всякому дверь въ его кабинетъ, въ которомъ два слова: да или нѣтъ, рѣшали всякого дѣло и искатель отпускался обласканъ и съ учтивствомъ.—Просителей у него всякій день бывало много, но въ собраніи никого.—Онъ никому не говорилъ: я это сдѣлаю, — я того-то произвелъ! какъ это почти обыкновенно случается съ забывающимися вельможами. Г-нъ Буксгевденъ въ утѣшеніе просителя говорилъ: «я постараюсь—можетъ быть вы желаемое получите».—При чтеніи поданнаго мною ему письма казалось онъ весьма удивлялся тому, чего отъ него мой родитель требовалъ, и потому о его генералъ-поручиствѣ ни слова не сказалъ, а о моемъ переводѣ въ армию объявилъ, что будучи я тогда въ начальствѣ г-на Обольянинова, мимо котораго онъ не можетъ искать никакой перемѣны моему служенію, а по выходѣ моемъ къ статскимъ дѣламъ онъ постарается о помѣщеніи меня въ Павлоградскій гусарскій полкъ, въ которомъ я желалъ служить ради того, что оный расположенъ былъ въ великой Польшѣ, край, который мнѣ хотѣлось узнать получше.—И такъ пріемомъ г-на Буксгевдена я былъ весьма доволенъ и положилъ предаться терпѣнію, которымъ, благодаря Бога, я былъ слишкомъ запасливъ.

Въ Сенатѣ отыскалъ я тяжбы моего отца по Бѣлорусскому имѣнію и хожденіе по онымъ было мое препровожденіе времени по утрамъ. Секретарь Икосовъ и регистраторъ Соколовскій были двѣ особы, на коихъ отецъ мой въ семъ случаѣ полагался. Они оба почитались великими чудодѣями по дѣламъ запутаннымъ, однако при всемъ этомъ хлопоты родителя моего не шли впередъ ни на шагъ.—Они мнѣ объявили, что дѣло со всѣмъ готово, но понеже оберъ-прокуроромъ еще не доложено въ общемъ сената собраніи, и потому остается нерѣшеннымъ.—Узнавъ я жительство оберъ-прокурора Козодавлева, явился къ нему и просилъ о докладѣ сего дѣла.—Г-нъ Козодавлевъ былъ чело-вѣкъ справедливый и ласковый, сказавшій мнѣ, чтобы я ему въ сенатѣ о томъ напомнулъ.—Я сіе выполнилъ, и онъ приказалъ г-ну Икосову изготовить дѣло къ докладу.—Дѣло было давно готово, но повѣренныя моего отца гг. Икосовъ и Соколовскій, которымъ онъ худо платилъ, состояли на жалованьи у соперниковъ моего отца, которымъ они дали знать о моемъ по сему дѣлу хожденіи, во-

ображая, что я съ полною довѣренностію и деньгами сіе дѣло предпринялъ. Такимъ образомъ они обманывались и были въ страхѣ, чтобы купившіе ихъ наши соперники не проиграли и не лишились бы они своихъ доходовъ; я сіе тотчасъ понялъ и представлялся имъ тѣмъ, чѣмъ они меня полагали, и симъ поддерживалъ ихъ въ опасеніи.— Смѣшна была мнѣ сія игра, мнѣ, который ничего меньше былъ, какъ свѣдуещъ въ тяжбныхъ дѣлахъ, и которому отецъ не далъ никакой довѣренности письменной, а на словахъ приказалъ хожденіе имѣть, денегъ же я столько имѣлъ, что едва съ нуждой дневное пропитаніе могъ имѣть.

Отъ соперниковъ нашихъ явились повѣренные, которые сыплыми деньгами приостановили сіе дѣло. Я являясь почасту въ сенатъ спрашивалъ у гг. Икосова и Соколовскаго о послѣдствіи сего дѣла, которые мнѣ всегда объявляли, что оно спитъ; я полагалъ причиною сего сна сильную попойку повѣренныхъ нашихъ соперниковъ. Но возобновилъ частое хожденіе къ Козодавлеву, поставилъ опять на ноги сію тяжбу, которая по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ рѣшена въ сенатѣ тѣмъ, чтобы одинъ островъ раздѣлять по поламъ между тяжущимися, другой же, будучи въ спорѣ съ однимъ изъ сенаторовъ, и потому сіе правительство угождѣя моему сочлену болѣе, нежели моему отцу, перетянуло вѣсы на его сторону.—Полагать надобно чудомъ, что безденежный адвокатъ, каковымъ былъ я, успѣлъ хотя въ малѣ выиграть противъ могущества предстателей злата и сребра.

Съ нетерпѣливостію ожидалъ я наступленія сентября мѣсяца, въ который полагалъ видѣть перемену своему положенію; проводилъ я уже три мѣсяца на собственной своей квартирѣ, сберегая сколь возможно болѣе малыя свои деньги, но при всей сей воздержности они вышли, и я уже жилъ на счетъ честнаго слова, трактирщикъ давалъ мнѣ столъ и комнату въ долгъ. Отнестися же о своей нуждѣ родителю не посмѣлъ и потому прибѣгнулъ я къ помощи моего зятя Шевича, писалъ ему и просилъ прислать мнѣ заимообразно 300 рублей, и на оныя я столько надѣялся какъ будто бы уже ихъ въ карманѣ имѣлъ, но онъ, продержавъ меня не малое время безъ отвѣта, наконецъ увѣдомилъ, что не въ силахъ меня оными снабдить.—Сіе писалъ такой человекъ, который будучи своимъ отцемъ отдѣленъ частию имѣнія, управлялъ онымъ, получалъ доходы и имѣлъ кредитъ для занятія, который при моемъ съ нимъ свиданіи оказалъ мнѣ много ласки и который говорилъ вездѣ, что онъ моимъ другомъ хотѣлъ быть.—Послѣ я узналъ получше, какого свойства была душа сего моего род-

ственника, а узнавъ ее такъ, какъ должно было узнать, положилъ себѣ правиломъ съ нимъ никогда не встрѣчаться.

Наконецъ, чтобъ усовершенить бѣдное мое положеніе, постигли меня осенніе недуги, о которыхъ уже я упоминалъ и къ которымъ присоединились отъ мыслей родившіяся безпокойства, видя себя безъ мѣста, безъ денегъ, безъ всякой помощи. Я легъ въ постель и пролежалъ три недѣли со всѣми недостатками, какіе больной не имѣющей ни одного у себя рубля могъ только вытерпѣть.—Не было за что призвать ни лѣкаря, чтобы помочь умереть, ни попа, который бы продалъ землѣ, ежели бы послѣдовала кончина.—Это была изъ горестей горесть, съ каковою я еще въ жизни моей не встрѣчался.—Въ сіе время я получаю извѣстіе о смерти моего родителя, случившейся 19-го октября, и прислана мнѣ изъ оставшихся у него денегъ тысяча рублей.—Такимъ образомъ я остался въ запутанныхъ по своей службѣ обстоятельствахъ. Служба моя оканчивалась почти ничѣмъ, которую продолжалъ во все время безъ опоры и оставленъ въ пространной Россіи, не зная никого, который бы слылъ другомъ моему отцу и подъ покровительство котораго я бы могъ въ случаѣ своей нужды прибѣгнуть.

Странно въ семъ случаѣ то, что судьба опредѣлила мнѣ извѣщену быть о смерти моего отца въ томъ же домѣ, въ которомъ, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, я узналъ и о смерти моей матери письмомъ мнѣ, отъ моего родителя доставленнымъ въ квартиру г-на Хорвата, къ которому, какъ я говорилъ, я ѣзжалъ изъ училища, занимавшій тогда двѣ бѣдныя комнаты въ домѣ г-на Турчанинова, въ Садовой улицѣ.

Наконецъ приказомъ Государевымъ отъ 20-го ноября послѣдовало мое увольненіе изъ штата провіантскаго къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ меня коллежскимъ ассесоромъ, и велѣно меня причислить къ герольдіи, отъ которой я долженствовалъ ожидать опредѣленія къ мѣсту. Я вѣдалъ, что при герольдіи считались тысячи разныхъ чиновниковъ, и потому никогда не располагалъ искать мѣста, къ которому я и охоты не имѣлъ, а мнѣ желательно было получить паспортъ, слѣдовать какъ можно скорѣе въ свое имѣніе, дабы въ ономъ обзрѣть все и не сдѣлалось бы въ мое отсутствіе какого упущенія, въ которомъ бы я не обрѣлъ для себя такового же счастья, какъ и на воинскомъ поприщѣ.—Все сіе побуждало меня оставить скорѣе Петербургъ, но слабость разстроеннаго здоровья не позволяла

привести въ дѣйство предположеннаго, а между тѣмъ судьба сію преграду положила можетъ быть и ради того, чтобы со мною сбылось то, что въ послѣдствіи сего сочиненія уарится. Какъ скоро я получилъ нѣкоторое облегченіе отъ своей болѣзни, то первый мой выходъ былъ въ провіантскую экспедицію, гдѣ желалъ узнать, что мнѣ дѣлать съ двумя моими деньщиками, данными мнѣ изъ Нарвскаго полка и оставшимися при моемъ экипажѣ въ деревнѣ моего отца, и о которыхъ я для того ничего прежде не говорилъ, что надѣялся быть опредѣлену опять въ воинскую службу и ихъ при себѣ удержать.—Въ упомянутой экспедиціи мнѣ объявлено, что какъ я оной прежде о семъ не доносилъ, то чтобы самъ искалъ съ оными развязаться какъ за благо изобрѣту, а что экспедиціи неизвѣстно откуда они ко мнѣ поступили.—При семъ я позадумался; надобно знать, что Павелъ I-й за таковыхъ деньщиковъ, въ деревняхъ держанныхъ, не токмо что взыскивалъ по два рекрута за одного человѣка, но лишалъ чиновъ, сажалъ въ крѣпость и другія дусеры, какія приходили въ голову ему творить надъ своими подданными.—Не оставалось мнѣ ничего дѣлать другаго, какъ имѣть хожденіе по сему дѣлу по военной коллегіи, что я и началъ такимъ образомъ: указали мнѣ для такого дѣла повытчика Кудрявцева, котораго перо выводило разныя путаницы и представляло ихъ всегда съ хорошей стороны.—При приглашеніи сего доки къ себѣ, тѣмъ я началъ, что вручилъ ему десять рублей для заплаты извозчику, который его ко мнѣ доставилъ.—Когда я его увидѣлъ въ своей квартирѣ, то выставилъ ему изобильный пуншъ, который онъ сначала пилъ обыкновенной чашкой, а потомъ изъ полоскательной, и обременивъ гораздо свою голову, требовалъ дабы я ему рассказалъ существо своего дѣла, что я и началъ было; но когда увидѣлъ, что онъ не былъ въ силахъ меня понимать, то я прекратилъ свой разговоръ даже съ нѣкоторою досадою, что былъ почти одураченъ пьяницей.—Прошло нѣсколько минутъ въ тихомъ молчаніи, какъ мой юристъ съ немалымъ огорченіемъ началъ мнѣ выговаривать, ради чего я прекратилъ изъяснять мое дѣло и не думаю ли я, къ его обидѣ, что онъ пьянъ отъ моего пунша, что ежели онъ будетъ и цѣлый день пить, то разсудка его столько достанетъ, чтобы мое дѣло выразумѣть и сказавъ сіе хотѣлъ было итти; я не зналъ какъ его убавить, но наконецъ умолилъ, и онъ остался продолжать пить, а я досказавъ ему все свое дѣло видѣлъ, что онъ не въ силахъ и шагу сдѣлать изъ моей квартирѣ, и потому нанялъ извозчика и положи въ сани сего доку отправилъ на Петербургскую сторону, гдѣ онъ жилъ, а я остался почти увѣреннымъ, что онъ меня не понялъ, подчиванъ былъ

напрасно и можетъ дѣло еще больше испортить нежели исправить.— Однакожъ на другой день пошелъ я въ военную коллегію освѣдомиться о моемъ пьяницѣ: засталъ я его на своемъ мѣстѣ пишущаго и иногда на меня поглядывая; я при семъ ободрился и полагалъ, что онъ мое дѣло обрабатывалъ.— По прошествіи болѣе часа онъ оставилъ писаніе, вышелъ въ другую комнату, сдѣлавъ знакъ чтобы я за нимъ послѣдовалъ; тутъ онъ вручилъ мнѣ совсѣмъ еще до моего прихода изготовленную просьбу по моему дѣлу, которую мнѣ отдаючи сказалъ: «посмотрите, не пропущено ли что, и когда все изъяснено «по вашему желанію, то пойдите въ Артиллерійскую экспедицію и тамъ «отдайте переписать на бѣло, дабы и рука писаря не была изъ того «мѣста, въ которомъ я засѣдаю».—Я прочитавъ нашель, что сочинить толковитѣе и не пьяному не можно бы было и потому пошелъ въ Артиллерійскую экспедицію, гдѣ подошедъ къ одному писарю дремлющему надъ бумагой, на которой написано было: «По У»—я его просилъ переписать мою просьбу; онъ, не отвѣчая ничего, положилъ руку на бумагу и прибавилъ къ написаннымъ словамъ: «казу».— Изъ сихъ первыхъ словъ я увидѣлъ, что онъ размышлялъ или бредилъ во снѣ о написаніи указа, однакожъ я ему повторилъ мою просьбу, и получилъ наконецъ отвѣтъ, что ему недосугъ.—Но я уже имѣлъ серебряный рубль въ моей шляпѣ, на который ему пальцемъ указалъ, онъ лишь оный замѣтилъ то схватилъ въ руку, а самъ вспрыгнувъ на ноги предложилъ мнѣ свои услуги.—Я думалъ, что онъ отъ радости бросится къ моимъ ногамъ, толико дешева сія тварь!—Переписавъ мою просьбу, оную отдалъ г-ну Кудрявцеву, который уже стряпалъ, что просьба принята заднимъ числомъ и недѣль черезъ пять, указъ послѣдовалъ, дабы мои деньщики причислены были въ полкъ, расположенный по близости моего имѣнія; все сіе стоило мнѣ около семидесяти рублей, и я толикою малостію избавился отъ великихъ хлопотъ.—Замѣчательно сужденіе г-на Кудрявцева, когда дѣло кончилось въ мою пользу: «чему вы удивляетесь (говорилъ онъ мнѣ), надобно «взять терпѣніе; Государя мы имѣемъ новаго и всѣ окружающіе его «перемѣнились; мы едва узнать успѣли одну большую дорогу, по «которой до желаемаго достигаемъ, а нужно еще знать тропинки око- «личныя и тогда все будетъ по прежнему!»

Пока сіе въ военной коллегіи дѣло мое стряпалось, я всякое утро оную посѣщалъ и всякій день имѣлъ воображеніе, преисполненное тѣмъ что изъ оной буду увезенъ въ заточеніе, хотя и не за умысленную утайку сихъ деньщиковъ, какъ скоро примутся разобрать

порядочно мною поданную бумагу, но г-нъ Кудрявцевъ меня ободралъ тѣмъ, что путаница страшная въ коллегіи тогда творилась и потому никому въ голову сіе не прійдетъ.—Освобождаясь сего мытарства, я посѣщалъ своихъ знакомыхъ, а при томъ изготовлялся къ отъѣзду, какъ скоро кончу дѣло о деньщикахъ.—Въ сей промежутокъ судьба изготовляла мнѣ перемѣну жизни, и вотъ какъ это случилось: надворный совѣтникъ Федоръ Платоновичъ Юришичъ былъ мнѣ давно знакомъ, не скажу чтобы коротко, а потому только что онъ былъ Сербинъ; въ сіе время находился онъ при иностранной коллегіи.—Въ одинъ день идучи я поутру въ военную коллегію, повстрѣчался съ нимъ на лѣстницѣ моей квартиры, въ которомъ домѣ онъ искалъ одного изъ своихъ знакомыхъ. Я его пригласилъ въ свою комнату и послалъ своего слугу спросить, не живетъ ли въ ономъ искомый г-мъ Юришичемъ.—Слуга возвратившись сказалъ, что онъ занималъ комнату въ верхнемъ жильѣ; и такъ г-нъ Юришичъ побесѣдовалъ еще нѣсколько минутъ со мною, пошелъ къ своему знакомцу, пригласилъ меня посѣтить его въ его квартирѣ.—Спустя нѣсколько времени, я сіе посѣщеніе сдѣлалъ и будучи имъ много обласканъ, заходилъ къ нему еще послѣ того нѣсколько разъ.—Въ одинъ день онъ просилъ меня къ обѣду къ своему зятю надворному совѣтнику Митендорфу, у котораго и онъ самъ всегда столъ имѣлъ, будучи вдовъ и имѣя только и дѣтей, что одну дочь за означеннымъ г-нъ Митендорфомъ, и потому не заводился никакимъ хозяйствомъ у себя.—Я, будучи на тотъ разъ занятъ въ другомъ мѣстѣ дѣломъ, не могъ его желанья выполнить, а далъ мое обѣщаніе на другой разъ.—Былъ тогда въ Петербургѣ нѣкто сербинъ Монастирліи мнѣ родня, выѣхавшій изъ Цесаріи въ Россію и искавшій тогда въ Петербургѣ себѣ мѣста; онъ часто у меня, а я у него бывалъ, и будучи съ давнихъ лѣтъ еще въ Цесаріи знакомъ съ г-мъ Юришичемъ и потому былъ вхожъ и въ домъ г-на Митендорфа; въ одинъ день зашелъ у насъ разговоръ о семъ домѣ, и потому онъ обѣщалъ со мною туда съѣздить и познакомиться, прихваливая при томъ любезность нашей землячки г-жи Митендорфъ.—Опредѣливъ я къ сему день, пріѣхалъ къ г-ну Монастирлію и просилъ его ѣхать со мною вмѣстѣ обѣдать къ г-ну Митендорфу, на что онъ согласившись представилъ меня ему и его женѣ. Г-нъ Юришичъ къ обѣду также пріѣхалъ и тотъ день прошелъ съ не малымъ удовольствіемъ.—Замѣчу, что сіе посѣщеніе произошло 22-го декабря 1797 года, и съ сего дня настаетъ эпоха, перемѣняющая мое бытіе изъ холостаго въ женатаго человѣка. Замѣчу и то, что я съ нѣкоторымъ предчувствіемъ ѣхалъ на сіе свиданіе и что ночь

предъ тѣмъ днемъ проводилъ въ бессонницѣ и нѣкое страшное движеніе дѣлалось въ моей душѣ.—Возвратившись въ свою квартиру, предался я размышленію: г-жа Митендорфъ тронула мое сердце; я находилъ въ ней кромѣ ласковости въ обращеніи и пріятности лица, соединеннаго съ молодостью, еще тѣ качества, которыя составляютъ добрую жену и я, который довольно пошатался между людьми, видѣлъ много супружествъ, въ первый разъ въ жизни моей позавидовалъ г-ну Митендорфу въ выборѣ себѣ друга.—Послѣ сего посѣщалъ я еще нѣсколько разъ ихъ домъ и замѣтилъ, что г-жѣ Митендорфъ пріятно было меня видѣть возлѣ себя; въ разговорахъ, которые мы имѣли между собой, добродушіе ея обнаруживалось во всемъ своемъ блескѣ, я ясно видѣлъ, что такового свойства жена могла бы составить мое счастье, но какимъ образомъ пріобрѣсть добро, которымъ владѣлъ г-нъ Митендорфъ на законѣ основанномъ,—это была задача не рѣшимая.

Г Л А В А VI.

Моя женитьба.—Я оставляю Петербургъ.—Завѣжаю въ Вѣдурусское мое имѣніе.—Пріѣздъ мой въ деревню Сялвую.—Положеніе моихъ домашнихъ дѣлъ. 1798 годъ.

Частыя мои посѣщенія г-жи Митендорфъ познакомили меня съ нею совершенно; я замѣтилъ ея холодность къ мужу и его къ ней горячность, видѣлъ нѣкоторое неудовольствіе во всѣхъ ихъ поступкахъ, которыя мужъ старался всегда заглаживать своею услужливостію, своею ласкою.—Сіе открытіе сложило мнѣ мысль имѣть г-жу Митендорфъ своею любовницею, но вдругъ сія мысль казалась мнѣ странною и обидною для такой женщины, которую я полагалъ достойной быть моею супругой.—Таковое правило покажется чуднымъ въ чловѣкѣ, который безъ зазрѣнія совѣсти пуцался въ объятія тѣхъ женъ, которыхъ мужья его одолжали (здѣсь надобно вспомнить г-на Буткевича, меня одолжившаго деньгами), которыхъ мужья его другомъ почитали (а здѣсь г-на Гана, почитавшаго меня своимъ другомъ).—Надобно и те сказать, что г-жа Митендорфъ, при всей оказуемой мнѣ ласкѣ, умѣла меня держать въ границахъ почтительности къ ней. Долго я, который съ другими въ такихъ обстоятельствахъ женщинами бывалъ рѣшителенъ, оставался на сей разъ не смѣлымъ, не ловкимъ, казалось не кстати ей говорить о любви и не время еще. Короче сказать: я игралъ ролю трусливаго любовника.—Толико есть

справедливо, что женщина доброго поведения самому дерзкому мужчине предписывать законы.

Въ одинъ день я былъ приглашенъ къ обѣду къ г-ну Янковичу, статскому совѣтнику и директору комиссіи народныхъ училищъ. Онъ родомъ сербинъ, имѣлъ пріятельскую связь съ моимъ отцомъ, меня любилъ, а г-ну Юришичу былъ другомъ, съ которымъ въ Цесаріи учился вмѣстѣ и росли вмѣстѣ. Здѣсь я нашелъ еще нѣсколько его знакомыхъ, въ томъ числѣ г-на Юришича, его дочь и зятя. Я по своему обыкновенію подѣлалъ къ моей землячкѣ, говорилъ съ ней много на счетъ одной книги, которую я ей далъ предъ тѣмъ для прочтенія. Послѣ обѣда г-нъ Митендорфъ уѣхалъ, имѣя дѣло въ другомъ мѣстѣ, и почти всѣ гости удалились, а остался только г-нъ Юришичъ съ дочерью, и составилъ вискъ онъ, да еще одинъ старикъ г-нъ Янковичъ и его жена, и какъ всѣ сіи старики любили спорить по картамъ, хотя и играли безъ денегъ, то сіе ихъ занятіе подало случай мнѣ гораздо поговорить съ г-жею Митендорфъ. Мы въ это время сидѣли въ амбразурѣ одного окна. Здѣсь я осмѣлился ей сказать много лестнаго на счетъ ея пріятностей и наконецъ выговорилъ, что ее люблю. Она благодарила за хорошее мнѣніе, которое я объ ней имѣлъ, но о любви промолчала. Послѣ мы встали съ своего мѣста и начали ходить по комнатѣ, и сію ходьбу продолжали и по той, въ которой играли, и въ другой возлѣ оной. Въ первой я съ нею говорилъ вслухъ о постороннихъ вещахъ, а во второй напоминалъ ей сколько я ее люблю. Наконецъ возвратившійся г-нъ Митендорфъ прервалъ нашу прогулку и, кончившись игра, начали помышлять о разъѣздѣ. Въ каретѣ г-на Юришича было четвертое мѣсто, г-жа Митендорфъ напомнула объ ономъ своему отцу и пригласила меня оное занять, а г-нъ Юришичъ сказалъ, что мы ѣдучи почти по одной дорогѣ, и потому пріятно имъ будетъ меня завезти на мою квартиру. На сей разъ симъ и кончилось мое объясненіе съ г-жею Митендорфъ, и я только и добился, что она мнѣ показала тотъ узелокъ, который я за недѣлю предъ тѣмъ завязалъ на ленточкѣ ея платья въ память обѣщанію, которое она мнѣ сдѣлала захватить къ вечеру къ г-ну Янковичу, гдѣ я находился. «Вы видите, сказала она, что то обѣщаніе тогда же исполнено, но узелокъ вашими руками завязанный я навсегда сохранию».—Сіи слова меня и ободрили, и подавали нѣкую надежду проложить дорогу къ сердцу сей милой женщины. Я своимъ тѣмъ днемъ былъ очень доволенъ.

Нѣсколько дней спустя я къ ней пришелъ, засталъ ее одну.

Говорилъ ей о своей любви; она отвѣчала, что почитаетъ меня и что ей пріятно меня видѣть у себя, но чтобъ я болѣе ни о чемъ не помышлялъ, что она вѣдаетъ долгъ супружескій и на шагъ отъ пути честнаго не отступить и что всѣ мои усилія будутъ напрасны.—Я принявъ это за отказъ, оказалъ ей мое неудовольствіе и оставилъ ее. Это было всегдашнее мое правило: холодностію воспалить женщину и возбудить ея самолюбіе, которымъ путемъ я почти всегда достигалъ до желаемаго.—Два дня я терпѣлъ отъ сей притворной моей холодности и два дня и она выдержала, но на третій яко женщины твердость ей измѣнила. Въ вечеру увидѣлъ я отъ ней присланнаго, который принесъ мнѣ словесную ея просьбу, чтобъ я у ней побывалъ. Я тотчасъ въ ея домъ полетѣлъ, засталъ ее одну сидящу на софѣ, подъ головой подушка, на колѣнахъ моя книга, одной рукою голову поддерживала и казалось въ задумчивости отъ прочтеннаго-ли ею въ книгѣ, или отъ того, что страсть начинала беспокоить ея сердце. Я вхожу. Она сказала: «я не думала имѣть сего удовольствія; вы кажетесь очень сердиты... Увѣряете меня въ вашей любви, а третій день «не хотите меня посѣтить; это прямо безчеловѣчно». Я вмѣсто отвѣта, приблизившись къ ней, поцѣловалъ ее. Она сказала: «въ одномъ «проступкѣ не объяснились, а другую вину дѣлаете; кто вамъ далъ «на это право»?—Та любовь, отвѣчалъ я, которою моя душа къ вамъ преисполнена и вы въ сей день должны рѣшить мою судьбу, или сказать мнѣ, любимъ-ли я вами, или я оставляю Петербургъ и васъ навѣки.—Шляпа была въ рукахъ, и я дѣлалъ движеніе столь страховитое, что она могла думать, что я точно рѣшился уйтись, но въ душѣ моей я желалъ быть ею остановленъ. Но ежели бы она изъявила упрямость, то точно бы я уже у ней не былъ и уѣхалъ бы изъ Петербурга.—Она взяла мою руку, принудила меня возлѣ себя сѣсть, и я схватилъ нѣсколько поцѣлуевъ, за которые она уже ничего не говорила, а только просила, чтобъ я не сердился, что ей надобно здраво разсудить о всемъ мною предлагаемомъ, что впрочемъ я ей не.... не противенъ. Я радъ былъ поймать это признаніе, вѣдая, что отъ непротивнаго одинъ только шагъ до слова: «я тебя люблю».—Хорошо, думалъ я, не все вдругъ. Посидѣвъ у ней съ часъ, находилъ свою пользу и въ томъ, чтобы не долѣе пробыть съ нею, дабы ее заставить желать меня, а не пресыщаться моимъ присутствіемъ, а при томъ боялся чтобъ ея мужъ меня не засталъ въ такомъ близкомъ положеніи, который въ это время весьма хладнокровно можетъ быть считалъ висковые леве. Она меня просила, чтобъ я по крайней мѣрѣ, оставила ее такъ скоро, завтра пріѣхалъ къ обѣднѣ въ церковь

Кабинета, куда она всякое Воскресенье ѣздитъ. Эта церковь была на половинѣ пути между ея и моимъ жилищемъ. Она тогда жила на Фонтаннѣхъ возлѣ Семеновскаго моста, а я при началѣ Садовой улицы отъ Фонтанки же. Я навѣрно положилъ ея волю выполнить, но ей не далъ слова, а сказалъ, что ежели что не воспрепятствуетъ, то можетъ быть и буду, и взявъ уже съ ея согласія много поцѣлуетъ, скрылся изъ дома, оставивъ оныя засохнуть на ея губахъ.

На другой день въ церковь Кабинета я явился; г-жа Митендорфъ, сколько набожно ни стояла предъ алтаремъ, но часто къ дверямъ поглядывала, наконецъ увидѣла своего земляка и на лицѣ ея удовольствіе изобразилось.—По окончаніи обѣдни она меня пригласила въ свою карету, чтобъ ѣхать къ ней обѣдать. Съ нею была еще одной обѣдной мѣщанки дочь, дѣвочка-лѣтъ 10-ти, прекрасная собою, которую она у себя содержала и учила сама ее читать по французски. Надобно было видѣть удивленіе этой малютки, когда мы въ каретѣ забывшись не щадили другъ другу поцѣлуетъ. Я по ея лицу могъ догадаться, что ей не случалось видѣть свою благодѣтельницу въ такомъ положеніи. Она то улыбалась, то глядѣла на насъ, то изъ кареты. Съ сего времени, когда я приходилъ къ г-жѣ Митендорфъ, то она всегда спѣшила ее возвѣстить о приходѣ черноброваго, такъ сія малютка меня называла.—Въ домѣ, по возвращеніи нашемъ отъ обѣдни, мы никого не застали и потому имѣли довольно времени проводить въ самомъ пріятномъ удовольствіи для любящихся сердецъ. Г-нъ Митендорфъ былъ человекъ, привязанный крѣпко къ дворскому этикету. Онъ принадлежалъ тогда къ дипломатическому корпусу, былъ за два года до того употребленъ при посольствѣ въ Стокгольмѣ. Не быть всякій праздникъ съ поздравленіемъ ему знакомыхъ вельможъ и не простоять нѣсколько часовъ во дворцѣ, это былъ бы незагладимый грѣхъ, и я внутренно его благодарилъ за толикую аккуратность. Наконецъ появился г-нъ Митендорфъ и г-нъ Юришичъ, и застали меня съ г-жею Митендорфъ весьма серьезно занимающихся игрою въ шашки. Г-нъ Митендорфъ взялся также со мною поиграть и, четыре игры сряду проигравъ, сказалъ: «видно мнѣ ненадобно съ вами никогда «связываться; я противъ васъ всегда проиграю». Улыбка его супруги и взглядъ на меня дали мнѣ вразумѣть, что она подтвердить готова его мнѣніе. Въ сей промежутокъ пріѣхало къ намъ нѣсколько гостей, которые и во весь день пробыли и я время очень пріятно проводилъ.

На другой послѣ этого день я пріѣхалъ къ г-жѣ Митендорфъ и безъ дальнихъ околичностей объяснилъ ей, что я не довольствуюсь

одними увѣреніями ея ко мнѣ любви, что мнѣ нужны сильнѣйшія доказательства, что да или нѣтъ, рѣшить посѣщать-ли ее или оставить. Она, видя только наглый приступъ, а при этомъ моя ей оказуемая ласки, поцѣлуи, страхъ, чтобъ я не уѣхалъ, не знала ни что говорить, ни что дѣлать. Я чтобъ больше ее убѣдить сказалъ: «вижу ваше несогласіе, вижу что вы, заведя меня въ свои сѣти, хотите мною играть. Я долго обмануть быть не могу, оставлю васъ, но въ знакъ нашей дружеской связи прошу васъ подарите меня вашими волосами.» Она, схвативъ часть оныхъ, сказала: «даю вамъ волю отрѣжьте сколько угодно!»—По этому, отвѣчалъ я, это будетъ мое приобрѣтеніе, а не даръ воли вашей.—«Нѣтъ, нѣтъ! продолжала она, я сама отрѣжу. Вотъ они».—Получивъ ихъ, я сказалъ: «вы знаете, съ какими мыслями я ихъ просилъ, чтобъ оставивъ васъ они служили мнѣ памятникомъ нашей дружбы, стало-быть вы, мнѣ ихъ отдавая, хотя не говорите, но соглашаетесь на мой отъѣздъ».—«Боже сохрани, отвѣчала она, ежели вы уѣдете, я за вами послѣдую, дѣтей не имѣю, мой мужъ не есть мнѣ мужъ».—Я понимаю, отвѣчалъ я, что вы имъ не довольны и.... «Все не то, все не то, прервала она мою рѣчь, вы можете быть съ трудомъ повѣрите, но ежели бы я могла васъ увѣрить, то можете быть вы бы мою къ вамъ страсть сочли слабостью, но не тою, которая ведетъ на путь тотъ, гдѣ дож-но лишиться чести. Я крѣпко въ васъ обманулась, вашъ наружный смиренный видъ, который вы являете предъ женщиной въ первый разъ, меня обольстил и обманулъ, но теперь я вижу, что вы въ своихъ замыслахъ изъ смиреннаго вдругъ превращаетесь въ предпримчиваго. Это открытіе однакожь не умалетъ ни моей довѣренности къ вамъ, ни любви. Я васъ люблю и все сдѣлаю для васъ; столько въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ежели вы во мнѣ найдете не то, съ чѣмъ меня полагаете, тогда нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобъ человекъ такихъ честныхъ правилъ не поступилъ со мною великодушно. Впрочемъ, потерпите, дайте мнѣ время обдумать то, на что, я пуцаюсь. Вы желаете имѣть со мною свиданіе на одинъ, скажу вамъ разъ навсегда, что въ домъ моемъ нѣтъ никакой на то возможности. Прошу васъ обождите, дайте времени все устроить, я ваша. Не уѣзжайте, не оставляйте меня».—Въ это время пріѣзжаетъ ея одна пріятельница, застаетъ насъ хотя и не близко одинъ къ другому сидящихъ, но видитъ г-жу Митендорфъ растрогану, держущую платокъ предъ глазами, меня также сконфужена. Она на насъ смотрѣла глазами, преисполненными удивленія, не знала что начать. По виду нашему мы походили на такихъ любовниковъ, которые пре-

дались послѣдней слабости, но мы были одержимы совсѣмъ другими чувствами. Я видя это вышелъ въ другую комнату, потомъ опять вошелъ къ нимъ и видя, что мое присутствіе болѣе заставляетъ ихъ молчать, и потому оставилъ ихъ и пріѣхалъ на мою квартиру. Здѣсь я предался разнымъ размышленіямъ на счетъ всего мною слышаннаго отъ г-жи Митендорфъ, но всего чуднѣе то, что съ сей минуты я взялъ себѣ въ голову на ней жениться и развестъ ее съ ея мужемъ, Чудная мысль! и еще чуднѣе обстоятельства произвели все это въ дѣйство.—Въ первое затѣмъ свиданіе, что я имѣлъ съ г-жею Митендорфъ, она меня увѣрила, что она хотя и три года за мужемъ, но о сю пору дѣвицей, что мужъ ея просилъ о семъ молчать, общая долгъ свой выполнить. Чудно въ семъ случаѣ то, что она будучи въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ осталась о сю пору таковою, а это еще чуднѣе живучд въ городѣ, гдѣ нравы испорчены и ежедневно простирается далѣе и далѣе распутство. Она вѣрдя себя мнѣ просила, чтобъ я пощадилъ ея невинность, впрочемъ она столько меня любить, что отдается совершенно мнѣ, не желая мнѣ досадить даже и тѣмъ, что ей можетъ быть жизни будетъ стоить. Это положеніе меня тронуло, я не могъ долѣе съ нею оставаться, во всемъ мнѣ было чудное волненіе, мнѣ надлежало удалиться на мою квартиру и подумать о столь необыкновенномъ приключеніи. Г-жа Митендорфъ меня отъ себя долго не пушала думая, что я ее оставляю отъ неудовольствій, но наконецъ я вырвался изъ ея объятій. Я нѣсколько часовъ размѣрлялъ своими шагами мою комнату, и все предпріятіе останавливалось на томъ, чтобъ жениться на г-жѣ Митендорфъ: разводъ долженствовалъ послѣдовать неминуемо, какъ скоро духовенство узнаетъ несостояніе г-на Митендорфа къ брачному союзу; о честности съ ея стороны и соблюденія вѣрности мнѣ никакому сомнѣнію подвержено не могло быть, видя ея вѣрность такому мужу, который ей мужемъ не былъ. И такъ я положилъ ей дать совѣтъ, чтобъ она объявила свое состояніе своему отцу, который долженствовалъ стараться о разводѣ, послѣ чего я общалъ на ней жениться.—При первомъ моемъ съ нею свиданіи, я ее на это настроилъ, а на другой день пришедъ къ вечеру къ ней, застаю ее одну, сидящую въ гостиной, а въ другой комнатѣ отецъ ея изъяснялся съ своимъ зятемъ на счетъ положенія своей дочери. Она меня увѣдомила, что все своему отцу объявила. Должно себѣ представить, въ какомъ мы всѣ положеніи находились. Спорящіеся выйдя наконецъ къ намъ молчали и мы молчали,—и помолчавъ такимъ образомъ съ часъ разошлись, то-есть я и г-нъ Юришичъ на свои квартиры, а оупруги остались дома. На другой день г-жа Митендорфъ меня увѣ-

домшла, что она оставила г-на Митендорфа, ибо отецъ ее взялъ на жительство къ себѣ; я къ ней не замедлилъ прійти, гдѣ узналъ, что ея отецъ отправился подать просьбу о разводѣ въ духовную консисторію.—Все сіе производилось съ таковою скоростію, что консисторія, взявъ въ разсужденіе столь необычайное дѣло, призвала г-на Митендорфа предъ свое судилище, гдѣ онъ сознался не въ состояніи быть съяругомъ. Г-жу Митендорфъ велѣно позивальной бабѣ освидѣтельствовать и найдя ея показаніе справедливымъ, выдали ей бумагу, которою прежній бракъ уничтожился, а позволялось вступить въ другой.—Все сіе такъ окончивъ, отецъ для ней нанялъ другую квартиру, и < > января я сочетался съ нею бракомъ въ церкви Николая Моронаго, въ присутствіи многихъ моихъ сотоварищей по службѣ, которые тогда съѣхались въ числѣ тѣхъ штабъ-офицеровъ, которые призваны были Государемъ для уравнианія экзерциціи конной въ арміи. Въноцъ державъ былъ надо мной моимъ родственникомъ Николаемъ Ивановичемъ Депрерадовичемъ, а надъ моею женою Петромъ Акинфіевичемъ Тутолминымъ, моимъ другомъ и сотоварищемъ въ Астраханскомъ драгунскомъ полку. Я переѣхалъ жить на квартиру моей жены, куда отъ вахтпарада всѣ мои сотоварищи меня посѣщали всякій день.

Проживъ еще недѣли съ двѣ въ Петербургѣ, мы омыи оставили, направивъ свой путь въ Бѣлорусское мое имѣніе. Съ Петербургомъ я не могъ распрощаться, чтобъ не случилось мнѣ какого неудовольствія. Г-нъ Буткевичъ, дѣлавшій мнѣ добро въ полку помощью денегъ въ займы, кончилъ худымъ противъ меня поступкомъ, того же ради, что я свелъ знакомство съ его женою, или для того, что я къ нему не явился, ибо онъ на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ въ самое то время, когда я свелъ знакомство съ моею женою, и стало быть мнѣ нѣкогда было выправляться, кто въ Петербургъ вновь пріѣзжалъ изъ моихъ знакомыхъ. Я тогда больше всего бывалъ у моей невѣсты. И такъ повидимому за которую нибудь изъ сихъ двухъ причинъ г-нъ Буткевичъ на меня вознегодовалъ и перевелъ двѣ росписки, мною ему данныя въ должныхъ ему деньгахъ, на имя своего вятя статскаго совѣтника Александра Ивановича Татищева, который, не объяснившись о семъ предметѣ со мною, тѣмъ началъ, что оповѣстилъ о семъ долгѣ полицію, дабы я изъ города не былъ выпущенъ. Тогда введенная Павломъ I-мъ аккуратность требовала, дабы никто не выѣзжалъ изъ столицы не взявъ отъ частнаго пристава той части, въ которой онъ квартировалъ; свидѣтельства о немѣнніи на нежъ долговъ, и въ такомъ случаѣ только получалъ позволеніе выѣхать изъ

города. Я послалъ слугу къ приставу. Сей отвѣчалъ, что я не могу получить свидѣтельства, пока не удовлетворю г-на Татищева. Меня это удивило. Я пошелъ самъ къ приставу и сказалъ, что тотъ, кому онъ полагаетъ меня должникомъ, я его не токмо не знаю, но отъ роду не видывалъ. Онъ мнѣ показалъ его бумагу, въ которой я точно удостовѣрился, что я ему 2000 рублей долженъ, но все не знаю его. Спросилъ гдѣ онъ живетъ и поѣхалъ къ нему. Первое, что въ передней увидѣлъ двухъ слугъ г-жи Буткевичевой, которыхъ я спросилъ: развѣ ихъ госпожа здѣсь живетъ и что я думалъ быть у г-на Татищева. Они отвѣчали, что я точно у него, который, будучи женатъ на дочери г-на Буткевича отъ перваго брака, а какъ они принадлежали его матери, то по сему и находятся теперь въ услуженіи дочери. И такъ я едва тутъ понялъ развязку моего долга. Вхожу къ г-ну Татищеву, которому оказываю о себѣ и о его поступкѣ; онъ извиняется, что не зналъ гдѣ я живу, но между тѣмъ общалъ мнѣ оторочить на три мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобъ я мои росписки, выданныя его тестю, превратилъ въ вексель. Эта предосторожность повидимому имъ дѣлалась для того, чтобъ послѣ можно было меня по оному прижать, полагая меня обманщикомъ ежели я несостоятельнымъ явлюсь въ платежѣ. Я его волю выполнилъ и взявъ мои росписки обратно, растаялся съ симъ недовѣрчивымъ человекомъ. Въ это время его жена сидѣла съ нѣсколькими дамами въ другой комнатѣ, видѣла меня, но показала видъ незнакомой женщины. Она всегда на меня косо глядѣла за то, что я ея мачихѣ нравиться и угождать старался, которую она не любила и однакожъ безвинно, ибо она была для нея рѣдная мачиха.

Сколько въ сію дорогу я принималъ безпокойства и сколько ихъ перенесла моя жена, не будучи къ тому привычна, это изобразить нельзя. Я нанялъ извозчиковъ и думалъ въ 12-ть дней быть въ своихъ деревняхъ, но доѣхавъ до города Великихъ-Луцъ, снѣгъ началъ таять и представилась вся неудобность весенней дороги, а потомъ въѣхавъ въ Бѣлоруссію повстрѣчались опять съ снѣгомъ; отъ растаявшаго снѣга кое гдѣ была вода, которую не скрѣпилъ морозъ, и мы ѣхали снѣгомъ и водою, тутъ должноствовало карету опять на сани ставить; лошади отъ испорченнѣйшей дороги были замучены и едва насъ тащили; случались дни, въ которые не болѣе 7-ми верстъ уѣзжали, а притомъ ночлеги въ преневыгодныхъ жидовскихъ корчмахъ. Карета часто останавливаема была посреди ложицъ, наполненныхъ водою, лошади не могли ее вытаскивать. Надлежало вытѣпить

изъ оной, имѣя часто воды до колѣна, потомъ надобно было помы-
лать по деревнямъ искать людей за добрую плату, чтобъ помогли вы-
тащить карету; деревни сии разсѣяны по лѣсамъ, пока и эта помощь
приходила, наступала ночь, а вытаскивъ карету и отѣхавъ нѣсколько
саженъ, въ другой лужѣ она погружалась и надлежало опять платить
чтобъ оную вытащили. Призванные на помощь по нашимъ платамъ
за нами слѣдовали вѣдая, что вездѣ остановка будетъ, и съ сими
конвоемъ мы доѣзжали до ночлега. Всего страннѣе въ семь случаевъ
то, что мы не были обокрадены, ибо насъ было всего 7 душъ, изъ
которыхъ я, жена и у ней живущая уже шесть лѣтъ благородная
дѣвица Шведка натурально не могли караулить нашихъ экипажей,
три извозчика и одинъ мой слуга цѣлый день мучась въ дорогѣ тре-
бовали отдохновенія. Карета и кибитки часто ночевали на улицѣ
безъ всякаго призорья. Одна особливо ночь показалась моей женѣ
страшною: прѣехали мы въ мѣстечко Суражъ. Здѣсь надлежало пере-
ѣхать Двину, которая отъ берега прошла, а впрочемъ ледъ еще былъ
довольно крѣпокъ, но безъ вожаковъ пуцаться на неизвестность нель-
зя было. Жители Суражи были столь недобросердны, что иначе не
хотѣли меня переправить, какъ за сорокъ рублей. Я заупрямился это
давать и сего ради простоялъ большую часть дня. Наконецъ является
одинъ мужикъ не сего мѣстечка и требуетъ отъ меня пять рублей,
съ тѣмъ, что онъ меня проведетъ въ такое мѣсто, гдѣ за 10 рублей
меня перевезутъ. Я согласился, запрягли лошадей и надлежало выѣ-
хавъ изъ Суражи слѣдовать съ версту обратно, а потомъ взять въ
сторону. Надобно было видѣть злость сихъ жителей на сего моего
проводатаго, они чуть его не прибили и провожали меня долго съ
несказанными ругательствами. Вотъ порядокъ чуднаго устройства:
исправники спятъ, а проѣзжій подверженъ всему. Проводникъ мой
предъ вечеромъ привезъ меня къ тремъ или четыремъ избамъ въ
дремучемъ лѣсу бывшимъ, изъ которыхъ одну мнѣ отвели, въ кото-
рой и шинокъ былъ. Жители сказали, что ледъ покрываетъ всю рѣку,
но очень топокъ, и что экипажи нельзя иначе перевезть, какъ выло-
живъ изъ оныхъ все. Я волю ихъ выполнялъ и онѣ карету и кибит-
ки тотчасъ на противулежащій берегъ и перевезли, куда послѣдовали
извозчики съ лошадьми, а я съ женою, съ Шведкою и моимъ слугою
остался. Все мое имущество сложено было въ чуланѣ, гдѣ я сидѣлъ
съ женою и всю ночь не спалъ, ибо она была въ великомъ страхѣ.
Ей представилось, что жители сихъ избъ разбойники, что они наро-
чаютъ нашу силу раздѣляли, отправивъ извозниковъ на другую сторону.
Этотъ страхъ тѣмъ болѣе умножился, когда въ вечеру собрались му-

живи въ шкюкъ и, видя разные у меня ящики, воображали ихъ наполненными разными сокровищами, приговаривая: «кабы намъ хотя одинъ ящикъ имѣть», а они вмѣщали кое какіе столовые припасы мною въ Петербургѣ купленные.—Однакожь мы благополучно дождались дня и всѣ сіи мнимыя сокровища перенесены на рукахъ мужицкии и мы отправились далѣе, но переездъ въ тотъ день вереть 10 только сдѣлалъ и все пѣшкомъ, въ каретѣ не было возможности ѣхать отъ дурноты дороги, на всякомъ почти шагу останавливаясь.

Въ слѣдующій день мы приѣхали въ городъ Витебскъ. Здѣсь извозчики просили меня съ ними расплатиться, что они вовсе лишатся своихъ лошадей, ежели далѣе поѣдутъ; я самъ видѣлъ, что они не могли продолжать путь. Но дѣло въ томъ состояло, что я долге въ дорогѣ былъ нежелая располагалъ и вышли непредвидѣнные расходы и потому что было денегъ разошлись, а оставалось у меня только 15 рублей. До деревень моихъ оставалось еще « » верстѣ, я былъ въ незнакомомъ мнѣ мѣстѣ. Это были довольно странныя обстоятельства. Я положилъ продать свои часы, которые стоили полтора ста рублей, для сего прибѣгнувъ къ жида, который видя дорожнаго человѣка, продающаго изрядные часы, смекнувъ жидовскою догадкою, что нужда заставляетъ къ сему прибѣгнуть, и потому предлагалъ 40 рублей.—За такую цѣну нельзя было продать, а къ тому ею я едва удовлетворялъ своихъ извозчиковъ, надлежало нанять другихъ, имѣ часть дать и издержки въ дорогѣ, стало не для чего было и продавать. Возвратился я на свою квартиру въ задумчивости; прибѣгнувъ къ хозяину, который былъ русскій купецъ, онъ мнѣ обѣщавъ сыскать такого, который даетъ, но не иначе какъ подъ закладъ чего-либо. Я выдумалъ заложить карету, ибо она мнѣ и безъ того по дурной дорогѣ тяготила. И такъ дѣло склеилось: я получилъ 200 рублей, за 10 процентовъ, срокомъ на одинъ мѣсяць и заложилъ четверомѣстную карету моей жены, стоящую тысячи полторы. Изъ сихъ 200 руб. я расплатился съ старыми извозчиками и нанялъ новыхъ, купилъ двѣ кибитки самыя простыя за 60 руб., которыя и 20 руб. не стоили и которыя такъ малы были, что едва въ одну помѣстилась моя жена, а я сидѣлъ на облучкѣ, а въ другую Шведка, а на облучкѣ сидѣлъ мой слуга. Взяли мы съ собой самое необходимое, а прочее все осталось подъ призоромъ моего хозяина, въ первый разъ мнѣ въ жизни моей повстрѣчавшагося. Такимъ образомъ и затрудненіями на первыхъ порахъ я моей женѣ представился.

Изъ Витебска мы въ тотъ же день, какъ скоро я досталъ

денегъ, и выѣхали. Два дня путь намъ благопріятствовалъ, а на третій предъ вечеромъ мы хотѣли достигнуть одной деревни гдѣ ночевать, въ дремучемъ лѣсу увидѣли плотину въ среднѣй разнесенную водою и каскада намъ представлялась самая отрашная. Казалось, что до насъ тутъ ѣздили, спросить не у кого было, остановиться не гдѣ, морозъ давалъ себя чувствовать, что ночью лютость свою умножить; надлежало рѣшиться пробѣхать каскаду предстоящую. Ямщикъ спросилъ у меня: «что баринъ! какъ быть, а ѣхать худо».—Я ему отвѣчалъ: «ударь по лошадамъ; Богъ милостивъ!»—Извозчикъ выполнилъ мою волю. Доѣхавъ до пропасти, лошади такъ углубились въ воду, что одни головы быля видны, въ кибитку вода вошла, неоставало одной несчастной минуты, чтобъ сильная волна опрокинула кибитчонку, тогда прощай я, жена и дитя, которое въ ея утробѣ было и которое послѣ вышло—милая Любовь, старшая наша дочь. Но извозчикъ при столь очевидной опасности не потерялъ бодрости, ударилъ, крикнулъ на лошадей и они сдѣлавъ усиліе выхватили насъ изъ пропасти. Извозчикъ перекрестившись, сказалъ: «родясь такого страха не видалъ». Другой нашей кибитки извозчикъ взялъ нѣсколько въ лѣво также на удачу, и былъ только счастливъ, что тутъ не выше колѣна лошадамъ вода была.—Послѣ сего уже ничего намъ не случилось необыкновеннаго, и мы пріѣхали въ наше мѣстечко Уваровичи въ страстную субботу, ровно шесть недѣль по выѣздѣ изъ Петербурга, а располагалъ въ 12 дней сей путь свершить.—Управителя своего я не засталъ дома, онъ отлучился на праздники къ своимъ роднымъ, котораго я вовсе не знала и имени не зналъ какъ ему писать, дабы извѣстить о выѣздѣ моемъ изъ Петербурга. Въ деревняхъ меня никто не зналъ, и я въ семь случаевъ очень походилъ на самозванца. Тотчасъ дали знать управителю, который ночью прискакалъ и въ слѣдующій день вручилъ мнѣ письмо отъ моего брата Ивана Семеновича и отповскую духовную. Братъ мой служилъ тогда майоромъ въ полку кирасирскомъ и квартировалъ въ Лифляндіи, отпросился въ отпускъ, но, пріѣхавъ въ домъ, не засталъ уже отца въ живыхъ, и потому взявъ духовную съ собою, отправился обратно, и вѣдая, что я скоро изъ Петербурга буду, ожидалъ меня въ Уваровичахъ нѣсколько дней, но видя срокъ своего отпуска приближающійся конецъ, и потому отправился въ полкъ.—На третій день праздника, я нанялъ своихъ крестьянъ и послалъ въ Витебскъ должныя мною 200 руб. и привезть карету и все тамъ оставленное.

Многіе изъ моихъ сосѣдей польскіе господа меня ласщали и

обласкали много. Верстахъ въ 7-ми отъ меня жила въ своей деревнѣ Фома Богдановичъ Красинскій, съ которымъ я у Кавказа свелъ дружбу; онъ лишь услышалъ о моемъ прїѣздѣ, то тотчасъ меня посѣтилъ, и его жена и сестры свели прїязнь съ моею женою.

Такимъ образомъ я прожилъ мѣсяцъ въ Уваровичѣ, дабы дать время дорогѣ поисправиться, а потомъ отправился въ деревню мою Скальвую, состоящую въ Новороссійскомъ краю. Сей путь я совершилъ безъ всякаго неудовольствія, дорога была хороша, и весняное время благопріятствовало. 4-го мая я прїѣхалъ въ Скальвую. Вотъ шагъ, который недолжно было дѣлать и отъ котораго всѣ неудовольствія проистекли. Переѣзжая Дибррь во мнѣ дѣлалось нѣчто дурное, нѣкое сердечное предчувствіе извѣщало меня, что меня въ Скальвой новыя неудовольствія ожидаютъ. Жена, видя меня всю дорогу весела, сію перемену замѣтила и спросила.—Мнѣ надлежало для своего спокойствія остановиться въ Крюковѣ, дать знать суду, чтобъ ѣхалъ освидѣтельствовать все въ домѣ отцовскомъ оставшееся и просить раздѣлу по законамъ съ братомъ и сестрами. Ежели бы можно было все предвидѣть, сколько бы я хлопотъ и неудовольствій симъ поступкомъ избавился.

Чтобъ все это объявить, то надобно взять нить запутаннаго сего клубка отъ смерти моего отца: сею смертью я остался главой нашего семейства по моему старшинству, но главой безъ власти. Сей власти и ненадобно бы, ежелибы мы были оставлены обыкновеннымъ образомъ, всякой бы взялъ свою часть и все тутъ, но отецъ намъ оставилъ духовную, которою насъ связалъ очень тѣсно, насъ, которые молодыя свои лѣта проходили невмѣстѣ и другъ друга совѣмъ не знали. Начну съ того, что я оставленъ былъ на театрѣ свѣта безъ всякой опоры. Отецъ мой кажется совѣмъ это изъ виду выпустилъ, чтобъ нажить друзей, кои бы его дѣтямъ оставили покровителями. Таковыхъ его друзей я не знаю, кромѣ двухъ, имъ мнѣ объявленныхъ: графа Салтыкова Ивана Петровича и Потемкина Павла Сергѣевича. Обоихъ я испыталъ милости, и ежели и всѣ таковы, то весьма хорошее дѣло, что я имъ не былъ адресованъ.—Въ прочемъ я оставленъ съ изряднымъ имѣніемъ, но ежели подумать о той части долга, котораго я уплатой обязанъ по духовной отца моего тремъ моимъ сестрамъ, то жизнь моя гораздо хлопотливѣе выходитъ для будущаго времени, нежели какъ она и когда до сего была.—Имѣніе мое въ Новороссійскомъ краю было бы достаточно, для составленія себѣ изряднаго капитала хозяйствомъ и разными честными оборотами. Мѣсто-

положеніе сего края и продукты подаютъ сами собою способы и открываютъ дорогу къ прибытку даже и такому человѣку, который ощущаю ходитъ. Но отъ трудовъ, которые я понести могу для составленія копѣйки, выйдетъ лишь та польза, что оными уплачены будутъ мои сестры, а для своего прожитку долженъ буду пока трудиться. Дѣтямъ же своимъ составить какую либо сумму денегъ можетъ быть уже и не въ силахъ буду. Мысль единая о этомъ меня уже тревожить.— Имѣніе Бѣлорусское оставлено духовною столько связано, хлопотно, невыгодно, что развязатся съ онымъ иначе нельзя, какъ чтобъ указомъ та духовная была уничтожена и мы бы онымъ раздѣлены были по законамъ. Тогда всякой свою частію будетъ управлять, какъ сумѣетъ. Духовная, которою на будущіе вѣки сіе имѣніе ограждаетъ (это слово не лишнее здѣсь упомянуто, ибо имѣніе должно оставаться на вѣки нераздѣльнымъ роду Пишчевичей: ежелибы мужская линія и прекратилась, то отъ женской сыновья должны принять фамилію Пишчевичей) есть такого содержанія, которое можетъ отъ двухъ корней (то есть отъ меня и брата моего) происшедшихъ дѣтей, которые суть одинъ другому столь близки, содѣлать врагами. Отецъ мой полагалъ сіе имѣніе великою важностію и по духовной должно думать, что онъ никакъ не могъ и помыслить, чтобы Бѣлоруссія въ грядущія времена могли быть отъ стекшихся политическихъ видовъ уступлена или отторгнута отъ Россіи, слѣдовательно и завѣщаніе его внукамъ, правнукамъ и проч. сдѣлается ничтожно. Однимъ словомъ дабы не разпространять сего вдалѣ, должно только взглянуть на паденіе царствъ существовавшихъ по нѣскольکو вѣковъ. Ежелибы отецъ мой прожилъ еще нѣскольکو лѣтъ, то онъ бы былъ очевидецъ чудесной прѣвратности владыкъ земныхъ и тогда бы онъ увидѣлъ, что удержаніе съ небольшимъ тысячи душъ въ Бѣлоруссіи въ родѣ Пишчевичевъ и истребленіе сего владѣнія, въ сравненіи обшемъ, есть столь же малозначуще, какъ бы удалить каплю воды изъ океана. Старики иногда, хотя предвидѣтъ то, чего предвидѣтъ нельзя, и помышляя праправнукамъ доставить выгоды, дѣлаютъ несчастіе своимъ дѣтямъ. Сіе имѣніе нераздѣленнымъ оставаться никакъ не могло: я съ братомъ различествовалъ во всемъ; мысли наши, желанія наши, однимъ словомъ, все было не одно, и потому мудро бы было, ежели бы мы ужились вмѣстѣ, а и того меньше управлять имѣніемъ обще. Таковое положеніе всегда случится можетъ, ежели родители не разберутъ свойствъ своихъ дѣтей и желаютъ для ихъ, все конечно, общаго добра ихъ сплести духовною. Выполнить волю родителей долгъ есть

честныхъ дѣтей, но выполнить съ собственною невыгодою и умножить досады также непростительно требовать.

Сверхъ долгу, мною упомянутого, оставилъ родитель мой мнѣ съ братомъ двѣ тяжбы по Бѣлорусскому имѣнію, которыя въ 20-ть лѣтъ нѣ были приведены къ окончанію, о завладѣніи неправильно сосѣдами, когда это имѣніе еще казенное было, двухъ острововъ наполненныхъ строевымъ лѣсомъ. Сія два острова, годъ спустя послѣ смерти отца нашего, чудно рѣшены въ пользу нашихъ соперниковъ: они имѣли чѣмъ перетянуть вѣсы справедливости, а притомъ одинъ изъ соперниковъ самъ засѣдалъ въ Сенатѣ, то и не мудрено ему было одинъ островъ присвоить и еще будучи въ Бѣлороссіи не постыдился сказать, что надлежало бы съ нашего имѣнія взыскать за убытки имъ понесенные. Другой островъ рѣшено раздѣлить пополамъ: одну часть намъ отдать, а другую нашему сопернику. Ежели мы неправильно требовали всей части, то не слѣдовало и половины давать. А сверхъ сего одна тяжба о 340 десятинахъ земли по имѣнію новороссійскому на часть мою доставшемуся. Братъ мой въ семъ случаѣ счастливъ меня: онъ имѣніе въ новороссійскомъ краѣ получилъ безъ тяжбъ и совершенно утвержденное за нашимъ отцомъ.

Все сіе поддерживать и жить не было средства не имѣя денегъ. Всѣ полагали, что отецъ мой имѣлъ великія деньги. Смерть его обнаружила сколько всѣ ошиблись. Наличности у его было только 2000 рублей, изъ которыхъ одну тысячу мнѣ прислали въ Петербургъ, а другую братъ взялъ. Что оставалось мнѣ дѣлать какъ не войти въ долгъ. Это былъ первый шагъ, съ котораго я началъ хозяйствовать.

Окончу сію главу изслѣдованіемъ, сдѣлался ли я счастливъ, будучи хозяиномъ своего дома и меньше ли я теперь озабоченъ, нежели прежде: продолженіе моей военной службы было нечто иное, какъ безпрерывное мученіе, не въ разсужденіи самой службы, составлявшей всю пріятность моей жизни, и не въ разсужденіи того, что я былъ мало любимъ своими начальниками, со товарищами и подчиненными. Въ самъ успѣлъ я совершенно, но не будучи подкрѣпленъ деньгами изъ дому, бѣднымъ офицерскимъ жалованьемъ содержать себя былъ не въ силахъ, отъ чего родились долги, которые хотя не велики, но меныше они меня мучили. Не дѣлать ихъ не было возможности: всякой вѣдалъ, что я имѣлъ отца достаточнаго, на богатство котораго въ увеличительное стекло взирали, но того никто не вѣдалъ, что онъ меня на копѣйкой не подкрѣплялъ, и мой долгъ былъ это скрывать, а дабы подтвр-

ждать его богатство, его чинъ, не минуемо мнѣ надобно входить въ долги и безпрестанно мыслить какъ занять у одного, дабы отдать другому. Выйдя въ отставку я ихъ имѣлъ 7000 рублей.—Сколько разъ въ жизни моей я жалѣлъ, что не сдѣлался игрокомъ съ молодыхъ моихъ лѣтъ, ибо играющій съ разчотомъ человекъ никогда бѣднымъ не будетъ: благоразуміе его не позволитъ также ему бѣситься вставучи изъ за стола, ежели онъ и проиграетъ; ибо разсудокъ ему представить въ минуту то, что онъ не имѣя ничего не могъ свое проиграть.

ГЛАВА 7-я.

Продолженіе моихъ домашнихъ дѣлъ.

Теперь для порядку предложу всѣ странныя сцены, которыя въ домѣ моемъ произошли послѣ кончины моего родителя: между съѣхавшимися родными прискакала и сестра моя, вдова Сребницкая, дочь моего отца отъ первой супруги, понесшая гнѣвъ родительскій за выходъ за мужъ безъ его воли, и сія его немилость продолжалась болѣе 25-ти лѣтъ, которую говорятъ, по просьбѣ его духовника, при послѣдней минутѣ его жизни онъ простилъ сими словами: «да проститъ ее Богъ»; но въ духовной о ней ни слова ни упоминается. Сія женщина во все это время изъ дому въ домъ переходила, часто у родныхъ жила, а часто у чужихъ и вездѣ ею были недовольны. Какъ бы то ни было, но состояніе ея жалости достойно, и я удивлялся тому, какъ могъ отецъ такъ долго гнѣваться за столь обыкновенный поступокъ. Я всегда помышлялъ, что какъ скоро вступлю въ свое имѣніе, то ее взять въ мой домъ.—Едва успѣли предать тѣло моего родителя землѣ, какъ прискакала изъ Новомиргорода сестра моя Анна, гдѣ полкъ находился, въ которомъ ее мужъ служилъ, и тотчасъ взяла верхъ въ домъ, поссорилась съ г-жею Сребницкою, открыла духовную отцовскую (которая по его волѣ должна была мнѣ доставлена быть), увидѣла распредѣленіе его и была имъ недовольна, какъ тѣмъ, что все недвижимое имѣніе оставалось въ рукахъ двухъ его сыновей, такъ и тѣмъ, что слѣдуемая ей 10-тъ тысячъ рублей опредѣлилъ чрезъ два года уплатить. Писала мнѣ въ Петербургъ и жаловалась на г-жу Сребницкую; жила въ Скалѣвой мѣсяца съ два со всеиъ своимъ домомъ на счетъ моихъ доходовъ и, по несчастію лишившись тутъ своихъ дѣтей отъ оспы, отправилась въ Ново-Миргородъ, взявъ и двухъ моихъ сестеръ съ собою. Это я не могъ одобрить, чтобъ дѣвицы бросили домъ и поѣхали въ такое мѣсто, гдѣ

квартировалъ полкъ. Это подавало случай недоброхотамъ говорить, что онѣ прѣхали искать скорѣе замужества, по крайней мѣрѣ это такъ казалось. Но онѣ эту неблагопристойность поправили лучшею неосторожностью: проживъ мѣсяць съ сестрою не поладили, возвратились въ Скалѣвую и, въ двѣ недѣли наскучивъ сею жизнью, поехали на почтовыхъ въ Елисаветградъ, гдѣ два полка квартировали, для свиданія съ генеральшею Комнено, съ которою воспитывались въ монастырѣ и которая ихъ совсѣмъ не приглашала. Онѣ не остановились въ домѣ сей мнимой своей пріятельницы, но заняли квартиру у штабъ-лѣкаря Звѣряки, которому не все заплатили и сей ихъ вездѣ поносилъ, пока я не прѣхалъ и не зажалъ ему ротъ ста рублями за ту недѣлю, которую онѣ ихъ отапливалъ. Все это мнѣ хорошимъ не могло показаться; я сестрамъ выговаривалъ за таковой противный благопристойности поступокъ, имъ это непоказалось, и это былъ первый шагъ ихъ на меня неудовольствія.—Забавнѣе всего въ семь случаевъ было то, что г-жа Сребницкая, оставаясь въ домѣ одна, приказывала все дѣлать по своему, всѣхъ грозилла, начала посѣщать поповъ, обдаривать ихъ хлѣбомъ, лошадьми и все это изъ моего, ѣздила въ церковь въ шесть лошадей и по три лакея за каретой; дома, когда попы не бывали къ обѣду, то садилась одна за предлинный столъ посреди большой залы, которую окружали 15-ть человекъ слугъ. Таковъ былъ порядокъ въ моемъ домѣ, никто не зналъ настоящаго своего господина, всѣ били, грозилли, а миловать не кому было, и всѣ сіи хозяева управляли такъ хорошо, что я прѣхавши засталъ въ наличности тридцать рублей; въ долгъ въ Кременчугѣ набрано для стола на 500 рублей, водки выкуренной въ зиму едва стало до іюня мѣсяца и надлежало покупать и, продавая въ своихъ кабакахъ, получать прибыли не болѣе 20-ти копѣекъ отъ ведра, а ведръ тогда едва тысяча выходила въ круглый годъ. На все на это я смотрѣлъ чудными глазами и удивлялся лишь своей судьбѣ, какъ она для меня все устроила необыкновеннымъ порядкомъ.

Теперь предложу вкратцѣ духовную отца моего, касающуюся до сестеръ моихъ: 1-е, сестрѣ Аннѣ должны я и братъ мой въ два года послѣ смерти отца нашего уплатить 10-ть тысячъ рублей; — 2-е, двѣ сестры Надежда и Варвара должны жить до замужества въ моемъ домѣ и содержимы столомъ обще обоими нами, хотябъ мы и врозь жили, а сверхъ того ежегодно мы должны имъ давать на платье по 1000 рублей;—3-е при замужествѣ должны мы каждой изъ сестеръ выдать по 10.000 рублей, а до того отдавать ихъ въ процентъ.

Сверхъ денегъ опредѣлено дать лошадей, карету и прочее тысячи на три всего каждой.—И такъ ежели все счесть, то сумма выходитъ 36-ть тысячъ тремъ сестрамъ, кромѣ процентовъ и ежегоднаго содержанія, что составить на мою часть 18-ть тысячъ рублей; весь доходъ тогда изъ Бѣлорусскаго имѣнія состоялъ « » рублей, изъ моихъ двухъ деревень въ Новороссійскомъ краю едва двѣ тысячи рублей было доходу, и такъ чѣмъ это все заплатить и чѣмъ жить, а сверхъ этого надобно было помышлять о построеніи церкви надъ гробомъ родителя моего, который велѣлъ себя положить на открытомъ мѣстѣ, сказавъ духовнику: «Я знаю что сынъ мой Александръ построитъ тутъ церковь, то скажите ему, чтобъ построилъ храмъ во имя архидіакона Стефана, патрона нашей фамиліи».—И такъ, какъ оставить сію надежду безъ выполненія! Но чѣмъ все сіе предпринять, средствъ не было и даже жить было нечѣмъ, а сестры на первыхъ порахъ уже мнѣ подавали чувствовать, что положенныя деньги на платье онѣ хотѣли бы въ рукахъ имѣть. Все, на что была надежда для мелочнаго расхода, были лошади, но табунъ не будучи раздѣленъ, я немогъ ничего продать, братъ хотя письмомъ своимъ меня и уполномочилъ къ сему раздѣлу, но я безъ него не хотѣлъ приступить, и лучше согласился терпѣть нужду, нежели дѣлать безъ него и подать ему хотя малѣйшую причину къ сумнѣнію, что онъ мною обмануть, а особливо знавши его недовѣрчивый характеръ. Посреди толико запутанныхъ дѣлъ голова у меня кругомъ шла, и посреди сего круженія выдумалъ занять 5000 рублей у г-на Текелія, Лазаря Аврамовича, который мнѣ дядя будучи, его жена двоюродная сестра моей матери, которые составили цѣль всѣхъ будущихъ моихъ долговъ. Я на сей заемъ тѣмъ скорѣе пустился, что былъ симъ дядею обнадеженъ, что онъ мнѣ оныя отсрочить на нѣсколько лѣтъ. Увидимъ въ послѣдствіи такъ-ли онъ со мною поступилъ. Вотъ расходъ симъ 5000: тысячу я послалъ въ уплату г-ну Татищеву, а тысячу я ему послалъ изъ Уваровичъ, занявъ тамъ оныя, дабы успокоить сего человѣка. 500 рублей отдалъ двумъ сестрамъ на ихъ платье за годъ, 200 рублей подарилъ г-жѣ Сребницкой, а впрочемъ выдумалъ показать своему брату, что я съ нимъ хочу жить по братски. Въ это время получена въ судъ его росписка въ 200 рубляхъ, по которой требовалась уплата, я ихъ вмѣсто его отдалъ; потомъ видя, что сестры изъясняли на него неудовольствіе, что онъ имъ не отдаетъ слѣдуемыхъ имъ 500, я рѣшился за его ихъ отдать; потомъ видя надобность по спискамъ его управителя въ его деревнѣ денегъ, я далъ ему 300 рублей, ибо надобно знать, что я съ прїѣзду ни ногой не былъ въ его

деревнѣ, дабы онъ не подумалъ, что я ѣздилъ осматривать доброту коннаго завода, который въ деревнѣ ему доставшейся всегда содержался и который я въ жизнь свою не видалъ. Сверхъ упомянутыхъ денегъ г-нъ Текалій взялъ 250 руб. проценту впередъ. И такъ оставалось у меня еще съ небольшимъ 2000 рублей, на которыя я жилъ, купилъ 300 овецъ, рогатаго скота и построилъ двѣ вѣтренныя мѣльницы. По справедливости судя надлежало было на всѣ 5000 рублей настроить сихъ мѣльницъ, ибо онѣ, по вѣтренности заняты, на вѣтеръ и пошли. Надлежало было занять тысячу для отсылки г-ну Татищеву, а сестеръ, не уважая косыхъ взглядовъ, заставить терпѣть, пока раздѣлюсь табуномъ и тогда, продавъ часть онаго, удовлетворить ихъ. Сколько бы я сихъ неудовольствій миновалъ!

Разобравъ отчасти такую путаницу дѣлъ моихъ, придумалъ я слѣдующее и написалъ это къ брату моему: заложить въ Вспомогательный банкъ Бѣлорусское наше имѣніе, за что мы получили бы 60-ть тысячъ рублей. Изъ сихъ 10-ть тыс. тотчасъ отдать сестрѣ Аннѣ, 20-ть тыс. другихъ двухъ сестеръ до ихъ замужества отдать въ проценты въ Воспитательный домъ, а остальные 30-ть тыс. раздѣлять намъ двумъ и ими произвести торгъ пшеницей въ Одессѣ. На это предпріятіе я совѣтовалъ брату выйти въ отставку и пріѣхать жить въ Новороссійское его имѣніе. Въ добавокъ я брату говорилъ такъ: одинъ годъ онъ будетъ покупать пшеницу и доставлять мнѣ въ Одессу, на которое время я поѣду туда жить и буду оную на мѣстѣ продавать, а прибылькъ будемъ дѣлить между собой; на другой годъ я буду покупать пшеницу и оную доставлять брату, который переедетъ для этого жить въ Одессу. Такимъ образомъ два года удачныхъ достаточны для составленія капитала и тогда ѣхать намъ обоимъ въ Петербургъ, явиться Павлу 1-му съ просьбою, чтобъ быть опредѣлену въ военскую службу, и лично при немъ таковая наша просьба иначе не могла ему казаться какъ пріятною: онъ зналъ службу нашего отца и видѣлъ бы и нашу изъ списковъ безпорочную и мы были бы приняты. Тогда бы въ нѣсколько мѣсяцевъ или мы ему угодили и пошли бы скоропостижно въ военскія почести, какъ это со всѣми случалось, кому посчастливилось угодить сему во всеъ скоропостижному государю, или негодивъ ему, были бы выключены изъ службы. Тогда бы мы увидѣли, что рисковать надобно перестать, и имѣя свой достатокъ помышляли бы о нажитіи денегъ, о удобственной жизни.

Братъ мой, когда получилъ сіе мое предположеніе, помышлялъ о женитьбѣ. Судьба его завела въ семейство барона Унгарна, на до-

чери котораго онъ женился. Сей баронъ былъ Лифляндскій помѣщикъ, мотовствомъ разорившійся, окруженный многочленнымъ семействомъ и въ добавокъ великими долгами, и мѣтившій жить доходами своего зятя. Братъ мой среди сихъ сердечныхъ чувствованій мнѣ ничего не отвѣчалъ на мое предложеніе, а писалъ только что онъ приказалъ бѣлорусскому нашему управителю прислать ему всѣ доходы какъ его, такъ и мои, ибо ему нужны деньги для свадьбы, а что я могу на будущій годъ взять изъ его части то, что онъ мое теперь беретъ. Тутъ очевидна разчетливость, чтобъ не платить процентовъ, занимая на сію надобность, и притомъ показать новой своей роднѣ, что стоитъ ему написать въ имѣніе, то деньги тотчасъ прійдутъ, а что я платилъ проценты, занимая на содержаніе дома, о томъ онъ не помышлялъ. Я однакожъ на это ему ничего не сказалъ, имѣя лишь въ виду то, чтобъ жить братски и написалъ управителю, дабы онъ волю его исполнилъ.—Нѣмецкая пышность требовала сыграть свадьбу въ Ригѣ, а не въ деревушкѣ высокопарнаго барона Унгарна, для чего братъ мой и предпріялъ сей путь.—Я молчалъ и ожидалъ, что изъ этого будетъ, а мѣжду тѣмъ дома разбиралъ свое положеніе.

Сестры мои желали послѣ монастырскаго житія и жизни уединенной, какую онѣ вели съ отцомъ, веселостей, баловъ, развѣздовъ. Одна изъ сихъ моихъ сестеръ была доброй души, честнаго поведенія, но будучи ловка и имѣя таланты нѣкоторыя желала нравиться, то есть кокетствовала. Другая, о поведеніи ея также ни слова не въ ея пользу, но была злая, подвержена истерическимъ припадкамъ, съ необычайными конвульціями, при случающихся почти ежедневно обморокахъ. Въ добавокъ къ этому г-жа Сребницкая, притворно-набожная ханжа, скрывала душу злую и лукавую и, невзирая на 50-тилѣтнюю свою обветшалость, помышляла о нарядахъ и пляскѣ, мучила меня почти черезъ день разказами о своей молодости. Эта подстрекала другихъ двухъ сестеръ противъ меня и сама казалась въ сторонѣ. Всякой легко можетъ себя представить, что я терпѣлъ отъ двухъ дѣвицъ не видавшихъ свѣту, безъ опытности и въ добавокъ монастырокъ, и отъ старой фуріи, которая стоя предъ образами набожно, проклинала громогласно тѣхъ, кто ей не угождалъ, и испрашивала гибель оному изъ роду въ родъ. Легко можно вообразить, что я такую нелѣпость не уважалъ, а упомянулъ для того, что это принадлежало къ характеру тѣхъ, къмъ я былъ окруженъ.—Мнѣ иначе нельзя было жить какъ въ тишинѣ, не имѣя чѣмъ вести разсѣянную жизнь. Однакожъ чувствовалъ во всей силѣ досаду жить съ тѣми, которымъ образъ

моей жизни былъ не милъ. Всѣ непріятности испытывалъ я въ бесѣдѣ съ моею женою. Поговоривъ мы такъ, какъ говорятъ два друга, находили свое утѣшеніе собственно въ себѣ; жена моя обходилась съ моими сестрами съ начала дружески, но замѣтивъ ихъ отчужденіе умѣрила и она свою пріязнь. Такъ текли мои дни! Предопредѣлено было мнѣ испытать сей образъ жизни!

Сестра моя Анна была на меня въ неудовольствіи, для чего я къ ней не бѣжалъ и не представилъ ей моей жены, а больше всего она не полюбила то, что я женился. Ея мысль была жить въ моемъ домѣ, всѣмъ повелѣвать, меня заставить служить и присылать мнѣ въ годъ тысячу-другую рублей на мое содержаніе, и когдабы управляла по своему, чрезъ нѣсколько лѣтъ написала бы мнѣ, чтобъ я пріѣхалъ самъ въ имѣніе, что ей наскучило быть моимъ экономомъ, и это бы еще въ милость, въ одолженіе причтено было. Она видя мою упрямость отдать ей мое почтеніе въ Миргородъ, начала меня бомбандировать своими письмами о отдачѣ ей по духовной принадлежащаго, хотя на то еще и два года были впереди.

Теперь предложу мое положеніе съ другими моими родными, которыхъ имѣю не мало. Я бѣдучи въ сей край мыслилъ имѣть въ ихъ себѣ помощниковъ въ подаваніи совѣтовъ къ лучшему устройенію моихъ дѣлъ; но они не вѣдаю почему завидовали тому имѣнію, которое мнѣ оставлено моимъ отцомъ и которое у нихъ не отнято, будучи новороссійское куплено, а бѣлорусское жаловано за службу. Я не видя ихъ ни малейшей ласки оставилъ ихъ, они начали меня бранить за глаза, я началъ смѣяться на счетъ ихъ жизни, которая проходила или на заячьей травлѣ или въ пьянствѣ. Они услышавъ это взбѣсались, а я продолжалъ смѣяться; стало верхъ былъ на моей сторонѣ, имъ нечего было на мой счетъ сказать: я не пьянствовалъ, не игралъ, не моталъ, не обманывалъ никого, жилъ въ семьѣ смирно, съ сестрами обходилась ласково, не смотря на то, что онѣ совсѣмъ противъ меня не таковыми были. Сестрѣ Аннѣ на ея письменныя грубости отвѣчалъ всегда съ насмѣшливоюю колкостью; ее въ нашемъ окологдѣ не очень любили за ея гордость, а уступали ей за ея умъ: я осмѣлился надъ ней смѣяться въ глаза, это было преступленіе.—Что оставалось имъ выдумать на мой счетъ. Они закричали, что я разоряю домъ, что я уничтожилъ музыку, которая правда изрядно играла, но поведенія были нѣкоторые изъ музыкантовъ самаго распутнаго, и такъ, чтобъ не умножать мое неудовольственное состояніе, я ихъ распустилъ, а лучшихъ оставилъ въ лакеяхъ. По мнѣнію моихъ недобро-

хотѣвъ это была великая бѣда и предвѣщала мое банкротство. Другое что они замѣтили было то, когда мнѣ случалось одному по дѣламъ ѣздить, то я ѣхалъ въ кибиткѣ, этому они очень смѣялись; я велѣлъ имъ сказать, что не стыдно мнѣ изъ кибитки будетъ въ коляску пересѣсть, а вотъ какъ они отъ буйной жизни принуждены будутъ вылезть изъ каретъ въ телѣгу, и это тогда когда силы здоровья будутъ требовать покойнаго экипажа. Это предсказаніе точно сбылось: по прошествіи четырехъ лѣтъ я выписалъ себѣ коляску изъ Петербурга, а нѣкоторые изъ ихъ начали ѣздить на телѣгѣ. Закричали, что я занялъ у г-на Текелія 5000 рублей, что ихъ промоталъ и что ежели судить по началу моего хозяйства, то мнѣ всего имѣнія и на два года не станеть. А того не разобрали, что ежели бы я всякій день ѣлъ по два человѣка, то въ два года съѣлъбы ихъ 730-ть, а имѣю ихъ на мою часть въ обонхъ имѣніяхъ болѣе 1000 душъ.—Этого имъ показалось мало: они выдумали, что я не выѣзжаю для того куда, чтобъ сестеръ кто не увидѣлъ и не женился бы, а я желаю ихъ вѣчно оставить безбрачными, дабы не платить положенныхъ имъ денегъ. На сей разъ они совсѣмъ незнающими арифметики оказались и не подумали, что чѣмъ долѣе онѣ замужъ не выдутъ, тѣмъ хуже для меня, и что сверхъ содержанія, проценты на слѣдующую имъ сумму умножаются; а сестрамъ я не преставалъ напоминать, что умный мужчина скорѣе женится на той дѣвицѣ, которая сидитъ дома, нежели на той, которая въ разѣздахъ. Сверхъ всего, чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе на какое либо присвоеніе себѣ ихъ денегъ, я имъ совѣтовалъ сдѣлать между собою бумагу, утвердить приказнымъ порядкомъ, что на случай которой нибудь изъ нихъ до замужества смерти одна другой передаетъ все ей принадлежащее по духовной, и я въ судѣ обяжусь выполнить ихъ волю подпиской. Сіе я для того хотѣлъ сдѣлать, чтобъ вывести ихъ изъ того сумнѣнія, какое имъ родные внушали, будто я имъ желаю смерти, чтобъ воспользоваться ихъ деньгами.—Изо всѣхъ моихъ родныхъ, я долженъ сказать правду, что братья моего отца всегда мнѣ оказывали непритворную ласку и обходились со мною, какъ роднымъ свойственно обходиться, и они суть чужды всего тутъ предложеннаго на счетъ моей родни съ стороны матери моей. Съ начала я дядѣ моему Лазарю Степановичу не очень себя ввѣрялъ; мнѣ наговорили на его, что онъ участвовалъ въ наговорахъ на меня моему отцу. Въ семъ случаѣ, не узнавши его коротко, мнѣ представлялся поступокъ г-на Табуровича противъ меня, и я вѣря на счетъ сего дяди грѣшилъ. Въ послѣдствіи я выведенъ былъ изъ заблужденія и видалъ

его добрые совѣты, его ласку, его одоуженія и удостовѣрился, что онъ мнѣ кромѣ родства, есть лучший другъ въ семь краю.

До сего я не зналъ, что есть имѣть тяжбу по судебнымъ мѣстамъ: судьба моя не замедлила меня заставить познать ее, по среди другихъ неудовольствій. Уже я упоминалъ о тяжбѣ, оставленной мнѣ моимъ отцомъ по имѣнію въ Новороссійскомъ краю: 340 десятиць тому лѣтъ 12-ть назадъ отданы были отъ Крыловокой дачи моему отцу навсегда по праву тому, что тогда губернаторы уполномочены были оную раздавать. Пока отецъ мой живъ былъ, то дѣло прошло довольно покойно, ибо, хотя они и просили по судамъ, будто они не были спрошены, когда та земля отдавалась моему отцу, желаютъ ли они ея владѣть. Сей искъ ихъ оставался безъ уваженія тѣмъ болѣе, что у ихъ земли было больше, нежели надлежало имѣть по числу душъ, и излишнюю они внаймы отдавали. Я въ домъ прибылъ въ первыхъ числахъ мая и не успѣлъ еще оглянуться, какъ въ началѣ іюня мѣсяца до 200-тъ человекъ косцовъ явились изъ Крылова на ту землю и принялись выкашивать на оной траву, подъ предводительствомъ нѣкоего пьянаго забіяки, регистратора Коломойцова, бывшего ихъ въ семь дѣлѣ стряпчаго и ограбившаго ихъ довольно деньгами на производство сего дѣла, но не могли ни въ чемъ успѣть, и потому думалъ заглазить свою предъ ними вину, настроивъ на наглость. Надобно знать, что сіи бойцы шли на сей походъ чрезъ деревню двоюроднаго моего брата Хорвата Федора Ивановича, сына достойнаго моего дяди и брата моей матери, у котораго на тотъ разъ случилось нѣсколько моихъ родныхъ, вѣдавшихъ зачѣмъ онѣ шли, и никто не предварилъ меня о семъ ихъ поступкѣ, а напротивъ полагали, что я вступлю съ ними въ бой и выйдетъ драка и я попадусь подъ судъ.—Когда меня извѣстили о началѣ ихъ пошеенія, тогда я сѣвъ на лошадь, выѣхалъ къ нимъ и спрашивалъ по какому праву они это дѣлали. Коломойцовъ мнѣ отвѣчалъ: «Что это земля ихъ». Мысль сего разбойника-крючкотворца была также, что я начну драться, слѣдственно замѣшая буду въ неприятную исторію. Я имѣлъ болѣе ста косцовъ тутже стоящихъ, но я русскимъ сказалъ, что видя въ ихъ русскихъ, а не турокъ и потому драться не буду, а сыщу свое по суду и съ семь уѣхалъ прочь, а онѣ выкосили всю траву дня въ четыре, забрали въ свои дома. Тогда я поѣхалъ въ Елисаветградъ требовать въ судъ удовольствія на такую наглость. Судъ съѣхался на мѣсто, нашелъ мое дѣло справедливымъ и созвавъ храбрыхъ косцовъ присудилъ, дабы они мнѣ заплатили, за то число скирдъ сѣна, которое я на томъ мѣстѣ

накашивалъ. Отецъ мой на томъ мѣстѣ становилъ всегда 20-ть скирдъ, а какъ сей годъ не вездѣ сѣно родило, и потому я положилъ скирду во сто рублей; и такъ судъ велѣлъ имъ заплатить мнѣ двѣ тысячи рублей. — Спустя послѣ сего пѣсколько дней, увидѣлъ я человекъ съ 50-ть отставныхъ старыхъ гусаръ явившихся въ мой дворъ. Я велѣлъ спросить, зачѣмъ они пришли; они отвѣчали: «присланы отъ Крыловскихъ поселянъ ко мнѣ просить по-купаванія». — Я продержалъ ихъ часа два, не допуская до себя, послѣ чего призвалъ ихъ предъ себя. Они упавъ на колѣни, говорили: «что ежели я возьму съ нихъ 2000 рублей, то разорю ихъ въ конецъ, потому что и хлѣба въ тотъ годъ былъ неурожай, что они не были въ своихъ домахъ, когда Коломойцевъ подстрекнулъ ихъ молодежь на столь гнусное дѣло, а теперь, когда дѣло доходить до расплатки, то и дѣти и наставникъ ихъ въ сторонѣ, а берутся за нихъ.» При семъ напоминали они мнѣ, что большая часть изъ нихъ носили меня на рукахъ въ моемъ младенствѣ, когда я съ моею матерью жилъ въ Крыловѣ. Я, уваживъ ихъ старость, простилъ ихъ и не выскивалъ денегъ судомъ мнѣ присужденныхъ, не взирая на то, что зима была жестока и сѣна у меня не доставало, я покупалъ гдѣ могъ и наконецъ у брата моего купилъ скирдъ за сто десять рублей. — Поступокъ мой съ Крыловскими жителями подалъ случай удивляться моимъ недоброхотамъ; по ихъ правиламъ надлежало было ихъ ограбить, а я думалъ иначе: ежели бы я это сдѣлалъ, то всякій бы благомыслящій могъ сказать, что отецъ мой жилъ 20 лѣтъ въ семъ мѣстѣ и никого по міру не пустилъ, а сынъ не успѣлъ вѣхъ въ владѣніе, то ограбилъ стариковъ, служившихъ вѣкъ свой отечеству. —

При семъ случаѣ нельзя не упомянуть то, что Богу угодно было меня предостеречь отъ, можно сказать, совершенной гибели: когда выѣхалъ я къ косцамъ, то бывшій тогда у меня управителемъ отставной поручикъ Добровольскій, совѣтовалъ мнѣ приказать ихъ бить, и что онъ отвѣчаетъ за успѣхъ; косцы были пьяны, моихъ мужиковъ Добровольскій также немного подпоилъ, какъ я послѣ узналъ. Война была готова, и убитые были бы съ обѣихъ сторонъ. Но я не былъ пьянъ. Теперь надобно сказать о семъ Добровольскомъ. Когда я ѣхалъ изъ Уваровичъ въ Скальвую, то проѣхавъ городъ Лубень въ небольшомъ хуторѣ велѣлъ сыскать квартиру, гдѣ бы остановиться пообѣдать. Небольшой домикъ предсталъ съ наружи опрятный, окруженный садомъ во всемъ своемъ цвѣтѣ бывшій. Мы этотъ предпочли другимъ домамъ. Я вхожу съ женою въ избу очень чистую и вижу въ оной

все небольшое имущество въ крайнемъ порядкѣ; встрѣчаетъ насъ хозяинъ небольшого роста старичекъ, волосы какъ молоко бѣлые, но свѣжъ въ лицѣ и крѣпокъ на ногахъ. Я ему пожелавъ добраго дня сказалъ: «по висячей на стѣнѣ саблѣ, я догадываюсь, что вы старый «служивый, я люблю воинствъ и только теперь отъ нихъ отсталъ». — «Да, отвѣчалъ старичекъ, я когда-то служилъ въ полкахъ Малороссійскихъ козачьихъ, и теперь въ отставкѣ поручикомъ». Я крѣпко любилъ сего старика, его лице ничего не обѣщало худаго, порядокъ во всемъ домѣ подавалъ мыслить что онъ хорошій хозяинъ. Я много съ нимъ говорилъ. Зашла рѣчь о хозяйствѣ, я ему сказала, что ѣду на оное, но ничего не знаю по сей части. Онъ мнѣ совѣтовалъ сыскать добраго управителя и что при немъ могу и самъ одѣлать свычку. Я отвѣчалъ, что трудно впасть на знающаго и просилъ его мнѣ сыскать. Онъ отвѣчалъ: «ежели вамъ угодно, я пойду къ вамъ. Мнѣ бы при старости надобно покой, но когда услышите мою нужду, то меня оправдаете: я имѣю сына, служащаго въ арміи офицеромъ, который о себѣ много обѣщаетъ; вамъ извѣстно, сколь мало жалованье, безъ опоры отцовской ему прожить никакъ нельзя и слыть исправнымъ офицеромъ. У меня сей мой хуторъ берутъ въ годъ на откупъ за 300 рублей, которые бы всѣ я и пересылалъ сыну, а самъ съ женою жилъ бы тѣмъ что у васъ заслужу». — Кого не тронетъ таковая родительская чувствительность? — Мнѣ это такъ понравилось, что я его назвалъ рѣдкимъ отцомъ, обѣщалъ его взять къ себѣ, но онъ хотѣлъ прежде пріѣхать обозрѣть мою экономію и тогда договориться со мною. Я очень радъ былъ таковой находкѣ и по словамъ и чувствамъ его полагалъ, что имѣю рѣдкаго управителя. Пріѣхавъ въ Скальвую, послалъ за нимъ. Онъ не замедлялъ пріѣхать ко мнѣ, обозрѣлъ мое хозяйство и согласился быть моимъ управителемъ. Первые три мѣсяца я его распорядкомъ былъ очень доволенъ; когда я у г. Текелія занялъ деньги, то онъ мнѣ присовѣтовалъ закупить молодаго скота и выкормя оный продать съ выигрышемъ; на это онъ согласился ѣхать въ Малороссію и сію покупку сдѣлать; я ему далъ 2000 рублей и нѣсколько подводъ, на которыхъ онъ долженствовалъ привезти свою жену и имущество, въ его хуторѣ оставшихся. — Когда онъ уѣхалъ, я началъ помышлять, какъ легко я полагался на человека мнѣ вовсе незнакомаго и ввѣрилъ ему деньги, имѣя въ закладѣ только оставшуюся лошадь клепера, цѣною рублей въ 15-ть и думалъ, ежели онъ уйдетъ съ 2000 рублями, то я на оные куплю клепера вмѣсто скота. — Однакомъ по прошествіи нѣсколькихъ недѣль онъ возвращается и отдалъ мнѣ деньги всѣ въ цѣлости,

не купивъ скота, по причинѣ сильно жаркаго лѣта, а гнавши его отъ города Лубень, мало гдѣ рѣки есть, пришлось бы поить изъ колодезь, отчего могъ бы быть убытокъ. Такъ онъ говорилъ. Я полагалъ дѣй причины возврата денегъ: или то, что бывшіе мои мужики съ нимъ ему препятствовали сіе мошенничество произвести въ дѣйство, или онъ надѣялся со временемъ ввѣренія отъ меня болѣе 2000 и тогда обмануть.—Съ прїѣзда сего онъ началъ притѣснять торговавшаго въ Павловкѣ моей деревнѣ водкою жида, который 8-мь лѣтъ въ шинку находился и за которымъ никакихъ безпорядковъ не замѣчалось, и мнѣ совѣтовалъ его смѣнить, а онъ обѣщалъ сыскать русскаго, который гораздо больше прибыли дастъ. Я на это не согласился.—Далѣе я замѣтилъ по работамъ крестьянскимъ великое упущеніе и то, что крестьяне малыши ему подарками откупались отъ работы; я его выслалъ отъ себя прочь и послѣ узналъ, что онъ разбойникъ, что мысль его была, выживъ жида изъ Павловки, поставить русскаго разбойника, съ которымъ рѣзать за одно кого можно будетъ въ Павловскомъ шинкѣ.—Сей бездѣльникъ удалился на свой кучоръ, и проѣзжая я года три спустя послѣ его удивился не видя на томъ мѣстѣ, гдѣ его дожь своею опрятностію меня прельстившій, ни кола. Я спросилъ, что это значило?—Мнѣ отвѣчали, что два купца захвали къ Добровольскому на ночлегъ, у которыхъ онъ замѣтилъ деньги, и когда они уснули, то онъ явился съ нѣсколькими своими сообщниками, зарѣзалъ какъ купцовъ, такъ и ямщика и ночью же на ихъ лошадаяхъ отвезъ ихъ въ поле и бросилъ въ разрытомъ мургаи; по утру охотники, видявши около онаго за звѣремъ, замѣтили собакъ своихъ собравшихся и лаявшихъ около труповъ; охотники бросились туда, увидѣли зарѣзанныхъ, отъ которыхъ пошли по слѣду, какой еще видѣнъ былъ на травѣ каплями крови обгащенной, и сія кровь ихъ довела до дома Добровольскаго, гдѣ они еще болѣе увидѣли слѣдовъ смертоубійства. Добровольскій схваченъ, преданъ суду, вшещенъ кнотомъ и сосланъ въ Сибирь.

Я имѣлъ много хлопотъ, пока землю, мнѣ отцомъ оставленную, увидѣлъ наконецъ утвержденною за собою. Въ 1805 году началось генеральное межеваніе нашимъ землямъ. Куча землеустроивъ съ помощниками, писарями, учениками, пиками, астролябіями и ихъ женами съ дѣтьми заняли мой домъ, жили два мѣсяца, пока обошли землю, которую можно было обойти въ недѣлю, ибо земля межована и ту межу только надобно было новѣрить. Надобно было сверхъ со-

держанія всѣхъ дарить. По отъѣздѣ сей экзекуціи, вошелъ Лебедь съ претензіей. Кончилъ все сіе указъ сената, которымъ велѣно временныя земли утвердить навсегда помѣщикамъ со всѣми тѣмъ, что на оныхъ имѣется ¹.

¹ Оканчивая печатаніе Записокъ А. С. Пищевича о его жизни, считаемъ нелишнимъ указать на двойной интересъ извѣстій, въ нихъ заключающихся: съ одной стороны онѣ даютъ немало свѣдѣній, обрисовывающихъ провинціальный бытъ тогдашняго средняго дворянства и будничную жизнь армейскаго офицера; а съ другой представляютъ много данныхъ о военныхъ дѣйствіяхъ русской арміи въ Крыму и на Кавказской линіи въ послѣднія два десятилѣтія прошлаго вѣка. Эти данныя доходятъ до такихъ мелочей и подробностей, которыхъ не предлагаютъ другіе источники, обыкновенно составляющіе главнѣйшій матеріалъ для военныхъ историковъ. Извѣстія, сообщаемыя А. С. Пищевичемъ, кромѣ похода закончившагося присоединеніемъ Крыма къ Россіи, касаются: а) похода грузинскаго царя Ираклія подъ Ганжу, при содѣйствіи русскихъ, въ 1784 году; б) борьбы съ Шихъ-Имамъ-Мансуромъ въ Чечнѣ и Кабардѣ въ 1785 и слѣдующихъ годахъ; в) походовъ за Кубань и подъ Анапу 1787—1791 годахъ, и г) наиболѣе громкой изъ тогдашнихъ побѣдъ русскаго войска въ Кавказскомъ краѣ,—побѣды надъ анатолійскимъ сераскиромъ Баталь-пашей, понавшимся въ плѣнъ, прожившимъ въ Россіи девять лѣтъ и съ сожалѣніемъ потомъ разставшимся съ нею. При этомъ авторъ болѣе всего говоритъ о дѣйствіяхъ полковъ Петербургскаго и Астраханскаго драгунскихъ, Нарвскаго и Ростовскаго карабинерныхъ, тогдашнихъ главнокомандующихъ на Кавказѣ генераль-поручика П. С. Потемкина, генераль-аншефа П. А. Текелли, генераль-поручика графа А. Б. де-Бальмена и генераль-аншефа И. В. Гудовича. Не мало подробностей встрѣчается въ Запискахъ и о другихъ военныхъ дѣйствіяхъ того времени. Лучшею повѣркою свѣдѣній, сообщаемыхъ П—мъ, могутъ быть соотвѣтственныя имъ страницы «Матеріаловъ для новой исторіи Кавказа, съ 1722 по 1803 годъ, собранныхъ И. Г. Бутковимъ» (въ трехъ томахъ, С.-Пб. 1869): свыше 50 личныхъ именъ и 40 топографическихъ названій, встрѣчающихся у П—ча, имѣютъ свою исторію и въ Матеріалахъ. Остается прибавить, что А. С. П—чъ, не смотря на не очень удачную въ смыслѣ отличій и наградъ службу, питалъ сильную привязанность къ царствованію Екатерины и теплую любовь къ великорусскому солдату.

О П Е Ч А Т К И:

Стр.	1 строка	5	напечатано: 1790	слѣдуетъ: 1794.
»	107 и 108	—	Скагѣватую	» Скагѣвую.
	120 строка	13	Савельскимъ	Савельевъ:мъ.
	128 и 129	—	Острогорскій	Острогомскій.

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

МНИМЫИ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ И ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ РОССИИ.

П. А. Безсонова.

МНИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ
въ Россіи.

Вопросъ выставленный нами въ заглавіи, и не новый, и далеко не законченный въ наукѣ, въ литературѣ, въ области ходячихъ политическихъ мнѣній. Онъ періодически повторяется отъ времени до времени и часто съ новою силою, хотя и съ обыкновенною неудачею; онъ извѣстенъ и у насъ и между Славянами, особенно среди Поляковъ; онъ отзывается иногда и съ замѣтными слѣдами въ иностранныхъ сужденіяхъ о Россіи. Мы нѣкогда подробно разобрали его въ отношеніи къ «народному творчеству», * по поводу статей почтеннаго археолога г. Стасова, который выводилъ изъ Азіи, отъ Туранцевъ и Монголовъ даже самое содержаніе, а тѣмъ болѣе приемы нашего народнаго эпоса: между тѣмъ сужденія автора въ новомъ видѣ и историческомъ примѣненіи, еще очень недавно занимали пятый Археологическій Сѣздъ, встрѣчая конечно возраженія, но не теряя за собою инициативы и вызывательнаго характера. Еще недавно въ Галиціи изданъ учебникъ **, предназначенный для народныхъ школъ и увѣряющій, что «по ученымъ изслѣдованіямъ Русскіе или Москали не относятся къ Славянскому племени и не происходятъ отъ расы Кавказской, напротивъ отъ Монгольской—Азіатской». Самъ К. Дм. Кавелинъ столь извѣстный историкъ и публицистъ въ своихъ очеркахъ Россіи, вынесенныхъ изъ послѣднихъ поѣздокъ во внутреннія ея области и печатавшихся въ нашей періодической прессѣ, не далекъ отъ убѣжденія въ томъ же, хотя и съ замѣтнымъ сожалѣніемъ, какъ бы противу собственной склонности. Наконецъ, и г. Кулишъ *поднялъ

* Въ VIII-мъ томѣ изданія «Историческихъ Пѣсней».

** *Gauletier*. «Всеобщая Географія. (Geografia powszechna).

то же знамя надъ своими произведеніями въ Галиціи и по его теоріи оказывается, что *Туране* начинались уже чуть не съ лѣваго берега Днѣпра вплоть до Москвы. Не говоримъ о болѣе мелкихъ явленіяхъ печати въ томъ же родѣ, со временъ Екатерины доселѣ, ни о той фалангѣ людей, порою весьма безпристрастныхъ, увлеченныхъ въ сторону подобнаго воззрѣнія ради авторитетовъ, въ странахъ современнаго Славянства.

Все это даетъ вопросу въ нашихъ глазахъ значительную важность, неоспоримую уже ради одного только періодическаго повторенія, ради именъ въ немъ участвующихъ и ради близкой къ намъ современности. Если въ немъ видную роль играютъ иногда политическія тенденціи и расчеты, не справляющіеся съ наукой, то къ этому мы совершенно равнодушны, полагая, что политика должна истекать изъ дѣйствительной жизни и истины, а не наоборотъ; самые «ужасные» выводы, рассчитанные на политику, нисколько насъ не пугаютъ и мы готовы въ ихъ адептахъ признавать всю искренность убѣжденія, всю готовность послѣдовать истинѣ, если она убѣдительна. Но когда подобныя взгляды пролагаютъ себѣ путь въ серьезную науку или прикрываются «учеными изслѣдованіями», якобы несомнѣнными и безъ строгаго отчета въ ихъ результатахъ, безъ повѣрки, а по слуху или на слово; когда при этомъ выставляются quasi-«неопрровержимыя» данныя этнографіи и этиологіи, антропологиіи и археологіи, вообще же фигурируетъ «ученость» и «подлинная наука»; когда это не одинъ уже литературный очеркъ, не одинъ пріемъ публициста и намѣренный мотивъ политика: во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, такъ сказать, чувствуемъ себя желовко, ибо по нашимъ крайнимъ убѣжденіямъ и доступнымъ свѣдѣніямъ здѣсь наука рѣшительно ни причемъ, всѣ свѣдѣнія основаны чисто на одномъ невѣдѣніи или недоразумѣніи, а самый простой взглядъ науки, самая азбука ея пріемовъ, ведутъ прямо въ сторону противоположную. Еще болѣе: мы сознаемъ уже свою обязанность и непрѣмный долгъ—войти въ разсмотрѣніе вопроса и по существу и по его притязательной формѣ. Мы это и сдѣлаемъ въ предѣлахъ и въ характерѣ статьи журнальной.

Есть еще одна важная сторона разбираемаго вопроса: онъ ведетъ прямо къ вопросу о такъ называемомъ «Монгольскомъ (у другихъ «Татарскомъ» или «Туранскомъ») игѣ», о нашихъ отношеніяхъ къ выходцамъ Авіи, къ нашимъ врагамъ или послѣдовавшимъ нашимъ пріемышамъ, о противодѣйствіи имъ, влияніи на насъ или ассимиляціи съ ними, и все это съ древнѣйшихъ временъ отъ Гунновъ (или даже ранѣе) до новѣйшихъ Турокъ и Татарицевъ. Струя этихъ отношеній

и взаимодействій протекаетъ всю нашу исторію и во многомъ ее обуславливаетъ. Разумѣется, кромѣ научнаго интереса «Русской исторіи», это отзывалось и отзывается на составъ нашего народа, на складъ общества и на строй государства; а далѣе уже на вѣрованіяхъ и преданіяхъ, на языкѣ и творествѣ, на всемъ вышнемъ бытѣ до его послѣднихъ мелочей. Вездѣ здѣсь неотразимо важно знать и даже пользоваться знаніемъ, на сколько помянутыя отношенія, воздѣйствія, сліянія или отпоры тому были дѣйствительны, глубоки и сильны. Это очевидный уже переходъ къ *практикѣ* и къ *примѣненію* знанія.

Всякое знаніе и въ самой строгой наукѣ, ближе или далѣе въ концѣ концовъ имѣетъ и обнаруживаетъ примѣненіе къ практикѣ жизни. Отстраняя въ этомъ родѣ политику, помянутую выше, въ данномъ вопросѣ мы указывали однако лишь только *ту* политику, которая своими расчетами «простерта на насъ, въ нашу сторону», чтобы вредить намъ или, въ лучшемъ смыслѣ, установить правильныя отношенія къ намъ. Но есть же и должна быть, кромѣ того, политика *наша собственная* и не та одна, которая касается государственнаго устройства или дипломатіи, и не одна полиція (того же происхожденія), но и политика въ коренномъ смыслѣ — политическая жизнь *гражданъ* среди условій общественныхъ, и политическія отношенія къ *народу*, и отношенія *его самого* къ *политическому бытію*. А' здѣсь вопросъ о помянутыхъ сношеніяхъ, взаимодействіяхъ и ассимиляціи — вопросъ важности первостепенной, *прямо, безъ посредства* дѣйствующій на ежедневную и обиходную практику жизни. Вопросъ о Туранствѣ и Монголизмѣ, о вліяніи его, объ отпорѣ ему или дѣйствіи на него, о чистотѣ или подмѣси народнаго состава, общественнаго склада и государственнаго типа, этотъ вопросъ тѣснѣе связанъ съ *вопросомъ объ инородцахъ вообще*, стоящимъ на очереди со всею неотложностію. Всякіе Туране и Монголы не одиноки въ своемъ типѣ и въ исторіи столкновеній или жизни съ нами: многочисленными вѣтвями, чертами и постепенными переходами они непремѣнно связуются съ *инородцами прочими*, не Русскаго вообще или въ частности Азиатскаго происхожденія и типа, племени, нарѣчій и быта; эти послѣдніе въ большей или меньшей связи съ Туранами и Монголами, но также точно входили и входятъ въ нашъ составъ, складъ, строй и бытъ, положительно ли своимъ вліяніемъ и ассимиляціей или отрицательно — нашимъ противодѣйствіемъ, или наконецъ — положительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ самихъ, со стороны силъ нашихъ, неизбежно отъ того напрягавшихся и формировавшихся такъ или

иначе. Между тѣмъ, не говоря здѣсь объ инородцахъ *европейскихъ* (гораздо болѣе съ родни намъ), ни объ *симитическихъ* (слишкомъ вліятельныхъ еврействомъ), ко всѣмъ *прочимъ инородцамъ*, какъ нарочно всего болѣе связаннымъ съ Туранствомъ и Монголизмомъ, напридѣръ къ разнымъ вѣтвямъ *Чуди*, мы стоимъ доселѣ болѣе, чѣмъ странно и въ знаніи и на практикѣ. Мы или эксплуатируемъ ихъ, подавляемъ и заставляемъ вымирать (какъ преимущественно въ Сибири), или допускаемъ ихъ эксплуатировать насъ самихъ (какъ частію въ Европейской Россіи), или вытѣсняемъ ихъ въ Азію, или теряемъ для себя отъ сліянія ихъ съ цивилизаціей сосѣдей Европейскихъ или портишь ихъ, или не пользуемся какъ слѣдуетъ ихъ способностями и силами, или хладнокровно допускаемъ простыя наши массы поддаваться ихъ типу, или насильно руссируемъ ихъ, или грубо отталкиваемъ отъ себя, или безотчетно воспринимаемъ отъ нихъ въ себя самихъ худшее, не зная и не оцѣнивая лучшаго и т. д. Однимъ словомъ, мы и не *знаемъ* ихъ научно и практически, а въ то же время *импортируемъ*, въ практикѣ ведемъ ихъ *куда-то* безотчетно, подчинены же имъ *безсознательно* и *пассивно*. Тутъ нѣтъ *мыры силъ*, ни своихъ, ни чужихъ, а потому нѣтъ и *правильнаго пользованія* и должной *пользы* ни имъ, ни намъ. Все это можетъ продолжаться *такимъ путемъ* или должно кончиться дурно: а все это зависитъ отъ недоразумѣнія, дагѣ отъ невѣдѣнія, аи *fond*—отъ безучастія и отсутствія науки. Понятно, что мы всей душою желали бы возвысить посильный ея голосъ, пользуясь ближайшимъ случаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить и опредѣлять *существенныя черты* вопроса.

И этого мало. Съ вопросомъ объ инородцахъ неразрывно связанъ вопросъ и о *переселеніяхъ*, поставленный уже на очередь и, слава Богу, пущенный такъ или иначе въ ходъ. Мы не знаемъ еще хорошенько *составъ* нашего народа, не вѣдаемъ въ точности и объ *другихъ, историческихъ* ли они народы, съ извѣстнымъ достоинствомъ и обязательностію своихъ задатковъ, или крупныя *племена*, или мелкія и низшія *расы*, или даже *дикия* съ организованнымъ ли *языкомъ*, или съ *нартіемъ* и *первыми* ступенями рѣчи. Естественно, мы не знаемъ и отъ того практически не можемъ съ правильностію рѣшить, *кого* намъ беречь, какъ свою основу, кого выводить, *каковы* ихъ историческія потребности и *каковы* *дійствительныя* средства для удовлетворенія, *куда* ихъ переселять, съ *какими* *сосѣдями* сводить, отъ какихъ *удалать* или предостерегать, однимъ словомъ, *какъ направляти* все это движеніе и какъ *фиксировати* осядлость. Мы въ этомъ дѣлѣ

совершенные младенцы: для нашего взора не только одинаковы Остякъ и Якутъ, Мордвинъ и Башкиръ, Осетинецъ и Калмыкъ, Черемисинъ и Татаринъ, Киргизъ и Тунгузъ, и т. д., но даже—увы—сверхъ мѣстности, податей и потребности въ пищу одинаковы намъ собственные крестьяне — Смолянинъ и Костромичъ, Новгородецъ и Калужанинъ, Малорусъ и Вологжанинъ, Тулякъ и Олончанинъ, и т. д. При переселеніяхъ, безъ знанія основъ и различій въ семь дѣлъ, какая путаница возможна, одинъ Богъ знаетъ: воображая оказать благодѣяніе, мы можемъ подсѣчь историческіе корни народности, перемѣшать и перебить разные типы, безъ нужды разложить одни, безъ пользы усилить другіе, лишиться лучшаго подъ руками, отдать надежнѣйшее подъ влияніе враждебное, поволнать и возвратити элементы, даже враждебные, обезсилить и стѣснить приемы. Никакія отвлеченныя воззрѣнія фиваэтропій, политическоя экономіи и администраціи тутъ не помогутъ: тутъ дѣло съ *архивою и житами народонаселенія*. По счастью, сюда уже обращены взоры науки, и на сколько она доступна намъ, мы припомнимъ ея давленія по поводу знаимаго Туранскаго «происхожденія Руси».

«Редакторы журнальной статьи и, какъ кажется, «первои» въ этомъ родѣ, на ступени «сыта», не позволяютъ намъ ни вдаваться въ мелкія частности, ни расширять вопроса, и безъ того общаго, до «всеобщности». Мы обязаны прежде всего ограничиться значеніемъ *Турама* и *Туранства* въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи и историческому развитію *Русскаго народа*. Мы должны при этомъ указать только *ближайшіе* къ *сему дѣлу имородцев* и роль ихъ относительно племеннаго состава, народнаго типа, влияния на общество и исторію. Мы возьмемъ ихъ въ исторіи *давнихъ перемѣнъ* и изъ истекающими отсюда *результатами*, которые самъ уже читатель легко выведетъ для практики *переселеній настѣпншихъ*. А чтобы избѣгнуть широты обзрѣнія въ самомъ началѣ, мы возьмемъ прежде *частный случай и поводъ*, отъ котораго уже *постепенно* войдемъ въ глубь нашего дѣла. Такимъ случаемъ и поводомъ, наиболее рельефнымъ, а потому и доступнымъ для «всѣхъ», послужитъ намъ вмѣсто нѣсколькихъ времени назадъ сочиненіе г. *Сумцова*: «О орадебныхъ обрядахъ, преимущественно Русскихъ» (Харьковъ). Существенное содержаніе и значеніе его мы разобрали критически въ № газеты «Русь». Но здѣсь есть еще отдѣлъ, который ищеть, по означеннымъ обрядамъ, опредѣлять типъ *Русскій* (Великорусскій съ Бѣлорусскимъ) и *Малорусскій*, тѣмъ самымъ восходятъ къ происхожденію обонхъ, возводитъ читателя къ *происхожденію Руси вообще*, а на этомъ пути

сталкивается съ вопросомъ о *Туристонъ* (и Монголизмъ): ибо, какъ известно, послѣдователи теории о семь послѣднемъ, ставя Великую (и Бѣлую) Русь въ ближайшее соотношеніе началъ съ Тураномъ, изъедаютъ отсюда *Русь Малую*. Г. Сумцовъ, какъ осторожный авторъ, не держится здѣсь воззрѣнія крайняго; но, предлагая факты, склоняющіе въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ симъ даетъ намъ самый лучший поводъ, начать разсмотрѣніе нашего дѣла именно съ *свадебнаго обряда*, самаго характернаго для опредѣленія типа народностей и ихъ столкновенія.

I.

Старинная поговорка. — «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомишь или близости въ сношеніяхъ, и я скажу, кто ты таковъ», принимается къ данному вопросу въ такое видѣ: «скажите, какова у него *свадьба* и какъ къ ней относятся; тогда мы рѣшимъ, *народъ* ли это, призванный жить исторически, или *племенная группа* и мелкая *раса*, въ *дикости* ли, или на ступени *нечеловѣчья*, въ переходномъ *дружинномъ* быту, или съ прочной осѣдлостью, земледѣліемъ и землевладѣніемъ, въ организаціи *народной* и на пути къ устройству *самобытнаго государства*. И это естественно: *свадьба* есть форма и выраженіе, обрядъ и главный актъ для началъ *брака*; бракъ есть основа и неизбѣжное условие созданія *семьи*; семья есть твореніе, существенная принадлежность и отличительный признакъ организованной *народности*; народность вырабатывается въѣмью и плодомъ ея — широкое явленіе, живое и обособленное существо *народа*, завершающаго свое призваніе въ жизни *политической*. Въ свадьбѣ выражается, запечатлѣвается и всѣмъ становится наглядна *исторія семьи*, со всѣми путями и періодами ея созданія, а вмѣстѣ и съ наличнымъ ея *обстоятельствомъ*: кто *семья* не создала, до нея не дошла или остановилась на полудорогѣ, у того нѣтъ и непрерывной исторіи сему явленію, а слѣдовательно нѣтъ и выраженія *полнота* — въ свадьбѣ. Но, какъ семья состоитъ изъ *человекъ*, такъ исторія ея вмѣстѣ есть исторія и выраженіе роли *отдельными членами семьи*, въ дѣлѣ же брака, разумется, по преимуществу исторія *сына* — жениха и будущаго супруга, а еще болѣе, еще главнѣе, — исторія *разныхъ образовъ и ролей дѣвъ* *). И въ исторіи самой семьи

*) Мы употребляемъ названіе — *дѣвъ*: такова она у «подлинныхъ», «историческихъ» народовъ, со своими древними, «божественными», то-есть искомыми смыслами и происхожденіемъ, какъ *идеалъ*, какъ *дѣва* (*дѣва* же и по традиціи многихъ Славянъ), — «божественная и дѣва». Человѣческая же, по «значе-

на поприщѣ реальной дѣйствительности, и въ ея творческомъ выраженіи обрядомъ и словомъ свадьбы, одинаково обрисовывается и выступаетъ передъ нами яркій образъ «дѣвы», по всѣмъ ступенямъ развитія ея *собственною* и развитія *представленій* объ ней, какъ жила и живетъ она въ окружающей средѣ, какъ ее поставила и какъ понимаетъ самая среда; такой образъ есть вмѣстѣ очеркъ среды, симптомъ ея понятій и отличительный признакъ ступени въ развитіи. Здѣсь представляется намъ рельефно, во очію и въ слухъ: положеніе, значеніе и пониманіе *женщины* вообще, женщины «просто или всякой»; далѣе выработанная высокая роль и добытое сознаніе объ ея *началахъ* или идеалѣ, — въ замкнутости ключей дѣвства, недоступности, таинственности, важности, въ очарованіи и привлекательности, однимъ словомъ значеніе и роль *дѣвы*, какъ самобытнаго и, скажемъ, «спеціального» явленія и существа въ мірѣ человѣческомъ (чего достигли далеко не всѣ расы и племена, въ чемъ достояніе «народовъ историческихъ»); потомъ (старше по ступени развитія и ранѣе другихъ фазъ) выступаетъ роль *сестры* — въ отношеніи къ брату, братьямъ и другимъ *сестрамъ*; за симъ опредѣляется значеніе *дочери* — предъ лицомъ отца и матери (опредѣлившись, какъ извѣстно, столь же не скоро *поверая* физическихъ условій); послѣдуетъ участіе дѣвы, сестры и дочери во *воспитаніи* семейства, въ устройствѣ его и въ хозяйствѣ (каковы—уходъ за малолѣтними и старыми, привлекательность роднѣ, призоръ за домомъ и животными, заготовленіе приданого и т. п.); появляется отношеніе къ *мужчинамъ* изъ иной семьи или другаго рода, выдвигающее *женхга*; обрисовывается положеніе *неотсты*, во всѣхъ періодахъ до завершения — *смотрящей, обтванной, суженой, створенной, зарученной, тнчанной*, и наконецъ *молодой* и готовой впереди *матери*, чѣмъ образуется уже *новая* семья, возрожденіемъ старшей, началомъ будущей. Такое дѣло и такая перипетія, раньше еще всякаго выраженія въ творествѣ обряда и слова, въ обычаѣ и учрежденіи, на пути собственнаго развитія, а потомъ и въ выраженіи, въ признаніи основъ и цѣлей, въ актахъ, реализованныхъ народнымъ бытомъ и закрѣпленныхъ гражданскими узаконеніями, такое — говоримъ дѣло — создаваясь и развиваясь съ постепенностью и твердостью выдержки, какъ рѣшеніе существеннаго вопроса въ созданіи творившейся семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ слагавшагося народа, — занимали они собою тысячелѣтія, волновали цѣлый міръ бурями

ской натурѣ и бытовая называется у нашего народа въ «производной» и «уменьшительной» формѣ—*дѣв-ица, дѣв-ушка*.

ожесточенной борьбы, огненными жертвами, кровавыми войнами, физическими насильствами и моральными страданіями; выстраданы въ смыслъ собственномъ, взяты съ боя тѣми, кому суждено было явиться народами и занять передовое историческое мѣсто; оставили за собою другихъ, остановившихся на ступени племенной, закружившихся въ кочевьѣ, окаменѣвшихъ въ дикости, но мстившихъ, но всячески мѣшавшихъ передовымъ; сопутствовали всему ходу созрѣванія народности изъ племенныхъ вѣтвей, вошли во всѣ формы быта, въ творчество и языкъ, отпечатались во всѣхъ «вѣкахъ» Археологій, отличили и обособили собою расы, выдвинувши народы, а изъ нихъ передовые; вмѣстѣ съ «народами» вывели за собою положительную исторію и цивилизацію, гражданство и политику; проникли насквозь всѣ религиозные культы, миры и поэтическіе образы; зашевелились въ зародышѣ между Тигромъ и Евфратомъ, разгорѣлись на Кавказѣ, сопровождали будущихъ индо-европейцевъ въ кочевьѣ по Ирану; съ мидо-персами и ихъ собратьями, послѣдующими представителями Европы, прошли по всей Малой Азіи, разрушили здѣсь культы древніе, несогласные съ ролью «Семьи» и «Дѣвы», создали новыя, реформировали архаической Эллинизмъ и воздвигли Аѳину-Палладу, подняли Лаціумъ и Энеадовъ, Весту, Весталокъ и Римъ; ввели побѣдоносныя вѣтви зародившихся историческихъ народовъ въ обладаніе почвою Европы, съ кивотомъ «Семьи» въ средѣ дружинъ, со знаменемъ — *остъ* со знаменемъ «Дѣвы» во главѣ.

Такой путь, даже въ «нынѣшней» наукѣ, какъ еще ни нова она въ вопросахъ «народныхъ», достаточно уже раскрытъ и ясенъ, обставленъ съ группированными фактами и памятниками, значительно изслѣдованъ, но, если кто другой, то Славяне всѣхъ больше повинны труду на этой благодарной почвѣ; они призваны прямо къ рѣшенію *остальныхъ*, сколько нибудь-темныхъ еще, сторонъ вопроса, недоступныхъ для иныхъ странъ и народовъ: именно—благодаря яркому и обильному свѣту Славянскаго *народнаго творчества*, разлитому по всѣмъ нашимъ памятникамъ—отъ летучаго преданія за тысячи опредѣлившихся словесныхъ формъ, до отвердѣвшаго обычая, а потому стойкаго, но не менѣе живаго и жизненнаго обряда. Первѣйшія извѣстія о предкахъ Славянскихъ, еще подъ Кавказомъ, соединены уже со сазаніями о всякой роли, о цѣлыхъ сонмахъ дѣвъ-жрицъ и о полчищахъ дѣвъ «мужественныхъ», *муже-женъ* или такъ называемыхъ «Амазонъ»; * главныя рѣки старшихъ Славянскихъ поселеній

* Темное названіе это лучше всего объясняется Славянскимъ *Мать-женъ*, (мал-женъ) (мал-женъ)—о соединеніи во единю мужины и женщины.

рядомъ съ именами «женъ» и «матерей», носятъ уже на себѣ имя «дѣвъ» (напр. «Парвеніосъ» у Енетовъ, «Гебрь» или «Марица» у Южныхъ Славянъ). Прошло нѣсколько вѣковъ—и тѣже сказанія, повторяемія Геродотомъ, оживаютъ еще болѣе: въ Скитіи и Сарматіи, т. е. въ нѣвѣшнемъ южномъ краѣ Руси, по Дону и до Волги, образы передовыхъ дѣвъ запечатлѣваются въ металлѣ и въ живописи; половина Дуная—Истръ (древняя Астара), съ символомъ звѣзды и мѣсяца, олицетворенъ фигурою и именемъ дѣвы; жила тогдашней жизни, главная рѣка Славянскихъ расселеній.—Донъ-Истръ (Днѣстръ) освященъ тѣмъ же именованіемъ; изъ нѣдръ земли «возстаютъ» нынѣ произведенія, рукою Эллиновъ помогавшія Славянину выразить его любимый и верховный образъ; впервые зазвучавшіе звуки «Славянскаго» языка отождествили уже дѣву съ божествомъ, а въ божествѣ признали дѣвство (это—помянутая *дѣва* и *дѣва* какъ у Индусовъ и Литовцевъ «дѣва» и «diewa-s»), божество, у Италиковъ *Diva* и *Diana*, *Dia* у Эллиновъ). Начинаются передвиженія съ Дуная въ Карпаты, съ Карпатъ спускаются наши предки дружинами: и вотъ по обѣимъ сторонамъ волшебнаго и священнаго Волхова протекаетъ съ громкою славою рѣка «Дѣвина» (Двина, Парвеніосъ Енетовъ), доселѣ у народа на всемъ Сѣверо-Востокѣ, и у Литовцевъ, и у Бѣлоруссовъ, слывущая «вѣщею дѣвою; тѣ же имена и символы при Винетѣ на Балтикѣ, и на Эльбѣ-Лабѣ, Дѣвъ-Лебеди, бѣлой Лебеди. Сказки—мистеріи нашей доисторическій древности—сгруппированы вокругъ центрального образа Царь дѣвицы, Марья—Марѣы—Елены бѣлой лебеди, повторяемой одинаково и въ эпосѣ; лучшій перлъ былеваго творчества—циклъ Микулы Селяницовича красуется строгою и одинаково нѣжною Настасьею, восторженной и драматическою Василисою; дѣвы—поляницы, дѣвы—богатыри, со своими бѣлыми шатрами, съ доспѣхами и побѣдами надъ страстью мужчинъ, покрываютъ какъ сѣтью Русскую землю среди эпической эпохи, уловляя и удерживая въ сѣтяхъ своихъ восхитительныя черты отдаленной старины; сквозь ту же сѣть замѣтно фильтруется послѣдующая исторія, на глазахъ народа и творчества превращая поляницъ въ кроткихъ супруговъ героямъ и въ полныхъ жертвы матерей героямъ—дѣтямъ; пѣсни семейныя и обрядныя (святочные и и подблюдныя) возвышаютъ дѣву на престолъ нравственной власти, на треножникъ гаданій и вѣщаній, предоставляя ей вынимать жребій, творить судъ людской судьбинѣ, назначать суженыхъ. Проясняется ли положительная исторія (VII вѣка), обличены дружины; колонизовавшія съ Татрѣ обширные края послѣдующаго Славянства, территорию «вторичныхъ» и обособившихся народовъ: и отъ Краковскаго

центра, отъ величаваго образа тамошней великодушной Ванды, на переходѣ къ лѣтописи, спускаются въ долины и равнины, въ члѣ дружинъ—какъ ихъ лучшее знамя и вѣрнѣйшій спутникъ, *невѣсты* Славянскаго союза, прототипы будущихъ семей земли Русской, Чешской и Сербо-Хорватской,—это наша Лыбедь (таже Лебедь) съ послѣдующей подобной Ольгою, Кася—Тетка и Любуша на западъ, Туга и Вуга (Волга) на югъ. На зарѣ исторической жизни, прелестнѣйшій цвѣтъ народной поэзіи и вдохновеннаго слова у Чеховъ («Судъ Любушинъ») не рисуетъ еще князя въ члѣ земли, пересозданной для политическаго бытія, но застааетъ уже во всемъ блескѣ дѣву: Любушу княжашую Любушу, правящую единственно силою чистоты и цѣльности бытія, Любушу судію, вѣщательницу, вождя сеймовъ, окруженную сонмомъ дѣвъ, столь же вѣщихъ, древними символами—огня и воды, скрижалями Славянскихъ законовъ съ «правдою по закону святу». Последнее слово этой поэмы есть тотъ знаменательный подвигъ, съ которымъ, не сведенная и не низложенная, *сама* Дѣва, силою сознанныхъ требованій исторіи, сходятъ добровольно съ исконнаго престола своего и предоставляетъ его князю—своему жениху и будущему супругу. Слѣдомъ затѣмъ, долгая и мятежная борьба народныхъ стихій, искавшихъ выхода къ опредѣленной практикѣ жизни, въ послѣдній разъ изображаетъ намъ остатки дѣвъ въ «дружинныхъ полчищахъ», ихъ крайнія усилія самозащиты и крайности самовластиа, горячіе порывы вернуть старину и окончательное украшеніе дѣвъ-амазонокъ: и быліны, и первыя страницы лѣтописи (Далимилъ, Косма), посвященный этимъ эпизодомъ, закрываютъ отъ насъ завѣсою переломъ вѣковъ переходныхъ. Когда завѣса приподнялась снова, на сценѣ является ясная, простая и даже обиходная, будничная дѣйствительность народа, съ его земствомъ и общинами, съ городами и бытіемъ политическимъ, съ семьею, съ пѣснями «житейскими» и обрядомъ. Казалось бы,—минувшее исчезло навсегда, бывое поросло одной былью и много—если уцѣлѣвшими былинами: нѣтъ, самое христіанство, воспринятое въ началѣ же исторіи, съ его высокимъ идеаломъ, сочетавшимъ «дѣву» и «матерь», не повредило давнимъ народнымъ основамъ, не антиквировало сущности въ идеалѣ языческомъ, напротивъ помогло только глубже сознать, понять и яснѣе выразить. И точно, въ эту пору, уже христіанскую и историческую, наступающій періодически среди семьи и народа моментъ *дѣвицы на возрастъ*, повторяемая въ сей средѣ эпоха *невѣсты* и *свадьбы*—воскрешаетъ съ неудержимой властью духъ прошедшаго, величіе и красоту, жизнь и мысль минувшаго: не какъ исчезшаго и про-

павшаго, какъ основѣ народнаго бытія, по требованью минуты снова возстающихъ къ жизни, къ дѣйствию, къ торжеству и празднику. Въ чемъ и какъ это выражается, сейчасъ очертимъ вкратцѣ.

Все что есть лучшаго, нажитаго народомъ, все возбуждено и стекается къ помянутому центру, группируясь вокругъ руководной идеи: глубочайшій смыслъ и разнообразнѣйшія перипетіи обрядъ, роскошное его убранство, широта пира, какая только доступна землевладѣльцу и земледѣльцу, самая драматическая пѣсня, самая выразительная рѣчь въ тысячѣ условныхъ, издревле идущихъ и наследованныхъ, формулъ, трогательнѣйшія мелодіи, массы переливовъ, оттѣнковъ и мелкихъ узоровъ въ нарядной и цвѣтистой обетановкѣ. Всмотриваясь и вслушиваясь, видимъ и слышимъ, что совершается по истинѣ какое-то *таинство*, и не даромъ христіанство, принявъ его изъ вѣдѣнія язычества, признало въ немъ «таинство» брака: но совершается таинство не молчаливо, не въ нѣмомъ дѣйстви обряда, а до внутреннѣйшей глубины высказано, выговорено, пропѣто, такъ что всякій приглашается къ разумѣнію. Выговаривается и поется слѣдующее. Та, которая была прежде на престолѣ или на горней вершинѣ земнаго міра (и въ обиходной жизни отъ того живетъ «на вышкѣ, въ горницѣ»),—дѣва сходитъ съ высоты, покорная «волѣ батюшки», ласковому увѣщанію матушки, голосу прищельца—какъ призыву будущности. Та, которая судила, была «дѣвою судною», подавала другимъ жребій изъ суда своего (изъ *со-суда*, вмѣщавшаго въ себѣ судъ и жребій по смыслу слова), получаетъ теперь жребій и на свою долю: и ей самой, какъ поетъ пѣсня, «къ суду пришло», и надъ ней повисъ роковой приговоръ, и ей сужденъ суженый, и ей—дологъ свободнѣйшей воли—наряженъ нарядъ, другъ и будущій владыка ряженный. Обречена она уговоромъ и заручена въ жертву: но, сверхъ того, должна *сама*, добровольно, личнымъ актомъ воли, подтвердить слово сговора, подать руку зарученному—обручнику, клятвою личного обѣта закрѣпить обѣщанія сторонъ, свѣщавшихся о судьбѣ ея. Ей предстоитъ жертва—въ честь союза, народомъ выработаннаго и установленнаго, на благо узъ, связующихъ самый народъ, въ честь семьи родной и на благо семьи новой: она должна принести жертву—самой собою, лицомъ и особою: собственной честью, чистотой, невинностью, стыдливостью; должна пожертвовать утраченной и оставляемой позади «лаской батюшкиной, вѣгой матушкиной», любовью братской, дружбой подругъ, привѣтомъ рода; эта жертва и далеко впередъ—на физическія муки и нравственныя тревоги, на заботы и труды новаго дома. Кто виноватъ здѣсь? *мы* можемъ понять, что виновна

история, — виновато явленіе міровое, оложившійся народъ и созданная имъ семья. Но лицо, обреченное на жертву, терлется въ догадкахъ личныхъ и останавливается на одной: невеста признается передъ всѣми, что *виновата сама она* — своими возрастомъ, красотой, приманкою прелести, очарованіемъ, которое прежде въ рукахъ ея казалось всесильными, покоряющими чарами; виновата чувствомъ любви, простертымъ въ міръ, зашевелявшимся въ личномъ сердцѣ; она, какъ поетъ пѣсня «сама наложилла руки на себя и на свою голову», какъ возлагалъ руки жрецъ на облюбованную богами жертву. Сочетаніе силъ міровыхъ и законовъ народныхъ съ самыми рѣшительными актами личной воли. Еще слава Богу, что въ туманномъ гаданіи проносится утѣшеніе и проявляется будущее до непреложнаго пророчества; что честь возвратится сугубо въ почетной роли супруги и матери, что жертва окупится священнымъ долгомъ и законнымъ счастіемъ, но отъ того не легче для текущей минуты: гроза и туча надвигаются встрѣчу; «уже сажаютъ, уже несутъ, уже ставятъ къ вѣнцу,» повторяется вокругъ; въ трепетъ и слезахъ-живая, невинная, добровольная мученица всесильной природы и историческаго прогресса. Подняты высоко чувства, мысли и рѣчи всѣхъ присутствующихъ: не даромъ Германцы назвали свадьбу *Noch zeit*, — «возвышенное время, величавый моментъ.» Кругъ дѣвиць — подругъ, какъ *моръ за встаетъ* въ смыслѣ классическомъ, какъ лицо жизни всеобщей рассказываетъ въ пѣняхъ о совершающемся, рисуетъ прошлое, выражаетъ участіе современное, предвѣщаетъ будущее и въ послѣдній разъ провожаетъ члена дѣвической судьбы своей на судьбу новую. Подлинное таинство изъ таинствъ, драма изъ драмъ: торжество жизни текущей, зеркало доисторической, завѣтъ будущей. Не одни здѣсь слезы и ноцѣлуй окружающихъ, не одни ихъ рѣчи, причитанья и пѣсни: изъ глубины доисторической притекаетъ сюда вся религія-язычества, пытаясь обмѣномъ идей сочетаться съ христіанствомъ; встаютъ образы мифологіи, оживаетъ наслѣдство вѣковаго творчества; со dna племенной и народной жизни, изъ основъ представлений и изъ давнихъ стихій языка, всколыхнувшись, бьетъ волна какъ — текущая дѣйствительность: съ яркостью отражаетъ она и прозрачное дно, и на поверхности своей окраску отъ явленій современности.

Нужно только дивиться, какъ весь этотъ, широкій, величавый, прекрасный и громкій міръ Европейская цивилизація свела въ скорлупу, засушила безумнымъ парадомъ, лишила слова, мелодіи, музыки и всего творчества, обнажила отъ драматическаго дѣйствія, упростила простотою физическихъ матеріальныхъ условий и коммерческаго дого-

вора, а юрисдикція перевела на листъ бумаги съ нѣсколькими чернильными строчками. Но еще удивительнѣе, какъ мы сами у себя не знаемъ своего наслѣдія и богатства, игнорируемъ совершающееся, не изучаемъ уцѣлѣвшее въ тысячѣ памятниковъ живыхъ; какъ изучая при случаѣ, мы бѣдны мыслию и пониманіемъ, довольствуемся жиденкою книжкой, срисовываемъ въ нее значки и буквы исторической жизни, кое-какія формы обряда и кое-какія толкованія, изъ сочиненій нѣмецкихъ «спеціалитовъ».

Между тѣмъ, отступая отсюда хотъ на минуту, задаемся вопросомъ: очерченное нами вкратцѣ, въ двухъ-трехъ чертахъ изъ милліоновъ, и какъ явленіе дѣйствительности, и какъ выраженіе въ словѣ, пѣснѣ, музыкѣ, обрядѣ и цѣлой вереницѣ образовъ, а наконецъ, какъ пониманіе, отсюда же истекающее, какъ связь идей, условленная этими фактами, — *существуетъ* ли все это или хотъ *возможно* ли въ мірѣ Туранскомъ и Монгольскомъ, какъ бы широко мы ни представляли его? Конечно нѣтъ, неизвѣстно тамъ или проникло туда въ самомъ лишь грубомъ видѣ, въ извращенномъ смыслѣ или въ формѣ займа и подражанія. Міръ Арійскій, міръ Индо-европейскій, міръ «историческихъ—народовъ» всегда былъ въ данномъ случаѣ богатъ и цѣлѣнъ, развѣ только *утратилъ* изъ наслѣдства среди теченія политическихъ водоворотовъ на западѣ Европы; у насъ же, Славянъ и Русскихъ, доселѣ *сохранилъ* достояніе, но всею еще обилию и разнообразію, также постепенно утрачивая, но *далеко еще не утративъ*. По одному уже этому, какое же Туранское *вліяніе*, а тѣмъ паче *происхожденіе*? по пойдемъ далѣе.

Изъ предыдущаго ясно, какъ важны всѣ *подробности* «свадьбы», въ обширномъ, означенномъ выше, объемѣ: пѣтъ мелочи, которая не имѣла бы глубокаго значенія для исторіи женщины и особенно дѣвицы, для разъясненія, какъ слагалась семья, творился народъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ рисуется характеръ Индо-Европейцевъ, въ частности же Славянъ и Русскихъ, существенно отличный отъ Туранизма и Монголизма. Потому мы очень рады помянутой книгѣ г. Сумцова: она посвящена именно древностямъ, на которыхъ остановимся и мы, извлекая постепенные выводы для нашего главнаго вопроса.

Къ сожалѣнію и эта книга, и всѣ помянутыя сочиненія подъ вліяніемъ одного направленія указываютъ на знаніе положительной или лѣтописной исторіи, на чтеніе письменныхъ и печатныхъ памятниковъ, но вмѣстѣ обличаютъ слишкомъ недостаточное знакомство съ *бытомъ* и *складомъ* народа, и наличнымъ, и въ доисторической судьбѣ его постепеннаго созиданія, однимъ словомъ — съ Этнографіей и Этно-

логіей, опирающихся на Археологію. Съ другой стороны, при сличеніи съ другими народами и племенами, особенно же съ Туранцами и Монголизмомъ, фигурирующими всего болѣе, знаніе оказывается еще скуднѣе: оно не держится даже вещественныхъ и письменныхъ памятниконъ, не прибѣгаетъ къ нимъ, а довольствуется легкими отзывами, кое-какими воспоминаніями изъ чего-то читаннаго, нѣсколькими выдержками и цитатами изъ популярныхъ и ходячихъ сочиненій» да «общимъ мнѣніемъ», безотчетно сложившимся въ убѣжденіе. И это простирается одинаково на сужденія всѣхъ нашихъ писателей не-спеціалистовъ отъ г. Стасова до гг. Кавелина и Кулиша. Имѣя дѣло съ г. Сумцовымъ, мы одинаково отвѣчаемъ и имъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы вызваны указать нѣкоторыя черты, изъ быта или склада помннутыхъ народовъ и племенъ, утвержденныя современною наукою до оксіомы.

Наконецъ, теорія «Туранизма» имѣетъ тотъ существенный признакъ, что совершенно выдѣляетъ изъ сей «заразы» *Малую Русь*, и по происхожденію, и по вліянію на нее, обрушивая всѣ потоки гибельнаго источника на *Русь Великую*, вмѣстѣ или отчасти съ *блгоу*. Это оказываетъ неотразимое воздѣйствіе на писателей и ученыхъ изъ *Малоруссовъ*; что заставляетъ одинаково и дѣтей нашего Сѣвера, и Востока, «огораживать»; «защищать» и «устранять» съ опаснаго поля изслѣдованій «неповинную и безучастную въ Турано-Монгольствѣ Малороссію. Сохрани насъ Богъ усматривать здѣсь вѣяніе какого-то «сепаратизма», самое предположеніе и имя котораго становится нынѣ гнусно или пошло. Всякій долженъ любить свой край, отстаивать его рѣчь, плѣняться его звуками и образами, дорожить его исторіей, поддерживать самостоятельное развитіе его народныхъ основъ; а со стороны, не принадлежа къ этому краю по рожденію, всякій можетъ и въ правѣ отдавать ему предпочтеніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ и на твердыхъ опорахъ убѣжденія. Мы первые тому сочувствуемъ, всего менѣе склонны здѣсь къ какому либо пристрастію: нѣтъ дѣла никому до нашихъ предковъ (которые однакоже принадлежали Галичу и Волини); солидарность же нашихъ интересовъ съ *Южнымъ Русскимъ краемъ* свидѣлствуется уже тѣмъ, что мы посвящаемъ ему настоящіе труды, а можетъ статься и послѣдніе годы. Вообще работы наши «на Славянъ» и «для Славянъ» обезпечиваютъ намъ мирное гражданство въ каждомъ «Славянскомъ» уголкѣ, не говоря уже о «Русскомъ» какой бы то ни было вѣтви. Потому, между прочимъ, мы наиболѣе горюемъ и досадуемъ даже, когда писатели изъ Малоруссовъ недостаточно изучаютъ свой край, а сторонники ихъ съ Сѣвера и Востока не доказываютъ своего участія вниманіемъ и

трудомъ изслѣдованія *). Но тѣмъ больше, гдѣ явно нарушается безпристрастіе, по невѣдѣнію или предубѣжденію и въ явной ущербъ наукѣ, гдѣ незаслуженно несетъ упреки Русь Великая съ бѣлою, а предпочтительныя достоинства Руси Малой не утверждаются на точномъ знакомствѣ съ ней, притомъ гдѣ это клонится не къ теоріи Туранизма,—тамъ мы обязаны возстановить *равновѣсіе сторонъ*: именно для главной нашей цѣли, чтобы опредѣлить мѣру вліяній Туранизма на ту или другую сторону, и способность сторонъ къ воспринятію вліянія, и пассивность ихъ или энергію и отпоръ. Мы и начнемъ съ выписки такихъ «щекотливыхъ» мѣстъ изъ книги г. Сумцова: мелочи лучше всего доведутъ насъ до крупнаго (но мы здѣсь не будемъ повторять того, что высказали уже въ рецензіи на книгу, въ газетѣ «Русь»).

Такъ у автора мы встрѣчаемъ положеніе, что въ Малорусскихъ свадьбахъ и въ сопровождающихъ ихъ пѣсняхъ «оказывается болѣе простоты и естественности» (стр. 175), а нѣсколько выше высказана аксіома: «Хотя во всѣхъ Славянскихъ свадьбахъ много языческаго, древняго, свадьба южно—Русская отличается *особенной цѣльностью*» (стр. 5). Кромѣ голословности такихъ завѣреній, кромѣ того что авторъ не цитуетъ и видимо не знаетъ ни всей массы Велико-русскихъ свадебныхъ пѣсней, ни самихъ свадебъ, совершаемыхъ во многихъ областяхъ Велико-русскихъ съ такою торжественностью и цѣльностью, которая далеко оставляетъ за собою нынѣшнюю Малороссію, въ приведенныхъ аксіомахъ явное противорѣчіе, ибо напр. «особенная торжественность» обряда конечно уже исключаетъ «простоту». Но промахъ болѣе увеличивается, когда преимущество свободы Малорусской, выражаемое «простотою, естественностію» и «цѣльностью», и «истекающее по мнѣнію автора изъ остатковъ «язычества и древности», въ то же время противопоставляется свободѣ *Великорусской*, между тѣмъ какъ на тѣхъ же страницахъ у автора начало свадьбы (восходящее слѣдовательно къ язычеству и древности), свадьбы «въ особенности *Великорусской*», отличается *грубою первобытностію*.

*) Когда наприм. г. Сумцовъ, распространяясь о «солнечномъ культѣ» и «лучѣ» въ ихъ вліяніи на Русскую свадьбу, забылъ (и это лучшее предположеніе) отмѣтить и выставить «Малорусское значеніе имени *луня*—какъ «отраженія» и «отзвука» (сколько бы онъ выигралъ отсюда результатовъ для характеристики отношеній дѣвы къ женѣ, невѣсты къ жениху, жены къ мужу!); или когда типическое *иллице*, играющее передовую роль въ Малорусской свадьбѣ, онъ во всей книгѣ называетъ почему-то *виллице* (срубленное дерево, Нѣмецк. *Holz*), поправляясь только (почему?) въ прибавочныхъ «положеніяхъ».

Первобытность въ данномъ случаѣ, появляющаяся «въ началѣ», прямо изъ эпохи язычества и древности», она и есть конечно ничто иное, какъ «простота и естественность». А всего рельефнѣе тотъ примѣръ, что авторъ, руководясь въ результатахъ лишь памятниками изданными и пѣснями отпечатанными, но пропуская здѣсь не только массу свѣдѣній и описаній, помѣщенныхъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и подобныхъ источникахъ, не зная даже такого изданія, какъ «Веселая Эрато на Русской свадьбѣ» (1800 г.), пользуется самыми пѣснями такъ, что печатаётъ: на деревѣ кипарисовомъ заморскія пташечки «поютъ *Ростовскія* пѣсни», вмѣсто «*райскія*» (стр. 178). Какъ же при такомъ обращеніи съ источниками, даже не *посмотрѣвъ* свадьбъ Велико-русскихъ и не *послушавши* ихъ пѣсней на мѣстѣ (а въ этомъ авторъ долженъ сознаться и на это даже не претендуетъ), рѣшиться на предпочтеніе мѣстному родному краю и на смѣлый укоръ другому?

Слѣдующіе за тѣмъ выводы автора ближе къ фактамъ, касаются прямо *частностей* и *дробностей*, а потому намъ легче и скорѣе можно ихъ провѣрить. Такъ (стр. 25) читаемъ, что «въ Великой Россіи *родительскій произволъ* господствуетъ еще *неограниченно*, и невѣста *продолжаетъ* призывать Бога *судей* надъ ея отцомъ и матерью, *приневольившими* ее выйти за мужъ.» Явленіе, конечно, нехорошее и дѣйствительно кое-гдѣ замѣчаемое за послѣднее время: но впервыхъ какъ *частный случай* и *исключеніе*, вовторыхъ какъ естественное послѣдствіе *огрубѣнія народа*, спущеннаго *въ низшій классъ* и вѣка два *закрѣпощеннаго*, лишенаго долго существеннаго права, пособія цивилизаціи, средствъ жизни, школъ грамотности и т. д.,—все очень хорошо извѣстное. Еслибы народъ былъ только *предоставленъ самому себѣ* и *безъ государства* (какъ напримѣръ это было у южныхъ Славянъ, гдѣ конечно нельзя же считать «государствомъ» владычество наѣзжей орды въ теченіе 400 лѣтъ), такой порчи не могло бы произойти: въ государствѣ же, рядомъ съ народомъ, почти всего лишеннымъ, стояли классы все получавшіе, а народу даже не «дозволялось» оставаться самимъ собою, въ него вторгались формы и силы, развѣдавшія его бытъ и самое существо. Очевидно, что въ первомъ отношеніи случай возможенъ всюду, не исключая и Малороссіи, во второмъ отношеніи порча одинаково простиралась и на нее. Между тѣмъ, какъ видите, авторъ совсѣмъ напротивъ, явленіе и случай возводитъ въ «господство» и притомъ «неограниченное», съ прибавкою «сице» и съ замѣчаніемъ, что протестъ угнетенной дочери «продолжается», стало быть начало явленія возводится къ самой древности и оттуда истекаетъ какъ послѣдствіе. Это и значитъ преувеличивать, «разду-

вать и прибѣгать къ такъ называемому «*petitio principis*». Понятно, что доказательствъ на такой приемъ уже не подберешь: изъ области подробностей и частныхъ, куда онъ устремился, возвращается онъ къ огульному положенію и общему мѣсту. Къ сожалѣнію авторъ не остановился и на этомъ, онъ опять спѣшитъ противополжить Малороссію: «Въ *настоящее* время въ Малой Россіи за дѣвушкой *признаютъ право* выбора мужа». Очень характерно это выраженіе—«въ *настоящее* время:» а въ прошлое, стало быть, участь родительскаго произвола простиралась и сюда? И спаслась и усовершенствовалась малорусская народная сфера, благодаря помянутой цивилизаци и мѣтрамъ государственнымъ? Въ числѣ этихъ же благодѣтельныхъ причинъ состояло конечно и отношеніе къ малорусскому нарѣчію, на что и по справедливости жалуются тѣ же писатели изъ Малоруссовъ? Такъ малѣйшая линия «фальшиваго» направленія ведетъ въ громадный уже уголъ зрѣнія, одинаково невѣрный. Излишне прибавлять, что авторъ въ подтвержденіе не выставилъ фактовъ, взятыхъ изъ личнаго изслѣдованія на мѣстѣ. Относительно Великой Россіи, осмованіемъ указываетъ онъ «протестъ» дочери, взятый изъ пѣсни: а пѣсня эта извѣстная,—«Богъ судья родителю—матушкѣ, отдають меня зеленую, незрѣлую, не дали пожить мнѣ подь кровомъ родительскимъ, развѣ не слуга я была, не послушная работница» и т. д., и т. п. Протестъ сосредоточенъ на *рано*. Онъ самъ доказываетъ *прежнее житіе у родителей въ хомѣ*, самъ *жалѣетъ* о выходѣ изъ роднаго дома, вовсе не рисуетъ тамъ *произвола*, въ сущности выражаетъ помянутый трагизмъ *всеобщаго* положенія невѣсты, которой не легко же видѣть въ себѣ обреченную жертву и позволительно, осматриваясь отыскивать ближайшихъ виновниковъ; въ этомъ исканіи онъ упрекаетъ обыкновенно и брата, что не удержалъ, и подругъ, что выдали, однимъ словомъ—все окружающее, отнюдь не запятнанное «неограниченнымъ произволомъ;» кончается же онъ обычно низкою и смиренною *благодарностью* всѣмъ; кончался такъ въ *пѣснѣ* и *обрядѣ*, а помимо того, и прежде обряда съ пѣсней, невѣста уже объявляетъ свое «добровольное согласіе», и послѣ подтверждаетъ его въ публичномъ актѣ при вѣнчаніи. Что же касается до Малороссіи, то авторъ какъ будто забылъ слѣдующія выраженія ея пѣсней: «Алесь ми мовиль, та мой любый батейко, що мя не дашь видь себе, а ты мя даешь, видпосагаешь, долейки не осудждаешь;» или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «техническое» названіе родителямъ «преданци,»—предатели съ картиною: «Не сила сьмо пили, Марисю сьмо пропили, за квартиру горилки позабыли сьмо дивки... Пропила мати дочку на солодкимъ медочку: было

меду не пити, та дивкою робити» (Галицкія). Неужели мы, по способу автора, будемъ выводять отсюда, что въ малорусскомъ народѣ, при томъ у вѣтви удаленной отъ заразы великорусской, дѣйствительно родители всѣ издревле *предатели* и *противають* дочерей?

Предыдущія положенія авторъ старается еще *усилить* развитіемъ. Оказывается (стр. 32, 33), что въ Великой Россіи бракъ совершается «въ формѣ *исключительно родительскаго уговора*»; а «въ Малороссіи получило *полное* право гражданства и *всеобщее* распространеніе—заключеніе бракосочетаній *по взаимному договору самихъ брачующихся*». Разумѣется, памятниковъ и актовъ такому уговору и договору, одному гибельному, другому спасительному, авторъ опять не приводитъ и не цитуетъ; обрядъ и пѣсни изъ одинакаго корня славянской народности; источникъ нравственной порчи и возможность случайности простирается на оба края въ мѣрѣ равной; лѣтописи; какъ извѣстно, по вопросу браковъ, отзываются *гораздо хуже* о жителяхъ края южнаго и Кіевской области, умалчивая о подобныхъ явленіяхъ у Новгородцевъ, Псковитянъ, Тверичей, Смольнянъ и т. д., въ наличной современности не оказывается ни на Сѣверо-Востокѣ чего-либо въ родѣ «исключительнаго уговора родителей», ни на Югѣ и Югозападѣ—чего-либо «договорнаго» въ смыслѣ техническомъ между брачующимися «безъ всякой зависимости отъ свободы отъ родителей». Стало быть и здѣсь «положеніе» ученаго превращается опять въ «общее мѣсто». Потому не имѣя серіозной опоры; но по требованію ученой добросовѣстности, авторъ какъ бы безсознательно, тутъ же, въ числѣ перипетій брачнаго обряда помѣщаетъ: «спрашиваніе жениха и невѣсты *ихъ родителями* или сватами *о согласіи на вступленіе въ бракъ*», а за сѣмъ женихъ и невѣста *изъявляютъ согласіе* послѣ *продолжительнаго, въ присутствіи гостей, смотрѣнья другъ на друга*... Какого нужно еще больше *согласія*, гдѣ же меньше *неограниченнаго произвола родителей* и *исключительнаго* ихъ уговора? Тутъ и намѣренное спрашиваніе и свидѣтели отвѣта, и продолжительность обсуждения рѣшенію, и досугъ на рѣшимость. И, любопытно, авторъ все это находитъ «во многихъ мѣстахъ Россіи, въ губерніяхъ Вятской, Ярославской, Орловской, Вологодской» (онъ не заглянулъ еще, хотя по печатнымъ отзывамъ, въ Олонецкую, Архангельскую, Пермскую, Нижегородскую и т. д.). Но авторъ спѣшитъ и здѣсь ослабить силу факта тѣмъ, что спрашиваніе и согласіе «обрядовое», т.-е. какъ бы фиктивное, не отвѣчающее правдѣ жизни. Позволимъ себѣ выразиться, что это недостойно изслѣдователя, посвятившаго цѣлую книгу «обрядамъ»: послѣ того и подпись «брачнаго обыска», и «церковная

формула» съ произнесеніемъ согласія, и всякій гражданскій бракъ при свидѣтеляхъ съ нотаріемъ, все это можетъ быть подтасовано, фиктивно, для одного лишь «внѣшняго обряда», въ сущности же и дѣйствительности по всей Европѣ царствуютъ неограниченныя произволы родителей, исключительныя ихъ сдѣлки промежъ себя, примучиванье дочерей и т. д. Тогда Великая Русь по крайней мѣрѣ не хуже всѣхъ другихъ, въ уровень съ лучшими.

Первый случай, гдѣ г. Сумцовъ заговорилъ нѣсколько опредѣлительнѣе, стараясь вывободиться изъ огульныхъ приговоровъ и общихъ мѣстъ, это вопросъ—одинъ изъ главныхъ въ свадьбѣ—о *отникъ* или *отницѣ*. Свадебный вѣнокъ, какъ символъ чистоты и невинности невесты, а вмѣстѣ знакъ лучшихъ нравовъ и понятій играетъ весьма важную роль; примѣненіе его къ «дѣвѣ» несравненно шире самой свадьбы, означая и нравственно, и даже физически, «замкнутость существа», тѣсныя узы *одной* семьи, которыя порываются бракомъ лишь для *другой* новой; а въ остальной народной жизни, для выраженія ея *союзъ, общины* и тѣсной *связи членовъ*, употребленіе еще того обширнѣе. Но авторъ и здѣсь, въ силу извѣстнаго намъ направленія, торопится прибавить, что свадебный вѣнокъ «встрѣчается у Западныхъ и Южныхъ Славянъ (подразумѣвая Малороссію) *чаще и съ болѣшей торжественностью*, чѣмъ у Славянъ Сѣверо-Восточныхъ» (т. в. Великорусскихъ, стр. 82 — 84), а немного спустя (86), на основаніи этихъ словъ, какъ будто уже *доказанныхъ*, доводитъ положеніе свое уже до крайности, увѣряя, что «у Великоруссовъ вѣнокъ, *какъ уже было выше замѣчено*, встрѣчается *очень рѣдко* (не просто «рѣже», въ соответствіе «чаще»). Не довольный однако и этимъ, онъ ослабляетъ у Великоруссовъ роль народнаго вѣнка тѣмъ, что здѣсь господствуетъ вѣнецъ *церковный*, который, еще болѣе, въ Костромской какой-то пѣснѣ будто бы «знаменуетъ *тяжелую жизнь*», а по Олонецкой «подъ вѣнцомъ *голова болитъ*». Такъ шагъ за шагомъ, благодаря ошибочному толчку въ направленіи, растетъ предположеніе до аксіомы и оставляетъ наконецъ Великую (и бѣлую) Русь съ головою болью, съ тяжестью брака, подъ знакомъ обряда церковнаго и съ утратою символа народнаго. Увы. Начать съ того, что храмовые вѣнцы, отъ массы и украшеній, бывають иногда въ дѣйствительности такъ тяжелы (и чѣмъ богаче приходъ, тѣмъ тяжелѣе), что породили необходимость держать ихъ мужчинѣ надъ головою невесты, и это именно чаще въ Великой Руси, обладающей богатствомъ церковной утвари несравненно больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Малороссіи. Но это же дало поводъ и народнымъ воззрѣніямъ, въ пѣсняхъ *подпѣвшихъ*, приурочить сюда сим-

волически *тяжесть положенія несты*, достаточно уже намъ знакомую: тяжесть момента, переломъ жизни, нравственную и физическую жертву, предстоящія для супруги и матери труды и страданія. Еще любопытнѣе, что въ Малороссіи (и особенно въ Галиціи и у прочихъ вѣтвей народности внѣ Русскаго государства), гдѣ нѣтъ и богатства утвари церковной, и приданое у простаго народа гораздо бѣднѣе предметами наряда или уборовъ (больше только скота, хлѣба и т. п.), и вѣнокъ «искусственный» не составляетъ вовсе принадлежности семейной укладки *), по мѣрѣ оскудѣнія въ сихъ отношеніяхъ воспользовались богатствомъ — сравнительнымъ — *природы обширей, Юга*: именно, тамъ господствуетъ вѣнокъ *изъ зелени и цвѣтовъ*, постепенно смѣняемый — для нѣкоторыхъ временъ года и для городовъ — вѣнкомъ изъ *дланыхъ*, обыкновенно *очень плоскихъ*, цвѣтовъ (бумажныхъ); тоже самое находимъ и далѣе по направленію къ *Западу*, гдѣ Славянство не имѣетъ роли передоваго народонаселенія, бѣднѣе въ простомъ народѣ, сдвлено Католицизмомъ или совсѣмъ обнажено отъ народныхъ обрядовъ Протестантствомъ, а природа внѣшняя опять благопріятнѣе для зелени и живыхъ цвѣтовъ. Вотъ что и принялъ авторъ, совсѣмъ въ противоположность дѣйствительности, за выраженіе богатства и торжественности, за прямое наслѣдство особенной древности, за вѣрность народному типу. Между тѣмъ, разумѣется, употребленіе зелени и цвѣтовъ затруднительнѣе на Сѣверѣ, особенно на крайнемъ или въ степяхъ Востока: тамъ иногда и вовсе нѣтъ ихъ, и ни за что не достанешь, преимущественно въ главную, осеннюю и зимнюю пору свадебъ; и это конечно дѣлать отъ Малороссіи, гдѣ, напримѣръ, нынѣшній годъ въ августъ и сентябрь «вторично» расцвѣли цвѣты по майскому, а Западные успѣваютъ даже надѣлать изъ нихъ вѣнковъ и заготовить на осень, на зиму, сухими, безъ потери цвѣтности. Но, отчасти по этому же, отчасти по причинамъ, которыя вскорѣ увидимъ, во *всей* Великой Россіи *издавна* выдѣлывались, хранились и употреблялись вѣнки изъ какой-либо *матеріи* и изъ *металла*, болѣе прочныя, дорогіе и не терявшіе цѣнности, съ узорами и вышивками, съ бусами, бисеромъ, жемчугомъ, камнями. Такіе вѣнки или вѣнцы, составлявшіе иногда цѣлый капиталъ и равные полному приданому, переходили изъ рода въ родъ, наслѣдствомъ, въ составъ приданого

*) И Малоруссы разныхъ вѣтвей пришли *постепенно* къ тому же, чѣмъ *пробивались* въ старину Великоруссы бѣднѣйшихъ слоевъ: къ употребленію вѣнковъ картонныхъ, деревянныхъ и проволочныхъ, обвязанныхъ кое-какими, сдлаными за просто, цвѣтами, лентами, тесьмами.

внукамъ и правнукамъ (вмѣстѣ съ «кокошниками», «кличками», «сорбками» того же матеріала и искусства, для «замужнихъ»); самъ авторъ, по слуху откуда-то (а могъ бы онъ это увидать самъ во многихъ еще областяхъ), долженъ былъ замѣтить, что «бѣдные берутъ его у богатыхъ на прокатъ. Далѣе, исконный народный обычай ввелъ такого рода вѣнки даже въ *моду*, въ бытъ *цивилизованный* и въ *постоянное* сопровожденіе *всякой* дѣвической одежды, — таковы извѣстныя *повязки* или *діадемы*, — а наконецъ даже ко *Двору* — князей, царей и всѣхъ государей, *преимущественно* на Руси Великой, какъ неотъемлемое уже убранство *Русскаго* платья. Разумѣется, это далеко важнѣе какихъ нибудь вѣнковъ зеленыхъ и цвѣточныхъ, обязанныхъ веснѣ и природѣ, въ вѣтвяхъ народа «простаго» и «обѣднявшаго». Какой нибудь «румяный вѣнокъ», которымъ по вынужденной необходимости красуется Южное и Западное Славянство, ни чѣмъ не выше и не древнѣе нашихъ *лентъ* и *платковъ* (узкой полосой), прикрывшихъ голову крестьянской дѣвушки, послѣ того какъ металлическіе, узорчатые и дорогіе отошли къ *высшимъ классамъ*: его явленія совершенно *параллельныя*. Есть однако и еще черта, и важнѣйшая: въ Этнографіи, Этнологіи и Археологіи добыто современною наукою положеніе, что *жемчужные* и раковинные, *бисерные*, *бусовые*, *металлическіе* всякаго рода, а затѣмъ *тканые* и *шитые* вѣнцы «дѣвъ» (и адептовъ «дѣвства» въ какомъ бы то ни было отношеніи) гораздо *первобытнѣе*, *основнѣе* и *старше* цвѣточныхъ или изъ зелени, и въ *семь* именно видѣ извѣстны по древнимъ памятникамъ, на статуяхъ, въ храмахъ, въ могилахъ, въ юэзіи и міеологіи. Наконецъ, что до вѣнцовъ *церковныхъ*, разумѣя христіанскіе, то они, во первыхъ, отнюдь *не замѣна* цвѣточныхъ или зеленыхъ, а прямое наслѣдіе поманутыхъ металлическихъ, бисерныхъ жемчужныхъ повязокъ и т. п., изъ рукъ обрядовъ языческихъ, жреческихъ и т. д. (почему святые отцы нѣкоторые и возражали противъ такого употребленія): лучшимъ доказательствомъ того, что они *не замѣна* цвѣтовъ и зелени, служить *употребленіе* сихъ послѣднихъ и при нихъ, при церковныхъ, свободно и независимо; слишкомъ извѣстно, что и по всей Европѣ, и у Русскихъ, въ классахъ разбогатѣвшихъ и поднявшихся, доселѣ господствуютъ цѣлыя вѣнки или приколы букетовъ на головѣ новобрачныхъ, преимущественно изъ «флёръ-д'оранжа, «дѣланаго» (у Южныхъ же Славянъ, особенно Сербовъ, изъ живыхъ цвѣтовъ померанцевыхъ). Во вторыхъ, вѣнцы церковные вовсе *не противоположность* «народныхъ»: самая глубокая, не-научная ошибка — считать обряды «христіанскіе» *отрицаніемъ* и *уничтоженіемъ* «языческихъ»: это только

пользованіе элементами архаическими, примѣненіе ихъ, очищеніе, одухотвореніе и возведеніе въ *смыслъ высшій*. «Языкъ» въ нашей древности синонимъ «народа», «язычество» — синонимъ созидавшейся «народности»; когда же народы созрѣли, зрѣлость ихъ сопровождалась и отчасти доселѣ сопровождается (у отставшихъ и «примыкающихъ» къ народамъ) принятіемъ христіанства, а вмѣстѣ выходомъ на сцену положительной исторіи. Даже не только въ области «обрядовъ», въ сферѣ самихъ вѣроученій и догматовъ, изъ многихъ примѣровъ достаточно напомнить апостола Павла, начавшаго проповѣдь христіанства съ послѣдняго слова языческаго, растолковавшаго Ареопагитамъ ихняго «невѣдомаго», но уже признаннаго и существовавшаго, бога — богомъ христіанскаго явленія, (какъ откровенія смыслу зародившемуся). Потому «истинная» церковь христіанская никогда не отвергала народности, не искала уничтоженія народовъ съ достоинствомъ ихъ выработанныхъ началъ: въ дѣлѣ обрядовъ вся эпоха Сиріи, Александріи и Византіи прошла главнымъ образомъ въ усиліяхъ — примѣнить народное, озарить подлиннымъ свѣтомъ и значеніемъ. Въ томъ числѣ вѣнцы свадебныя отъ дѣвы перешли на обоихъ брачующихся, изъ конхъ въ христіанствѣ и для жениха предполагается въ извѣстномъ смыслѣ «дѣвство», а кромѣ того напомнили болѣе широкое употребленіе ихъ въ «народахъ и языкахъ», простиравшееся именно, какъ сказано выше, на всѣхъ «адептовъ культа Дѣвы», отличавшаго Аріевъ (Индо-европейцевъ), и на жрецовъ, и всѣхъ избранныхъ (по религіозному представленію), помазанниковъ, героевъ торжествъ, воеводъ дружинамъ (выступавшимъ, какъ помянуто, подъ знаменемъ «Дѣвы»), и т. д. Цѣлый этотъ «сонмъ» съ членами «вѣнчанными» удержалъ обрядъ вѣнка и вѣнчанія доселѣ, въ самомъ полномъ развитіи христіанства (тіары первосвященниковъ, съ вѣнчиками, того же происхожденія): на половину здѣсь доселѣ разумѣется союзъ съ народомъ и обществомъ, какъ и древнѣе — въ язычествѣ — союзъ семьи, общины, народа; частью здѣсь представляется «союзъ съ церковью», — но это опять въ корнѣ древнѣйшій союзъ народа во имя *религіозныхъ началъ*; а частью, какъ въ эпоху рыцарства, на знаменахъ полковыхъ — дружинныхъ, въ гербахъ городовъ и даже государствъ — образъ Дѣвы Божественной (Богоматери), коей присягали и служили. Во всякомъ случаѣ, вездѣ здѣсь вѣнецъ знаменуетъ *торжество* и *восторженное* настроеніе представленной или *чрезвычайности* явленія, достигающаго божественной идеи: отнюдь же не *тяжесть жизни* и не *головную боль*, отысканную нашимъ авторомъ у христіанъ Великорусскихъ; котя опять, разумѣется, вѣнчанному лицу, подобно

дѣвъ, на примѣръ герою, побѣда доставалась *не легко*, а для главы государства *тяжесть* впереди значительнѣе всякой невѣсты.

Для изслѣдователей разбираемаго рода постепенно настаетъ въ заключеніи пора, когда они откровенно должны уже сознаться и объявить, что собственно все клонится у нихъ къ *Туранизму* Великой Руси (съ Бѣлоу): тѣмъ любозытнѣе для насъ, ибо прямѣе. Такимъ поводомъ въ данномъ случаѣ является уваженіе *порога*, весьма замѣтное при обрядахъ свадебныхъ: и, скажемъ, весьма естественное, ибо самымъ *вышнимъ* образомъ, на практикѣ жизни, въ длинномъ ходѣ свадебнаго обряда слишкомъ часто (изъ дома въ домъ) и слишкомъ *многимъ* (сторонамъ, сватамъ, дружкамъ, провожатымъ, гостямъ и т. д.) приходится *переступать порогъ*, причѣмъ и выражается обычное къ нему *уваженіе*, воспитанное длиннымъ процессомъ созданія семьи и домашней жизни; а съ этимъ, какъ и вездѣ въ народѣ, неизбежно связуется исконный смыслъ въ *примѣненіи* и *толкованіи*, ближе къ данному обряду и «спеціальному» его значенію, ибо, повторяемъ, свадьба есть по преимуществу *переходная* эпоха въ жизни дѣвы, жениха, двухъ семей, цѣлаго рода и даже народа, *обновляемо переходомъ* изъ старшаго союза въ новый. Кажется, нѣтъ ничего проще этого. Но ученый, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, даетъ другой ходъ выводамъ (стр. 192, 193 и др.): онъ находитъ въ *Малороссіи* одинъ только случай для роли порога—при поцѣлуяхъ свахъ черезъ него (и это невѣрно, ибо намъ извѣстно обыкновеніе *перекреститься* новобрачнымъ при переходѣ черезъ порогъ, поднятіе надъ ними и *мидламыванье* переносимаго хлѣба и т. д.). За то, отмѣтивъ слѣды этого уваженія у древнякъ Римлянъ и Германцевъ, обращается къ «*Россіи*» (имя которымъ на югъ привыкли, къ сожалѣнію, называть исключительно Русь Великую, какъ будто Украина Мало-*Россія* и т. д. не одинако «Русь», а потому въ книжной формѣ и «*Россія*») и увѣряетъ: что тамъ столь извѣстное «уваженіе это *могло усилиться* подъ *Татарскими* *вліяніемъ*, ибо «порогъ у *Татаръ* пользуется большимъ уваженіемъ», таковы же «по свидѣтельству Пано-Карпини *Мотомы XIII стол.*» да «*Татары* и по сіе время считаютъ грѣхомъ сидѣть на порогѣ»; и проч. Оставимъ уже въ сторонѣ то, что здѣсь напрасно поставлены на одну доску и повидимому смѣшаны *Татары* съ *Мотомы*, а также выставлено аксіомой прямое ихъ отношеніе къ *Великой Руси*, въ сущности для многихъ еще крайне не ясное; о томъ и другомъ мы скажемъ въ главномъ и заключительномъ отвѣтѣ нашей статьи. Отмѣтимъ только рядъ несомнѣнныхъ истинъ этнографіи и археологіи, начиная съ той, что *важное замеченіе*, а потому *ува-*

жизнѣ «порога», естественно и такъ сказать физически, *обще* всѣмъ племенамъ *разселявшимся* (съ мѣста на мѣсто съ предѣла на предѣлъ), всѣмъ *развивавшимся* и *поступавшимъ* *въ развитіи* народамъ (со ступени на ступень), наконецъ всѣмъ *осѣдымъ*, т.-е. подлиннымъ и осозрѣвшимъ народамъ (извѣдавшимъ заключительный порогъ развитія между земли, конецъ города, границу страны, порогъ дома и семьи): то-есть стало быть *обще всему людскому міру* въ его исторіи и прогрессѣ. Не постигъ такого уваженія лишь тотъ, кто *не дошелъ* до порога народной зрѣлости: кто *одичалъ* и судьбою выброшенъ «за бортъ» (у дикихъ всего рѣже встрѣчается «тѣнь» подобнаго воззрѣнія и то «унесенная изъ общаго нѣкогда союза племенъ нараждавшихся»); да кто *закружился въ кочевья* или *кристаллизовался* въ вѣчной смѣнѣ однихъ и тѣхъ же переходовъ, безъ конца и твердаго порога и такова, кстати, значительнѣйшая часть племени Татарскаго и Монгольскаго (о чемъ подробности ниже). Напротивъ Аріи (и послѣдующіе Индо-Европейцы), сверхъ общей участи *разселенія* и переходовъ *временныхъ*, какъ *народъ* (и народы) *по преимуществу*, а потому исключительно осѣдые и наиболѣе опредѣленные, достигшіе «порога» зрѣлости народной, по преимуществу же сохранили значеніе его и уваженіе къ нему. Съ эпохи ихнихъ террасъ (еще въ Азій), спусковъ, лѣстницъ и ступеней, съ вершины горъ, къ рѣкамъ и морямъ, такъ называемыхъ въ общей Аріиской рѣчи «скалъ» или «скелей» (у Оранцевъ, Грековъ, Италиковъ, Славянъ и т. д.), до высшаго зодчества «храмовъ», отъ межевыхъ и граничныхъ знаковъ до постройки осѣдыхъ жилищъ, *порогъ* вошелъ всюду *существенною частію въ зодчество*, съ такимъ же внутреннимъ смысломъ какъ и въ другихъ частяхъ. *Гермъ* и *термъ*, *терминъ*, *лименъ*, *чуръ* и т. д. и у классическихъ и у всѣхъ, позднѣе выдвинувшихся, Аріискихъ народовъ въ томъ числѣ у всѣхъ Славянъ, создали собою тысячу формъ въ языкѣ, бездну географическихъ и политическихъ названій, образъ творчества и мифологіи, олицетворяя въ себѣ даже нѣкоторыя божества (стобитъ упомянуть одного уже Гермеса). Что подъ порогомъ лежитъ предокъ, жрецъ, скоморохъ, музыкантъ, пѣвецъ, даже пестъ—какъ свидѣтель жертвы и погребенія, какъ охрана стаду и дому (извѣстная нѣмецкая пословица) и всѣ вообще «старшіе», *середѣ* ушедшіе, *раньше оставшіе* и *погребенные*, хранители въ наличности и изъ глубины прошлаго своимъ вліяніемъ, это вѣрованіе извѣстно у Аріевъ съ глубочайшей древности, отъ Гинду-куша и Ирана до Днѣпра, Рейна и Гибралтара, отъ страны Асовъ на Кавказѣ до ихнаго Азова и Исланда, извѣстно, закрѣплено и выражено въ веществен-

ныхъ памятникахъ, пословицахъ, пѣсняхъ, именованіяхъ. Въ частности у Славянъ «Златный Прагъ», вокругъ котораго сосредоточенъ полный циклъ легендъ, послѣдующій кругъ религіозной мысли и оборотъ новаго славянскаго возрожденія, своимъ происхожденіемъ и значеніемъ въ Европѣ далеко старше пришествія Татаръ съ Монголами; а «Премысль» и «Микула Селяниновичъ» на ихнемъ «желѣзномъ порогѣ» и на «земской межѣ», въ своихъ творческихъ образахъ и въ связанныхъ историческихъ явленіяхъ, достигли до такихъ границъ развитія, до какихъ и не снилось, ни Татарамъ, ни Монголамъ. Эти послѣдніе господа, наоборотъ, сравнительно съ Аріями неизмѣримо *отстали* и не *добрались* ни до порога, ни до его уваженія: ибо знали повторять, только разселеніе и кочевье, поле и переходы, не осѣдлость, не землю въ межахъ земледѣлія и землевладѣнія; шатеръ и возъ, не порогъ постоянного дома; идоловъ въ ковчегѣ, животь на носилкахъ, въ кибиткѣ, внутри орды, не порогъ храма, весьма поздно насѣдованнаго ими, главнымъ образомъ отъ Аріевъ же (въ столбахъ «кулахъ», «главахъ» и т. п.); не террасы и пристани рѣкъ и морей для приморскихъ городовъ, отбитыя ими позднѣе у Аріевъ же («конники» всѣхъ позже спустились къ водамъ); самыя названія нынѣшнихъ жилищъ и храмовыхъ, и городовыхъ частей, заняты ими изъ языка арійскаго же, какъ доказала современная филологія; «сидѣтъ же на порогѣ», о чемъ цитовано выше, не страшно для нихъ по *уваженію* къ порогу, а страшно и необычно *по неизмѣннѣ порога* въ древности и въ своемъ племенномъ типѣ потому, что они не сидѣли и не сидятъ на *возвышеніи* и *подставкахъ*, а сидятъ лишь на *плоскости ровной*, не поднимая и не спуская ногу, иначе имъ и неудобно—это покойная черта ихъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, нигдѣ столь рѣзко не выражается теорія «Туранизма Великой Руси (съ бѣлоу), какъ въ вопросѣ о свадебномъ *покрывалѣ* невѣсты, такъ какъ оно связано съ «затворничествомъ» женщинъ и всего сильнѣе обличаетъ взгляды народа на его домъ и семью. Разбираемый для образца авторъ не избѣгъ того же заключенія своихъ выводовъ. Правда, именованіе *фаты* онъ возводитъ къ древнѣйшей рѣчи всѣхъ вообще Индо-Европейцевъ, видитъ здѣсь, по слѣдамъ покойнаго Аванасьева символъ *зари* и *утренѣ*, что свадебное покрывало молодой знаменуетъ весенній облачный покровъ, облежавшій время отъ времени землю и дождившій на нее благотворной влагой,» а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, возводитъ покрывало къ *древности первобытной*, предшествовавшей выдѣленію и развитію типа Тюрко-Монгольскаго: но такое «увлеченіе» не мѣшаетъ

все-таки ученому склониться къ любимой теоріи Туранизма и при-
висть ее къ Великоруссамъ (съ бѣлоруссами и даже болгарами). Со
стран. 159 онъ смѣло выводитъ: «Что касается до обыкновенія закрыва-
вать *платкомъ лицо* (дѣло идетъ спеціально о «свадебномъ попры-
гагѣ») во время свадьбы, то нужно различать *два способа закрыванія*:
1-й способъ, когда скрывается только *часть лица*, лобъ, виски и
немного щеки, и 2-й способъ, когда *лицо вполне закрывается*.
Неполное закрытіе лица свойственно, по преимуществу, *Индо-европей-*
скимъ народамъ, полное народомъ *Тюрко-Мангольскимъ*. У древнихъ
Грековъ, *Западныхъ Славянъ* и *Малоруссовъ* лицо невѣсты или сов-
сѣтъ не закрывается, или закрывается только отчасти; у *болгаръ* и
Великоруссовъ съ бѣлоруссами включительно въ большинствѣ случаевъ
лицо невѣсты закрывается вполне.» Sapienti sat: Великоруссы съ
братією не только подчинились вліянію Тюрко-Мангольскому, но даже
повидимому исключены изъ народовъ Индо-Европейскихъ, какъ измѣ-
нившіе типу сихъ послѣднихъ. Вопросъ такъ важенъ и такъ прямо
переводитъ насъ къ Тюрко-Монголизму, къ Туранству, что намъ, для
главныхъ цѣлей статьи, необходимо высказаться нѣсколько подробнѣе.

Покриваніе головы (и волосъ) тканью, въ видѣ какого угодно
покрывала или «платка» (платка, полотенца), въ особенности у *жени-*
щинъ, не извѣстно ни первобытному «Человѣчеству» (*Ur-mensch*,
homo primigenius), ни первымъ эпохамъ такъ называемою «Общаго
Племенн» (*Ur-stamm*), ни быту «авѣроловному» и *первому* посту-
пескому» (техническія названія Этнологіи), а потому неизвѣстно
и періоду «первоначальнаго» Кавказа: *) тѣмъ естественнѣе, что
тогда и не могло быть «тканей», сверхъ «плетенія»—изъ вѣт-
вей. «Дикія» или, лучше, «одичавшія» вѣтви племенъ, отдѣлившіеся
отъ общаго союза въ развитіи, доселѣ держатся крѣпко обычая
ранѣе открывать голову и убирая волосы вѣтвями или шерстью, а
въ нашей Сибири закрывая лишь по необходимости—отъ холода): они
уступали обычаю покровы не всѣ, только по вліянію другихъ племенъ,
болѣе развитыхъ, или по сосѣдству народовъ, при колонизаціи и поко-
реніи. Потому больше или меньшее открытіе головы, если и возводитъ
къ древности, то архаической, въ первоначальной грубости быта, но
никакъ не свидѣтельствуетъ о зрѣлости «народной.» За сѣмъ, на слѣ-
дующей ступени развитія, *новьяка* и *новья* нѣсколько старше покрыв-

*) Такъ технически именуется періодъ Кавказа при *первой* жизни въ немъ
Аріевъ, *прежде* выступленія ихъ въ *кочевья* по Ирану (съ Хорасаномъ) до Гинду-
кума.

вала: они исходятъ еще изъ періода пастушескаго и первичнаго Кавказскаго, а потомъ, измѣняясь въ связи со всеми видами быта достигаютъ до земства народнаго. Но *покрывало*, въ номинативномъ значеніи, является впервые только съ началомъ и водвореніемъ быта *кочеваго*: тогда-то, и то не вдругъ, постепенно появилась ткань изъ «шерсти», съ развитіемъ скотоводства или еще позже, изъ сѣяныхъ и саженыхъ «злаковъ», составлявшихъ уже переходъ къ быту и земледѣльческому; *ранѣе* же того, кожа «звѣрей» (въ быту звѣроловномъ) и даже домашняго «скота» (въ пастушескомъ и первоначальномъ кочевомъ) тяжела была для головы, особенно для женской не удобна для кройки и тонкаго шитья; тѣ же свойства имѣла и «природная» растительность съ ея «плетеніемъ». Бесспорно, введеніе покрывала имѣло отношеніе, какъ всегда, во всемъ, и къ религіи, и къ возникшимъ отсюда представленіямъ въ мифологіи и творчествѣ: старшая и первая религія, Астральная или звѣздная, спутница была звѣроловнаго и пастушескаго, при наставшемъ *кочевомъ* уступила *броженію стихій* (безконечные переходы и круженіе со скотомъ отъъчали дѣйствительно моменту стихій въ природѣ внѣшней и въ космологіи); дотолѣ ясное небо заволокло облаками и туманами (самое «небо» и сродныя ему названія у Аріевъ значать и не блестящее); бури и непогоды смѣнялись для кочевниковъ палачими лучами степнаго солнца; то и другое, смѣною своей, отзывалось на религіозной мысли человѣка; которая отуманивалась смутностью и безконечностью кочеваго броженія, пробиваясь сквозь эту оболочку рѣзкими, порывистыми, жгучими лучами; отзывалось и въ образѣ внѣшнемъ, въ фигурѣ,—такого именно «покрывала» головы, изъ-подъ котораго или изъ-за котораго прорывается рѣзкій—пронзительный взоръ (живымъ образцомъ—взоръ укутанной головы нашего кочевника среди непогодъ Сибири или взоръ Араба и бедуина изъ-подъ бурнуснаго башлыка подъ палящимъ солнцемъ). Кромѣ того, тогда же водворилось «скопленіе»: и другой экстремъ его «обрѣзаніе»: отъ звѣрей и домашнихъ животныхъ оно постепенно простерлось и на человѣка—на враговъ, плѣнныхъ рабовъ, младшихъ родичей—чѣмъ-либо опасныхъ, даже на самихъ жрецовъ, какъ выразителей подобнаго періода въ культѣ, однимъ словомъ на извѣстныхъ и всевозможныхъ «свнуховъ» быта кочеваго и шатроваго; наконецъ, начавшееся, среди броженія, рѣзкое дѣленіе расъ и вѣрованій сопровождалось всевозможными «знаками» на тѣлѣ, рѣзанными или тисненными (впечатлѣнными) а это повело къ необходимости «покрывать» *все* члѣны, отъ стѣда или въ защиту язвъ; вспомнимъ, что параллельно въ-

нило обрѣзаніе и бритье *волосъ*: и вотъ потребность *покрывала*, которому шерсть скота, валеная и обрабаемая въ ткань, дала удобнѣйшій матеріалъ. Еще болѣе подѣйствовала необходимость *физическая*, со стороны природы внѣшней: переходы огромные и непрестанные, неизбежные и обязательные одинаково подѣ дождемъ, вихремъ, снѣгомъ, палящимъ солнцемъ и среди урагановъ необозримой степи, заставляли, разумѣется, прежде всего защищать *голову*; а въ ней *глаза*, *волосы*, особенно у женщинъ, безъ того путались бы и порождали бы болѣзни. Здѣсь-то форма *одежды*, особенно *головного убора*, всегда параллельная и соответственная формѣ *жилища* (это аксіома Этнографіи и Этнологіи), связалась съ послѣдними, впервые и на всегда уже, въ связь тѣснѣйшую. Такъ, еще прежде періода кочевья, сохранившіеся головные уборы «дикихъ»—живое подобіе первоначальныхъ *кущей* или *шалашей*—изъ древесныхъ вѣтвей, съ кусками коры или кожи; времена такъ называемаго «потопа», заставившаго расплыться племенныя вѣтви на неизмѣримыя пространства и на окраинахъ одичать, отпечатлѣлись чистою «лодкою» на головѣ нашихъ (нынѣ Американскихъ) Алеутовъ, для которыхъ доселѣ подлинный домъ въ лодкѣ; у сохранившихся (по преданью) въ ковчегѣ или «кораблѣ», каковы всѣ послѣдующіе, наиболѣе историческіе народы, удержавшіе за собою и старшую территорию «общаго племени», и первый «храмъ» (одинаковой по нашему названію съ «хоромами»—жилищемъ) понесъ на себѣ форму корабля (что и значить греческое «наось»), и такъ же названы были ихъ первые «города» (напр. «*Нимевія*», редупликація той же формы, что «нав—и «нау» о плаваніи, вмѣстѣ съ его представителемъ «Ноемъ»; или Ану»—название цѣлой области Месопотамской, а знаменитыхъ Сумиры и Аккада, вскрытыхъ нынѣ изъ подѣ клинообразными надписями и, по смыслу названія «Ану», значившихъ «корабль»); таково же имя и перваго, введеннаго ими «гроба», жилища тѣлу съ навначавшимся погребеніемъ въ землѣ: самое тѣло (физическое, «плоть») — *сарк-съ*, гробъ «*сарко-фагъ*», и тотъ же образъ живъ до сихъ поръ въ названіи и формѣ нашей «*сорок-и*», имѣющей, по нѣкоторымъ областямъ (напр. Тульской, Калужской и Орловской, когдѣ уже между простымъ народомъ, рѣзкую фигуру «корабля» и вмѣстѣ «гроба». Періодъ «столбовъ» или такъ называемыхъ «кулъ», начавшійся до кочевья, но въ немъ разыгравшійся, этихъ сооружений, служившихъ и старшимъ жертвенникомъ, и символомъ фаллоса, и мѣстомъ жизни жрецовъ (въ Вавилонѣ, у Галловъ въ Верхней Сиріи), а впоследствии аскетовъ или скитниковъ («столпниковъ»), ввелъ столбъ существенною частью всякой постройки и храмо-

вой («ступа Индусовъ славянское «стубъ» «ступъ» или стлупъ»; безъ префикса *s, tur*—или наше туп—съ носовымъ звукомъ является въ Латинскомъ *templum*), посрединѣ храма, послѣдствіемъ чего, съ устраненіемъ столба величественнаго, остался-его обликъ—столбъ воздуха съ верхушкою «купола» или «главы» (Индусская «пагода», Славянское «пагода», погода вѣдро, ясный сводъ неба во главѣ), или же въ поддержку сводовъ и подобныхъ частей (колонна). Столбы одинаково вошли и въ городъ (послѣ одинакихъ столбовъ Вавилона и его окрестностей), посреди же его (основа Греческихъ «пурговъ» или «мурговъ», гдѣ на вершинѣ возжигался и чтился огонь—«пуръ» или «шуръ», Германск. «Burg», наши «Кремля» и «Кремники»—съ отношеніемъ къ кремню и высѣченію огня), или также *вокругъ* города вошли союзомъ стѣнъ (башни), наконецъ остались и отдѣльными крѣпостями. По всему Турану на линіи съ Ираномъ (о чемъ ниже), по Хорасану и прочимъ «спеціальнымъ» поприщамъ древнѣйшаго кочевья, равно какъ въ Верхней Сиріи и отчасти по Малой Азіи (послѣ Галловъ, скитниковъ и столпниковъ, о которыхъ подробности еще у Псевдо-Лукиана),—бездна такихъ «кулъ» доселѣ, и крѣпостями, и жилищами въ степи, и въ развалинахъ (мы встрѣтились съ ними даже послучаю послѣднихъ столкновеній съ Туранцами на границахъ Ирана—*Тенэ*); у всѣхъ Иранцевъ и Туранцевъ, и потомковъ сихъ послѣднихъ, названіе укрѣпленнаго «мѣста» или города и крѣпости—*Тенэ* исходитъ одинаково изъ помянутаго корня, яркаго въ *templum* и перешло даже въ нѣм пушекъ на башняхъ—*толъ*. Южные Славяне особенно Сербы, цѣликомъ сохранили *кулы*, и по самому имени, и по примѣненію въ постройкахъ: это одиночныя крѣпостцы—столбы или башни, и существенная часть въ постройкѣ двора съ домомъ, гдѣ *кулы* выдаются къ верху; вообще въ Славянскихъ и Русскихъ постройкахъ это явѣтная *вышка* съ *горницей* (для дѣвъ) и *теремомъ* (для женщинъ и семейной жизни супруговъ); у Германцевъ необходимая часть ихъ замковъ. Но для *жилицъ*, божества ли въ кумирахъ, боевыхъ ли людей на башнѣ, частныхъ ли лицъ и семейства, такіе «столбы» или «ступы» явились съ *пустотой* внутри, какъ «выдолбленный» конусъ, острый или съ усѣченною верхушкой; такова была *ступа* на колесахъ и на возу, запряженная нѣкогда львами, потомъ и просто волами или лошадьми, на которой торжественно ѣхали и, по всѣмъ памятникамъ, ѣдетъ представительница женщины—матери или хозяйки, знаменитая *Кубела* (Кибела), въ нашемъ названіи *Купала*, Мало-Азійская *Magna Mater, Mater idola*, прибывшая впоследствии, съ переселенцами, и въ Европу, въ Грецію, въ Римъ (при Сципіонахъ),

къ *намъ* (какъ она ѣдетъ «куклою» или «чучелою» на масляницѣ, преимущественно въ Сѣверныхъ областяхъ;) обратившись въ простую уже *бабу*, но еще «вѣщую», наследница этой ѣдетъ у насъ «Яга-баба» въ *ступъ*; въ практическомъ хозяйствѣ роль и фигура *ступы* хорошо уже знакома. Но она же значила нѣкогда и *всякое* жилище, хижу и хищину: остаткомъ того у болгаръ доселѣ *ступ-анъ*, козяннѣ, *dom-inog* (отъ *dom-ia*), по Сербски «доматинѣ». Важно еще не то, намъ важнѣе, что такой столбъ или такая ступа послужили однимъ изъ самыхъ развитыхъ и употребительныхъ головныхъ уборовъ или покрововъ: онъ или *остроконечный* (какъ фалосъ; *копакъ фривійскій*; съ завитками, какъ пишется «рогъ изобилія», только остриемъ къ верху, пустотой на голову. Таковъ же былъ, съ своими спиральными этажами столбъ Вавилонскій; ср. *копакъ пастуховъ* и особенно Париса); съ *колоколами* (прототипъ колоколенъ, возникшихъ въ незапамятной эрѣ «старшаго», доисторическаго буддизма), съ колокольчиками и погремушками, — каковы башни—кулы Китайцевъ и нѣкоторыя, болѣе сродныхъ имъ, Монголовъ, каковы и ихъ шапки или шляпы: впоследствии достояніе «шуртовъ» или «болвановъ» (а *болванъ* у насъ и *кумиръ*; ср. *тупой* или *столбъ* о болванахъ, нѣмецк. *Tölpel*, корни *туп*—, *туп*—); *притупленный* (по названію того же корня, въ противоположность «обрезанію», послѣдствіе «притупленія» или «оскопленія»): таковы воѣ уже, и въ Туранѣ, и въ Иранѣ, и у Аріевъ, одного корня въ названіи съ *копаксами*, *клобуками*, *камиллаки* (изъ верблюжьей шерсти «ламоля») и прочія шапки у Миданъ, Персовъ, Армянъ, Даковъ и всего даше, до нашихъ дней, у Славянъ (*клобукъ* Сербскій известенъ во всю эпоху; употребленіе его у скитняковъ или аскетовъ идетъ частіе отъ «столпниковъ», какъ у прочихъ служителей религіи отъ древнѣхъ жрецовъ. Всѣ подобные виды шапокъ или головныхъ уборовъ развились преимущественно въ *кочевья* и вынесены уже *изъ мезо*: для нихъ и матеріалъ—шерсть верблюдовъ и прочаго кочеваго скота. Еще любопытнѣе при этомъ замѣтить въ подтвержденіе: при постепенномъ выходѣ изъ кочевья, когда *поле* потеряло уже исключительное свое значеніе жизненнаго поприща и территорія кочевавшихъ; когда, при переходѣ къ земледѣлію, оно вошло уже въ межи и границы, или, что тоже, по Славянски, сдѣлалось *мѣстомъ*, и таковъ «прототипъ» посада и старшаго города, съ оградю *около* *по полю* но безъ возвышеннаго центра и безъ стѣны его (отъ «мѣста», означающаго доселѣ «такой» городъ, жители—«мѣщане»); когда, постепенно, посреди воздвигся столбъ, вокругъ стѣны со столбами, т. е. *вышгородъ* или Кремль, Цургъ или бургъ, слѣдовательно при началѣ *соб-*

стоенныхъ городовъ и ихъ *гражданства*,—эпоха уже позднѣйшая, параллельная зрѣлости земледѣльческаго народа: тогда *поле*, оно же и *мѣсто* раскинулось *около* столба, какъ его окраина, какъ его посадъ и принадлежность. И вотъ, на головѣ, являются при остромъ или тупомъ столбѣ, при опрокинутой ступѣ, *поля* шляпы, *распушенные* или *раскинутыя*, потомъ наконецъ и *запутыя* на *тулю* (крайній рубежъ): это уже такъ называемый, Европейскій *цилиндръ* (слово греческое, означающее «выдолбленный, пустой внутренностью столбъ») это *шляпа* (всего ближе къ Славянскому «*стлз-пз*, *шлар*»; въ формѣ *кап-а*; *шап-ка*, *чап-ка*, *китю-шь*, *шап-о* и т. п., прямо относится къ *капъ* и *кобъ*, кумиръ и все священное, *кап-ище*—храмъ, *сар-елла*, ср. выше «наосъ» и «темп-лумъ»). Но подробности этого, хотя и любопытныя, завели бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы возвращаемся къ типу и результатамъ *кочевья*.

Кровь, явившійся съ кочевьемъ, былъ первымъ, собственнымъ и подлиннымъ, *жилищемъ* для племенныхъ вѣтвей, послѣ первобытной жизни подъ *открытымъ* небомъ (съ открытою головою) или въ *кущѣ*—*шалашѣ*—изъ вѣтвей, проникавшихся солнцемъ, воздухомъ и непогодами, а если и прикрытымъ кожей (звѣря — не скота) или корою, то въ смыслѣ прототипа послѣдующей (при переходѣ къ осыдлости) «мазанки». *Кровь* кочевья впервые былъ *плотнымъ*, опять въ наименованіи нашемъ одного корня съ *платомъ* и *полотномъ*, достояніемъ періода кочевыхъ *палатокъ*, притомъ съ опредѣленнымъ *входомъ* и *выходомъ* (не какъ въ шалашъ дикаря лѣзуть по жерди, трубѣ, раздвигая вѣтви, изъ-подъ кожи и коры—подползая); да и въ очертаніяхъ уже болѣе «геометрическихъ», фигурныхъ, творческихъ, давшихъ основаніе послѣдующему зодчеству (нѣкоторыя части постройки, и смежныя изъ кочевья, упомянуты выше); эти фигуры и очертанія исходили изъ соответствія съ религіозными представленіями, изъ культа, изъ быта, изъ всего уже «созданнаго» человѣкомъ и племенемъ, а не пассивно-природнаго, не изъ одного подражанія природѣ вѣтшней и не изъ ея одного «сыраго» матеріала (какъ въ кущахъ, въ быту звѣроловномъ, пастушескомъ, впоследствии одичавшемъ); это все основано было уже на *принципахъ* или *началахъ*, по-Гречески «архай», «архе», а потому вело за собою развитіе «искусства» и «археологіи». Здѣсь было въ полномъ ходу «разнообразіе», по эпохамъ, подобно какъ самыя вѣтви *племечъ*, дробившіяся и бродившія въ кочевьѣ, всею главною задачею своею имѣли «разнообразіе видовъ, фигуръ, цвѣтовъ»: ясно, что отсюда начало уже *украшеніямъ*, *нарядамъ*, *уборамъ*, а не одной физической необходимости. Понятно

также, что такія «плотныя» и прочныя формы не могли уже исчезнуть безслѣдно: онѣ имѣли свои послѣдствія *прямая* и перешли *непосредственно* въ дальнѣйшій бытъ ослѣдлый, земледѣльческій, народный, и въ самомъ *названіи*, и въ фигурѣ. Съ другой стороны, *покрывало* или *кровь* головы, какъ всегда, съ точностію отвѣчали *такому* жилищу: это былъ кровь природы человѣческой и племенной, закрывавшій и защищавшій отъ природы «внѣшней» (тогда же она и впервые «отдѣлилась» въ понятіяхъ), это было *убожіище* важнѣйшему *члену*—*челу* *человѣка* (явленія, предметы или лица, одинаковыя въ нашихъ названіяхъ по корню) для безпрепятственнаго развитія самостоятельнаго уже сознанія; но и нѣкоторая степень «свободы», — со «входами» и «выходами» для свѣта и воздуха, съ «прозоромъ» для глазъ, наконецъ съ нарядностію и искусствомъ. Отсебѣ формы *одежды*, и особенно *оловнаго убора*, разнообразны, отзываются творчествомъ, просвѣчиваютъ начала и приемы искусства; здѣсь есть система, прогрессъ, и ни сколько уже не будетъ здѣсь фантазіей—отыскивать законы, слѣдить параллели, усматривать соотвѣтствіе, сходство, соотношеніе *связи идей*. Все различіе отъ будущаго, земледѣльческаго и народнаго, состояло въ томъ, что это были *начала*, не *завершеніе*; что, какъ самый бытъ кочевыхъ *пересодовъ*, все это было, относительно будущаго и прогресса, *переходнымъ зпномъ*, явленіемъ *временнымъ*, не отвердѣвшимъ, не стойкимъ, не ослѣдлымъ; что все это было на *возу*, на *животныхъ* и съ животными вокругъ, все вмѣстѣ непрерывно передвигалось, измѣнялось, отъ центра бѣжало и къ нему возвращалось для новаго движенія, центробѣжно и центростремительно вмѣстѣ, стало бытъ—*вращательно* и *кругообразно*. Племя *кружилось* въ своемъ безысходномъ кругѣ, какъ кружилось само сознаніе въ броженіи стихій: то было, послѣ *линій* движенія звѣроловнаго, пастушескаго и дикаго, первое опредѣленное явленіе *круга*: но еще не было ни *уловъ*, ни *квадрата*, являющагося въ землѣдѣліи и вмѣстѣ съ народомъ (таковы данныя этнологіи, отвѣчающія геометрическимъ); даже вырабатывались болѣе *фигуры* (и это есть задача «племени»), чѣмъ *тѣла*: тѣло оставалось еще физическимъ, въ процессѣ натуральномъ, а тѣло или корпусъ *организма народнаго* только что слагались и назрѣвали. Иные и совсѣмъ *остановились* на этомъ моментѣ, *кристаллизовались въ фигуры* кочевья или *закружались* навсегда въ своемъ движеніи—безъ выхода; другіе вышли отсюда, разбили кругъ заколдованный и нашили исходы къ организму не физическому, а народному, основанному на началахъ нравственныхъ, —умствянныхъ и свободныхъ: то и были *подлинныя* народы, а таковы, въ смыслѣ

собственною, какъ передовые *историческіе*, всѣ народы Арійскіе, Индо-Европейскіе и преимущественно чисто Европейскіе. Это переводить насъ къ важному замѣчанію.

Современная наука, во всѣхъ подраздѣленіяхъ, обращенныхъ къ изученію «генезиса» народовъ изъ племень, пришла къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ послѣдующіе *народы* «собственного и подлиннаго» смысла, и самыя культурныя, и передовыя, и даже, чѣмъ историчнѣе, тѣмъ глубже въ началѣ и сильнѣе въ развитіи, прошли, на свою долю и въ свое время, *періодъ кочевья*. Доказательства, между прочимъ, — слѣды признаковъ и отличій сего періода или же самого «принципа» жизни въ бытѣ рѣшительно всѣхъ, а особенно въ языкѣ; съ другой стороны, не только формы въ ихъ основѣ, но и самыя «термины» сего рода у послѣдующихъ и нынѣшнихъ кочевниковъ, оставшихся таковыми, не исключая разнообразныхъ Туранцевъ, Монголовъ, вѣтвей Чуди, Семитовъ Африки и тамошнихъ кочевниковъ, зависимы отъ началъ Арійскихъ, заняты изъ рѣчи, *Общей* нѣкогда всѣмъ и даже специально-Арійской, изъ которой послѣ выработались языки Индо-Европейскіе («станъ, кентъ, котонъ, тепъ, кух- и куш-, таборъ, чадоръ—чадра, майданъ гуртъ» и мног. друг.). Нынѣ опредѣлена уже, почти до мелочей, самая *линія*, на которой совершалось обоюдное кочевье и Туранъ, и Иранъ (мы ее обозначимъ далѣе). Что касается до насъ, Славянъ и Русскихъ, то одно уже явленіе «Калѣкъ Перехожихъ», слѣпыхъ или уродливыхъ странниковъ-пѣвцовъ *), въ своихъ разнообразныхъ названіяхъ, формахъ и подробностяхъ быта, сохраняетъ доселѣ предъ глазами періодъ кочевой: ибо пѣвцы, какъ и жрецы, шли впередъ кочеваго странствія (ср. Скальдовъ предъ Скандинавами), были типомъ скитанья и скитничества (ср. имя Скитовъ—Скиеовъ), странности и уродливости, сопровождавшей выходъ изъ *рода* одного на кочевье впереди (вы-родки, у-роды), и т. д. *коч-евье*, въ свдемъ имени, *коч-*, *кощ-* («кощей»), *куш-* *кош-* («кошь, кошевой»), *коз-* («коз-акъ») и т. д., въ сотнѣ развѣтвившагося корня и формъ, принадлежатъ какъ вообще Арійскому языку, такъ особенно сбереглись сиолна въ языкѣ нашемъ; *періоды* кочевья, пройденные прежде, у насъ даже нѣсколько разъ *воскресали* и *возрождались*, при какомъ-либо потрясеніи въ составѣ народномъ или при нашествіи сильныхъ враговъ, сдвигавшихъ насъ съ осѣдлаго мѣста: такъ было при нашествіи Волоховъ (Галловъ) на Скитію, на Югѣ нынѣшней Россіи, такъ передъ началомъ Русскаго государства; даже до послѣд-

*) Ср. наше изданіе ихнихъ «Стиховъ».

нихъ дней осталась «легкость» подняться и зажить палатками въ переходяхъ (и это важно намъ для послѣдующей бесѣды о «переселеніяхъ»). Хотя и не мѣсто здѣсь вдаваться далеко въ филологію, но мы считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя данныя, которыя ярче засвидѣтельствуютъ, что у Аріевъ вообще, а у насъ доселѣ, названія *покрывала головы*, особенно у женщинъ и «свадебнаго», въ точности соотвѣтствуетъ названію *крова* жителей, обмѣниваясь и одинаковыми *фигурами*, а то и другое вмѣстѣ, къ народу и его быту земледѣльческому, къ семьѣ и общинѣ, вышло прямо изъ быта *кочевой* и жизни *матровой*.

Такъ, всякая *вязь* и *по-вязка*, лишь бы не первоначальная изъ «вѣтвей» (ср. выше), а «кочевая» — «платомъ» по головѣ (отличная и отъ «народной» — металлическимъ рубцомъ или діадемой, о чемъ выше), прямо связана съ *вез-а* или *отж-а*, названіемъ палатокъ или шатровъ (Этрусское «мѣсто» или «станъ» *Veji*—наше «*Вези*»: *бл-ла-везжа*, «Половця стаха везжами). Но, какъ чрезъ старшій корень *от-* и *ви-* (безъ *ж* и *й*) восходитъ еще къ *вайамъ*, *вѣямъ*, *отвѣямъ*, такъ дальнѣйшій (чрезъ поднятіе *и* въ *ой*) рождаетъ изъ себя *вой*—*за-вой*, *по-вой-никъ* «платомъ», уборъ женщинъ.

Помянутая *фит-а* представляетъ собою звукъ *ф* — Аріійскій, но не Славянскій, у Славянъ отвѣчаетъ ему *хв* и *х* (какъ и у Малорусовъ): такимъ образомъ это—*хат-а*, и не въ смыслѣ старшей, плетеной изъ вѣтвей и сучьевъ, ни земледѣльской мазанки позднѣйшей, а средней — кочевой, въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда всѣ кочевыя племена назывались *Хата*, *Хатэ*, *Хеттэ* (напр. Хеттен Египтянъ и Ветхаго Завѣта); у насъ же имѣетъ еще отношеніе къ кочевому слову (съ отвердѣвшимъ *к* изъ *х*) *кат-*, *кат-окъ*, *кат-ать*—«на возу», подобно какъ произведеніе того же періода *кат-г* относится къ *начач-у*, а этотъ послѣдній къ *палат-ъ* и *палат-къ ралатиит*; того же происхожденія (со спускомъ *а* до *и* или *у*) наше *кут-ъ* (уголь, убѣжище, кровь) и *кит-ъ* въ словахъ *Скит-ъ* и *С-кутъ* («пола», отрѣзокъ плата, у Сербовъ), скитники и скитанье, названіе *Скити* или *Скути* («да то ся зваху Великая *Скувь*», Несторъ). Любопытно, что то же въ названіи головного женскаго убора — по одну сторону *кут-никъ*, по другую *кит-а* (у Южныхъ Славянъ) и *кич-ка* (первоначально опять—пукъ вѣтвей или цвѣтовъ, позднѣе изъ плата, полотна).

Въ приведенныхъ сейчасъ двухъ словъ, ближайшее къ слову *кат-а* (и даже старше его по звукамъ) есть *хас-а*, названіе, распространенное также на Востокъ въ періодъ кочевья и сохраненное

цѣликомъ у Славянъ для означенія «челяди», наполнявшей кочевое жилище, въ промежуткѣ между бытомъ *родовымъ* и *семейнымъ*: отсюда Славянское *хужа* и *хиж-а* (хиж-ина), у Италиковъ *cas-a*. Но во всемъ одинаково извѣстно, что такое же древнѣйшее названіе для *вспахъ* кочевниковъ — *хусъ*, со временъ еще Египетскихъ и Библейскихъ (единичное *хус-аръ*, *хус ар-инъ*, отъ кочевниковъ давнѣе названіе въ Туранѣ и у Мадьяръ «аусарамъ»; на Славянскомъ Югѣ это значить «хайдука», ходака, переходяго чловѣка). Но это же самое является въ обще-славянскомъ и русскомъ областномъ *хус-та*—платъ, отрѣзокъ платна или полотна для покрытія головы; а въ Азіи и на Сѣверѣ Африки, у наследниковъ кочевья, изъ *хусъ* образовалось *хвезъ* или, иначе, извѣстный *фесъ* (шапка, вровъ для головы: переходъ значеній тотъ же, что въ нашей *кита*—*кичка*,—отъ пучка и кисти къ головному убору съ кистью; отсюда же извѣстное «мѣсто», нѣкогда кочевой станъ, *фесъ*). Въ словѣ другомъ, *кутъ*, уголь и убѣжище—кровъ, старше имѣеть при себѣ *кустъ* (шалашъ изъ вѣтвей, по самой фигурѣ уголь), далѣе *куца* и съ нею всѣ обитатели переносныхъ палатокъ, скитники и скитальцы, *куц-ники* (ср. праздникъ «кущей», воспоминаніе кочеваго житья въ палаткахъ, удержавшееся у всѣхъ народовъ, даже при христіанствѣ). Последующіе шаги рѣчи обратили *щ* въ *ч*, *ш*, *с*, *з*: это названіе для палатки, а послѣ и для дома, у Славянъ *кушта*, *кутя*, *куча*; это корень всего *коч-а* или *коч-евья*, *коша* и *кош-евыгъ*, *коз-аковъ* и (у Туранцевъ) *кайе-аковъ*, а для олицетворенія ихъ—мифическаго *кош-ея* (вѣчно скачущаго въ сѣдлѣ, переѣзжаго; у насъ примѣнялось, напр., къ кочевымъ Половцамъ—«проклятый кощей», «пересѣсть въ сѣдло Кошеево», ср. Слово о Полку Игоревѣ). Но кто же не знаетъ, что, въ свидѣтельство древности этихъ словъ и явленій, во весь періодъ «древнѣйшаго кочевья», имя *Кушь*, *Куши*, *Кушиты* (равное Хусу и Хеттѣ) простиралось отъ *Гинду-куша* (или *Гинду-куха*; ср. *Кий* для названія скота, и имя *кух-*, *кух-на*, *Косъ* и проч. для обозначенія жертвы, пищи, хозяйства), отъ этой территоріи коша или кочевья древнихъ Аріевъ — Иранъ рядомъ съ *Туранами*, до *Шатъ-эль-Араба* на Югѣ Месопотаміи при Персидскомъ Заливѣ, гдѣ всѣ кочующіе, съ предками Арабовъ включительно, носили имя *Куша*, *Кушитовъ*, вплоть до Египта и опять всей Сѣверной Африки? Между тѣмъ, это же самое слово является, при «редупликаціи» формы въ нашемъ головномъ женскомъ уборѣ или покровѣ—*ко-кош никъ*, при чемъ вась возводитъ опять къ шалашу изъ вѣтвей (*кошь*, *кош-ница*), далѣе съ покровомъ звѣриныхъ кожъ (*корзина*, *корзно* — тулупъ, шкура), а наконецъ къ

палаткамъ и вообще къ быту кочевья, ибо уборъ *въ тайности* имѣеть видъ *корзины*, которая ставилась и перевозилась на возу (таковы доселѣ повозки на Югѣ), и притомъ корзины для *куръ* или «курятники»; а извѣстно нынѣшней наукѣ, что куры явились для хозяйства *скорою три кочевья*, и самый *куръ* (пѣтухъ, *gallus*), игравшій громадную роль при кочевыхъ переходахъ, означалъ вмѣстѣ Галла—скопца, евнуха, жреца и члена передоваго въ кочевой челяди, равно при послѣдующихъ гаремахъ и въ мусульманствѣ (куръ, разумѣется здѣсь, кап-лунъ, скоп-ецъ):

Слѣдующая за тѣмъ ступень есть, обычный въ исторіи языка, переходъ названія *хатъ* въ *шатъ*, а съ окончаніемъ *р* въ наше *шатеръ*, *шатра*, *шатры*: все различіе «Восточниковъ», отъ Кавказа по всей Азіи и потомъ Африкѣ, состоитъ въ томъ, что они имѣютъ въ этомъ словѣ звукъ *ч* (собственно *ч*, *ch*) — *чадръ*, *чадоръ*, *чадра*, съ одинакимъ значеніемъ и шатра, и женскаго покрывала; въ семъ послѣднемъ значеніи не отстали и мы, и тогда какъ Германцы имѣютъ отсюда *Schot-t-en* — «кровъ», «сѣнь», «стѣнь», Славяне имѣютъ шаты (*szaty*) — покровы одежды. Очевидно также, что съ

этимъ въ связи названіе общее для кочевья—*шатуны*, *шататься*, (по минованіи періода кочевья, типъ «кощезя», черезъ миѣы, обратился въ названіе чорта—*шатуны*: и не сомнѣваемся, что у Туранъ или ихъ сверстниковъ, одинаковъ по происхожденію *шайтанъ*, у Аріевъ *сатанъ*, *сатана*). Не будетъ отсюда ничего страннаго, если древнѣйшее названіе, истекавшее еще изъ общей племенной рѣчи, для означенія *мѣстности*. *Бушитовъ* (ср. выше)—*шатъ*, въ примѣненіи къ наслѣдію языковъ Славянскихъ, будетъ значить «поприще шатанья» или «шатуновъ въ шатрахъ»: только помѣщеніе (временное) здѣсь скитальческихъ Арабовъ усвоило имя ближе всего имъ—«Шать-эль-Арабъ». Наши скопцы, наслѣдники проревнихъ «галловъ» и «евнуховъ» возвели *Шатъ* — гору, рѣку и мѣстность въ миѣнчскій и эпическій образъ.

Любопытно, къ слову, замѣтить, что слово «общей рѣчи», крѣпко удержанное Греками, обозначало кущи и палатки кочевниковъ формою *σκῆνῆ* (скѣнѣ: пишемъ такъ, чтобы не пестрить шрифтъ), и это послужило началомъ театра, развернутаго первоначально въ кочевыхъ палаткахъ (долго держалось то и у всѣхъ странствующихъ актеровъ, и нашихъ скомороховъ), откуда Латинское *scena*. Но это вмѣстѣ есть помянутая наша *стѣнь*, въ старшей формѣ *тѣнь* и *сѣнь* (*Schatten*, шаты), какъ *кровъ*, сначала листовенный и изъ вѣтвей (сѣнь кушей), потомъ палатная, подъ полотномъ, откуда крытыя сѣни и пе-

реходы въ зодчесгвѣ. И, подобно какъ «столбы, кулы» вошли въ *стѣны* города, образовавши новую ихъ форму послѣ кочевья, такъ наше *стѣны* и *стѣнь* (стѣни) перешло въ самое имя *стѣны*, *стѣнь*, обозначая ихъ «крытые переходы» между столбами. Въ такой періодъ «городской», сопутственный уже земледѣлю и зрѣлости народовъ, измѣнился и уборъ женскій: вмѣсто кочеваго плата и формы палатокъ, на головѣ женщинъ явился вѣнецъ или уборъ изъ «стѣны городской», съ ея зубцами. Типомъ того была помянутая *Mater Deorum*, Кубела или наша Купала, *turri-gera*, въ вѣнцѣ со стѣнами и столбами, башнями (*turgis*, туръ; такъ изображалась она на всѣхъ памятникахъ античнаго искусства и въ сказаніяхъ). Въ нашихъ сказаніяхъ, въ былинахъ и во всемъ эпосѣ, эту роль занимаетъ божественная или эпическая жена «*Турица* (*turgis*) *златорогая* (съ рогами сообразно *туру* или *таору*)», въ томъ же золотомъ вѣнцѣ; она ходитъ по городской стѣнѣ и оберегаетъ ее, почему иначе называется «*Мать-стѣнна городовая*»; извѣстно, что, кромѣ эпоса, но подъ его еще вліяніемъ, явилось такое точно изображеніе, какъ чудо, на стѣнахъ Новгорода, когда предстояло его зацѣпить отъ нашествія Суздальцевъ съ Юріемъ.

Это подаетъ намъ поводъ замѣтить дальше, что *туръ*, съ которымъ познакомились предки Аріевъ и всѣхъ старшихъ или подлинныхъ народовъ на Кавказѣ, при переходѣ ихъ въ кочевье и по мѣрѣ развитія сего послѣдняго, обратился въ *буй-тура* (дикаго быка, табунами) или *тавра*, а потомъ породилъ изъ-себя главное имущество и драгоценнѣйшій достатокъ лучшихъ кочевниковъ, — рогатый крупный скотъ (мѣтка его до сихъ поръ именуется *тавро*). Разумѣется, названіе его, прежде еще стѣнь и столбовъ городскихъ, перешло на кочевыя палатки и ихъ станъ: отсюда у «Восточниковъ» — *таборъ*-, *таборы*, у Аріевъ (Латинъ) *taberna*, *taber-nae* — *пасисит* (таборъ, лагери, палатки), а у насъ древнее *товары* («сташа вежами» — «сташа товарами», «идоша въ товары» и прочее лѣтописное). Столь же естественно обратился это въ главный предметъ кочевой и мѣновой торговли, въ ея *товаръ*, а послѣ и въ товары всякаго рода, послужившія столь счастливо для наряда и убора женщинъ.

Палатки же кочевья (сперва изъ «шкуръ» домашнихъ животныхъ, послужившихъ покровомъ жердей или вѣтвей, послѣ изъ тканого шерстянаго полотна и наконецъ изъ сѣянаго) дали именованье, у Аріевъ, не только «мѣсту», какъ зачатку стѣннаго города (откуда Германское *Peat-s*), но даже и лучшимъ зданіямъ — дворцовъ и дворцовъ, — это наши *палаты* и Латино-Романское *Palatium*. палата, палатинъ и т. д. И этого мало: какъ, выше мы убѣдились, форма *корабля*,

перешла въ зачатство *храма*, форма *столба* (ступа, тулъ) равно въ *теорит*, такъ, именно у насъ Славяны Русскихъ, возникъ особый стиль крамоваго зодчества—такъ называемая «*шатровая постройка*», въ фигурѣ раскинутой кочевой палатки, иногда *головкою*, съ выдающеюся изъ средины на верхушкѣ и состояющей *продолженіе* срединнаго столба, на коемъ держится центръ шатра (старше *стрѣла*—заостренная, далѣе округленное *яблоко*, а наконецъ осмысленная человѣческая *головка*: этииъ же довершались и всѣ древніе «столбы» или «кулы», равно и жреческіе, и у скитниковъ, столпниковъ, и въ одиночку, и по переносѣ центромъ въ шатеръ, а наконецъ въ храмъ). Не мудрено послѣ того, что та же фигура въ параллель зодчеству, перешла, разными видами, въ уборъ головы «дѣвы» и вообще «женщины», по мѣрѣ развитія ея священнаго знаменія въ священномъ союзѣ семьи. Какъ бы то ни было, только *головки*, то острокопечныя, то круглыя, и съ *этими* именно названіемъ у насъ, встрѣчаются повсюду въ народномъ уборѣ женщинъ и утвердился у насъ (на югѣ Россіи ихъ дѣлаютъ «искусственно», нарочно изготовляя и цѣликомъ надевая на сѣверѣ же *сшиваютъ изъ платка и косынки*)

Заключимъ греческимъ названіемъ *калуп-тра* или *калуп-тра* о «покрывалѣ женщины» и особенно «свадебномъ», въ прямой связи съ греческимъ же *калуб-е* или *калуб-е* (опять правописаніе по недостатку шрифта), послѣднее же есть переносная куца, шатеръ, вежа, станъ ихъ: но вмѣстѣ то же самое является въ Славянскомъ (и Русскомъ) *колыб-а*, *колыб-ель*, въ смыслѣ еще кочевой «качки» или «шатанья» изъ стороны въ сторону (колыбель по областямъ простаго народа части имѣетъ фигуру палатки или кибитки, поставленной на возу), далѣе *клуб-ъ*, *клуб-окъ*, о полотнѣ, обвиваемомъ вокругъ—въ настоящемъ случаѣ вокругъ головы (таковъ уборъ свиваемаго платка на югѣ Россіи, у восточниковъ *чалма* или *турбанъ*—перегласовка изъ *табора*, о чемъ еще ниже), а наконецъ хижина уже среди осѣдлости—*колыб-а*, *колыб-а*, *хамоб-а*: *халуп-а* (и проч. по Славянскимъ нарѣчіемъ); отсюда же, какъ извѣстно названіе и *халупниковъ*, одиночныхъ жителей хижины, однодворцевъ и *холоповъ*—рабовъ и челяди среди кочевья, въ кочевьѣ же зародившихся. Это такъ важно было для Славянъ, что породило старшее имя среди ихъ предковъ Енеговъ: *Халобы* или *Халупы*, ковачи металловъ (*chascals*) ихъ «славные, бѣлые дома», какъ бѣлые хаты, отличающіе доселѣ весь югъ Славянства и отчасти западъ, превозноситъ еще Гомеръ (*Иліады* пѣснь II); у *бѣлой* же Руси, сосѣдней Литвы и смежной Польши,

блвыи покровъ перешелъ оттуда *исключительно* на женщинъ и породилъ самое ихъ имя, какъ нарицательное, — «бѣлоголовые» (*białogłowy*).

Но довольно насъ конечно извинять читатели за неизбежную филологію: это не одни слова и сухія формы, это вмѣстѣ явленія и факты *историческіе*, разъясняющіе любопытную сторону жизни *доисторической*, наследованной народомъ изъ періода кочеваго.

Въ данномъ случаѣ, повторяемъ, все отличие Туранъ, Монголовъ и прочихъ ихъ свѣрстниковъ или вообще «восточниковъ», изъ Аріевъ и въ частности отъ насъ и нашихъ Славянскихъ предковъ, въ томъ лишь и состоитъ, что на пути развитія, они остановились на *поддоротѣ*, такъ сказать «застряли» въ кочевьѣ, а мы вышли къ результатамъ дальнѣйшимъ. Отъ того у нихъ, какъ форма жилища, въ основѣ кочеваго, чоки и параллельные кровы или уборы головъ, особенно женскихъ, сравнительно съ нами *бѣдны, скудны, однообразны*. Но нельзя же не прибавить всѣмъ извѣстнаго, что шапки ихъ, даже и отороченныя опушкою, совершенный сколокъ разнаго вида кибитокъ, вежъ, палатокъ; между прочимъ (особенно у татаръ и на Кавказѣ у потомковъ племени Адовъ—Удовъ) шапки и шапочки *скроенныя* и *шитыя изъ полосъ*, острымъ концемъ полосъ къ верху и съ завершеніемъ также на маковкѣ шишечкой (ср. выше стрѣлу, яблоко, головку). Эти шапки, распространенныя нѣкогда и у Сербовъ изъ періода кочеваго, совершенно тоже, что *собранныя палатка, шатеръ на головѣ*. Разверните это площмя или распластайте, вы получите круглый блинъ или проще *кружокъ, съ радіусами къ центру и ободомъ* (радіусы—шивки въ шапкѣ; ободъ—опушка; центръ—мишечка, гдѣ въ шапкѣ у иныхъ кисть—какъ въ фесѣ, у палатки же чокъ называемый «бунчукъ», пукъ или кисть волосъ конскихъ). Это живой образъ и цѣлаго *кочеваго стана*: всякая палатка одиночная есть фигура цѣлаго стана палатокъ, расположенныхъ радіусами отъ центра, и обратно станъ есть громадная палатка. Таково и было всякое «мѣсто», созданное кочевымъ періодомъ, впредь до присоединенія его къ «народному» стѣвному городу среди осѣдлости и земледѣвія (ср. нѣкоторыя подробности выше). Центромъ для «мѣста» у народа осѣдлаго и историческаго, у Аріевъ и Славянъ, явился Пургъ, Вургъ, Кремль, Вышгородъ, на горѣ (съ жертвою огню—*пуръ*), со *стѣнами*, куда вошли первобытные столбы, куны. Станъ кочевой остановился на одномъ *мѣстѣ, плоскомъ* (какъ естественно среди степей), съ однимъ только *возвышеніемъ* посрединѣ, если позволялъ холмъ или пригорокъ (но не съ *горю*), и много, если съ первобытнымъ *столбомъ*, тѣмъ же, что вошелъ въ средину палатки. И *послѣднее*,

до чего дошло ихъ зодчество: прочее или добыто послѣ, по вліянію и примѣру народовъ осѣдлыхъ, или прямо *завоевано* у сихъ послѣднихъ, такъ что Восточники *вошли силою въ готовые* Арійскіе города, или же воспользовались ихъ развалинами. Вокругъ *такого-то* столба, кочеваго, составившаго *высшій* пунктъ развитія отановъ, *мѣсто* не получило и не могло получить, какъ у Аріевъ, подлиннаго значенія *посада* и обмежеваннаго *земледѣльческаго поля*: напротивъ, вокругъ столба, кочевой станъ и его мѣсто сами составлялись изъ тѣхъ же *палатокъ*; онѣ *обвивали* собою срединный столбъ. И это же рѣзко обозначилось на *высшемъ* уборѣ годовномъ, до котораго только успѣли достигнуть кочевники, съ нынѣшними представителями включительно. Старше какъ мы знаемъ по праотцамъ Евреевъ, Арабамъ Сиріянамъ въ началѣ кочеваго періода голова просто покрывалась *платомъ* сверху, со спускомъ кондовъ внизъ; потомъ *повязка* по плату, какъ вѣнецъ (образовалось нѣчто въ родѣ *башлыка* или *капюша* въ бурнуссахъ); потомъ *концы* плата *подвязывались* къ верху (нынѣ башлыкъ къ низу) и это было началомъ помянутой, сшитой изъ клиньевъ, шапочки—ермолки (слово отъ Арійскаго *гермъ* «terminus» жеребей разрѣзаннаго на радіусы участка),—повторившей въ себѣ фигуру палатки и стана; платъ обвивался уже *вокругъ* нея, и здѣсь начало *чалмы*; наконецъ посрединѣ *клубокъ* (по корню тоже что *кубокъ*, стаканъ), усѣченный столбъ или цилиндръ, и вокругъ-то него обвился *платъ клубкомъ*, какъ палатки вокругъ главной ставки или центрального столба съ бунчукомъ. *Дальше* этого не пошло: Арійскаго *цилиндра* съ *полями* и *полями загнутыми* (въ зависимость) къ столбу—городу, не оказалось,—не народилось чюки называемой *шалты*. Не достало и вѣнца *городоваго*—со стѣнами, башнями въ звѣньяхъ, зубцами: то достояніе историческихъ, земледѣльческихъ «народовъ». При томъ, и еще рельефнѣе, все это, въ формѣ жилищъ и уборовъ, *замкнуто на всегда, не можетъ выйти изъ безысходнаго круга, вращается въ себѣ самою и не свободно* для пользованія. Вы чувствуете во всемъ, что не дозрѣли до *народа*, ибо, между прочимъ, не дозрѣли до *семьи*; безъ семьи не дозрѣли до *брака*, безъ брака не имѣютъ организма и всѣхъ перипетій *свадьбы*; безъ свадьбы нѣтъ *свободнаго* и разнообразнаго значенія *покрововъ, уборовъ*; вращается все это на половину еще въ *племенныхъ* и *родовыхъ* условіяхъ, слѣдовательно по преимуществу *физическихъ*; а если такъ, то и не свободно въ духѣ. И вотъ что ставятъ намъ за прототипъ, первообразъ, отъ котораго мы заимствовали, которому подражали, вліянію котораго подчинились! Это совсѣмъ на выворотъ: дѣло само шло путемъ обратнымъ. Посмо-

тримъ же еще вкратцѣ на глубокое отличіе народовъ историческихъ, Аріевъ, Индоевропейцевъ, въ томъ числѣ Славянъ и Русскихъ.

Прошедши періодъ кочевья, общій всѣмъ крупнымъ племенамъ и слагавшимся народамъ, но, въ противоположность закоренѣлымъ скитальцамъ, вышедши изъ кочеваго быта къ земледѣльческому, изъ становъ подвижныхъ къ прочному гражданству городовъ, изъ шатровъ въ зданія, изъ племеннаго броженія къ осѣлости народа и къ народности, изъ родовыхъ условій къ семейнымъ, изъ сожительства съ похищенными или купленными женами къ «монизму» брака, основаннаго на нравственныхъ началахъ, Арійскіе и всѣ Европейскіе народы, а въ томъ числѣ и даже по преимуществу Славяне съ Русскими, на сцену положительной исторіи и къ завершенію Христіанствомъ вынесли изъ того же глубокаго прошлаго и начала свадебъ, и формы ихъ, обрядно воспроизводимыя, но съ приѣмами уже чисто-народными, съ лучшимъ смысломъ и свободою примѣненія, въ свою очередь сопровождаемою свободнымъ творчествомъ. Здѣсь, въ «техническомъ» употребленіи, «покрывало» разныхъ видовъ сохранило и вновь приобрѣло значеніе: а относительно *неотомы*—для предстоящаго ей свадебнаго «повѣзда», въ кочевьѣ весьма отдаленнаго, да не близкаго по цѣли и пространствамъ въ быту народномъ — земледѣльческомъ, какъ на примѣръ въ Россіи, особенно на Сѣверѣ и въ Сибири, отчасти на Востокѣ и Югѣ, подъ солнцемъ и всѣми непогодами; б) относительно же *молодой* и *жены*, обрядно и практически *покрываемой* (у всѣхъ и повсюду), еще болѣе и центральнѣе, и бо это издревле означаетъ вступленіе подъ *кровать* (хотя бы шатра и палатки), а далѣе и подъ *крышу* «недвижимаго» дома среди осѣлости, такъ же, какъ и послѣдующая за свадебнымъ покрываломъ «бабья» (супружная) повязка платкомъ, кичка, сорока, головка, шапочка или же кокошникъ (нѣмецкое «*Unter die Haube kommen*» или «*bringen*»,—войти или ввести подъ чепчикъ, равносильно значенію «выйти или выдать замужъ»). Въ послѣднемъ случаѣ вмѣстѣ съ покрываломъ головы и крышею дома, женщина поступала къ *очагу*, хозяйкою (т. е. владѣтельницею крытой хижины, принимая на себя и символъ послѣдней), къ стряпнѣ и воспитанію дѣтей, что не допускало распущенныхъ или мѣшающихъ работъ длинныхъ волосъ и требовало опрятности, «подбора» для работы. Такой актъ перехода женщины на новое неприще и самъ «постоянный» домъ съ «вѣчнымъ» *очагомъ* (названіе Арійское, у восточниковъ «оджагъ») получили названіе у древнихъ Иранъ и собственныхъ Аріевъ (еще съ Зенда и отдаленнаго подрѣчья древнихъ Персовъ), очень выразительное *гарема* или *гамомъ*,

по нашему ближайшему корню «горимое», сожигаемое и горящее, или «жаръ» (въ угольяхъ): простая уже гигиена и защита головы отъ боли требовала покрывала предъ лицомъ такого постоянного «жара»; Латинцы же воспроизвели эту черту въ названіи покрывала—*flammeum*, обыкновенно «краснаго цвѣта» (какъ жаръ угольевъ), цвѣта, господствующаго и любимаго у Славянъ, особенно у Русскихъ *) свобода свойственная законченному организму народа, выражается здѣсь *гармоніи съ нуждою* и въ *сообразности съ потребностью*. Таково и есть Арійское употребленіе покрывала, будетъ ли то «фата нашей древности и областной жизни, или «вуаль» (изъ *velum*—кусокъ полотна, порусина для парусовъ) по названію и обычаю прочихъ Европейцевъ, у болѣе богатыхъ и «образованныхъ», или въ классахъ пониже «сѣтка», наконецъ просто «платъ» и платокъ изъ полотна отръзокъ или крашеный, фабрикованный и расшитый. Не говоря уже о замужнихъ женщинахъ, у самаго «простаго» народа, внутри дома свободно и часто снимающихъ покровъ головы, въ частности на *дѣвушкахъ* видимъ, что онѣ вовсе не употребляютъ обряднаго и какого либо завѣщаннаго «покрывала» *отъ свадьбы и раньше ея*, ни «свадебнаго» покрывала до гармоніи съ потребностью—*до поѣзда*; ихъ принадлежность, напротивъ, *отнюдь* или *отнюдь*, о которомъ выше, но и также *свободно, не всегда* употребляемый. Самыя наши «дѣвы-поляницы,» ярко до мелочей обрисованныя въ эпосѣ и сказкахъ, исходя еще изъ кочеваго быта и поля, имѣя при себѣ спутникомъ и «шатеръ бѣлополотняный», отнюдь не закутываются какимъ либо покрываломъ и не прячутъ лица, даже отъ дерзкихъ искателей, плѣняемыхъ именно ихъ «открытою» красотю, съ которыми и борются. Исторія и прочая письменность, излагая ходъ свадебныхъ обрядовъ, вовсе не выставляетъ «закутыванья», исключая развѣ обмановъ, гдѣ дурную невѣсту выводили «по мраку», но тогда и не нуждались въ закрытіи ея лица, что пуще возбуждало бы лишь подозрѣнія. Рисунки свадебъ и вѣнчаній, между прочимъ въ рукописяхъ и книгахъ старой печати, не изображаютъ также лицъ невѣстинныхъ закутанными, но даже закрытыми (да, какъ извѣстно, покрывало, нужное лишь для «поѣзда», закидывается съ лица при вступленіи въ храмъ). Перебывавши лично во многихъ мѣстностяхъ Россіи, для изученія быта и творчества, ни тамъ на мѣстѣ, въ великой и бѣлой Россіи, ни по прежнимъ описаніямъ, *не встрѣчали мы* закрытія лица у дѣвицъ и невѣстъ какъ чего либо

*) Ср. справедливую догадку Росбаха въ его «Die Röm. Ehe».

унаследованнаго къ *непрѣменному исполненію*, какъ *обычая обязательнаго*. Наоборотъ, не только въ народномъ, но и въ «образованномъ» кругу, не у насъ однихъ, а по всей Европѣ, извѣстенъ распространенный обычай женщинъ вообще и дѣвушекъ закрываться и даже закутываться крѣпко вуалемъ, *участвуя* со стороны въ свадьбѣ и въ провожатыхъ, просто выходя на улицу и бульваръ, сядясь въ экипажъ (*sortie du bal*), отъ пыли, холода, постороннихъ глазъ: не сказать же, что всѣ онѣ понесли вліяніе Тюрко—Монголовъ. Подъ Москвой и въ Москвѣ, лѣтомъ и зимою, можно видѣть, какъ дѣвушки и женщины подгородныхъ селъ, преимущественно садовыхъ и огородничьихъ, во весь путь къ Москвѣ и обратно домой, отъ жара, пыли или холода завиваютъ все лицо такъ плотно, а самый даже ротъ такъ крѣпко, что едва видны глаза и трудно разговаривать; видали мы тоже въ степяхъ Малороссіи и на богомольѣ странствующихъ Бѣлороссіянокъ, Литвинокъ; у лучшихъ представителей Кавказа, не младшихъ, чѣмъ прочіе Аріи и выросшихъ давно до народности, ради солнца и вѣтра въ обычаѣ постоянное почти неснимаемое съ головы покрывало, и полное, и густое, почти у всѣхъ женщинъ: тамъ рѣзко выдается и отличіе «народное» отъ «кочеваго», Восточнаго: клубуки или цилиндры на головѣ женщинъ такіе же, какъ въ срединѣ «развитой» Азіатской чалмы, но покрывало *виситъ свободно*, то совершенно обнажаетъ лицо, такъ закрываетъ его отъ зноя и горнаго вѣтра. У Албанокъ и Новогречанокъ то же самое, особенно когда онѣ, при закатѣ солнца, сидятъ массаами по отвѣсамъ горъ: а уже конечно онѣ не знавали никогда Монголовъ и не станутъ подражать врагамъ туркамъ; наконецъ, вуали Испанокъ и Венеціанокъ вошли въ славу.

Еще важнѣе обрисованныя черты по отношенію къ такъ называемому *затворничеству* или, лучше, къ безъисходному и запретному, заповѣдному и тайному житію подъ *кровомъ* и *крышей*, въ затворѣ. То и другое, покрывало съ одеждою и устройство или фигура жилища, мы знаемъ, *тѣснѣйше связаны*, копируя или повторяя другъ друга взаимно. Потому, естественно и смѣло заключаемъ, гдѣ *закрывается лицо съ головы*, тамъ есть надежный *кровъ* или даже *крыша дома*; гдѣ *свободно* закрывать или открывать лицо съ *глазами* и *устами* для рѣчи, тамъ и въ домѣ или жилищѣ *свободенъ* женщинамъ *входъ* и *выходъ*, съ свободою роли, обращенія, приемовъ, прогулокъ; гдѣ, напротивъ, голова и особенно лицо, съ глазами и ртомъ, *закутаны плотно, постоянно, обязательно* и *принудительно*, по обычаю и преданію, навѣрное *затворничество* дѣвушекъ и женщинъ; и тоже,

почти всегда, обратно. Тѣмъ самымъ уже, зная у Славянъ и Русскихъ *свободное* употребленіе покрывала и примѣненіе его лишь по *необходимости* или въ *спеціальномъ древнемъ обрядѣ*, мы въ принципѣ и аргюіи обязаны отвергнуть какое бы то ни было *затворничество женщинъ въ домѣ*, среди «сложившагося» народа и «организованной» семьи, въ старину ли—восходя почти до Р. Хр., или до послѣднихъ нашихъ дней. Но тоже самое подтверждаютъ историческіе факты и свидѣтельства, да и наличность нынѣшняго быта въ народѣ (которая обыкновенно крѣпко держится древности и вѣрно отражаетъ ее). За нѣсколькими исключениями обмолвокъ и ошибокъ въ свидѣтельствахъ, тенденціозныхъ отзывовъ со стороны непріязненныхъ иностранцевъ и явлаго смѣшенія «Русскихъ» съ живущими въ Россіи «инородцами», все прочее подтверждаетъ несомнѣнно и единогласно повторяетъ, что у Славянъ вообще, у Русскихъ и частіе у Велико-руссовъ съ бѣлоруссами, съ тѣхъ поръ какъ застаютъ ихъ положительная исторія «народомъ» по выходѣ изъ кочевья, никогда не было *затворничества* женщинъ вообще и дѣвушекъ въ частности, затворничества *гаремнаго, запоеднаго, принудительнаго, насильственнаго*, предписаннаго обычаемъ и волею старшихъ, властію мужа, требованіемъ родичей и т. п., *въ такомъ смыслѣ*, позднѣйшемъ и нынѣшнемъ, какой водворился у иноплеменниковъ Азіатскихъ, у Восточниковъ нисшихъ, у кочевниковъ. Такъ, между прочимъ, что касается «Дѣвы», роль которой, замѣтили мы выше, выдвинулась впередъ у всѣхъ народовъ, именно съ началомъ «народности» и по выходѣ изъ племеннаго кочеваго быта, *гораздо раньше*, чѣмъ роль жены—супруги—матери въ семьѣ, такимъ образомъ это *высшее* положеніе «Дѣвы», какъ существа *верховнаго* и «чрезвычайнаго», выразилось въ самомъ *позднѣйшемъ* ея, въ жилищахъ, зданіяхъ и зодчествахъ. Въ эпоху «племени общаго» и быта звѣроловнаго, «Дѣва» на границахъ круга, служившаго территоріей, по его обвѣду, на ловлѣхъ богатирствѣ и «полеваньѣ», чаще съ братомъ (какъ Артемида съ Фойбомъ, Діана съ Аполлономъ), потомъ при встрѣчахъ съ женихомъ; начало кочевья и развитіе скотоводства удалило ее съ границъ въ центръ круга, постепенно, какъ кладъ, сокровище и цѣнность извѣстнаго рода; развитіе онаго среди палатокъ и отдаленное начало семей приковало ее сюда и вмѣстѣ съ «цѣнностью» послужило для кочевниковъ происхожденіемъ ея замкнутости, затворничества. Но затѣмъ, въ особенности по вторичномъ переходѣ (возвращеніи изъ кочевья) Аріевъ на Кавказъ, «горячее» развитіе началъ семейныхъ, преимущественно усиліями Мидянъ, этихъ гегемоновъ

Арийской группы, вызвало жестокою кару на хамитивмъ, фаллизмъ и распущенность былаго кочевого быта; то была эпоха «огня», кровавыхъ и огненныхъ жертвъ, эпоха Дахйевъ или Даговъ, Дагестана (въ широкомъ смыслѣ) и древнихъ божествъ—Дагона, нашего Дах-бога, у другихъ Ваала, Кроноса, Сивы. Дѣва стала при «отцѣ» (тогда же выдвигавшемся), защитою и мщеніемъ его поругаемой чести, судьей уклоненій и распущенности «женъ», это помянутая «Судная Дѣва», какою оставалась долго у Славянъ. «Дивная» и «чудная» (Diva, ср. выше), она не только судила, но и княжила (какой опять является на первой зарѣ Славянской исторіи, ср. выше) и преслѣдованія Артемиды противу распущенной Афродиты, обставленной кочевыми евнухами и галлами, слишкомъ памятна: благодаря тому Мидо-Персы, на пути въ Европу чрезъ Малую Азію, до тла уничтожили Греческіе храмы, идолы, культы, обряды, символы Афродиты. Благодаря тому же и параллельно развитію «народности», осѣдлаго земледѣлія, общины и семьи, постепенно опредѣлялась наконецъ роль «супруги» (въ «бракѣ» монахическомъ) и «матери»: тѣ же Мидо—Персы, въ связяхъ или въ аррьергардѣ, съ которыми двигались въ Европу Арийцы—послѣдующіе Европейцы, тѣ же вообще народы, которые приходомъ въ Европу и помѣщеніемъ на сѣверѣ Элады или въ центрѣ Италіи, измѣнили фривольные, хамитически-Афродитины или кочевые законы клоническаго міра въ его архаичной первобытности, они же выставили во главу «Митру», съ особымъ культомъ и мистеріями, гдѣ возобладали роль «матери» и «супруги», гдѣ грозная, каравшая и судная «дѣва» постепенно введена въ общія границы семьи, украшена до послушанія родителямъ, смирена и включена въ міръ съ «женами» прочими. Но остатокъ и слѣды ея чрезвычайности, особенности и высоты. длились еще долго и выражались ярко, какъ выражаются «въ народѣ» и доселѣ (ср. выше), современно тому же, столбы или «кулы», зачавшіеся еще въ кочевьѣ и періодѣ дружинномъ, вмѣсто прежней «одиночности» или «центра» въ палаткѣ, введены въ храмы, въ жилищца, постоянными частями *зодчества*: это извѣстныя у насъ *вышки*, *зорницы* (горѣ, на верху), *терема*, *кулы* доселѣ у Южныхъ Славянъ и Сербовъ, *чардаки* (чардакъ) «общей» рѣчи Арийской и Туранской, *чареми* въ «смыслѣ Арийскомъ» (ср. выше)—какъ мѣсто «огня» на столбѣ и жертвенникѣ, чистаго «дѣвственнаго» огня Весты,* и т. д., наконецъ *башни* въ

* *Чар—дакъ* или *дакъ*, по общей рѣчи Арийской или Ирано-Туранской «огонь на божественной», «очарованной» или «дивной», «чудной» вершинѣ. Ср. *Diva*, диво, *чудо*, *чара* въ смыслѣ *суда*, *со-суда*, волхвованіемъ жребіемъ; *дакъ* горѣть.

послѣдующихъ «рыцарскихъ» замкахъ, въ особенности у Германовъ. Вездѣ это специальная сѣдалища «Дѣвы», отъ божественной и мистической «Кóры» у Грековъ (откуда, съ горняго престола, по мистеріямъ, похитилъ ее богъ), до нашихъ былинъ, по которымъ дѣва «въ высокомъ терему», отъ Всеслава историческаго, по Слову о Полку Игоревѣ, рыцарскимъ наѣздомъ и копьемъ коснувшася теремной святыни (срѣвненіе съ осадю Кіева) до такихъ же историческихъ, Западныхъ турнировъ, цѣль которыхъ взять дѣву подвигомъ съ вершины и башни замка. «Гаремы», въ смыслѣ Аріискомъ—«семейномъ» и «народномъ» переведены изъ прежнихъ кочевыхъ палатокъ туда же: сверхъ значенія «Вестальнаго» и жреческаго, тамъ же *практически* поддерживался «вѣчный» огонь среди жилого осѣдлаго зданія ради женскихъ работъ по ночамъ, ради ухода за дѣтьми и непрерывнаго вставанья для нихъ; тамъ и позже ложились спать,—тамъ находилъ хозяинъ отдыхъ въ семьѣ послѣ работъ и подвиговъ; однимъ словомъ, такъ постепенно создались *семейные терема*, для *всей* семьи, съ передовыми ролями «жены-матери» и «дѣвы», изъ которыхъ послѣдняя какъ извѣстно, у всѣхъ «народовъ», нянчить дѣтей послѣ ихъ кормленія матерью. Терема означили «по преимуществу» [кровь, сѣнь (именно выше—подъ «кровлей» и «крышей», въ «горнемъ» этажѣ), убѣжище, защиту, безопасное мѣсто и т. д., для дѣтей, слабѣйшаго пола, всѣхъ женщинъ «семьи», жены—матери и дѣвы, работъ ихъ, хозяйства («чистаго»), отдыха и досуга или семейныхъ отрадъ мужа—судруга. Видѣть здѣсь «затворничество»—то же, что обличать въ Азіатизмъ и гаремномъ бытѣ средневѣковое рыцарство съ его любовью, романсами и высокою ролью женщины, или въ томъ же обличать нынѣшнихъ Англичанъ, у которыхъ, по извѣстной аксіомѣ—пословицѣ,—«домъ—крѣпость, замокъ»; быть *въ замкѣ* далеко уже не то, что *подъ замкомъ*, хотя одно вытекало изъ другаго, послѣдующее и народное изъ антиквированнаго кочеваго. Излишне прибавлять и повторять, что пресловутаго «затворничества» въ смыслѣ Азіатскомъ, кочевомъ и мусульманскомъ, ни у Аріевъ вообще, ни у Славянъ и Русскихъ въ частности, ни въ какой вѣтви и эпохѣ создавшася «народа» и сложившейся «семьи», ни до, исторіи—по принципу и типу, ни въ положительной исторіи по фактамъ *не было, неизвѣстно и не могло быть*. У насъ издревле, и доселѣ въ народѣ коренномъ, всѣ женщины, не исключая дѣвушекъ, свободно выходили и входили изъ жилища и въ жилище, жизнь (въ кругъ «семейныхъ» функцій) текла открыто и публично, «на всемъ народѣ» или всенародно, участвовали они въ общинныхъ и гражданскихъ отправленияхъ всюду—

отъ сходокъ до соборовъ, отъ подачи одиночнаго голоса до посадничества и княжества (Марѳа, Любуша, историческія княжны и княгини), женскія работы и труды исполняли среди всѣхъ на глазахъ—отъ ходьбы на колодезь и отъ полосканья въ рѣчкѣ до подотья грядъ и собиранія плодовъ, до сѣна и жнитвы, участвовали въ празднествахъ, пиршествахъ, хороводахъ, пляскахъ публичныхъ, и т. д., и т. д. Ограниченія истекали только изъ естественныхъ и повсюдныхъ, самыхъ цивилизованныхъ, причинъ,—требованій стыда, скромности, застѣнчивости, предохраненія паденій, надзора старшихъ, и т. п.

Предполагаемое у Русскихъ, какихъ бы то ни было, или у Славянъ вообще, затворничество, укутыванье, замкнутое и насильственное положеніе съ типомъ Азіатскимъ и кочевымъ, если все это признать не предположеніемъ и недоразумѣніемъ, а фактомъ, могло бы быть объяснено и подтверждено не исконными, внутренними и наслѣдованными началами, которыя всѣ антиквированы вмѣстѣ съ «продленнымъ» кочевьемъ въ «прежнемъ» быту племени, побѣждены и преобразованы сполна законами народными, семейными, общинными, земледѣльческими, осѣдлыми и гражданскими, а единственно лишь — *позднѣйшимъ вліяніемъ со стороны, какъ воздѣйствіемъ пришлыхъ племенныхъ вѣтвей Туранства или Монголизма съ ихъ кочевьемъ*: а на этомъ съ подробностію остановится II-й отдѣлъ нашей статьи. Переходомъ же послужить намъ слѣдующее краткое обозрѣніе вопроса въ слѣдующихъ чертахъ.

Тѣ изъ Азіатцевъ, какихъ бы то ни было, отъ Туранъ и Монголовъ до нѣкоторыхъ Семитовъ и даже отпрысковъ Арійскихъ (Азія была колыбелью общею, а періодъ кочеванья повсюднымъ), тѣ, которые, по внутреннимъ ли началамъ, по вліянію ли сосѣдей или завоеванію, успѣли усвоить себѣ извѣстную долю «народности» со спутниками ея типа и явленія, тѣ, послѣ періода кочеваго, «не загрязли» въ затворничествѣ, въ замкнутости жилища, въ укрываніи и закутанности женскихъ уборовъ, а подъ ними лицъ и чертъ, и объ нихъ будемъ говорить еще ниже (а пока, для крупнаго примѣра, напомнимъ хоть часть Индусовъ или Славянъ-босняковъ среди самого магометанства). Но «погрязшіе», тѣмъ самымъ, въ силу косности и въ силу конфигурированной кристаллизаціи, тѣ должны были въ десятеро, въ сотню разъ приумножить, закрѣпить, развить до крайностей черты быта древнѣйшаго, кочеваго и племеннаго, со всѣми недостатками и со всею исключительностію. Черты эти, какъ начала и принципы, вынесены были ими, мы знаемъ уже, изъ періода общаго, однороднаго съ Аріями и подлинными народами, обезпечены и закрѣплены

были общими терминами и обычаями, а потому, самой древностью и однородностью съ лучшими, оправдывали законѣніе въ глазахъ каждаго. Сверхъ того, и *внѣшнія* условія жизни оставались для нихъ прежнія, безъ участія горной природы Кавказа, морей и Европы, и такъ остаются для многихъ доселѣ: тѣ же степи и пески, тѣ же вѣтры, палящіе лучи солнца, ураганы, потравляемые пастбища, непремѣнные переходы и т. д. Подобно Индо-Европейцамъ, и они *примыслились къ нуждѣ внѣшней*, сверхъ застоя и осадки внутри: но ихъ нужда *постоянная, однообразная, повторительная*; ихъ кругъ и вращеніе въ немъ *безисходны*, закрѣплены *религіозно* и устраняютъ свободу. Наконецъ, такой порядокъ вещей закрѣпленъ навсегда *мусульманствомъ*, которое, какъ извѣстно, привилось по преимуществу къ *племенамъ*, не достигшимъ полной *народности* и застигнутымъ въ *кочевь*. Первобытно, «типъ *Хамитизма*», съ его фаллизмомъ и сладоустрасіемъ, а вмѣстѣ съ вынужденнымъ оттуда же скопчествомъ *), чрезъ который болѣе или менѣе прошли въ началѣ и всѣ вѣтви Племена Общаго, и зачатки послѣдующихъ Народовъ, водворился и окрѣпъ по преимуществу въ *кочевь*: онъ же окончательно овладѣлъ, какъ обуза и цѣпи, какъ *условіе исключительное*, тѣми, кто въ *кочевь* остался. Хамитизмъ и кочевье, на извѣстную пору, опредѣлялись уже какъ *синонимы*: а съ *такой-то* точки, по отношенію къ *такому* явленію, по одну сторону оторвались вѣтви; *не прошедшія* кочевья и впоследствии *одичавшія*, съ унесенными лишь «зародышамъ» хамитизма, съ развившимся въ ихъ отчужденіи «шаманствомъ» и «фетишизмомъ»; по другую же сторону, другія вѣтви *прошли* нуть хамитизма и кочевья, но *кончили* его, бросили, вышли къ лучшему, сохраняя лишь въ памяти или какъ способность репродукціи при случаѣ. Напротивъ «прочіе», кочевники «истые» и «загрязные», прежде еще нынѣшняго ихъ законѣнія и упорной персеверанціи, весьма вѣроятно, хотъ и позже, могли бы еще высвободиться на лучшей правый путь, могли бы дозрѣвать и по крайней мѣрѣ «ассимилироваться» съ народами, если бы, по самой *натурѣ* и въ совершенной *последовательности*, не былъ бы *ими же выработанъ и порожденъ, признанъ во главу жизни и окончательно не закабалилъ бы ихъ Исламизмъ* (мусульманство, магометанство). Онъ, повторяемъ, вышелъ изъ

*) Просимъ имѣть въ виду, что для современной науки «Хамитизмъ» есть технически «типъ» выработанныхъ началъ и усвоеннаго быта, а отнюдь не особе «племя», хотя нѣкоторые племена и обязаны исключительными условіями жизни началамъ Хамитизма.

кочевья, и его же собою закрѣпилъ; истекъ изъ хамитизма, съ хамитическимъ фаллизмомъ, съ качаніемъ между сладострастіемъ и оскотленіемъ, какъ двумя экстремами, но онъ увѣковѣчилъ эту *хамитическую формацию* и оставилъ цѣликомъ навсегда ея *statu quo* какъ непреложный законъ и какъ удобство жизни; мало того, онъ соединилъ съ Хамитизмомъ бывшую его реакцію — *Семитизмъ*, съ *обрѣзаніемъ*, представлявшимъ нѣкогда противувѣсь скопчеству и евнушество; онъ этимъ слилъ или «сплавилъ» даже племена и расы, преимущественно Туранскія съ нѣкоторыми Семитическими, образовавши видимость чего-то похожего на «народы», какого-то конгломерата, который не имѣетъ въ себѣ организма «народнаго» (ни семьи, ни брака, ни прочаго сопутственнаго), а между тѣмъ держится самой массою и сдѣляемостью ея перешлетшихся и перевившихся частей или нитей. Косности и застою сообщена *энергія* во имя самого же законсѣнія: силы подняты до *напора*. Наконецъ, *такой* хамитизмъ, *такой* семитизмъ и *такое* кочевье подняты на небо, въ будущій рай и упованіе вѣчности. Извѣстно, до какихъ крайностей доведены здѣсь стародавніе, нѣкогда общіе, принципы и отличія. Такъ, помянутая Арійская «гарема» доведена до отвратительнаго гарема внѣ уже всякой семейности, Арійскій же и общій «очагъ» до «оджака» вѣчныхъ лагерей съ кострами и пожарами; переходы кочевья мирнаго для пастбищъ подняты до военныхъ походовъ и непрерывныхъ завоеваній, палатки челяди до вѣчныхъ лагерей на разрушеніе всего оскотлаго; рабство кочеваго быта сдѣлалось закономъ для обращенія въ рабство всякаго не-мусульманина; затворничество расцвѣло ненасытностью сладострастія, многоженствомъ, ревностью, принудительнымъ евнушествомъ, обязательнымъ обрѣзаніемъ, — все на кару или покореніе женщинъ; покровеніе головы, въ особенности ради непремѣннаго стриженія и бритья, какъ символа рабскому быту, простерлось на всѣхъ и повсюду, равно и женщинъ, и мужчинъ, и подъ палаткою, и въ храмѣ, и у себя въ жилищѣ; черты прежняго быта, изъ обычаевъ сдѣлались закономъ религіознымъ и политическимъ вмѣстѣ (если только тутъ возможна религія и жизнь политическая), а вмѣстѣ признакомъ и знаменемъ господства, для владычества надо всѣмъ остальнымъ міромъ. Такимъ образомъ, все это, въ основѣ кочевое, хамитическое или худшее семитическое, племенное и бытовое, поглощено единою *формацией Исламизма*: говорить о *вліяніи* на Индо-Европейскіе народы со стороны Азіи, Востока, затворничества и прочаго гаремнаго, — значитъ говорить о вліяніи собственно *Мусульманства* или *Исламизма*. А это наши ученые и писатели забываютъ на

каждомъ шагѣ. Такъ, напримѣръ, говоря о вліяніи Тюрко-Монголовъ на Русскую жизнь, они забываютъ, сколько вѣтвей этой племенной группы, въ милліонахъ представителей, *ускользнуло отъ Исламизма*, слѣдовательно отъ самаго худшаго и крайняго въ нашемъ вопросѣ, въ вопросѣ о народности, семьѣ, женщинѣ, затворничествѣ и т. п.; сколько изъ нихъ осталось съ *шаманствомъ*, вовсе не узаконяющимъ затворничества или замкнутости, а еще важнѣе — сколько предано *буддизму* и *ламаизму*, возвышающему не только надъ хамитизмомъ, но и надъ застарѣлымъ кочевьемъ, такъ что вѣтви, зарученныя въ эту область, совсѣмъ уже не представляли для насъ той опасности, которую хотятъ видѣть и объясняютъ ихъ вліяніемъ. Иныя вѣтви, счастливо стяжавшія себѣ такую долю и избѣгшія извращения мусульманскаго, на пути уже къ народнымъ признакамъ и къ осѣдлому земству, по крайней мѣрѣ перестроились и перерядились иначе противу кочевниковъ мусульманскихъ, почему ассимируются даже съ нами и, вмѣсто вліянія на насъ, сами подчинялись и быстро поддѣляются вліянію нашему: а тогда это уже другой вопросъ и не слѣдуетъ уже, *предполагая* Азіатизмъ въ насъ, предполагать еще *средній Азіатизмъ* въ тѣхъ, кто видимо отъ него высвобождается. Исламизмъ же, сколько извѣстно, на комъ отяготѣлъ, къ тому вовсе уже не прививаются почти начала «народныя» — за отсутствіемъ корня — семьи, ни земледѣльческія, общинныя и гражданскія — за правиломъ набѣгать на другихъ и жить чужимъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, рисуя себѣ и намъ вліяніе Тюрко-Монголовъ въ той формѣ, которая свойственна лишь мусульманамъ, писатели одинаково забываютъ, что Исламизмъ не составляетъ принадлежности исключительно однихъ Тюрко-Монголовъ: таковы же, мусульманами, и нѣкоторые изъ Аріевъ, сверхъ мелкихъ — Индусы и Персы, а тогда самое ихъ мусульманство, если доходило до нашихъ предѣловъ и вторгалось въ нашъ бытъ своимъ вліяніемъ, вліяніе это весьма видоизмѣнялось, фильтруясь сквозь отличія и черты, наиболѣе намъ самимъ всѣмъ сродныя. Кромѣ того, въ Мусульманствѣ же состоятъ и Семиты, и изъ нихъ передовые, даже родовачальники Исламизма, Арабы: но въ первыхъ, они исходили изъ одного корня съ Евреями, у которыхъ менѣе другихъ было затворничество, многоженство и укутыванье женщинъ; во вторыхъ, они чуть не завоевали себѣ народности и близки были къ Европейской культурѣ, во многомъ имъ обязанной въ свою очередь, такъ что *подобное* вліяніе, за лучшую эпоху Арабовъ не принесло бы намъ непременно однѣ только дикости и нелѣпости Азіатизма; въ третьихъ, не смотря на выѣоту своего вре-

менного подъема, благодаря тому же Исламизму, Арабы снова разложились до племеннато кочевья со всеми его атрибутами, но при этомъ уже слишкомъ отделились по самой территоріи отъ воздѣйствія на Русскихъ; а главное — они издревле, и доселѣ, яростные *враги Тюрко-Монголовъ* и нынѣшняго порожденія ихъ—*Турокъ*: стало быть, и дурное въ нихъ вовсе не *изъ Тюрко-монгольства*, а изъ Исламизма, потому и въ насъ слѣдовало бы искать источника дурному (хотя бы мнимому) не во однихъ Тюрко-монголахъ. Наконецъ, всего любопытнѣе, что у всѣхъ этихъ господъ, откуда переносятъ гибельное вліяніе на насъ, находя его въ бракахъ, семейной жизни, свадебныхъ обрядахъ, роли невѣсты и суиругъ, у всѣхъ у нихъ, за отсутствіемъ подлинной «семьи» нѣтъ ни подлиннаго «брака», ни «свадьбы» съ ея перипетіями и обрядами: мудроно же было вліять на насъ въ томъ, чего нѣтъ у нихъ самихъ. Закрытъ у нихъ не домъ, затворена не семья, а замкнутъ гаремъ и скрыто сладострастіе, многоженство, евнушество, обрѣзаніе; укутаны покрываломъ не дѣвушки, не на порядѣ, не послѣ вѣнчанья, а укутаны *всѣ женщины*, и раскутаны — растрепаны лишь безобразныя старухи, въ совершенную противоположность обычаю нашему; ровно покрыты чалмой, фесомъ, каиюшемъ бурнуса не женщины однѣ, а *мужчины*, и *повсюду*, и безъ различія— но это покрыты *бритья юловы*. Обратнo, находя у насъ затворничество и укутыванье Азіатизма среди «простаго народа», забываютъ, что у архи-исламитовъ и архи-тюркомонголовъ тѣ, кто не поступаетъ въ гаремъ и по селамъ, гдѣ нѣтъ гаремовъ, внутри становъ и равно по улицамъ городскимъ или деревенскимъ, для полевыхъ работъ, въ садахъ, огородахъ, на работахъ и т. д., женщины вовсе не укутаны съ лицами и глазами.

Уже одно это, весьма краткое и бѣглое обзорнѣе даетъ возможность слѣдующимъ выводамъ. Предполагаемое у насъ Азіатское, Восточное, кочевое и племенное затворничество съ послѣдствіями, замкнутость женщинъ, покрытіе головы ихъ и примѣненіе всего этого къ свадебнымъ обрядамъ, къ браку, семьѣ, къ отличіямъ народности и т. д., если бы даже было вѣрно и доказано фактами, во всякомъ случаѣ, вопреки увѣреніямъ писателей въ этомъ тонѣ:

1. Возводится вовсе не къ племени Тюрко-Монголовъ, непременно и исключительно.
2. У многихъ Тюрко-Монголовъ вовсе не практикуется.
3. У всѣхъ у нихъ вообще имѣетъ иное значеніе, чѣмъ у насъ, по различію началъ и формъ жизни.
4. Всего прямѣе относится къ Мусульманству, которое обнима-

еть «разныя» племена, въ томъ числѣ нѣкоторыя вѣтви и Арийскія и Славянскія.

5. Кристаллизовалось и отвердѣло до исключительности у кочевниковъ закоренѣлыхъ, уложившихся въ эту неподвижную форму вслѣдствіе «отсталости» отъ Аріевъ или гораздо позже народной зрѣлости сихъ послѣднихъ, отчего и пути вліянія, и способы необъяснимы.

6. Первобытнѣе и основнѣе всего возводится къ принципу кочевья и къ типу хамитизма, черезъ которые, на свою долю и въ свой періодъ, прошли и всѣ Аріи, въ томъ числѣ предки Славянъ и Русскихъ.

7. У всѣхъ таковыхъ болѣе или менѣе остается слѣдомъ былаго и признаковъ давняго, миновавшаго періода, что при случаѣ и репродуцируется *обрядно*, съ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ чертъ.

8. Но и при этомъ получаемъ смыслъ иной, отличный отъ устарѣлаго, примѣнительно къ наличнымъ явленіямъ и формамъ народнымъ, къ современнымъ потребностямъ и нуждамъ, съ полною свободою послѣдованія или отиѣны, безъ противорѣчія христіанству или съ заимствованіемъ ясности и правильности воззрѣній изъ сего послѣдняго.

9. У тѣхъ, кто съ нами въ этомъ сходится, хотя бы у доселѣшнихъ кочевниковъ и даже Исламитовъ, занято изъ *общаго* начала, источника *я* періода, не составляя *спеціальности* инородцевъ, а потому не давая мѣста ихъ вліянію или нашему займу и подражанію.

10. У нихъ же, въ большинствѣ случаевъ цѣликомъ удерживая старшія *Арийскія* черты, наименованія и терминологию, доказываетъ *важную* зависимость въ семъ случаѣ отъ Аріевъ.

11. Условлено, между прочими мировыми причинами, повсюдною нуждою всякаго мѣста, времени и населенія, главнымъ образомъ природою, для всѣхъ одинаковою при вопросахъ о трудномъ пути, непогодахъ, дождяхъ, ураганахъ, вѣтрахъ, зноѣ, пыли и т. п. явленій, отъ которыхъ человекъ ищетъ защиты.

12. Въ томъ разнообразномъ, сложномъ, стройномъ и организованномъ видѣ, въ какомъ является при нашихъ обрядахъ и сопровождается нашимъ творчествомъ, не извѣстно ни Тюрко-Монголамъ и Азіатамъ вообще, ни Исламитамъ, ни даже прочимъ Западнымъ Европейцамъ сравнительно со Славянами и Русскими, составляя такимъ образомъ плодъ спеціальнаго развитія сихъ послѣднихъ и благопріобрѣтенное ими достояніе.

13. Не ограничивается преимущественно тою или другою вѣтвю Русскихъ, встрѣчаясь у всѣхъ по своему.

14. Изъ быта народнаго давно проникло, въ разныхъ видахъ и послѣдствіяхъ, къ обычаямъ общества и складу жизни гражданской.

15. Требуется строгаго изученія и опредѣленности въ терминахъ, безъ чего остается только общимъ мѣстомъ или голою фразою, не прибавляя намъ никакой характеристики.

Разобранные нами факты племенной и народной жизни, и самыя мнѣнія объ нихъ, очень важны въ томъ отношеніи, что впервыхъ, ясно представляютъ намъ подлинный *генезисъ* ошибокъ и заблужденій въ данномъ вопросѣ. Оказывается, что сами факты въ матеріалѣ выводовъ слишкомъ скудны подъ рукою писателей: въ полнотѣ и подробности не знаютъ они хорошенько ни племенной, ни народной жизни у представителей ея, ни въ прошломъ, ни въ наличномъ видѣ: но и тамъ скудный матеріалъ слишкомъ мало исследованъ и не освѣщенъ результатами, добытыми современною Этнографіей, Этнологіей и Археологіей, вообще тѣми науками, которыя простерты въ область доисторическую и въ слѣды ея посреди наличнаго быта. Вовторыхъ, важнѣе еще тѣмъ, что прямо вводятъ насъ въ слѣдующій, II-й отдѣлъ статьи, составляя для него подготовку и опредѣляя стороны, на которыя предстоитъ обратить серьезное отношеніе.

А именно, намъ необходимо опредѣлить съ возможною точностію: что такое самый *Туранъ*, который безпрестанно вертится на языкѣ писателей; какая роль въ немъ *Тюрко-Моголовъ*, одна ли это вѣтвь, или сложная изъ двухъ, и въ какой онѣ связи; какая связь ихъ *могла* существовать со Славянами и Русскими, въ эпоху доисторическую, дѣйствительно *существовала* на глазахъ положительной исторіи, *осталась до нашего времени* и какое же отсюда *вліаніе*; есть ли въ этомъ случаѣ какой либо-перевѣсъ на сторону *Великоруссовъ* съ *Бѣлоруссами*, или участь ихъ раздѣлена одинаково съ *Русью Малой*. Доселѣ мы главнымъ образомъ замѣчали *непоследовательность выводовъ*, анаколузію логическую и сторону вопроса по преимуществу *отрицательную*: теперь приходится взглянуть ближе въ лицо самимъ *фактамъ, событіямъ и явленіямъ*, въ ихъ *положительныя* данныя и наглядную ихъ *онѣшность* при свѣтѣ самомъ простомъ. Не избѣжимъ мы еще области доисторической, но еще больше всмотримся въ исторію и даже современную наличность. Съ тѣмъ вѣстѣ предъ нами совершенно обозначится, столь важный нынѣ, вопросъ объ *инородцахъ* и истекающій изъ него же вопросъ о жителяхъ *коренныхъ*, а равно объ ихъ *переселеніяхъ*, на сколько послѣднія возможны, естественны, необходимы, полезны и разумны.

II.

Тѣ, которые пишутъ о *Тюрко-Монгольскомъ* или, общѣе *Туранскомъ* вліяніи на Великоруссовъ съ нѣсколькими меньшими вѣтвями Славянства, вѣроятно на столько свѣдуци'въ географіи и этнографіи, что на первый разъ избавляютъ насъ отъ подробностей азбучныхъ и уцѣлномочиваютъ насъ приниматъ названіе «Тюрко-Монголовъ» техническимъ научнымъ терминомъ, не примѣшивая сюда, напримѣръ элементовъ «Чудскихъ и Финскихъ» (какъ извинительно поступать лишь нѣкоторымъ Западно-Европейскимъ ученымъ, смотрящимъ «издали»).

Значеніе *тура* и *тавра*, помянутое выше и зародившееся на «первичномъ» Кавказѣ, простерлось на всѣ первобытныя *племенные стихіи* и слѣдалось даже *именемъ* тѣхъ основныхъ *племенъ*, изъ коихъ выросли всѣ послѣдующіе «народы», а послѣ укрѣпилось и за тѣми, отставшими въ развитіи, племенами, которыхъ привыкли называть «Скитскими или «Чудскими», по періоду и области «скитанія—кочевья». Этотъ періодъ, эту область прошли *всѣ*, хотя «остатки» и «слѣды» сего въ Европѣ преимущественно удержаны такъ называемой «Чудью», отъ Тавріевъ нашей древней Тавро-Скитіи до сонменныхъ Тавастовъ (Наема—Naomalais—laiset). Ни о тѣхъ, ни о другихъ у насъ здѣсь нѣтъ рѣчи: одни *старше*, другіе *моложе* и *позднѣе* «Туранъ Азіатскихъ», обозначаемыхъ (якобы) технически именемъ «Тюрко-Монголовъ». Мы, во всемъ послѣдующемъ изложеніи, имѣемъ дѣло только съ *Тураномъ Азіи*, какъ другимъ, иногда противоположнымъ, иногда очень близкимъ полюсомъ и предѣломъ съ *Ираномъ* и его *Аріями*.

Итакъ, не думаютъ же конечно писатели, что означенное вліяніе на Великоруссовъ имѣло мѣсто въ отдаленный періодъ Кавказа и первоначеленной Малой Азіи: тогда и Тюрки, и Монголы не были близки къ нашимъ предкамъ по *мѣсту* населенія или кочевья; «Тюрко-Монгольская» формація тогда только что «*начинала*» развиваться въ этомъ соединеніи двухъ племенныхъ элементовъ; по началамъ же своего *кочевая быта* она имѣла много общаго со всеми Аріями и съ предками Индо-Европейцевъ; а сами *Велико-руссы* да и всякіе *Руссы* вовсе еще не выдѣлялись изъ общей группы Славянства; Славянскіе же предки едва только *обозначались* и *намѣчались* среди прочихъ; такъ что, еслибы они и опредѣлялись бы, и вліяніе существовало бы, тогда вліяніе *равномѣрно* легло бы на всю массу, заключающую въ себѣ праотцевъ не только Славянамъ, но и Литвъ, и «Южной»

(такъ называемой) Чуди, и Галламъ, и Тирреномъ, и Тиролю, и Тюрингамъ, и всѣмъ нынѣшнимъ (тогда лишь «будущимъ») Европейцамъ.

Затѣмъ, писателямъ, разумѣется, знакомы выводы современной науки, утвердившіе положенія, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей,—что Славянскіе предки пришли въ Европу отнюдь не Дербентскими «вратами племенъ», не Восточнымъ и Сѣвернымъ Кавказомъ отъ Каспія, не черезъ Волгу на Уралъ и Донъ, короче—вовсе не тѣмъ путемъ, гдѣ заваривалась тогда страшная борьба племенъ разнородныхъ и гдѣ «впослѣдствіи» господствовала Тюрко-Монгольская формація (допускаемъ ее, не разбирая пока состава). Напротивъ, предки наши шли и пришли отъ такъ называемаго нынѣ «Закавказья», отъ склоновъ хребта и горъ по Юго-Восточному и Южному побережью Чернаго моря (Понта), чрезъ Малую Азію, по морю на Востокъ, во Фракію и на Дунай, отсюда въ такъ называемую «Скитію» Скиейю, Скуть или Скуеъ), то есть на Днѣстръ, къ Днѣпру, далѣе на Востокъ къ Дону и выше по верховьямъ этихъ рѣкъ: путь, на которомъ въ ту пору (XI—VII в. до Р. Хр.) не было никакой Тюрко-Монгольской формаціи, даже не успѣвшей еще сложиться ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ членахъ. *За домо* еще до того, старшіе зародыши *одной* половины изъ состава означенной формаціи, именно «Турковъ»—такъ называемые *Юты* или *Уды* и *Ады* слишкомъ древніе и въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими «народами», были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ походомъ Египтянъ (XIV вѣка, при Сезостризѣ) сглажены Басками, и Гебрами, вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріянъ и Боевъ: такъ что, къ приходу Славянъ вся означенная мѣстность давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ послѣдующаго Туркизма или Туркоманства.

Далѣе, наступившее обособленіе вѣтви, извѣстной позднѣе подъ Велико-русскою, отъ Славянства вообще и «прочихъ» Русскихъ, послѣдовало, какъ извѣстно, 1) начиная съ помянутой «Придунайской» и Южной или Скитской эпохи, постепеннымъ движеніемъ колонизаціи на Сѣверо-Востокъ нынѣшней территоріи, 2) позднѣе и сильнѣе, на глазахъ положительной исторіи, наплывомъ изъ «Полей» и Кіевской области, преимущественно послѣ тамошняго разоренія и паденія зарождавшагося государства. Въ 1-мъ случаѣ, организмъ сходящейся Великой Россіи совершенно обезпеченъ былъ на *Востокъ* и *Юго-востокъ*, отъ какого-либо давленія Тюрко-Монгольской формаціи, сплошною массою и сильною группою передовыхъ Мидо-Персовъ, въ лицѣ Алланъ, Сарматовъ и болѣе мелкихъ вѣтвей или

подъ болѣ крупнымъ именемъ Асовъ (Ясовъ), продолжавшихъ движеніе отъ Каспія, изъ Кавказской Албаніи, занимавшихъ густо и непроходимо низовья Волги, и Дона, и всю нынѣшнюю Юго-Восточную полосу, вверхъ до Урала и Камы: сама же эта, Мидо-Персская, масса была *Иранская*, вполне и чисто, то-есть *одного племени* со всеми Европейцами и ближайшая къ намъ; въ добавокъ, проживши до сего и исторически, она въ самыхъ переходахъ своего броженія хранила слѣды культуры и цивилизаціи, забытой среди Месопотаміи и Ассиріи, коими владѣлъ Иранъ; во всякомъ случаѣ, по всемъ памятникамъ, это была вѣтвь высоко нравственная и способнѣйшая къ цивилизаціи.

Лишь тогда, когда, послѣ долгаго владычества въ помянутомъ краѣ, подобно участи всѣхъ Восточныхъ и Азіатскихъ Иранцевъ (этимъ и отличныхъ отъ Западныхъ, проникшихъ глубже въ Европу), масса эта растратила силы свои въ безчисленныхъ походахъ и въ слишкомъ растянутой экспансіи, современемъ раздробившей ее и въ многомъ слившей со Славянами, въ томъ числѣ съ послѣдующей Русью Великою, тогда только, возросши за то время, формация Тюрко-Монгольская усилилась, подступила, постепенно начала занимать означенные выше края и вступила въ коллизію съ Русью, что совершилось уже *гораздо послѣ Рождества Христова* и о чемъ скажемъ еще ниже.

Тогда же, параллельно означеннымъ событіямъ, поглотивши въ себя часть элементовъ Мидо-Перскихъ (въ семъ уже нынѣ никто «изъ лучшихъ» не сомнѣвается, вплоть до И. Е. Забѣлина) и въ *отпоръ* напиравшимъ иноплеменнымъ Восточникамъ, тогда только поднялась и выразительнѣе обособилась *Русь Великая*.

Что касается до территоріи *Сѣверной*, то она, въ теченіе помянутого періода вовсе не вѣдала Тюрко-Монголовъ, подавно Тюрковъ, а сплошь занята была *Чудью*, въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: технически Чуди «Сѣверной», старшей, отъ Лопарей до Самодья и Остяковъ съ ближайшими вѣтвями, полудикой, не извѣдавшей даже и кочеваго устройства, сдавленной старше и Скандинавами, и предками Германовъ, и самими Финнами, а подавно «тѣснимой» далѣе къ Сѣверу или въ Сибирь, колонизируемой и доселѣ повозможности цивилизуемой со стороны Руси; технически же Чуди «младшей» и «Южной», какова Весь, Меря, Мещера, Черемись, Муромъ, Корѣла, Мордва (Мокша и Эрса), и т. д., которая шла всегда вмѣстѣ со Славянствомъ, Русью и ея Великою половиной, заодно дѣляща судьбы, участвовала по возможности въ Арійскомъ ростѣ народности и цивилизаціи, понесла оттуда вліяніе *на себя*, подала руку и голосъ въ такъ

называемомъ «привзаніи Варяговъ» и въ устройствѣ новаго государственнаго союза; на окраинахъ же, Сѣверныхъ и Юго-Восточныхъ, куда естественно выдавливалась она изъ однороднаго своими элементами центра Русскаго, Чудь «Южная» помогала ему въ *отпоръ* и Старшей Чуди Сѣверной, и иноплеменнымъ Восточникамъ. Но эта послѣдняя Чудь вовсе не содержала въ себѣ Монголизма и слишкомъ долго чужда была всякаго Тюркизма, пока послѣдній усилился и началъ завоеванія, пока крайны сдѣлались поприщемъ жестокой борьбы; тогда, оторванная часть этой Чуди не могла устоять на окраинахъ столь же крѣпко, какъ устоялъ Русскій центръ, она поколебалась и, въ позднѣе время, да и въ наше, подпала и подпадаетъ воздѣйствию Татаръ-Тюркскому, сама здѣсь погибая, именно на Юго-Востокъ, постепенно и неудержимо тѣсняясь съ Запада на Востокъ, за хребетъ, за Уралъ, и, разумѣется, уже не оказывая вліянія своимъ типомъ на Россію. Элементъ *Чудской*, со стороны Чуди 2-го отдѣла, «Южной» и «Младшей», глубоко сроднился со многими вѣтвями Славянства: искони, когда еще предки Славянъ и Чуди соединялись подъ однимъ именемъ *Вановъ*, которое перешло послѣ на «Финновъ», когда имя *Скувъ* равнялось, какъ вышѣ доказано, названію *Чуди*; кочевала; въ своихъ остаткахъ, сберегла еще все слѣды такого роднаго союза: Особенно же этотъ Чудской элементъ сравнился съ Русью Великою, продолжая общую жизнь на Сѣверъ и Юго-Востокъ: кромѣ языка, творчества и быта, самый физическій типъ понесъ глубокіе слѣды родства и вліянія, у Чуди съ Русскими чертами и признаками, у Русскихъ съ Чудскими, такъ что и нѣкоторыя Бѣлорусскія отличія, напр. волоса и особенно носъ,—чисто Чудскаго типа, при переходномъ звенѣ Литвы. Но эти «этнографическія» признаки и въ ихъ числѣ типъ физическій не носятъ въ себѣ ни малѣйшаго Тюркизма, а тѣмъ паче Монголизма, чужды соединительной формации Тюрко-Монгольской, а въ специальномъ дѣлѣ жилищъ, свадьбы, покрововъ—представляютъ все *противуположное* Тюрко-Монгольству (опредѣленной, позднѣйшей формации); никто не зналъ Чудскаго затворничества, гарема, закрытаго лица, тѣмъ паче Мусульманства.

Помянутому историческому *напльму населенія съ Юга* предшествовало, въ промежуткѣ, появленіе на Востокъ и Юго-Востокъ Россіи *Арабовъ*: Русь, какъ народъ сложившійся, Арабы, какъ слагавшійся, не подчиняли другъ друга, не завоевывали, а чувствуя обоюдную мощь и независимость, свободно, лишь *стоснулись*, въ международныхъ дѣлахъ, благодаря мѣнковой торговлѣ и обоюдному богатству товаровъ, особенно же благодаря Арабской монетѣ и золоту, кото-

рыхъ не могло быть въ обилии на тогдашней Руси, но которыми, вмѣстѣ съ другими внѣшними средствами цивилизація, запасались Арабы, проходя странами «классическаго» Востока и завоевывая ихъ. Та и другая сторона глубоко уважала предѣла территоріи и не переступала ихъ, держась вдали отъ рубежа; Арабы описывали Русскіе обряды и обычаи, какъ совершенно особые, но не присвоивая ихъ себѣ и не присвоивая какого-нибудь вліянія на нихъ; сами же они были чисто-кровные Семиты, отчасти умѣвшіе, благодаря тѣмъ же завоеваніямъ, значительно Иранизироваться (ближе къ намъ), но въ ту пору не проникнуты были нисколько чертами Тюрко-Монгольства, съ которыми пришлось имъ сблизиться позже, въ послѣдствіи, по отдаленіи отъ предѣловъ Русскихъ и въ водоворотѣ воспринявшаго Тюрко-Монголизма, на Востокѣ *болѣе далеко*. Кочевой бытъ «такихъ и тогдашнихъ» Арабовъ уступалъ явно народному и земскому, проникаясь элементами Востока древнѣйшаго и классическаго; объ Исламизмѣ ихъ и о вліяніи его на Русскихъ не можетъ быть и рѣчи,— до вѣры и религіи не доходило въ сношеніяхъ.

Переходимъ къ случаю или событію 2-му. *Наплывъ* населенія съ разбитаго Юга, съ опустошенныхъ «Полей», изъ развалинъ первобытной формы государства и Кіевской области, только *усилилъ, обогатилъ* Русь чисто-кровными, частью древне-олавянскими, частью типически-Русскими элементами: не имѣя возможности проникнуть въ самый центръ Сѣверо-Востока, тогда уже густо населеннаго и устранившаго внѣшнюю колонизацію, оказывая себя вліяніемъ болѣе нравственнымъ, политическимъ и личнымъ, этотъ наплывъ растянулся *по окраинамъ* цѣлыми народными слоями—отъ Тулы и Орла до Рязани и ниже, отчасти до области Симбирской. Онъ всюду разносилъ съ собою начала богатства древняго въ болѣе новой формѣ возникшаго «казачества», на Сѣверѣ и Сѣверо-Востокѣ проникъ за Владиміръ, подъ Ярославль и Нижній (судя по слѣдамъ—даже къ Перми), всего же виднѣе,—за густотою центра Новгородскаго,—колонизовалъ весь Олонецкій край и Обонѣжье, а тамъ цѣликомъ сохранилъ на долго «Эпосъ Кіевскій», поражающій насъ даже въ остаткахъ точною и подробною картиною Руси Полянскій, Кіевскій, Южной. Бѣлая Русь *этому* же движенію, *этому* же напору массъ Южно-Русскихъ обязана измѣненіемъ на половину собственнаго физическаго типа, массою населенцевъ типа Южнаго, подъемомъ энергіи, значительною долею творчества, или же загорожена была съ Юга отъ Восточниковъ, какъ съ Запада и Сѣвера ограждена была отъ нихъ Русью Великою; такъ что, о Тюрко-Монголизмѣ Бѣлой Руси нельзя и подумать безъ

улыбки, а разныя отдѣльныя личности, проникшія туда такъ или иначе, въ родѣ какихъ-нибудь Салтановъ, служащихъ нынѣ ставочными и исправниками, Руссе самихъ Русскихъ. Во всякомъ случаѣ, это было *бытство*, въ Россію, остававшуюся Русскою, и стремленіе примкнуть къ ея сложившемуся *центру* на Сѣверо-Востокъ (относительно «Полей» и Кіева); для *отпора* общимъ врагамъ, иноплеменнымъ Восточникамъ; *бытство* же отъ врага и соединеніе въ *напоръ* противу него не есть проводникъ вражескаго вліянія, тѣмъ паче въ срединныхъ пунктахъ народнаго типа; такихъ, какъ рѣчь и творчество, жилища и семья, свадьба и обряды, одежда и уборы. Это, говоримъ, все лишь возвысило, усугубило, усилило Россію и предназначало ей имя *Великой*, вскорѣ затѣмъ и появившееся, въ отличіе отъ «меньшей», отторгнутой, раздробленной, поддававшейся, терявшей и тратившей.

Но, конечно, эта же эпоха и выдвинула роль Россіи въ лицо Восточнымъ иноплеменнымъ врагамъ, сдѣлала такую роль обязательно—за «всѣхъ» Русскихъ, всѣхъ вѣтвей, тѣмъ самымъ и за Славянство, и въ значительной долѣ за всю Европу (заслуга признана и оцѣнена уже исторіей). *Лишь съ половины XIII вѣка* можетъ быть рѣчь объ отношеніяхъ Великой Руси къ Турко-Монголамъ и о *возможномъ* вліяніи со стороны сихъ послѣднихъ. А къ этому времени типъ *Русскій*, какъ Славянскій въ основѣ, Велико-Русскій на вершинѣ народной зрѣлости, давно уже и вполне сложился. Это не было уже ни племя съ родами, ни кочевье съ переходами и скотоводствомъ, ни первобытный единый народъ «Славянскій», а «вторичный» народъ Русскій или народъ «вторичной»—Русской формаціи, зрѣлаго земства, общины, семьи, и, какъ у всѣхъ «вторичныхъ» народовъ, совершенно готовый своимъ организмомъ для «государства», для жизни въ формахъ «политическихъ», которыя успѣли уже и обозначиться; ибо совпали съ положительной исторіей, прочислившей уже 3—4 вѣка, съ послѣдовательно воспринятымъ христіанствомъ, завершившимъ зданіе, съ полнымъ творчествомъ устнымъ и съ разцвѣтомъ письменности, образованія книжнаго. Никто никогда не видывалъ и не слыхивалъ, и не знаетъ примѣра историческаго, чтобы «такой» народъ уступилъ бы какому-нибудь другому «народу» въ дѣлахъ «народныхъ» и организмъ «народномъ», а тѣмъ паче подпалъ бы вліянію и воздѣйствію не народовъ, народовъ не сложившихся и не созрѣвшихъ, племенъ и племенныхъ вѣтвей, *до-органическихъ* и *ино-рочныхъ*, не вмѣющихъ организованнаго «языка», нисшихъ во всякомъ отношеніи, даже до физической *расы* (которая также вырабатывалась и видоизмѣнялась

къ лучшему единственно въ процессѣ творившихся «народовъ»), чуждыхъ «политическаго» начала, вторгнувшихся поздно и со стороны, владѣвшихъ лишь физическою силою безумнаго и безсознательнаго напора. И такой народъ уступилъ бы племенамъ кочевымъ въ *лучшемъ своемъ народномъ достояннѣ*,— въ центральныхъ пунктахъ языка и творчества, семьи, брака, свадьбы, дома, жилища, одеждѣ и обряда; замскаго, общиннаго и городского быта, во всемъ томъ, что связано было съ исконною религіей, мифологіей и съ культомъ «собственного» продукта, завершено было христіански и понято въ книжной производительности сознательно, наконецъ санкціровано первыми государственными формами. Такой народъ можетъ лишь подпасть *завоеванію* со стороны не народа и низшей племенной формации: но завоеваніе сего рода разстраиваетъ, упраздняетъ или уничтожаетъ лишь *на поверхности* и на *экстрематъ* развитія крайнія и высшія *формы политическаго* бытія, не проникая внутрь народнаго состава и организма. Другое дѣло—завоеваніе народа *народомъ* же; тутъ противъ самобытнаго государства одного народа идетъ *государство* другого, а внутри народа проникаетъ *иная* сила—умственная и нравственная, по перевѣсу или напору *оригинальной цивилизаціи*. Напротивъ, Сербь и Болгаре подъ завоеваніемъ Турокъ, утратили только формы и составъ былаго *государства*, но неизмѣнно остались *народомъ* и прожили «просто» народомъ, «чисто»-народно, цѣлыхъ четыре вѣка, даже «безъ государства», ибо государствомъ нельзя же назвать и признать «орды», остающейся ордою кочеваго племени даже доселѣ; когда же эта «высшняя» и «физическая» сила устранилась, они тотчасъ восприняли не только *тѣ же* «народомъ», но и къ обновленію сродныхъ себѣ государственныхъ формъ. Потому, если одинъ изъ авторовъ, цитованныхъ нами выше, подводитъ подъ Тюрко-Монголизмъ и *болгарію*; то развѣ по слѣдамъ и признакамъ быта, исходящимъ изъ *общаго* корня (ср. выше), забывая впрочемъ, что все болгарское—въ земствѣ, народности, семьѣ, бракѣ, обычаяхъ, одеждѣ и проч., *безконечно* различно и отъ древняго «Тюрко-Монгольскаго», и отъ послѣдующаго или современнаго «Турецкаго», что послѣднее напротивъ «лишено» спеціальныхъ «болгарскихъ» особенностей; а если оказывается и сверхъ того что-либо сродное между обоими, то извѣстенъ для науки фактъ,—Турки *во сто разъ* болѣе переняли отъ Южныхъ Славянъ, чѣмъ Славяне отъ Турокъ.

Между тѣмъ, для Россіи Великой—*завоеванія* со стороны Азиатской, въ его точномъ и опредѣленномъ смыслѣ, *не было и не послѣдовало*: были только набѣды, набѣги, погромы, опустошенія, поборы

и грабежи, дани собиравшіяся врагами со стороны изъ далекаго ихъ центра, выходы съ податями за предѣлы собственные къ рубежу враговъ: это опять не проводникъ измѣненію народнаго состава, языка, общины, семьи, брака, обрядовъ, жилищъ, одежды. Поборы, сопровождавшіеся прїѣздомъ ханскихъ повѣренныхъ внутрь страны, тяжкимъ для имущества и насильственнымъ въ своей грубости, не проникали внутрь народнаго состава и строя, да скоро и прекратились, такъ какъ уже въ XIV вѣкѣ князья взяли на себя и собираніе, и отвозъ даней. Слишкомъ извѣстно, что Восточники не разстроили и не измѣнили сложившагося въ Россіи порядка *политическихъ формъ*, поставя только ихъ въ зависимость отъ своего утвержденія, и то преимущественно лишь въ вопросѣ о личности князей и объемѣ ихъ власти или преемствъ: ясный признакъ отсутствовавшаго прочнаго *завоеванія*, симптомъ сознанія орды въ собственномъ *безсиліи* и *безправіи* политическомъ, примѣръ, которому не вездѣ слѣдовали въ исторіи и самыя кочевники; а подавно весь внутренній «народный» строй оградя неприкосновеннымъ. Не уцѣлѣло до нашего времени ни обрядовъ и обычаевъ, ни преданій и вѣрованій, ни творческихъ образцовъ, ни гражданскихъ учрежденій въ сферѣ обычнаго права, ничего подобнаго, что бы «спеціально» можно было возвести по происхожденію или развитію къ формѣ иноплеменной и инородной; десятки словъ, которыя нѣкогда считали у насъ Татарскими или Монгольскими, при зрѣлой наукѣ оказались или «общаго» происхожденія, или Чудскаго, а наконецъ «мѣноваго», такого, въ которомъ Восточники занимали *форму* слова отъ Русскихъ, Русскіе отъ нихъ, то-есть, иначе, образовывалось *два ряда* терминовъ или названій, параллельно стоявшихъ и употреблявшихся. Наконецъ, религія, и въ остаткахъ язычества или исконной, племенной и народной, стихія, и въ воспринятомъ христіанствѣ, не тронута рѣшительно никакимъ воздействиемъ или вмѣщательствомъ: наши Восточники за этотъ періодъ отличались крайнею вѣротерпимостью, само даже духовенство наше находило въ нихъ охрану и поддержку. Иначе и *не могло быть*: кромѣ означенныхъ причинъ, вѣдь конечно извѣстно, что тогдашніе враги наши *не были мусульманами* (движеніе ихъ шло помимо старшихъ Арабовъ), не имѣли въ себѣ, свойственнаго Исламизму, подѣла Хамитическаго, ни освященія Кочевому порядку, ни напора къ принудительному наложенію формъ Орды на другихъ (ср. выше). Это были язычники, съ мамонствомъ и мелкими, грубыми, кумирами обихода, по преимуществу «домашняго» (какъ и доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ нашей Сибири), отчасти же, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ, съ отпе-

чатками своеобразнаго, издалека занятаго, буддизма или ламизма, устраниющаго во многомъ формальность и обрядность. Самыя палатки и жилища ихъ были открыты, безъ потаеннаго гарема, котораго не замѣчается въ опредѣленномъ видѣ, похожемъ на мусульманство; женщины ихнія участвовали съ мужчинами въ засѣданіяхъ, даже при публичныхъ и торжественныхъ приемахъ (Плано Карпини), ходили открыто и принимали къ себѣ свободно Русскихъ.

Опасность для насъ была бы больше отъ «упорства» враговъ въ кочевомъ бытѣ, отъ «повторительности» его формъ въ глазахъ нашихъ и подъ бокомъ: но она устранилась наступавшею быстро въ тѣхъ же самыхъ Восточникахъ склонностію къ *осёдлости*, къ началу нѣкотораго рода прочныхъ городовъ на мѣсто «передвигавшихся станомъ и ордъ»: Золотая, Кипчакская орда, скоро опредѣлившаяся мѣстомъ и устройствомъ, Сарай ея, а за тѣмъ позже послѣдовавшіе и дѣйствительные «города», хотя бы взятые у другихъ и реформированные, — все это обезпечивало насъ со стороны вліянія на строй народный. Многимъ изъ нашихъ историковъ такая централизація враговъ *казалась* страшнѣе и гибельнѣе: напротивъ, на центръ, объединившій силы, легче было и удобнѣе народу нашему и государству ударить, чтобы сокрушить заразь въ гнѣздѣ (какъ и оправдано послѣ событіями); а для «кочеваго» племени нѣтъ ничего опаснѣе для него самого, какъ «присаживаться прочно и осѣдо», ибо это раньше-позже, передасть его во власть сосѣдняго, и даже покореннаго, «народа», тѣмъ паче имѣющаго самобытное «государство». Между тѣмъ, и Золотая Орда всетаки была для Россіи тяжелѣе всѣхъ прочихъ и послѣдующихъ ордъ: именно по сравнительной «цѣльности» ея главнаго, основнаго и руководящаго, *племени*, по его относительной «чистокровности», всегда сопряженной съ большею или меньшею энергіей, съ единствомъ принциповъ и цѣлей, съ покоряющимъ вліяніемъ (на низшихъ и слабѣйшихъ): но Золотая Орда *просуществовала не долго*, и это какъ будто забываютъ. Уже половина XIV вѣка была послѣднею эпохою ея могущества и блеска; уже около сей половины Куликовская битва съ ея послѣдствіями, не бывши рѣшительною и окончательною *вообще* для Восточниковъ, нанесла непоправимый ударъ *Золотой* Ордѣ, сломивши энергію и самоувѣренность, убѣдивши хановъ, что не завоеваніемъ, не своей централизаціей могли они успѣвать впредь, а только «нечаяннымъ» и «мгновеннымъ» нападеніемъ, свойственнымъ только «кочевью», противоположнымъ стойкости «народа» и «государства»; уже вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, ханъ писалъ великому князю въ выраженіяхъ, — «прежде земля ваша была

вѣрными улусамъ хана, а ты вовсе пересталъ ѣздить въ Орду, по слову и гостей ордынскихъ перестали у васъ въ Москвѣ чествовать» (къ Василью Дмитріевичу); наконецъ, уже съ XIV-го же и послѣдующаго вѣка, сверхъ помянутыхъ выше «украинъ» и «казачества», формировавшихся то по наряду изъ центра, то по наплыву съ Юга, съ Полей, то вольницею и голыдьбою, обратно—изъ *самаго центра* усѣвшихся Восточниковъ, изъ области Золотой Орды, по притяженію гораздо болѣе сильнаго центра Русскаго—«народнаго и государственнаго, начали выдѣляться такъ называемые «царевичи», «князевичи» и передовые «мурзы», поступавшіе въ слуги Русскимъ князьямъ и дѣлавшіе ихъ дѣло, за что и получали они въ управленіе даже цѣлыя пограничныя области съ готовыми городами, а тѣмъ порядкомъ истощивали племя, подрывали кочевье, нарушали единство враговъ внутреннимъ раздоромъ, громили собственныхъ родичей.

Такимъ образомъ, если признавать даже въ извѣстномъ и опредѣленномъ смыслѣ такъ называемое «*иго*», то оно ограничивается и поглощается съ *небольшимъ однимъ лишь откомъ* отъ эпохи нашествія и первыхъ битвъ: по самому внѣшнему численію и объему, по цифрамъ, время крайне малое, для того, чтобы перевернуть слишкомъ давній, сложившійся и организованный «народный» строй, да еще съ «государствомъ», какимъ бы то ни было; чтобы преобразовать народный составъ и простереть глубокое вліяніе внутрь, до многовѣковыхъ основъ и началъ, обрядовъ, пріемовъ и привычекъ быта, организаціи и типа. А послѣ того, уже *со второй половины XIV вѣка*, хотя бы и при водворившемся «мусульманствѣ» враговъ, не оказавшемъ впрочемъ обычнаго своего воздѣйствія (и этому увидимъ мы ниже ослабляющія причины), начинается *склонъ* на сторонѣ Восточниковъ къ совсѣмъ *иному* порядку, для нихъ неблагоприятному; тогда же начинается обратное; *наступательное* и постепенно *покоряющее* воздѣйствіе Руси, сопровождавшееся извѣстными и историческими послѣдствіями; передѣлкою врага *на нашу ладъ* и вбираньемъ чужеродныхъ элементовъ въ формацію нашу собственную и *оригинальную*, съ подчиненіемъ ея *типу*. Но, прежде чѣмъ перейдемъ къ сему послѣднему, хотя и столь извѣстному, періоду, остановимся краткѣй рѣчью на *племенномъ составѣ* нашихъ Восточныхъ враговъ, особенно описанныхъ сейчасъ *старшихъ*, равно какъ на ихъ «относительной» *чистокровности* и на видоизмѣненіяхъ ея (что и послужитъ разъясненію послѣдствій).

Начнемъ съ того замѣчанія, что «чистокровность», разумѣется по преимуществу физическая, но мало по малу переходящая и на

ступень нравственную, необходима была нѣегда въ отпоръ, такъ сказать, «многокровности» или «смѣшенію крови», когда, послѣ періода Племенъ Общаго, наступило неудержимое разнообразіе и дѣленіе племенныхъ вѣтвей, когда, естественно, съ цѣлью выдѣлиться изъ этого водоворота (извѣстнаго типомъ Вавилонскаго смѣшенія), естественнымъ условіемъ жизни было «отличиться» и «обособиться», выработаться «племенемъ особеннымъ». Столь же необходимо это условіе, чтобы вырасти изъ племенъ «народомъ» и организоваться по «народному»: каждый «организмъ», хотя бы онъ былъ и оставался «сходенъ» съ другими, предполагаетъ непременно единичность, личность существа, самостоятельную его представительность, сосредоточенность внутри себя — и тѣмъ самымъ обособленіе въ сферѣ «однородныхъ»; другъ другу не противодѣйствующихъ элементовъ, какъ членовъ единаго организма — къ единой цѣли. Правда, въ составъ «народа» входятъ и дробныя, разнообразныя племенные вѣтви, иногда и по нѣскольку, но — по степени и мѣрѣ своей «однородности», и поглощаются онѣ существомъ «единымъ», вслѣдствіи такому равнымъ «Народомъ» въ собственномъ, техническомъ смыслѣ, вѣтъ нечистокровныхъ, смѣшанныхъ: таковы по преимуществу Арійцы, Индо-европейцы; таковы отчасти и Семиты, именно тѣ изъ нихъ, которые успѣли и успѣваютъ приблизиться къ подлинной народной формациі, какъ напримѣръ Евреи и Арабы (хотя это и не вполнѣ удалось имъ сравнительно съ Индо-европейцами). Безъ того, элементы, другъ друга превозмогающія разорвутъ составъ народа и вернутъ его на ступень броженія племеннаго. Хорошо также и важно означенное условіе, когда народъ уже «сложился» и «обособился»: съ тѣмъ, чтобы «центръ» его, примиряющій и руководящій, былъ чистокровнымъ и однороднымъ, составляя силу притягательную и объединяющую для элементовъ племенныхъ, и своихъ, если еще продолжается процессъ ихъ развитія, и сосѣднихъ, ближайшихъ, примыкающихъ, если есть таковыя. Но въ послѣднемъ случаѣ неперемѣнно предполагается, что такой народъ вошелъ уже и въ начала бытія *политическаго*, приобрѣлъ уже отношенія и формы *государственныя*, которыя и *помогаютъ* объединенію элементовъ вокругъ главнаго центра: иначе эти элементы, еще бродящія, племенные вѣтви еще недоразвитыя, по естественному закону всякой природы будутъ стремиться также обособиться, также вырасти въ особый самостоятельный народъ, каждая единица по своему, на основаніи своихъ данныхъ, со своимъ языкомъ изъ основъ племенной рѣчи. Это и не бѣда бы въ смыслѣ «племенномъ», въ этомъ и законъ процесса «племеннаго», какъ можно болѣе дѣлаться

и разнообразиться: но это и была бы бесконечная вереница «племенъ» съ ихъ развѣтвленіемъ, а не «народность», не организмъ «народовъ»; тогда не было бы равновѣсія, ибо при *разнообразіи* въ природѣ одинаково важно *единство*, на каждый моментъ подлиннаго творчества нужно то и другое; были бы *species*, но не было бы *genus*; были бы члены, но не составилось бы организма, была пора, когда это допускалось, — въ процессѣ «племенномъ», какъ моментъ всеобщаго развитія: но онъ шелъ къ «народамъ» и завершился «народами». Исторія природы и такъ называемой вышней, и людской, показала ясно, что всѣ эти развѣтвленія, если бы не явилось имъ предѣла, не выросли бы и не успѣли бы сложиться въ народы, — они себя взаимно уничтожили бы въ дробленіи; на оборотъ, вездѣ вмѣстѣ слагались и центры, куда втягивались части, какъ въ единый корпусъ, вѣкругъ чего онѣ сосредоточивались бы, внутри чего вростали бы; не успѣвшіе такимъ способомъ примкнуть и привѣлиться, осуждены были на вымирание. Экономія природы, въ мірѣ не-людскомъ и людскомъ, опредѣлила *равновѣсіе* и извѣстную *пору* развитія: прошла пора, — и опоздавшее отлагалось, уничтожалось. Чтобы выросъ какъ должно одинъ даже цвѣтокъ съ новымъ стѣменемъ и плодомъ, сколько мелочей въ процессѣ гибнетъ, сколько отпрысковъ провадетъ безслѣдно, сколько потратится, абсорбируется; сколько равноправныхъ, кажется, видовъ, а вырабатывается одинъ главный родъ, виды же гибнуть и перерождаются; въ тѣни, при искривленіи корня, при худшихъ условіяхъ почвы, все это, хотя и до времени живетъ рядомъ съ возросшимъ и превозмогшимъ, но постепенно исчезаетъ и — солнце не будетъ дожидать отставаго, вторая весна и второе лѣто въ году не настанетъ. Не случайно. — содалось лишь «нѣсколько» народовъ: прочее осталось на ступени кочевой и племенной, отдѣлившееся со-всѣмъ отъ родоваго начала и союза (законъ Вагнера объ отчужденіи родичей), одичало и — вымираетъ, непременно, такъ что самое прикосновеніе «народовъ» къ этой формации обращаетъ «дикихъ» въ прахъ, ускоряетъ ихъ разложеніе, какъ прикосновеніе воздуха къ давнему и уцѣлѣвшему трупу. Народамъ же, этимъ «нѣсколькимъ» единицамъ, представляющимъ относительно племенъ «родъ» и совокупленіе въ «центрѣ организма», предопредѣлено развить изъ себя и отъ себя «государство», «политическія формы»: это фактъ исторіи, съ того и начинается исторія положительная, а до того длилось время «до-историческое», когда народъ «слагался». Благо, кто при этомъ остается и «народомъ», не поглощаясь въ «государствѣ» (какъ и въ народѣ основы «племенные» всетаки остаются — элементами, жилами

и нервами): и здѣсь-то много значить цѣльность, чистокровность народа, однородность его состава, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы существовалъ единый и главный центръ. Могъ бы, конечно, — воображаемъ себѣ, — народъ остаться и безъ государства, не совершивши сего послѣдовательнаго и заключительнаго шага: то только тогда, если бы и «всѣ» народы *одинаково* не достигли политическихъ формъ; такова и была пора, когда политическія формы въ мірѣ лишь зарождались или даже только готовились, а народы приближались уже къ зрѣлости и процессъ племенной, — въ его *особоженіи, міровомъ значеніи*, кончался. А такъ какъ мы знаемъ *совершенношійся* фактъ, что у народовъ явились и государства, то одинъ изъ нихъ, уединенный, или подпалъ бы участи уединенныхъ племенъ — разложился бы самъ, или былъ бы поглощенъ другими народами съ помощію и при посредствѣ государственныхъ орудій; разложился бы онъ тѣмъ уже, что его племенные элементы, въ основѣ присущіе, искали бы естественнаго обособленія и, разрывая составъ народа, примыкали бы къ другимъ народамъ или выростали бы сами въ народы, въ первомъ случаѣ примыкая вмѣстѣ и къ инымъ государствамъ, во второмъ создавая свое, и государство опять возобладало бы своими формами надъ такимъ уединившимся народомъ. На этомъ основывается естественность по природной *основѣ*, но вмѣстѣ вредъ для природныхъ *идей въ будущемъ*, когда вступаетъ на сцену такъ называемый «сепаратизмъ» и, во имя своей основы, своего права на ростъ, ищетъ обособленія племенной вѣтви — отъ общаго состава единого народа, своей рѣчи — отъ общаго единого языка; дѣло кончается, обыкновенно — по немногимъ, подходящимъ, примѣрамъ — разложеніемъ прежняго, наличнаго народа и гибелью ожидавшагося новаго. Конечно, мы знаемъ, на примѣръ, первичный «народъ Славянскій», а по раздѣленіи и дробленіи его на вѣтви — «вторичные народы» — Русскій, Польскій, Чешскій, Сербскій, Болгарскій. Но, это значить, что племенные элементы перваго были еще не препобѣждены вполне, что они еще стремились въ ровнь и въ ростъ, что это былъ «народъ» на значительную долю еще не созрѣвшій, зависимый отъ «племени», не свободный, не мужески органическій, а вторичные — пошла дальше, раздѣлили по себѣ, личную задачу, известную группу «недозрѣвшихъ» элементовъ и препобѣждали ихъ въ новой формации, возводя къ народности чистѣйшей и болѣе «компактной». Представимъ, что это дробленіе пошло бы дальше и процессъ повторялся бы: это значило бы, — что все работаютъ разнородные «племенные» элементы, и тогда въ результатъ были бы не подлинныя, не завершенныя еще «народы». Или же,

еслибы вторичные народы оказались завершены, закончены, а въ процессѣ міровомъ нѣтъ дальше пути, натура не производитъ иныхъ «существъ» выше «народовъ»: потому, въ случаѣ *продолжающагося* процесса, имъ оставалось бы «деградировать», т. е. вновь разлагаться на племена; народъ же, разъ бывшій народомъ и разложившійся на племенные вѣтви, обреченъ на смерть, — второй разъ единичныя органическія существа не рождаются. Да притомъ, еслибы опять представить безконечный процессъ народоженія народа изъ народа, съ повтореніемъ рожденій, то, какъ изъ первичнаго Славянства знаемъ «нѣсколько» вторичныхъ (а это основано на томъ, что вѣтвей племенныхъ, просившихся еще на особый ростъ, внутри было нѣсколько,—онѣ и выросли), такъ точно нарождалось бы, съ каждымъ ново-рожденіемъ, все больше и больше народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все меньше по объему (иначе не выѣстилъ бы земной міръ, да и послѣдующія, незрѣлыя вѣтви внутри народа естественно *слабѣ* и менѣе *экспоненты*, тѣмъ старшія, сложившія народъ старшій); такъ что дошло бы до «народцевъ», а кончилось бы тѣмъ, что народъ олицетворялся бы группою нѣсколькихъ родовъ, однимъ родомъ, двумя-тремя членами, и—это было бы «разложеніе» (такъ точно «вырождаются» виды, благодаря истощенію сѣмени и почвы).

Съ этой точки зрѣнія, кто не умѣетъ понять и отличить «подлинныхъ» народовъ, лишь «нѣсколькихъ и опредѣленныхъ» тотъ называетъ фальшиво «народами» разныя «народцы» тогда какъ это «незрѣлыя» народы на степени племенной, или это прямо племенные вѣтви, или же одичавшія выраженія. И напрасно ждутъ многіе ученые или публицисты часа, который пробьетъ будто бы для сихъ вѣтвей и онѣ получаютъ всѣ «народныя» права: народныя права возможны только у «народовъ», дѣйствительныхъ, а означенныя вѣтви, пропустившія пору и срокъ роста, останутся племенами, въ племенной сферѣ умрутъ, одичавшія же изъ нихъ и подавно; кто до шестидесяти лѣтъ мальчикъ, тотъ не переродится и умретъ мальчикомъ, ибо онъ мальчикомъ старѣ, молодостью своею старикъ. Одна надежда такимъ вѣтвямъ—примкнуть къ народамъ созрѣвшимъ во время въ процессѣ міровомъ, и, что осталось жизненнаго, внести сюда съ тѣмъ, чтобы народъ въ себя принялъ ихъ и переработалъ бы своею наличностью: подобно тому «все» язычество, въ «общемъ» составѣ, шло къ христіанству и подготавливало его явленіе; христіанство и явилось для «всѣхъ» языковъ; кто вошелъ въ него—тотъ и добылъ единства; не вошелъ или не успѣлъ—гибнетъ въ деградированномъ изъ язычества шаманствѣ и фетишизмѣ. Или, съ другой стороны: въ христіан-

ствѣ церковь едина, по недостаткамъ пониманія нѣсколько вѣроисповѣданій, но не безъ конца же дѣленіе, иначе являются секты, иначе «личная» религія каждаго, и тогда рушится церковь, и снова пришлось бы повториться процессу языческому, и зарожденію христіанства, чего исторія не допуститъ, ибо христіанство не повторится, Христосъ придетъ вторично чтобы судить, а не спасать и развивать.

Но и примкнуть помянутымъ вѣтвямъ для спасенія можно лишь только къ *наличнымъ и дѣйствительнымъ* народамъ, какіе даны мировымъ процессомъ: таковыя же—опять извѣстно—создали *государство*, такъ что присоединенію прозелитовъ могутъ содѣйствовать лишь условія *политическія*. Ибо народъ созрѣвшій, но безъ политическихъ формъ, «воображаемый» въ этомъ видѣ, какъ сказали мы выше, и самъ есть достояніе—другихъ, имѣющихъ государство, и непременно сдаться присоединенныхъ прозелитовъ въ руки другому народу, иному государству; это было бы лишь тратою времени и лучшимъ средствомъ. А потому, изъ сей же экономіи, какъ повѣстено, племенные вѣтви незрѣвшія, или выпавшія изъ прежняго союза, или извратившіяся, не примыкаютъ и не считаютъ даже нужнымъ примыкать къ инымъ «племенамъ» же, къ инымъ «народамъ»; а легко примыкаютъ къ «государствамъ», т. е. къ «политическимъ формамъ» даннаго народа или къ народамъ въ данныхъ политическихъ формахъ». Иначе, безъ этого условія, они *не примыкаютъ* къ другимъ, а стараются другихъ *завоевать*, что и видимъ мы на тысячѣ примѣровъ и откуда непрерывныя *войны племенъ*, и кочевыхъ, и дикихъ *между собою*; и этимъ же опять стимулируется ихъ постепенное уничтоженіе.

Нѣкоторые историки, и еще очень недавно, провозглашали съ радостію, что исторія упраздняетъ собою смерть, что найденъ наконецъ законъ вѣчности и народы не умираютъ: да, народы историческіе, т. е. дѣйствительные и подлинные; вѣтви же племенные, не дозрѣвшія во время или извратившіяся, мрутъ и мрутъ, вымираютъ и вымираютъ, если благовременно на примкнули къ народнымъ единицамъ въ составъ государствъ («вырожденіе видовъ»). При чемъ если такія вѣтви сами въ себѣ уже отравили начала жизненныя до корня, или народы, воспринимающіе ихъ къ себѣ въ составъ политическихъ формъ, утратили сами народность — восприимчивую къ племенамъ и способную ихъ воспитывать, или же политическія формы возникли не изъ народа и нависли одной отвлеченностью безсодержательной, одной оболочкою безъ зерна,—и *тогда* примкнувшіе или завоеванные все же вымираютъ: таковы дикіе въ Америкѣ, ча-

стию племена въ Африкѣ, вѣтви нашей Сибири вдали отъ воепитывающаго народнаго центра. Не суждено умереть лишь «народамъ», но дѣйствительнымъ и завершеннымъ въ зрѣлости: безъ сихъ условій и народы *умираютъ*, какъ древніе Греки и Римляне, свидѣтельствуя, подобное первичному народу Славянскому, что ихъ зрѣлость «скороспѣлая» (обратно племенамъ недоспѣлымъ), что въ нихъ не были побѣждены всѣ начала племени до существа лучшаго и высшаго, что не все было организовано, напр. коренилось рабство, свойственное лишь «племенамъ», руководило «завоеваніе» другихъ народовъ—опять черта «племенная», и т. п., да и самое государство—не давало всѣмъ равныхъ или должныхъ правъ; давило одну часть, выдвигало другую, нарушало равновѣсіе организма. Въ послѣднихъ случаяхъ, если при всѣхъ недостаткахъ существенныя условія были соблюдены, хотя бы отчасти, народы *перерождаются*, во *вторичные*, и можетъ статься еще на двѣ, на три ступени впередъ (Романскіе относительно Рима, Византіи и Новая Греція относительно древней). Это опять «перерожденіе видовъ»; но не безконечно же: иначе былъ бы не *процессъ*, а *регрессъ* исторіи, равносильный остановкѣ невозможный и немедленный въ мировомъ процессѣ, ибо это означало бы ненужную *историчность* или неизбежное *уничтоженіе*. Опытъ и его факты показали, что вторичные народы непремѣнно являются и съ *политическими формами*, какъ прогрессомъ: если ихъ не было въ первичномъ, то созидаютъ вновь (какъ Русскіе, Чехи, Сербы и проч. сравнительно съ первичнымъ Славянствомъ); если уже были, то съ лучшими и дальнѣйшими формами благодаря наслѣдству старыхъ воспроизведенію на той основѣ (какъ Романскіе народы относительно Рима).

Не мѣсто и не время намъ здѣсь разсуждать, каковы должны быть «желательныя» политическія формы и каково «нормальное» къ нимъ отношеніе народовъ (объ этомъ думаемъ сообщить «Русской мысли» статьи другія): важно слѣдствіе—что онѣ естественны какъ логическое послѣдствіе, какъ продолженіе процесса, завершаемаго явленіемъ народовъ, что оказываются—по опыту—непремѣнно, у всѣхъ «вторичныхъ» народовъ, сопровождаются одновременнымъ усвоеніемъ *христіанства, письменности*, а вмѣстѣ начинаютъ и *положительную исторію*. Исторію «положительную» мы отличаемъ здѣсь отъ времени «до—историческаго», когда народъ слагался; и въ этомъ опять экономія своего рода: Римъ и Древняя Греція уже вышли на сцену исторіи положительной, Славянство первичное—также благодаря историческому свидѣтельству Грековъ и Римлянъ, а процессъ народности

народовъ «новыхъ» былъ «задержанъ» и исторіей не оглашался— въ достаточной мѣрѣ, какъ бы выжидая, пока, эти народы смѣнятъ формацию умершую и переродятся наследственными ея элементами. (Читатель конечно пойметъ, что такое «перерожденіе» не есть «вторичное рожденіе» *одного и того же* существа, о чемъ говорено выше и чего не бываетъ).

Политическія формы, какъ дальнѣйшій шагъ за организаціей народнаго существа, важны особенно и въ томъ отношеніи, что открываютъ возможность *безпрепятственно продолжать народную жизнь; процессу же племеннѣхъ стѣпей*, остающемуся и внутри народа, и простертому еще *на стѣзи недозорѣнія*, даютъ возможность *доверять* въ союзъ съ народомъ, къ коему они примыкаютъ и въ который входятъ составною частію при посредствѣ государства. *Чѣмъ* помогаютъ здѣсь политическія формы, мы уже отчасти говорили; прибавимъ, что, сверхъ пособія народному центру вести и развивать въ самомъ себѣ народную жизнь, политическая форма помогаетъ особенно *отношенію* народа къ племени и племеннымъ *стѣямъ*, именно своимъ политическимъ *безпристрастіемъ*. Народъ—высшій и послѣдній плодъ *природы* въ мірѣ *людскѣмъ*, природы одинаково *внѣшней*, вошедшей въ человѣка физической стороною, и *духовной*,—та и другая выѣсть выросли въ одинъ народный организмъ; изъ этого видно, какъ не слѣпо дѣленіе нѣмецкой науки на «Kultur-völker» и «Natur-völker»); племя какъ не организмъ, а путь къ нему, тянетъ тоже— къ природѣ физической и склонно въ сторону матеріальную, въ значительной зависимости отъ ней (ибо въ томъ и задача племени—разнообразіе расъ, какъ можно болѣе широкое, а въ разнообразіи расъ отдаленная зачала разнообразія народнаго духа). Тѣмъ не менѣе, и народъ, и даже сложившись, остается *природою*—лишь не «внѣшней» уже, а человѣческою, законченнымъ корпусомъ, которому остается только въ теченіе жизни повторять выстраданные на прежнемъ пути законы, примѣняя ихъ къ явленіямъ и воплощая фактами; это *міръ*—народъ, какъ всякой міръ, завершенный въ себѣ самомъ. Но, тѣмъ самымъ, онъ значительно и *замкнутъ*, онъ склоненъ *повторяться* въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ и *задерживать разнообразіе*; пройдя дорогу племеннаго развитія и испытавъ опытомъ кровнымъ силу броженія съ опасностью разложенія, онъ *остороженъ* и даже *подозрителенъ* въ семъ отношеніи: представьте же, что природа «внѣшняя», завершившись міромъ, изъ за подобнаго «подозрѣнія» не допустила бы началъ *человѣческаго* міра и ихъ разнообразнаго развитія? Она дѣйствительно и задерживала, и была ревнива, и ставила

на каждомъ шагѣ препятствія, чуя себѣ опасность и чувствуя въ младенцѣ будущаго себѣ владыку: ступень нова, — *человѣчество* мало по малу вышло изъ этой зависимости, а *народъ*, чрезъ посредство *племеннаго* процесса, окончательно покоришь и антиквировалъ природу внѣшнюю какъ «прежнюю» какъ «былой» міръ, сдѣлавшись міромъ особымъ, дальнѣйшимъ и высшимъ. Но, съ другой стороны, народъ самъ несетъ внутри себя и *племенные* начала, какъ элементы природы внѣшней, вкорененныя, одухотворенныя, организованныя, а все же природныя физически и матеріально; въ немъ непременно отзываются, такъ сказать «отрыгаются» функціи процесса племеннаго; онъ многое ненавидитъ или любитъ безотчетно, инстинктивно, и, даже хотъ сознательно, но съ сознаниемъ «народнымъ», проникнутымъ насквозь природою, и своею — новою сравнительно со старой, и старою; онъ «страстенъ» и — *при-страстенъ*. Конечно, онъ не можетъ не любить возникающаго, среди него самаго, новаго разнообразія племеннаго, какъ отпрыска, и, хотъ остерегается, задерживаетъ, но не можетъ не допустить; онъ признаетъ и не можетъ не признать всякую рѣчь, всякое нарѣчіе, хотя бы это съ теченіемъ времени разорвало организмъ его ответвеннаго языка; онъ роднится съ племенами-облегающими и прикосновенными, хотя они нѣрѣдко разъѣдаютъ его составъ: но онъ главнымъ образомъ погруженъ въ собственное свое настоящее, въ міръ текущей своей жизни, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ гораздо менѣе провидитъ впередъ, онъ не печется о будущемъ (я природа внѣшняя вѣкогда спорила съ челоѣчествомъ, чуя опасность, не провидѣла народа и не предупредила его появленіе своими мѣрами). Онъ завлеченъ реально и сознаниемъ своимъ внутрь самаго себя, въ творчество своего міра, какъ единицы особой и самостоятельной: гораздо менѣе интересуется онъ «другими» народами и ихъ составомъ, — предполагая либо тотъ же составъ, либо оставаясь равнодушнымъ къ несхожему; а всего менѣе онъ внимателенъ къ стороннимъ племенамъ, и менѣе разборчивъ между ними своею логикою; слушаясь одной своей природы, онъ часто подъ носомъ своимъ и подъ глазами давить сотрудника, дѣлать врага.

Это творчество *изъ самаго себя*: но настаетъ пора творить и *онъ* обья, отъ имени и во имя своего сложившаго существа. Здѣсь-то и вступаютъ на сцену *начала и формы политическія*, нѣчто новое и дотогъ небывалое: не натура и не народъ, хотя изъ народа и натурь, для природы и народа. Условіе успѣха всякому новому созданію: самостоятельность: народъ постепенно и передаетъ ему власть. Власть реальна и природна, какъ волюсь и владыніе, распростерта по всему

земству, являясь долями земель, общиннымъ владѣніемъ и частнымъ обладаніемъ собственности; такова же власть и въ организмъ, такъ сказать въ мышцахъ и нервахъ, въ тѣлѣ и духѣ всего народа: но, съ началомъ жизни политической, власть одухотворяется и формируется въ новую форму, извлекается изъ природы и реальности, и, хоть сопровождается или выражается вещественными символами, изъымается изъ рукъ народа и тѣми же руками передается *лицамъ* избраннымъ и поставленнымъ. Это уже не одинъ фактъ реальный, это понятіе, логика, даже отвлеченность вывода и умозаключенія; это не продуктъ, какъ въ самой природѣ, не творчество — какъ въ самомъ народѣ, это *искусство*. Искусство водится по преимуществу *идеями*, и притомъ личной, художественной, въ согласіи (нормально) съ законами и требованіями міра народнаго, но съ созерцаніемъ и его основъ *исконныхъ*, предшествующихъ народному развитію, и со взоромъ впередъ — *къ будущему и вѣчности*: власть въ семъ смыслѣ, и по явически, и по христіански, «отъ Бога», какъ идея въ своемъ существѣ божественна свойствами. Власть политическая и «лична», ибо того требуетъ самостоятельность и свобода: но не по народному уже, не какъ единица народа, не какъ существо міра — народа. Народъ, какъ міръ, не обращается *всѣмъ* въ политическую власть, въ государство: иначе онъ пересталъ бы существовать «народомъ» (и въ этомъ погибель тѣхъ, кто исчерпываетъ народъ политической націей и насильственно преобразуетъ его въ существо совсѣмъ иное: то не творчество *отъ народа*, а отъ *лицъ*, его эксплуатирующихъ). Никто самъ себя не судья: а при власти политической первою потребностью, первымъ атрибутомъ и выраженіемъ — *судъ*. Потому власть, вмѣстѣ съ судомъ, — вручается *единицамъ личнымъ*, «народнымъ» въ томъ смыслѣ, что онѣ изъ народа и для народа, но и политическимъ», какъ самостоятельнымъ, въ сферѣ моральной, правовой, юридической, стоящей дальше и превыше, съ идеями какъ со взоромъ, обращеннымъ къ вѣчности и къ божеству. *Судъ*, по Гречески *Кризисъ*: вступленіе въ такія новыя формы и зарожденіе такого новаго бытія сопровождается для народа всегда кризисомъ и переломомъ, не рѣдко и болѣзнию, и страданіями, и особымъ подъемомъ силъ, и торжественностью обновленія, и праздникомъ обряда (подобно, какъ мы видѣли выше кризисъ для дѣвы при вступленіи ея въ новое бытіе, при обращеніи «судившей» въ «подсудимую», подъ судомъ идеи жизни и будущаго). Новое созданіе растетъ и растетъ: къ нему уже у народа слагаются *отношенія*; политическое бытіе народа и значить — не жизнь всего народа государствомъ и властью, — жизнь остается

«народною»; а жизнь *въ отношеніяхъ* къ власти и къ государству, жизнь въ *формахъ государства*, въ связи съ ними и обоюдной зависимости. Долго было бы адѣсь устанавливать нормы для этихъ обоюдныхъ отношеній (для того у насъ еще впереди бесѣды: но, дѣло въ томъ, что *князь*, на первой же порѣ политической, принимаетъ на себя вмѣстѣ съ *властію* непременно и *судъ*, и руководство *въ отношеніяхъ между народами*, а потому въ *посольствахъ* и *войнахъ*, и внѣшнія относительно народнаго существа, но внутреннія для его быта, *презводства*, какъ напримѣръ установленіе *монеты*, и прочее, достаточно всѣмъ извѣстное. Главное для насъ въ этой политической силѣ—*уравношеніе племенныхъ отношеній*, и внутри народа, между живучими племенными элементами, и къ сторонѣ племенъ сопрясающихся, продолжающихъ свой процессъ. Напрасно говорить, будто государство ведетъ народную жизнь «по народному пути»: это дѣло самого народа, для котораго требуется только, чтобы не вторгались къ нему, не мѣшали бы ему, помогали бы «содѣйствіемъ», а не становились «на мѣсто народа». Но народъ, каждый, *не одинъ въ мірѣ* въ мірѣ вокругъ остается и еще продолжается процессъ, и бывший: и идущій дажѣ; въ мірѣ, сверхъ другихъ народовъ, и зачатки новыхъ *возрастающихъ племенъ*, и развитіе и до-развитіе, дополнительное развитіе прежнихъ, и исторія ихъ религій, и бытовъ, и рѣчи, и т. д. Это дѣло «міровое», внѣ и шире міра «народнаго», а подавно міра природы «внѣшней»: это міръ будущаго съ прошлымъ, это міръ вѣчный, міръ идей и божества въ нихъ, міръ, орудіями коего воплощаются творенія силы божественной. Это зовутъ по большей части «человѣчествомъ», ставя его выше народа: но такого *существа, особи*, впереди не видно и съ чаяніями наука не имѣетъ дѣла; для науки же «человѣчество» — терминъ того, что положено въ *основу* людскаго процесса, на рубежѣ между природою внѣшнею и людскою, изъ чего выросло племя, а завершилось народомъ, воплощается въ народѣ и въ его народныхъ лицахъ. «Существо» выше и дольше, новѣе отличнѣе, пока нѣтъ и по всей вѣроятности не будетъ: воротиться, прошедши процессъ, въ божество,—значило бы потерять нажитую личность и таково лишь мнѣніе антиквированныхъ древнихъ философовъ, всего менѣе натуралистовъ; если возможно что допустить,—развѣ сліяніе въ одинъ громадный и цѣльный народъ, но это уже будетъ «конецъ» процесса, и слѣдовательно остановка жизни, результатомъ же выйдетъ все-таки «народъ», не дальше и не иначе хотя бы «всеобщій», безъ раздѣленья на «народы». Другое дѣло «твореніе» и «созданіе» народное, отъ лица народа; и «творчество»

его, словесное, какъ извѣстно по факту, во временимъ кончается: но не видно конца *искусству личному*, въсредствомъ и орудіемъ силъ личныхъ; не видно конца идеямъ, жизни истинны, красоты, блага и правды, этому «царству вѣчному» (и по христіански, со смертію не кончится «личная» форма жизни и дѣятельности, не сольется съ божествомъ или адомъ до «безличія», наследуетъ еще и личное блаженство, и личныя муки). Такому царству далеко еще конечно до какого либо *воплощенія* существомъ единымъ и цѣльнымъ; но намъ уже увѣрили вѣрою, что оно началось и есть *внутри насъ*. Не говоримъ конечно, или говоримъ всего меньше, что выраженіемъ такому вождѣльному царству есть царство земное или государство и политическое бытіе: въ его *современныхъ формахъ* но оно однакоже наступаетъ для народа въ извѣстную пору, по нуждѣ и необходимости; оно живетъ, ибо нужно жить народамъ, племенамъ, всему процессу продолжающемуся; оно примѣнено къ сей «временной» жизни, но именно ко внутреннѣйшимъ ея потребностямъ и условіямъ, къ царству «внутри», къ царству развивающагося духа; оно по возможности воплощаетъ такую задачу во *всѣхъ формахъ*, сообразныхъ сосудамъ внутренней жизни—народамъ и лицамъ, племеннымъ вѣтвямъ и отпрыскамъ, а въ нихъ человечеству основному, настоящему и будущему. Безъ «народа», доего созданія самимъ собою, не мыслимо «государство»: прежде называли «монархіями» и даже «имперіями» азіатскіе древніе конгломераты, потомъ догадались, что это вовсе не государства, а нынче убѣдились, что причина сему—отсутствіе «народовъ»; нынче знаютъ, что это были вовсе не «народы», а племена, кастовое ихъ сплеленіе, религіозный союзъ, бытовое сожителство и т. п. Государству *до* народа нечего и дѣлать: не формировать же ему и не возводить въ идею родовые счеты, физическое сожителство паръ, развѣвленіе расъ, племень и нарѣчій, кочевье и дикость быта, круженіе со скотомъ и пастушества, звѣроловство и тому подобныя, болѣе раннія и незрѣлыя явленія. Такъ, *народомъ* лишь создается государство но и *нѣтъ* подлиннаго, историческаго *народа*, у котораго не зачалось бы *государство* въ томъ или другомъ видѣ. По сложеніи народа и по созданіи имъ государства, государство пребываетъ для народа: но и больше, чѣмъ для *одного своего* народа,—для *всѣхъ* народовъ (хотя и въ объемѣ или въ сосудѣ одного отдѣльнаго), для *міроваго* процесса, для *вѣчности*. Оно существуетъ для *своего* народа: и въ этомъ отношеніи не можетъ или не должно оно превращать *весь* народъ въ «политическую націю», а тѣмъ исчерпывать и упразднить существо народное, себя же облекать въ одну логическую

принудительную формулу, которая обречена была бы на самоуничтожение—без естественнаго и реальнаго народнаго субстрата; оно существует для *оста* народов: ибо у каждаго идетъ къ единымъ и одинаковымъ цѣлямъ: оно для міра *цѣлаго* и для *отности*; чрезъ посредство народовъ и государствъ отдѣльныхъ. Формы его могутъ и должны видоизмѣняться (хотя и до извѣстнаго предѣла, ибо субстратомъ служитъ *опредѣленный* міръ народный, съ примыкающими вѣтвями *нормальнаго* развитія): однако все-таки оно будетъ оставаться *государствомъ*, бытіемъ въ *политическихъ формахъ*,—это выработанная идея, ставшая бытіемъ или сбывшаяся, а потому *неогладимая*. Если оно не вѣчно *въ отсутствіи*, то неизвѣстно, *что* когда-либо *замыслился*: о томъ напрасны догадки, предъ нами наличный фактъ, продолжающійся безъ видимаго конца.

Возвратимся къ тому, что *судь* соединимъ съ понятіемъ и свойствомъ *беспристрастія*, равномѣрности и равноправности; *искусство*—съ умѣньемъ и выборомъ; функция *личная* съ единствомъ цѣли и свободою мѣръ; сознашіе личное, посредственное и логическое, съ *идеєю* дальше и выше частныхъ явленій природы. Вотъ отличія и задачи государства, выдвигающія его *выше* народа, какъ порожденіе народа, но *выше* и его *завершеніе*, въ цѣляхъ всемірнаго процесса развитія. Посмотримъ еще на отношенія между государствомъ и народомъ, въ видахъ общей ихъ пользы. Для созданія *государства* неизбѣженъ, какъ условіе, хотя *одинъ* народъ съ энергіей личнаго стремленія въ созданію; а потомъ важенъ *одинъ* же какъ *властный*, примирующій, центральный: но у «вторичныхъ» народовъ, на пути «перерожденія» и прогресса; можетъ быть и *союзъ* народовъ, двухъ или нѣсколькихъ, въ *единой* составъ государства. Поелику же народы не все возросли до *единой* ступени высшаго народнаго развитія, то въ государствахъ, сложившемся для *нѣсколькихъ* народовъ, необходимо подчиненіе одного другому или *соподчиненіе* ихъ правъ, а съ этимъ и связана помпшутая роль *примирующаго*, центрального. Народы, на пути текущей жизни, подпадаютъ и порчамъ, и частному извращенію; необходимо достоинство, возбужденіе и содѣйствіе примирующаго. Рѣже, но возможно и слятіе одного народа съ другимъ—до *полноценія*; лишь бы нормальнаго, совершаемаго «народнымъ» путемъ, а не насильствомъ и завоеваніемъ. Роли оподчиненныхъ и сливающихся иногда съ теченіемъ времени измѣняются; прежній примировавшій уступаетъ, и обратно. Далѣе, народъ, имѣвшій уже однажды извѣстныя политическія формы въ зачаткахъ и ихъ утратившій, по своей ли винѣ *народной*, по винѣ ли *государства*, оторвавшася отъ народа, по на-

сильству ли завоеванія со стороны (то, и другое, и третье, по большей части связано взаимно), если онъ *остался* народомъ и не разложився обратно въ племя (т. е. не уничтожился), приобретаетъ косность: нужно ему содѣйствіе и возбужденіе къ подъему, къ обновленной жизни, къ созданію государства вновь, — и это со стороны *другаго* народа, обыкновеннѣе родственнаго, но чрезъ посредство наличнаго *государства* (такъ Болгаре наши были подняты только Русскими и орудіемъ государственнымъ). И т. д.

А наипаче все это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ *племенамъ* и *племеннымъ* элементамъ: уравнивать ихъ внутри народа и приобщать извнѣ или отторгнуть прочь, — дѣло уже чисто *государственное*, чрезъ посредство, его силъ и формъ, о чемъ и говорили мы. Такойъ на примѣръ для насъ вопросъ «Еврейскій», а полнѣе, издревле, «Азиатскій» и всякій «инородческій». Здѣсь-то и возвращаемся мы къ упомянутой *чистокровности*, которую мы разсмотрѣли въ вопросахъ *племени* создающихся *народовъ*, а теперь должны опредѣлить ея роль *въ государство*. Чистокровность и цѣльность или однородность составныхъ частей получаютъ здѣсь смыслъ *иной*, иначе поставлены и *условія*; народное здѣсь соглашается съ племеннымъ, то и другое *съ* самимъ государствомъ. Такъ какъ сюда близокъ вопросъ о *сепаратизмѣ*, у насъ (по множеству племенныхъ вѣтвей и по нѣскольбу составныхъ частей) очень щекотливый и острый, а вмѣстѣ это въ сущности и есть вопросъ объ *инородцахъ*, связанный съ ихъ историческими и современными *переселеніями*, то мы обязааны остановиться здѣсь со всею подробностію, это и есть завершеніе нашихъ статей.

Отступленіе наше къ характеристикѣ племени, народа и государства не было какою-нибудь праздною теоріей или отвлеченною философій: положенія наши оживутъ въ свѣдѣ за симъ фактамъ *историческими*, данными *русской этнографіи* и всеобщей этнологіи; перейдетъ же сюда нѣсколькими примѣрами *крупнѣйшими*. Государство Франціи соединило въ себѣ и разную народность и разную племенную кровь, возникло изъ Галловъ, Италиковъ, Франковъ. Англія еще больше: тамъ Кельты, Саксы, Норманны, Скандинавы, и въ этомъ видятъ даже историки, какъ Мэколи, причину успѣха послѣдующаго. О Германцахъ скажемъ послѣ. У насъ же, Русскихъ, при рѣшительномъ шагѣ къ созданію государства, одинакую долю участія отдаетъ лѣтопись (и безъ сомнѣнія согласно дѣйствительности) тремъ: *Славянамъ*, по преимуществу изъ Новгородской области — сообразно техникѣ лѣтописца; но въ значительной мѣрѣ и представителямъ всего послѣдующаго Русскаго, *Славянства*, ибо всѣ вѣтви его *Несторъ* на-

зываетъ Славянами же; 2) *Кривичамъ*, — по лѣтописной техникѣ опять—отдѣла послѣдующихъ бѣлоруссовъ, по этнографіи же и исторіи народа—вмѣстѣ и *Литовъ*, съ которою «бѣлоруссы» тогдашніе сливались въ единую формацію, почему впоследствии за одно сложили и сепаратное «литавское» государство; 3) *Чухна*—это всѣ три уже «народы», хотя дотолѣ и «первичные», болѣе близкіе къ «племенной» основѣ, а въ семь отношеніи и «разностепенные», почему такъ скоро и выдвинулись впередъ, и сдѣлались центромъ Славяне ибо они съ первой ступени *славянства* переходили уже на вторичную *Русскую*. Да кромѣ того, въ функцію власти облекаются еще *Варяги* (кто бы они ни были), чрезъ государственныя формы слившіяся постепенно съ основнымъ мѣстнымъ славянствомъ. Обращаясь къ древности болѣе отдаленной, видимъ, что въ Римѣ, для созданія города, полиціи и «общаго дѣла», государственнаго (*res—publica*), сошлись опять нѣсколько *малыхъ племенъ*, извѣстныхъ передъ тѣмъ на западѣ Европы, съ прибавкою элемента еще пришлагаго, прибывшихъ изъ-подъ Трои Энеадовъ. Недостатокъ въ послѣдующемъ государствѣ у Римлянъ происходилъ существенно отъ того, что по степени уровня той эпохи, составныя части, вошедшія въ составъ государства, не доросли еще до «народовъ» въ собственномъ смыслѣ, за исключеніемъ развѣ Лаціума и Латинъ, и то при содѣйствіи Энеадовъ, что доказывается общимъ паденіемъ народнаго творчества и возрожденіемъ лишь отчасти въ Лаціумѣ подъ вліяніемъ Энеадовъ: а потому, неся въ себѣ слишкомъ много племенныхъ элементовъ, сошедшіеся «доросли въ народъ» уже подъ сѣнію «государства», въ непрерывной междусобной борьбѣ; и потому же, съ распаденіемъ государства, разложился прежній «первичный» народный составъ, пока не воересь во «вторичномъ въ Италиі. Македонское государство еще ниже составомъ, ибо онъ чисто-племенной, хотя также сложный, изъ Мидянъ, Сѣверныхъ Эллиновъ и Славянъ на ступени «первичной». *Перома* попытки государственныхъ началъ у Славянъ (до народовъ «вторичныхъ» и до Россіи)—въ гегемоніи Кракова, въ княжествѣ Моравіи и Панноніи, соединяли «нѣсколько» племенныхъ вѣтвей и, повидимому, надѣялись соединить «всѣ»: но хотя Славянство въ своемъ цѣломъ было уже тогда «народомъ», этотъ народъ былъ и оказался «первичнымъ»: по термину, достаточно уже у насъ опредѣленному: 1+8; въ немъ еще слишкомъ много соединялось такихъ вѣтвей, которыя просились на самостоятельную организацію «нѣсколькихъ» народовъ, что потомъ и доказано развитіемъ народовъ «вторичныхъ» съ особыми «государствами».—Собственно, за исключені-

емъ первобытной Германіи (о которой послѣ), одна только Древняя Греція, вышедши изъ доисторической племенной эпохи, оказалась вполне однородна и чистокровна, до вершины народнаго развитія и вплоть до водворенія формъ государственныхъ: но что послужило къ достоинству «народа» и удивило весь міръ его творчествомъ (которому въ области слова равняются лишь Славяне), то не послужило въ пользу государства; потому же оно и съ своей стороны не въ силахъ оказалось предохранить отъ смерти (или, лучше, отъ дальнѣйшаго «перерожденія»), самый народъ; и это же служитъ лучшимъ доказательствомъ «односторонности» и «замкнутости», столь свойственной и столь—въ известную эпоху—вредной уже для самаго народа. Пресловутое отношеніе Эллиновъ къ «варварамъ», т. е. ко всемъ остальнымъ «языкамъ», «племенамъ» и зачинавшимся «народностямъ», наводило Грецію пришлымъ рабствомъ, ее равѣвшимъ, а другихъ наполняло завистью и ненавистью, на бѣду и въ порабощеніе самой Греціи, покуда за смертію «первичнаго» народа, оказалось потребнымъ для исторіи «перерожденіе» во «вторичный».

Очерченное нами, хотя вкратцѣ, общее положеніе нашего дѣла на глазахъ исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидяному достаточно уже обрисовываетъ роли «народа» и «государства», въ вопросѣ объ ихъ происхожденіи и зрѣлости, а также положеніе «племенъ» въ отношеніи къ нимъ обоимъ, особенно же племенъ «сторонныхъ», принимающихъ къ «народу» центральному и вступающихъ «въ составъ государства». Для того и созданы мировымъ процессомъ такіе центры, такія «родовыя» существа—генета, какъ «народъ» и «государство», чтобы наши пріютъ себѣ остальные племена и прочія явленія продолжающагося вокругъ процесса, какъ видныя, части и элементы, чтобы «народами» и совмѣстными началами «государственными» воспитать не доросшихъ, подогнать неуспѣвшихъ и запоздавшихъ, пособить имъ «дозрѣвать»; не оставлять каждому «продѣлывать» весь процессъ, который уже совершенъ нѣсколькими народами; не ждать чтобы каждый развился до «той же» ступени, какъ и передовыя ступени, ему уже неподильныя; а напротивъ—предварить и упредить «лишній» трудъ развитія «готовымъ» и «выполненнымъ». Это обыкновеннѣе переводятъ и обобщаютъ «дѣйствіемъ цивилизаціи», «наслѣдствомъ всеобщей культуры», для всѣхъ открытымъ и преемственнымъ; но сверхъ неточности и двусмыслія, столь же обычно впадаютъ здѣсь въ отвлеченность, приписываютъ это дѣло—кто однимъ *лицамъ*, кто однимъ *государствомъ*, кто одной *положительной* исторіи, какъ само-сильнаго «дѣятеля» (тогда какъ оно въ дѣйствительности лишь одно

«выраженіе»), кто *литературъ*, даже грамотъ и книгъ, а богословы *одному христіанству* и предпочтительно какимъ-либо *въпроисовданіямъ*. И вездѣ-то при этомъ забываютъ или недостаточно оцѣниваютъ главный субъектъ «развитія», центральное «живое существо», которымъ все это творится, именно «народъ»; а еще того хуже, не различаютъ ясно «народа» и «племень», ни соотношеній между «народомъ» и «государствомъ», что они могутъ и призваны, чего не въ состояніи и не обязаны дѣлать. Это дастъ намъ богатую пищу для продолженія статьи и внутреннюю нить для распредѣленія фактовъ.

III.

Послѣ краткаго, но очень важнаго для насъ эпизода о значеніи «народа» и «государства» въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, обращаемся къ чисто-историческимъ, а вмѣстѣ этнографическимъ и этнологическимъ даннымъ: стоить только ихъ поставить въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобы опредѣлить, какое возможно было вліяніе Туранцевъ, въ частности Татаро-турокъ и самихъ Монголовъ, на Русь Великую, и не скорѣе ли, напротивъ, оказалось могущественное воздѣйствіе этой послѣдней на всѣ ближнія, сродныя и не сродныя, племена.

Въ началѣ напомнимъ факты болѣе или менѣе всѣмъ извѣстные, но къ сожалѣнію забываемые на каждомъ шагу. Славянство, въ общей массѣ, сложилось «народомъ», хотя и «первичнымъ», съ особымъ языкомъ (памятникомъ чему старшія церковно-славянскія творенія), осѣдлымъ бытомъ, земледѣіемъ, общиною, поселеніями и городами; съ семьєю, творчествомъ и всѣми народными обрядами, въ періодъ и въ мѣстности такъ-называемой «Скитіи» или Скиѣи, иначе Скути или Скуѣи, въ нынѣшней Новороссіи и частію Южной Россіи между Дономъ, верховьями Днѣпра, южнымъ Бугомъ, Днѣпромъ, Карпатами, Азовскимъ и Чернымъ приморьемъ, простираясь на югъ по всему Дунаю, за которымъ сидѣли вѣтви, тянувшія къ тому же центру: во весь этотъ долгій періодъ, IX — VIII вѣка до III-го вѣка предъ Р. Хр., вліянія никакихъ Туранцевъ, ни Монголовъ не было и быть не могло, по крайней отдаленности сихъ послѣднихъ, по предъущему ихъ разгрому и потому, что сами они отвлечены были—частію на сѣверѣ борьбою съ сѣвѣрною Чудью, съ Скандинаво-Германами, съ Альбингами, а главнымъ образомъ — внутреннимъ кочевымъ процессомъ, который продолжали въ Азіи, двигаясь въ глубь ея, на сѣверѣ къ тамошней, сибирской, Чуди, на востокъ до предѣловъ Китая. Народность славянская росла и зрѣла *сама собою*, безъ постороннихъ воздѣйствій, изъ которыхъ мелкія и

случайныя, не имѣвшія значительной силы, опредѣлимъ еще ниже. Громадное, страшнымъ потокомъ, нашествіе Волоховъ или Галло-кельтовъ въ III в. до Р. Хр. разрушило сложившійся порядокъ вещей, первичную славянскую народность поколебало и причинило извѣстное Славянское «разселеніе» по сѣверной и восточной половинѣ Европы: распавшіяся вѣтви, однѣ, большинствомъ, спаслись, въ особенности по Днѣстру въ Татры-Карпаты и, тамъ основавшись, продолжали колонизацію, нѣкоторые до балтики—отъ Вислы по Ютландъ и даже западнѣе; другія изъ Татръ же, по Одрѣ и Лабѣ (Эльбѣ), еще западнѣе въ Слезію, Лужицы, нынѣшнюю Моравію и Чехію, по южнымъ склонамъ Карпатъ въ края Словаковъ, въ древнюю такъ-называемую Винделицію и т. п.; на всемъ пути этомъ отъ Тюринговъ и Саксовъ до Альбанговъ и Франковъ, не было Славянамъ враговъ изъ Турана, а тѣмъ менѣе изъ Монголіи, исключая опять мелкія вѣтви въ родѣ Ятвяговъ, о чемъ послѣ. Другая меньшая по числу населенія, но энергическая половина соединявшая праотцевъ Руси Великой, Бѣлой, Южной во главѣ съ Полянами имѣя впереди Литву, двинулась вверхъ по Днѣстру, оттуда кто на Двину, Вѣну, Припеть, Бугъ, до Вислы же, кто на Ловать, Волховъ и тому подобный извѣстный путь, со спускомъ по Окѣ, по Волгѣ, на юго-восточной границѣ по Донъ; за Дномъ и въ его низовьяхъ, равно какъ въ низовьяхъ и до половины Волги, долгое время, какъ прежде, союзили съ «Русскими» Славянами родныя вѣтви Мидекія, преимущественно Алавъ и Сарматовъ, и никакого опять врага изъ Туранцевъ, изъ Монголовъ. Вся западная граница этого послѣдняго корпуса непосредственно примыкала къ роднымъ, славянскимъ вѣтвямъ, помянутымъ на Вислѣ; вся юго-западная, по самому восточному склону Татръ, населена была густо южно-Русскою же вѣтвю, родственною Полянамъ, время отъ времени спускавшеюся къ родичамъ черезъ Подолію на Воынь до Кіева. Періодъ «Татранской» или «Карпатской», подъ гегемоніею выдвинувшихся впередъ «Сербовъ» (Сербо-Хорватовъ, или вѣтвей, носившихъ это «главное» въ ту пору имя), длился безпрепятственно для возрождавшейся послѣ погрома и переселенія народности, почти восемь вѣковъ, съ III-го по VII-й послѣ Р. Хр.: здѣсь созрѣвало и новое обособленіе вѣтвей Славянскихъ въ народы «вторичные», какими оказались за тѣмъ Русскіе, Поляки, Чехи, сами Сербо-Хорваты (по возвращеніи изъ Татръ за Дунай) и т. п. Дѣйствіе объединявшаго сербо-карпатскаго центра и колонизація отсюда въ смыслѣ выдѣленія «народами вторичными», вполне обособленными продолжалась неудержимо во всѣ означенныя вѣка и по всемъ направленіямъ: изъ прилежащаго къ Тат-

рамъ Кракова чрезъ Малую Польшу въ Слезію, Лужицы (нынѣ саксонскія и прусскія), въ Чехію и т. п., какъ помянуто выше; наконецъ къ самимъ Полянамъ—подъ Кіевъ, чтò выражено и олицетворено извѣстнымъ мифомъ или эпическимъ сказаніемъ (повторяемымъ почти у всѣхъ Славянъ въ томъ или другомъ видѣ) о приходѣ *Была* (Кія: такъ-называемыхъ «Кайкавцевъ» по ихъ нарѣчію), *Щека* (равно и «Штокавцевъ»), и Чеховъ съ прочими «Чакавцами»), *Хорива* (Хорвато-Сербовъ), съ сестрою *Лыбедью* (Лебедью: Лаба, Альба, Эльба). Напоръ Саксовъ, а потомъ вражеское втѣсненіе Франковъ, съ VIII вѣка по Р. Хр., въ сплошныя славянскія массы на сѣверныхъ окраинахъ балтики, отъ Эльбы и Ютланда до Одры въ поморье, въ связь съ Литвою-Пруссами и почти до Вислы, все это съ одной стороны такъ-сказать, «выперло» оттуда нѣкоторыя славянскія вѣтви, болѣе или менѣе можетъ статья, смѣшанныя, какъ напр. Варяго-Руссовъ, на востокъ до Пскова и Новгорода, усиливъ тѣмъ мѣстное населеніе; съ другой стороны, для этого послѣдняго было ближайшимъ поводомъ «сплотиться», въ виду грозившаго нарушенія западныхъ славянскихъ границъ отъ вторженія Германцевъ. Для Руси не только пришла пора зрѣлости «вторичнаго» народа, но и началъ «государственныхъ»: созрѣла идея о союзѣ государственномъ, въ закрѣпленіе народности и привходившихъ элементовъ племенныхъ. Данныя къ тому, въ смыслѣ уже «народномъ» и «племенномъ», были подготовлены: подвигаясь на сѣверъ и сѣверо-востокъ, Русь оттѣсняла на крайніе рубежи «чудь сѣверную» до послѣднихъ предѣловъ Сѣвернаго Океана и Ледовитаго моря, постепенно заставивши нѣкоторые отпрыски, какъ наприимѣръ, Самояди и Остяковъ, перебраться въ Сибирь. Здѣсь усиляя Русь помогли уже и старшіе предшественники, каковы изъ той же Чуди, на «Южной», Финны, Эсты, Ливь, Корсо-Корсола, Цермь и т. п., а старше Скандинавы, Авибинги и самые Удль-Адви (ср. у насъ въ другихъ мѣстахъ). Здѣсь также была борьба, но самага начала отдававшая перевѣсъ и побѣду на сторону Русскихъ, довершившихъ дѣло покоренія своимъ побѣдоноснымъ воздѣйствіемъ; оторванная отъ крупныхъ массъ той же чуди, вѣтви болѣе способныя, каковы сейчасъ помянутыя, сживались съ Русью, входя даже въ составъ ея физическаго типа, тѣмъ болѣе въ составъ типа народнаго. А *остальная* южная чудь всегда уже вездѣ шла рядомъ и дѣлила судьбы—сперва съ предками Славянъ подъ Кавказомъ и въ Малой Азіи (гдѣ имя «Вановъ» было «общимъ» для нераздѣлившихся еще, не обособившихся вѣтвей славянскихъ и чудскихъ), потомъ съ «первичнымъ» славянскимъ народомъ въ Скитіи (имя «Чудь», какъ доказано и есть перегласовка

названія «Скуть»), а наконецъ спеціально съ назрѣвшимъ «вторичнымъ» народомъ Русскимъ. Это были извѣстные Моравя—Мокша и Эрза, Меря, Вель, Мещера, Муромъ, Черемиса, сѣдѣвшая съ Удами Водь, съ Сарматами (или Серватами), Зырянъ и т. п. Споръ съ какими-нибудь «волхвами» и предрасудками, доносящійся къ намъ съ первыхъ страницъ лѣтописи, былъ уже общимъ споромъ христіанства съ язычествомъ: но основное въ народности и главное для государства, рѣчь, бытъ, физическій типъ, преданіе, обрядъ, творчество и т. д., все это сливалось и взаимодействовало, завязывая дѣло «общее» между Чудью и Русью, хотя, разумѣется, отдавая этой послѣдней преимущество *главнаго и примиряющаго типа народнаго*. Превосходство «выработки» и «роли» при равенствѣ и общеніи «элементовъ», было важнѣйшею причиною и того, что Русь занимала интеллектуально, исторически и даже топографически центръ, а все чудское окаймляло ее своими окраинами *). Тѣмъ больше слияніе должно было реализовываться съ возникновеніемъ «государства» и взаимно «государство» помогало окончательному слиянію, ибо эта стадія развитія уже выше, отвлеченнѣе и формально логичнѣе бытовой почвы народной, безпристрастнѣе симпатій и антипатій племенныхъ: въ государствѣ ярко выставляя и типъ народа примиряющаго, и соподчиненіе или соотношеніе со второстепенными типами и прямое подчиненіе низшихъ, слабѣйшихъ. Въ какомъ положеніи оказалась Чудь, въ томъ же скоро и Литва: значеніе ея было по преимуществу «архаическое», коренившееся въ стагнаціи первобытной связи со всѣми Аріями и, въ томъ числѣ съ Индусами, по языку, культу, жречеству и по кастѣ или сословію разнообразныхъ языческихъ богослужителей; оно усилено было значительною связью со славянствомъ Прибалтійскимъ, но въ своихъ отличіяхъ парализовано, къ сближенію рѣзко

*) Какъ постепенно, по центробѣжной силѣ, давая центру просторъ и свободу, а центростремительно притягиваясь подъ эгиду центра, чудь *выступала изъ центра на периферію* «внѣшнимъ» образомъ, но такъ-сказать «душою» *возвращалась* къ нему, всего лучше примѣромъ *Мещера*, съ запада изъ-подъ Мещовска потянувшаяся на востокъ до Рязани и наконецъ до внѣшнихъ Мещеряковъ, но въ то же время рано вошедшая своими князьями и передовыми лицами въ составъ Руси; то же почти съ Радимичами въ ихъ движеніи къ области Рязанской, Тамбовской, Симбирской, изъ среды самихъ «Полей» и тамошнихъ Ляховъ или Ляховъ, праотцевъ Полякамъ: хотя эти отпрыски впоследствии были даже татаризованы, по и тогда, и еще сильнѣе, тянули они къ Руси, сближаясь съ нею и самими Татарами, представляя «переходный мостъ», о чемъ подробно-сти ниже.

наклонено нивѣсами постепенныхъ переходовъ и къ типу бѣлорусскому, и къ типу чудскому (въ особенности ливьскому и корѣльскому, лучшимъ и старшимъ во главѣ чуди южной); такъ что, конечно, подѣ «кривичами лѣтописи, которые развивались сообщая и сложили самое государство за одно съ Русью, послѣдующею Великою, одинаково должно разумѣть Литву разныхъ видовъ съ Русью Бѣлою, а равно Чудскихъ Куровъ, Корсь и Корѣлу съ Ливью *). Въ томъ же составѣ племенномъ, архаическомъ и религіозно-жреческомъ, Литва со временемъ покусилась и на «особое» государство: неудали его, «промежуточность» между Русью Великою и Польшею, а наконецъ неизбежное распаденіе доказали, что въ этой формации не доставало наиболѣе сильнаго и организующаго центра—Руси Великою. Но, на первое время, все это сложило собою «народъ», «единный» или «объединенный въ формахъ государства», государство же оказалось одновременно съ принятіемъ христіанства, а съ нимъ безостановочной цивилизаціи впереди. Тутъ были *ступени* народныя и племенные, на ступени единого *зданія*; были разные высшіе и низшіе *органы* и *члены*, но единый *организмъ* и единый *корпусъ*. И опять, до самаго XIII вѣка, сюда не привходили элементы «инородные», въ той далекой и несходной формѣ, какъ Туранскіе или Монгольскіе: напротивъ изъ нихъ многіе, именно изъ Туранскихъ, своими мелкими вѣтвями давно и рано «всасывались» теченіемъ центральной жизни Русской или, по крайней мѣрѣ, лѣпились вокругъ тѣла единого паразитами, какъ улитки при скалахъ и утесахъ (нѣкоторыя о томъ подробности ниже). *Впервые*, крупное появленіе элементовъ Туранскихъ въ массѣ пришлось *на XIII-й вѣкъ* и было не сближеніемъ, не притѣсненіемъ, подавно не побѣдою, а *вторженіемъ со стороны*. Но прежде чѣмъ оцѣнить эту новую силу по степени, качеству и достоинству, вспомнимъ, что она же вызвала собою *противоположность*, и именно къ выгодѣ Россіи: массы изъ опустошенной и разоренной восточными областями Кіевской и территоріи Полянскій, хлынули ища спасенія и водворенія внутрь и отсюда размѣстились по окраинамъ Руси Центральной, Сѣверо-Восточной, — съ тѣхъ поръ она *Великая*; на убыльяхъ понелища и на упраздненныхъ мѣста, въ Поля, изъ Полей, въ

*) Эти Куры, извѣстныя съ глубокой древности, какъ преимущественныя «богослужители», сначала слой, потомъ сословіе, каста и даже племя, совершенно равны въ роли и Галламъ (Gallus—Куры), и Куретамъ—Квиритамъ въ зернѣ слагавшагося Рима, подобно какъ Ливы и Леты (Латыши) отвѣчаютъ въ Италіи Лациуму и Латинамъ. Когда-нибудь о томъ подробнѣе.

Полнево, въ Бѣлую Русь и Литву, еще сильнѣе Подоламъ и Вальною, съ Татрь-Карпаты спускались и спустились, вовесь нынѣшній «Новый» и «Южный» край Россіи, родственные потоки населенія,—это нынѣшняя Русь Южная, тогда же вскорѣ и *Малая*, еще сильнѣе подкрѣпившая, но и обособившая, возвысившая въ чело развитія *Русь Великую*. За послѣднюю была народность «вторичная», окрѣпшая, разнородная еще ни тѣсно сплоченная элементами единства и превосходства въ центрѣ, за нее было—государство, христіанство, общій языкъ, водворившаяся письменность, пройденная и начатая положительная исторія, вся цивилизація и все то, что даетъ на долго, если не на вѣки, прочность и превосходство будущему. Легко и скоро поймемъ, что же и сколько противу такой формаціи могла успѣть «внѣшняя» и «матеріальная» по преимуществу, физическая и племенная, грубая самымъ развитіемъ духовнымъ и религіознымъ, сила вторгшихся «кочевниковъ». Внѣшнее разореніе и временная эксплоатація, вотъ все, что было возможно со стороны враговъ; подчиненіе имъ имѣло смыслъ повсюднаго подчиненія физическимъ силамъ природы внѣшней, какъ неотвратимой *force majeure*, безъ вліянія на внутренній составъ, еще крѣпче сплотившійся и сжавшійся въ себя самого подъ знамя защиты для самостоятельности. Спустя одинъ вѣкъ, сами уже враги жалуются на подрывъ подчиненія, то зовутъ уже къ *себѣ*, не рѣшаясь пускаться внутрь, то сами стягиваются въ *центры*, въ главныя орды и въ города,—самое опасное явленіе для кочевниковъ,—земцы народные здѣсь находили ихъ въ гнѣздѣ и съ разу наступали имъ на голову. Русь была на столько едина и сильна, что приманчива врагамъ; приманка приближала ихъ внѣшнюю стороною возможнаго насилія и чаемаго завоеванія: въ результатѣ, Русь ихъ самихъ объединяла, воспитывала своими вліаніями, сближала съ собою внутренно и наконецъ покорила способомъ внѣшнимъ; ничего подобнаго Русскому съ своей стороны не могли выставить кочевники, какъ племя—не народъ, безъ государства, съ фазами религіи первобытной, безъ земледѣлія и оскѣдности, съ бурнымъ вращеніемъ стихій внутри безъисходнаго круга, съ отсутствіемъ началъ прогрессивныхъ. Таковы факты *историческіе* и, отъ нихъ то переходимъ къ основнымъ этнологическимъ и внѣшнимъ этнографическимъ; теперь-то мы, на мѣстѣ, въ Восточникахъ и Кочевникахъ, къ намъ явившихся, оцѣнимъ ближе по достоинству *способность* къ роли, которую приписываетъ имъ близорукая наука и литература, съ теоріей *заимствованій*, не въ состояніи будучи отличить *параллельныхъ* явленій отъ ихъ *каузальности*, а въ каузальности опредѣлить

сторону, гдѣ весь перевѣсъ *причинъ*, гдѣ одна *зависимость* и лишь *последствіе*.

Авторы извинительнаго увлеченія и ошибочнаго направленія довольно хорошо называютъ нашихъ враговъ Восточниковъ, въ извѣстную пору вторгнувшихся и скоро акклиматизованныхъ, *Тюрко-Моголами*, а мнимое ихъ вліяніе на существенное измѣненіе Руси и дѣйствительное воздѣйствіе на ея роль или постановку, — вліяніемъ *Тюрко-Могольскимъ*. Но это, говоримъ, порядочно еще и сносно, при условіяхъ, довольно тяжелыхъ для партизановъ подобнаго воззрѣнія: а именно, во первыхъ, если они не называютъ разбираемыхъ враговъ «народами», — это были не народы въ смыслѣ техническомъ, а «племена» и даже «племенные вѣтви», какъ отпрыски извѣстнаго племеннаго типа. Далѣе, если здѣсь подъ «Тюрками» не разумѣютъ послѣдующихъ и нынѣшнихъ «Турокъ», хотя бы въ прямыхъ праотцахъ нынѣшнимъ (это была бы такая нелѣпость, что мы даже не предполагаемъ ея). Потомъ, если не допускаютъ въ это число чистыхъ «Туркменовъ», въ родѣ нынѣшнихъ; если не представляются здѣсь извѣстные «Турки», дѣйствовавшіе на Югѣ и Юго-Западѣ Россіи, имѣвшіе свою исторію происхожденія и значенія, не приходившихъ съ завоеваніемъ на Русь Великую, тѣмъ паче съ Востока. За тѣмъ, если не переносятся мыслию къ давнему и дальнему «Турану», игравшему роль для *всѣхъ* Аріевъ безъ исключенія, за тысячи лѣтъ до существованія Россіи, а потому обратившемуся въ миѣ у Духинскаго съ братією, хотя видимо и соблазнившему тѣхъ, кто не разсчитываетъ ни вѣковъ, ни мѣстъ и племенъ. Еще далѣе, если «Монгольскую» долю ставятъ только *рядомъ*, но не *смѣшиваютъ* съ «Тюркскою» и съ «Туранскою», какъ двѣ вещи совершенно различныхъ, хотя доселѣ постыднымъ образомъ смѣшиваютъ ихъ наши историки (подавно западно-европейскіе), поочередно на одной страницѣ употребляя выраженія — «Монгольское» или «Татарское иго», «Монгольскій ханъ при Татарскомъ нашествіи», «Татарскіе воеводы съ ихъ Монголизмомъ», и т. п. (какъ будто Монголизмъ *равенъ* Татарству). Здѣсь-го мы обращаемся къ самой положительной и самой серіозной сути дѣла.

Начнемъ съ *Моголовъ*. — «Подлинныя» Монголы, какъ особое племя и рѣзко выдающійся расовой типъ, отдѣлились отъ «Общаго Племени» (Ur-Stamm) и союза выработывавшихся Народностей крайне рано, въ слѣдъ за старшими вѣтвями «дикими» (нынѣ такъ называемыми) и раньше даже многихъ «дикихъ» Америки, прежде «Сѣверной» Чуди, а подавно Египтянъ (стало быть, за тысячи лѣтъ до Р. Хр.). Преслѣдуемые по пятамъ первобытными предками Аріевъ (пред-

ками нашего племени и всѣхъ послѣдующихъ «нашихъ» народовъ), на Сѣверо-Востокъ отъ Месопотаміи (территоріи Общаго Племена), отъ Иранскаго же Плоскогорья на Сѣверо-Востокъ и Востокъ до послѣднихъ тамъ предѣловъ (гдѣ предварили ихъ лишь немногіе и «дикіе»), въ крайнія эти точки чрезъ горныя ущелья «передовые» изъ Монголовъ унесли даже съ собою первѣйшую — «односложную» ступень рѣчи, и лишь «задніе» приобщились послѣдовавшей «слитной». Болѣе всѣхъ племенныхъ вѣтвей упрямые и менѣе подвижныя, они хотѣли устоять даже противъ волнъ такъ называемаго «потопа» (въ его опредѣленной мѣстной формѣ разлитія въ долины древнѣйшихъ жилищъ послѣ періода «ледниковъ»), по собственнымъ, уцѣлѣвшимъ преданіямъ, отводили разливы плотинами, не участвовали потому въ старшемъ періодѣ Кавказа, остались чужды зародышамъ Кавказскаго типа и, вынужденные «другими» двинутыя съ мѣста, по неволѣ предалися бѣгству отъ преслѣдованій. Напротивъ, участники тревогъ и страданій «потопа», спасшіеся на горахъ Кавказа, но и занявшіе тамъ прогрессивныя начала въ развитіи племени, быта, рѣчи и религій, по возвратѣ оттуда въ лицѣ передовыхъ вѣтвей, въ томъ числѣ Арійскихъ предковъ, спустившись и хлынувши въ прежнія низменности, а оттуда поднявшись на прилежавшія плоскогорья, «обрушились» въ полномъ смыслѣ на племя упорное и отставшее отъ нихъ въ развитіи, державшееся еще, вопреки типамъ Кавказскимъ, самаго старшаго и грубаго Хамитизма, фаллическаго и матеріальнаго. Орудія и средства въ рукахъ тогдашней мести и преслѣдованія на вѣтви ненавистныя извѣстны своей тяжестью и жестокостью физической: то было урѣзваніе всѣхъ возможныхъ членовъ, преимущественно оскотленіе или кастрація, сдавливаніе въ узахъ, колодки на ноги, затяжка и выдергиванье волосъ, и прочее, сдѣлавшееся послѣ атрибутомъ и символомъ рабства. Архаичность расы, сама по себѣ грубая и менѣе развитая, понесла отъ себя на себѣ слѣды намѣреннаго уродованія и, сравнительно съ другими, воплощалась особеннымъ уродствомъ («духа» въ отпоръ было еще мало, и попавшая въ организмъ порча развивалась физически съ быстротою болѣзни, съ выдержкою хроническаго недуга). То были, столь извѣстныя по Монголамъ, черты: сдавленный черепъ и низкій лобъ, вдавленные и растянутыя поперечною глазомъ съ остріями оконечностей, сжатые колодами ноги (именно ступни, а верхняя часть искривленная), по мѣрѣ давленія внутрь снаружи—выдавшіяся другія части, особенно челюсти («прогнаты») и еще больше скулы, сплюснутый носъ, лишенная курчавости волоса — «вислые» и въ бородѣ съ усами крайне рѣдкіе, желтый—по арханч-

ной расѣ—но кромѣ того и палевый—блѣдный—истомленный цвѣтъ
кожи, низкій ростъ, медленность и связанность движеній, тонкій,
пискливый и при подъемѣ пронзительный голосъ. Этотъ типъ и по
древности своей, не одухотворенной движеніемъ сознанія, и по стог-
націи физической, по упорству расы, подъ гнетомъ насильства и по-
слѣдовательнаго отчужденія отъ другихъ, по необходимости уйти
слишкомъ далеко на первыхъ же порахъ укрѣпился до того и вълся
въ натуру, что отличаетъ Монгола рѣшительно всюду, превосходитъ
стойкію многихъ дикихъ и даже порою Негра, при малѣйшей воз-
можности сплачивается и, скупивается въ одеревенѣлую массу, при
слияніи съ другими, какъ бы ни скудна была проникающая доля крови
Монгольской, вездѣ даетъ себя знать, принимая на себя, хотя не
охотно и первоначально лишь принужденіемъ или завоеваніемъ, влія-
нія со стороны, приобщаетъ непремѣнно и себя, и слѣды свои слиш-
комъ долго не даетъ переродить. Черезъ-чуръ глубоко въдрившись
и связавшись съ функціями моральными, этотъ расовой типъ создалъ
даже *напряженность* и *виртуозность* въ томъ же направленіи урод-
ства: нарочно, по религіи, обряду и для красоты выщипываютъ воло-
сы, и безъ того рѣдкіе, или тянутъ ихъ въ тугіе пучки, подрѣзываютъ
вѣки глазъ, забиваютъ ноги въ колодки до невообразимой урод-
ливости и крохотности, рѣшительно наконецъ препятствующей ходить,
простираютъ тѣже приемы на окружающую природу, животныхъ, де-
ревья и растенія, искусственно доводимыя до кривизны, уродливости
и мизернаго роста, и т. д. (какъ извѣстно по переходу въ типъ Ки-
таизма). Трудъ представителей этого типа, сообразно усидчивости и
слѣдамъ былаго рабства, ведетъ къ обработкѣ мелочей до послѣдней
дробности, къ кракоборной аккуратности, къ бережливости, къ ску-
пости до скарредства. Характеръ, испорченный мстительностью за на-
силіе и лукавствомъ укрывательство, съ теченіемъ времени побѣжда-
етъ иногда затаенную злость, но остается навсегда капризнымъ до
перваго повода. Это отнюдь племя *не кочевое*: періода кочевья со ско-
товодствомъ въ общемъ союзѣ оно не застало, само до него не до-
росло; «движеніе переселеній и расселеній», объявшее нѣкогда ны-
нѣшнихъ «дикихъ», участниковъ послѣдствій «потопа», и раскидавшее
ихъ по неизмѣримымъ пространствамъ, по материкамъ и островамъ,
черезъ моря и льды, здѣсь неизвѣстно въ своихъ принципахъ и при-
вычкахъ; оно здѣсь было вынуждено враждебностью преслѣдованія,
оно было не кочевьемъ, а бытвомъ; оно и возобновляется, но непре-
мѣнно къ *цѣли определенной*, чтобы, достигши ея, *сытъ на мѣсто*.
Это *склонность къ остьдлости*, вслѣдствіе помянутой усидчивости,

упрямства и труженичества, но осёдлость не *земледельческая*: до земледѣлія «народовъ» само по себѣ племя не дошло, охотнѣе довольствовалось бы продуктами «готовыми» — какъ въ эпоху своей первобытности, но по нуждѣ и трудннчеству ознаменовало себя преимущественно, подобно слоямъ и сентамъ всѣхъ кастратовъ (игравшихъ нѣкогда громадную роль и уцѣлѣвшихъ понынѣ), умѣlostью въ разведеніи растений, кустовъ, полезныхъ и плодovitыхъ деревьевъ своего рода *садоводствомъ* и *огородничествомъ*, за которыми слѣдовали уже *ремесла ручныя*. Религіозный складъ, еще на старыхъ нѣстахъ жизни пережившій «Астраинность» (религію «Звѣздную»), но не утѣдавшій тамъ реакціи «Сабизма», не участвовавшій съ другими и лучшими вѣтвями въ послѣдовательномъ ходѣ «Политеизма» (которому и обязаны отъ, и въ которомъ выражали свое развитіе), удержалъ только вѣрванія въ повсюдныхъ духовъ, удержалъ грубыхъ и чудовищныхъ, но бессмысленныхъ и безсистемныхъ идоловъ, менѣе склоненъ къ «Шаманству», требующему экстаза и одушевленія, «Исламизму» самъ по себѣ даже враждебенъ, къ Христіанству могъ бы «перешагнуть», но безъ субстрата и подготовки, а къ чему болѣе всего способенъ, къ чему оказалъ пристрастіе, — это къ «Буддизму», не въ истомъ его, одухотворенномъ видѣ Арійскаго происхожденія, а въ своеобразіи «Ламизма», создавшаго изъ главнаго Ламы своего родъ идоловъ, изъ Ламъ промышленниковъ и ремесленниковъ. Наконецъ, здѣсь замѣчается досель дѣйствіе «паръ» (самца и самки), съ кажу-щеюся и для нѣкоторыхъ соблазнительною свободою, а собственно— царство «родовъ», — но безъ замкнутости кочевья и гаремности Ислама; за то— ни малѣйшаго тожества съ «семьею» народовъ, искусственность и опять—такъ сказать—ремесленность ея состава и отношеній, не обрядность со смысломъ и преданіемъ, а обработка виѣшними увертками, вывертками и *церемоніями* столь прославившици Китай; внѣ сихъ узъ «обстановки» — домъ, открытый входу и выходу, взорамъ и ушамъ постороннихъ, домъ всѣхъ видовъ, смотря по вліянію исторіи со стороны, отъ шалаша до лодки, отъ землянки до вычурной архитектуры безъ идеи и исторіи; жилища открытыя, — свобода женщины, открытое ихъ общеніе съ мужчинами и посторонними, открытыя лица и даже черезъ-чуръ—съ залысеннымъ лбомъ. Довольно всего этого для убѣжденія, что еслибы гдѣ либо и особенно у насъ были бы «подлинныя», типичныя Монголы, или если бы имѣло мѣсто ихъ воздѣйствіе, мы не похожи были бы ни на Туранцовъ вообще, ни на Тюрковъ, ни на Турокъ и Татаръ: мы не закрыли бы жилищъ, не спрятали бы женщины, не пахло бы у насъ гаремомъ, дѣвушки

и жены не закрывали бы лицъ, невѣсты при свадьбахъ не укутывались бы покрываломъ (какъ и было въ дѣйствительности), ученые не путались бы Монголизмомъ (какъ они путаются), а знали бы его — по типичнымъ признакамъ. Въ числѣ послѣднихъ, со стороны расовой и племенной природы, нашли бы они *Мотольскія*, выше означенныя, черты, наипаче въ головѣ и *лицахъ*: а такихъ головъ, и особенно *лицъ*, съ Монгольскими чертами, вслѣдствіе смѣшенія съ Монголами, *тщательно итъ отъ Великой Россіи*, за исключеніемъ лишь «козаковъ», и то «самыхъ южныхъ», преимущественно на Дону, по причинамъ, о коихъ ниже, бросается въ глаза привившійся многимъ Русскимъ типъ Чудской, спорадически попадаются въ Велікоруссахъ черты Татарскія, позднѣе по происхожденію — черты нынѣшнихъ Кавказцевъ, *иттъ никакихъ слѣдовъ Мотольскихъ*.

И это естественно, необходимо и исторично. Монголы, въ своихъ предкахъ и первобытныхъ жилищахъ, сами пострадали отъ Аріевъ и нѣсколькихъ параллельныхъ крупныхъ племенныхъ вѣтвей, а не обратно, не вліяли на предковъ Арійскихъ; совместнаго жительства на Кавказѣ они не извѣдали; они были иресьдѣемы, но ушли быстро и слишкомъ далеко; внутрь къ нимъ, ради и дальности, и опасности, предки Арійцевъ массами не проникали; ихъ отрѣзала и отграничила, заслонила и спасла промежуточная черта *Турана*, съ создававшимся племенемъ *Туранцевъ*, о которыхъ вскорѣ; но на *Туранской линіи* они не стояли, ибо линія Туранская, по самому значенію и имени, возникла и протянулась по однимъ точкамъ съ *Иранскою* (*Туранъ* = «тотъ Иранъ», «другой Иранъ», «не-Иранъ», не Иранская мѣстность и племенная вѣтвь: таково словопроизводство, замѣтно выступающее на сцену при столкновеніи Турана съ Ираномъ, *послѣ* того, какъ *древнѣйшее* начало — отъ Кавказскаго *тура* или *тавра* стало уже забываться между племенами), и Туранцы же отграничивали Монголовъ отъ Иранъ и прочихъ Аріевъ. Въ страшной борьбѣ, которая шла по этой линіи въ долгое время кочеваго періода, Монголы «подлинныя» не участвовали. Они втянуты были въ борьбу лишь тогда, когда черта эта уже порвалась и даже перестала существовать—въ писменномъ и историческомъ, опредѣленномъ и древнемъ смыслѣ, оставшись лишь въ топографіи горъ и ихъ склоновъ; ибо Аріи «обширнаго» значенія, окончивши тянувшійся по этой чертѣ періодъ ихъ кочевья, раздѣлились на двѣ крупныхъ группы; Иранская пошла обратно на западъ, къ Иранскому плоскогорью, Тигру, Каспію и Кавказу, а затѣмъ и въ малую Азію и въ Европу; Арійская же «тѣснаго» значенія въ лицѣ Индусовъ,—начала спускаться

къ Инду, за тѣмъ на Гангу *) такимъ образомъ Туранцы остались *одни*, тѣмъ самымъ прекращалась распря *прежня*. Но—тогда-то они сблизились тѣснѣе съ Монголами, поднимали Монголовъ, роднились, сливались, предводительствовали, вели къ завоеваніямъ и вторженіямъ, какъ во «вторичный», болѣе «тѣсный» Иранъ (послѣдующихъ Персовъ), такъ и въ Индію, а далѣе и къ Кавказу, и въ Переднюю, и въ Малую Азію, и на Европу разными путями, и на самихъ же Монголовъ «чистыхъ», «несмѣшанныхъ», въ ихъ углы и захолустья, да и по всѣмъ направленіямъ изнутри степей Азіатскихъ. Говорили, Монголы были «втянуты въ завоеванія,» не поднимались сами, не возбуждали движенія: по всѣмъ описаннымъ чертамъ, флегмъ, усидчивости, отсутствію кочевыхъ и завоевательныхъ инстинктовъ, физической неподвижности, охотному труженичеству. Впереди всего были и всегда шли Туранцы: если въ ихъ формацію входили и Монголы то столько же и Сѣверная чужь, а общій типъ вырабатывался именно *Туранскій* и Монголизмъ здѣсь не примировалъ. Странно даже представить себѣ, чтобы Монголы «чистые» и «сами по себѣ» были ужасными и свирѣпыми завоевателями, какими ихъ представляли незнавшіе или представляютъ; смѣшно читать и слушать, когда, посѣщая нашихъ бурятъ, одинъ изъ коренныхъ видовъ Монгольства, вздыхая восклицаютъ,—«И это флегматическое, мирное и добродушное племя—потомки грозныхъ воеводъ, потрясавшихъ міръ!» Виною смѣшенія мнѣній было реальное смѣшеніе крови Монгольской съ Туранцами и появленіе въ полчищахъ сихъ послѣднихъ какъ Монгольскаго типа, сюда проникшаго, такъ и наличныхъ Монголовъ, увлекавшихся въ общую Азіатскую гурьбу, а главное—имя. Имя *Мангаловъ*, въ старшей формѣ (по нашему убѣжденію) *Монголовъ*, но и *Моцуловъ*, *Муцоловъ*, *Могаловъ* и т. д., исходило изъ корня Общей нѣкогда Племенной рѣчи, въ томъ числѣ и послѣдующей Арійской (гдѣ одинаково имѣетъ свой смыслъ и словопроизводство), у cadaго племени въ послѣдствіи отзывалось своего рода корнемъ и доступнымъ смысломъ, у всѣхъ имѣлось въ той или другой формѣ для названія моленій давняго міра—религиозныхъ и бытовыхъ, въ урочищахъ и топографіи, было «популярно» и — тѣмъ самымъ переносилось съ одного племени на другое съ величайшей легкостью. Это испытали на себѣ названія и многихъ другихъ племенъ, столь же древнія и корнемъ общія, въ томъ числѣ именно Татаръ, Турковъ и Турковъ: изъ числа ихъ, Монголами называли (совершенно

*) *Гата*—священная рѣка «богини», женскаго рода.

нами, воздвигали постройки дивной, Туранской по типу и Мусульманской по идеѣ, архитектуры и оставили по себѣ изображенія—неправильно) такихъ завоевателей, а потомъ владѣтелей въ странахъ Индіи и оттуда до малой Азіи, которые являлись чистыми магометабезъ малѣйшей черты «собственнаго «Монголизма; «великой Тартаріей», «сѣверною и восточною Татаріей» звали долго края, завоеванные на половину чистѣйшими Монголами; къ Монгольскому происхожденію выводили и послѣдующихъ Турокъ, прошедшихъ десятковъ ступеней племеннаго развитія совсѣмъ иныхъ расъ.

Была тому причина отчасти и *внутри* самого Монгольства. Древнѣйшіе, самые угловатые типы ихъ *сибли* на мѣстѣ первобытной территоріи подъ ударами враговъ и въ узахъ насилія; крайніе отпрыски *спасли* физическій составъ и возможность жизни *въ отдаленномъ уединеніи*, среди послѣднихъ предѣловъ сѣверо-востока и всего востока Азіи, или среди такихъ горъ, какъ Тибетъ и къ нему ближайшія; задніе и отстававшіе, какъ сказано, заслонились Туранцами и, чрезъ связи съ *ними*, чрезъ *сношенія*, родство и кровь, мало по малу *асимились*. Оставивъ въ цѣлости и даже закрѣпивъ многія основныя черты типа, время и исторія уврачевали то, что представлялось болѣзнію временною и поддавалось лекарству. Окрѣпили силы, у большинства Монголовъ натурализировался цвѣтъ, у иныхъ показался даже румянецъ; браки съ Туранцами подняли расу въ ростѣ, мышцахъ, огнѣ, энергіи; чрезъ Туранцевъ входило кочевье, скотоводство, торговля; чрезъ ихъ посредство достигали послѣдствія цивилизаціи изъ отдаленнѣйшаго центра Общаго племеннаго развитія; съ ними же спускались Монголы и въ классическія страны Азіи; осѣдность своего рода помогала этому, простираясь и до началъ земледѣлія; необычайно прилежной и дробный трудъ доводилъ до чего-то сходнаго съ «народомъ» и «исторіей», искусственность вознаграждала собою нормальный процессъ природы, племени и исторіи. И, тѣмъ не менѣе, всетаки, можно сказать утвердительно, «чистые» Монголы не выступали далѣе срединной глубины Азіи, далѣе сѣверо-восточной и юговосточной ея половины; западная половина самихъ Монголовъ, представлявшая болѣе удобную—почву для соединенія съ Туранцами, а частію и съ Чудью, равно какъ контингентъ для двигавшихся полчищъ, сама съ мѣста не срывалась цѣлкомъ, навсегда; самые Калмыки, позднѣе, какъ извѣстно, двинувшіеся на западъ и югозападъ за предѣлы Азіи, проникшіе и къ намъ, оставившіе по ихнему воздѣйствію нѣкоторыя внѣшнія черты фізіономіи въ нашемъ юго-восточномъ и южномъ казачествѣ, самые, говоримъ, Калмыки, при всемъ томъ, что не были уже «чистымъ»

типомъ и чистою кровью», вернулись однакоже въ большинствѣ массъ своихъ къ *прежнимъ* центрамъ, а намъ оставили по себѣ лишь слабые послѣдкі. За исключеніемъ всѣхъ «частныхъ» попытокъ перехода, скорѣе «порывовъ», чѣмъ переселеній» (въ томъ и отличіе отъ Туранцевъ, что Монголы «ходили», участвовали въ «завоеваніяхъ», но «не переселялись» и «не оставались на новыхъ мѣстахъ»), формации племенные, въ которыя проникалъ Монголизмъ, слагались по преимуществу чрезъ Монгольскихъ женщинъ: въ этомъ смѣшеніи, перевѣсъ Туранскихъ мужчинъ творилъ главный типъ *Туранскихъ*, такъ что Монгольскія черты, ограничиваясь больше всего головою и лицомъ оставались частными» и «внѣшними» не простираясь на бытъ, складъ и характеръ. Поелику же онѣ, упоминали мы, слишкомъ рѣзки и замѣтны, то по нимъ можемъ судить, какъ *далеко на западъ и югъ* простирался Монголизмъ, хотя бы внѣшній, мелкій и физиономическій. Онъ не проникъ въ Африку, не водворился въ малой Азіи и на Кавказѣ (если не считать крохотныхъ поселеній), едва скользнулъ по юго-востоку и югу Россіи (о чемъ еще ниже), чуть переступилъ Уральскій хребетъ, Яикъ и Волгу, а здѣсь оказался до того *слабъ*, что поглотившій его типъ Туранскій оставилъ у Великоруссовъ кое-что Татарское, чрезъ болѣе поздніе браки, но не присоединилъ сюда ничего Монгольскаго; а дальше уже, на западъ и югъ, нѣтъ о Монголахъ и помину, развѣ только не причислить сюда нѣкоторыя черты на сѣверѣ Америки, занесенныя отпрысками не Монголовъ, а Удовъ (о коихъ ниже), и занятыя послѣдними ближе съ сѣвера и угла самой Азіи. Къ намъ, для ига «Монгольскаго», не пожаловали даже Тунгусы и Манджуры, какъ ни трудно прослѣдить черту, гдѣ начинается или кончается въ нихъ Монголизмъ; и они слишкомъ были далеки отъ насъ; если считать Темучина или Чингисъ-хана даже чистымъ Монголомъ, то къ намъ явились только *полководцы* подвластныхъ ему западно-Азіатскихъ ордъ, Батый наследовалъ страны восточныхъ окраинъ Урала и Каспія, *идъ не жило Монголовъ*; по его убѣжденію Ярославъ ѣздилъ на поклоненіе къ хану Гаюку *такъ далеко* къ Амуру, что не перенесъ странствія; Золотая Орда была уже намъ *мѣстная*, въ *нашихъ* краяхъ; въ расчетѣ и территоріи, и племени, и быта, она была еще дальше и различнѣе отъ ордъ прочихъ, даже отъ *ближайшихъ Азіатскихъ*. У насъ были «своеобразные» *Туранцы*, къ которымъ теперь обращаемся въ интересахъ важнаго всѣмъ Русскимъ дѣла.

Прототипами ихъ и, хотя отдавленнѣйшими, но прямыми предками были *Атты* или *Ады*, въ формахъ съ равными гласными *Эты*—

Иты—Уты—Юты, Эды—Иды—Уды—Юды и т. д. (для краткости, у насъ избрана хотя не старшая, но болѣе извѣстная форма *Удовъ*). Это давнее, могучее и самое энергическое племя, одаренное значительно природою, прошедшее путь разнообразнѣйшаго развитія, они участвовали въ жизни первобытнаго Кавказа, послѣ нѣкоторое время владѣли имъ, понынѣ остались въ Адыхахъ — Черкесахъ и мелкихъ Удахъ; владѣли нѣкоторое время центрами Общаго Племени, не далеки были и лишь позднѣе отдѣлились отъ лучшихъ всѣхъ представителей, въ томъ числѣ Арійцевъ, Индо-Европейцевъ и даже предковъ Славянскихъ; крупную долю брали въ общемъ ходѣ религій, исторіи племенъ и зарожденіи народовъ, — отъ клинописи *) до страницъ «Бытія» **) оставили по себѣ свидѣтельства. Вытѣсненные предками Арійцевъ, ранехонько, чуть ли не первые послѣ Басковъ, перешли они въ Европу, разгромлены здѣсь знаменитымъ походомъ Египтянъ; преслѣдованы предками Финновъ и Саксовъ; одна вѣтвь разрожденныхъ дошла до самой Балтики, задала работу Лапамъ, Альбингамъ и Скандинавамъ; другая обратилась къ низовьямъ Волги и къ Каспію: здѣсь послѣдовало племенное перерожденіе, колѣно племеннаго развѣтвленія. Одна, изъ двухъ новыхъ вѣтвей, болѣе слабая и поадняя, поднялась по Волгѣ, Камѣ, Уралу и Хребту, въ соотношеніяхъ и борьбѣ съ «Сѣвверною» Чудью (ср. выше); старшая и главная протянулась по линіи помянутаго Турана, отъ Каспія на Мервь (нынѣ столь знаменитый), на Балхъ, до Гиндукуша, до Памира, доходя и до Балкаша, и т. д. Это означенная линія пресловутаго *Турана*, это *Туранцы* опредѣленной эпохи и технического значенія, получившіе и свою роль, и свое имя отъ кочевавшихъ по той же линіи, но по Южной сторонѣ, Иранъ, vis-à-vis Туранцевъ Сѣверныхъ. Это *первая* въ мірѣ и первобытной исторіи *Крайна* или *Украйна*, на которой боролись Арійцы съ не-Арійцами, какъ послѣ Славяне и Русскіе на всѣхъ своихъ украиняхъ, крайнахъ и покрайнахъ. Линія, географически опредѣленная, но относительно тогдашняго племени и была лишь мыслимая и обнаружившая свою силу только по результатамъ. Тѣ и другіе, Туране и Иране, проходили періодъ кочевья, боролись и враждовали, зависѣли другъ отъ друга и общились элементами, остававшимися у обоихъ въ *одинакихъ* названіяхъ главнымъ явленіямъ и предметамъ кочевья (нѣкоторыя изъ такихъ названій при-

*) Такова древняя формація, быть которой нынѣ вскрывается изъ подъ клинописи, именемъ *А-к-к-Ады*, гдѣ вторая часть принадлежитъ Адамъ.

**) Такovy имена—Адама, Эдема, Эдома и самой *Юд-ев.*

ведены выше). Если Туранизмъ кому нибудь можетъ служить упрекомъ, то слѣдами его, какъ результатами пройденнаго періода за одно и въ сношеніяхъ, то дружескихъ, то враждебныхъ съ Тураномъ, заражены одинаково предки *встаъ* Индо-европейцевъ (развѣ только меньше со стороны Галловъ) и предки «Южной» Чуди, обои одинаково двигавшіеся по Ирану и «составляшіе» собою тотъ давній Иранъ. Но они «кончили» кочевье, завершили религію и міеологію на ступени племеннаго броженія, они вернулись назадъ дружинами и эмбрионическими народами, они перешли въ Европу готовыми народами, для земства и земледѣлія, съ Зевсомъ, Юпитеромъ, Перуномъ, Однимъ, Торомъ и т. д. А Туранъ, въ лицѣ Туранцевъ, какъ потомковъ Удамъ, остался въ кочевьѣ и навсегда закружился въ немъ, уклонился отъ благаго воздѣйствія, хотя бы чрезъ отношенія враждебныя, со стороны высшей расы Иранской (и въ ней Арійской), предопредѣленной своими задатками во главу историческаго развитія, огрубѣлъ, смѣшалъ и слилъ въ безобразную массу зачатки духовныя, удержалъ навсегда рѣчь «слитную» и недошелъ до организма «языка», обреченъ былъ на главную роль въ *Азіи*, предупредѣленъ на неудачи въ другихъ частяхъ свѣта, какъ ни блестящи его завоеванія тамъ, кончавшіеся и кончающіеся позоромъ. Отселъ опять новая ступень въ судьбахъ этого племени и быта: взоры его обратились прежде всего на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ Азіи, гдѣ размѣщались расы, *нисшія* его и по натурѣ, и по задаткамъ, и по развитію, какъ пища его завоеванію и водворенію, пища для его энергіи, для воплощенія его способностей и цѣлей. Какъ всегда и всѣ завоеватели, *клиномъ* врѣзались Туране того типа и періода между «Сѣверною» Чудью, доселѣ занимающую Сѣверо-Западъ, Сѣверъ и крайній Сѣверо-Востокъ нашей Сибири, и между *Монголами* (при всѣхъ смѣшеніяхъ, наиболѣе чистые потомки Удо-Туранъ, *Як-уты* *) остаются даже доселѣ *клиномъ* между другими, въ самыхъ топографическихъ очертаніяхъ Азіатской географіи). Началась помянутая эпоха то покоренія, то воздѣйствія бытоваго и моральнаго, то браковъ, то распространенія кочеваго скотоводства и религіи, извращенной до шаманства, впоследствии же уступившей Исламу, то собиранія въ полчища и предводительства для новыхъ завоеваній, спускавшихся и къ Югу, и внутрь Китая, и разными путями въ Европу. Результатомъ были—*подъемъ* «Сѣверной» Чуди и Монголовъ *по ту и другую сто-*

*) Это точь въ точь одинакое названіе съ помянутымъ *А-к-к-Адомъ*.

рону, въ *центр* же *питаніе* типа Удо-Туранскаго силами Чудскими и Монгольскими. Послѣ движенія Аріевъ, Иранъ и Арабовъ, всѣ завоеванія и завоеватели, всѣ вторженія, опустошенія и погромы, простиравшіяся по Азіи и проникавшія въ Европу, а за тѣмъ и въ Африку, всѣ отсюда и изъ этихъ началъ; отъ Скивовъ и Гунновъ по длинному ряду до Мадьяръ и до Татаръ съ Турками, всѣ отсюда ведутъ свою прямую родословную, болѣе или менѣе точную и подробную, но во всякомъ случаѣ несомнѣнную. Для насъ ближе и нужнѣе вспомнить, что это *централизующее* племя, которое грубо смѣшиваются иныя съ Монгольскимъ, а обозначаютъ неопредѣленно — одни «Туранскимъ» (по его давней роли относительно Ирана), другіе «Алтайскимъ», третьи «Скивскимъ», четвертые «Сѣверно-Азіатскимъ», пятые—по происхожденію—«Удскимъ», шестые—«Татаро-Турецкимъ» (по отродившимся «позднѣ» вѣтвямъ, о чемъ и мы ниже), седьмые—для краткости — просто «Сѣвернымъ» (отличая впрочемъ при этомъ отъ «Сѣверной» Чуди, какъ отъ «Гиперборейнъ») и т. д., это племя *по одну сторону* непрерывно вбирало въ себя или покоряло «Сѣверную» Чудь (какъ Водь-Вогуловъ, Остяковъ и т. под.), съ *другой* одинаково *Монголовъ*, образуя изъ всего этого, въ собственномъ своеобразномъ *центръ*, *корпусъ* и *типъ* совершенно особый, главный, передовой, *покрывавшій* пришлые и воспринятые элементы, срединный и, *отъ себя уже*, отъ своего *средоточія*, вновь дѣлившій разныя группы и вѣтви, быстро и обширно возраставшій. Формациі племенные, отсюда возникавшія, разнообразны: въ однѣхъ ближе къ Монголизму, въ другихъ къ Чуди, въ однѣхъ нѣсколько уступаетъ, въ другихъ подавляетъ главный типъ, нюансы быта склоняются къ дикости и звѣроловству, кочевое скотоводство граничитъ съ воздѣлываніемъ земли и разведеніемъ растеній, тоже и въ цвѣтахъ кожи, чертахъ, жилищахъ, обрядахъ и обычаяхъ; но равновѣсіе все-таки сдерживается центральной, неистощимою силою, такъ сказать кружащеюся (какъ у всѣхъ кристаллизованныхъ кочевниковъ), повторяющеюся, но не исчерпаемою и какъ будто вѣчною въ своей энергіи.

Обрисуюемъ въ двухъ-трехъ чертахъ этотъ *типъ маонный*. Онъ въ корнѣ Кавказскій, его рѣчь во множествѣ корней одинакова съ Аріискою и начинается дѣлиться лишь съ эпохи «быка», «рогатаго скота» и «коня» *), и только послѣ этой эпохи теряетъ способность

*) Эпоха эта или, лучше, двѣ эпохи, ибо «конь» нѣсколько позднѣе первыхъ началъ «рогатаго скотоводства», весьма опредѣленны въ Этнологіи, Археологіи и вообще въ области «домсторической древности».

«организма» *). Древность его началъ восходитъ къ 3-му — 4-му періоду Общаго Племена (Urstamm), не моложе. Судя по многимъ слѣдамъ, раса эта имѣла нѣкогда отцвѣтъ красноты, но въ спеціальности своей давно выработалась до высокой Кавказской *близны* и не смотря на всѣ послѣдующія видоизмѣненія, остановилась на ней; лишь отчасти пожелтѣла въ формаціяхъ, смѣшанныхъ съ Монголами, что, отпечатлѣлось въ нисшихъ массахъ встрѣчающимся отекомъ лица и желтоватой смугловатостью на Сѣверо-Восточномъ краю Азіи, особенно же въ Инуитахъ; въ этомъ отношеніи и солнце Африки, и тамошняя пестрота расъ, и чернота, не подорвали *близны*, при благоприятномъ воспитаніи снова высоко поднимающейся. При всей смѣси съ «Сѣвальною» Чудью, раса далека отъ бѣлыхъ и льняныхъ волосъ: она по преимуществу русая, въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ даже черноволосая и съ остаткомъ кудреватости (замѣтной въ бородѣ; голова — по принципу и нынѣшней религіи бритая). На значительную долю это ортогнаты (съ прямо спускающеюся, не выдвинувшейся челюстью) и даже частію длинноголовы; скулы не выдаются такъ, какъ у Монголовъ. Носъ по большей части прямъ и напоминаетъ иногда Кавказъ, переходя въ орлиный. Глаза не велики, не растянуты, очертанія ихъ часто красивы, взоръ быстръ, подвиженъ, пронизателенъ, при грубости нѣкоторыхъ вѣтвей хищнической; по цвѣту, глаза есть и сѣрые, то больше каріе, а порою также съ густотою до черноты. Ростъ нынѣ господствующій средній: то удивлялъ высоту въ Удахъ—великановъ и въ отрываемыхъ скелетахъ ихъ, а спустя много вѣковъ удивлялъ Русскихъ въ Татарскихъ богатыряхъ. Представители по большей части длинносицы, сухощавы и поджары, выносливы, воздержны, но во всемъ способны къ экстремамъ и круто переходятъ отсюда въ забытую за болѣе позднее время одутловатую толстоту, въ распущенность и упоеніе сладострастія, хотя опять готовы воспрянуть и отсюда; при счастливой обстановкѣ холятъ и нѣжатъ себя, становятся полнокровны, круглолицы, даже румяны — какъ бары, господа; тогда они и щеголи, вѣтрены и расточительны. Чистоплотнѣе большей части Азіатцевъ по натурѣ, а въ послѣдующемъ Исламѣ черезъ-чуръ уже охочи до омовеній. Нѣкогда они подавили въ себѣ Хамитизмъ, но постепенно втягиваясь въ Исламъ, воскресили Хамитизмъ во всей силѣ, хотя въ обновленныхъ формахъ, такъ что нынче можно сказать о нѣкоторыхъ вѣтвяхъ ихъ,

*) Т. е. не подымается до организаціи, останавливается на явленіи *организма* неполнаго.

что это послѣ Негровъ—болѣе грубыхъ, Хамиты самые развитые и дресированные. Выдвигаетъ ихъ по преимуществу необъятная *энергія*, не исчерпаемая и флегмоу, въ которую они впадаютъ, какъ бы переживая поры, когда броситься и устремиться (такова натура многихъ звѣрей); извѣстна ихъ храбрость и способность возвышаться до геройства: но имъ одинаково не стыдно и бѣжать съ позоромъ; умѣнье выжидать, хитрость и лукавство замѣняютъ у нихъ развитіе умственныхъ способностей; они склонны и къ мечтательности, даже къ поэтической, но не къ познанію и не къ наукѣ; веселость и развязность ихъ скрываютъ за собою прославленное предательство и равнодушный обманъ—какъ ни въ чемъ не бывало. По инстинкту своего давняго и высокаго происхожденія, по наслѣдованной привычкѣ поведѣвать полчищами, завоеванными странами, племенами и народами, они по преимуществу, рѣшительно болѣе всѣхъ другихъ, въ глубинѣ души сознаютъ себя владыками всего и всѣхъ, по крайней мѣрѣ предопредѣленными; и такими являются, и самыя неудачи ихъ не разувѣряютъ: это баре и господа по призванію и убѣжденію; ихъ искусство подчинять себѣ и властвовать неподражаемо; они съ самаго перваго раза франируютъ и долго потомъ отпонируютъ, даже самихъ Индо-европейцевъ и Европейцевъ вообще; Южные Славяне, при всей личной храбрости, падали и терялись передъ ними, часто изъза пустаго; наши князья унижались предъ ними безъ особенной нужды. И только стойкій, преимущественно быстрый и неожиданный отпоръ ставить этихъ господъ самихъ въ тупикъ, заставляя однако обдумывать хитрыя мѣры для *новаго* завоеванія. Житье чужимъ и готовымъ, а потому завоеваніе и покореніе глубокимъ инстинктомъ гнѣздятся въ крови ихъ: они чуютъ въ минуту, гдѣ пожива и слабость, и, если не своруютъ, не ограбятъ, то съ полнымъ величіемъ отнимутъ. Это носители «бѣлой кости», благороднаго происхожденія и наслѣдства: ни у кого не было внутри столькихъ князей,—каждый родъ имѣлъ такихъ и выставлялъ, кочевой бытъ непрерывно отрождавъ и готовилъ: больше, чѣмъ сектантовъ и мыслителей въ Индіи, искусственныхъ мудрецовъ, мандариновъ въ Китаѣ, докторовъ ученыхъ въ Германіи. *Имя* племена и народы по необходимости они терпятъ рядомъ съ собою, если не успѣли покорить: но въ душѣ презираютъ, ждуть лучшаго и никогда не помирятся съ равноправіемъ. Любопытная особенность: какъ у Ляховъ (Польскихъ древнѣйшихъ «Леховъ») и Шляхты, у нихъ, и кажется у двухъ только этихъ вѣтвей, такой твердый, упругій, прямой, иногда жирный и толстый затылокъ.

Въ язычествѣ они-то придали всего болѣе энергіи шаманству, до безграничнаго экстаза, хотя столь же скоро и охлаждавшагося; къ буддизму же не склонные и недовѣрчивые, ибо онъ въ своей лучшей формѣ заставлялъ мыслить, а ламанизмомъ погружалъ во флегму и мирную торговлю, они только *допускали* буддизмъ и только въ тѣхъ своихъ въ формаціяхъ, которыя связаны съ *монотизмомъ*: но въ центрѣ своего типа, не чувствуя къ буддизму привязанности, терпѣли сначала *всякую вѣру*, притомъ вовсе не по уваженію къ ней въ другихъ, а по презрѣнію или равнодушію, какъ явленію, не мѣшавшему ихъ главной задачѣ; такими явились они сначала и къ намъ. Воспріятіе Исламизма возродило въ нихъ силы и черты всего ихняго прошлаго: здѣсь шаманы воскресали въ дервишахъ, ламы въ монастыряхъ, буддійскіе аскеты и мыслители въ софтахъ, давній хамитизмъ въ новыхъ усовершенствованныхъ формахъ. Разъ отдавшись Исламу, они явились самыми рьяными его приверженцами и *первыми* представителями, оставивъ за собою и старшихъ отцовъ этого культа—Арабовъ. Всего больше пришелся онъ по мѣрѣ и къ кочевью, и къ племенному характеру. Разбираемый нами типъ есть типъ *кочевой по преимуществу*: въ устройствѣ его шатровъ, орды, стана, скотоводства—самый вѣрный образъ кочевья, нѣкогда общаго всѣмъ, ибо кочевье *остановилось здѣсь навсегда*, просвѣчивая сквозь кристаллизацию всѣ внутреннія черты и формы конфигураціи, нѣкогда общія, по самымъ терминамъ, однаково и всѣмъ былымъ Аріямъ. Въ кочевомъ же устройствѣ Уды-Туране превзошли и всѣхъ кочевниковъ старшихъ, напимѣръ Хананитовъ и Арабовъ и всѣхъ младшихъ: кочевье вводили они всюду, куда проникали, съ кѣмъ смѣшивались, между племенами, дотогѣ его незнавшими, какъ напр. Монголами, и между тѣми, которые давно вышли изъ него, какъ напр. Славянами; этихъ послѣднихъ они поднимали съ мѣста, переселяли, гоняли взадъ и впередъ, заставляли создавать украинны, хайдуковъ, гусаръ, козачество. По типу и развитію говоримъ, они истые кочевники: но и кочевье чрезъ нихъ приобрѣло оригинальный, не бывалый дотогѣ типъ. Сообразно первобытному Кавказу (съ его *туромъ* и *тавромъ*, смѣнившимъ еще старшаго «тигра», изъ эпохи звѣроловства), сначала они завлечены были «рогатымъ» скотомъ и въ параллель прочимъ Кавказцамъ, въ томъ числѣ Ираномъ, подняли до религіи и мифологіи значеніе «быка», въ особенности мѣстнаго—*Яка*, *Якка* (съ суффиксомъ въ именительномъ *Ак-с Як-с*), столь своеобразнаго и извѣстнаго по всему Турану и его помянутой линіи, вплоть до Тибета: у Иранъ впервые явился (и довольно на долго

удержался) въ высокой роли «конь»: при вѣковой жизни смежной и при взаимности борьбы, представители Турана приняли «коня» и отдались ему, такъ сказать, присяжно, соединивши имя его и съ собственнымъ архаическимъ именемъ Атовъ, Адовъ и Удовъ *). Иранцы современемъ умѣрили въ себѣ эту привязанность, особенно ихъ вѣтви, перешедшія въ Европу и спѣшившіяся; другія были, такъ сказать, кочевниками и переходжими людьми «водяными» по водѣ, какъ Эляны, Финикіане, наши предки—Венеты и Анты. Большинство же Европейцевъ постепенно «спѣшилось», въ томъ числѣ Славяне и особенно Великоруссы, въ важныхъ случаяхъ, даже въ битвахъ, спѣшившіе съ коней и бросавшіе (по лѣтописямъ) даже и «сапоги». Напротивъ, разбираемый нами типъ—*конникъ* по преимуществу, конь для него все, безъ коня онъ ничто (послѣдующая пѣхота, напр. Турецкая, возникла уже по образцамъ Европейскимъ и отсюда привела силу). И Арабъ, какъ ни далекъ въ этомъ дѣлѣ все-таки отсталъ, ибо ему главное лошадь «верховая», скакунъ, надѣлившій породу Европу: для наслѣдниковъ же Удовъ и Туранъ необходимъ не только дикій табунъ, но и цѣлое «стадо», отсюда его товаръ, перевозъ шатра, выдѣлка одежды и предметовъ хозяйства, лучшая пища и исконное питье. Послѣ Иранскихъ Аланъ, Сарматовъ и т. д., все же къ концу спѣшившихся, распространена и обновлена порода лошадей, развита конница всѣхъ видовъ (она же носить и Восточное названіе—*уланъ, усаръ*) и возобладала конская ѣзда, а въ заключеніе наши козаки, бывшіе нѣкогда мореходцами или пѣшими войсками, засѣли всѣ на коней чрезъ постепенное вторженіе и прямое воздѣйствіе Восточниковъ разбираемаго типа. Своеобразный бытъ, въ тѣсной связи кочевья и Ислама окрѣпъ: не повторяемъ уже о затворничествѣ и «гаремѣ», занятомъ первоначально у Иранцевъ, а въ имени изъ общей рѣчи (—очагъ, горимое—матеріалъ горѣнія), но доведенномъ до небывалаго господства и невиданной исключительности, опять далеко превзошедшей Арабовъ. Весь міръ поплатился этому «возобновлен-

*) *Ах-Ях*—перешло въ названіе становъ, урочищъ, рѣкъ, героевъ, липъ, божествъ: *Яхъ, Яковъ, Ахъ, Аксанъ—Асканій, Ар-ахъ, Ях-артъ, Акс-ай, Ак-моль*, и тысячи другихъ, а позднѣе у Аріевъ на самаго «коня» (первоначально ѣздили на волахъ *ах-и-из, ях-ати, ях-ать* и т. д.; *ах* и *ад*—«конь», и въ этой формѣ на тысячу ладовъ закрѣждено у Адовъ—Удовъ. Распространенное у нихъ имя *Ах-с-ахъ* есть редупликація, удвоенная форма=сильный герой божественный по происхожденію=*divus*, греч. *діос*, наше старое—*дѣй*, «дѣй Игорь» (это связывалось и съ *дѣвою*),=*буи-туръ, ях-туръ, кем-тавръ* (конс-быкъ), откуда и «*боа-тыръ*», и геройское имя *Ар-туръ* и т. д.

ному» гарему своими дѣвушками и женщинами, весь міръ въ лицѣ ихъ былъ поработенъ и, за красоту своихъ дочерей и женъ, за чувство красоты, высоко развитое въ потомкѣ Кавкасскаго типа, удѣлилъ ему волей-неволею значительную долю своей крови. Заключенъ гаремникъ не выдавалъ другимъ своего сокровища, ни дочерей, ни женъ изъ заперти и священнаго крова (развѣ обветшавшихъ, но «своимъ» же); браки, чрезъ которые проникли къ нимъ кое-какія Татарскія черты, совершались позднѣе—выходами и выѣздами къ намъ цѣлыхъ семей, крестившихся: Восточникъ лишь «бракъ» и обращалъ въ свою пользу, въ свою плоть и кровь, въ свой племенной типъ: мужчины были на его сторонѣ и на его же сторонѣ господство выработаннаго, «собственнаго» типа; не только относительно Чуди и Монголовъ, относительно даже всѣхъ Индоевропейцевъ Восточники разбираемаго типа сдѣлались *типомъ* и *племенемъ промежуточнымъ*, между Европою и Азіей, между Азіей и прочими частями свѣта, съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая прежде сказанное, еще яснѣе понимаемъ мы теперь, что при такомъ порядкѣ вещей *не могло* быть воздѣйствія на «браки» и на «свадьбы», вмѣстѣ связанные съ нимъ, на наши обряды и законы свадебные: мы къ себѣ не принимали невѣсть, обряженныхъ по Восточному и Магометанскому, а изъ того, какъ у насъ похищали и увозили, конечно «закрывши», для сбереженія и утайки краденаго, для дороги чрезъ степи и воды, мы не могли извлечь себѣ назидательнаго *урока съ подражаніемъ*: да мы конечно по большей части этого процесса и не видали; «крестившіеся» же не могли повторять обычаевъ «бурсурманскихъ».

• На томъ же порядкѣ вещей основывалось у разбираемаго нами типа громадное, ни у какихъ другихъ племенъ и народовъ не практикованное въ такой степени, дѣленіе на *группы* и непрерывное возрастаніе *мелкихъ* группъ въ *крупныя*, постепенно въ свою очередь обособлявшіяся, и также дѣлившіяся: частицы крови чрезъ женщинъ (какъ называется у «народовъ» — «по кудѣли и пряслицѣ») входили непрерывно въ кочевниковъ отовсюду, не настолько сильныя, чтобы «подорвать» или уничтожить типъ, но достаточно способныя, чтобы плодами его, видоизмѣнять, разнообразить новыми и новыми группами. Въ этомъ и различіе отъ «народовъ»: группы, о которыхъ говоримъ, это группы съ неорганическимъ сцѣпленіемъ, хотя и съ общимъ главнымъ типомъ; движеніе ихъ въ процессъ не прекращается, но и не вырастаетъ отсюда ни единого «народа», ни нѣсколькихъ «народовъ», а напротивъ — ежеминутно все стремится къ центру и все снова разлагается, и центростремится, и центробѣжитъ; въ этомъ

и состоитъ типъ «кристаллизовавшагося» кочевья съ его родовымъ бытомъ, столь противоположнаго народу съ семьею, какъ степь и перегонное скотоводство противоположны землѣ и земледѣлю земства, это вращеніе въ безъисходномъ кругѣ, процессъ физическій и матеріальный, безъ той цѣли, которую онъ нѣкогда имѣлъ, которой достигъ въ «семьѣ, народахъ и земствѣ», но которую потерялъ изъ виду навсегда въ отставшемъ отъ общаго и центрального процесса кочевья застарѣломъ. Тѣмъ самымъ яснѣетъ, какъ день, что такая нисшая, запоздавая, отставшая формація, хотя бы напирала захватомъ, всегда вѣрна себѣ: не другимъ что либо даетъ она, не другихъ реформируетъ, не другимъ служить образцемъ, а себялюбиво все занимаетъ и отнимаетъ, претворяя въ себя; насильно взять, но ничего не дать—вотъ ея лозунгъ; не намъ перенимать, а имъ насъ высасывать—вотъ была норма и задача. Такъ именно, съ своей стороны, и Евреи, по недостатку или недугу, который не побѣжденъ еще въ ихъ племени, по недостаточному равновѣсію своей нисшей народности съ народностью Аріевъ или Индо-европейцевъ, поставлены въ положеніе эксплуатаціи, въ невольное, лучшимъ ихъ лицамъ и самимъ ихъ давнимъ законамъ противное, высасываніе чужаго достоянія не равномѣрными средствами; такъ точно, слишкомъ долго живши бродячими дружинами и слишкомъ поздно сложившись народомъ, запоздавши у «раздачи долей»—особенно въ «землѣ», предки Германцевъ относились къ земледѣльческому и широко землевладѣвшему Славянству, да и понынѣ потомки ихъ эксплуатируютъ Славянъ постоянно, умственно, научно и словесно, на пути къ отнятію территоріи и средствъ народной жизни; Восточники же разбираемаго типа, какъ «племя изъ Племенъ» и всего меньше «народъ», соединили у себя *всѣ* виды эксплуатаціи, отъ грабежа достоянія и отъ пролитой крови, до похищенія крови черезъ женщинъ. Нѣтъ почти уголка въ Старомъ свѣтѣ, куда бы они не проникли съ сими цѣлями, изъ которыхъ «завоеваніе» одна только частность или внѣшнее средство: и нѣтъ элемента, до соковъ, крови и мозга, которымъ бы не пожинились отовсюду. Говорятъ о «всеобщихъ плодахъ цивилизаціи», наследственно всѣмъ открытыхъ, всѣмъ предлагаемыхъ; говорятъ о «заимствованіяхъ», естественныхъ и освященныхъ обычаемъ: и все это можно приложить только къ подлиннымъ «народамъ»; все это видоизмѣняется, и нерѣдко въ *обратную* сторону, при вопросѣ о «племенахъ». Лишь безотчетно можно было сочинять Духинскому, мечтать Полякамъ, высокомѣряться Восточникамъ Венграмъ, восхищаться Портою Семитамъ биконсфильдамъ: вопросъ о «чистокровности», о

чистотѣ и помѣси расѣ введенѣ нами въ разсмотрѣніе не даромъ, чрезъ него оказывается все въ иномъ свѣтѣ. Типъ, который мы вывели, не частность, не сухая спеціальность школы и профессуры, не уакое примѣненіе къ одному «Монгольскому игу» или свадебнымъ обрядамъ: онъ міровой, входящій во всю исторію племенъ и народовъ, уясняющій большинство явленій жизни современной. Это болячка, нарывъ, забирающій въ себя соки цѣлаго міроваго тѣла, портящій въ себѣ кровь и кровообращеніе полнаго организма; и благо еще, если онъ ввдулся, обозначился, опредѣлился однимъ мѣстомъ: вотъ великое значеніе появленію его нѣкогда на Руси, вотъ судьба его, когда онъ сосредоточился въ Золотой Ордѣ. Именно, все обаяніе и вліяніе, вся роль такого типа важны и губительны тогда лишь, когда типъ, живымъ существомъ, растетъ издали и нечувствительно, когда онъ близится и настагаетъ—ордоу, кочевьемъ, насилиемъ, нахлынувшюю массою, какъ Батый со своими кибитками и ржаніемъ конскихъ тысячъ: когда же онъ опредѣлился предъ взоромъ сложившагося «народа» и укрьпившагося «государства», когда въ него всмотрятся и оцѣнятъ его народы, политическія лица,—обаяніе кончено, исчезаетъ и страхъ; когда онъ осѣлъ на одномъ мѣстѣ,—начинается надъ нимъ операція; когда онъ напитался «народомъ», къ которому прикоснулся, судьба его рѣшена; губительны орды и ихъ наплывы, — Станбулъ съ европейскимъ устройствомъ обреченъ на гибель; остается лишь дѣло времени, насколько народъ сочтетъ часы для подчиненія ему пришельца, насколько пришелецъ отсрочить служеніе племени народу, а государство уравнивать ихъ отношенія.

Продолжая разсмотрѣніе типа, видимъ далѣе, что они, хотя и промежуточные по происхожденію и принципу, всего ближе къ *Сѣверной Чуди* по одну сторону, къ *Монголамъ*, по другую: это близость пищи и желудка, жертвы и звѣря; типъ этимъ матеріаломъ *пробавлялся*, и *пробавляется* до сихъ поръ. Что до прочихъ племенъ и народовъ, то довольно равномерны и уживчивы его отношенія къ Семитамъ, благодаря Исламу, связанному въ началахъ съ Еврействомъ и водворившемуся у Арабовъ, а еще больше благодаря догматическому обряду обрѣзанія: и эта связь очень древняя (уже Малак, крайне рано, вынесли изъ общаго союза племенъ этотъ обычай въ свои поселенія); доказательствомъ, кромѣ Аравіи и Африки, Афганистанъ, гдѣ ширятся племена и зачинавшіяся народности, равно и Удскія, и Семитическія; доказательствомъ самое имя *Иудеевъ*, занятое

отъ *Удовъ*; наконецъ доказательствомъ Іудействовавшіе Хозары *). При всей кажущейся разности, между обоими племенами есть пункты сближенія и кромѣ религиозныхъ преданій: это «неододѣланные», «недоработанные народы», слишкомъ отягченные племенными инстинктами, и слишкомъ запоздавшіе, чтобы вырѣть полнымъ «народомъ»; послѣдовавшій разбродъ Евреевъ аналогиченъ съ кочевьемъ и его завоеваніями; пользование другими и сознаніе господскаго призванія идутъ сюда же, хотя умственные и художественные таланты Евреевъ неизмѣримо выше совѣтниковъ Удскихъ. Но, въ ту же мѣру, послѣ столкновенія на Кавказѣ и долгой борьбы въ Турано-Ираѣ, непримиримость съ Аріями вошла глубоко въ типъ, насъ интересующій: сверхъ мести, это вражда «племени», даровитаго и завоевательнаго, къ успѣшно и зрѣло сложившимся «народамъ»; если Славяне болѣе всѣхъ Индо-Европейцевъ приняли и принимаютъ на себя удары, то это причина и признакъ,—они наиболѣе «народны». Занятые нѣкогда края и потомъ потерянные не забываются племенами и, чѣмъ старше была эта эпоха, тѣмъ память глубже, ибо *мѣсто* и *земля* въ отдаленной древности были всего дороже,—съ ними соединялось развитіе въ «народѣ» и упроченіе народности; стремленіе *вернуться* на прежнее мѣсто, *месть* вытѣсненнымъ никогда не покидаетъ въ послѣдствіи: самымъ яркимъ доказательствомъ Месопотамія, поприще былого развитія Общаго Племени, куда всѣ разошедшіяся вѣтви, сколько нибудь крупныя, усиленно старались вторгнуться вновь, вновь тамъ зажечь и отметить вытѣсненнымъ. Потомки Удовъ отметили достаточно Египтянамъ, вытѣсненнымъ ихъ съ Юга Европы и нынѣшней Россіи; водвореніе здѣсь Славянскихъ предковъ; послѣ споровъ на Кавказѣ и Туранской линіи, перенесло *наслѣдственную* вражду Удовъ на Славянъ; и этотъ край считался *наслѣдственнымъ* и задача завоевать его сдѣлалась непрерывнымъ *наслѣдствомъ* для Восточниковъ Скифовъ, за ними для Гунновъ, потомъ для Абаровъ, Хозаръ и такъ далѣе, рѣшительно по всему ряду передовыхъ Туранцевъ, какъ ни смѣнялись они и какъ ни были различны формаціями. Такъ щекотливы инстинкты племенные, воспитанные издавна, такъ чутки въ этомъ отношеніи племена и даже народы со стороны своихъ племенныхъ элементовъ: мы согласились даже признать это извѣстнымъ «недостаткомъ» у народовъ, какъ своего рода «пристрастіемъ», а выводили изъ того не-

*) Выходцы Афганистана и ближайшіе къ Турану по племени, но по вѣрѣ Іудей.

обходимость политическихъ формъ. Потому, замѣтимъ кетати, неосторожное обращеніе Русскихъ съ Польскою народностью, притязанія Поляковъ относительно народности Русской и возведеніе ихъ въ теорію Туранизма, послѣдованіе тому же принципу, хотя и бессознательное, со стороны Малоруссовъ,—это все такія опасности, которыя необходимо устранять какъ можно скорѣе разъясненіемъ недоразумѣній и точнымъ по возможности знаніемъ. Такъ, между прочимъ, съ означенной выше точки зрѣнія, Великая Русь для Восточниковъ была вначалѣ вовсе *не целью*, а лишь *переходнымъ путемъ на Югъ* *), и мы этого коснемся еще ниже: но они «сдѣлали» это цѣлью, многие остановились здѣсь и остались,—и это было гибелью для типа ихъ, спасеніемъ для будущей жизни въ общемъ и цѣломъ; они натолкнулись на «народъ», слишкомъ прочный, присѣли около него и—были расшибены; вопросъ остался лишь о томъ, сами они способны ли были примкнуть и исцѣлиться.

Ведя далѣе рѣшеніе заданнаго вопроса, прибавимъ, что сверхъ формаций ближе связанныхъ съ Монголами, представителями разбираемаго типа, наиболѣе выдающіеся въ наличности, таковы: со стороны архаической древности, помянутые Адыхи и Уды; со стороны существенной, а по мѣсту въ вершинѣ древняго угла, которымъ Туране врѣзались между Сѣверной Чудью и Монголами, доселѣ образцемъ цѣльнаго типа, въ его задаткахъ и чертахъ, сложившихся еще до Ислама, являются *Як-уты* (прямое соединеніе Яковъ и Утовъ подобно какъ первое появленіе въ Ажк — Адѣ подъ клинообразными письменами; рѣчь ихъ то же, что Санскритъ для Аріевъ; со стороны крайней алчности, хищности и оригинальнаго «кочевья» Киргизы («черные») и Киргизъ-кайсаки; со стороны близости къ Туранской линіи и бывшей здѣсь борьбы, съ наслѣдствомъ то рѣзкихъ отличій отъ Иранъ, то общихъ съ нимъ чертъ и элементовъ, таковы преимущественно Турк-мены или Турко-маны всѣхъ развѣтвленій, отъ Каспія до крайняго Туркестана, съ причисленіемъ сюда и Уз-бековъ или Хусовъ (Ghus) **); и Караколпаковъ, и прочихъ подобныхъ, равно какъ явно смѣшанныхъ съ древнимъ иранизмомъ, въ родѣ Таранчей или болѣе осѣдлыхъ Сартовъ; разумѣется сюда же относятся и нѣкоторые

*) Восточники съ начала у насъ даже не останавливались: и кто бы ихъ заманилъ въ лѣса, болота и холодъ, когда праѣдовское ихъ наслѣдіе—Скѣнія—обнимало богатый Югъ?

***) Имя, прѣстертое нѣкогда, гораздо раньше, чѣмъ уцѣлѣло при Узбекахъ, на всѣхъ «кочевниковъ»: *Хус-иты* и *Кун-иты* о чемъ выше.

вѣтви Афганистана (этого убѣжища на пути древнѣйшаго общаго кочевья, съ осадкомъ отставшихъ); не касаемся уже подобныхъ остатковъ на нынѣшнемъ Кавказѣ или Туранскихъ элементахъ въ нынѣшней Персїи. Но то, что наиболѣе выдалось изъ всей этой массы на пути къ народности, тѣ на которыхъ невольно сбиваешься при обрисовкѣ типа и которыхъ, не говоря о злоупотребленіи, наука почти готова бы назвать «народами» или же назвать «почти народами», это *Турки* и *Татары*.

Турки и *Татары*—несомнѣнно двѣ самыя выдающіяся и важныя формации типа, разбираемаго въ нашей статьѣ, отъ чего и все племя по ихъ имени называютъ иные «Турецко-Татарскимъ»; во многомъ это формации общія, и однако въ частностяхъ крайне различныя, а главное самыя сложныя. Обѣ онѣ съ одинаковымъ правомъ возводятъ себя къ общему началу *Удовъ* или *Утовъ*, обѣ восходятъ въ древности до *Гунновъ* и нѣсколько ниже *Гунновъ* спускаются по одинакой лѣстницѣ; обѣ на извѣстную пору именуютъ себя сестрами или братьями (по олицетворенію родоначальниковъ) и, только съ половины пути, начинаютъ рѣзко раздѣляться. Одно названіе, какъ напр. *Турокъ*, и даже соединеніе съ нимъ первобытныхъ стихійныхъ элементовъ рѣчи, племени, быта, какъ ни важно, не даетъ объясненія для всей послѣдующей исторіи. Сближаясь съ огульнымъ именемъ *турана*, но имѣя и свою линію словопроизводства, и значеній, исходить оно конечно изъ помянутаго *тура* и *тара* «первичной» эпохи Кавказской *, но проникаетъ и въ названіе самыхъ разнообразныхъ племенныхъ вѣтвей, какъ напр. *Турреновъ* или *Турреновъ* вѣтви параллельной Финикїянамъ (послѣдующіе *E-trusci*, *He-trusci* или *He-tursci*), отсюда же *Тусковъ* въ Италиі, *Тосковъ* въ Албаніи, *Тосковъ* и *Тусковъ* между «дикими», *Ага-турсовъ* и *Туран-гетовъ* на Югозападѣ, противуположныхъ *Тусса-гетовъ* или *Турса-гетовъ* на Сѣверо-Востокѣ нынѣшней Россіи, *Тавро-скиотовъ*, *Тавриевъ* изъ древнихъ Галловъ и Славянъ. *Тироль* или *Туроль* (*Tyrol*) и *Туринтовъ* въ областяхъ нынѣ Нѣмецкихъ, нашихъ *Туровцевъ* или *Тиверцевъ* (съ ихъ колоніей—*Тъверью*), наконецъ на *Туркомановъ* помянутыхъ *Тюрковъ* (какъ принято называть всю вѣтвь) и самихъ нынѣшнихъ *Турокъ* и

* Имя это возложено, кромѣ звѣрей и прирученныхъ животныхъ, на рѣки напр. *Турасъ* или *Тирасъ*—Днѣстръ *Tiberis* и т. п.; на горы—*Таеръ*, *Тагрида* и т. п.; на бытъ кочевой—*таборъ*, *товаръ*—шалашъ и предметъ торговли, (*tabernaculum*); на божества—*туръ*, *торъ* и т. п., на героевъ—«буй-туръ», *Яръ-туръ* и т. п., на лица—*Артуръ*, *С-туръ*, *О-турро*, *С-тавръ* и т. п.

т. п. и т. д. Еслибы всё эти названія, не смотря на безспорную ихъ связь, отождествлять съ особыми племенами (забывая *общее* происхождение, переносимое слѣдами на всѣхъ), еслибы всё эти вѣтви племенные связать, хотя связь ихъ до извѣстной степени и уловима, но потомъ перенести на *Турокъ*, сосредоточивши здѣсь какъ на преемникахъ, и прямыхъ наслѣдникахъ то Турки, имѣли бы генеалогію во всемъ мірѣ, а родство гораздо обширнѣе, чѣмъ достигли они похищеніемъ женщинъ въ свои гаремы. Между тѣмъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ изъ указанныхъ архаическихъ племенъ сего рода, нынѣшніе Турки, изъ ближайшихъ, по времени и мѣсту, соименниковъ и родичей, имѣютъ слишкомъ много различія даже и отъ Туркменовъ, различія «историческаго», при всемъ главенствѣ одинаго общаго типа. Даже послѣ параллельной линіи съ развитіемъ Татаръ и послѣ Гунновъ, Турки проходятъ еще *десятки* ступеней племеннаго смѣшенія, и въ средѣ Уйгуровъ, и Узбековъ, Текэ и Тукивъ, и собственныхъ Туркменовъ, потомъ Сельджукровъ, пока доходятъ до Османлы, а оттуда до современнаго состава; на этомъ пути воспитались они, между прочимъ, и элементами Арабовъ и разнородными стихіями позднѣйшаго. «Персидскаго» Ирана; завоеванія ихъ вышли далеко за предѣлы Азіи и распространились уже изъ Европы по самымъ далекимъ краямъ, а мы знаемъ, что все это сопровождалось по типу «питаніемъ» племени; гаремы ихъ далеко превосходили прочихъ Азіатцевъ, опять примѣшивая отовсюду и всяческую женскую кровь; Европейцы и Славяне дали имъ плещу самую сочную, стоить напомнить однихъ Янычаръ, по преимуществу изъ Югославянскихъ дѣтей (не *ени-чаракоев*—по осмысленію слова, а Славянскаго имени—*войничаръ*); названія предметовъ, сколько ни будь выше кочеваго Азіатскаго быта, всё изъ Аріійскихъ корней и на половину Югославянскихъ. Ни одно племя въ мірѣ столько не подмѣшано и не фильтрировано черезъ другія, ни одинъ народъ не сложенъ изъ столькохъ, самыхъ разнородныхъ стихій. Мы замѣтили уже выше, что *отчасти* пригоденъ и проходится такой пмъ при созданіи «государства»: но подобная сложность «происхождения», какъ у Турокъ, растащила бы его на столько же нитей, сколько вошло племенныхъ элементовъ. Подавно никакой народъ «подлинный» изъ подобной амальгамы не появлялся на свѣтъ и не возможенъ; мы видѣли уже экономію міроваго процесса въ этомъ отношеніи, допускающую доселѣ много, если народы «вторичные», а всему остальному предоставляя лишь «группированья» вокругъ. Занимая изъ центра или приобщаясь ему. Между тѣмъ Турки, по типу ихъ, не способны приобщиться, какой-либо чуждой народности, а напротивъ

все затягиваютъ въ свою типическую формацію. Могутъ разобрать до конца ихъ фиктивное государство, сами,—если и прижмутъ къ какому, то черезъ него не сольются ни съ однимъ цѣльнымъ народомъ; единственная судьба ихъ—раздѣлиться по нѣсколькимъ государствамъ и при нѣсколькихъ народахъ вымирать по частямъ; это другой образной экстремъ «дикости», хотя и сопровождаемый одинакими результатами. Смѣшно же послѣ этого предполагать изъ нихъ переходъ свадьбы и ея обрядовъ», или чего либо «народнаго», къ кому бы то ни было, тѣмъ паче къ Славянамъ и Русскимъ: у Турокъ самихъ подобныя явленія представляютъ *смысь отовсюду*, но мимо уже Исламскихъ отличій—общихъ Исламу, не однимъ Туркамъ; каждое почти плѣмя, каждый народъ, въ случаѣ займа отъ нихъ, встрѣтится непременно съ чѣмъ либо «своимъ» во многихъ чертахъ, въ «общемъ» долженъ найти лишь «общее», отнюдь же не специальность Турецкую. Потому же самому и общее какое нибудь воздѣйствіе на плѣмя и народный бытъ чей либо вести отъ *Турокъ*—значить вести одинаково и отъ Иранъ и отъ Арабовъ, и Монголовъ, и Татаръ, и Гунновъ, и т. д., называть все это *Тюркскимъ*—разумѣя *Турокъ*—противно исторіи, этнографіи, современности; разумѣть здѣсь *Туркменское*—значило бы отличать отъ Турокъ; понимать подъ названіемъ *общее* всему *типу*—значило бы примѣнять имя ложное, ибо оно «цѣлаго» типа—по всему ряду ступеней—не заключаетъ, и не избѣжно пришлось бы *исключить* отсюда самихъ Турокъ, ибо они имѣютъ нынѣ пронасть особенностей; видѣть здѣсь все—лишь бы не *Татарское*, несправедливо, ибо Татары въ связи—и съ разнаго рода «Турками», и съ «Турками специальными»; отдѣлять здѣсь, въ результатъ; одно лишь наличное *Татарское* и *Турецкое*, это заставило бы позабыть корни Чудскіе Монгольскіе, а тѣмъ болѣе мелкіе, входившіе въ составъ; соединять въ одной связи *Тюрко-Монгольское*,—то же опять, что игнорировать *другіе* элементы, входившіе въ составъ типа *сверхъ* Тюркизма или Монголизма, а главное значило бы устранить отсюда Татаръ ближайшее звѣно двойной группы; представлять здѣсь существо конкретное и единое, какъ определенное, живое и наличное плѣмя въ оригинальномъ составѣ,—опять нельзя, такого *нѣтъ*; напротивъ, Турки всякіе и нынѣшніе Турки *менше* другихъ вѣтвей имѣютъ въ себѣ *Монголизма*; и т. д., и т. д. наконецъ въ особенности нельзя этого примѣнять къ *Россіи Великой*, къ *старшей ея эпохѣ* и къ періоду развитія *народнаго быта*, когда единственно и *могло* быть воздѣйствіе и откуда неосторожно берутся примѣры по памятникамъ творчества, уцѣлѣвшимъ обрядамъ и описаніямъ, якобы рисующимъ Турко-Монгольство: если, мы видѣли, къ

намъ отнюдь не проникали «подлинныя» Монголы, а черты ихъ, едва-едва достигая нашихъ странъ, фильтрировались черезъ *другія* группы племени, то *особое племя Тюрко-Монголовъ* вовсе *неизвестно науцѣ* и *нездано отъ нашей исторіи*; Турки же, развиваясь изъ какихъ-то отвлеченныхъ *Тюрковъ*, документально прошли путь своего развитія *отъ Азии*, минуя Европу, *Россію обогнули и отъ нее не заходили*, начали воевать и сноситься съ Русью Великой *поздно*, когда уже не было мѣста ни малѣйшему вліянію на преобразованія народнаго быта, притомъ *издали, съ юга, черезъ другія и ради другія*, особенно же *Татарь*. Такимъ образомъ, «Туранская» теорія и примѣненіе ея не выдерживаетъ на малѣйшей критики, а употребленный терминъ названія во главѣ ея не соответствуетъ ни какой реальности и дѣйствительности.

Татары восходятъ своимъ происхожденіемъ, чрезъ отдаленныхъ предковъ, къ помянутымъ Адамъ или Удамъ: когда послѣдніе вытѣснены были изъ Скиѳіи (нынѣшней Новороссіи и половины Россіи Южной), по Днѣстру, въ прилежащія громадныя горы съ пропастями и ущельями, горы получили имя *Татръ, Татры*. И это *старшее* ихъ имя: *Хрѣбты, Хрѣбаты*, т. е. «хребты», въ иностранной формѣ «Карпаты», явились съ симъ названіемъ позже, когда сюда, тѣснимые Волохами или Галлами, продвинулись предки Славянъ и во главѣ ихъ получили гегемонію предки Сербовъ, а у нихъ одна половина племени и имени, *Хрѣбаты*, слилось съ именемъ занятой гористой мѣстности. Но и послѣ уже разселенія здѣсь Славянъ, между ними, мѣшаясь племенемъ, долго еще оставались слѣды вѣтвей — и прямо Татарскихъ, каковы *Чернѣи Клобуци* *) нашихъ лѣтописей, прямой переводъ, даже одинакимъ, общимъ у Арійцевъ и Удовъ, корнемъ слова—*Кара-Катани*, и слѣды вѣтвей, изстари родныхъ и параллельныхъ Татарамъ, каковы, упоминаемые рядомъ и въ лѣтописяхъ, *Торки*. И дѣйствительно, имя *Та-тар* корня общей рѣчи, соединявшей нѣкогда и Удовъ, и Арійцевъ: это есть ничто иное, какъ «редупликація» или удвоеніе корня *тр*—, являющагося въ извѣстныхъ уже намъ наименованіяхъ—*тигръ, туръ* и *тавръ* (*тигръ*—именованіе «звѣря», «стрѣлы» и знаменитой рѣки Общаго Племена въ Месопотаміи; въ формѣ *туръ*, съ Кавказской эпохи, перешло оно отъ дикаго звѣря уже на прирученнаго животнаго, между прочимъ козла, греч. *тр-аг-ос*, а далѣе на *тавра* — дикаго быка и наконецъ

*) Смѣсь предковъ нынѣшней Южной Руси съ послѣдками Татаръ, смѣшавшаяся въ горахъ Татръ.

быка прирученнаго, съ послѣдующими волами, со старшею вѣдою на нихъ, воловьимъ возомъ и началомъ пашни волами же; о послѣдствіяхъ ср. выше). Это такое же удвоеніе, какъ въ Лат. *te-tig-i*, «натянуть», и въ нашемъ *те-тива*, которою «натягиваютъ» лукъ: имя орудія соединялось со звѣремъ въ эпоху звѣроловства, а послѣ перешло на звѣря прирученнаго—домашняго животнаго. Примѣнительно къ жизни «племенной», страна, противъ воли покинутая и бывшая «раемъ», по уходѣ изъ нея представлялась низшею, *подъ землю* («земля», какъ живое Земство, шла съ ушедшими, они и занимали ее налично: въ прежней же странѣ ихъ поселенія оставались кости—и души—ихъ предковъ, кладбище); вытѣснившіе враги представлялись «не людьми», а *чудовищами*; если удавалось вытѣснить и ихъ въ свою очередь, тогда они вольны были въ «своихъ» представленіяхъ, а взявшіе ихнюю землю представляли ее себѣ *верхнею* и *лучшею*, страну же ушедшихъ «*преисподнею со злыми демонами*». Такъ создалось извѣстно представленіе и имя *Ада*, которое совпадаетъ совершенно съ племенемъ *Адовъ* и *Удовъ*, боровшихся съ *Арійцами*, нерѣдко вытѣснявшихъ, но наконецъ и самихъ вытѣсненныхъ (*А-идъ*, какъ мѣсто невидимое» съ существами «невидимыми», совпадая совершенно значеніемъ съ вышесказаннымъ, «осмысленъ» уже позднѣю у Грековъ и привязанъ къ «новому» словопроизводству въ языкѣ «послѣдующемъ»; между прочимъ, какъ нынѣ доказано наукою, исторія *Ада* «воспроизведена» Еврейскими сказаніями именно изъ эпохи племени *Адовъ*, сравнительно-поздно, около 2000 лѣтъ до Р. Хр.). Отсюда же крайне давнее имя, уцѣлѣвшее у Латинъ—*tar-tarus* (опять въ «редупликаціи»), греч. *тάρ-тар-ос* и *тάρ-тар-а*, Славянское *тар-тар* наше *тар-тар-ары* (въ господствующемъ выраженіи—«въ тартарѣ, въ преисподнею»), опять Латинск. *te-ter*—гадкій, чудовищный, черный, и т. д. На извѣстной намъ древнѣйшей «линіи» борьбы, глядя со стороны Ирана, задняя часть Турана, то-есть на Сѣверъ. Сѣверо-Востокъ и въ глубь нынѣшней Сибири, получила то же самое имя *Та-таръ* или *Тар-таръ* (какъ помянуто, глубь Восточниковъ, вплоть до Китая, носила имя *Тартаріи* и такъ называлась у путешественниковъ, у ученыхъ, до конца прошлаго вѣка. Ущелья и пропасти *Татръ* удержали тоже имя и значеніе, особенно по Латинскимъ памятникамъ, для Византіи и Славянъ; Византійцамъ это былъ тотъ же «тартаросъ», выпускавшій изъ себя періодически массы нашествія, толпы завоевателей). Имя это, *общаго*, какъ сказали мы, корня рѣчи, совпадавшее и съ именемъ *Адовъ*, удержано и самимъ племенемъ, впоследствии съ бытовымъ уже значеніемъ—«вѣдокъ, на-

ѣздики, вѣстники (ср. выше о значеніи «коней»). Уже прежде и старше отрожденія вѣтви Турокъ въ Азіи, родословная знаетъ тамъ олицетворенныхъ родоначальниковъ *Татара* и *Монгола*, двухъ братьевъ близнецовъ (по Асленджъ-ханъ). Въ дальнѣйшей исторіи, отчасти уже нами очерченной при главномъ типѣ, Татарскіе предки, кромѣ смѣшенія съ Монголами и общей нѣкогда судьбѣ, или жизни съ предками Турокъ, имѣли одинаковое отношеніе и къ «Сѣверной именно Азіатской Чуди, и къ Киргизамъ, и, разумѣется къ Турко-манамъ или Турк-менамъ разныхъ видовъ. Чѣмъ старше, тѣмъ они меньше дѣлились; Турк-манъ же, имя, въ первой половинѣ достаточно уже намъ извѣстное по своему отношенію къ Турану и предкамъ Турокъ; во второй—имѣетъ корень такой же, общей нѣкогда, рѣчи: это знаменитый *Ману*, полубогъ и первобытный человекъ въ божественномъ образѣ, откуда послѣ у Аріевъ обыкновенный человекъ—*Манджу-джа*»,—рожденный отъ Ману, наше *мужъ* съ носовымъ звукомъ, *Манн*, и т. д.; примѣнительно къ вѣтви племень это значить «рука» или, что то же древле, «вѣтвь», *тан-ос*: имя *Манджу*—Манджуровъ—оттуда же, и вѣроятно того же происхожденія имя *Мадьяръ* или *Маджаръ*. Къ намъ Татары явились, группоюуже особенною и вѣтвию «отдѣлившеюся», довольно поздно для своей исторіи, но впервые для Европы и исторіи послѣдующей: именно съ *Юна*, побѣдивши Кавказскія полчища и сквозь землю Половецкую. Сообразно этому, въ первые времена нашествій, лѣтопись наша употребляетъ еще кое-гдѣ именованіе *Таур-мени*, мѣтко связывая тѣмъ выходцевъ съ основными ихъ корнями, съ Тавромъ и значительно Иранизованнымъ Тураномъ; да и нѣсколько позже, въ представителяхъ и лицахъ Золотой Орды, документально поднимавшихся иногда съ низовья Волги, мы по имени усматриваемъ близкое родство съ Турк-менами, а потому находимъ и особенность племенной крови весьма для насъ важную, именно—устраняющую перевѣсъ Монголизма. Вообще чѣмъ далѣе на Западъ отъ глубины типа, а по мѣсту отъ Китая и собственной Монголіи, тѣмъ мы открываемъ въ группахъ *меньше Монголизма*, но, обратно, чѣмъ глубже туда, къ ступени Тунгусовъ и Манджуровъ, тѣмъ *монголизмъ сильнѣе*, въ «Восточной» «половинѣ азіатскаго мѣстопребыванія. Согласно тому же, и старшая наша лѣтопись во все не выводитъ на сцену *Монголовъ*: это, съ самымъ именемъ, выводъ историческихъ «соображеній», болѣе поздній. Какъ бы то ни было, но относительная чистокровность Золотой Орды, по предыдущему нашему рассмотрѣнію, тѣмъ для насъ опаснѣе, а опасность устранилась, прежде всего и нагляднѣе, осадкою выходцевъ на «опре-

дѣленное мѣсто», существеннѣе же—опасность сокрушена послѣдующими судьбами и особенно новой «полтисью», новымъ смѣшеніемъ племени. Еслибы эта полтисъ, свойственно «чѣту», насъ занимающему, совершалась съ кѣмъ попало и отовсюду, какъ это впоследствии у Турокъ, намъ было бы все равно и не легче отъ вырабатывавшагося отсюда главнаго типа: но относительно *Татаръ* намъ важно было именно, съ *кѣмъ* они жѣшались, и эта *спеціальная* прихѣсь условляла собою особый характеръ нашествія, переселенія, водворенія. Уже наиболѣе «глубокія» и вдавшіяся въ монголизмъ вѣтви типа замѣтно смѣшаны были съ вѣтвями Чуди такъ называемой «Гиперборейской», нынѣ очутившейся на самомъ крайнемъ Сѣверо-Востокѣ Азіи и на островахъ, такими, какъ Юкагиры, Чукчи, Коряки, Алеуты и т. п. ближайшіе къ намъ, т. е. къ Западу и срединные въ Сибири, такъ называемыя «Сибирскіе» *Татары*, обособившіеся сильнѣе и уже съ сямъ определеннымъ именемъ во всѣхъ отдѣлахъ своихъ представляютъ значительное влияние или, лучше, поглощеніе Чуди, «Сѣверной», но все еще Азіатской (Остяковъ, Самовдовъ и т. п.). Это ступень, съ которой видимо началось отдѣленіе и обособленіе предковъ «Турецкихъ», на болѣе самостоятельную дорогу, въ отличіе отъ Татаръ. Вотъ все, что предки Турокъ унесли въ себѣ изъ Чуди и слѣдомъ чего осталось родство ихъ съ Уграми или Мадырами, раздувается нынѣ тенденціонно съ политическими цѣлями. Съ этой же грани начинается и преимущественное обособленіе Татаръ, въ жизни племеннѣ обыкновенно условленное измѣненіемъ «состава» и сопутственной переменною «страны.» Дѣло въ томъ, что, подобно преемникамъ Удовъ, да и всѣхъ крупныхъ племенъ и народовъ (какъ скоро по чему либо наступавтъ эпоха измѣненія поселеній и для того, если понадеются эпоха завоеваній), предки Русскихъ, подвигаясь съ Юга, врѣзались также *острымъ угломъ* въ средину «Сѣверной Чуди» разрѣзая ее по поламъ и отодвигая, отъ вершины угла на Сѣверъ, къ Западу и Востоку; на Западѣ сжали такимъ образомъ Финновъ во взаимной борьбѣ ихъ съ Лапами, на Востокѣ тѣснили другихъ. Такъ Самоядь, несомнѣнно прежде входившая Западными отростками въ страны нынѣшней Литвы, отъ чего названія края и народа «Самогитія», «Жмуть» (совпадавшіе съ Чудскимъ основнымъ «*Сюота*»), постепенно отодвигалось все Сѣверо-Восточнѣе и Восточнѣе, до нынѣшнихъ мѣстъ уже въ Азіи; Остяки, по основѣ сродные древле съ Эстами, потерпѣли ту же участь; направленіе это удерживается или, что тоже, движеніе въ этомъ направленіи повторяется неизмѣнно, даже досель, для «всѣхъ» Чудскихъ вѣтвей, расположенныхъ отъ

Русскаго угла въ право или къ Востоку. Онѣ переходятъ непрерывно къ хребту, на Уралъ, за хребетъ и за Уралъ. Это движеніе, какъ видите, *обратное Татарскому*, двигавшемуся на Западъ и отчасти съ Юга. При столкновеніи же обоихъ движеній или при встрѣчѣ направленій, Чудь неизмѣнно *Татаризуется* а *Татары* (и они сильнѣе) забираютъ въ себя *Чудскіе Элементы* питая ими тишъ свой, но вмѣстѣ непремѣнно, особенно въ пору древнѣйшую и до Ислама, видоизмѣняясь Чудскимъ приливомъ, а съ Исламомъ исламирая такой составъ до конечныхъ результатовъ. Если «Сѣверная Чудь уже въ Азиатскихъ отдѣлахъ своихъ вліяла сильно на племя Татаръ, какъ замѣтили мы выше, тѣмъ сильнѣе должна была вліять Чудь, подвигаемая постепенно изъ Европы, разнося съ собою между прочитъ вліяніе и «Русское». Таковы были, на примѣръ Вотяки и Вогулы, повидимому развѣтвленіе одного корня и разорванная часть Чуди Западной, сберегавшейся въ меньшихъ остаткахъ, «Води». Между тѣмъ, уже наслѣдство, полученное Батыемъ, принадлежало Сибири Западной, нашей окраинѣ ближайшей: здѣсь, и по мѣрѣ углубленія на западъ, встрѣчались Татарамъ племенные элементы все болѣе и болѣе Чудскіе (которые всегда и занимали наши окраины, каймою при переселеніяхъ), все болѣе и болѣе податливые, доступные, мягкіе, но и болѣе развитые, ближайшіе къ организаци «народной», проникнутые стихіями Русскими отъ соприкосновенія, хотя бы въ борьбѣ, отъ сожителства и соучастія въ общихъ дѣлахъ. Самое появленіе Батыя не было ни прежнимъ, ни обыкновеннымъ погромомъ для грабежа, а *завоеваніемъ* и, главное, приобрѣтеніемъ *мѣста*, для *поселенія*, и отъ того-то оно закончилось прочною осадкой Золотой Орды: за наѣздниками его и воинами танунулись кибитки съ женщинами, стада и все хозяйство; а въ исторіи «племени» это значитъ, почти безъ исключенія, что въ «составѣ» племени произошло и продолжается видоизмѣненіе, что другія вѣтви или центръ типа «выпираютъ» изъ своей области и среды вѣтвь, утрачивающую съ ними однородность и сходство, отдѣляемая же вѣтвь чувствуетъ уже сама свою особность и идетъ къ обособленію, приобтая и новое мѣсто. На семъ пути уже при переходѣ въ Европу встрѣчали Татары еще важнѣйшую вѣтвь—*Болгары*.

Если Вогулы и ихъ, при движеніи на Востокъ, арьергардъ—Вотяки несли въ себѣ черты еще старшихъ Удовъ (о движеніи сихъ послѣднихъ и къ Балтикѣ по одну сторону, и къ Уралу, хребту, Камѣ по другую мы уже замѣтили выше); Если Зыряне, повсему видно, подвигаясь нѣкогда съ Юга, порядочно были иранизованы древними Сарматами, а потому крѣпче устанавали отъ сосѣднихъ

племенныхъ вліяній: то *болгаре* представляли элементъ самый пригёдный Татарамъ. Издревле послѣ напора еще Волоховъ—Галловъ, причинившаго и расселеніе Славянъ съ Юга, Болгаре вмѣщали въ себѣ «смѣсь» разнородныхъ вѣтвей: тутъ была и доля Славянства, отблтая при общемъ переселеніи на Донъ и къ Волгѣ; тутъ была и часть замѣшанныхъ сильно измѣненныхъ Волоховъ (то и другое въ послѣдствіи способствовало одной изъ вѣтвей болгарскихъ прорѣзать Валахію, перейти Дунай и поднять тамошнихъ Славянъ, укрупивши стародавнее имя Болгаръ); сюда же приходили и отпрыски Гунновъ съ Аварами, по видимому примировавшихъ своею энергіею; а наконецъ, тутъ было и большинство массы *Чудской*. Смѣшанное, торговое по элементу Чудскому, предприимчивое по Гуннскому и Аварскому, доступное всѣмъ по разнородности состава, племя это издревле, и долго потомъ служило звѣномъ и посредствомъ между Югомъ, Востокомъ и Сѣверомъ, въ томъ же числѣ и съ Великою Россіею, съ которой сходилось во многихъ пунктахъ; Волга, съ именемъ которой оно и связывало себя (хотя общее происхожденіе именъ рѣки и племени старше), изстари въ низовьяхъ занимаема была попеременно также болгарами. Въ разбираемый періодъ, отдельною вѣтвию, болгаре утвердились на Камѣ: здѣсь-то, отъ нихъ или въ лицѣ ихъ, была первая встрѣча Татарамъ, искавшимъ переселенія, на почвѣ Европейской. Нечего повторять извѣстное всѣмъ, что Татары и завоевали, и съ распростертыми руками приняли такую новую, столь подходящую, вѣть, и вѣдрили въ нее, и вобрали въ себя. Это рѣшило и всю послѣдующую исторію, и судьбу разложившейся позднѣ Золотой Орды, приуговивши ей лучше и болѣе видное мѣсто и преемство. Именно, изъ поселеній на Волгѣ, у вѣтви болгаръ Волжскихъ давно уже облюбовано было мѣсто *Казани*: самое имя ея утвердившеся кажется, ранѣ водворенія Татаръ, въ средѣ поселившихся болгаръ, исходило изъ корня «общей» нѣкогда рѣчи (это «Котель», какъ «кошь», при которомъ состоялъ «Кошевой», переведенный на однороднаго «кашеваго» варившаго на весь станъ кашу: собственно же здѣсь корень продревнѣй, означавшій «кочъ» и «кочевье», а вмѣстѣ станъ «кочевой вѣтви», въ прямой связи съ помянутой выше *Хас-а* или *Хаз-а*, которая позднѣ перешла въ имя постоянного «дома» *casa*, Славянск. *хыжа*, *хижина*). Но вмѣстѣ имя Казани, будучи извѣстнымъ словомъ типа Татарскаго свидѣтельствуетъ, что между болгарами присутствовали именно, однородные Татарамъ элементы Гунскіе, Хозарскіе, Половецкіе и т. п. По протяженію расселенія отъ Нижняго Новгорода, также точно на Казань давно уже простиралось вліяніе и Великорус-

ское: мы ставили туда даже мѣстныхъ головъ или владыкъ (съ немцами, опять болгарскими, но близкими и къ Татарскимъ). Распавшаяся Золотая Орда ожила въ Казанской, а послѣдняя подняла къ жизни и помѣщенную еще ниже Астрахань, древній Атель или Этель (старшее становище еще Адовъ или Атовъ; съ ихъ преемниками). Казанское ханство (и все Поволжское Казанское царство по происхожденію своему и развитію, есть на половину созданіе *Болгарское*, а въ немъ торжество племени *Чудскаго*, по большинству и численности этого элемента въ составѣ, наконецъ, на значительную долю, продуктъ и Русскаго воздѣйствія, въ близости къ политическимъ формамъ Россіи).

Но и здѣсь не остановилось дѣло въ томъ же направленіи. Если Татары при завоеваніяхъ и расселеніи шли у насъ обыкновеннѣе *тѣми* областями, гдѣ присутствовала *Чудь* какихъ либо вѣтвей, чья Татарскимъ чутьемъ, гдѣ и что роднѣе, доступнѣе (фактъ большой важности, не замѣчаемый нашими историками по ихъ невниманію къ Этнографіи и Этнологіи), то и движеніе на встрѣчу также продолжалось, «подгоняемое» со стороны самихъ Русскихъ: дошло до роли и Чуди «Южной» (ср. выше). Имѣя отдаленными предками своими Финиковъ или Финикиянь съ Пунами и Торренами (самое имя *Фонн* или *Фосн*, *Цун* или *Пен* и *Пѣн*, однородно и съ нынѣшними «Фуніями» въ Африкѣ, и съ «Фѣммами» или Финнами), оттуда еще занявши свой талантъ торговли и промышленности, раздѣлявши долго и судьбу съ нашими предками во всемъ движеніи по Югу, «Южная» Чудь шла вмѣстѣ и въ расселеніи къ Сѣверу, и къ Сѣверо-Востоку. И также точно, говорили мы выше, по естественной роли Русскаго народа, первенствующей въ центрѣ, эта Чудь располагалась по «окраинамъ», и сама собою, и оттѣсняемая туда, то уединяясь отъ насъ, то способствуя нашему отпору на врага, то принимая на себя первые его удары, подчиняясь ему или воздѣйствуя на него (доселѣ еще, увы, нѣтъ у насъ исторіи этихъ любопытныхъ окраинъ). Окраины эти замѣтны сильно и по нынѣ, и то же движеніе еще продолжается, подступая къ Волгѣ, переходя ее и Каму, къ Урагу и за него, за хребетъ, въ Азію. Извѣстна въ семъ смыслѣ роль Мордвы, Черемисъ и т. п. Если Татары успѣли уже простереть свое вліяніе на Башкиръ (при сравнительной отдаленности края сихъ послѣднихъ, ибо они замѣтно ведутъ свою линію отъ Вхазовъ или нынѣшнихъ Абхазовъ и Басковъ, искавшихъ въ Біарміи спасенія нѣсколькимъ отбитымъ вѣтвямъ); если Татары уже передѣлали Мещеру, путь которыхъ изъ нашей среды, съ Запада на Востокъ, можно

вычислить по шагамъ, начиная съ Мещовска (древняго Мещерска) до Рязанской области и далѣе; то подавно они настѣли на ближайшихъ и окружныхъ. Возникли даже такія формациі, гдѣ хорошенько не знаемъ, (подобно выше означеннымъ Тунгусамъ и Манджурамъ въ ихъ соотношеніи), гдѣ кончается Чудь или начинается Татаризмъ, и обратно; наприм. въ Черемисахъ предѣлъ Чуди татаризованной, а въ Чувашихъ-Татаризму Очудированному. Между тѣмъ это элементы племенные, уже *ближайшіе* къ намъ, по крови и по давней соавтестной исторіи, по судьбамъ и явленіямъ общаго развитія, по взаимному обмѣну формъ быта, по участию даже въ устройствѣ первобытнаго государства. Во сколько же они своимъ участіемъ должны были *измѣнить* и *передѣлать* Татаръ? Ясно, и тѣмъ болѣе, что Татары уже прежде шли по этому же пути, обязанные ему значительнѣйшими обособленіемъ, а склонность пути все усиливалась, воздѣйствія росли во всѣхъ отношеніяхъ, обмѣнъ плоти и крови, быта и обычаявъ расширился, тѣмъ конечно быстрѣе, что до Ислама совершались тутъ «взаимные» браки, а съ Ислама не мѣшало имъ ничто, такъ какъ эта Чудь одинаково исламила. И такъ, если Татары уже въ Азій вели начало своего обособленія *благодаря Чуди*, въ нихъ проникавшей или татаризованной; если у насъ уже, въ Европѣ, съ самаго начала, на половину успѣха и значенія завистливы они отъ Болгаръ: то въ результатѣ вообще *наши Татары* суть племя, видоизмѣнившее основной типъ вслѣдствіе *ближайшихъ* своихъ отношеній къ Чуди; это есть *новая* и совершенно *обособленная отъ Азіатской* формациа, насквозь проникнутая и пропитанная *свойствами и отличіями Чудскими*. Это сколько Уды по корню, столько же Чудь по плоду. Отсюда же ихъ глубокое отличіе отъ Киргизовъ, отъ Туркменовъ, отъ Турокъ (не говоря уже объ Азіатскомъ типѣ и Монголахъ): съ самого начала избѣгая подобныхъ названій и лишь при первомъ шагѣ нашествія отмѣтивъ Туркменовъ въ составѣ, лѣтопись наша утвердила и распространила, а за нею вся Русь приняла, творчество сохранило въ постоянномъ употребленіи начиная съ эпоса, быть усвоилъ има *Татаръ не кого либо друаго*.

Съ этимъ связаны и прочія отличія *этого* Татарскаго племени, къ намъ же перенесенныя или у насъ на глазахъ создавшіяся: отъращеніе отъ *завоеваній далекихъ*, такъ что и «первые» Татары проникли въ Европу лишь до Моравіи, а разбитые отказались отъ попытокъ, унаслѣдованныхъ и развитыхъ Турками; прекращеніе *кочевья* и обращеніе къ *осѣдлости*, даже къ *земледлію*; по памяти еще Финикійской, а больше по крови Чудской, любовь къ *торговлѣ* и умѣнье

въ ней, сопровождаемое замѣчательною *честностию*; (выдающимся свойствомъ Чуди), *воздержанность*, вовсе не нарушаемая такъ, какъ Турками; *строгость закона*, сообразная съ отсутствіемъ или покрайности съ меньшимъ количествомъ завоеваній и укрѣпляющая чистоту племенной крови, а намъ въ самомъ Исламѣ, весьма выгодная тѣмъ, что намъ не даетъ она женщинъ и съ ними никакого вліянія; тогда какъ на оборотъ открыла разнымъ вліяніямъ нашимъ; далѣе, *промысленность*, *разсчитливость*, *бережливость*; довольно значительная *государственность*, не расторгающая союза, а напротивъ ищущая всегда черезъ посредство государства сближаться съ нашимъ народомъ въ одно тѣло, признавая его премирующее значеніе; наконецъ, въ личныя качества, известная *уживчивость*, *терпимость*, *услужливость*, сила *работящая* (замѣчательно: даже отъ коня многіе изъ нихъ отреклись и сдѣлались *тихими*, странствующими торговцами); а относительно искусствъ—здѣсь выдается чувство *музыкальное*, нигдѣ рѣшительно не развитое у другихъ ихнихъ соплеменниковъ и гармонирующее лишь съ музыкальною натурою Чуди. Все это отличія и свойства, вовсе не известныя «типу» и прочимъ его представителямъ, или далеко тамъ не развитыя, или въ цѣломъ своемъ и въ соединеніи не встрѣчаемыя. *На пути* къ такому результату, разумѣется, намъ уже легко было разгромить центры, по скольку еще были они враждебны, а еще легче и скорѣе сжиться, не теряя для себя и своего народа, воспитывая и приобщая племя, распространяя на него блага государства.

Надѣмся, этимъ рѣшена и задача, поставленная нами,—уяснить значеніе «состава и чистокровности или смѣшенія племеннаго, по отношенію къ народу и къ государству». Ясно также, что у насъ не было ни «Монгольскаго ига», ни «Тюрко-Монгольскаго воздѣйствія» вообще, а въ частности на семью, на бракъ, на свадьбу и прочіе существенные обряды: у насъ можно говорить только о *Татарахъ* и о томъ, на сколько они суть созданіе *нашей* исторіи, благодаря ея существованію и ходу; вмѣсто Татарскаго «воздѣйствія» и «вреда» будемъ лучше высчитывать (чего опять не дѣлаютъ, къ сожалѣнію, историки и статистики) массу принесенной намъ Татарами силы и пользы, орудій цивилизаціи, участія, службы и служилыхъ людей, крестившихся лицъ, и между ними видныхъ дѣятелей, изъ всѣхъ классовъ отъ владѣтельныхъ князей до земледѣльцевъ и чернорабочихъ. А кто *не пишетъ* только о Татарахъ, но *видалъ* Татарскія жилища, быть, домашнюю жизнь, свадьбы, или кто видалъ, среди такой дѣйствительности, Чувашей татаризованную Мордву, и т. п., тому и въ умѣ не

придетъ, что они могли *передать* нашъ бытъ и завести то, чего нѣтъ у нихъ самихъ.

Но можетъ быть, намъ возражать, что дѣйствительно вопросъ «Татарскій» превратился со временемъ въ «Чудской», что послѣ разгрома Казани пришлось воевать съ Мордвою, Черемисью, Чувашиами и т. д., что позднѣе извѣстны ихъ бунты по разнымъ окраинамъ и вынужденное усмиреніе, а все это доказываетъ силу типа Татаризирующаго, влияние его въ производствѣ намъ и податливость или, по крайности, слабость вашего народа, слѣдовательно и возможность вреднаго воздействия инородцевъ на его бытъ? Отвѣчаемъ. Мы и сами не уничтожаемъ Татарскаго типа, и признаемъ еще много въ немъ силы архаической: процессъ племенной еще продолжается, не законченъ ни относительно Чудя, ни Татаръ. Но это борьба уже «внутренняя»; не вышнее нашествіе, не завоеваніе, не отпоръ или битва съ врагомъ на жизнь и смерть. Такого рода борьба бывала съ Чудью и раньше пришествія Татаръ, и всегда возможна, какъ несчастье внутренней распри или какъ недавнее движеніе на Евреяхъ. Не идеализируемъ «всѣхъ» нашихъ государственныхъ мѣръ, не скрываемъ недостатковъ и въ нашемъ «народѣ», его — по мѣстамъ — ослабленія, подрыва въ его силахъ, и *особенно все это за послѣдніе десяти лѣтъ*; а въ частности относительно «народа», горько оплакиваемъ, между прочимъ, паденіе и мельчаніе его народнаго творчества, какъ симптомъ внутренняго распадѣнія нѣкоторыхъ органовъ. Но все это совершилось и совершается, когда *типъ* народа окончательно *сложился самъ въ себя* и достаточно ясно опредѣляетъ свой взглядъ на отношенія къ государству. Типъ можетъ подпадать ущербамъ, уѣмамъ, лишениямъ, сокращеніямъ, умаленіямъ: «силою можно все *взять* (Сербы говорятъ — «сила отме и градове»), но «нельзя силою *дать*», нельзя уже пересоздать окончательно созданнаго типа, набавить ему неорганическіе наросты со стороны, — они будутъ лишь грязью, которую всегда смоетъ правда дѣйствительности и истина науки. Крайне жалѣемъ, что таланты Чудскаго племени во многихъ случаяхъ и мѣстахъ не идутъ прямо на благо ихъ самихъ и на пользу Россіи а идутъ другимъ инородцамъ, Татарамъ и только чрезъ посредство послѣднихъ, намъ уже возвращаются: но они идутъ же и на пользу Нѣмцамъ, и до того напрімѣръ, что между «Русскими» учеными съ трудомъ встрѣтимъ понимающаго Чудскую словесность, народность и особенность, а литература на Нѣмецкомъ языкѣ полна уже всѣмъ этимъ и каждый новый каталогъ ея удивляетъ насъ богатствомъ въ сей области. Если не брать въ расчетъ пользы всего

этого прямо на сторону Татаръ или забыть, что наши «балтійскіе» Нѣмцы подобнымъ же образомъ «переработаны» и Чудью и Латышами, а въ результатѣ оказываются на каждомъ шагу хорошими гражданами и съ поколѣніями русѣютъ; если жаловаться при этомъ всего больше на «посредственность», на то, что это идетъ *не прямо* народу главному, а черезъ посредство и окольными путями: то вспомнить, *кто* по принципу, выставленному у насъ въ началѣ, и по нашимъ выводамъ завѣдуетъ такимъ посредствомъ народовъ и племенъ; здѣсь прямо вина нѣкоторыхъ мѣръ *государственныхъ*. Однако, при «типѣ» легко возможно и исправленіе, и прогрессъ, на который надѣемся. Развѣ народъ виноватъ, что не живетъ онъ на милліонахъ пустошарожницъ земель Печорскаго, Оренбургскаго, Уральскаго и Зауральскаго края, не развертывается тамъ со всею народною силою и не перевоспитываетъ ею инородцевъ? Развѣ отъ *народныхъ* силъ зависятъ тамъ *среди* инородцамъ, воплощаемый кабаками или подобными «винными» учреждениями, поборами чиновниковъ, эксплуатацией мѣстнаго труда? Наоборотъ, развѣ обнаруживается *сила* Татарскаго тѣла въ томъ, что и онъ самъ, а вмѣстѣ и разная Чудь подъ его вліяніемъ, постепенно *отодвигаются* отъ насъ далѣе и далѣе? Это не *нашоръ*, не *воздѣйствіе съ* иной стороны, а равно и не прогрессъ съ нашей. Если мы *продѣваемъ* еще далѣе, то и всѣ помннутыя массы могутъ постепенно уйти въ глубь Азіи, для соединенія съ типомъ оригинальнымъ, старшимъ и сроднымъ. Здѣсь-то и связь съ «вопросомъ о *переселеніяхъ*»; но не будемъ же на этомъ пути извращать науку и опытъ взятыми съ вѣтра теоріями: лишь истинное *цѣлѣнравіе* нашего *народа* и *его отношеній съ* племенами *инородцевъ* можетъ оказать дѣйствительную пользу для предстоящей практики въ этомъ родѣ.

IV.

На сколько недомысленно и фальшиво направленіе письменности, «испускаемой» Турко-Монгольскаго *воздѣйствія* на основныя явленія *Великорусской народности*, видно въ значительной мѣрѣ изъ того, какъ забываетъ она о положеніи и исторіи *Руси Южной*, «предполагаемой» совершенно обезпеченною въ этомъ родѣ. Не менѣе легкомысленно и причисленіе къ сему блаженному состоянію *Славянъ Западныхъ*, обманяющее теоретиковъ Туранизма. Въ противовѣсъ имъ, мы обязаны слегка, но съ точностію, коснуться того и другаго, тѣмъ больше что насъ, во дѣятельности нашей и профессіи, конечно не заподо-

зрять въ недостатокъ сочувствія или должной оцѣнки достоинствъ ни относительно Южно-Руссовъ, ни какого либо Славянства.

Извѣстно для современной науки, что древнѣе Ады или Уды не *коснулись* центра нынѣшней Россіи. А между тѣмъ они *покрывали* нѣкогда *весь* нашъ Югъ отъ Татръ до Дона и отчасти до Итія (устьевъ Волги; доселѣ остался ихъ памятный слѣдъ—рѣка Уды, впадающая въ Донецъ, съ замѣчательными урочищами на ней и въ ея близости). *Татры* ихъ же, Удовъ, вмѣщали по изгнаніи, а принадлежали съ извѣстной поры не Великоруссамъ, но Славянамъ Западнымъ, Южнымъ и Руси Южной, какъ принадлежать и доселѣ. Ихъ же, Удовъ, отродившіяся поздня вѣтви—были помянутые *Торки* дѣйствовавшіе заодно съ Русью Южной, и *Чернѣи Клобуци*, въ Малоруссовъ превращавшіеся «Кара-Калпаки.» *Ят-в-ми* (*Ат-у-ми*, *Ят-у-ми*, владетели изъ Атовъ)—последній отпрыскъ Атовъ или Удовъ, безпокойшій Полянъ, оставшійся наслѣдіемъ—въ урочищахъ и пословицахъ—для Руси Холмской, Галицкой и Подольской, равно какъ для Восточныхъ Поляковъ.

Если въ *Скиѣи*, наступившей и извѣстной въ слѣдъ за вытѣсненіемъ оттуда Удовъ (ср. выше), а частнѣе въ Скиѣахъ «Царственныхъ» (такъ называемыхъ), помѣщавшихся на Сѣверо-Востокъ, сѣвернѣе Донца и Дона, и лишь «спускавшихся по этимъ рѣкамъ, значительно Иранизованныхъ Мидскимъ вліаніемъ, въ особенности Аланами и Сарматами, наконецъ тянувшихъ къ «царю», которымъ въ то время, и долго признавался и назывался лишь «царь Иранскій», во главѣ Мидо-Персовъ (потому вѣроятно и послѣ избравшихъ себя «царя»), если въ нихъ, говоримъ, и и по этимъ и по многимъ другимъ признакамъ, нельзя узнавать послѣдующихъ Славянъ Велико-русскихъ; если въ другой половинѣ Скиѣи, Западной, Скиѣи «Земледѣльцы и Пахари» вмѣщали въ своихъ массахъ несомѣнно праотческіе зародыши и послѣдующихъ Славянъ Западныхъ, и Южной Руси: то Скиѣи самыхъ Южныхъ «степей» и «приморья», внѣ всякихъ уклоненій науки, оказываются родичами Удовъ, вторгнувшихся на Югъ Россіи, какъ въ свое давнее «наслѣдіе», съ Востока изъ-за Дона и Волги, во всемъ же образѣ своемъ представляютъ соединеніе типа Чуди «Сѣверной» съ воздѣйствіемъ «Удскаго» и съ нѣсколькими отличіями Монголизма (вспомнимъ: чѣмъ старше, тѣмъ послѣдняго элемента въ выходцахъ больше). А между тѣмъ эти закоренѣлые и грубые до фанатизма кочевники оставались на Югѣ и даже распространялись по нынѣшней Южной Россіи, послѣ переселенія оттуда Славянъ въ Татры по Днѣстру, въ Поля, въ верхъ по Днѣпру и наиболѣе

далекій Сѣверо-Востокъ; они дождались еще тамъ Гунновъ и спорадически показывались еще позже. По освобожденіи же тамошнихъ пространствъ отъ нѣсколькихъ «находниковъ» въ промежутки между ихъ нашествіями опустилась туда въ Скиѣскія мѣстности на Югъ, не иная, а *раньше всѣхъ Южная Русь*, и тамъ же доселѣ остается. Отнюдь не говоримъ, что она была *однородна* съ помянутыми, старшими *Скиѣами Степными*. Но, при наслѣдствѣ земли другъ у друга, конечно имѣли мѣсто и нѣкоторые пункты давняго *сближенія*. Въ уцѣлѣвшихъ изображеніяхъ Скиѣовъ *исподнее платье* «совершенно такое же», какъ носятъ Малоруссы доселѣ, вовсе и никогда не извѣстное ни Великой, ни Бѣлой Руси; замѣтенъ *прямой, раздѣльной* воротъ, а не косой, не косоворотка (рѣзкій этнографическій признакъ); надѣтъ *башлыкъ* или *капюшъ*, наушникъ, нужный лишь въ горахъ и степяхъ по преимуществу, носимый Малоруссами—и множествомъ даже простыхъ крестьянъ—доселѣ, Великоруссамъ же знакомый только съ новѣйшей эпохи Кавказа (наушникъ или «треухъ» Великорусскій совѣтъ другой формы и сошелся съ Киргизскою, Башкирскою, притомъ онъ «мѣховой» или «теплый», не «холодный»); между нѣсколькими схожими еще обычаями выдается описанное у Скиѣовъ отвращеніе отъ мытья тѣла и *бани* («ванна» женщинъ другое дѣло—это отличіе «Востока» и гарема), отвращеніе, котораго придерживаются Малоруссы доселѣ, не моясь по долгу, иные по нѣскольку мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ баня, и частая, по крайности недѣльная, царствовала въ «поляхъ», удостовѣрена лѣтописцами и составляетъ для Великоруса *conditio sine qua non* *).

За симъ Гунны опять *миновали* мѣстность Великой Руси и захвативши развѣ только единицы (и то предположеніе) въ низовьяхъ Волги (куда въ ту пору Великая Русь и не проникала), простерлись по всему Югу во всѣхъ краяхъ, гдѣ нынѣ Малороссы всѣхъ видовъ, проникли въ *Татры*, влекли за собою *Западныхъ* Славянъ и *Южныхъ* (отсюда только и могли быть между ними, столь замѣтные, Славянскіе элементы), имѣли становище въ Славянскихъ равнинахъ послѣдующей Венгріи, гдѣ опять и оставили свои остатки.—*Авары*—*Обры* шли тѣмъ же путемъ, «прищучивали» именно Славянъ *Южныхъ* и *Западныхъ*, Дулѣбовъ, по Бугу Западному, въ склонахъ Татръ или *Карпатовъ*, и задали послѣ работу Сербо-Хорватамъ.

*) Сюда же относятся у Малоруссовъ обычай (въ простомъ народѣ): не умынаться, а лишь обтираться мокрымъ полотенцемъ; не употреблять носовыхъ платковъ и по долгу не сморкаться, и т. п.

Хозары, несмотря на ихъ іудейство, и по племени, и по быту, и по пути кочевья, примыкали къ разбираемому нами типу Восточниковъ», въ формации, подобной тѣмъ, какія доселѣ сохранились въ Афганистанѣ, и даже съ Монголизмомъ (*Nazarah* между Гератомъ и Кабуломъ, *Кафири-станъ* въ Гондукушѣ и т. под.). Ихъ становище распространялось по всей послѣдующей Слободской Украинѣ, гдѣ и оставило много урочищъ, а главный станъ у нихъ былъ, въ головѣ, *Бѣла Вежа* (*Вѣжа*; шатеръ палатка: здѣсь «главный» шатеръ, «бѣлый» — ханскій), на рубежѣ, гдѣ именно кончаются элементы Великорусскіе и начинаются Малорусскіе, при крутомъ переломѣ мѣстности и почвы; Бѣла-Вежа разгромлена Святославомъ и возсоздана Русскимъ городомъ — Бѣгородомъ, донинѣ существующимъ; имя же ихъ, отъ *хаса* и *хаза*, *сава* (ср. выше), чрезъ кочевье и кочевое племя, вошло одинаково и въ формы *Хозарь*, *Козаринъ*, *Хусарь*, *Хусаринъ*, далѣе *Качиръ* (отщепенецъ, сектантъ), *Кафиръ* (то же), у Латинъ «осмысленное» *cuzsor*, и т. д., а вмѣстѣ и въ названіе *козакъ* (пути образованія вездѣ конечно *свой*, но совпадавшій по корню и значенію).

Асы или *Ясы*, нѣкогда Арійцы въ формации Пранской, передовые Мидянь, имѣвшіе въ свою пору вліяніе на Русь Сѣверо-Восточную, спускались съ *Южную* уже съ Кавказа, захваченнаго на половину *Восточниками*, потому были сами значительно проникнуты элементами типа, нами разбираемаго, а позднѣе туркизованы и татаризованы подобно какъ нынѣшніе остатки Аваръ на Кавказѣ и Осетины (потомки Асовъ и Ясовъ, носившіе нерѣдко ихъ имя), подпадшіе вліянію Восточному; *Кас-ои* (*Хас-ани*, властители и представители племени кочеваго) — подавно; однимъ словомъ; кромѣ побережья Каспія и низовьевъ Волги съ направленіемъ черезъ Донъ, Кавказъ болѣе тысячи лѣтъ постоянно снабжалъ *Южную Русь* наплывами племенныхъ вѣтвей Удированныхъ, Гунированныхъ, Аварированныхъ, Туркированныхъ, Татарированныхъ и т. д. — Замѣтимъ кстати, что *Черкасы*, имя, среди Малой Руси и на Украинѣ чередовавшееся съ именемъ и видами «козачества», а послѣ перенесенное и на Донъ, самый *Южный*, есть извѣстное *Черкесы Circassi*, т. е. *Адыхи* Кавказа, послѣдки первобытныхъ Адовъ или Удовъ (ср. выше), въ формации вліяній Азіатскихъ.

О *Печенгахъ* и *Половцахъ*, по отношенію къ «Полямъ», а обширнѣе ко всей Южной Руси, Волини, Подоліи, Галичу, послѣдующей Венгріи и «Венгерскимъ» Славянамъ, въ томъ числѣ Западнымъ, излишне и распространяться: ихъ остатки засѣли даже цѣлыми ключьями въ утесистыхъ странахъ Карпатскихъ и Половцы послужили тамъ

кадромъ полковъ; не подалеку отъ Харькова всѣмъ извѣстно урочище *Печенги*, возвышенный холмъ, господствующій надъ низшими холмами и всей мѣстностью окружающей, конечно станъ былаго «главнаго» хана или князя.

А затѣмъ уже *Татары*: старшая ихъ часть, со старшею долею и наибольшаго Монголизма, если только былъ онъ (ср. выше), побывала на Кавказѣ, вторглась *Югомъ*, прошла *Южную* Россію, не только разгромила «Поля», но, съ дополненіями прибывавшихъ, среди *Южной* же Руси стала крѣпкимъ становищемъ, въ *Татрахъ* вспомнила своихъ предковъ, утвердила навсегда имя и этихъ горъ, и свое съ ними связанное, проникла въ главный центръ тогдашнихъ *Западныхъ* Славянъ, до Моравіи. *Золотая Орда* съ низовьевъ Волги одинаково простирала свои хищническія руки и быстрыя ноги своихъ коней и въ Сѣверо-Восточную, и въ Южную Русь: но съ тѣмъ различіемъ, что съ первою боролась, властвовала издали, впоследствии покорена и понесла на себѣ обратное воздѣйствіе въ лицѣ Казанскихъ и Астраханскихъ преемниковъ, а во вторую являлась *представителями* *наличными и массами*, не только тамъ опустошала наѣздами, но на самомъ мѣстѣ *селлась, становилась и водворялась*; *Ногайскія* орды были одно время самыми сильными, были помощью для Руси Великой, когда послѣдняя уже совсѣмъ высвобождалась, противу собственныхъ же братій, а въ это же самое время держала *Югъ* въ рукахъ и рабствѣ; *Крымцы* то же,—это были *мѣстные* или по крайности *ближайшіе* владыки; на самыхъ даже *Кораймовъ*, *Семитовъ* и старожилонъ предварившихъ вторичное заселеніе Юга Малоруссами, наложенъ былъ пришлый языкъ, поддались ихъ нѣкоторые обычаи и одежда. Если вторженія изъ за Урала, съ Камы, со середины Волги, *не осл* дошли *до Юга* (хотя Батый шелъ тѣмъ же путемъ), то для Юга уравновѣшивалась эта прибыль низовьями и устьемъ Волги съ Каспиемъ и его «воротами племенъ», этимъ обычнымъ путемъ Восточниковъ, направлявшихся ordinarily отсюда на Донъ и въ Южную Россію; а *субуо* еще увеличивалась инородная прибыль, какъ помянуто, движеніями *съ Кавказа*, слишкомъ далекими отъ прежней Великой Руси и до позднѣйшихъ временъ не достигавшимися. Всѣ «находники» этими послѣдними путями, выше обозначенные и болѣе еще дробные, *до Татаръ*, побывали въ *Туранѣ*, на его *линіи* или *около* (не исключая и *Скивовъ*, проникшихъ по берегамъ Каспія и подгорьямъ Кавказа во владѣнія Персовъ), всѣ они болѣе или менѣе *Туранцы* такъ или иначе, свирѣпствовавшіе и на Кавказѣ, и проникавшіе въ Малую Азію; потому рѣчь о *Туранскомъ* вліяніи на племя, быть и

языкъ, если уже заводить ее примѣнительно къ Славянамъ, то всего ближе примѣняется къ *Южной* Руси: тутъ прадревній Туранъ соединялся обновлявшимся *безпрерывно*, тогда какъ въ Великую Русь проникло, мы выше замѣтили, развѣ только кое-что «Таурменское» или «Туркменское», лишь за первое время Золотой Орды. Все «Восточное» рисуемаго типа и времени, когда проникало къ *Западнымъ* Славянамъ и за Дунай къ Южнымъ, проникало *сквозь Южную Русь*, черезъ нее и благодаря ея посредству Татарскіе элементы поднялись въ *Русь Бѣлую* и спустились въ *Болгарію* за одно съ движеніемъ элементовъ *Южно-Русскихъ* или черезъ ихъ посредство; потому кстати прибавимъ, что простираемое вліяніе *Турко-Монгольское* на Бѣлоруссію и Болгарію (послѣ Великой Россіи) есть вмѣстѣ предположеніе, что эти края и страны надѣлила *Турко-Монголизмомъ* Русь *Южная*,—и вотъ до чего доводитъ разъ въ основѣ воззрѣнія допущенная кривь. Что не говорите, а слово *козакъ*, исходя изъ общаго нѣкогда всѣмъ періода *кочевья*, а потому общее всѣмъ старшимъ племенамъ и послѣдующимъ народамъ въ той или другой формѣ (помянутыя—*хас а, хаз а, сас-а, хус-ъ куш-, кош-, коч-* и т. д.), въ значеніи кочевой «кочевникъ», съ прекращеніемъ кочевья у Аріевъ и подлинныхъ народовъ, въ томъ числѣ Славянъ и Русскихъ постепенно забывалось или переходило къ другимъ употребленіямъ, въ иномъ смыслѣ, но, разумѣется оно, въ той или другой формѣ, удерживалось у тѣхъ, кто *продолжалъ* кочевье или на немъ остановился (ср. Хазарь, Хазарь, Козарь, Хусарь и т. п.), а при появленіи ихъ предъ лицомъ народовъ сложившихся, при завлеченіи народовъ въ передѣлку съ ними, воскресало равно и въ памяти: а въ употребленіи народовъ всячески примѣнялось, словоупотребленіемъ же самихъ кочевниковъ поддерживалось и распространялось. «Поля» въ началѣ еще не знали этого имени (Козакъ), или знали въ другой формѣ, или забыли и устранили его изъ употребленія въ формѣ прежней; то же старшая Великая Россія; то же представляетъ собою и старшее былевое творчество въ основахъ и лучшихъ образцахъ; того же держалась и возникшая древле письменность; вездѣ здѣсь *буй-туръ* (ср. выше), *яр-туръ* и далѣе формированное *бога-тырь* (у другихъ племенъ *богадуръ, богатерь, батуръ* и т. п.), *дѣй* («*dios* греч., *divus*), *молодецъ*) у другихъ Славянъ *юмакъ*), *удалецъ*; даже при «заставахъ» (древле «богатырскихъ»), на линіи (въ родѣ помянутой Туранской), гдѣ встрѣчались лицомъ къ лицу со врагомъ и должны были «стоять», и тамъ является *краина-крайна, украина, крайнецъ* (оттуда извѣстная «крайна» у Хорутанъ Словенцевъ, Марки, Маргіи у народовъ и Славянъ запад-

ныхъ), *украинецъ*, *краишникъ* и т. д.,—и таково словоупотребленіе долго у Великой Руси, у всѣхъ Славянъ, у Сербо-Хорватовъ, Словенцевъ, да и у самой Руси Малой, прославленной своею старшею *Украиною*. Съ нашествіемъ же *кочевниковъ* появляется *козакъ* (процессомъ выше означеннымъ), и тамъ, гдѣ кочевники ранѣе, гдѣ постоянные между населеніемъ и сильнѣе, именно у *Южной* Руси, тамъ это явленіе и названіе водворяется, оттуда и распространяется съ извѣстнымъ уже «спеціальнымъ» значеніемъ, въ спеціальной формации «козачества»; оно проникаетъ и въ былевое творчество, портя его подставкою «козака» вмѣсто «богатыря» и тутъ же вмѣшивая уже разныхъ «идолищъ», находниковъ и кочевниковъ, а позднѣе и Татаръ, хотя бы дѣло шло при Владимірѣ. Наконецъ, опять у Великой Россіи, по одолѣніи кочевниковъ, явленіе и названіе «козака» обращается на родъ «войска и здѣсь застываетъ; у прочихъ Славянъ, точно также, лишь при появленіи кочевниковъ, выступаютъ на сцену имена «Хайдукъ (ср. ниже)», *хусаринъ* (= козаръ, козакъ) и снова останавливаются на *войскѣ*; народъ у насъ совѣтъ и не употребляетъ именованія *козака* о комъ либо, кромѣ извѣстныхъ военныхъ: а *среди Малоруссовъ* народъ доселѣ охотно употребляетъ это имя и объ себѣ, и обо всякихъ удалцахъ, и вставляя въ пѣсни, даже въ новыя. Между тѣмъ, единственная ближайшая форма къ этому слову и по звукамъ, и происхожденію, и смыслу, есть именно *Татарская-кайсакъ* (Киргизъ кайсаки), по мѣстамъ даже прямо *казакъ*. Весьма сходно и *хайдукъ*, являющееся на Югѣ у Славянъ съ появленіемъ опять кочевниковъ; хотя здѣсь корень общій (наше *ход-*, *хож-*), но формация *хайд-гайд-айд (айда)*—«Восточная», Азіатская, возводимая тамъ къ знакомымъ для насъ Адамъ, и въ такой же точно формѣ, рядомъ съ *хайд-укомъ* и *гайд-укомъ*, утвердилось въ Малороссіи явленіе и названіе *гайда-макъ* (*макъ* тоже восточное, съ Чудскимъ отгѣнкомъ). Гдѣ же распространились конники (ср. выше это отлічіе кочевья и обрисованнаго нами типа), гдѣ посажены самые пѣхотинцы на коня и цѣлыя массы составили войско *кавалеріи*, какъ не въ *Южной* же Россіи, а оттуда и повсюду, въ отпоръ конникамъ-кочевникамъ, въ отлічіе отъ пѣхоты древле-Славянской (ср. выше участіе вѣтвей *Мидскихъ*?)

Наконецъ, *Турки* дѣйствовали сначала и довольно долго, на *Южную* Русь, на нее *непосредственно* и *ближайше*, за одно на Татарскія массы тамошнія, и, лишь позднѣе, чрезъ Южанъ и Татаръ, вошли въ отношенія къ Руси Великой. Что же касается до *Западныхъ* Славянъ, которыхъ теорія выгораживаетъ изъ вліянія Тюрко-Монгольскаго, токъ нимъ-то именно и заходили Тюрки, внутрь страны.

Если изъ всего ряда перечисленныхъ Восточниковъ мы выдѣлимъ *Татаръ*, то они на Югѣ Россіи и между Малоруссами гораздо болѣе, какъ помянуто, имѣли отношеніе къ Кавказу, къ низовью Волги, къ Турану, а по мѣрѣ того, гораздо меньше *нашихъ*, то есть къ намъ ближе проникавшихъ и у насъ осѣдавшихъ, гораздо меньше имѣли въ себѣ *элементовъ Чудскихъ*, слѣдовательно, вмѣстѣ съ сими, были суровѣе, напористѣе, вліятельнѣе и неподатливѣе на уступки. Въ близости Южно-Руссовъ и подъ ихъ бокомъ не было того смягчающаго посредства, которое имѣли Великоруссы въ Вотякахъ, Мещерѣ, Черемисахъ, Мордвѣ и т. п. «Чудированные» Татары проникали на Югъ уже *отъ насъ*, а не къ намъ съ Юга. Если же возьмемъ мы весь рядъ означенный *до Татаръ*, то тамъ въ насильникахъ и властителяхъ Руси *Южной* совсѣмъ уже *не было* Чудскихъ элементовъ, или были они не сильны, не истекали изъ Чуди «Южной», а восходили къ одной лишь «Сѣверной» и Азіатской: за то, соразмѣрно сему, гораздо болѣе было элементовъ древле-Удскихъ, Туранскихъ, Монгольскихъ, какъ *болѣе раннихъ*, чѣмъ смѣсь съ Чудью и чѣмъ формація «спеціально Татарская», всѣмъ одолженная Чуди и ею реформированная. Отъ того, если судить *по теоріи* и *умо-заключенію* изъ сихъ фактовъ, въ *Южной* Руси должно быть, сравнительно съ Великою, значительно болѣе элементовъ *Монголизма, Туранизма и Удиизма* *).

Но мы съ намѣреніемъ изъ дѣятелей, подвизавшихся среди Руси Южной и отчасти среди Западныхъ Славянъ, опускали доселѣ *Болгаръ* и *Мадьяръ*: и это потому, что въ нихъ наиболѣе стихій *Чудскихъ*. Если бы Болгаре удержались въ Руси Южной, они конечно привили бы тамъ болѣе элемента Чудскаго; но они раздѣлились на двѣ вѣтви; одна, тѣснимая превосходствомъ «Удскаго» типа, въ частности Татарскаго, ушла въ Валахію и за Дунай; другая поднялась къ Сѣверо-Востоку на окраины Руси Великой, до Камы и даже за Каму,—въ силу притяженія къ однородному центру Чудскому,—фактъ знаменательный, доселѣ не оцѣненный достаточно историками. *Угры* же (Мадьяры), судя по всѣмъ даннымъ, очень рано раздѣлились также

*) *Уды*, кромѣ отношенія къ Аріямъ, имѣли близкое отношеніе въ отдаленной древности, среди жизни Общаго Племенн, и къ Семитамъ: съ ними, по самому корню имени, связано названіе и липо *Луды* или *Юды*, олицетвореннаго родоначальника, и роль *Юдиизма* въ отличіи отъ «Гebraвизма» и «Израиллизма»: отсюда объясняются и впоследствии племенные формаціи Афганцевъ, Хазарь, Караймовъ, и т. д., соединявшихъ долю *Иудейства* и *Удскаго* состава.

на двѣ племенные вѣтви, которыя для краткости можно назвать *Черною* и *Бѣлою*. Первая возникла чисто на почвѣ Чуди «Сѣверной» и искони обитала въ Азіи самой глубокой, такъ что мелкая вѣтвь *Юкагировъ* по видимому есть ихъ отсадокъ въ зади послѣдовавшаго движенія: тамъ уже, изначала, набыли они Монголизма, постепенно и по мѣрѣ движенія впередъ стершагося съ нихъ, а особенно много приобрѣли элементовъ Удскихъ или—позже Гуннскихъ. По мѣрѣ движенія на Западъ, наполнялись они элементами Чудскими, на рубежѣ Азіи и Европы входили въ близкое родство съ «Сѣверо-Чудскими» Остяками и Вогулами, и, въ началѣ же нашей исторіи, извѣстны были на хребтѣ Уральскомъ, равно какъ по склонамъ его, *Юурою* *). Слѣдуя дальше, въ концѣ IX-го вѣка по Р. Хр., они прошли *насквозь* всю послѣдующую Россію Великою, съ Сѣверо-Востока на Юго-Западъ, отъ угла до угла поперегъ: они *нигдѣ не остановились здѣсь* на житье и *первое прочное становище* утвердили въ «Поляхъ», подѣ Кіевомъ, вступивши въ *Южную Русь* (и идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ея зоветь нынѣ Угорское, и сташа *вѣжами*)—станомъ шатровъ, «бѣша бо ходяще аки се Половци»,—кочуя кочевьемъ; Несторъ). Отличіе *кочевья*, съ развитымъ станомъ и шатромъ, привито къ самой Чуди вліаніемъ извѣстнаго намъ типа Удскаго или Гуннскаго и т. п. Между тѣмъ, другая вѣтвь, *Бѣлая*, отдѣлилась еще въ Азіи, спустилась по Восточной сторонѣ хребта, раздѣляющаго отъ Европы, явилась между Каспіемъ и Араломъ, побывала на линіи былаго Турана; по всѣмъ признакамъ извѣстна была тамъ древнимъ подѣ именемъ *Масса-гетовъ*, насквозь пропиталась тамошнимъ *Туранизмомъ*, отчасти же, по причинамъ, намъ извѣстнымъ, «иранизовалась» (если старыя Маджары имѣли отношеніе къ Манджурамъ, то здѣсь приблизились къ *Мадаямъ*—Мидянамъ, и оттуда же, вѣроятно, закрѣпилось

*) Отношеніе къ *юрамъ* и *камню* выдается весьма въ исторіи племени древнихъ, тѣснимыхъ лучшими, по преимуществу Аріійскими: оно скользнуло и по старшимъ Монголамъ (въ эпохи ихъ движеній по плоскогорью, чрезъ горы, въ Тибетъ), но такъ сказать, повисло всею силою на Удскихъ отрогкахъ, и на Кавказѣ и при Алтаѣ, и на Уралѣ, и въ Татрахъ. Обыкновеннѣйшее сказаніе, часто повторяемое есть то, что эти вѣтви бѣжали или «заложены» въ *юры* «за муравлены» въ *камень*», откуда ищутъ «высѣчься» и высѣкаются: между прочимъ это извѣстно о нашей *Печорѣ* или *Пещерѣ*, о нашихъ Киргизахъ *Каменныхъ* и совпадаетъ съ такъ называемыми «людьми *пещерными*»; естественное представленіе, что они, отчужденные и «остановившіеся» въ развитіи, *каменны*. Привывая сюда корень «своего» языка Аріійцы и особенно Славяне сопоставляли имя Угровъ и Югровъ съ возвышеніемъ *юръ* и *уорьемъ*, какъ съ *уремъ* или *буромъ*.

именованіе *Мадьяръ*; имена старшихъ князей ихъ: одинаковы съ Иранскими и повторялись, не зависимо отъ Мадьяръ и до водворенія еще ихъ, у старшихъ Сербо-Хорватовъ). Отсюда они проникли въ Сѣверный Кавказъ, къ низовьямъ Волги, на путь къ Дону, подраздѣлившись снова на вѣтвь, современемъ исчезающую при Каспій, другую же—водворившуюся во всей *Южной* Руси, въ станахъ, которые называли они *Атель-Кузу* или *Кусу* (ср. выше корни этихъ словъ,— «становище шатровъ и племени Атовъ», Адовъ). Явно, что тѣ и другіе, Черные и Бѣлые Угры—Мадьяры, смотрѣли на Южную Россію, подобно Гуннамъ и всѣмъ ихнимъ предшественникамъ, какъ на *свое исконное наследство* послѣ Удовъ, подобно какъ восточнѣе видѣли тоже при устьяхъ Волги (Атель и Астрахань, ср. выше). *Туранизмъ* здѣсь преобладалъ; *Славянскою*, какъ было въ Болгарахъ, нисколько; отголоски Чуди «*Сверной*» доносились лишь изъ самаго дальняго происхожденія; а элементовъ древней Чуди «*Южной*», наиболѣе талантливой и культивированной, также не замѣтно никакихъ: этимъ объясняется и немедленное вступленіе ихъ въ жаркую борьбу съ Болгарами, при переменномъ счастьи, кончившуюся однако раздѣленіемъ сихъ послѣднихъ на двѣ вѣтви и удаленіемъ, къ Сѣверо-Востоку и къ Югу, въ Валахію и за Дунай, куда Мадьяры преслѣдовали ихъ до пятэмъ и долго еще тамъ продолжали распрю, дохода до самаго Царь-града;—и все это изъ центра *Южной* Руси или *черезъ нее*. Частнѣе, вѣтвь Бѣлая, проникшая въ Южную Русь и здѣсь водворившаяся, судя по всѣмъ даннымъ, гораздо ранѣе Черной (въ слѣдъ за Аварами и частію даже раньше ихъ), значительно истощила себя и въ борьбѣ съ Болгарами на мѣстѣ, и въ Валахіи, и за Дунаемъ; мы застаемъ ее и въ составѣ области Печенѣжской, и подъ Хазарами, и конечно тогда же общая власть сверку соединила Бѣлую вѣтвь съ Черною, пока тѣсныя опять Печенѣгами и прочими соплеменниками разнообразнаго вида, *общую* и болѣе *полною* массой двинулись Угры въ другое, старѣйшее свое наследіе послѣ Удовъ,—въ Татры или Карпаты, получившіе съ тѣхъ поръ у Славянъ имя «горъ *Угорскихъ*» или *Угорщины*, Венгріи. Тамъ они нашли уже себѣ новую пищу для кормленія своего типа и для завоеванія, и въ горахъ, и въ склонахъ, и въ долинахъ: именно такъ называемую «Русь Угорскую», отчасти и Галицкую, куда простиралось ихъ вліяніе, а пище Славянъ *Западныхъ*, которыхъ окончательно подавили они своимъ господствомъ,—Словаковъ и Мораву, зачатки тамошняго государства, православія и самобытной литературы въ Понноніи, сосѣднія вѣтви Поляковъ, ряды вытѣсненныхъ и отступавшихъ за Дунай Сербо-

Хорватовъ, и т. д. («Устремившася чрезъ горы великія» — Карпаты — и почаша воевати на живущую ту Волхи и Словѣны, и наслѣдиша землю, и съдоша съ Словѣны, и покоривше я подъ ся, оттогѣ прозвася земля Угорьска»; Несторъ). Территорія и власть ихъ, *среди Южной Россіи*, перешли наслѣдіемъ къ Татарамъ, той формации, о которой мы говорили, гдѣ подобно и Мадырамъ, было лишь отношеніе племенное слишкомъ далекое, къ Чуди «Сѣверной», всего менѣе присутствовало лучшихъ элементовъ Чуди «Южной», развѣ только проникали они черезъ Русь Великую и черезъ ея «спеціальныхъ», «Чудированныхъ» Татаръ, а наконецъ потому же, въ слѣдъ за предшествовавшими владыками на Югѣ, самый Татаризмъ былъ здѣсь грубѣе и дичѣе, носилъ въ себѣ непременно болѣе Монголизма — не облагороженного развитіемъ Чудскимъ, отзывался сильно настоячивостью и гордою вѣрою въ себя, свойственною столь Туранцамъ поддерживался жестокостью Кавказа и его Черкесовъ, пребывалъ кочевымъ и подвижнымъ, сохраняя устройство кочевья въ самыхъ станахъ, не переходилъ къ земледѣлю, не строилъ городовъ въ Аріискомъ или народномъ видѣ, (а развѣ лишь пользовался древними ихъ стѣнами) устранялъ государственность, чуждался торговли и промышленности, нисколько не культивировался бытомъ и не воспринималъ, хотя по частямъ, христіанства. И все это *противуположно* Татаризму Руси Великой, и все подготовляло путь *Туркамъ*, которые безъ сомнѣнія и захватили бы Южную Русь, раздробленную, среди борьбы ея съ Ляхами и внутри съ Еврействомъ, если бы не встрѣчное движеніе съ Сѣвера — изъ среды уже вполне объединенной и могучей, возобладавшей надъ всѣми своими кочевниками, — изъ Россіи Великой.

Итакъ, признавая въ сей послѣдней значительную родственность съ типомъ Чудскимъ, въ его лучшемъ и культивированномъ видѣ (не «Сѣверномъ»), равно какъ частное вліяніе на физическую натуру со стороны типа Татарскаго, совершенно мѣстнаго и спеціальнаго, воспитавшагося тою же Чудью и общеніемъ съ Русью, мы какъ замѣчено выше мимоходомъ, уже по самой *теоріи* и по *умозаключенію* должны бы видѣть гораздо болѣе значительные слѣды воздѣйствій отъ всякаго рода образованныхъ «Восточниковъ», отъ Удовъ до Татаръ, отъ Монголизма до Турана и дикаго Кавказа, а наконецъ до Турокъ, воздѣйствій именно на Россію *Южную* и *Малороссию*: не могла же она, при такой непрерывной серіи враговъ обладателей, изъ такой мѣстной школы, не вынести хотя бы *отпечатковъ*, и нѣкотораго *воспитанія*. А потому, сверхъ приведенныхъ уже и

сюда примыкающихъ чертъ въ Южно-Русскомъ и Малорусскомъ типѣ, мы позволяемъ себѣ добавить и еще нѣкоторыя, хотя бы немногія выдающіяся изъ многихъ еще спорныхъ. Такъ, извѣстно всякому наглядному наблюденію, что типъ лица ~~здесь, съ~~ соответственнымъ складомъ всей головы, раздѣляется на *три* главныхъ вида. 1-й совершенно «горный» или «горцевскій»; крючкованый съ горбомъ или орлиный носъ; быстрый, сосредоточенный и пронизательный взоръ; глаза каріе, густѣющіе до черныхъ; такіе же волосы—русые до черноты, иногда нѣсколько волнистые или съ завитками на вискахъ; вислые усы; сообразная продолговатость лица и сухощавость; у нѣкоторыхъ длиннота головы (такъ что, несомнѣнно, при бодрѣ внимательномъ изслѣдованіи здѣсь нашли бы многихъ «долихокефаловъ», ближайшихъ къ Западнымъ Европейцамъ, и отринули бы усвоенный Славянамъ, общій будто бы, «брахикефализмъ»); выдающійся и заостренный подбородокъ, достигающій въ старости, особенно у женщинъ, формы какбы изогнутой костистой лопатки; ростъ высокій, голосъ густой, переходящій въ прекрасный басъ и т. п. Все это относится происхожденіемъ къ доисторическому, первобытному Кавказу, позволяющему многимъ обозначать Индо-Европейскій типъ «Кавказскимъ», и къ давнему житію въ Татрахъ, гдѣ Русь тѣсно соединилась подъ гегемоніей Сербо-Хорватской, а потому же типъ сей распространенъ одинаково въ формации Сербо-Хорватской за Дунаемъ. Но, не менѣе это близко и къ Удамъ давнимъ, и къ Черкесамъ нынѣшнимъ; а встрѣчающійся при этомъ взлизъ лба и откосъ до остроконечной маковки (повыраженію Гоголя—рѣдкой хвостомъ вверхъ), свойственъ наиболѣе Китайцамъ съ Японцами, да Семитами, особенно Арабами, т. е. формациямъ, между коими Уды древніе, какъ замѣчено выше, составляли соединительное звѣно. Къ тому же 1-му типу относимъ мы въ характерѣ рѣшительность при случаѣ потребномъ, настойчивость въ достиженіи разъ задуманной цѣли, сдержанность и молчаливость, терпѣливость подъ бѣдою и грозю, но и крѣпкую охрану самостоятельности, и вспыльчивость при рѣзкомъ нападении на самостоятельность, и стремленіе къ обособленію, часто крайнему, свойственному родовымъ разчетамъ кочевья и племени, подрывающему «общину», умѣстному скорѣе въ неприступныхъ горахъ, чѣмъ въ «Поляхъ» (тѣмъ же отчасти страдаютъ доселѣ и Сербы) и нѣкоторую мстительность, соединенную со злопамятствомъ (последнія два качества менѣе свойственны Великоруссамъ; у нихъ и рѣшительность замѣняется часто напоромъ или дерзостью, менѣе крѣпка сдержанность и осторожность, а склонность къ разговорчивости и болтливости отличаетъ ихъ всюду). Если

присоединимъ сюда типъ конника и казака, способность къ переселеніямъ, продвинувшую, какъ выше замѣчено, Малоруссовъ не только къ Дунаю на Черноморье, на Кавказъ, въ Азію, но и въ глубину ея, если прибавимъ прямой разрывной воротъ рубахи на груди и стоячіе воротнички, пѣніе, танецъ, музыкальность и пляску, юморъ и остроуміе, то образъ 1-го типа выйдетъ довольно полный.—Типъ 2-й выражаетъ себя круглою головою, плоскимъ лицомъ—у иныхъ какъ доска, довольно «смачнымъ» и широкимъ носомъ, и главное—глазами съ разрывомъ узкимъ, поперечно растянутыми и на оконечностяхъ стрѣльчатыми, да волосами вислыми и тонкими, съ рѣдкими усами. Подобные глаза довольно часты у Малоруссовъ; они отчасти замѣчались у Гоголя и Бодянского (между прочимъ, судя по портрету, то же самое у одного изъ нашихъ личныхъ предковъ, Гедеона балабана, и у потомковъ его, самыхъ близкихъ къ намъ); а «курчавыхъ» головъ вообще въ Малороссіи и всей Южной Россіи встрѣчаемъ рѣдко, тогда какъ въ семь отношеніи Великоруссы крайне выдаются. Съ этимъ сообразны—приземистая статура, лѣнь, отзывающаяся не извѣстной Южной, а скорѣе Восточною, упрямство и упорство, неповоротливость въ схватываніи передаваемой мысли и въ рѣчахъ; мстительность и злопамятство, сообразныя и 1-му типу, но здѣсь соединенныя еще со скрытностью, хитростью и значительной обидчивостью, короче—съ напризностью, которая спѣшитъ замкнуться въ себя, не напираетъ, а «уединяется»; голосъ тенористый, переходящій въ «козла и манера «взвизгивать» при началѣ рѣчи (поднимать ее съ самыхъ верхнихъ нотъ), особенно у женщинъ (этого Малорусскаго «взвизгиванья» рѣшительно *нѣтъ ни у кого изъ прочихъ Славянъ*, а сколько мы знаемъ, и у другихъ племенъ встрѣчается оно лишь между Монголами Китайцами и Японцами). Прибавить ли сюда крайнюю медленность походки до воловъ съ ихъ шагомъ и скрипучею телѣгою, да «вишневенькій садокъ съ грушами» за мѣсто лѣса и парка, да образъ чумака, да припляску толчасъ на одномъ мѣстѣ и т. д., то мы получимъ истаго «степняка», и не столько кочеваго, сколько осѣдлаго съ садкомъ при палимой жгучимъ солнцемъ, низенькой и уютной хатѣ, и т. п. Этотъ типъ есть отчасти опять у Хорватовъ и особенно у Сербовъ, исходить конечно изъ глубокой, доисторической древности, но имѣетъ довольно много аналогическаго и съ Монголизмомъ; замѣтимъ кетати объ отвращеніи ко *вооздамъ* въ сапогахъ (обратно Великоруссамъ), что объясняется отчасти вязкой почвой подъ ногами, но распространено и по Востоку въ разныхъ папучахъ, туфляхъ, толстыхъ подошвахъ, деревянныхъ башмакахъ и т. п.—Типъ 3-й возникъ уже на глазахъ поло-

жительной исторіи и шаги его въ Русь Южную *со стороны* можно указать на картѣ, пересчитать по пальцамъ: это вліяніе *Бѣлой Руси* (которую поэтому опять напрасно отдаютъ въ антитезу Югу, на жертву Турко-Монголизму). Когда, послѣ Татарскаго разгрома, изъ «Полей» двинулись массы выселявшихся Южонъ на Сѣверъ въ Бѣлую Русь, а на мѣста упраздненныя начали постепенно спускаться съ Татрѣ, чрезъ Подоль и Волинь (ср. о томъ выше, колонизація прошла черздъ Пльское Полясье и Минскую область, занявши и половину области Гродненской: далѣ Бѣлая Русь была уже слишкомъ густа, упиралась въ Литву и Южанамъ подвигаться было некуда (послѣдніе доселѣ выдаются тамъ всіми своими признаками—темными волосами и глазами, черными шапками, ростомъ, нарѣчіемъ). Но, послѣ того онакъ воспрянула Литва и создается Литовское государство, а особенно когда все это затянато было въ Польскія руки, тогда отъ католичества и пановъ, отъ чужеродства и ненароднаго быта, началась колонизація обратная—изъ *Руси Бѣлой*: съ верховьевъ Днѣпра, чрезъ области Могилевскую и Черниговскую, въ среду Руси Южной и особенно въ Слободскую Украину, какъ въ мѣсто просторное послѣ періодическаго вытѣсненія отсюда Восточниковъ, въ мѣсто, приглашавшее переселенцевъ на освобожденныя урочища, далѣе же и въ степи Новороссіи. Относительно Великой Россіи такая колонизація началась нѣсколько ранѣе съ извѣстными Вятичами и Радимичами, протянулась по всей Окѣ (имѣя въ товарищахъ «Южную» Чудь), вошла въ Рязанскую область, утвердила такъ называемый «высокій» говоръ, усмѣлась съ эпохи помянутаго уклоненія отъ Литвы и Поляковъ, овладѣла Москвою и породила извѣстное Московское *«аканье»*, уже подъ бокомъ—напр. у Владимірцевъ и Суздальщины—встрѣчающее доселѣ отпоръ въ первобытномъ Славянскомъ и коренномъ звучномъ *О*. Среди Южной Руси это переселеніе—совершенная, такъ сказать, «Заплата», замѣтно отличающаяся отъ основныхъ типовъ: тѣмъ не менѣе она сильно распространена и распространяется, даетъ себя знать малымъ ростомъ, мягкими бѣловурными волосами, переходящими въ ленъ, сѣрыми глазами, особенно же вадернутымъ носомъ и часто раздутыми ноздрями, валеною бѣлою шапкою съ малыши, загнутыми на тулюю, шоями (въ претивуположность *чертой* или коричневой у 1-го и 2-го типа, древнему «клубуку» или «кошаку», одинаковому съ Сербами, позднѣе же шашнѣ бараньей), длинною одеждою и, хоть разрваннымъ еще воротомъ рубахи, но уже безъ стоячихъ воротничковъ, далѣе же относительною слабостью характера до вялости и уступчивостью до униженія, наконецъ помянутымъ «аканьемъ» столь не гармонирующимъ съ

кореннымъ Южнорусскимъ о (о поддерживается еще тѣмъ, что подъ удареніемъ, изъ глубочайшей древности, имѣеть свойство чередоваться съ оригинальнымъ ѓ, но безъ ударенія, нынѣ уже уступаетъ все больше и больше звуку а). Письменность, по корню бѣлорусская, съ особымъ складомъ рѣчи, словоупотребленіемъ и фразеологіей, довела характеръ слабѣющаго языка до крайности, подорвала въ Малороссіи бодѣ древнія пѣсни, имѣла чрезъ Малороссію же громадное вліяніе на Москву и теперь продолжаетъ портить рѣчь и складъ чрезъ посредство классовъ образованныхъ, преимущественно чрезъ духовенство и чрезъ выходцевъ его семьи (нельзя равнодушно слышать этого—«благословенна царства», «ѣка», «памілуй» и т. п.). Бѣлорусскій типъ въ особенности сливается со 2-мъ, степнымъ, и теперь уже во многихъ мѣстахъ представляется однимъ изъ неизбѣжныхъ отличій Малорусса. Всѣ же прочія отличія суть промежуточные, переходныя, частныя, и составляютъ ступени трехъ предыдущихъ. А затѣмъ, кто не помнить, сколько вся Россія обязана Руси Южной воздѣйствіемъ на Кавказъ и на Черноморье? Но кто же не знаетъ также, что въ физическій складъ и въ наружность переселенцевъ, а особенно козаковъ, на этомъ пути проникло много вліяній совсѣмъ не-Славянскихъ и не-Индо-Европейскихъ?

Такимъ образомъ, и на Южную Русь воздѣйствія были же, и выливались даже въ физическія наглядныя формы, и сохраняютъ здѣсь доселѣ многія параллели съ равновидными «Восточниками», Азіатцами. Но, при всемъ томъ, сохрани насъ Богъ утверждать, и даже предполагать, что 1) многое изъ этихъ отличій не исходило изъ *общаго* періода и корня съ инородцами, въ отдаленнѣйшія времена, въ ровень съ «другими Аріяцами, или, что то же, произошло все это со стороны, *внѣшнимъ* вліяніемъ, а не *самобытнымъ* процессомъ; 2) что вліянія со стороны, дѣйствительно имѣвшія мѣсто, проникли *въ клубъ народнаго состава*, подорвали и ивѣнили такіе существенные принципы и явленія, какъ домъ и жилище, семью, значеніе дѣвушекъ и женщинъ, бракъ, свадьбу, религіозныя воззрѣнія, истекающіе отсюда обряды, и т. д.; 3) что отъ того *существенно* пострадалъ *народный* типъ и языкъ Малоруссовъ, отдѣлившись, какъ противоположность, отъ остальнаго Славянства. Этимъ главнѣйше и разнится нашъ взглядъ, этимъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ положительнаго знанія связуется съ достоинствомъ науки, въ отличіе отъ теоріи Духинскихъ съ братією, а тѣмъ паче отъ нѣкоторыхъ историковъ—романистовъ, которые, напримѣръ, въ описаніи Мамаева побоища, столь недавно рисовали намъ слабость, трусость и неумѣлость Великоруссовъ, на-

оборотъ храбрость, опытность и обдуманность предводителей, «говорившихъ по-Малорусски». Такая комедія въ наукѣ по меньшей мѣрѣ излишня.

Вотъ все, что имѣли мы сказать *пока* по вопросу о Туранизмѣ Руси. Здѣсь же читатели встрѣтятъ главные основы для правильной оцѣнки народнаго и племеннаго состава-подлинной роли государства въ отношеніи къ народу премирающему и къ инородцамъ, для древняго доисторическаго движенія населеній и для предстоящихъ въ практикѣ новѣйшихъ, «нормальныхъ» переселеній. Развить такія основы *съ подробностями*, съ примѣненіемъ къ сиимъ послѣднимъ, сейчасъ упомянутымъ, вопросамъ и нуждамъ, предоставляемъ себѣ въ *статьяхъ* *послѣдующихъ*.

П. Безсоновъ.

III.

МАТЕРИАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

нашего отца!» При семъ всѣ поносили царя, какъ Манихейца и недостойнаго власти. Убоявшись, онъ приказалъ запереть двери во дворецъ и держать наготовѣ для бѣгства корабли. Хотя онъ поклялся было никогда не пускать на видъ къ себѣ Македонія, но теперь призывалъ его, боясь народа. Когда Македоній отправился къ нему, то народъ, обратясь къ игуменамъ и монахамъ, говорилъ: «Съ нами отецъ нашъ!» Юные воины благословляли его на пути его. Пришедши къ Анастасію, онъ укорялъ его, какъ врага Церкви. Царь на это время показалъ видъ, что онъ за одно съ нимъ думаетъ.

л. м. 6004, р. х. 504.

Первый годъ епископства Іліи въ Іерусалимѣ.

Въ семъ году императоръ искусно провель Македонія, пославши къ нему, съ магистромъ Келлоромъ, записку, въ которой объявилъ, что онъ принимаетъ первый и второй Вселенскій соборы, но объ Ефесскомъ и Халкидонскомъ умолчалъ. Это навлекло большую хулу на Македонія, потому что этимъ онъ принималъ мировую грамоту Зинона, которую подписалъ еще при рукоположеніи своемъ. Македоній отправясь въ обитель Далмата, оправдывался передъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ, которое, въ ревности своей, соблазнилось примѣромъ его, говоря въ рѣчи своей къ нимъ, что онъ принимаетъ святыи Халкидонскій соборъ, а не принимающихъ его считаетъ еретиками, послѣ чего они совершили вмѣстѣ съ нимъ богослуженіе. Между тѣмъ царь склонилъ дарами церковнослужителей и монаховъ, сочувствовавшихъ ему, избрать себѣ другаго епископа, что крайне огорчило Аріанду и сенатъ; ибо Македонія любили сколько за чистоту жизни, столько и за Православное ученіе, хотя онъ и былъ обманутъ. Царь подговорилъ двухъ негодяевъ обвинить Македонія въ мужеложствѣ и еретичествѣ, и письменно подать это обвиненіе градоначальнику и магистру; равномѣрно подобное же обвиненіе приказалъ подать и на Православныхъ пресвитеровъ и дѣяконовъ. Послѣ того велѣлъ онъ Келлору силою вывести Македонія изъ епископскаго дома, хотя тотъ громко говорилъ, что онъ готовъ оправдываться не только въ преторіи, но и въ самомъ театрѣ. Многіе церковнослужители были посажены въ темницу, другіе спаслись бѣгствомъ и разсѣялись въ Римъ и по Финикіи. Нечестивый же царь приказалъ магистру взять у Македонія подлинную записку о дѣяніяхъ Халкидонскаго собора и

разодрать ее. Но Македоній, запечатавъ, положилъ ее на жертвенникъ; однако, внухъ Калоподій, еконо́мъ при великой церкви, похитилъ ее и отнесъ къ царю. Тогда царь отдалъ повелѣніе взять ночью силою Македонія и отвезти его сначала въ Халкидонъ, а потомъ въ Евхаиту, не смѣя нарядить надъ нимъ слѣдствія, потому что боялся народа. На другой день Анастасій назначилъ епископомъ священника и ризничаго церкви, Тимоея, по прозванію Литровуда и Килона, получившаго эти имена по своимъ занятіямъ; онъ вступая въ какую-либо церковь приказывалъ напередъ снять въ ней изображенія Македонія, и потомъ уже начинать богослуженіе. Далѣе, онъ вписалъ въ поминальникъ Іоанна Никейца, Александрійскаго епископа, къ которому послалъ также соборную грамоту. Анастасій, вспомнивъ, что безъ низложенія и суда отправленъ имъ въ изгнаніе Македоній, послалъ магистра остановить его въ Клавдіополѣ Гоноріевомъ. За тѣмъ были наряжены прежніе судьи, свидѣтели и обвинители, которые и низложили его заочно, заточеннаго еще до суда, и послали епископа и Кизицкаго пресвитера объявить ему объ его низложеніи. Увидѣвши ихъ, Македоній, прежде нежели начали они говорить, спросилъ: «Принимають ли они соборъ Халкидонскій?»—«А ты кто?»—сказали они ему, на что онъ отвѣчалъ имъ: «Принеси мнѣ низложеніе мое Савватіане, или Македоніане, я долженъ бы былъ принять его». Такимъ образомъ возвратились они безъ успѣха, а Македоній прибылъ въ Евхаиту. Тогда же незаконный царь пытался свергнуть и Флавіяна съ престола Антиохійскаго, и на мѣсто его возвести Севера, открытаго врага истины. Обвинители его представляли, что онъ только устами, а не сердцемъ, предалъ проклятію соборъ. Начальники, посланные царемъ изгнать его, совѣтовали ему по возникшимъ беспокійствамъ, уклониться на нѣкоторое время, и когда онъ удалился въ Платаны, они тотчасъ возвели на его мѣсто нечестиваго Севера, монаха обители отщепеншихся близъ Маіюма Газы; что до Флавіяна, то царь заточилъ его въ Петры, равно какъ и много другихъ епископовъ, церковнослужителей и иноковъ, оковавъ всѣхъ ихъ желѣзами. Илія же Іерусалимскій, принуждаемый императоромъ вступить въ общеніе съ Северомъ, или оставить епископскій престолъ, опираясь на монашествующихъ, лучше пожелалъ лишиться епископства, и на его мѣсто былъ рукоположенъ Іоаннъ, одинъ изъ хранителей креста, который обѣщалъ дѣлать все, чего пожелаютъ; будучи же посвященъ, онъ дѣйствительно такъ и поступалъ.

л. м. 6005, р. х. 505.

Первый годъ епископства Тимоея въ Константинополѣ, Іоанна въ Іерусалимѣ и Севера въ Антиохіи.

Въ семь году Православные, жившіе въ Скиѣи, Мизіи и прочихъ странахъ, просили Виталиана сына Патрикіула, графа Федератовъ, двинуть войско противъ нечестиваго Анастасія. Онъ двинулся и истребилъ многіе десятки тысячъ воиновъ, сражавшихся за Анастасія, перехватилъ все золото, посланное на содержаніе ихъ, оружіе для брѣженія, продовольствіе и тому подобное. Говорятъ, что онъ въ одной битвѣ поразилъ шестьдесятъ пять тысячъ царскаго войска, предводимаго Ипатіемъ, сыномъ двоюродной сестры Анастасія, и патриція Секундина, который попался въ плѣнъ и содержался подъ стражею. Но беззаконный царь, Анастасій, и Тимоей, безбожный Константинопольскій епископъ, продолжали всѣ способами обижать державшихся Македонія и собора монаховъ, мірянъ и церковнослужителей, изъ коихъ многихъ сослали въ Оазисъ Фивайдскій. Тимоей предложилъ епископамъ, пребывавшимъ въ столицѣ, подписать соборныя грамоты и низложеніе Македонія. Мужественнѣйшіе изъ нихъ отказали ему въ томъ и другомъ, но кто былъ помалодушнѣе, боясь царя, подписали обое, тѣ же, которые держались середины, въ подписаніи и низложеніи Македонія отказали, но къ соборнымъ грамотамъ Тимоея приложили руки свои, что все равно было, хотя они и находили въ томъ различіе. Тимоей хотѣлъ было внести въ поминальникъ имя Севера, а имя Флавіана вычеркнуть, но народъ воспротивился тому. Ибо всѣ Православные избѣгали общенія съ Северомъ, особенно монахи, которыхъ онъ, святотатецъ, равно какъ множество простонародья, жестоко наказавши, умертвилъ, жертвенники Православныхъ ниспровергъ, а святые сосуды перелилъ. Юліяна, знаменитѣйшая изъ госпожъ, построившая храмъ Богородицы въ Оноратахъ, сильно вступалась за Халкидонскій соборъ, такъ что самъ императоръ напрасно истощалъ всѣ усилія свои, чтобы склонить ее къ признанію Тимоея; да и Тимоей, несмотря на частыя посѣщенія свои, не успѣлъ въ томъ. Императоръ при всякомъ случаѣ дѣлалъ непріятности своему двоюродному брату, Помпею, и супругъ его, женщинѣ препочтенной и благодѣтельной, потому что они были защитники собора и доставляли Македонію въ изгнаніи его все нужное. Посланные Тимоеемъ въ Александію къ Іоанну Никейцу пре-

дали за амвона проклятію святой Халкидонскій соборъ. Когда умеръ игумень обители Діа, Тимоеей пришелъ въ нее для постановленія новаго. Тотъ, кого онъ хотѣлъ посвятить, сказалъ ему, что не можетъ принять благословенія отъ отметающаго Халкидонскій соборъ. Тогда Тимоеей объявилъ проклятіе всякому, кто осмѣлится не принимать собора Халкидонскаго. Но и тутъ тотъ не принялъ отъ него рукоположенія. Іоаннъ, архидіаконъ Тимоеея, Манихеецъ, обиженный имъ чѣмъ-то, пожаловался на него царю. Царь изъявилъ свое неудовольствіе, но Тимоеей на очной ставкѣ заперся и опять сталъ проклинать принимающихъ Халкидонскій соборъ. Нечестивый Іоаннъ Александрійскій не позволялъ Египтянамъ посѣщать Іерусалимъ, опасаясь, чтобъ они не приобщились къ Халкидонскому собору въ воздвиженіе креста. Въ это время одержимые нечестивымъ духомъ производили ужасы въ Іерусалимѣ. Нѣкто Анастасій, желая быть княземъ Іерусалимскимъ, обѣщалъ царю, если не убѣдитъ епископа Іоанна, бывшаго послѣ Іліи, къ общенію съ Северомъ, заплатить въ казну триста литръ золота. Получивъ желанное достоинство, онъ отправился въ Іерусалимъ и такъ какъ Іоаннъ не принялъ его предложенія, то онъ бросилъ его въ темницу, но Захарій, начальникъ Палестины, мужъ боголюбивый, увлекаемъ божественною ревностію, посоветовалъ Іоанну обѣщать князю, что сдѣлаетъ угодное ему, если только онъ возвратитъ ему престолъ его. Лишь только князь освободилъ его и снова посадилъ на епископство, Іоаннъ собралъ иноковъ изъ монастырей въ храмъ святаго Стефана и, взшедши на амвонъ, проклялъ Несторіа, Евтихіа, Севера и Сотириха Кессарійскаго, признавая только четыре святыхъ Вселенскихъ собора. При этомъ присутствовалъ Іпатій, внукъ царя по брату, рѣшительно избѣгавшій всякаго общенія съ Северомъ. Напротивъ вступивъ въ общеніе съ Іоанномъ, онъ подарилъ эксарху, преподобному Θεодосію, сто литръ золота, для раздачи монастырямъ и монахамъ, ревновавшимъ по Православію и защищавшимъ Халкидонскій соборъ. Между тѣмъ царь приказалъ нѣкоторымъ властямъ сдѣлать во храмъ святаго Θεодора Сфаракійскаго съ амвона прибавленіе къ Трисвятой, на что народъ вознегодовалъ и въ день молебствія за освобожденіе отъ огненнаго дождя вышелъ изъ церкви въ Триконхъ. За тѣмъ и Тимоеей письменно приказалъ всѣмъ церквамъ пѣть въ молебствіяхъ Трисвятую съ прибавленіемъ, что многіе изъ страха и сдѣлали. Но монахи пѣли другой цсаломъ; народъ видя это, кричалъ: «Прекрасно!» Это произвело большое смѣтеніе, прпчемъ много сожжено домовъ и совершено убійствъ; на-

родъ проклиналъ Анастасія и требовалъ другаго царя; всѣ прославляли Виталияна, какъ самодержца, и Анастасій принужденъ былъ бѣжать и скрыться въ городскомъ предмѣстїи близъ Влахернъ; сама Ариядна укоряла его, какъ виновника многихъ золъ между Христїянами. Когда Аламундаръ, небольшой Сарацинскій владѣтель, крестился, то нечестивый Северъ подослалъ къ нему двухъ епископовъ, съ тѣмъ, чтобы передать ему свою заразу. Но по Божиему промыслу онъ крестился у Православныхъ, принимающихъ соборъ, а потому, когда епископы Северовы старались отклонить его отъ истиннаго ученїя, то Аламундаръ чудно обличилъ ихъ такимъ представленїемъ: «Сего дня»,—сказалъ онъ имъ,—«получилъ я извѣстїе, что архангелъ Михаилъ только что умеръ». И когда тѣ замѣтили ему, что это невозможно, тогда владѣтель Сарацинскій возразилъ имъ: «Какъ же могло случиться, что, по вашему мнѣнію, Богъ простой распятъ за насъ, еслибы Христосъ не имѣлъ два естества, когда и ангелъ не умираетъ»? Такимъ образомъ Северовы епископы со стыдомъ оставили его. Кавадъ же нѣкоторымъ Христїянамъ въ Персіи подѣлкъ жили въ колѣнныхъ составахъ, и они все-таки послѣ этого ходили.

л. м. 6006, р. х. 506.

Первый годъ епископства Ормизды въ Римѣ.

Въ семь году Виталианъ, занявши всю Фракію, Скию и Мизію, со множествомъ Гунновъ и Булгаръ покорилъ Анхіалъ и Одиссополь, равно какъ поразилъ Кирилла, военачальника Фракійскаго и, опустошая все, дошелъ до самаго Константинополя; сдѣсь, щадя этотъ городъ, остановился въ Сосвонїѣ. Анастасій, какъ только узналъ объ этомъ, послалъ къ нему сенаторовъ просить мира. Онъ далъ клятву вмѣстѣ съ сенатомъ, что возвратитъ епископовъ, заточенныхъ въ Ираклію Фракійскую. Но Виталианъ требовалъ еще сверхъ того, чтобы въ томъ же поглялись и всѣ начальники военныхъ школъ, а Македонїи и Флавїанъ, несправедливо изгнанные, получили бы обратно престолы свои, равно и всѣ прочїе епископы; наконецъ, чтобы созванъ былъ соборъ въ присутствїи папы Римскаго и всѣхъ епископовъ, на которомъ были бы разобраны общимъ судомъ всѣ обиды, нанесенныя Православнымъ. Царь, сенатъ, прочїе начальники и весь народъ присягнули и подтвердили быть по сему, послѣ чего миръ заключенъ и Виталианъ возвратился домой. При этомъ патрицій Секундіанъ, зять Анастасія по сестрѣ, а отецъ Ипатія, палъ къ ногамъ Виталияна и

упросилъ его со многими слезами возвратить ему сына, заключеннаго въ Мизіи. Ормизда; епископъ Римскій, по настоянію Февдериха, приверженнаго къ Виталіану, отправилъ послами епископа Еводія и архидіакона Виталіана на соборъ, назначенный въ Иракліи. До двухъ сотъ епископовъ изъ различныхъ странъ собралось было, но осмѣянные беззаконнымъ царемъ и Тимоеемъ, епископомъ Константинопольскимъ, принуждены были разойтись, ничего не сдѣлавъ. Нечестивый царь нарушилъ условія, и тайно далъ знать папѣ Римскому, чтобы онъ не приходилъ, а къ Виталіану отправилъ посланіе для отправления въ Римъ къ папѣ съ приглашеніемъ его на составляющійся въ Иракліи соборъ. Весь народъ и сенатъ громко упрекали царя въ клятвопреступленіи, на что беззаконный безстыдно отвѣчалъ тѣмъ, что существуетъ законъ, допускающій царю въ нуждѣ нарушать клятву и обманывать. Вотъ вамъ истый послѣдователь Манихейскихъ правилъ.

л. м. 6007, р. х. 507.

Въ семь году Виталіанъ, раздраженный клятвопреступленіемъ Анастасія, много зла причинилъ какъ войску его, такъ и цѣлому государству: убивалъ, грабилъ, отнималъ оружіе и, въ поруганіе, продавалъ каждаго воина за одно пуло.

л. м. 6008, р. х. 508.

Въ семь году Гунны, называемые Савирами, проникли за Каспійскія врата, вторглись въ Арменію, опустошили Каппадокію, Галатію и Понтъ и остановились почти у самой Евхаиты. Святой Македоній, съ большою опасностію спасаясь отъ нихъ, прибылъ въ Гангру. Узнавъ о томъ, Анастасій строго приказалъ содержать его подъ стражею и, какъ говорятъ, подсылалъ было къ нему убійцу. Но онъ умеръ въ Гангрѣ и положенъ во храмъ святаго мученика Каллиника, мощи коего подавали многія цѣленія. Увѣряютъ, что Македоній, уже умершій, освнилъ самъ себя крестнымъ знаменіемъ. Феодоръ, одинъ изъ находившихся при немъ, видѣлъ его во снѣ такъ говорящаго къ нему: «Слушай, поди къ Анастасію и скажи ему, что я отхожу къ отцамъ моимъ, коихъ соблюлъ вѣру, но не престану молить дотолѣ Господа, пока ты не придешь, и тогда мы предстанемъ предъ судъ Божій».

Въ томъ же году весьма многіе мужчины, женщины и дѣти въ Александріи, жестоко мучимые бѣсами, безпрестанно выли слово

псы. Одинъ изъ нихъ видѣлъ во снѣ какого-то страшнаго мужа, который сказалъ ему, что все это терпятъ они за проклатіе собора.

Въ этомъ же самомъ году скончалась царица Аріядна. Инокіи пустынножители, движимые божественною ревностію, изготовивъ четыре свѣдѣтельства своей вѣры, отослали изъ нихъ два къ царю, одно къ правителямъ страны, а другое къ Іерусалимскому епископу, Іоанну, увѣряя, что они скорѣе готовы принять смерть и сжечь святая мѣста, чѣмъ отрекутся отъ святаго Халкидонскаго собора и вступать въ общеніе съ нечестивымъ Северомъ. Когда Фессалонійскій епископъ, боясь царя, вступилъ въ общеніе съ Тимоѳеемъ, епископомъ Константинопольскимъ, то сорокъ епископовъ Иллиріи и Еллады, сошедшись вмѣстѣ, письменно дали знать ему, что они отлагаются отъ него, какъ отъ своего митрополита, и за тѣмъ послали въ Римъ письменное увѣреніе къ Римскому епископу о желаніи имѣть общеніе съ нимъ. Историкъ Феодоръ несправедливо называетъ Фессалонидскаго епископа патриархомъ, самъ не зная, почему.

л. м. 6009, р. х. 509.

Въ семь году, по смерти Іоанна Никейца, еретическаго Александрійскаго епископа, произведенъ въ Александрійскіе епископы Діоскоръ меньшій, внукъ Тимоѳея Елура. Отправившись въ Византію просить царя за Александрійцевъ, лишившихъ жизни сына Калліопія Августалія, онъ былъ всенародно оскорбляемъ на своемъ пути Православными, полагавшими, что онъ идетъ туда, съ цѣлію дѣйствовать противъ Православнаго ученія. Кончивъ свое посольство, Діоскоръ поспѣшно возвратился. Причина же убѣненія была слѣдующая: во время возведенія на престолъ Діоскора множество поселянъ вышло изъ церкви, говоря: «Если, это дѣлается не такъ, какъ повелѣваютъ правила святыхъ Апостоловъ, то не усидѣть епископу»; возводили же послѣдняго одни лишь свѣтскія власти. Послѣ того Діоскоръ пришелъ въ церковь святаго Марка, куда явились и церковнослужители, которые снова облекли его въ святительскія одежды и рукоположили. Посвященный такимъ образомъ, онъ отправился въ храмъ святаго Іоанна и совершилъ въ немъ соборное служеніе. Тутъ находились Феодосій, сынъ Калліопія Августалія и военачальникъ Акакій; буйная чернь начала ругать сына Августаліева за то, что онъ хвалилъ императора Анастасія. Наконецъ, нѣкоторые изъ среды ея смѣло бросились къ сѣдалищу, стащили съ него сына Августаліева и убили. Все-

начальникъ Акакій всѣхъ, кого только могъ, велѣлъ погубить за это. Царь, услышавъ о томъ, прогнѣвался на Александрійцевъ, но Диоскоръ, отправившись къ нему, укротилъ гнѣвъ его. Есть между Индією и Персією крѣпость, по имени Цувдадеевъ. Узнавъ, что въ ней хранится множество денегъ и драгоцѣнныхъ камней, Кавадъ рѣшился захватить все это; но демоны охраняли это мѣсто и не допускали овладѣть имъ. Онъ прибѣгъ къ искусству всѣхъ волхвовъ своихъ, потомъ Іудеевъ, но не достигъ, чего желалъ; наконецъ, полагая, что въ этомъ гораздо дѣйствительнѣе будетъ молитва Христіанъ къ Богу, онъ призвалъ одного Христіанскаго епископа, жившаго въ Персіи, который, совершивъ соборное служеніе и приобщившись божественныхъ таинъ, пришелъ къ тому мѣсту, прогналъ изъ него демоновъ, и безъ труда отдалъ Каваду крѣпость. Пораженный симъ чудомъ, Кавадъ почтилъ епископа первопрестолиемъ, которымъ прежде владѣли Манихеи и Іудеи, и позволилъ всѣмъ желающимъ креститься.

л. м. 6010, р. х. 510.

Первый годъ епископства Діоскора въ Александріи.

Въ семь году императоръ Анаетасій видѣлъ въ сновидѣніи страшнаго мужа съ свиткомъ въ рукахъ; раскрывши и отыскавши въ немъ имя царя, онъ сказалъ ему: «Вотъ за твое злочестіе стираю четырнадцать лѣтъ», и стеръ ихъ. Проснувшись, онъ позвалъ начальника двора, Амантія, и рассказалъ ему видѣніе. Тотъ отвѣчалъ ему: «И я видѣлъ въ эту ночь, что ко мнѣ, предстоящему передъ престоломъ твоимъ, подбѣгаетъ большой вепрь, схватываетъ мой плащъ, повергаетъ меня на-земь и убиваетъ». Призвавши снотолкователя, Прокла, онъ рассказалъ ему видѣнное, и гадатель сказалъ имъ, что оба они въ скоромъ времени умрутъ. По смерти Тимооея, Константинопольскаго епископа, Анаетасій поставилъ на его мѣсто Іоанна Каппадокійскаго, пресвитера и синкелла Константинопольскаго. Онъ, рукоположенный на третій день Пасхи, облекся въ апостольское облаченіе. Народъ съ большимъ настояніемъ потребовалъ отъ Іоанна, чтобы онъ предалъ проклятію Севера.

Въ томъ же году, индиктіона 11, Апрѣля 9, скончался нечестивый царь, Анаетасій, царствовавшій 27 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, въ 324 году послѣ Діоклитіана. Въмѣсто его воцарился Юстинъ, царь благочестивый, старый и многоопытный мужъ, начавшій служить съ про-

стаго война и возвысившійся до сенатора; онъ былъ родомъ Иллиръ. Нѣкоторые говорятъ, что Анастасій, пораженный громомъ, лишился ума и умеръ.

л. м. 6011, р. х. 511.

Первый годъ правленія Римскаго императора Юстина и Константинопольскаго епископа Іоанна.

Въ семь году воцарился Юстинъ, и былъ всѣмъ любезенъ, какъ пламенный ревнитель Православной вѣры и мужъ, опытный въ дѣлѣ военномъ. Онъ вѣнчалъ тоже и супругу свою, Лупакію, царскимъ вѣнцемъ, которую послѣ коронованія народъ называлъ Евфимією. Упомянутый выше Виталиянъ, по смерти Анастасія, совершенно предѣвился къ Юстину Великому, занялъ при немъ должность военачальника, а прибывши въ Византію, провозглашенъ консуломъ, Презенскимъ графомъ, и имѣлъ у царя силу столь великую, что по настоянію его, велѣно было изгнать и низложить Севера. Виталиянъ сильно былъ преданъ Православію. Услышавъ о томъ, Северъ бѣжалъ, равно и Юліянъ, епископъ Галикарнасскій. Оба они прибыли въ Египетъ, произвели въ немъ большое безпокойство, поднявши споръ о тлѣнномъ и нетлѣнномъ, что происходило при Диоскорѣ, епископѣ Александрійскомъ. Римскіе епископы и церковнослужители, получивъ согласіе Ормизды, епископа Римскаго, прибыли въ Византію, гдѣ поддѣрпляемые Виталияномъ, еще при жизни Іоанна Каппадокійскаго, епископа Константинопольскаго, присоединились къ тремъ святымъ соборамъ и вмѣстѣ съ ними внесли въ книгу и святой Халкидонскій соборъ. По удаленіи нечестиваго Севера, на его мѣсто рукоположенъ былъ въ Антиохійскіе епископы Павелъ, начальникъ страннопріимнаго дома въ Еввулѣ. Царь подарилъ городу Антиохіи тысячу литръ золота, а въ прочихъ городахъ ввелъ большое благоустройство и прекратилъ всѣ народныя волненія. Благочестивый императоръ Юстинъ послалъ въ заточеніе Ксеноя Филоксена, епископа Іеропольскаго, какъ Манихейнина, и Петра Апамейскаго, со всѣми, раздѣлявшими ихъ злую ересь. Онъ велѣлъ также умертвить начальника двора, Амантія, постельника Андрея и друга Θεокрита, котораго собирались было объявить царемъ, произведши напередъ возстаніе. Начальникъ двора предложилъ царю деньги для раздачи войску, съ тѣмъ, чтобъ царствовалъ Θεокритъ, но войско и народъ не приняли Θεокрита, а провозгласили одного Юстина. Негодуя на это, они задумали произвести возму-

щеніе, но повлѣтались за то жившію. Императоръ возвратилъ всѣхъ, изгнанныхъ Анастасіемъ, въ томъ числѣ патриція Аппона, котораго насильно посвятили въ Никею въ пресвитеры. Ему, какъ человѣку мудрому, царь поручилъ въ управленіе преторіи, а Діогеніана поставилъ военачальникомъ Востока.

Въ томъ же году показалаь на востокъ звѣзда, именно, страшная комета, пускавшая лучи свои внизъ, а потому астрономы называли ее бородатою и боялись.

л. м. 6012, р. х. 512.

Первый годъ епископства Павла въ Антиохіи.

Въ этомъ году Виталиянъ убитъ коварнымъ образомъ тѣми изъ Византійцевъ, которые гнѣвались на него за истребленіе столь многихъ соотечественниковъ ихъ при возстаніи его противъ Анастасія. По смерти Іоанна Каппадокійскаго, епископа Константинопольскаго, рукоположенъ былъ, февраля 25-го, Епифаній, пресвитеръ и синкеллъ той же церкви, а по кончинѣ Ормизды Римскаго принялъ епископство Іоаннъ.

Въ томъ же году Венеты ввели народное правленіе, и во всѣхъ городахъ произвели возмущенія, побіеніе камнями и прочія убійства. Беспорядки начались прежде всего въ Антиохіи и распространились по всемъ городамъ, въ коихъ продолжались цѣлыхъ пять лѣтъ. При этомъ поражали мечами Прасиновъ, когда они попадались при встрѣчѣ, даже отыскивали въ домахъ, и правители не смѣли подвергать наказанію убійцъ. Это продолжалось до самаго шестаго года царствованія благочестиваго Юстинъа.

л. м. 6013, р. х. 513.

Первый годъ епископства Епифанія въ Константинополь и Тимофея въ Александріи.

Въ семь году, по случаю войны, снова возникшей между Римлянами и Персами, Юстинъ отправилъ пословъ съ дарами къ Зилинду, царю Гунновъ, который склонился на его предложеніе и обѣщаль клятвенно, по обычаю отцевъ, воевать съ ними противъ Персовъ. Кавадъ тоже послалъ къ нему съ своей стороны пословъ и царь

Гунновъ согласился и съ нимъ. Извѣстясь объ этомъ, Юстинъ сильно огорчился. Силингдъ отправилъ въ помощь Персамъ двадцать тысячъ войска противъ Римлянъ. Юстинъ послалъ сказать Персидскому царю, Каваду; что Силингдъ поклялся помогать Римлянамъ за большіе подарки и готовъ измѣнить Персамъ, и потому лучше имъ, помирившись, жить въ дружбѣ, какъ братьямъ, и не дать этимъ персамъ играть собою. Тогда Кавадъ спросилъ наединѣ Силингда, получилъ ли онъ дары отъ Римлянъ за вспоможеніе имъ противъ Персовъ? Гуннъ отвѣчалъ «Да». Разгнѣванный Кавадъ убилъ его, а потомъ ночью послалъ большое войско Персовъ для истребленія его воиновъ, подозревая, что царь ихъ пришелъ къ нему съ коварнымъ намѣреніемъ. Кто успѣлъ бѣжать, тотъ только и воротился въ свою сторону.

Евфрасій Антиохійскій исключилъ было изъ книги поминальной Халкидонскій соборъ и имя Ормизды, папы Римскаго, но потомъ пришелъ въ страхъ и проповѣдывалъ четыре собора.

Кавадъ, царь Персидскій, пожелалъ назначить послѣ себя опекуномъ дома своего Римскаго императора, потому что ему не хотѣлось, чтобы послѣ него царствовалъ старшій сынъ его, какъ требовалъ того законъ Персидскій, ни вторый, у котораго выколоть былъ одинъ глазъ; но отецъ любилъ Хозроя, родившагося ему отъ сестры Аспенда. По этому случаю онъ прислалъ пословъ къ Юстину въ Византію. Царь, созвавъ сенатъ для совѣта, не согласился на то; квесторъ Прокль, мужъ умный и проницательный, доказалъ всѣмъ, что подъ этѣмъ скрывается злоумышленіе и предательство противъ Римлянъ.

л. м. 6015, р. х. 515.

Первый годъ епископства Евфрасія въ Антиохіи.

Въ семь году отналъ отъ Кавада, царя Персидскаго, Цаѣвъ владѣтель Лазовъ, котораго онъ сильно любилъ и доставилъ ему самый престоль. Онъ прибылъ въ Византію къ Юстину, просилъ окрестить его въ Христіанскую вѣру и потомъ объявить царемъ Лазовъ. Императоръ принялъ его съ радостію, просвѣтилъ и назвалъ своимъ сыномъ, въ заключеніе женилъ его на Римлянкѣ, Валеріи, внучкѣ патриція Ома, которую и взялъ онъ съ собою въ свою землю. Юстинъ провозгласилъ его царемъ Лазовъ, надѣлъ на него вѣнецъ, облекъ въ

бѣлую царскую хламиду съ золотою пластинкою спереди, на которой начертано было иглой изображеніе императора Юстина, также бѣлую тогу съ золотыми каймами, и опять съ изображеніемъ императора; даде, красные саногі его были украшены, по обычаю Персовъ драгоцѣнными каменьями, равнымъ образомъ и поясъ на немъ былъ тоже золотой, усѣянный жемчугомъ. Получивъ отъ царя богатые дары, съ радостію возвратился онъ въ свою землю. Узнавъ объ этомъ, Кавадъ послалъ императору Юстину сказать: «Въ то время, когда между нами дружба и миръ, ты, однако же, поступаешь со мною, какъ врагъ, принимая къ себѣ тѣхъ, которые испоконъ состояли подъ властію Персовъ». Императоръ отвѣчалъ ему: «Мы не принимали и не привлекали никого изъ твоихъ подданныхъ, но Цаеъ, пришедши самъ въ наше государство, бросился къ ногамъ нашимъ и просилъ избавить его отъ ненавистнаго ему языческаго вѣрованія, нечестивыхъ жертвъ и обмана демонскаго, присоединить къ Богу, творцу всѣхъ, и сдѣлать Христіаниномъ. Крестивши его, мы отпустили въ страну его». Съ этого времени началась вражда между Римлянами и Персами.

Въ томъ же году Омириты учинили злодѣйское покушеніе на святаго Ареѳу и обитателей города Негры; тогда же случилась война Египтскаго царя, Елесвая, съ Омиритами, побѣдившими его.

л. м. 6016, р. х. 516.

Первый годъ епископства Іоанна въ Римѣ.

Въ семь году Февдерихъ, управляя Римомъ и будучи Аріаниномъ, заставилъ папу, Іоанна, отправиться къ императору Юстину и ходатайствовать, чтобы не принуждали Аріанъ отступать отъ ереси своей, въ противномъ случаѣ и Февдерикъ рѣшится на тоже съ Православными въ Италиі. Іоаннъ, прибывши въ Византію и получивъ приглашеніе патріарха, Епифанія, не пошелъ къ нему, пока Епифаній не уступитъ перваго мѣста Римскому папѣ. Этотъ же Іоаннъ со всѣми епископами вступилъ въ сношеніе, но съ Тимоѳеемъ Александрійскимъ ни коимъ образомъ не сошелся. Кавадъ, Персидскій царь, сынъ Пероза, приказалъ въ одинъ день захватить многіе десятки тысячъ Манихеевъ съ епископомъ ихъ, Индазаромъ, и Персидскими сенаторами, державшимися того же ученія. Манихеи воспитывали третьяго сына его, по имени Феасуарса, котораго родила ему дочь его, Сам-

вики, и наоивши его своимъ ученіемъ, внушили ему слѣдующее: «Отецъ твой уже состарѣлся, и если случится ему умереть, то верховные маги сдѣлають царемъ котораго нибудь изъ братьевъ твоихъ, потому что могущество ихъ очень велико; мы же мольбами своими можемъ склонить отца твоего удалить ихъ отъ престола и возвести тебя на оный и, такимъ образомъ, ты всюду можешь потомъ утверждать ученіе Манихеевъ». Онъ согласился на ихъ предложеніе, если только будетъ когда-либо царствовать. Узнавъ объ этомъ, царь Кавадъ созвалъ народное собраніе, съ тѣмъ, чтобы, какъ говорилъ онъ, сдѣлать царемъ Фѣасуарса, въ которое приказалъ явиться также всѣмъ Манихеямъ съ епископомъ ихъ, женами и дѣтьми, равно какъ архимагу своему, Глоназу, съ прочими магами и, наконецъ, Христіанскому епископу, Визану, котораго любилъ, какъ отличнаго врача. Тутъ, обратившись къ Манихеямъ, сказалъ имъ: «Я люблю ученіе ваше, и еще при жизни своей хотѣлъ бы препоручить царство мое и сыну моему, Фѣасуарсу, какъ послѣдователю вашему. А потому отдѣлитесь теперь отъ прочихъ и примите его!» Они ободрились смѣло стали отдѣльно. Кавадъ подавъ знакъ войску напасть на нихъ, и всѣ были изрублены остриемъ меча съ епископомъ ихъ передъ глазами верховнаго мага и Христіанскаго епископа, за тѣмъ отдалъ повелѣніе по всему государству истреблять Манихеевъ, гдѣ только схватятъ ихъ, также предавать огню имущество ихъ, или отбирать въ царскую казну, а книги жечь. Между тѣмъ благочестивый императоръ Юстинъ управлялъ государствомъ мудро и мужественно, и разослалъ по всѣмъ городамъ указы, въ конхъ повелѣвалось наказывать всѣхъ, производящихъ безпорядки и убійства, успокоилъ Константинопольскій народъ и большой страхъ внушилъ къ себѣ, также вѣнчалъ супругу свою, Феодору, царскимъ вѣнцомъ, чтобъ и она вмѣстѣ съ нимъ царствовала. Патриція Ипатія, сына Секундина, поставилъ военачальникомъ Востока для охраненія Восточныхъ предѣловъ отъ набѣговъ Персовъ и Сарацинъ; въ заключеніе и онъ крѣпко преслѣдовалъ Манихеевъ и многихъ изъ нихъ наказалъ.

л. м. 6017, р. х. 517.

Въ семь году Аназарвъ, главный городъ второй Киликіи, находясь въ управленіи Калліопія, сына Иринеова, подвергся страшному землетрясенію и почти весь обрушился. Юстинъ возстановилъ его и назвалъ Юстинополемъ.

Въ томъ же году Едесса, большой и знаменитый столичный городъ Осроинской области, былъ, по волю гнѣвнаго Божества, затопленъ разлившеюся рѣкой. Рѣка Скиртъ, протекая среди города, доставляетъ ему значительное богатство и украшеніе. Она-то вышедши вдругъ изъ береговъ своихъ, словно море, залила его и увлекла съ собой дома вмѣстѣ съ обитавшими въ нихъ. Спасшіеся утверждали, что она и прежде опустошала городъ, но не въ такой степени. Когда вода спала, то нашли на берегу рѣки каменную плиту съ іероглифическою надписью такого содержанія: «Попрыгунья (Σκίρτος) рѣка напрыгаетъ худые прыжки для своихъ гражданъ». Царь Юстинъ много издержалъ для возобновленія обоихъ этихъ городовъ.

Въ этомъ же году появилась одна женщина изъ Киликіи, испанскаго роста, превышавшая самага рослаго мужчину цѣлымъ локтемъ и весьма широкоплечая. Странствуя по городамъ, она получала за трудъ свой одно пудо.

л. м. 6018, р. х. 518.

Первый годъ правленія Хозроя, царя Персидскаго.

Въ семь году, въ октябрѣ, индиктіона четвертаго, постигли городъ Антиохію предвѣстники гнѣва Божія: въ самой срединѣ города, не извѣстно отъ чего, произошелъ большой пожаръ, предвѣщавшій наступающую грозу Божію. Пожаръ начался отъ церкви святаго мученика Стефана и простерся до преторіи военачальника. Онъ былъ только началомъ горя. Пожары продолжались цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, много домовъ сгорѣло и много народу померло. Никто не могъ дознаться, отъ чего загаралось: огонь показывался даже на кровляхъ пятиярусныхъ домовъ. По ходатайству патріарха Евфрасія императоръ соизволилъ дать городу двѣсти фунтовъ золота.

Въ томъ же году, мая 20, того же индиктіона, въ 7 часу, дня, во время консульства въ Римѣ Оливрія, Великая Антиохія, Сирійская, по гнѣву Божію претерпѣла несказанное бѣдствіе. Гнѣвъ Божій такъ былъ великъ, что почти весь городъ обрушился и сталъ гробомъ для жителей. Нѣкоторые, находясь подъ развалинами, сдѣлались еще живо жертвою огня, выходявшаго изъ подъ земли; другой огонь ниспадалъ съ воздуха въ видѣ искръ и какъ молнія сожигалъ, кого только встрѣчалъ; при этомъ земля тряслась въ продолженіи цѣлаго года.

л. м. 6019, р. х. 519.

Первый годъ епископства Феликса въ Римѣ.

Въ семь году при возобновившимся землетрясеніи, погибъ подъ развалинами Антіохійскій епископъ, Евфрасій; не осталось ни дома, ни церкви, все пало и красота города исчезла. Такого гнѣва Божія не бывало во всѣ вѣки ни въ одномъ городѣ. Благочестивѣйшій императоръ Юстинъ, услышавъ объ этомъ съ крайнимъ прискорбіемъ души, снялъ съ головы своей вѣнецъ, отложилъ багряницу и во вретщѣ плакалъ многіе дни; даже въ самый праздникъ, отправляясь въ церковь, не захотѣлъ взять ни вѣнца, ни плаща, вышелъ просто одѣтый, въ одномъ багряномъ плащѣ, и передъ всѣмъ сенатомъ рыдалъ, а съ нимъ и всѣ рыдали въ печальныхъ одеждахъ. Царь немедленно послалъ въ Антіохію графа Карина, которому далъ пятьсотъ фунтовъ золота для откопанія и, если можно, спасенія кого, а засыпанное сохранить отъ разбойниковъ и грабителей. Потомъ, въ слѣдъ за графомъ, отправилъ патриція Фоку, сына Кратерова, патриція Астерія и епарха, мужей мудрыхъ, снабдивъ ихъ большими деньгами для возобновленія города. Апрѣля 4 дня, индиктіона 5-го, въ праздникъ Пасхи, императоръ Юстинъ, почувствовавъ слабость, еще при жизни своей назначилъ царемъ Юстиніана, внука своего, котораго вѣнчалъ и съ которымъ царствовалъ потомъ вмѣстѣ четыре мѣсяца, а въ августѣ мѣсяцѣ того же пятаго индиктіона благочестивѣйшій Юстинъ скончался, оставя по себѣ царемъ Юстиніана.

По кончинѣ Евфрасія, епископа Антіохійскаго, на мѣсто его рукоположенъ Евфраимій Амидійскій, бывшій въ ту пору графомъ Востока, который показалъ божественную ревность противъ отщепившихся.

л. м. 6020, р. х. 520.

Первый годъ правленія императора Римскаго, Юстиніана, Іоанна, епископа Іерусалимскаго, и Ефраимія Антіохійскаго.

Въ семь году Юстиніанъ Великій, будучи самодержцемъ, поставилъ въ графы Востока патриція Арменія, которому далъ большое количество денегъ и приказалъ отправиться и возобновить Пальми-

ру, городъ, лежащій въ Финикіи Ливанійской, на внутреннемъ рубежѣ, назначивши ее мѣстопробываніемъ для дука, которому поручилъ охранять святыя мѣста. 1-го же генваря, того же индиктіона, сдѣлалъ Консульскія игры, на кой употребилъ такія огромныя деньги, какихъ ни одинъ передъ тѣмъ царь не употреблялъ.

Въ этомъ же году Персидскій царь пошелъ войной противъ царя Лазовъ, какъ передшедшаго на сторону Римлянъ, но императоръ Юстиніанъ послалъ ему вспомогательное войско съ тремя полководцами, Велизаріемъ, Кирикомъ и Петромъ, которыхъ, однако, тотъ побѣдилъ. Царь, негодуя на полководцевъ своихъ, что они, завидуя одинъ другому, доставили неприятелю побѣду, отозвалъ ихъ, а на ихъ мѣсто отправилъ военачальникомъ писца своего, Петра. Сразившись съ Персами, послѣдній, при содѣйствіи Лазовъ, одержалъ побѣду и множество ихъ погубилъ.

Въ томъ же году присоединился къ Римлянамъ царь Едуровъ, по имени Гретись, и, пришедши въ Константинополь съ народомъ своимъ, просилъ Юстиніана сдѣлать его Христіаниномъ. Императоръ крестилъ его въ храмѣ въ день Богоявленія, воспріявши самъ отъ купели; съ нимъ вмѣстѣ крестились сенаторы его и двѣнадцать родственниковъ. Съ радостію отправился онъ въ свою землю, обѣщавши царю дружбу и помощь, чѣмъ только пожелаетъ онъ. Царь назначилъ военачальникомъ Арменіи Цитта, мужа воинственнаго и весьма способнаго. Прежде Арменія не имѣла полководца (*στρατηλάτην*), но только дуковъ и комитовъ (*δοῦχος καὶ κόμητας*). Въ войскѣ его служило множество Армянъ, знакомыхъ со всѣми частями Арменіи. Юстиніанъ сверхъ того далъ ему четыре Восточныхъ полка, и это войско было для Римлянъ большою защитою и пособіемъ; наконецъ царь выдалъ за него сестру царицы, Феодоры. по имени Комито.

Въ томъ же году присоединилась къ Римлянамъ нѣкоторая жена изъ Гунновъ, называемыхъ Сивирами, варварка, по имени Воариксъ, вдова, подъ властію которой находилось сто тысячъ Гунновъ; она управляла ими въ странахъ Гуннскихъ по смерти мужа своего, Валаха. Кавадъ склонилъ двухъ царей другихъ Гуннскихъ племенъ, жившихъ далѣе во внутреннихъ краяхъ, по имени Стиракса и Глониса, помогать ему въ войнѣ противъ Римлянъ. Когда они проходили съ двадцатью тысячами войска въ Персію черезъ владѣнія царицы Воариксъ, она напала на нихъ и поразила на голову. Одного изъ

IV.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ковъ той же сохи, писались особую статью, которая называлась костью, и получала отдельную сотную, или выписъ изъ общихъ писцовыхъ книгъ уѣзда, гдѣ прописывались все дворы и земли причисляемые къ кости, и назначались подати и службы сообразныя съ промыслами пайщиковъ кости, по которой сотной они и верставались между собою. Напримеръ въ сетной 1557 года данной на волость Барокъ, сказано: «Лѣта 7065 февраль 10 день, по Цареву и В. К. Ивана Васильевича всеа Русіи приказу, дана сотная съ Пашехонскихъ книгъ письма Федора Ивановича Чулкова да дьякона Федора Фатьянова; въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ волость Ивановъ-Борокъ, деревня сельцо Бережное на Шекснѣ, (Д) Захарка Малышкинъ, (Д) Спириа Матвѣевъ, (Д) Окишко Ивановъ, (Д) Федко Овонинъ, (Д) Ивашко Погожей, пашни восемь десятинъ въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна тридцать копенъ, да на Ившинѣ наволокъ у рѣчки у Каменки тридцать копенъ, выть. Дерев. Косино Филиповъ починокъ, на рѣкѣ на Косинкѣ, (Д) Якимко Гридинъ, пашни полторы десятины въ полѣ а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна двадцать копѣиъ, полчетверти выти. Дерев. Бонема..... И всѣхъ деревень въ волости Иванова Борку 19, да деревень пустыхъ и пустошей 8, а дворовъ сорокъ, а людей въ нихъ 41 человекъ, да 13 дворовъ пустыхъ, пашни 77 десятинъ съ полудесятиною, перелогу 41 десятина въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна 506 копенъ; а лѣсу черного большаго бору и болота въ длину на четыре версты, а поперекъ на три версты..... а вытей десеть безъ трети выти и пол-пол-чети выти, и пол-пол-полтрети выти, да пустыхъ выть съ четью выти, а сошныя пашни полтрети сохи..... И съ тое волости Иванова Борку ямскихъ денегъ имъ не платити, и посошныя службы съ нихъ не наряжати, и города имъ не дѣлати; а за ямскіе денги и за посошную службу и за городовое дѣло, бити имъ Царевъ и Вел. Князи ѣзъ Порожской подъ деревнею подъ Олферовской.... А съ того Порожскаго ѣзу давати было имъ Царю и В. Князю оброкъ, съ году, на годъ по писцовымъ книгамъ, восемь осетровъ; двадцать пять стерлядей..... А приказщикова доходу съ тое волости, въ годъ на три праздники корму два рубля». (227). Здѣсь рыболовы отдѣлены по платежу податей отъ своихъ сосѣдей земледѣльцевъ, писанныхъ по общимъ писцовымъ книгамъ уѣзда въ однихъ сохахъ, но немогшихъ съ ними верстаться по своимъ промысламъ; и по сему рыболовамъ дана отдельная сотная, по которой бы они составляли особую кость, и верставались между со-

бою въ податяхъ, при раскладкѣ податей и повинностей принимались въ расчетъ не одни промыслы но даже состояніе плательщиковъ; а посему богатые и зажиточные члены известной сохи составляли особую кость, средніе особую, бѣдные также особую; отъ чего бѣдные въ случаѣ притѣсненія со стороны богатыхъ, которые желали-бы съ ними равняться въ податяхъ, обыкновенно говорили; «намъ де съ вами въ одной кости быть тяжело, не по животомъ и промысломъ». Въ слѣдствіе такового распорядка жители обыкновенно дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, и каждый изъ этихъ классовъ составлялъ особую кость, и при раскладкѣ податей для каждой кости правительство назначало особую мѣру, которая обыкновенно означалась количествомъ дворовъ на соху, принималась плательщиками въ соображеніе при верстаньи между собою. Для образца такового порядка я здѣсь выпишу изъ одной платежной книги Рязанскаго уѣзда писанной въ 7103 году: «Городъ Николы Зарайскаго, посадъ, а на посадъ въ острогѣ и за острогомъ тяглыхъ дворовъ лучшихъ людей пять дворовъ, а людей въ нихъ 8 человекъ; да среднихъ людей 25 дворовъ, а людей въ нихъ 36 человекъ; да молодыхъ и убогихъ людей 131 дворъ, а людей въ нихъ 164 человекъ; и всего тяглыхъ дворовъ лучшихъ, среднихъ и молодыхъ и убогихъ людей 161 дворъ, а людей въ нихъ 208 человекъ; да 24 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 26 человекъ бобылей; да 13 дворовъ пустыхъ, да 12 мѣстъ дворовыхъ. А свошнаго письма въ живущемъ соха съ третью и пол-полчети сохи, а въ пустѣ четверть сохи; а въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, а среднихъ людей по 100 дворовъ, а молодыхъ и убогихъ людей по 120 дворовъ. А впредь имъ въ Государевыхъ Царевыхъ и В. Князя Бориса Феодоровича всея Русіи податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысломъ; а бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены». ²²⁸ Здѣсь по назначенію правительства лучшіе люди платили каждый дворъ восемьдесятую долю податной единицы, средніе сотую и молодшіе или бѣдные двадцатую; и этими долями каждая кость версталась сама со-

²²⁸ Книги платежныя Рязанскія письма и мѣры Василья Яковлевича Волынского да Ивана Афанасьевича Нащокина, да подьячаго втораго Ильина да Олексѣя Молохова лѣта 7103, 7104 и 7105 году.

бою уже безъ виѣшательства со стороны правительства, какъ сказано въ актѣ: «а въ Государевыхъ податяхъ верстатся самимъ по животомъ и по промысловъ».

Жители, ихъ права и обязанности.

Въ Москвѣ равно какъ и въ другихъ городахъ Руси жители раздѣлялись прежде всего на земцовъ и княжчанъ, или на земщину и княжую дружину; первые носили названіе своего города или племени, Москвитяне, Любчане, Сѣверяне и проч., а вторые назывались по имени князя, Изяслава дружина, Мстислава Ярославля. Различіе между земцами и княжею дружиною очень ясно выражено у Нестора вслѣдъ за описаніемъ Литвинской битвы Ярослава съ Мстиславомъ: «Мстиславъ же о свѣтѣ за утро видѣвъ лежачіе сѣчены отъ своихъ Сѣверъ, и Варягы Ярославлѣ, и рече: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». ²²⁹. Здѣсь Мстиславъ хотя и называетъ Сѣверянъ своими, но не признаетъ ихъ за одно съ дружиною, которая для него дороже Сѣверянской земщины. Таковое же различіе земщины отъ княжчины находимъ и въ Московскихъ официальныхъ документахъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ писанной въ 1388 году сказано:

«А коли ти будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ кто иметъ жили въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А Московская рать кто ходилъ съ воеводами, тѣ и поѣха съ воеводами, а нашъ ихъ не приѣмати». ²³⁰. Дмитрій Донской прямо говоритъ, что Московская рать т.-е. земская совѣмъ не то, что дружина княжая, что она ходитъ своихъ воеводами и князь не имѣютъ права вступаться въ нее («а нашъ ихъ не приѣмати»), хотя она дѣйствуетъ за одно съ князьями и участвуетъ въ ихъ походахъ. То же подтверждаетъ во многихъ мѣстахъ Никоновская лѣтопись. Такъ подъ 1304 годомъ въ ней сказано, что К. Иванъ Даниловичъ узнавши о походѣ Тверичъ къ Переяславлю: «укрѣни всѣхъ своихъ бояръ и переславцовъ и къ Москвѣ

²²⁹ Нест. по Лавр. сп., стр. 64.

²³⁰ Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

посла совокупляя рать»; или при описаніи самой битвы съ Тверичами. «И выиде противу К. Иванъ Даниловичъ Московскій съ нимъ же Переславская рать единомысленно бѣ и крѣпко стояше, къ тому же приспѣла и Моск. рать» (Ник. III. 102); или говоря о битвѣ К. Святослава Брянскаго съ татарами въ 1310 г.: «Брянцы выдаша князя Святослава Глѣбовича Брянскаго, и стяги пометаша и сами побѣгоша, Князь же Святославъ точию съ своимъ дворомъ много биеся съ татараы, послѣди убиенъ бысть въ полку» (III. 106). Я здѣсь поставилъ рядомъ свидѣтельство Нестора съ свидѣтельствомъ Московской договорной грамоты конца XIV вѣка собственнo для доказательства, что Московская земщина имѣла одинаковое значеніе съ земщиною другихъ городовъ Руси, что различіе между земщиною и княжею дружиною не было какимъ-либо Московскимъ нововведеніемъ, но искони принадлежало всѣмъ городамъ Руси и начало свое ведетъ отъ призванія въ Новгородъ Рюрика съ его дружиною.

Земцами или земщиною назывались племенные и исконные жители города и его области; къ княжнѣю же дружинѣ принадлежали пришельцы сопровождавшіе Князя и съ нимъ вмѣстѣ принятые городомъ. Пришельцы сіи первоначально преимущественно состояли изъ Варяговъ соплеменныхъ Рюрику, съ которыми онъ пришелъ въ Новгородъ и которые нѣсколько времени пополнялись новыми дружинами изъ Скандинавіи; но потомъ Князья стали принимать въ свои дружины всѣхъ охотниковъ безъ различія къ какому бы народу и племени они имъ принадлежали; причѣмъ вмѣстѣ съ чужеземцами начали поступать въ княжескія дружины по разнымъ разсчетамъ и жители городовъ занятыхъ князьями. Когда потомки Александра Невскаго утвердились въ Москвѣ, то княжія дружины уже преимущественно состояли изъ городскихъ земцовъ, находившихъ болѣе выгодъ служить какому-либо князю чѣмъ зависѣть отъ городскихъ общинъ; въ это время къ предприимчивому и ласковому князю толпами собирались дружинники со всѣхъ краевъ изъ Руси, изъ Германіи и даже изъ Орды; такъ наиримѣръ къ В. К. Ивану Даниловичу Калитѣ изъ Орды пріѣхалъ Мурза Четь, изъ Германіи Ондрей Кобыла, изъ предѣловъ богатый и стариннаго рода земскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ, который привелъ съ собою княжатъ и дѣтей боярскихъ и своего двора до тысячи семисотъ человекъ.

Дружинники жили въ городѣ только до тѣхъ поръ пока жили тамъ князь; съ удаленіемъ же или съ смертію князя удалялись

и его дружинники, и или приставали къ его наследникамъ, или искали другихъ князей. Такъ по смерти В. К. Андрея Александровича по свидѣтельству Никоновской лѣтописи: «боляре его, съ ними же Акинфъ боляршъ его, поживотъ его отъѣхаша во Тверь къ В. К. Михаилу Ярославовичу Тверскому», (Ник. Т. III, стр. 101.

Показавши различіе между земщиною и княжею дружиною теперь слѣдуетъ объяснить отношеніе ихъ другъ къ другу. Рюрикъ первый Русскій Князь, пришедшій изъ Скандинавіи въ Новгородъ, нашелъ уже тамъ сильную и богатую городскую общину, которая вела обширную торговлю съ востокомъ и западомъ и далеко распространила свои владѣнія въ сѣверо-западныхъ краяхъ нынѣшней Руси; община эта пригласила Рюрика только для введенія порядка и разбора ссоръ между родами ее составлявшими, *иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву или рядилъ по ряду*, какъ говоритъ намъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ ²³¹. Преемники Рюрика постепенно распространявшіе свои владѣнія почти то же находили и въ другихъ городахъ Руси, которые имъ удавалось занимать по Дибюру, по Западной Двинѣ, по Окѣ и по ихъ притокамъ; городскія общины, сильныя противъ немногочисленныхъ дружинъ княжескихъ, но болѣе мирныя чѣмъ воинственныя, почти вездѣ безъ сопротивленія принимали князей ²³², но не какъ

²³¹ Лавр. сп. Нест., стр. 8. Подробно объяснено въ моей статьѣ о городахъ на Руси, помѣщен. въ журн. Министер. Народ. Просв. 1848 года, № 2.

²³² Такъ безъ сопротивленія заняты были Кіевъ сперва Аскольдомъ и Диромъ, потомъ Олегомъ; такимъ же образомъ заняты Любечъ, Смоленскъ, Черниговъ и Переяславль. О Смоленскѣ и Любечѣ лѣтописецъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «и приде къ Смоленску съ Кривичи и прія градъ и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и вся Любечъ, и посади мужъ свой». (Лавр. стр. 10). О Переяславлѣ же и Черниговѣ онъ даже не упоминаетъ, какимъ образомъ они были заняты, и только уже въ договорѣ Олега съ греками называетъ ихъ зависящими отъ Олега. Но въ сѣмъ города не были ничтожными деревушками, о ихъ богатствѣ и торговлѣ знали уже въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуеть Императоръ Константинъ Багрянородный; слѣдовательно такыя города могли быть заняты или послѣ сильнаго боя, или по взаимному договору, но не какъ побѣжденные, а на условіяхъ равныхъ съ равными, какъ и можно заключить изъ договора Олега съ греками, гдѣ онъ равняетъ Русскіе города съ своею дружиною и требуетъ съ грековъ дани какъ для дружины, такъ и для городовъ, т. е. для земщины. Или еще ястѣ видно это въ договорѣ Игоря, гдѣ послы говорятъ о себѣ: «Послани отъ Игоря великаго князя Русскаго, и отъ всяка князя»,

побѣжденные побѣдителей, а какъ равные равныхъ; община уступала князю часть своей земли, * которою онъ могъ владѣть и надѣлать своихъ дружинниковъ, въ продолженіи всего того времени пока былъ княземъ города и его области, кромѣ того по взаимному согласію она давала ему опредѣленную дань и нѣкоторые доходы; князь же съ своей стороны принималъ на себя судъ и управу внутреннюю, и защиту общины отъ внѣшнихъ непріятелей, но не вмѣшиваясь самовластно въ распорядки общественниковъ ²³³. Даже самая защита общины отъ внѣшнихъ непріятелей принадлежала собственно не одному князю и его дружинѣ, въ ней участвовала вся община и для сего имѣла свое городовое войско и своихъ предводителей, и въ этомъ отношеніи хотя она дѣйствовала за одно съ княземъ, но только тогда, когда княжія распоряженія были согласны съ волею народа, въ противномъ же случаѣ община оставляла князя, или требовала чтобы онъ дѣйствовалъ по ея желанію ²³⁴.

и отъ всѣхъ людей Русскія земля». (Лавр. стр. 20). Здѣсь договоръ прямо говорить, что вмѣстѣ съ Княжими посланниками были и посланники отъ народа, отъ Земщины, чего конечно нельзя бы было допустить еслибы народъ былъ побѣжденъ и не добровольно принялъ князя на взаимныхъ условіяхъ равнаго съ равнымъ.

* Объ этой уступкѣ говоритъ В. К. Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ въ 1478 году. «И о волостяхъ и о селахъ, чтобъ наша вотчина В. Новгородъ дали намъ волости и села, понеже намъ В. Княземъ Государство свое держати на своей вотчинѣ В. Н. безъ то нальзѣ». (Томъ 5, стр. 67).

²³³ О княжескихъ земляхъ часто говорятъ наши лѣтописи; такъ на примѣръ при осадѣ Святослава Ольговича въ Новгородѣ Сѣверскомъ Мстиславъ Изясловичъ съ своими союзниками послалъ грабить села Игоревы в Святослава. (Ипат. стр.) а еще болѣе встрѣчается упоминаніе о такихъ селахъ въ оффиціальныхъ грамотахъ Московскихъ князей. Для по свидѣтельству Нестора Великой княгинѣ Ольгѣ былъ уступленъ Вышгородъ: «Бѣбо Вышегородъ градъ Волаши». (Лавр. стр. 25).

²³⁴ Такъ на примѣръ когда В. К. Изяславъ Мстиславичъ условяся съ своими союзниками о походѣ на К. Юрія Владимировича Долгорукаго, настойчиво началъ приглашать Кіевлянъ къ этому походу; то они прямо отвѣчали ему: «Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володиміре племя руки взяти; огня же Олговичъ, хотя и съ дѣтьми». (Ипат. стр.) или прежде при Изяславѣ Ярославичѣ народъ потребовалъ чтобы В. Князь вторично вооружился на Половцевъ; и когда Изяславъ отказался исполнить требованія народа; то Кіевъ объявилъ своимъ Княземъ Всеслава. А Москва оказывала свое неудовольствіе даже Іоанну III во время войны съ Ахматомъ; а Іоаннъ IV даже нашелся въ необходимости созвать соборъ во время войны съ Баторіемъ.

Права земщины очень долго сохраняли свою силу; и князья даже въ переговорахъ и расчетахъ между собою или передъ судомъ ханскимъ во время татарщины признавали голосъ земщины за одно съ голосомъ князей. Такъ въ 1296 году на съѣздѣ во Владимірѣ Переяславцы вмѣстѣ съ Тверскимъ и Московскимъ князьями стояли противъ князей Владимірскаго, Ростовскаго и Ярославскаго (Ник. Т. Ш. стр. 94), или Новгородцы неоднократно отправляли своихъ пословъ въ Орду, когда туда съѣзжались Русскіе князья.

Таковыя отношенія общины къ Князю условливали ея отношенія къ княжеской дружинѣ. Дружинникамъ, поселеннымъ между общинниками, предстояли двѣ задачи,—или сдѣлаться привилегированнымъ классомъ народа, или слиться съ общинниками. Въ первомъ они никогда не могли успѣть, ибо вся сила ихъ и все вліяніе заключалось въ силѣ и вліяніи князя, которому они служили: князь конечно былъ на ихъ сторонѣ, ему выгодноѣе было поддерживать преданныхъ и вполне зависящихъ отъ него дружинниковъ а, не общину, которая была сильна и самостоятельна; но онъ нѣкоторымъ образомъ самъ зависѣлъ отъ общины, которая могла сказать ему: ты намъ не надобенъ, мы сѣщемъ другаго князя ²³⁵. Итакъ привилегированность дружинниковъ никогда не могла осуществиться какъ законъ, хотя иногда и осуществлялась на время какъ фактъ ²³⁶. А посему дружинникамъ оставалось слиться съ общиною; но и это было не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда; лучшимъ свидѣтельствомъ сему служить дружина князей московскихъ, которой при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва въ триста лѣтъ удалось успѣть въ этомъ. Здѣсь представлялись важныя препятствія.

Родословные и богатые общинники не охотно сближались съ чужеродными и часто иноземными дружинниками, которыхъ терпѣли только по необходимости. Приобрѣтать поземельную соб-

²³⁵ Подобныя выраженія не разъ употребляли Новгородцы, Киевляне, Галичане, Ростовцы, Полочане и Владимірцы, Нижегородцы, другіе; но не Москвичи.

²³⁶ Такъ напримѣръ въ Кіевѣ при Всеволодѣ Ярославичѣ и Святополкѣ Изяславичѣ, во Владимірѣ при Андрей Боголюбскомъ; но съ смертію сихъ князей дружинники падали, подвергались мщенію оскорбленной земщины, которая грабила ихъ имѣнія, а самихъ изгоняла.

ственность для дружинника было довольно трудно, ибо община не уступала ему ничего, а роды преимущественно старались удерживать свою землю за собою, чему служать доказательствомъ разные узаконенія о правѣ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами; дружинникъ могъ владѣть только землею данною отъ князя, или пользоваться доходами отъ поручаемой ему должности,—кормленіемъ, которое скорѣе отдаляло отъ него земщину, а не располагало къ нему. Сами князья для своихъ выгодъ конечно старались о соединеніи общины съ дружиною, но не шаче какъ когда земцы или общинники записывались въ дружинники²³⁷; переходъ друженниковъ, въ земщину явно противорѣчилъ княжескимъ выгодамъ, и князья, не имѣя права удерживать при себѣ свободныхъ дружинниковъ рѣшительно всегда старались по крайней мѣрѣ ограничивать эту свободу допущеніемъ перехода къ другимъ князьямъ, а не къ общинникамъ или земцамъ, чему служать доказательствомъ всѣ договорныя грамоты Московскихъ князей, въ которыхъ постоянно повторяется одно и то же выраженіе: «а боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля».

Такимъ образомъ для соединенія дружины съ земщиною оставалось одно только средство,—переходъ земцевъ въ дружину; а это естественно не могло сдѣлаться скоро, ибо земщина должна была дорожить своею самостоятельностью, и князь не могъ представить столько выгодъ, чтобы вся земщина, отступая отъ своихъ правъ и безусловно перешла въ его службу; частные случаи таковыхъ переходовъ могли быть перѣдки по неудовольствіямъ народичей или по другимъ расчетамъ; но они мало имѣли вліянія на цѣлую земщину, и дѣйствіе ихъ такъ было слабо и медленно, что ни въ одномъ княжествѣ Руси, кромѣ Москвы, не совершилось полнаго поглощенія земщины дружиною, и даже въ нѣкоторыхъ произошло обратное, дружина перешла на сторону земщины, и тѣмъ погубила своихъ князей, а вмѣстѣ съ князьями и самостоятельность княженій; такъ это было въ Нижнемъ

²³⁷ Такъ В. К. Иванъ Васильевичъ защищалъ Новгородскихъ бояръ перешедшихъ въ его службу, его посланники прямо говорили Новгородскимъ боярамъ и народу «о боярехъ Новгородскихъ, и о дѣтхъ боярскихъ которые служатъ В. Князю, чтобъ имъ не мстити ни каторю хитростию». (Тат. кн. 5, стр. 70).

Новгородъ, * Смоленскѣ, ** въ Твери, Рязани и нѣкоторыхъ другихъ княженіяхъ, которыя всѣ покорились Москвѣ или Литвѣ ²³⁸.

Для поглощенія земщины княжескою дружиною, кромѣ продолжительности времени, необходимыми условіями были: 1) богатство князя и постоянный успѣхъ въ предпріятіяхъ, отъ чего быстро увеличивалась дружина, ибо къ богатому, ласковому и счастливому князю болѣе собиравось охотниковъ служить; 2) постоянное удерживаніе власти въ одномъ княжескомъ домѣ, и особенно переходъ власти отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату; ибо такимъ образомъ земщина постепенно сживалась и съ князьями и съ ихъ дружинниками, которые росли на ея глазахъ, и мало-по-малу рождались съ нею. Оба сіи условія очень удачно соединились въ домѣ Даніила Александровича, родоначальника Московскихъ великихъ князей: самъ Даніиль успѣлъ соединить съ Москвою сильное Переяславское княжество, причемъ получилъ огромныя богатства, собранныя тамошнимъ княжескимъ родомъ; сынъ его Юрій покорилъ Коломну и Можайскъ, которыя доставили ему много земель для раздачи дружинникамъ въ помѣстья, а второй сынъ Даніиловъ Іоаннъ Калита такъ уже былъ богатъ сокровищами собранными отцомъ и братомъ и полученными въ добычу изъ разграбленной Твери, что могъ покупать не только села, но и цѣлые города, которые раздавалъ въ помѣстное и вотчинное владѣніе своимъ дружинникамъ; къ нему стекались на службу не только изъ всѣхъ краевъ Руси, но изъ другихъ земель. Преемники Калиты также постоянно увеличивали свои богатства, и тѣмъ болѣе и болѣе привлекали къ себѣ дружинниковъ, такъ что нечувствительно ихъ дружина если не превзошла,

* Въ той же лѣтописи подъ годомъ 1301 К. Борисъ Константиновичъ Нижегородскій проситъ своихъ бояръ чтобы они защитили его отъ Московскаго князя, но тѣ сложась съ земщиною Нижегородскою измѣнили ему и передали городъ и князя В. К. Василію Дмитріевичу Московскому. Причемъ Московскіе бояре начали дѣло съ земщиною и вступя въ городъ собрали народъ колокольнымъ звономъ на площадь (ibidem, стр. 240—41).

** О завоеваніи Смоленска Никон. лѣтопись говоритъ подъ 1404 годомъ. «Князю Юрью Святославовичу Смоленскому еще на Москвѣ сущу, а измѣняицы его Смоленскіи бояре, крамолу зду сотворивша послаша тайно къ Витовту глаголюще: скоро приди подъ Смоленскъ». (Ник. IV, стр. 309.)

²³⁸ Соб. Г. Г. и Д. № 23.

то по крайней мѣрѣ уравнилась съ земщиною какъ въ числѣ, такъ и въ богатствѣ владѣній. Домъ Данила Александровича не менѣе былъ счастливъ въ непосредственномъ вліяніи на земщину. Въ немъ въ первые сто лѣтъ не было междоусобныхъ войнъ людей съ племянниками; * Москва постоянно переходила сперва отъ старшихъ бездѣтныхъ братьевъ къ младшимъ—отъ Юрія къ Іоанну, отъ Симеона къ другому Іоанну, а потомъ отъ отцовъ къ старшимъ сыновьямъ. Московская земщина въ продолженіи всего этого времени не имѣла ни одного случая, гдѣ бы могла принять роль посредника между своими князьями, или гдѣ бы встрѣтилась съ новою княжескою дружиною. Она въ это время участвовала во всѣхъ военныхъ походахъ своихъ князей, и послѣ каждой войны болѣе и болѣе привязывалась къ нимъ, ибо всѣ войны оканчивались счастливо, и съ одной—стороны обогащали земщину участіемъ въ добычѣ, а съ другой—лѣстили ея самолюбію; она гордилась видя какъ князья старѣйшихъ земщинъ сгибались передъ ея князьями, и какъ знаменитѣйшіе города Руси постепенно другъ за другомъ становились въ разрядъ Московскихъ областей. Все это такъ привязывало Московскую земщину къ дому Данила, что Москва считала этотъ домъ для себя роднымъ, и готова была пожертвовать всѣмъ для его благоденствія, что и доказывала во многихъ случаяхъ. Такъ десятилѣтній Димитрій Ивановичъ Донскій въ 1363 году изгналъ Димитрія Константиновича Суздальскаго изъ Владимира, смирилъ Ростовскаго князя Константина, выгналъ изъ княженій князей Галицкаго и Стародубскаго единственно стараніями Московскихъ бояръ, которые рады были случаю торжествовать надъ князьями другихъ городовъ. (Тат. IV, 198). Но эта любовь и привязанность Московской земщины къ своему княжескому дому далеко еще не была безусловною покорностію и совершеннымъ отступничествомъ отъ своей самостоятельности. Княжая дружина и Московская земщина хотя дружно и ревностно служили однимъ и тѣмъ же князьямъ, но еще не составляли одного нераздѣльнаго цѣлаго: каждая имѣла свои частные интересы, и

* Въ продолженіе первыхъ ста лѣтъ лѣтописи только одинъ разъ замѣтили несогласіе между Московскими князьями: въ 1305 году при Юрьѣ Даниловичѣ. Но и тутъ дѣло не доходило до войны, младшіе братья Юрьевы только отъѣхали въ Тверь къ его сопернику Михаилу, и вѣроятно жили тамъ недолго, ибо въ 1314 году одного изъ нихъ Анастасія мы уже видимъ участникомъ въ Юрьевомъ походѣ въ Новгородъ (Ник. III, стр. 104 и 109).

представители земщины земскіе бояре еще долго отличались от бояръ дружинниковъ, и наши лѣтописи нерѣдко отличали ихъ даже особымъ именемъ *вельможъ*. Такъ у Татищева подъ годомъ 1351 этимъ именемъ представители Муромской земщины отличены отъ бояръ кияжескихъ. У него сказано: «Князь Юрій Ярославичъ Муромскій обнови градъ и постави дворъ свой во градъ; также и бояре его, вельможи и купцы и черные люди поставиша дворы своя» (IV. 171); или въ Никоновской лѣтописи также отличены земскіе бояре отъ княжихъ подъ тѣмъ же годомъ: «Митрополитъ Θεогностъ посовѣтовавъ съ сыномъ своимъ съ В. Кн. Семеномъ Ивановичемъ и съ бояры и съ вельможи и послаша послы своя въ Царьградъ» (Няк. III, стр. 201); или подъ 1353 годомъ: «Рязанцы взяша Лопасню, вельможи и намѣстника В. Князя изимаше». (Тат. IV, 177). По этому Московскіе князья постоянно должны были вести себя съ большою осторожностію, и постепенно и незамѣтно уничтожать различіе между дружиною и земщиною и мало-по-малу ограничивать тѣ права земцовъ, которыя были не согласны съ великокняжескою властію. Такъ еще Симеонъ Иоанновичъ Гордый старался ограничить право перехода земскихъ бояръ отъ одного князя къ другому. Въ его договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, сказано: «А что Олексѣ Петровичъ вшелъ въ карому къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрею къ собѣ его не пріимати, ни его дѣтій и не надѣяться ныего къ собѣ до Олексѣева живота, воленъ въ немъ В. Князь и въ его женѣ и въ его дѣтехъ»²³⁹. Но эта попытка, какъ несвоевременная и неудачная, была оставлена, и до самага В. К. Ивана Васильевича III мы уже болѣе не встрѣчаемъ подобныхъ ограниченій, ибо князья болѣе находили выгодъ въ свободномъ переходѣ бояръ особенно земскихъ. Людей же нужныхъ и полезныхъ они умѣли перезывать къ себѣ опять, хотя бы даже они оставили Московскую службу вслѣдствіе какихъ-либо неудовольствій. Такъ напр. В. К. Иоаннъ Иоанновичъ въ 1358 году перезвалъ къ себѣ двухъ Московскихъ бояриновъ изъ Рязани, которые десять лѣтъ тому назадъ оставили Москву по случаю насильственной смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича²⁴⁰. Къ числу важныхъ ограниченій, которыя Московскіе князья вво-

²³⁹ Собр. Г. Г. и Д. Т. I, № 23.

²⁴⁰ Татищ. Т. IV, стр. 185.

дили постепенно для стѣсненія земщины, безъ сомнѣнн принадлежить уничтоженіе должности Московскаго тысяцкаго, который представлялъ главу земщины, и нѣкоторымъ образомъ препятствовалъ полному развитію великокняжеской власти. Важность и большое значеніе должности земскаго тысяцкаго доказываютъ два случая записанные въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ 1348 году, узнавши о насильственной смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича, народъ возмущился, сравнивалъ смерть его съ смертію В. К. Андрея Боголюбскаго, многіе же изъ бояръ бѣжали въ Рязань съ женами и дѣтьми ²⁴¹. А въ 1374 году, когда по смерти послѣдняго Московскаго тысяцкаго Василья Вельяминова В. К. Дмитрій Іоанновичъ уничтожилъ званіе Московскаго тысяцкаго, то сынъ Васильевъ самовольно назывался тысяцкимъ и бѣжалъ въ Тверь, откуда съ согласія тамошняго князя отправился въ Орду вѣроятно съ жалобою на Дмитрія ²⁴². Но подобныя жалобы уже потеряли свое значеніе: ханы болѣе не имѣли прежняго могущества и ничего не могли сдѣлать сильному Московскому князю, и мятежный самозванецъ тысяцкій былъ посланъ и привезенъ въ Москву, гдѣ его публично казнили на Кучковѣ полѣ; причемъ Московская земщина заплатила обильными слезами своему неблаговременному заступнику. Что со смертію Василья Вельяминова уничтожена должность собственно Московскаго земскаго тысяцкаго и что бѣжавшій въ Тверь сынъ его, Иванъ, добивался и стоялъ только за это земское тысяцтво, а не за другое какое, это ясно свидѣтельствуется распоряженіемъ самого Дмитрія Іоанновича, который сперва далъ должность великокняжескаго тысяцкаго второму Васильеву сыну Никслаку ²⁴³, а потомъ и меньшому его брату Тимошею, о которыхъ обоихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1380 годомъ, гдѣ они названы именно великокняжескими тысяцкими, а не московскими, какъ назывался ихъ отецъ ²⁴⁴. Вскорѣ по

²⁴¹ «Убїенъ бысть, яко же К. В. Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ, и бысть мятежъ велиій на Москвѣ убївства того ради; тояже зныи по послѣднемъ пути большіе бояре Московскіе отѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми». (Никон. лѣт. Т. IV,

²⁴² Татищ. Т. IV, стр. 232.

²⁴³ Въ 1380 году передъ войною съ Мамаемъ: «Въ малѣ же бысть тихость отсюда и Великому Князю бывшу на пиру у Микуды Васильевича тысяцкаго съ братомъ своимъ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со всѣми тогда пришедшими князи и воеводы, и се пакы прїдоша вѣсти». (Тат. Т. IV, стр. 268).

²⁴⁴ При описаніи битвы съ Мамаемъ въ 1380 году сказано: «Князь бо Глѣбъ,

уничтоженіи должности земскаго тысяцкаго уничтожено и званіе отдѣльныхъ земскихъ воеводъ, и земская рать передана подъ начальство княжескихъ боярѣ. Еще при В. К. Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ Московская городская рать имѣла своихъ воеводъ. Такъ въ 1380 году на битву съ Мамаемъ ее велъ сынъ покойнаго тысяцкаго Тимошей Васильевичъ ²⁴⁵. Или въ договорной грамотѣ Донскаго съ Кн. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: «а Московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати» ²⁴⁶. Но съ Василья Дмитріевича во всѣхъ уже договорныхъ грамотахъ повторяется одинаковое выраженіе: «а Московская рать ходитъ съ нами воеводою,» (т.-е. великокняжескимъ) ²⁴⁷. Впрочемъ съ отиѣною отдѣльныхъ полузависящихъ отъ Князя земскихъ воеводъ не уничтожилось существованіе отдѣльной земской или городской рати не причастной къ великокняжескому двору или дружинѣ. Мы ее встрѣчаемъ еще въ полной силѣ при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III-мъ ²⁴⁸, а слѣды ея оставались до позднѣйшаго времени въ такъ называемой службѣ *съ городовъ*, которая постоянно является во всѣхъ разрядныхъ книгахъ вплоть до преобразования Русскаго войска, сдѣланнаго Петромъ Великимъ. Но тѣмъ не менѣе уничтоженіемъ должности земскаго тысяцкаго и отиѣною городскихъ воеводъ сдѣланъ былъ сильный ударъ земщине: лучшія и богатѣйшія земскія фамиліи, не находя болѣе въ земской службѣ должностей имѣющихъ важное значеніе, волей-неволей должны были переходить въ великокняжескую дружину,

Брянскіи и тысяцкіи Великаго Князя Тимоѣи Васильевичъ храбри и сильни зѣло крѣпце бьющися и не дающе Татаромъ одолѣвати». (Татищевъ. Томъ IV, стр. 280).

²⁴⁵ Тамъ же, стр. 273.

²⁴⁶ Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

²⁴⁷ Тамъ же № 35. Догов. грам. В. К. Василья Дмитріевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, 1389 года, № 45. Догов. Гр. В. К. Василья Васильевича съ Кн. Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1433 года, № 78. Догов. Гр. его же и съ нимъ же 1451 года № 84; его же съ нимъ же въ 1456 году.

²⁴⁸ Такъ, напримѣръ, у Татищева подъ 1468 годомъ сказано: «Іюня 4, изъ Новгорода Нижнего застава Вел. Князя, Князь Ѳедоръ Хрипуновъ съ Москвичи идоша на Волгу». (Кн. V, стр. 5). Или подъ 1470 годомъ: «По великомъ дни на другой недѣлѣ послалъ В. Князь на Казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воеводу Константина Безаубцева Александровича, а съ нимъ многіе».

дабы вовсе не лишиться вѣсу и уваженія въ народѣ и у Князя. Послѣдствія такого порядка дѣлъ лучше всего высказались при преемникѣ Василя Дмитріевича, сынѣ его Васильѣ Васильевичѣ, во время продолжительныхъ и упорныхъ войнъ его съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ и его сыновьями. Москва такъ крѣпко держалась за своего молодого Князя, что ни малолѣтство его, ни превратности военнаго счастія—ничто не могло отдѣлать Москвичей отъ Василя. Москва нѣсколько разъ переходила то къ Юрію, то къ его сыновьямъ; но немосковскіе Князья ни разу не могли удержаться въ ней, Москвичи толпами шли къ своему Великому Князю, то въ Коломну, то на Бѣлоозеро, то въ Тверь, они почти только своими собственными средствами всегда успѣвали возвращать къ себѣ своего прирожденнаго Государя. Конечно такого дружнаго дѣйствія княжеской дружины и Городской земщины нельзя бы было ожидать, ежели бы дальновидный Василій Дмитріевичъ не успѣлъ воспользоваться любовью народа къ своему дому и не соединилъ интересовъ лучшихъ земскихъ фамилій съ интересами собственной дружины и слѣдовательно съ своими и своихъ потомковъ. Преемники Василя, вѣроятно руководимые своими дружинниками, которые видѣли въ томъ свою пользу, продолжали идти по проложеннымъ слѣдамъ, и до того привязали къ себѣ Московскую земщину, что безъ всякаго опасенія могли дать ей одинакое значеніе съ дружиною, и до того возвысить ее передъ другими земщинами, что служить по Московскому списку для всѣхъ дружинниковъ другихъ князей и для земщинъ иныхъ городовъ считалось уже привилегією и высшимъ почетомъ. Московскіе Князья, принимая къ себѣ въ службу другихъ князей, ихъ дружинниковъ и бояръ изъ иныхъ городовъ, уже записывали ихъ по Московскому списку, а не по своему двору, какъ бывало прежде. Такимъ образомъ, не уничтожая Московской земщины, Московскіе государи безъ шума и безъ споровъ сдѣлали ее вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ орудіемъ для распространенія своей власти и для покоренія земщинъ другихъ городовъ Руси, которыя, правду сказать, видя умѣнье Московскихъ князей жить въ согласіи съ своею земщиною, за небольшими исключеніями почти не оказывали сильнаго сопротивленія; такъ что Московскому князю стоило только захватить или выгнать какого князя изъ его владѣнія, и тамошняя земщина спѣшила присоединиться къ Москвѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что земщина и Княжая дружина нечувствительно очутились при

одинаковыхъ правахъ, и только нѣкоторая разница осталась въ томъ отношеніи—принадлежалъ ли кто къ Московской или къ иногородной земщинѣ. А посему важнѣйшій вопросъ при изслѣдованіи различія правъ разныхъ жителей Московскаго государства состоитъ не въ показаніи, кто принадлежалъ къ дружинѣ или земщинѣ, но въ томъ, какъ раздѣлялись всѣ жители по классамъ или сословіямъ въ отношеніи ихъ обязанностей къ Государю и Государству. Въ этомъ отношеніи всѣ жители Московскаго Государства раздѣлялись на два общіе разряда, *на служилыхъ и не служилыхъ людей*. Служилые постоянно состояли на службѣ, и по первому требованію должны были являться туда, куда укажетъ Государь, безъ различія, была ли назначаемая служба гражданская, или военная, или придворная; неслужилые же занимались различными промыслами, и смотря по промысламъ и капиталамъ платили государственныя подати и отправляли разныя повинности; они также иногда требовались въ военную и гражданскую службу; но это всегда бывало только на извѣстные и опредѣленные случаи, и большею частію по выборамъ, производимымъ самими неслужилыми людьми между собою.

Быть служилымъ или неслужилымъ зависѣло отъ собственнаго прозвона каждаго; каждый житель Московскаго государства, пока не причислился къ какому-либо извѣстному классу, обыкновенно назывался *вольнымъ Государевымъ человекомъ*¹⁴⁹. Но такъ какъ Государство таковымъ вольнымъ людямъ не давало никакихъ правъ, кромѣ права личной безопасности, то естественно каждый стремился для обезпеченія своего существованія причислиться къ какому-либо классу, и обыкновенно поступалъ въ тотъ классъ, въ который его принимали, т.-е или дѣлался земледѣльцомъ, или какимъ-либо промышленникомъ, или служилымъ человекомъ, или поступалъ въ кабалу къ частному лицу; и смотря по тому принималъ на себя тѣ или другія обязанности въ отношеніи къ Государству, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже свободно пользовался правами, принадлежащими тому или другому классу. Разумѣется крѣпостные люди не могли имѣть такового выбора, они составляли собственность своихъ владѣльцевъ.

Самыми старшими классами служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, по свидѣтельству древнихъ официальныхъ гра-

¹⁴⁹ Ак. Юрид. №№ 198, 201, 203.

могъ, были *боаре, слуги, орднцы и дѣти*. (Объ нихъ въ первый разъ упоминается въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича Гордаго съ братьями, писанной въ 1341 году; потомъ со времени В. К. Василья Васильевича между служилыми людьми являются *боарскіе дѣти*, о которыхъ въ первый разъ упоминаетъ договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ К. Василемъ Ярославичемъ, писанная въ 1433 году. И наконецъ съ Царя Ивана Васильевича начинаютъ упоминаться въ разныхъ официальныхъ актахъ *деорляне* какъ представители перваго класса служилыхъ людей, и далѣе, *стрѣльцы, казаки, затинщики, воротники, плотники, пушчари, жузнецы* и другіе.

Всѣ служилые люди принимались правительствомъ въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны оно смотрѣло на нихъ какъ на жителей известной области или уѣзда и вслѣдствіе этого признавала въ нихъ известныя права и обязанности наравнѣ съ прочими жителями той же области; а съ другой стороны оно видѣло въ нихъ только людей обязанныхъ известною службою и съ опредѣленными правами службы.

(Объ обязанностяхъ и правахъ службы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь же займемся общимъ обзоромъ правъ и обязанностей принадлежащихъ служилымъ людямъ какъ жителямъ известной области или уѣзда.)

Въ этомъ отношеніи служилые люди принимались въ счетъ жителей уѣзда не по службѣ своей, а по владѣніямъ и землямъ имъ принадлежащимъ, по которымъ они и состояли судомъ и управою въ вѣдомствѣ начальниковъ уѣзда, и тянули въ дань и другія повинности вмѣстѣ съ неслужилыми земскими людьми. Вотъ на это свидѣтельство духовной грамоты К. Владимира Андреевича, писанной въ 1410 году: «А боярамъ и слугамъ судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ»²⁵⁰. Службу же свою они несли не по отношенію къ мѣсту жительства, но по особымъ условіямъ сдѣланнымъ съ *кѣмъ* или другимъ княземъ, за которымъ и должны были идти по первому требованію; впрочемъ въ случаѣ нападенія непріятелей на тотъ уѣздъ гдѣ находились владѣнія служилыхъ людей, они должны были защищать его наравнѣ съ прочими жителями, хотя бы этотъ уѣздъ, принадлежалъ и не тому

²⁵⁰. Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 40.

князю, которому они служатъ. Такъ договорная грамота В. К. Василья Дмитріевича съ Кн. Андреемъ и Петромъ Дмитріевичами говоритъ: «А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А хто которому князю служить, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городская осада, гдѣ кто живетъ тому туто и съѣсти»²⁵¹. Такое двоякое отношеніе служилыхъ людей и по службѣ и по имѣнію получило свое начало въ правѣ ихъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Князья, имѣя свои расчеты въ дозволениі свободнаго перехода, въ это же время должны были обезпечить чеприкосновенность территоріи своихъ княженій, дабы не поставить ее въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ. А посему въ народномъ Русскомъ правѣ составилось общее правило, постоянно и неизмѣнно имѣвшее свою силу во всѣхъ договорныхъ грамотахъ между князьями, состоящее въ томъ, что *переходъ служебнаго лица отъ одного князя къ другому не простирается на недвижимую собственность переходившаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ хозяинъ недвижимой собственности не лишается на нее своихъ правъ, несмотря на то, что перешелъ въ службу къ другому князю*. Это общее правило наблюдалось отъ древнѣйшихъ временъ вплоть до совершеннаго прекращенія удѣловъ. Для удостовѣренія и представляю здѣсь свидѣтельство двухъ договорныхъ грамотъ, принадлежащихъ къ двумъ крайнимъ точкамъ Московскаго удѣльнаго періода. В. К. Симеонъ Іоановичъ Гордый въ своей договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, говоритъ: «А по животѣ кто изъ бояръ и слугъ иметъ служити у нашихъ княгинь и у дѣтей нелюбья не держати, ни посягати безъ исправы, но блюсти какъ и своихъ»²⁵². Почти то же повторяетъ и одинъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Владимиръ Андреевичъ, почти уже лишенный владѣтельныхъ правъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Онъ въ своей записи, писанной въ 1554 году, говоритъ: «А которые бояре и дьяки и дѣти боярскіе и слуги сына твоего учутъ жити въ моей княжѣ Володимировѣ отчлѣ, на своихъ отчинныхъ замляхъ и на купляхъ: и миѣ ихъ блюсти какъ и своихъ людей»²⁵³. Въ этихъ двухъ актахъ указанія, на двоякое отношеніе служилыхъ людей по службѣ и владѣніямъ, выражены не совсѣмъ полно; но

²⁵¹ Ibid. № 37.

²⁵² Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 23.

²⁵³ Тамъ же № 169.

они здѣсь приведены только для опредѣленія границъ времени, когда дѣйствовало право перехода служилыхъ людей съ сохраненіемъ правъ на недвижимыя имѣнія, оставшіяся во владѣніяхъ государя, отъ котораго хозяинъ переходилъ въ службу другого князя. Полное же и ясное выраженіе права перехода и двойкаго отношенія служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ можно видѣть въ любой договорной грамотѣ, относящейся къ среднѣ Московскаго удѣльнаго періода. Для примѣра я здѣсь представлю свидѣтельство договорной грамоты В. К. Василья Васильевича съ Княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Можайскимъ, писанной въ 1448 году. Въ этой грамотѣ ясно и опредѣленно сказано: «А кто иметь жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей вотчинѣ въ великомъ княженъи: и миѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто иметь жити моихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей вотчинѣ и тебѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто которому князю служить, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ и ѣхати, которому служить. А городная осада гдѣ кто живетъ, тому туто и сѣсти, опрочѣ бояръ введенныхъ и путниковъ. А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля».²⁵⁴ Такимъ образомъ двойкое отношеніе служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ имѣло своимъ основаніемъ чисто политическое начало, образовавшееся и развившееся въ продолженіе Московскаго удѣльнаго періода; но оно пережило удѣльный періодъ и продолжало существовать и во время единовластія Московскихъ Государей до самаго Петра Великаго; только изъ политическаго начала оно преобразилось въ общее административное правило, — *не смѣшивать условій службы съ условіями владѣнія*. А посему при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, при его сынѣ Θεодорѣ, даже при Михаилѣ Θεодоровичѣ и въ первые годы царствованія Петра Великаго, мы не рѣдко встрѣчаемъ въ грамотахъ, что люди, по разрядамъ службы состоящіе по Переяславию, Бѣлуозеру, Москвѣ, или другому какому городу, судомъ и управою и разными повинностями по мѣсту жительства и по имѣніямъ тянутъ къ Дмитрову, Владимиру, Коломнѣ или другимъ городамъ. Даже въ самомъ управленіи отношенія по службѣ были въ разныхъ вѣдомствахъ съ отношеніями по владѣніямъ; всѣ расчеты по службѣ находились въ вѣдомствѣ разряднаго приказа, который велъ чередъ службы

²⁵⁴ Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 70.

по разряднымъ книгамъ; расчеты же по владѣнію состояли въ вѣдѣніи помѣстнаго приказа или которой либо четверти, которыя вели свои счета по писцовымъ, окладнымъ и смѣтнымъ книгамъ тѣхъ городовъ, въ уѣздѣ которыхъ находились недвижимыя имѣнія служилыхъ людей. Иногда правительство дѣлало попытки ограничивать и даже не допускать права владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, ежели пріобрѣтатель не состоялъ на службѣ по тому городу, къ которому было приписано имѣніе. Такъ въ соборномъ приговорѣ 1551 года сказано: «И впредь въ Тѣри и въ Микулинѣ, на Бѣлѣозерѣ, и на Рязани, и въ Оболенску иногородцомъ вотчинъ и купель не продавати»²⁵⁵. Но эти попытки не имѣли всеобщаго успѣха и не распространялись на всѣ земли Московскаго Государства, и отношенія по службѣ оставались по прежнему отдѣльными отъ отношеній по владѣніямъ или мѣсту жительства.

Первымъ классомъ служилыхъ людей были бояре. Этимъ именемъ въ нашихъ древнихъ официальныхъ памятникахъ первоначально означалось вообще все высшее первенствующее сословіе служилыхъ людей въ государствѣ, а не чинъ или должность, данная тому или другому лицу. Боярами назывались вообще всѣ знаменитѣйшія и богатѣйшія фамиліи безъ различія—состояли ли онѣ въ службѣ дружинной или земской. Поэтому боярство было собственно родовымъ исконнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій и родовъ безъ всякаго отношенія къ степенямъ служебной іерархіи; каждый представитель боярскаго рода безъ различія, старшій или младшій, былъ уже бояриномъ, какъ скоро поступалъ въ службу. Такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ В. К. Василия Дмитриевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1389 году, сказано: «А коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою»²⁵⁶. Здѣсь прямо и ясно названо боярами цѣлое служилое сословіе, которому назначался особый княжескій воевода. Или у Татищева подъ годомъ 1369 сказано: «Олгердъ дойде рѣки Тростны и тамо изби сторожевой полкъ В. Князя Дмитрія Ивановича, заставу Московскую и князи и воеводъ и бояръ всѣхъ поби». Или тамъ же подъ 1372 годомъ: «Князь Михайло Александровичъ Тверскій поиде ратию

²⁵⁵ Ак. Ар. Эк. Т. I. № 227.

²⁵⁶ Собр. Г. Гр. и Д. т. I. № 35.

къ Дмитрову и взя съ града окупъ, а посады, власти и села позже, а бояръ и людей изымавъ приведе во градъ Тверь» (стр. 224. томъ IV'.) Еще раньше подобное свидѣтельство встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи, гдѣ подъ 1370 годомъ сказано: «А Князь Великій Дмитрей Иоанновичъ Московскій по всѣмъ градамъ бояре и черные люди привель къ цѣлованью не даватись В. Князю Михайлу Александровичу Тверскому»²⁵⁷. Лѣтописецъ прямо противопологаетъ сословіе бояръ сословію черныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на городскихъ или земскихъ бояръ не принадлежавшихъ къ княжеской дружинѣ, о которыхъ еще яснѣе свидѣтельствуеетъ уставная Двинская грамота В. К. Василья Дмитриевича, данная въ 1398 году, въ ней сказано: «Пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго, и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ, и мои намѣстницы ходятъ по сей моей грамотѣ Великаго Князя»²⁵⁸.

Происхожденіе бояръ относится къ глубочайшей древности и было общимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. Собственно въ Россіи боярство появилось и развилось какъ необходимое слѣдствіе родового и общиннаго быта нашихъ предковъ. Всѣ древніе Русскіе города первоначально были общинами, составленными изъ нѣсколькихъ родовъ. Въ этихъ общинахъ каждый родъ имѣлъ своихъ старшинъ, первенствующихъ представителей въ семействахъ своихъ родоначальниковъ; и изъ этихъ представителей родовъ первоначально составились земскіе или городовые бояре,²⁵⁹ которые въ нашихъ лѣтописяхъ въ древнѣйшія времена назывались *нарочитыми лучшими мужами держащими землю*²⁶⁰. Съ принятіемъ въ нашихъ городахъ Варяго-Русскихъ князей въ одну категорію съ земскими боярами стали знаменитѣйшіе княжіе дружинники, называвшіеся прежде мужами княжескими.²⁶¹ Названіе это скоро впрочемъ

²⁵⁷ Ник. лѣт. т. IV, стр. 28.

²⁵⁸ Ак. Ар. Эк. т. I. № 13.

²⁵⁹ Моя статья о городахъ помѣщенная въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1848 г. № 2 объясняетъ этотъ предметъ во всей подробности.

²⁶⁰ Лавр. лѣт. стр. 24.

²⁶¹ Ibid. стр. 9, 10, 13 и 19.

перешло въ названіе бояръ. Такъ уже въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, вмѣсто *мужи* употреблено *бояре*, гдѣ послы Русскіе говорятъ Грекамъ: «И великій князь нашъ Игорь и бояре его, и людьє вси рустіи послаша ны» ²⁶². Въ послѣдствіи времени бояре дружинники пополнялись новыми пришельцами изъ разныхъ странъ, которые поступали въ ряды княжихъ бояръ или по знаменитости своего происхожденія и по извѣстной славѣ въ бояхъ и совѣтѣ, или по особеннымъ заслугамъ, оказаннымъ Князю. Въ Московскомъ государствѣ бояре искони составляли главныхъ и всегда готовыхъ защитниковъ страны, они обыкновенно были первыми воинами и главными совѣтниками князей и въ то же время надежными и вѣрными исполнителями княжестихъ приказаній въ дѣлахъ суда и расправы ²⁶³. Войско Московскихъ великихъ князей рѣшительно состояло изъ однихъ бояръ, которые вмѣстѣ съ собою приводили на службу и своихъ людей, съ своимъ оружіемъ и запасами; каждый бояринъ выводилъ съ собою вооруженныхъ людей, смотря по своимъ владѣніямъ и по помѣстнымъ землямъ, даннымъ отъ Князя. Внѣ военной службы бояре отправляли высшія придворныя должности: конюшихъ, ловчихъ, ключниковъ и другихъ; знаменитѣйшіе изъ бояръ засѣдали въ княжескомъ совѣтѣ, ²⁶⁴ а другіе управляли разными городами и областями подъ именемъ воеводъ и намѣстниковъ; въ эти должности иногда назначались и земскіе бояре, какъ мы уже видѣли въ вышенаведенной Двинской уставной грамотѣ 1398

²⁶² Ibid. стр. 20.

²⁶³ Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 36 и 44.

²⁶⁴ Князья во всѣхъ своихъ дѣлахъ постоянно держали совѣтъ съ боярами. На это наши лѣтописи представляютъ множество свидѣтельствъ: Такъ по лѣтописямъ приводимымъ у Татищева значится подъ 1368 годомъ: «Князь же Великій разумѣ яко недобрѣ бояре его о Князѣ Михаилѣ совѣтоваша; (стр. 212) или подъ 1366 годомъ: Князь же Вел. Дмитрій Ивановичъ совѣтоваше со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со всѣми своими старѣйшими бояры ежебы ставити градъ Москву каменный» (стр. 206); или подъ годомъ 1378: «той же (Митай) по совѣту В. Князя Дмитрія Ивановича и бояръ его остави архимандритію възде во дворъ митрополичъ» (стр. 245); или подъ 1389 годомъ: В. К. Дмитрій Ивановичъ въ завѣщаніи къ дѣтямъ говоритъ: «Бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противу дѣла коегождо; безъ ихъ думы ничто же творите»: (стр. 350.) Или еще раньше В. Князь Симеонъ Ивановичъ Гордый въ своей духовной грамотѣ, писанной въ 1353 году, говоритъ своимъ братьямъ: «а слушалбы есте отца нашего владыки Олексея, такожде старыхъ бояръ кто хотеть отцу нашему и намъ добра». (Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 24.)

года. Иные изъ бояръ посылались въ области для надзора за княжескими доходами съ какихъ-либо извѣстныхъ статей, и тогда они вообще назывались *путниками* или *боярами путными*,²⁶⁵ и въ частности по статьямъ доходовъ они носили названіе боярина *конюшаго пути*, или *ключника съ путемъ*, или *ловцаго съ путемъ* и подоб. Наконецъ еще князь иногда посылалъ бояръ для суда и расправы въ частныхъ дѣлахъ по жалобамъ и челобитьямъ частныхъ лицъ или обществъ мимо намѣстниковъ и волостелей, и тогда они обыкновенно назывались *боярами или судьями введенными*²⁶⁶.

Бояре въ отношеніи къ службѣ пользовались большими правами: 1. Они какъ люди совершенно свободные могли безпрепятственно перемѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, что, какъ мы уже видѣли, подтверждалось всѣми договорными грамотами князей другъ съ другомъ; изъ иныхъ грамотъ даже видно, что князья обязывались не держать нелюбья на таковыхъ отъѣзщиковъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ 1362 года сказано: «А кто будетъ бояръ и слугъ къ тобѣ брату моему молодшему отъ мене отъѣхалъ до сего доконьчанья, или по семъ доконьчаньи къ тобѣ прїѣдетъ, на тѣхъ ми нелюбья недержати». Но съ постепеннымъ ослабленіемъ удѣловъ право перехода бояръ стало мало по малу стѣсняться. Такъ въ дух. грам. В. Ки. Ивана Васильевича, писанной въ 1504 году, бояре, оставлявшіе москов. службу, уже лишались своихъ поземельныхъ владѣній: «А бояромъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія; а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». (Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 144). Потомъ для ограниченія вольныхъ переходовъ бояръ изъ одной службы въ другую Моск. государи постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ бояръ и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками. «Князь Юрій Васильевичъ Лыковъ съ братомъ своимъ съ Княземъ Одреемъ отъѣзжали отъ васъ государей въ удѣлъ ко Князю Андрею Ивановичу Старицкому; и по вашему государеву уложению кто отъ васъ государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, и тѣмъ, государь, въ своемъ роду

²⁶⁵ Собр. Г. Гр. и Д. т. I. №№ 33, 35, 47 и др.

²⁶⁶ Ibid. № 45. Жал. Гр. Костром. Намѣстнику 1499 года. (Ак. Ист. т. I № 110.)

щету вы государи не давали, кому они въ версту». Дѣло Пильменова съ княземъ Лыковымъ 1602 года (Руск. Ист. Сбор. 1838 г. т. II. стр. 286).²⁰⁷ 2. Боярскіе роды имѣли полное право считаться другъ съ другомъ степенями службы по старшинству, что называлось мѣстничествомъ. Это право такъ было священно и такимъ пользовалось уваженіемъ, что ни польза государственной службы, ни воля государя здѣсь не имѣли никакой силы: бояринъ, считавшій себя обиженнымъ въ назначеніи какой-либо службы, до тѣхъ поръ не принималъ сего назначенія, пока государь не удовлетворилъ его судомъ съ тѣмъ, кто ему былъ предпочтенъ, а въ случаѣ неудовлетворенія, вовсе отказывался отъ назначенія или даже оставалъ службу и государь здѣсь не могъ употребить никакого принужденія. Этимъ важнымъ правомъ бояре пользовались во всей силѣ даже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который всегда терпѣливо выслушивалъ мѣстническіе споры и рѣшалъ ихъ, не отступая отъ правилъ освященныхъ обычаемъ. Съ какого именно времени началось мѣстничество между Русскими боярами, мы указать не можемъ; но что оно въ Московскомъ государствѣ было уже при первыхъ князьяхъ, на это есть довольно ясный намекъ въ Ростовской лѣтописи: тамъ подъ 1332 годомъ сказано, что, когда по приглашенію Велик. Князя Ивана Даниловича пришелъ въ Москву служить одинъ изъ Кіевскихъ вельможъ «Родіонъ Несторовичъ и съ нимъ княжата и дѣти боярскія и двора его до 1700. Князь же Великій пріять его съ радостію, и даде ему боярство на Москвѣ, и устави ему надо всѣми большинство.... Въ тѣже поры бысть на Москвѣ бояринъ Акинѣй Гавриловичъ, и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ и отбѣжа въ Тверь и съ нимъ дѣти и внуцы его». ²⁰⁸

Бояре, какъ сословіе въ Московскомъ великомъ княженіи, оставались очень долго, несмотря на то, что по службѣ уже составилось при Московскомъ дворѣ особое достоинство бояръ и окольничихъ. Ибо еще въ 1341 году въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича съ братьями бояре и окольничіе упоминаются какъ сановники, а не какъ сословіе. «А туто были.... Петръ, архимандритъ Московскій, Филимонъ, архимандритъ Переяславскій, Василій.... тысяцскій Михайло Александровичъ.... Васильевичъ, Василій Окачевичъ, Онатья, окольнич.... Иванъ Михайловичъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I.).

²⁰⁷ Собр. Г. Г. и Д. т. I. № 27.

²⁰⁸ Ист. Г. Рос. т. IV. примѣч. 324.

Между тѣмъ какъ изъ сословія бояръ образовались дворяне, бояре же начали быть извѣстными только какъ первые сановники въ государствѣ не прежде 1566 года, ибо только въ приговорной грамотѣ Іоанна Васильевича IV, 1566 года, по случаю войны съ Литвою, въ первый разъ упоминается о дворянахъ, какъ о сословіи, замѣнившемъ сословіе бояръ. Гдѣ такимъ образомъ, перечисливъ чиновниковъ двора, упоминается о дворянахъ: «А Государя своего Царя и Великаго Князя бояре, и мы Государя своего и Великаго Князя окольничіе; а мы Государя своего казначей, язь печатникъ; а у бояръ въ судѣ язь Борисъ Ивановичъ Сукинъ; мы Государя своего дьяки, межи себя говорили есмь о литовскомъ дѣлѣ. А мы Государя своего дворяне 1-я статья: язь князь Иванъ княжъ Андреевъ сынъ Шуйскаго, язь князь Михайло, княжъ Юрьевъ сынъ Оболенскаго и другіе, и потомъ далѣе другія сословія». (Собр. Гос. гр. № 192).

Но съ сего времени бояре, какъ сословіе, а не санъ, не упоминаются въ грамотахъ, и, кажется, сословіе бояръ обратилось въ дворянъ, между тѣмъ какъ служебные князья остались по прежнему высшимъ сословіемъ. Такъ въ грамотѣ 1608 года сказано: «А здѣсе у насъ въ Галичѣ, князи и дворяне, и дѣти боярскіе, Галичане посадскіе люди и Галицкихъ пригородовъ и черныхъ волостей крестьяне, хотимъ всѣ за одно за православную крестьянскую вѣру помереть». (Ак. Ар. Эк. Т. II, № 91).

Бояре, какъ княжескіе, такъ и городовые или племенные, имѣли свои вотчины, родовыя и покупныя, съ которыхъ платили разныя въ казну повинности, и помѣстья, которыя имъ давались отъ князей въ кормленье и съ которыхъ должны были нести свою службу; въ кормленье имъ давались иногда цѣлыя области, съ которыхъ они имѣли право собирать въ свою пользу всѣ подати. Грамота Великаго Князя Василья Ивановича 1516 года: «Изъ Ярославцевъ пожаловалъ слугу своего, князя Василья Ивановича судомъ и данью, а дань емлетъ князь Василей на себя съ тѣхъ селъ и деревень (Ярославскаго уѣзда) съ году на годъ по сохомъ потому жъ какъ язь коли вемо взять дань на себя съ своихъ городовъ съ Боровска и Можайска, по колку сохъ». (Грам. Троицк. мон. № 15. Библ. Стров.).

Во время удѣльнаго періода помѣстья или кормленья отбирались въ казну княжескую, по переходѣ владѣльца въ другую службу, съ вотчинъ же онъ получалъ доходъ и оставался постоян-

нымъ ихъ хозяиномъ, хотя и перемѣнялъ службу, только въ такомъ случаѣ онъ не могъ перечислить вотчины въ другой удѣлъ, она постоянно всѣми казенными сборами тянула къ тому князю, въ владѣнiяхъ котораго находилась. О кормленьяхъ или помѣстьяхъ, вотъ какъ говоритъ грамота Донскаго 1362 года: «А который бояринъ поѣздетъ изъ кормленья отъ тобѣ ли ко миѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ, а люба служба отслужити ему». (Собр. Гос. гр. и дог., Т. I, № 27).

Бояре, какъ и князья, имѣли свои родовыя вотчины очень давно, такъ что нерѣдко у нихъ покупали вотчины владѣтельные князья; такъ это видно изъ духовныхъ грамотъ Іоанна Даниловича Калиты въ 1328 году и Симеона Іоанновича въ 1358 году, въ первой говорится такъ: «а селце на Масѣ, что купилъ у *Домея*, то даю сыну моему Ивану, а что есмь купилъ село Варварское и Мѣсовское у *Юрьева*, то даю сыну моему Андрею». Во второй: «село Семеновское Володимерское волости, что есмь купилъ у воеводы у Ивана, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ, что есмь купилъ у Ивана у Дрюцьскаго, и Заберегъ, что есмь купилъ у Семена у Новосильскаго». (Собр. Гос. гр. и дог., Т. I, №№ 22—24).

Изъ послѣдней грамоты видно, что многіе бояре имѣли вотчины не въ одномъ уѣздѣ и не въ одномъ удѣлѣ, такъ у Дрюцьскаго были вотчины и въ Костромѣ и въ Дмитровѣ; а также и бояре покупали у князей; такъ въ грамотѣ договорной Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1451 года сказано: «А отступилъ ти ся своеѣ вотчины Бѣжецкаго верха, опричь тѣхъ селъ, што есмь продалъ своимъ бояромъ, князю Семену Ивановичу Оболенскому, Тостиково и зъ деревнями, да Федору Михайловичу село *Микитинское*». (Собр. Гос. гр. Т. I).

Бояре съ своихъ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ платили въ казну великокняжескую. Дух. гр. Василья Васильевича 1462 года говоритъ: «А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому дамъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тѣ тому и есть». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). Или въ

грамотѣ 1410 года: «А бояромъ и слугомъ судамъ и данью потянути по удѣламъ, гдѣ кто живетъ. (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I).¹

Бояре сперва имѣли полное право мѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, лишаясь только помѣстья, но оставаясь владѣльцами вотчинъ. Такъ многіе грамоты прямо говорятъ: «бояромъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля»².

Но въ послѣдствіи сіе право прекратилось и оставляющей службу одного князя лишался уже и вотчинъ, которые находились въ удѣлѣ того князя; такъ въ Дух. гр. Ивана Васильевича 1504 года: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василя, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». Потомъ для огражденія таковыхъ вольныхъ переходовъ изъ одной службы въ другую, Москов. Вел. Князья постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ бояръ, и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками, что было большимъ ударомъ для боярскаго честолюбія. Вотъ на это указаніе изъ дѣлъ по мѣстничеству. «Князь Юрій Васильевичъ Лыковъ съ братомъ своимъ съ княземъ Андреемъ отъѣзжали отъ васъ Государей въ удѣлъ къ Князю Андрею Ивановичу Старицкому, и по Вашему Государеву уложению, кто отъ васъ Государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, и тѣмъ Государь въ своемъ роду счету вы Государи не давали, кому она въ версту». Дѣло съ Князя Лыкова 1602 года. (Руск. Истор. Сборникъ 1838 г. Т. II, стр. 286).

¹ Дог. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 года. А хто живетъ твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлахъ и въ отчинѣ въ велико-княжии и тѣхъ ны блюсти какъ и своихъ, а дань вѣяти какъ и на своихъ, а хто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тѣхъ тобѣ блюсти какъ своихъ, а дань вѣяти какъ и на своихъ (С. Г. Г. и Д. т. 1, № 55).

² Догов. Гр. Донскаго съ Мих. Андр. Тверскимъ 1368 г. Догов. Гр. Вас. Вас. съ Мих. Андр. Можайскимъ 1448 г. Догов. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 г. (Соб. Г. Г. в д. т. I. № 35). Догов. Гр. Вас. Дмитр. съ Ряз. Княземъ Фед. Олг. 1402 г. С. Г. Г. т. I. № 36. Или въ Догов. Грамотѣ Василя Дмитр. съ Мих. Алек. Тверскимъ 1398 г. «А бояромъ и слугамъ мѣжа насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ неступати; а данью и судомъ потянути имъ по землѣ и по водѣ. (Ак. Ар. Эк. Т. I. № 14).

Быль еще классъ бояръ путныхъ и введеныхъ; какое ихъ отличие отъ другихъ бояръ, и что значатъ бояры путные и введеные, историческіе памятники на это не представляютъ никакихъ свидѣтельствъ. Вотъ все, что говорится объ нихъ въ древнихъ грамотахъ: «А коли намъ взяти на своихъ боярехъ на путныхъ и тобѣ взяти на своихъ боярехъ на десяти». (Дог. гр. Вас. Дм. съ Влад. Андр. 1389 г.). «А гсродская осада, гдѣ хто живетъ, тому тута и сѣсти, оприче путныхъ бояръ». (Дог. гр. Вас. Дмитр. съ братьями 1405 года). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). «А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто и сѣсти, опричь бояръ введеныхъ и путниковъ». (Дог. гр. Вас. Яросл. Боровск. съ Вас. Вас. 1433 года). Введеные и путные бояре не значили ли тѣхъ, которые получали путь или вводились во владѣніе для кормленья и по смыслу грамотъ, кажется, они ¹ были еще бояръ большіе. Догов. гр. Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года: «А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ также по кормленью и по путемъ». (Собр. Гос. г.и дог. Т. I, № 33).

Въ послѣдствіи времени слово бояринъ стало означать собственно старшаго сановника при дворѣ государевомъ, а не первое сословіе служебныхъ людей, для означенія же сословія стали употреблять названіе боярскихъ дѣтей; впрочемъ утвердительно

¹ Жалов. Гр. Костромскому намѣстнику 1499 года. «Отъ Великаго Князя Ивана Васильев. всеа Руси боярину нашему введеному Костромскому намѣстнику, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу. Здѣся мнѣ билъ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ объма на Костромѣ сытымъ быти не съ чего; и лязъ здѣсе Князь Вел. Якова пожаловалъ городомъ Володимеромъ, а тебл есми пожаловалъ продалъ другую половину Костромы съ правдою». (Ак. Ист. Т. 1, № 110).

² «Бѣ въ той мысли (объ освобожденіи *Темнаго*) тогда съ нами Князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Иванъ Осчера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Дранца и иные многіе дѣти боярскіе двора Вел. Князя». 1446 года. Татищ. IV, стр. 369). Въ дополненіи къ Судебнику 1550 года сказано: «въ полкахъ быти княжатамъ и дѣтемъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣстъ, и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ; которые будутъ впередъ въ боярехъ или въ воеводахъ, и ови считаются, по своему отечеству. (Ист. А. Т. 1, № 154. стр. 251). Вотъ свидѣтельство объ этомъ изъ временъ Іоанна IV до 1566 г. «Что напредъ сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленья». Устав. Грам. Переславскимъ рыболовамъ 155 года (Ак. Ар. Эк. Т. 1, № 242).

сказать объ этомъ наши древніе памятники не дозволяютъ, можетъ-быть боярскими дѣтми назывались младшія боярскія фамиліи; (Никон. лѣт. Т. V, стр. 110—112) употребленіе имени боярскихъ дѣтей въ этомъ значеніи продолжалось до Іоанна Васильевича IV, при которомъ, и именно съ 1566 года, названіе боярскихъ дѣтей для означенія перваго служебнаго сословія, было замѣнено названіемъ дворянъ, боярскіе же дѣти стали означать низшій классъ служащихъ людей. Боярскіе дѣти, какъ первое сословіе служебныхъ людей или какъ означеніе младшихъ боярскихъ фамилій, въ первый разъ встрѣчаются въ грамотѣ договорной Василья Ярослав. Боровск. съ Вас. Васильев. 1433 года, гдѣ сказано: «А которые господа не бояре и дѣти боярскіе служатъ тобѣ Великому Князю или твоей братье, а живутъ въ моемъ удѣлѣ, и тѣ господине ходять съ тобою съ Великимъ Княземъ и съ вашими воеводами» (Собр. Гос. гр. Т. I, № 45) и продолжается въ этомъ значеніи даже при Іоаннѣ Васильевичѣ IV, при которомъ въ дополненіи къ Судебнику 7064 года въ первый разъ упоминается о боярскихъ дѣтяхъ, какъ служебномъ классѣ, низшемъ дворянъ. Статья 11-я: «А свѣдаетъ бояринъ или дьякъ и всякой приказной человекъ или дворянинъ и всякій сынъ боярской, что въ обыску люди ихъ лгали и имъ сказати правду Государю, и въ томъ ему отъ Государя опалы нѣтъ, а дѣлю сыскавъ въ правду вершити». (Ак. Ист. Т. I, стр. 256, и далѣе хорошо на стр. 263). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 184¹.)

А съ 1566 года когда уже Царь Іоаннъ Васильевичъ всѣхъ служащихъ людей раздѣлилъ на разряды и статьи, и далъ военной службѣ лучшей порядокъ и устройство; первое мѣсто въ служебномъ сословіи заняли дворяне, а вслѣдъ за ними боярскіе дѣти, которые такимъ образомъ уже перестали представлять въ своемъ имени высшее служебное сословіе, а только вторую его степень, какъ это видно изъ приговорной грамоты духовныхъ особъ,

¹ Еще въ 1363 году въ духъ завѣщанія Митрополита Макарія не упоминается о дворянахъ, и вмѣсто ихъ боярскіе дѣти, которые уже не означали сыновей боярт, а особое сословіе; вотъ слова грамоты: «Боголюбивымъ же боярамъ и княземъ и съ ихъ женами и съ дѣтми, оставляю миръ и благословеніе и прощеніе. Дѣтемъ же боярскимъ и дьякомъ и гостемъ, съ ихъ женами и съ дѣтми, и съ прочимъ христолюбивымъ воинствомъ оставляю миръ и благословеніе и прощеніе. (Ак. Ист. Т. I, № 172).

боярь, окольничихъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ гостей и купцевъ объ отказѣ Польскимъ посламъ въ перемирьѣ 1566 года, ¹ гдѣ сословія участвовавшія въ приговорѣ написаны въ такомъ порядкѣ: 1) А мы Государя своего богомольцы Архіепископы и Епископы (поименно кто былъ). 2) А мы Государя своего бояре (также поименно) а мы Государя своего окольничіе (поименно). А мы Государя своего дьяки (поименно). (Сіи сановники подавали одно мѣшніе). 3) А мы Государя своего дворяне 1) статья, (гдѣ помѣщены и многіе князья и подавали одно мѣшніе). 4) А мы дворяне и дѣти боярскіе другіе статьи (тутъ уже шѣтъ князей). 5) А мы Торопецкіе помѣщики. 6) А мы Лутцкіе помѣщики. 7) А мы Государя своего дьяки и приказные люди. 8) А мы гости и кушцы и Смольниие. (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 192). До сего же времени названіемъ дворянъ кажется означались только низшіе придворные служители, или вообще тотъ классъ людей, который съ сего времени сталъ называться боярскими дѣтьми. Вотъ слова грамоты: «А на Орлецѣ дворяномъ хоженаго бѣлка; а желѣзнаго четьре бѣлки, только человекъ скують, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего». (Уставная Двин. грамота 1398 года). «А дворяномъ нашимъ какъ пошло, погонь имати ѣтъ князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны. А дворяномъ нашимъ у купцовъ повоза не имати, развѣ ратныя вѣсти». (Договор. грам. Новгородская съ Иван. Васил. 1471 года). «А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою или дворяниномъ, ино дать срокъ на сто верстъ двѣ недѣли». (Судная Новгород. грам. 1471 г.). «А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тиунн не всылають дворянъ своихъ къ нимъ ни почто». ² (Жал. гр. Иван. Вас. 1494 г.) (Ак. Ар.

¹ И въ этой грамотѣ особенно подтверждаетъ наше мѣшніе то, что многія лица въ предшествовавшихъ грамотахъ гдѣ не было этого раздѣленія, назывались боярскими дѣтьми, а въ этой грамотѣ названы дворянами. Такъ въ грамотѣ 1565 года Ѳома Ивановичъ сынъ Третьяковъ, Князь Романъ князь Васильевъ сынъ Охлябининъ, Михайло Васильевъ сынъ Годуновъ писались боярскими дѣтьми, а въ грамотѣ 1566 года, написаны дворянами.

² «А намѣстницы мои городецкіе и ихъ тиунн не всылають дворянъ своихъ въ то село Присѣцкое». (Жал. гр. Дмитр. Юрьев. Углиц. 1440 г. Ак. Ар. Эк. т. I, № 37). Нельзя ли заключить изъ слѣдующей грамоты о различіи между прежними боярскими дѣтьми и дворянами. «А кто мои князь Михайловы Андреевичи бояре пойдуть на Уломскую слободку, или князи или воеводы или дѣти боярскіе, или мои дворянныи люди. Жал. гр. Бѣлозерск. Кн. Мих. Андр. 1460 г. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 65). А о боярскихъ дѣтяхъ вотъ какъ: «Мои бояре и дѣти

Эк. т. I, №№ 13, 91, 92, 131). И такъ изъ сословія древнихъ бояръ существовавшихъ до Василія Васильевича, и ихъ пресмыковъ боярскихъ дѣтей при Іоаннѣ IV образовалось дворянское сословіе; дворяне переменною названіемъ ни мало не измѣнили своихъ правъ и обязанностей, они также какъ и древніе бояре пользовались свободою службы, вотчиннымъ и помѣстнымъ правомъ и правомъ имѣть рабовъ или холопей, имъ также какъ и боярамъ древнимъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ должностямъ въ Государствѣ они состояли по прежнему изъ княжескихъ и древнихъ боярскихъ родовъ.¹ Но они получили большее устройство, ихъ раздѣляли на статьи смотря по состоянію и по службѣ лучшую среднюю и худшую, сообразно съ сими статьями они стали получать помѣстья, и сообразно съ помѣстьями и статьями являлись на службу въ извѣстномъ вооруженіи и съ положеннымъ числомъ вооруженныхъ слугъ. Служба дворянъ была не одна военная, но придворная и гражданская. Такъ они бывали стряпчими, стольниками, рындами, постельничими и другими придворными чиновниками, потомъ воеводами или намѣстниками въ городахъ, городничими,²

боярскіе въ тѣхъ селѣхъ не ставятся (гр. Шв. Вас. 14 66 г. Ак. Ар. т. I, № 82). А вотъ о боярскихъ дѣтяхъ послѣ 1566 года: «А для Государева Царева и В. К. Федора Ивановича всеа Русіи дѣла и на разсылку вѣли имъ, у воеводъ, дѣтей боярскихъ 20 человекъ по списку». Царск. наказъ о заготовленіи матеріаловъ для строенія Смоленской крѣпости 1595 года (Ак. Ар. Эк. т. I, № 365). Наказъ Астрах. воеводамъ, 1591 года. «Будетъ ли то каменное дѣло впередъ, прочно а приставилъ бы у того дѣла, у мастеровъ, дѣтей боярскихъ своего полку, мимо ихъ, кому вѣрять; а подмастерья де и камовѣщяки, и известные мастера, тою известью города дѣлати не имаются». (Ак. Ист. т. I, № 230). Или тамъ же далѣе. «Чтобы тѣ запасы отвезчи на Терку на спѣхъ, и назадъ бы съ порожиини суды, дѣти боярскіе и стрѣльцы, которые тѣ запасы на Терку повезутъ, воротилися къ нимъ въ Астрахань».

¹ Иванъ Вас. IV, въ 1572 году учредилъ даже чинъ думнаго дворянина, т. е. допустилъ лучшихъ дворянъ засѣдать въ Царской думѣ. Такъ значитъ въ послужныхъ спискахъ старинныхъ чиновниковъ въ Россіи 7080 года сказано. «Дворянинъ въ думѣ Романъ Васильевичъ Олферьевъ». (Древняя Россійская Вѣствованка, т. XX, стр. 52).

² Дѣло Князя Лыкова съ Княземъ Дмитр. Мих. Пожарскимъ 1609 года. «Иные Государь Пожарскіе Князи, бывали во многихъ годѣхъ въ городѣхъ городовые прикащики, иные въ объѣзжихъ головахъ меньше всѣхъ меньшихъ головъ, а иные Государь Пожарскіе Князи бывали въ Ямскихъ стройщикахъ». (Ист. Сбор. т. II, стр. 288). Дѣло Вельямнова съ Княземъ Вяземскимъ 1631 года. И въ Полоцкѣ головы стрѣльцкіе были: «Василій Огаревъ, да Микита Соротчѣвъ, да

губными старостами, тиунами. ¹ Съ Іоанна Васильевича III служба дворянъ или какъ тогда еще называли боярскихъ дѣтей получила болѣе опредѣленности и порядка, для нее были заведены разрядныя книги.

Дворянство состояло изъ прежнихъ удѣльныхъ князей изъ старинныхъ знаменитыхъ племенныхъ родовъ, или изъ знатныхъ чужестранцевъ, поступившихъ на службу Московскихъ Государей, всегда твердо помнило свое происхожденіе, и рѣзко отличалось отъ прочихъ классовъ общества благородствомъ и древностію своихъ родовъ, и для этого всегда вело въ своихъ семействахъ длинныя родословныя росписи, къ которымъ также причислялись записи о службѣ предковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались родословныя и разрядныя книги. Въ примѣръ заботливости дворянскихъ родовъ о сохраненіи своего родословія можно представить нѣсколько родословіи изъ дѣлъ по мѣстничеству. Таковы: 1) родословіе Князей Вяземскихъ, еще въ 1631 году подаванное во время споровъ по мѣстничеству съ Вельяминовыми, въ которомъ Вяземскіе производили свой родъ отъ Мономахова сына Мстислава. 2) Родословіе Вельяминовыхъ въ этомъ же спорѣ и въ то же время: въ которомъ пишется: Пришелъ изъ Большия Орды къ Вели. Князю Ивану Даниловичу Калитѣ Князь Четъ, а въ крещеніи имя ему Захарей, и у Захарья сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Димитрій Зерно, а у Димитрія Зерно дѣти: Иванъ да Костянтинъ, да Дмитрей; и отъ Ивана пошли Сабуровы да Годуновы, а Дмитріевъ сынъ Зерново Ондрей глазъ, а у Ондreja сынъ Вельямигъ, а у Вельямина было 4 сына, и отъ того пошли Вельяминовы.

Иванъ Васильевъ сынъ Вельяминовъ, да у казаковъ головы были Пгнатей Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, да Ратой Ивановъ сынъ Голенищевъ. Да на Великихъ Лукахъ осадной воевода былъ Данила Лихачевъ, а съ нимъ былъ въ Губныхъ старостахъ Ондрей Вельяминовъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 40). Дѣло Зюзина съ Нагимъ 1501 года. «А въ кою пору отецъ мой Федоръ Михайловичъ былъ у Государя бояринъ, а Михайло Шетневъ въ тѣ поры былъ у тюремъ пивунъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 5).

¹ Цар. гр. въ Казань 1593 г. «Сына боярскаго выбравъ добра, который отъ службы поотбылъ, приказали ему ту слободу вѣдать, и надъ новокрещены беречи того накрѣпко, чтобъ они христіанскую вѣру держали крѣпко, въ церквѣ ходили и въ домѣхъ у себя образы держали и на себѣ кресты носили, и поцовъ въ дома свои призывали, и отцевъ духовныхъ себѣ имѣли». (Ак. Ар. т. I, № 358).

Вторымъ служебнымъ классомъ были собственно такъ называемые *слуги*. Они раздѣлялись на два разряда на *вольныхъ* и на *состоящихъ подъ дворскимъ*. Первые составляли высшій классъ, и назывались въ древности дворянами¹, они могли свободно переходить отъ одного Князя къ другому, что продолжалось кажется до Иоанна IV, при которомъ названіе слугъ въ этомъ смыслѣ уже болѣе въ старинныхъ актахъ не встрѣчается; не были ли они при новомъ преобразованіи служебнаго сословія переименованы въ боярскихъ дѣтей, когда прежнихъ боярскихъ дѣтей называли дворянами? Въ послѣдній разъ о вольныхъ слугахъ упоминается въ Догов. грамотѣ Василья Иоанновича съ братомъ его Юрьемъ Ивановичемъ 1531 года; вотъ слова грамоты: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ промезъ насъ вольнымъ воля». (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 160). Слуги, какъ и бояре, имѣли свои вотчины, или получали помѣстья отъ Князей. Такъ объ этомъ говорятъ многія грамоты. Такъ въ Дог. Гр. Ряз. Кн. Федора Васил. съ Моск. Кн. Ив. Васил. 1496 года сказано: «А хто имѣтъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ, и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ; а отчинѣ мнѣ у нихъ и купленныхъ земель не отнимати (№ 128)». Тѣ же выраженія употреблены въ грамотахъ 1484 года. «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ невстучати. А

¹ На это довольно ясный намекъ даютъ Новгородскія грамоты, особенно древнѣйшія, напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ Вел. Кн. Михаиломъ Ярославич. Тверскимъ 1265 года сказано: «А въ Вежицахъ Княже тобѣ, ни твоей Княгини ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не держати, ни купити, ни даромъ прѣимати». (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 1). Тоже сказано во 2 дог. грамоте того же года, потомъ въ гр. 1307 г. съ Мих. Яросл. Твер. Тогда какъ въ грамотѣ 1303 года съ Михаиломъ Яросл. Тверскимъ сказано вмѣсто дворянъ слуги «А въ Бѣжичѣхъ тобѣ Княже ни твоей Княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ сель ни държати, ни купити, ни даромъ прѣимати.. Тоже сказано въ грам. 1308 г. 1327, 1375. (Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 7, 9., 15 и 16). Жалован. отчинная грам. Вел. Кн. Вас. Иван. 1615 г. «Государь всея Русіи пожаловалъ есми слугу своего моего Дмитрея Ивановича сына Мирославича, въ Мельни въ Радомскомъ стану, своимъ Вел. Кнзю селомъ Сквороденскомъ съ деревнями». (Ак. Арх. Эк. Т. I, № 160). Или вотъ еще въ Исторіи Русской Татищева, Т. IV. стр. 37: «Мнози убо Новгородцы отъ желѣзныя свнни избѣени быша, Мнози бояре и слуги Кнзей Рускихъ падоша». Подъ годомъ 1268 о дворянахъ ни слова. Очевидно, что слуги замѣняли дворянъ. Или тамъ же далѣе подъ годомъ 1281 «Дондеже выидуть отъ насъ изъ Копорья всѣ бояре твои и слуги твои». (стр. 67).

У.

С М Ъ С Ъ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ Е. В. БАРСОВА.

1. Память боярамъ и воеводамъ. о томъ, чтобы вѣдать Кирилловъ монастырь въ одномъ Приказѣ Большаго Дворца и ни для какихъ дѣлъ посланника туда не посылать. 1615 г.

Лѣта 7123 году августа въ 15 день по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи указу во всѣ города нашего государства память бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ. Государь Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи Успенія Пречистые Богородицы Кириллова монастыря игумена Флавіана зъ братьею пожаловалъ, велѣлъ Кирилловъ монастырь и монастырскіе вотчины вѣдати въ одномъ Приказѣ Большаго Дворца боярину Борису Михайловичу Салтыкову да дьяку Ивану Болотникову съ товарищы, а въ иныхъ ни въ которыхъ приказѣхъ Кириллова монастыря ни въ чемъ никакими дѣлы вѣдати и въ монастырскіе вотчины никакихъ для дѣлъ посланниковъ посылати не велѣлъ; а будетъ изъ котораго приказу до Кириллова монастыря дойдетъ какое дѣло и изъ тѣхъ приказовъ велѣлъ о томъ присылати памяти въ Приказъ Большаго Дворца. И по Государеву Цареву и Великого Князя Михаила Ѳеодоровича указу бояромъ нашимъ и воеводамъ и дьякомъ и всѣмъ приказнымъ людямъ Успенія Пречистыя Богородицы Кириллова монастыря и монастырскія вотчины ни чѣмъ никакими дѣлы вѣдати, и посланниковъ въ Кирилловъ монастырскіе вотчины ни для какихъ дѣлъ, посылати не велѣти; а будетъ до Кириллова монастыря дойдетъ какое дѣло и о томъ присылати памяти въ Приказъ Большаго Дворца, для того, что Кирилловъ монастырь велѣно во всемъ вѣдати въ одномъ Приказѣ Большаго Дворца, а оприче Приказу Большаго Дворца ни въ которомъ приказѣ ни въ чемъ вѣдати не велѣно.

Привісь у памяти дьяка Ивана Болотникова. Къ сей памяти игумена Флавіанъ печать свою приложилъ. На оборотѣ подписи: Кириллова монастыря келарь Богодѣль руку приложилъ. Казначей чернецъ Мартиньянъ руку приложилъ. Чернецъ Евстафій руку приписалъ.

2. О сылѣѣ война Нацковина въ Кирилловъ монастырь.

а) Грамота о томъ изъ «Разряда».

Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь архимандриту Моисею, да соборному старцу Матвеемъ Никифорову, да келарю Павлу Ремезову з братъею. По нашему Великого Государя указу посланъ съ Москвы на Бѣлоозеро въ Кирилловъ монастырь воинъ Нацковинъ съ сыномъ боярскимъ Степаномъ Ярышкинымъ, а велѣно ево въ томъ монастырѣ держать подъ началомъ. И какъ къ намъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, а сынъ боярскій Степанъ Ярышкинъ война Нацковина въ Кирилловъ монастырь къ вамъ привезетъ, и вы бы война у него, Степана, приняли и отдали ево старцу доброму, и держали подъ крѣпкимъ началомъ до нашего Государеву указу, и велѣли ему къ церкви приходити по вся дни, а пищу и питье велѣли ему давать братскую, и береженье къ нему держали, чтобы онъ изъ монастыря никуда не ушолъ и дурна какова надъ собою не учинилъ, а въ которомъ числѣ въ тотъ монастырь сынъ боярскій Степанъ съ нимъ воиномъ прѣдетъ и вы бы о томъ писали къ намъ Великому Государю съ нимъ же Степаномъ, а на Москвѣ ему, Степану, велѣли явитца и описку свою подать въ розрядѣ дьякомъ нашимъ думному Дементію Башмакову да Федору Грибоѣдову, да Василью Семенову. Писано на Москвѣ лѣта 7175, сентября въ 8 день.

б) Отписка Кириллова монастыря въ «Разрядѣ».

Великому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцу. Твоего царскаго богомолия Успенія Пречистыя Богородицы Кириллова монастыря чернецъ Матвей Никифоровъ, келарь Павелъ Ремезовъ з братъею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Прислана въ Кирилловъ монастырь твоя Великого Государя грамота, за приписью дьяка Василья Семенова, а въ грамотѣ написано: по твоему Великого Государя указу присланъ съ Москвы въ Кирилловъ монастырь воинъ Нацковинъ, съ сыномъ боярскимъ съ Степаномъ Ярышкинымъ, а велѣно ево въ Кирилловъ монастырѣ держать подъ началомъ, и какъ къ намъ богомолцомъ твоя Великого Государя грамота придетъ, а сынъ боярскій Степанъ Ярышкинъ война Нацковина въ Кирилловъ монастырь привезетъ, и намъ бы война Нацковина у него принять и отдать старцу

доброму и держать подь крѣпкимъ началомъ до твоего Великого Государя указу и велѣть ему къ церкви Божьей приходить, а пищу и питіе ему давать братское и береженье къ нему держать, чтобы онъ изъ монастыря никуда не ушелъ и дурна какова надъ собою не учинилъ, а въ которомъ числѣ сынъ боярскій Степанъ съ нимъ воинномъ прїѣдетъ и намъ бы о томъ къ тебѣ Великому Государю отписать, а на Москвѣ ему Степану велѣть явитца и отписку подать въ Розрядъ твоимъ Великого Государя дьякомъ думному Дементію Башмакову, да Федору Грибоѣдову, да Василью Семенову. И въ нынѣшнемъ, Великій Государь, во 175 году, сентября въ 24 день, сынъ боярской Степанъ Ярышкинъ того воина Нащокина въ Кирилловъ монастырь привезъ и по твоему Великому Государя указу и по грамотѣ, мы твои государевы богомолцы, того воина у сына боярского у Степана Ярышкина въ Кирилловъ монастырь приняли и подь началъ старцу добру отдали, къ церкви Божьей по вся дни приходить велѣли, и пищу и питіе велели ему давать братское и беречь приказали, чтобы съ монастыря никуда не ушелъ и надъ собою дурна какова не учинилъ. И о томъ къ тебѣ Великому Государю писали, а отписку подать и сыну боярскому Степану Ярышкину велѣли явитца въ Розрядъ твоимъ Великого Государя дьякомъ думному Дементію Башмакову, да Федору Грибоѣдову, да Василью Семенову.

**ДНЕВНЫЯ
ДОЗОРНЫЯ ЗАПИСИ**

О

МОСКОВСКИХЪ РАСКОЛЬНИКАХЪ.

С О О В Щ Е Н Ы

А. А. Титовымъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемые „Дневныя Записи“ извлечены изъ Бумагъ покойнаго О. М. Бодянскаго, входящихъ въ составъ нашего Рукописнаго Собранія. Не сомнѣнно, что онѣ были доставлены О. М. Бодянскому, вмѣстѣ съ другими матеріалами относящимися къ исторіи раскола г. Липранди, но къмъ именно онѣ были ведены, точно и опредѣленно сказать затрудняемся. Любопытныя сами по себѣ, онѣ представляютъ научный интересъ въ разныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны онѣ показываютъ, какъ мало были подготовлены къ своему дѣлу лица, которымъ довѣрялся дозоръ надъ Московскими раскольниками. Изъ предлагаемыхъ данныхъ видно, что составитель этихъ записей весьма мало былъ знакомъ съ исторіей раскола, смѣшиваетъ одну секту съ другою, связываетъ были съ небылицами и вообще заявляетъ себя слабостію исторической критики. Но за то, эти „Записи“ представляютъ драгоцѣнный матеріаль съ другой стороны, именно для правильнаго пониманія бытовой стороны Московскаго раскола. Онѣ вводятъ во внутреннюю его жизнь, знакомятъ съ его интересами, организаціей, пропагандой, отношеніемъ къ властямъ духовнымъ и свѣтскимъ и незаконными путями приобрѣтенія древнихъ иконъ, книгъ и рукописей. Особенно важны подлинныя письма и сочиненія раскольниковъ, бывшія подъ руками у составителя издаваемыхъ „Записей“ и приводимыя имъ то въ отрывкахъ, то въ цѣломъ видѣ.

А. Титовъ.

ДНЕВНИКЪ ДОЗОРНЫЯ ЗАПИСИ О МОСКОВСКИХЪ РАСКОЛЬНИКАХЪ.

1844 ГОДЪ.

Ноябрь 11.

Въ 1840-мъ году слышно было въ Москвѣ, что въ Чудовомъ монастырѣ собираются какіе-то послѣдователи секты монаха Лампада каждое воскресенье къ поздней обѣднѣ. Начальникъ ихъ былъ экономическій крестьянинъ Василій Демидовъ неизвѣстно гдѣ проживавшій,—подъ его начальствомъ по окончаніи литургіи, всѣ сектанты отправлялись въ трактиръ, находящійся на дворѣ дома занимаемаго рестораціею Печкина. Основаніе этой секты, какъ многіе увѣряли, состояло въ томъ, «что послѣдователи признавали «одного Бога своимъ царемъ, Государя же временнымъ начальникомъ для сбора денежныхъ повинностей».

Ноябрь 12.

На Преображенскомъ кладбищѣ, говорятъ, будто получена была какая-то бумага изъ С.-Петербурга, которую привезъ къ Гучкову Барышниковъ, Гучковъ пригласилъ къ себѣ купцевъ Семена Кузьмина, Алексѣя Никифорова, Матвѣя Григорьева, Андрея Егорова; три дня они постоянно собирались на совѣщанія и на 4-й день Гучковъ ѣздилъ къ Желтухину, но не былъ принятъ, равно какъ и на другой день получилъ отказъ.—Наконецъ на третій день Желтухинъ самъ пріѣхалъ къ Гучкову въ вечеру и остался до 3-го часа ночи; въ слѣдующій за тѣмъ день таковое же вечернее совѣщаніе продолжилось до 4-го часа утра. Въ продолженіи сихъ

посѣщеній Желтухинъ что-то писалъ, и оставлялъ у Гучкова, а этотъ собирая вышепоказанныя лица прочитывалъ имъ, потомъ писали вмѣстѣ, и вечеромъ Гучковъ читалъ Желтухину.

Между старшинами Преображенскаго кладбища замѣтно большое безпокойство, впрочемъ они обнадежены помощію Желтухина.

Ноябрь 13.

На Преображенскомъ кладбищѣ большое безпокойство; многіе образа Строгоновской живописи уважаемые по своему достоинству и рѣдкости выносятся тайно изъ часовень и передаются купцу Матвѣю Григорьевичу Матвѣеву, живущему въ Лефортовской части, во 2-мъ кварталѣ, въ собственномъ домѣ.

Предложено было у Гучкова въ домѣ на совѣщаніи купить въ Польшѣ небольшое имѣніе, гдѣ, основавъ монастырь, отправить туда какъ вещи церковныя, такъ и нѣкоторыхъ лицъ прежде «ожидаемаго разрушенія Преображенскаго кладбища. Имѣніе это еще не утверждено.

Ноябрь 14.

На Преображенскомъ кладбищѣ во флигелѣ надъ воротами въ женскомъ отдѣленіи проживаетъ прежде называвшаяся до постриженія дѣвка Ирриной Николаевою, а нынѣ въ монахинялхъ Ирридой,—фанатизмъ ея къ умноженію членовъ Преображенскаго кладбища между женщинами снискалъ все уваженіе общества. Семенъ Козьминъ, настоятель Преображенскаго кладбища, благословляетъ на подвиги совращенія отъ православной церкви и развращенія нравственности, нынѣ открывается случай услѣдить его стараніе.

Ноябрь 15.

Въ Москвѣ есть отдѣленіе секты Ѳедосѣевцевъ, которое молится за Государя, въ тропарѣ Животворящему кресту поетъ: «Побѣды на сопротивныя державному Царю нашему даруй»^{*)}. Эти сектанты не отвергаютъ браковъ, хотя не имѣютъ священниковъ, отдають дочерей своихъ въ замужество и женятъ сыновей. Секта эта прежде была извѣстна подъ именемъ Монинской, имѣла модельну въ домѣ Монина въ 6-мъ кварталѣ Лефортовской части, по

^{*)} На Преображ. кладб. этотъ тропарь: Побѣды Отцомъ нашимъ на сопротивныя даруй.

упраздненіи которой перенесла ее во 2-й кварталъ той же части въ домъ Московскаго мѣщанина Ивана Васильева Анисимова, въ ней проживаетъ нынѣ слѣпой мѣщанинъ Андрей Сергѣевъ почитаемый проповѣдникомъ. Священниковъ также какъ и на Фляхъ не имѣютъ, и по той же причинѣ, что послѣ патріарха Никона не кому рукоположить въ это званіе, а православная церковь нововведеніями отступила отъ древняго чина.

Попечители Монинской секты.

1. Купецъ 1-й гильдіи Никонъ Матвѣевичъ Гусаревъ заводчикъ кирпичной.

2. Купецъ 2-й гильдіи Елисей Савинъ Морозовъ фабрикантъ.

3. Купецъ 2-й гильдіи Максимъ Ѳедоровъ Зенковъ фабрикантъ.

4. Василій Ѳедоровъ Павфиловъ купецъ 2-й гильдіи пивоваръ.

Попечители Преображенскаго кладбища всегда гнали описываемую секту, даже перекрещивали приходившихъ изъ нее къ нимъ; на дняхъ возникла сильная распря между обывателями Преображенскаго кладбища и упомянутыми 4-мя попечителями, ибо послѣдніе не согласны участвовать въ постройкѣ между двумя монастырями на Преображенскомъ кладбищѣ приходской часовни, и какъ слышно что устрашаютъ открыть ихъ тайны.

Сочиненіемъ бумагъ по дѣламъ Преображенскаго кладбища у Гучкова занимается нынѣ чиновникъ 2-го департамента м. гражданской палаты г. Вельяминовъ, сынъ приходскаго священника Рождества въ Столешникахъ.

Ноябрь 16.

За рѣкою Яузою между церквами Козьмы и Даміана Спасѣ въ Чигасахъ въ домѣ купца Александровскаго, богатые обыватели рогожскіе устроили въ задѣ верхняго этажа церковь разбиваемую шатромъ, въ ней ставится престоль, совершается полная литургія и ихъ приобщаетъ Св. Таинъ какой-то монахъ Ираклій, въ этомъ домѣ пекутъ просфоры; по совершеніи литургіи, какъ шатерь, такъ сосуды и прочія церковныя вещи прибираются въ особенныя комнаты того же дома, гдѣ и хранятся. Рогожець весьма зажиточный—Третьяковъ имѣющій въ деревнѣ Кожуховой собственный домъ, нарочито выкопалъ у себя въ домѣ подъ землею подвалъ, куда въ случаѣ преслѣдованія укрыть можно-бы было монаха Ираклія.

Указателемъ всего открытія ввукъ купца 3-й гильдіи Ивана Александрова Иванъ Михайловъ молодой человекъ женатый на дочери дьячка изъ парка, она болѣе 30-ти разъ въ описанной церкви слухала литургіи вмѣстѣ съ дѣдомъ своимъ (по мужу) и рассказываетъ обо всемъ тамъ происходящемъ своему мужу, который живетъ у вышеупомянутаго дѣда своего въ части Рогожской во 2-мъ кварталѣ въ домѣ ямщика Ширева.

Настоящее положеніе для дальнѣйшихъ раскрытій весьма затруднительно, ибо малѣйшая неосторожность при наблюденіяхъ можетъ открыть намѣренія и общество рогожцевъ приметъ свои предосторожности, почему, пріостановивъ всѣ дѣйствія, осмѣлюсь затѣмъ испрашивать разрѣшенія, что предпринять приказано будетъ, присовокупя притомъ, что поспѣшность въ окончательномъ раскрытіи этого дѣла, едва-ли не есть главнѣйшее обстоятельство.

Декабря 16.

Рогожцы, сверхъ извѣстныхъ Правительству Священниковъ, имѣютъ еще шесть человекъ, которые у нихъ отправляютъ должности поповъ, ходя по разнымъ дѣламъ: вѣнчаютъ, крестятъ; при совершеніи служеній надѣваютъ на головы камлавки съ припущеными къ онымъ волосами на подобіе косъ; публично являясь въ народѣ, имѣютъ на головахъ волосы остриженные. Одинъ изъ такихъ поповъ, по имени Егоръ, нынѣшняго года въ Ноябрь мѣсяцѣ обвинялъ извозчика крестьянина Ульяна Евсѣева съ дѣвкой Запонорской волости. Евсѣевъ живетъ въ Рогожской части въ Тѣлѣжной улицѣ, въ домѣ «дворника Перфила Петрова». Попъ Егоръ скрывается въ Рогожскомъ кладбищѣ въ кельяхъ монахинь Пульхеріи и Магдалины, у нихъ же скрывается таковой же попъ Иванъ. Нерѣдко они посылаются изъ парка по Московской Губерніи для исполненій разныхъ требъ.

Декабря 17.

На Преображенскомъ кладбищѣ Семенъ Козминъ (настоятель) имѣетъ слѣдующихъ помощниковъ: 1-го Семена Иванова Изаняна, 2-го Семена Сергѣева. Этотъ послѣдній благословленъ Семеномъ Козминнымъ собственно для перекрещенія и исповѣди, которые исполняетъ не только *здѣсь*, но и въ разныхъ мѣстахъ. Боязнь ли быть открытымъ и возбудить преслѣдованіе или частыя миссіонерства причиной, что онъ безпрестанно перемѣняетъ свои кварти-

ры,—пробывъ нѣсколько времени у купеческихъ братьевъ Сукопчиковыхъ Никиты и Захара въ Рогожской части, переселяется въ домъ мѣщанки Бобровой Рогожской части, потомъ въ Черкизово. Если случится комунибудь изъ жителей Преображенскаго кладбища быть задержану въ тюремномъ замкѣ, то по благословенію Семена Козьмина, онъ отправляется туда для исповѣди и утѣшеній.

Декабря 18.

Изъ парка получено извѣстіе, что Московской Губерніи въ Богородскомъ уѣздѣ въ бывшей закрытой часовнѣ Рогожской по распоряженію Правительства, по случаю ея исправленія, нынѣ совершается Богослуженіе, для исправленія котораго проживаетъ тамъ одинъ изъ шести поповъ, о которыхъ упоминается выше.

Декабря 19.

Называемая въ народѣ Монинскаго моленная находящаяся въ Рогожской части въ Дурномъ проулкѣ, въ домѣ мѣщанина Монина, собственно принадлежитъ къ сектѣ Филиповщины *) или Филипановъ; помѣщеніе ея занимаетъ два небольшіе каменные двухъэтажные флигеля, изъ которыхъ въ правомъ отъ воротъ съ проулка живутъ женщины, а въ лѣвомъ мужчины; въ верхнемъ этажѣ праваго флигеля въ той же комнатѣ, гдѣ живутъ женщины и обѣдаютъ, помѣщенъ иконостасъ. Живущіе въ домѣ Молоткина называютъ другъ друга *«братьями и сестрами»*, почему въ простонародіи они извѣстны подъ именемъ *«братовщины»*.

На дворѣ дома Молоткина построены отдѣльные небольшіе дома, гдѣ живутъ монахи и монахини этой секты; въ одномъ изъ нихъ устроена общая моленная; безпорядокъ въ постройкѣ зданій показываетъ что едва ли надворныя строенія выстроены были съ дозволенія Правительства, тѣмъ болѣе что можетъ быть справедливо, что начало помѣщенія Филиповщины въ домѣ Молоткина было прежде 1812 года.

Попечителемъ секты богатый купецъ Романовъ, имѣющій большой собственный домъ близъ Яузскаго моста—онъ занимается поставкою извести. Настоятелемъ мѣщанинъ Григорій Нестеровъ.

*) «Секта сія, безпоповщинскаго толка, получила основаніе свое въ Стародубѣ отъ мужика Филипа. Послѣдователи ея по сіе время живутъ въ Черниговской Губерніи. Это замѣчаніе показываетъ, какъ невѣжествененъ былъ дозоръ въ свѣдѣніяхъ по исторіи раскола».

По рассказамъ о Филиповщинѣ извѣстно, что они въ своихъ правилахъ гораздо жесточе Преображенскихъ раскольниковъ; хотя одного вѣроисповѣданія. Принимая въ число братства; перекрещиваютъ; въ молитвословіяхъ какъ то: всеночныхъ, вечерняхъ, молебнахъ за государя не молятся, называютъ его Антихристомъ.

Если допустить вѣроятіе къ свѣдѣніямъ о сектѣ Филиповщинѣ, собраннымъ изъ вѣрныхъ источниковъ, то члены ея предаются сильнѣйшему разврату, чѣмъ Преображенскіе раскольники: дѣвки сдѣлавшіяся беременными вытравляютъ младенцевъ, а рожденныхъ или подкидываютъ или задушивъ бросаютъ; по правиламъ этой секты, о размноженіи человѣческаго рода печется «Сатана».

По вступленіи въ братство женщины постригаются въ монахини.

Филиповцы охотно принимаютъ къ себѣ иногда и бѣглыхъ людей обоого пола, и (какъ рассказываютъ объ нихъ) составивши ложные виды записываютъ въ мѣщане по разнымъ городамъ; по дѣламъ такого рода хлопочетъ собрать секты Московскій мѣщанинъ Иванъ Григорьевъ Томилинь, живущій въ Арбатской части въ собственномъ домѣ; у него не рѣдко скрываются тѣ изъ бѣглыхъ людей, которые желаютъ поступить въ братство.

Бдительный надзоръ за всякимъ приходящимъ показываетъ глубокую осторожность, съ которою Филипаны скрываютъ образъ своей жизни.

Декабря 20.

Гучковъ въ Московской губерніи Клинскомъ уѣздѣ купилъ пустошь называемую «Улитина пустошь», имѣющую 300 десятинъ земли; въ ней у него производится пиленіе лѣса, при выстроенномъ тамъ жиломъ строеніи находятся особенныя кельи для монаховъ и монахинъ Преображен. кладбища, между ними есть наставники. Такъ какъ пиленье лѣса привлекаетъ много рабочаго народа въ Улитину пустошь, и она по мѣстному положенію свободна отъ надзора Правительства, то тамъ перекрещиваніе весьма часто совершается.

Декабря 21.

Московской губерніи, въ г. Коломнѣ, есть особенная женская обитель секты Преображенскаго кладбища въ предмѣстіи города, окруженная высокими деревянными стѣнами, имѣетъ довольное количество келій для помѣщенія монахинъ, — многія увѣряютъ, что число проживающихъ простирается до 100 душъ, мужчинъ

кромѣ рабочихъ никого нельзя замѣтить, приходящіе же мужчины и женщины изъ ближнихъ селеній для богомолія помѣщаются въ кельяхъ тамъ живущихъ.

Семень Козьминъ, какъ главный начальникъ этого пріюта, управляетъ имъ въ видѣ благочиннаго; въ Коломиѣ попечителемъ тамошній богатый фабрикантъ купецъ Григорій Алексѣевъ Корововъ, живущій въ собственномъ домѣ.

Начальницею надъ живущими монашнями Елена Антонова, она благословлена отъ Семена Кузьмина перекрещивать и исповѣдывать, что и совершаетъ не только надъ приходящими изъ ближнихъ селеній поселянами, но и надъ тѣми, которыхъ присылаетъ съ письмами изъ Москвы Семень Кузьминъ; особенно послѣ посѣщенія гр. Строгоновымъ Преображенскаго кладбища, Елена Антонова принимаетъ для перекрещиванія гораздо болѣе чѣмъ прежде.

Тѣже пороки и развратъ кроются въ этомъ пріютѣ какъ и на Преображенскомъ кладбищѣ. Семень Козьминъ не рѣдко отсылаетъ въ Коломенскій пріютъ тѣхъ изъ Преображенцевъ, которыхъ держать по обстоятельствамъ бываетъ въ Москвѣ опасно; но когда и въ Коломенскомъ пріютѣ опасность угрожаетъ скрывающимся, то ихъ отправляютъ въ Костромскую губернію, городъ Судиславъ, къ купцу Николаю Андрееву Папулину.

Елена Антонова является ежегодно сама по дѣламъ своего пріюта къ Семену Кузьмину для принятія подаяній, простирающихся иногда до 15/т. руб.; обыкновенно она пріѣзжаетъ въ февралѣ мѣсяцѣ, потомъ въ октябрѣ и декабрѣ предъ праздникомъ Р. Х.

Декабря 22.

Послѣ осмотра Преображ. кладбища графомъ Строгоновымъ, тамошнія жители приняли многія мѣры предосторожности; прежде женщины и дѣвки родили въ самомъ странно-пріимномъ домѣ кладбища, нынѣ при приближеніяхъ таковыхъ случаевъ онѣ удаляются въ дома прилежащей слободы; по разрѣшеніи родильницы возвращаются въ свои кельи, а новорожденныхъ изъ слободы повивальныя бабки приносятъ на Преображ. кладбище въ дѣтскую палату, гдѣ они и воспитываются до узаконеннаго срока. Богатыхъ отцевъ дѣтей сюда не приносятъ, а отправляютъ въ Черкизово, или деревню Колошину, находящуюся близъ Москвы.

Декабря 23.

Въ часовняхъ Филей, находящихся въ Москвѣ обыкновенно собираются жители Преображенскаго кладбища и отправляютъ свое служеніе. Собранія сія бываютъ многочисленны, въ обыкновенные праздничные дни служеніе совершаютъ показанныя въ спискѣ лица, на канунѣ же праздниковъ по распоряженію Семена Кузьмина пріѣзжаютъ совершать всенощныя служенія и молебныя пѣнія въ самомъ Преображенскомъ кладбищѣ живущія: Дѣѣ Алексѣевъ, Егоръ Гавриловъ, Сидоръ Осиповъ, Трофимъ Артемьевъ, Иванъ Марковъ, Лузинъ Иванъ Яковлевъ, Яковъ Григорьевъ; какъ эти послѣдніи такъ и другія совершающіе служеніе, предъ началомъ онаго, надѣваютъ особеннаго рода кафтаны, имѣющіе на спинѣ у талии сборки, на которыхъ какъ на правой такъ и на лѣвой сторонѣ, шиты небольшіе треугольники, по воротнику и борту кафтаны обшиты шнуркомъ а пуговицы серебряныя съ чернью.

При началѣ служенія всенощной всѣ собравшіяся садятся на полъ, а служащій въ молчаніи взявъ кадило кадитъ образа и сидящихъ, потомъ взошедъ на амвонъ провозглашаетъ «Возстаните!» всѣ встаютъ и начинается чтеніе и пѣніе, которое исполняютъ дѣвочки и молодые мужчины, ихъ называютъ «пѣвчими», а служащаго «головщикомъ».

Декабря 27.

Въ стѣнахъ Преображенскаго женскаго пріюта есть такъ называемая «палата подкидышей, куда приносятся вновь рожденные, тутъ ихъ вскармливаютъ посредствомъ рожковъ; съ нѣкотораго времени приставницы начали поить ихъ холодной водой, отъ чего они умираютъ въ припадкахъ жестокихъ коликъ съ ужасными мученіями. Преображенцы причитаютъ ихъ къ мученикамъ спасаемымъ отъ сатанинскаго помѣщенія, которыхъ они называютъ воспитательный домъ Опекунскаго Совѣта. Говорятъ, будто мѣра эта принята по наставленію Семена Кузьмина.

1845 годъ.

Января 9.

У обывателей Преображенскаго кладбища находится множество рукописей весьма хорошо писанных старинными скорописными почерками, и подъ славянской печатной шрифтъ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ значительную цѣнность, если признаками соотвѣтствуютъ древности; при точнѣйшихъ изысканіяхъ открывается, что настоятелемъ Семеномъ Кузьминнымъ была учреждена школа, въ которой нарочито обучали воспитанниковъ писать разными почерками столь искусно, что едвали можно отличать отъ древняго писанія. Изъ таковыхъ обучившихся остались въ нынѣшнее время: 1 Стукаловъ, живущій въ стѣнахъ сѣаго Преображенскаго кладбища, 2-й Андрей Ермолаевъ Кутузовъ. Бумагу они употребляютъ безъ внутренняго клейма, а чтобъ придать ей видъ древности, по написаніи намачиваютъ въ квасѣ и потомъ сушатъ.

Главный изъ каллиграфовъ былъ Гнусинъ. Писанныя имъ книги и тетради отличаются искуснѣйшимъ подражаніемъ древнему печатному штрифу и самыми злѣйшими и ругательными поношеніями противу церкви, онъ ихъ всегда подписывалъ *ру: непоч: Иоан:* впрочемъ почеркъ его довольно одинаковъ, почему скоро можно узнать, хотя онъ подписывалъ свои сочиненія, перемѣняя имена Михаилъ Васильевъ, Петръ Никифоровъ, Сергѣй Семеновъ.

Января 10.

Мѣщанинъ Максимъ Савельевъ былъ возвращенъ изъ Сибири къ отцу своему Савелію Захарову, содержащему воскобѣдильный заводъ; нынѣ онъ опять удаленъ изъ отцовскаго дома по слѣдующимъ обстоятельствамъ: пѣвчій Семенъ Кузьмина Игнатъ Карповъ былъ судимъ въ Костромской консисторіи съ отцемъ своимъ, и оба содержались въ тамошнемъ монастырѣ, но Игнатъ Карповъ успѣлъ получить увольненіе, хотя дѣло не было кончено; проживая здѣсь, онъ возшелъ въ мужеложничество съ вышеупомянутымъ Максимомъ Савельевымъ. Неизвѣстно почему дѣло Игната Карпова возобновилось по отношенію Костромскаго Преосвященнаго, и когда его вытребовали въ Лефортовскій частный домъ для

допроса, то Семень Кузьминъ немедленно выпроводилъ Максима Савельева, какъ бывшаго съ нимъ въ означенной связи. Куда онъ препровожденъ, дѣлается рѣзвѣданіе.

Января 11.

На Преображенскомъ кладбищѣ по отправленіи какой-то бумаги въ С.-Петербургъ, получено увѣдомленіе, чтобъ *всѣ были покойны*; Гучковъ увѣряетъ, что стараніе разломать все строеніе совершенно ничтожно: «есть выше тѣхъ, которыя о семъ пекутся, «все будетъ по прежнему». Семень Кузьминъ съ общаго согласія положилъ послѣ каждой службы *всѣмъ* класть по сту поклоновъ, потомъ пѣть *всѣмъ* хоромъ: «Богородице Дѣво радуйся» и затѣмъ еще 17 поклоновъ. Всѣ эти поклоны: «для отраженія антихристовой силы бушующей противу *вѣрныхъ*».—Положено совершать ихъ до окончанія гоненія.

Января 12.

Тверской губерніи Весюгонскаго уѣзда въ имѣніи генерала Маврина завелась секта Ѳедосѣевцевъ, которую Семень Козьминъ чрезъ своихъ сообщниковъ успѣлъ размножить. Преслѣдованія г. Маврина уничтожили учрежденную тамъ моленную, крестьяне разбѣжались, и большая изъ нихъ часть поселилась въ Архангельской губерніи на (такъ называемомъ мѣстѣ) «*Топь озеръ*», гдѣ Семень Козьминъ своей помощію устроилъ для нихъ часовню. Вторичное тутъ разогнаніе хотя и оставило незначительное число подъ начальствомъ (нынѣ ослѣпшаго) крестьянина г. Маврина Тихона Иванова, но нѣкоторые единомышленники обратились въ Москву къ Семену Козьмину который помогъ имъ укрыться на Кубань, въ Коломнѣ (Московской губ.) и Судиславъ. Оставшіеся въ имѣніи г. Маврина начали распространять свое лжеученіе подъ начальствомъ Тихона Иванова, одинъ изъ нихъ кр. Иванъ Ивановъ по приказанію помѣщика былъ сосланъ въ Нижегородскую его вотчину, откуда за распространеніе лжеученія отданъ былъ въ рекруты, поступилъ въ С.-Петербургскій жандармскій дивизионъ подъ именемъ Харитона Иванова, бѣжалъ, укрывался въ Москвѣ и стараніями извѣстнаго Томина приписанъ къ Московскому мѣщанству; нынѣ этотъ Харитонъ Ивановъ за фальшивую приписку содержится въ Московскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ производитъ надъ нимъ слѣдствіе частный приставъ Рогожской части, умиловивленный

къ нему Семеномъ Козьминимъ посредствомъ старухи Матроны Григорьевой. Семень Козьминъ посылаетъ къ нему деньги и разныя вещи въ сѣстныхъ припасахъ сокрываемыя; на сихъ дняхъ ему прислано 50-ть рублей, а онъ требуетъ чтобъ Семень Козьминъ прислалъ къ нему еще денегъ и провизіи, иначе откроетъ: о укрывательствѣ ихъ; старанія частнаго пристава Рогожской части могутъ въ настоящемъ положеніи дѣла вскрыть подробности, которыя содержащійся вѣроятно открылъ бы, еслибъ должная справедливость соблюдена была при самомъ слѣдствіи.

Января 13.

Преображенское кладбище граничитъ съ землею крестьянъ палаты государственныхъ имуществъ села Черкизова, на землѣ ихъ Семень Козьминъ по условіямъ выстроилъ небольшіе дома, записавъ ихъ на лицо принадлежаціе Преображенскому кладбищу; въ нихъ поселилъ дѣвокъ и пѣвчихъ приходящихъ на Преображенское кладбище, когда они того хотятъ, ибо вся ихъ линія поселена противъ лѣвой стѣны Преображенскаго кладбища имѣющей ворота; иногда у живущихъ въ сихъ домахъ случаются несчастныя роды, при которыхъ мать или младенецъ умираютъ, тогда по данному извѣстію Семеномъ Козьминимъ перевозить гробъ съ трупомъ въ стѣны Филей и въ ту же ночь выкопанная могила (даже безъ фонарей) скрываетъ покойника. Такъ какъ роды весьма часто случаются, то распоряженіями Семена Козьмина въ домѣ № 10 помѣщена повивальная бабка Авдотья Иванова, чтобъ избавиться притѣсненій полиціи; въ случаѣ скоропостижно умершаго лица обыкновенно о немъ даютъ знать въ часть, что такой-то отправился для свиданія съ родственниками въ такую-то губернію и уѣздъ, о младенцахъ же не доносятъ.

Января 20.

На Преображенскомъ кладбищѣ съ мѣщанкой Матроной Григорьевой находится въ связи настоятель Семень Козьминъ. Для развѣданій по частямъ города о попадающихъся единомышленникахъ подъ слѣдствій, чтобъ прикрыть благовиднымъ приличіемъ ея посѣщенія въ частныя дома, она съ нагруженнымъ возомъ провизіею отправляется для раздачи пироговъ, калачей содержащимся тамъ арестантамъ; если встрѣчаетъ новое лицо, то доноситъ о семъ Семени Козьмину; въ случаѣ же когда содержащійся уже извѣстенъ, то

передаетъ .оному письма отъ Семена Козьмина равно какъ получае-
мые отвѣты беретъ для доставленія. Во всѣхъ частныхъ домахъ она
весьма извѣстна даже самимъ частнымъ приставамъ, и особенно
производящимъ слѣдствія. Черезъ нее идутъ переговоры о нужныхъ
по дѣламъ обстоятельствахъ, когда надо бываетъ научить содер-
жащагося, чтобъ онъ не изблнчилъ главныхъ лицъ на Фшляхъ.

Матрона Григорьева весьма извѣстна въ тюремномъ и пересыль-
номъ замкахъ, гдѣ она избавлена отъ предосторожности, съ како-
вой принимаютъ провизію отъ прочіихъ лицъ, ибо привозимыя ею
хлѣбы, калачи и проч. никогда не разрѣзываются, чѣмъ пользуясь
она передаетъ въ нихъ запеченныя письма.

Января 21.

Преображенцы укрываютъ бѣглыхъ принимающихъ перекреще-
ніе: обыкновенно изъ частныхъ домовъ паспорта умершихъ мѣ-
щанъ отправляются въ домъ мѣщанскаго общества, гдѣ они дол-
жны отмѣчаться, но происками Ивана Григорьева Томилина тамъ
пріобрѣтена тѣсная связь, почему умершихъ мѣщанъ виды хранятся
не отмѣченными, и въ случаѣ появившагося новаго лица, которое
общинѣ надо скрыть, его снабжаютъ подобнымъ паспортомъ, по
книгамъ мѣщанскаго общества отмѣчаютъ просрочку и отбытіе
новаго лица въ уѣздъ, а по устройствѣ ему новаго жилища онъ
живетъ съ этимъ видомъ подъ означеннымъ въ паспортѣ именемъ
умершаго, сколько то бываетъ необходимо.

Января 22.

На Преображенскомъ кладбищѣ начались безвременныя еже-
дневныя совѣщанія почтеннѣйшихъ лицъ у Семена Козьмина; съ
19-го на 20-е число казначей Преображенскаго кладбища Андрей
Ларіоновъ вмѣстѣ съ бродягой Родіономъ Григорьевымъ прожива-
ющимъ въ бывшей кѣліи Семена Козьмина отправились послѣ ве-
черни въ Заиконоспасскій монастырь къ архимандриту весьма ува-
жаемому митрополитомъ, пробыли у него до 2-хъ часовъ ночи, и
возвратились къ утру на кладбище, послѣ чего было большее со-
вѣщаніе, — надо замѣтить, что Родіонъ Григорьевъ въ короткомъ
знакомствѣ съ секретаремъ его высокопресвященства.

Января 23.

Корчевскаго уѣзда безсрочно отпускной солдатъ съ сыномъ
пріѣхалъ въ Лефортовскую часть и остановился 18-го числа во

2-мъ кварталѣ, чувствуя себя близкимъ къ смерти, неизвѣстно по своему ли желанію, или убѣжденію хозяйки дома, 21 въ ночь былъ перекрещенъ въ баняхъ на Преображенскомъ кладбищѣ, послѣ чего умеръ съ 21-го на 22-е число сего мѣсяца.

Января 24.

Ущиренія преображенцевъ проникаютъ въ самыя святыя для Москвы мѣста. Ревностный Стрѣлковъ подружился съ служителемъ Успенскаго собора Петромъ Лукинымъ, находящимся неотлучно въ соборѣ при продажѣ свѣчей; чрезъ него онъ достаетъ, какъ говорятъ, иконы древней живописи, замѣняя ихъ поддѣльными; вѣроятно для таковыхъ похищеній Петръ Лукинъ имѣетъ товарищей въ числѣ церковныхъ прислужниковъ собора.

Февраля 5.

Витебской губерніи въ форштатѣ города Полоцка Московскій купецъ съ Филей, Тимофей Евремовъ Соколовъ купилъ землю, на которой въ поминовеніе умершей жены своей, устроилъ скитъ, поручивъ управленіе его единомышленному монаху Евросину. Въ недолгомъ времени этотъ скитъ сдѣлался убѣжищемъ бѣглыхъ въ Польшу. Евросинъ препровождаетъ нѣкоторыхъ въ Москву къ настоятелю Семену Козьмину чрезъ Соколова, а Семень Козьминъ къ Евросину тѣхъ, которыхъ надо сокрыть изъ Москвы.

Нынѣ прибылъ на Преображенское кладбище братъ Евросина изъ Полоцка, и ежедневно поздней порой вечера посѣщаетъ Семена Козьмина въ кельи, куда собираются многіе изъ преображенцевъ.

Февраля 6.

Московскій купецъ Теодоръ Теодоровичъ Зенковъ въ 1815 году былъ болѣнъ. Жена его призвала Семена Козьмина чтобъ онъ остригъ ее мужа, ибо волосы на темѣ очень отросли, чего не слѣдуетъ бытъ по обыкновенію Филей. Преображенскій раскольникъ Семень Козьминъ исполнилъ ее просьбу, но когда Зенковъ выздоровѣлъ, то подалъ жалобу на Семена Козьмина, который будто самовольно его постригъ. Возникло слѣдствіе при которомъ Семень Козьминъ далъ весьма замѣчательный отзывъ полученной съ Филей Преображенскаго кладбища слѣдующаго содержанія:

Показаніе настоятеля Преображенскаго дома Семена Козьмина.

«По 1844 года былъ я вѣры грекоросейскаго исповѣданія и со онаго по собственному своему желанію, оставя христіанскую

вѣру принялъ старообрядческую секту, сего кладбища безпоповщины, должность моя состоитъ перекрещивать людей изъ христіанской вѣры въ нашу секту, давать наставленіе сектѣ и исповѣдывать, а какъ у Зенкова волосы на головѣ отросли велики, то я и приказалъ по нашему обряду около маковицы ихъ остричь, что и исполнилъ Сергѣй Софоновъ, по постриженіи отправился я на свое кладбище».

Февраля 7.

Рогожскіе раскольники ронцуютъ на своихъ поповъ, которые отказываются посѣщать и напутствовать умирающихъ святыми тайнами, безъ платы съ бѣднаго 15 и даже 25 рублей, отчего многіе оканчиваютъ жизнь свою безъ исполненія обряда. Священники же оправдываютъ себя, что они теперь въ гоненіи, и самое пріобщеніе даже немногихъ, подвергаетъ ихъ преслѣдованію правительства.

Февраля 8.

Въ лѣтней молельнѣ во имя Успенія Божіей Матери (въ мужскомъ пріютѣ на Филяхъ) внутри ея при сходѣ на правой сторонѣ нарочито задѣлана дверь, покрашена одинаковымъ цвѣтомъ краски со стѣной, на ней прибита вѣшелка для верхняго платья входящихъ, дверь эта ведетъ въ чуланъ, отъ котораго ключъ хранится у главнаго попечителя Семена Козьмина въ немъ положены книги и рукописи тщательно хранимыя общиной, немногія даже изъ жителей Филей объ этомъ знаютъ, ибо семень Козьминъ, опасаясь неосторожности почитаетъ это хранилище за большую тайну.

Въ конторѣ Филей есть также дверь для входа въ горницу, въ которой сберегаютъ всѣ выходящіе журналы переписокъ съ самыхъ давнихъ временъ, журналы эти ведутся въ большемъ порядкѣ, они заключаютъ въ себѣ весь ходъ дѣлъ на Филяхъ, сношенія съ иногородными единомышленниками и все то, что есть сокровеннаго и извѣстнаго однимъ главнымъ лицомъ Филей.

Февраля 9.

На преображенскомъ кладбищѣ возникаетъ сильная ссора, причиною чему слѣдующее обстоятельство:

Ефимъ Федоровъ Гучковъ по совѣту Семена Козьмина *) изъ

*) Послѣ снятія смотрителемъ доски, бывшей на воротахъ Филей съ давняго времени, на ней была надпись: Богатѣйшій домъ Преображенскаго кладбища.

числа храпящейся у него общественной суммы, взнестъ часть въ Московскіи Опекунскіи Совѣтъ, взявъ билеты на свое имя. Попечитель Преображенскаго кладбища Алексѣй Никифоровъ, явился къ Семену Козьмину 2-го февраля съ упрекомъ, что они не могли этого сдѣлать, ибо если Преображенскому кладбищу предстоитъ крайняя уже опасность, то надо было объявить о ней всему обществу чрезъ него же (Алексѣя Никифорова) какъ попечителя утвержденного Губернскимъ Правленіемъ и раздать капиталъ тѣмъ, которые его жертвовали, или одѣлавъ отцевъ наставниковъ и бѣдныхъ единомышленниковъ, на остальные устроить въ Польпѣ обитель на купленной тамъ землѣ, сдѣлать распоряженіе о водвореніи изъ Москвы необходимыхъ для общества лицъ. Семень Козьминъ оправдывая Гучкова сказалъ Алексѣю Никифорову, что поведение его соблазнительное для всѣхъ прихожанъ; причиной всему этому то, что онъ неудостоенъ довѣренности въ дѣлѣ устроенія общей участи; отвѣтъ этотъ раздражилъ Алексѣя Никифорова и онъ возбуждаетъ теперь общество, требовать отчетъ отъ Гучкова, и чтобъ объявилъ Семень Кузмичъ какая предстоитъ опасность общинѣ.

Февраля 10.

Тюменскій купецъ Барашковъ полагаетъ единомышленникамъ своимъ селиться близъ Тюмени; нѣкоторые ссылочныя поселенцы Барашкова являются на Филияхъ съ мѣщанскими паспортами *); недавно появился оттуда мѣщанинъ и при немъ былъ желѣзный значекъ, который какъ онъ признался своей любовницѣ, получилъ въ сибирѣ для перехода изъ одного уѣзда въ другой; получивъ же надлежащій видъ отъ Барашкова онъ съ нимъ пробрался въ Москву и теперь жительствоуетъ въ домѣ мѣщанки Марьи Осиповой Соколовой въ Лефортовской части.

Февраля 11.

Прибывши чиновники въ квартиру Марьи Васильевой 7-го числа осмотрѣли умершую, приказали ее обмыть и запереть въ чуланъ, никого не допускать даже на дворъ къ Гучковъ—Марья Васильева и живущая у нее мѣщанка называемая Фомишинна, обмывали трупъ, но когда эта послѣдняя увидѣла признаки сеченья и

*) Паспорты пересылаются къ Барашкову изъ Москвы; они принадлежатъ умершимъ мѣщанамъ.

побоевъ на спинѣ и икрахъ прорвавшаяся (волдыри) отъ воды, которой обмывали, то ей дѣлалось дурно и она просила Марью Васильеву уволить ей отъ сей работы.—Обмытіе окончивъ трупъ положенъ былъ въ чуланъ и 8 числа отправленъ по приказанію Пристава Лефортовской части Барсука въ Университетъ для вскрытія.

Февраля 12.

Монастыри обыкновенно отправляютъ своихъ монаховъ для сбора подаяній въ разныя Губерніи, къ этому дѣлу избираются изъ нихъ тѣ, которыя уже одинъ или два и болѣе разъ бывали посланы для сего въ одно и тоже мѣсто.—Недавно возвратившіеся съ Дону монахи (Тверской губерніи) рассказываютъ: «что какъ они были уже неоднократно въ Новочеркасскѣ, то прибывъ туда какъ уже въ городъ весьма знакомыхъ обывателей Черкаска, обратившихся въ расколъ Преображенскій». — Не болѣе по ихъ словамъ протекло шесть лѣтъ, какъ означенный расколъ быстро и яростно распространяется на Дону.

Февраля 22.

Въ Москву прибылъ изъ Рязанской губерніи Зарайскаго уѣзда Діаконъ Николай Федоровъ Борисоглѣбскій и остановился на Преображенскомъ кладбищѣ; онъ получаетъ какъ извѣстно значительныя деньги отъ Преображенскихъ раскольниковъ за подложныя свидѣтельства о бракахъ и крещеніи; имѣя множество поддѣльныхъ печатей и зная подписываться подъ руки многихъ православныхъ священниковъ, онъ такъ искусно подражаетъ ихъ подписямъ, что весьма трудно отличить его поддѣлку отъ настоящей подписи.

Февраля 23.

Хотя на Преображенскомъ кладбищѣ ожидаютъ перемиръ, какъ въ управленіи, такъ и самомъ упраздненіи общины, но Семенъ Козьминъ съ старшинами и попечителями обнадеживаютъ: что всѣ опасности минуются, ибо твердо полагаются на слова князя Щербатова будто бы имъ сказаннаго: «Живите друзья мои тихо и спокойно но я вамъ покровитель; буде кто станетъ обижать, то у васъ есть Гучковъ, который мнѣ немедленно донесетъ и я готовъ во всякое время васъ защититъ».

Марта 6.

Съ рогожскаго кладбища получены свѣдѣнія, что по отвозѣ попа Александра въ Кострому для сужденія тамошней консисторіею, нѣкоторые изъ жителей парка были отъ общества нарочито туда посыланы для свиданія съ нимъ и именно: конторщикъ Кондратій Никифоровъ Синицынъ 2 раза; Андрей Семеновъ Пульченковъ 2 раза, и Федоръ Васильевъ Жигаревъ 2 раза; они привезли извѣстіе что Александръ тамъ пользуется современной свободой.

Слышно также, что на совѣщаніи Рогожцевъ предположено: посредствомъ подкупа продлить дѣло попа Александра и потомъ показавъ его умершимъ, подъ мѣщанскимъ паспортомъ вывести въ Москву, гдѣ уже будетъ ему приготовленъ пріютъ.

Марта 10.

Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ уничтожены существовавшіе молебни, приходскіе священники хотя и видятъ настоящее размноженіе безпоповщинской секты, но нисколько не заботятся объ удерживаніи поселянъ отъ сего соблазна, за то они съ причетомъ, получаютъ отъ настоятеля Семена Козьмина денежныя пособія, и подарки съ фабрики Гучкова, состоящіе въ разныхъ товарахъ его издѣлія.

Марта 11.

Въ Лефортовской части въ домъ М. мѣщанина Василья Алексѣева открыта новая молебня, по случаю перехода на жительство въ домъ его двухъ пѣвчихъ: крестьянина палаты государственныхъ имуществъ Мартына, и мѣщанина Кузьмы Кононова; пѣвчіе эти заслуживаютъ особыхъ наблюденій, ибо по развѣданію открывается, что они составляютъ композицію весьма сходную съ настоящимъ серебромъ, изъ нея дѣлаютъ оклады на образа и нѣкоторые другія вещи, чѣмъ обманываютъ простонародіе.

Марта 12.

Какъ сильно вліяніе настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козьмина на отдаленныя даже общины единомышленниковъ, можно видѣть изъ случившагося на дняхъ происшествія: Рязанской губерніи, Пронскаго уѣзда; одна крестьянка имѣла

двухъ дочерей, изъ нихъ одну предъ масляницей (нынѣшняго года) отдала въ замужство за крестьянина православнаго исповѣданія и была въ церкви при вѣчаніи; пріѣхавъ на кладбищѣ къ Семену Козьмину просила отуустить ей означенныя прегрѣшенія, ибо въ Пронской общинѣ настоятель безъ Семена Козьмина отказалъ ей въ этой милости. Семень Козьминъ отвергъ новобрачную совершенно отъ кладбища, а мать и другую сестру за то, что были въ «Еретической церкви и молились ея иконамъ, оставилъ на покаяніи при женской богадѣльницѣ, до очищенія своего преступленія чистымъ раскаяніемъ.

Марта 13.

Новгородской губерніи, близъ заштатнаго города Кресцовъ въ слободѣ есть община Ѳедосѣвская, имѣющая монаховъ, отправляющихся въ разныя мѣста общинъ, для постриженія въ монахи; въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ (сего года) оттуда монахъ Ефремъ прибылъ въ Москву и остановился на Преображенскомъ кладбищѣ, постригъ (весьма тайно) Ѳедосѣвца Стукалова въ схимонахи, жившаго близъ главной часовни; Ефремъ и по нынѣ туѣ проживаетъ, а Стукаловъ умеръ 27 февраля и отиѣваемъ былъ какъ схимонахъ.

Марта 14.

По дѣламъ Преображенскаго кладбища отиравленъ въ С.-Петербургъ 10 марта отъ всего общества Алексѣй Михѣевъ, съ нимъ послана значительная денежная сумма; онъ будетъ жить на Волковомъ кладбищѣ у настоятеля Егора Ѳедорова.

Марта 15.

На Преображенскомъ кладбищѣ Егоръ Гавриловъ обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ уваженіемъ, которое къ нему оказываютъ жители за его поученія; послѣ трапезы обыкновенно онъ принимаетъ приходящихъ къ нему для слушанія объясненій св. писанія; часто и самъ отправляется на фабрику Гучькова для поученія простаго народа, изъ котораго часть принадлежитъ толку Ѳедосѣвскому, но между ними большая часть православнаго исповѣданія, это не мѣшаетъ имъ слушать поученія Егора Гаврилова, основывающаго свои бесѣды на правилахъ Гусина.

Вотъ одно изъ поученій Егора Гаврилова, раздаваемыхъ въ спискахъ слушателямъ.

Преданіе блаженнаго и во измании и узакъ свято почитаемаго отца Сергія Семеновича о вѣрѣ дѣвственнаго содержимой въ Москвѣ въ Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ.

Каждой дѣвство сохрани, (въ немъ возможно быть и ты взойди. Перейство прекратилось и вѣнчанье тѣмъ лишилось). Браковъ нынѣ нѣтъ нигдѣ, (а дѣвство должно быть вездѣ). Старожены разлучися (а новоженцы) христіане вовсе не женися. (Староженки не роди, а вѣрныи замужъ не ходи).

Кто съ разводомъ къ намъ притекаетъ (тѣхъ крестить символъ намъ повелѣваетъ). Женъ не праздныхъ отлучать (а за зачатіе младенца мать наказать). 6 недѣль поклоновъ четырежды полагать. Первой дѣтищъ родится 6 мѣсяцовъ, а второй какъ на свѣтъ явится 12 мѣсяцовъ. Поклоновъ 365 тысящъ, а за третьяго птенца 24 мѣсяца поклоновъ 7030. Сверхъ же сего казни будутъ навсегда.

А за четвертое рожденье прочь отъ церкви отлученье. Бабку за то наказать 4 тыс. ей поклоновъ полагать.

Вѣра съ бракомъ не Христова, вѣрѣ тому душа простова. Къ новобрачнымъ не ходить, а не расторгшихъ ихъ не лѣчить.

Службы пѣть у нихъ не можно и дѣтей крестить не должно. Масла ладону и свѣчь не брать, а отца и мать за ихъ бракъ изгнать. Тайный грѣхъ не осуждать, а покаянiемъ его очищать. Но и главные грѣхи можно тѣмъ же перевести.

Нынѣ браки блудны, настали жизни къ дѣвству всѣмъ предстати.

Въ томъ цѣлю вѣру я храню, несогласныхъ мнѣ я кляню.

Ни на что я не взираю, а какъ хочу такъ и учреждаю.

А иже кто не тако вѣруеть, прокляную на вѣкъ: да будутъ прокляти трижды.

Сіе отцовское преданіе написася въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ, при главномъ настоятелѣ Семенѣ Кузьмичѣ, при попечителѣ Алексѣѣ Никифоровичѣ и казначеѣ Андрѣѣ Иларіоновичѣ въ лѣто зти. многогрѣшнымъ настоятелемъ С. Г.

Марта 18.

Дважды въ годъ съѣзжаются изъ разныхъ Оедосѣвскихъ общинъ раскольники на Преображенское кладбище, и именно въ великій постъ и въ постъ Успенія Божіей Матери. Цѣль пріѣздовъ, сборъ пожертвованій въ пользу общинъ, гдѣ сущест-

ствуютъ они; симъ объясняется отношеніе ихъ къ Преображенскому кладбищу, которое имѣетъ какъ бы нѣкоторую надъ ними власть.

Марта 19.

Преображенцы имѣютъ особенныя мѣста для сокрытія своихъ бѣглыхъ. Костромской губерніи, въ Ветлужскомъ уѣздѣ существуютъ огромныя лѣса. Жители этого уѣзда большей частию единомышленники *Филей*, занимаются дѣланіемъ деревянной посуды, какъ-то: чашекъ, ложекъ, драньемъ лубья; въ лѣса Вѣтлужскія съ Филей и другихъ общинъ убѣгаютъ *жители*, преслѣдуемые законами; между ними множество бѣглыхъ солдатъ и другаго состоянія людей, въ нихъ они занимаются издѣліями деревянной посуды, иѣл для зимнихъ пріютовъ выстроенныя нарочито избы въ глуши лѣсовъ, называемыя «зимницами»; когда земская полиція намѣревается ихъ захватить, то они удаляются въ непроходимыя чащи лѣсовъ.

Саратовской губерніи г. Камышинъ съ его окрестностями.— На имя главнаго ихъ тамъ начальника Ивана Игнатовъ изъ Москвы куп. Алексѣи Никифоровъ высылаетъ паспорта для скрывающихся тамъ бѣглецовъ.

Бобруйская крѣпость въ Форштадѣ которой скрываются также бѣглецы Ѳ—цы...

Марта 25.

Калужская губернія имѣетъ большое количество единомышленниковъ Преображенскихъ, въ ней три уѣзда оказываются весьма важными въ этомъ отношеніи и именно: Боровскій, Медыньскій и Малоярославецкій, моельни ихъ зависятъ отъ Преображенскаго кладбища, въ особенности въ Боровскомъ уѣздѣ въ селѣ Коряковѣ. Моельня тамошняя и при ней община, которая хотя и была мѣстнымъ начальствомъ уничтожаема (какъ слышно неоднократно), но вліяніемъ Гучкова и Семена Кузьмина отправленіе служебной и общежитіе въ ней возобновлялись. По сіе время пріюты Преображенскіе отправляютъ въ село Коряково для исправленія (на покаяніе) тѣхъ изъ своихъ жителей, которые преступаютъ правила общины, по окончаніи эпитиміи они возвращаются на Преображенское кладбище.

Община въ селѣ Коряковѣ состоитъ подъ вѣденіемъ Ѳедосѣевца Савелья Семенова, въ ней весьма уважаемъ проживающій старецъ Пафнутій Леонтиевъ; въ настоящее время оттуда приславъ

за сборомъ Матвѣй Алексѣевъ; къ общинѣ Корякова принадлежатъ въ одномъ Боровскомъ уѣдѣ 15 деревень; сверхъ того жители прочихъ деревень Боровскаго, Медвѣнскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ отправляются въ Коряково на богомолье. Изъ рассказовъ, пріѣхавшаго за сборомъ Матвѣя Алексѣева, можно замѣтить что Преображенскій расколъ съ успѣхомъ разливается по многимъ мѣстамъ Калужской губерніи; извѣстіе это оправдывается и сѣтованіемъ Калужскаго Епископа Николая, который въ письмахъ своихъ жалуется на размноженіе въ его епархіи безлоповщинской секты.

Марта 27.

Въ Рогожское кладбище покупается чрезъ довѣреннаго лица у приходскихъ сельскихъ Священниковъ святое миро; сверхъ того какъ за нимъ пріѣзжаютъ изъ разныхъ епархій въ Москву, и получаютъ его изъ Московской Синодальной конторы, гдѣ сосуды, въ которое оно вливается, печатаются печатью конторы, но Рогожцы умѣютъ склонять нѣкоторыхъ пріѣзжающихъ раскупорить сосуды и отлить изъ него Св. миро, добавивъ деревяннымъ масломъ печатаютъ имѣющагося въ Рогожскомъ кладбищѣ печатью Московской Синодальной конторы

Апрѣля 5.

По Калужской дорогѣ въ 30-ти верстахъ отъ Москвы въ селѣ Пахра, Священникъ Иванъ Степановъ замѣтилъ, что часто пріѣзжающій съ Преображенскаго кладбища Феодосѣевецъ Егоръ Гавриловъ имѣлъ продолжительныя свиданія съ нѣкоторыми женщинами и дѣвками, одна изъ нихъ перестала бывать въ церквѣ; по предварительномъ развѣданіи извлекъ онъ отъ нихъ признаніе, что Егоръ Гавриловъ убѣдилъ ихъ обратиться (какъ они называютъ) къ старой вѣрѣ, обѣщая не только вѣчныя блага, но и вспомошествованіе отъ настоятеля Семена Козьмина; священникъ донесъ о семъ Московскому митрополиту, тотъ передалъ дѣло въ консисторію; мать и дочь вытребованы, отданы подъ эпитиміей на увѣщаніе, а Егора Гаврилова и С. К. консисторія требуетъ къ отвѣту.

Апрѣля 6.

Въ 1843 г. 11 Октября при осмотрѣ Преображенскаго кладбища г. Строгоновымъ большое количество дѣвокъ выслано было оттуда заблаговременно, ибо лѣта ихъ несообразны были съ по-

ложеиѣмъ дозволяющимъ только не моложе 40 лѣтъ проживать въ приютахъ богадѣльныхъ домовъ (т. е. внутри). Настоятель Семенъ Козьминъ съ товарищами полагаа, что обстоятельства нынѣ перемѣнились, хлопочеть въ домѣ московскаго мѣщанскаго общества о перемѣнѣ въ билетахъ лѣтъ, тѣмъ изъ дѣвокъ, которыя остоялись въ Москвѣ; ими особенно занимается м. мѣщанинъ Анапій Дмитріевъ, нынѣ на него и Ивана Григорьева Томплина возложено сдѣлать означенныя прибавки лѣтъ; ибо тогда Семенъ Козьминъ въ правѣ будетъ нѣкоторыхъ водворить опять въ Преображенскомъ кладбищѣ, другихъ же подѣ предлогомъ временнаго прожитія для слушанія служенія удерживать сколько можно то будетъ.

Апрѣля 10.

Мѣщанинъ Максимъ Савельевъ удаленъ былъ вторично настоятелемъ Семеномъ Козьминнымъ; нынѣ онъ возвратился исполнивъ его порученіе, съ которымъ (какъ онъ проговорился самъ) отправленъ былъ по разнымъ общинамъ въ Сибири находящимся, отсутствіе его скрыло отъ слѣдствія дѣло Игната Карпова.

Апрѣля 20.

На сихъ дняхъ изъ Судиславля купецъ Папулинъ начальникъ тамошней Фодосѣевской общины, препроводилъ на Фяли въ часовня приютовъ многіе мѣстные образа, извѣстной Строгоновской живописи, для сокрытія ихъ здѣсь, ибо въ Судиславлѣ по письму Папулина настонтъ опасность всей общинѣ.

Апрѣля 21.

Въ Колосовскомъ переулкѣ близъ Сухаревой башни въ домѣ купчихи Шестовой было 17-го числа сего мѣсяца нарочито большое собраніе секты хлыстовъ, для отправленія ихъ служебныхъ обрядовъ. Наблюденія полиціи за сборищами въ означенномъ домѣ смягчаются хлопотами стряпчаго Кондратія Иванова Новикова, живущаго въ Красномъ селѣ у церкви Покрова въ собственномъ домѣ, получая отъ общества значительную плату, онъ затмѣваетъ всѣ донесенія о собраніяхъ означенной секты. Теперь въ виду есть въ этомъ же проулкѣ 8-мъ домовъ, гдѣ помѣщаются единомышленники, и еще за Москвой рѣкой на Донской улицѣ—домъ купца Солодовникова, въ которомъ бывають также собранія.

Апрѣля 22.

Собраніе статистическихъ свѣдѣній о Рогожскомъ кладбищѣ требуетъ совершенно другаго порядка, чѣмъ описаніе Фодосѣвской секты; эта послѣдняя сосредоточена въ Москвѣ, откуда она разливается свои правила, Рогожская напротивъ въ Москвѣ поддерживается вліяніемъ общинъ—Стародубской и въ Керженцѣ, находящихся: тамъ и въ другихъ мѣстахъ совершаются ихъ тайныя дѣла, тамъ царствуетъ религіозный и граждаискій безпорядокъ, слѣдствія котораго ужасны. Московская губернія значительныя имѣетъ общины въ уѣздѣ Бронницкомъ и смѣжныхъ съ нимъ уѣздахъ.

Чтобъ приобрести данныя могуція служить матеріалами достойными вниманія правительства необходимо надо проникнуть въ мѣста, гдѣ Рогожцы таятъ свои общины; обзорѣніе ихъ доставить средства получить многія свѣдѣнія и о прочихъ сектахъ.

Апрѣля 23.

Независть Фодосѣвской секты развита давностию лѣтъ православія. Во времена Патріарха Никона она положила свое начало, но оставалось сомнѣніе, что одни измѣненія въ священныхъ книгахъ имъ внесенныя не могли ее основать, ибо ни къ Максиму Греку занимавшемуся исправленіемъ книгъ, ни къ царю Алексію Михайловичу предсѣдательствовавшему на соборѣ, Фодосѣвцы не имѣютъ того отвращенія, которое въ нихъ поселено единственно къ Никону; изысканія наконецъ открыли истинную причину и она есть слѣдующая: извѣстный въ исторіи попъ Аввакумъ оставилъ въ числѣ своихъ сочиненій книгу (нынѣ весьма рѣдкую) подъ заглавіемъ «Виноградъ Россійскихъ Страдальцевъ» въ ней описано слѣдующее событіе:

«Когда Никонъ былъ уже патріархомъ, то къ нему въ Москву прибылъ давній его знакомецъ изъ Новагорода—Иванъ и привезъ въ подарокъ осетра, Никонъ весьма радъ былъ прибытію Ивана: упросилъ его остановиться въ патріаршихъ келліяхъ, которыя тогда самъ занималъ; вечеръ провели они въ дружеской бесѣдѣ и разошлись спать; Новгородцу Ивану назначена была келья близъ залы: уснувъ нѣсколько онъ разбуженъ былъ необыкновенно тихимъ, но скорымъ говоромъ многихъ голосовъ; любопытство заставило встать и посмотреть черезъ екважну дверь въ залу сильно

освѣщеную: тамъ онъ увидалъ Никона стоящаго множествомъ «бѣсовъ окруженнаго, поклонявшихся ему и говорящихъ»: «Чтишь тебя Никонъ за то, что ты попраля крестъ Сына Маріи и самую Марію». Ужасъ заставилъ Новгородца опять лечь въ постель; когда начался благовѣсть къ заутрени, то говоръ бѣсовъ затихъ. Никонъ пришелъ къ Новгородцу будилъ его, звалъ идти въ церковь, но тотъ отговорился усталостію отъ дороги и остался въ келліяхъ. Когда Никонъ ушелъ, то Новгородецъ спросилъ давняго своего знакома келейника Никонова Корнилія *) о причинѣ ночнаго собранія духовъ, Корниліи ему сказалъ, что въ эту ночь было ихъ собраніе еще не очень большое, но бываютъ сборища значительнѣйшія, а что они чествовали Никона за попаніе креста Спасителя и Его Матери, то это онъ ему покажетъ на самомъ дѣлѣ.— Приведя Новгородца въ опочивальню Никона, взявъ его туфли, вынулъ стельку изъ одной показалъ на нижней ея сторонѣ крестъ, а въ другомъ туфлѣ на томъ же мѣстѣ образъ Божіей Матери.— Новгородецъ увидя святыню попанную Никономъ съ ужасомъ убѣжалъ изъ патріаршихъ келлій и въ тотъ же день скрылся изъ Москвы.

Это нелѣпое сказаніе помѣщенное въ означенномъ сочиненіи чтимаго Ѳедосѣвцами Аввакума, писалио необоримую въ нихъ ненависть къ патріарху Никону и не только на всѣхъ поставленныхъ отъ него преемчески священно-служителей, но даже и помазанниковъ августѣйшаго дома, ибо Ѳедосѣвцы слѣпо увѣрены, что всѣ они поставлены (по ихъ выраженію) «подъ клятвою сатанѣ миропомазаны сатанинскою іерархіею ведущею свое начало «отъ Никона».

Апрѣля 25.

Вотъ письмо Ѳедосѣвца Василія Андреева, которому воспрещено было молиться въ часовнѣ за то, что онъ женился.

Милостивый мой государь,

Лаврентій Ивановичъ.

Желаю вамъ всякаго благополучія и много лѣтъ здравствовать. Осмѣлился я о своемъ процѣствіи написать вамъ малое письмецо, ибо разсудилось мнѣ побывать въ вашей палестинѣ, то есть,

*) Корниліи былъ келейникомъ при предмѣстияхъ Никона патріархахъ Іосафѣ, Іосифѣ покровительствовавшихъ расколу.

въ Преображенскомъ монастырѣ въ праздникъ Пятидесятницы; пожелалось тамо приобрѣсти полезное, но вмѣсто полезнаго обрѣтохся въ великомъ посрамленіи, ибо вышло то, чего многія лѣта не ожидалъ, яко бы ходили мы въ монастырь на погибель и соблазнъ всѣмъ живущимъ тамо христіаномъ и прочая; посемъ начинаю вытію всѣхъ несчастій своихъ и обидностей. Азъ грѣшный и отверженный сословія всѣхъ христіанскаго честнѣйшими отцами святыя обители сея, которые тако о мнѣ рекоша: отлучаетъ тя святая апостольская церковь, отъ Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа и прочая. Не за ино другое, но что новоженілся, отъ сего явно есть, что мы обнажены ими отъ всего, вѣры житія христіанства, а наградились вмѣсто того отступниками, еретиками и худши язычниковъ, ибо по дѣлу сему ясно и откровенно. Аще во время службы совершающейся не велятъ намъ не токмо креститься, но и молитвы творить и въ помышленіи нашемъ не держать ничего молитвеннаго, аще тако есть, то что подобаеть намъ грѣшнымъ въ то время строить; недоумѣваемся тако, честнѣйшіи наши отцы, старички—престецы, до какова откровенія и глубины разумно достигли, и на себѣ смѣлость страшнѣйшую возложили, что полную власть святительскую безъ нужды могутъ исполнять. Ибо грѣшнаго человѣка отлучаютъ Святыя Троицы. Вотъ грѣшные и бѣдные мы (новожены), до какой погибели достигли. Другіе увѣряють, что и молитва наша Богу—мерзость, также и милостыня непріятна. Глаголють ревнивые и тайныхъ откровеній сказатели. Но однако, одинъ изъ нихъ много ревнивыхъ, погода немного, самъ въ тоже попалъ, остался другой, еще ревнуетъ, но видно и тотъ того же не минуетъ. У сего послѣдняго ревнителя попросился человѣкъ новоженой помыться зимой въ его бани и онъ сказалъ съ великимъ восторгомъ: ахъ Боже мой вѣдь послѣ его мытья надо ее сжечь и пепелъ по воздуху развѣять, дабы къ христіанскимъ ногамъ не принулъ. А мирскіе въ ней всегда парютея, не жгутъ ее и молитвою никакою не освящаютъ. Посему надобѣ разумѣть, что тогда дѣлать, когда новоженой у того ревнителя помолится Богу въ его домѣ, что тутъ надъ домомъ надо устроить. О грѣшниче! внимай. Слѣдовательно, нѣтъ злѣе, мерзѣе (новоженныхъ) по всей поднебесной. Паки на прежнее свое сказаніе возвращаюся, въ праздникъ Святыя Пятидесятницы, дерзнулъ грѣшный и окаянный внити во святую обитель купно съ моею хозяйкою и съ малою моею дочерію, непорочнымъ младенцемъ, и вшедшу намъ во врата женскаго монастыря, по слу-

чаю или по провидѣнію сего невѣмъ, ибо совершается въ то время служба. Встрѣтя насъ ревностнѣйшій и безстрастнѣйшій и не усрамляющійся ни чьего лица отецъ Лука Терентьевичъ, говоритъ намъ тако: зачѣмъ вы ходите въ сію обитель соблазнить здѣшнихъ постницъ, паче же Христовыхъ невѣстъ своими народами и беззаконными сожитіями (разумно новоженія), но должно бы вамъ паче срамлятися, нежели тако безстудествовати и въ здѣшней обители разгуливатися, ибо сія обитель устроена не ради гулянія, но ради богомолія и душеспасенія. Понеже ты знаешь и самъ болѣе меня, учишь тебя нечего, ибо сказано въ Евангеліи: горе міру отъ соблазна и паки: горе тому человѣку имъ же соблазна приходитъ унѣ бо ему обѣсити оный оселскій камень и вверзтися въ море и прочая; на сіе его провѣщаніе отъ внезапнаго слышанія сдѣлался я безгласенъ, посрамленъ и не могъ болѣе противу сего стать и рещи: Савле, Савле, что мя гониши, жестоко ты противу рожну прати. Посемъ наконецъ прирече: не взыщи и не скорбися, что я тебя изрядно поцѣломудрилъ. И тако я поклонился ему «прости отче» и прирекъ ему: что дѣлать, хоша и обидно браниться и ругаться мнѣ грѣшному не приходитъ. И тако я пошелъ неоглядавши вспять вонъ изъ ограды монастырскія, а прочіи новожены стояли и слушали цѣнія, но токмо и единъ окаянное козлище не сподобился быть нигдѣ ни въ женскомъ, ни въ мужскомъ монастырѣ. Но отъ великія моея печали идохъ прямо на могилы мертвыхъ и пришедъ на могилы и ждахъ тамо отъ мертвыхъ возбраненія, каково въ монастырѣ прилучилось, но тѣ мною грѣшнымъ не возгнушались и отъ себя меня не отогнали, и ни о чемъ не осудили и не укорили, и тако мало отъ печали я уголился. Потомъ простился я съ умершими, возвратился всиять во временный мой домъ, и идущу ми въ домъ, на пути обышедша мя помышленія моя въ совѣсти моей, яко бы приходимъ мы въ обитель для развращенія и соблазна рода христіанскаго, подобно какъ и діаволы: ибо чтемъ во отеческихъ патерикахъ, что бѣси не токмо цѣшкомъ ходили, но и на свицяхъ въ монастыри ѣзжали. А нынѣ видно мы вмѣсто демоновъ ходимъ, ѣздимъ новоженія, по показанію старецъ, аще тако истинно есть; увы! бѣднѣйшія и отогнацныя сироты, отъ воздержныхъ человѣкъ посрамлены, отъ ревнителей посмѣяны, отъ мудрыхъ укорены, отъ праведныхъ удалены, отъ церкви отлучены, наконецъ змію въсьѣдь преданы. Что же посемъ; не ино что токмо поелѣдуетъ отчаятися. О грѣшныяче! возложи печаль свою на Господа, да той ти поможетъ; не отчая-

ваюся, но на Владыку Царя небеснаго надѣюся. Самъ бо рече: васъ ради грѣшныхъ съ небесъ сошелъ, и воплотился отъ дѣвы, послѣ всего на крестѣ пролилъ кровь свою, да мы спасемъ. Истинно надѣюся спасенья получить. Рече: предваряють васъ поканіемъ блудники и мытари во царствіи небесномъ. Лаврентій Ивановичъ, покорнѣйше васъ прошу о насъ споболѣзновать и дать руку помощи; понеже лишили насъ грѣшныхъ всего сословія христіанскаго, наконецъ уже и гоняють отъ мѣста сего обители, аки душегубительныхъ и хищныхъ волковъ. Не взирая и не уважая, — аще и помощеваніе нѣкоторое малое творили, о чемъ и предлагаю себя на судъ всеобщій. 1) Почему тако нагло при всей публикѣ отецъ Лука Терентьевичъ крѣпко насъ обиждаетъ, не содѣявшихъ ему ни коея противности, ни обиды, и ни какова дурнова обстоятельства ему не причинили, но какъ законъ естественный такъ и законъ христіанскій чему учить, то по долгу оному мы сотворили и честь ему воздали и съ праздникомъ (аще и недостойны) его поздравили, но токмо сіе развѣ ему воспротивилось, ибо апостоль глаголетъ; и радоватися ямъ не глаголите, но мы ученія христіанскаго закона приносимъ и съ радостію все приемлемъ и сердечно обლობызаемъ. 2) самъ собою или общимъ совѣтомъ обители сего старѣйшими на сего избранъ, чтобы пришедшихъ въ сию обитель на праздникъ вонъ изгонить безо всякаго резона и было ли гдѣ въ правилахъ или образцѣхъ такое повелѣніе; о семъ прошу желательно увѣдать. 3) Мы полагаемъ все наше усердіе ко святой обители сей ради полезнаго. А онъ сравниваетъ усердіе наше гулбищемъ всеобщимъ, что на позорищахъ мірскихъ бываетъ, слѣдовательно, по сему уже намъ грѣшнымъ когда пожелается и милостыню въ обитель подать или понахвяду по усопшимъ отнѣтъ, то видно дѣло наше всеу пропадаетъ. 4) Человѣкъ отлученный Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа. Кто онъ такой по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ значиться будетъ, грѣшникъ, или отступникъ, или раскольникъ, подцерковникъ, или чистый и лъный еретикъ; сердечно желаю о сихъ таинствахъ недоразумныхъ увѣдать. Понеже вы Лаврентій Ивановичъ изволите жить недалече обители и мудрыхъ сказателей, можете вы изъяснитися, а въпрочемъ честь имѣю съ моимъ почтеніемъ покорный вамъ слуга Василій Андреевъ большой и нижайше кланяюсь 185 года } До сего времени людямъ мало я увѣ-
іюня 26 }

рялся, а нынѣ въ посрамленіи самъ остался, вѣрно. Что наглою

палкою изгоняють и аки безсловесныхъ скотовъ насъ извергаютъ, да воздасть имъ Владыко Царь небесный, по дѣломъ ихъ мзду вѣчную. Списано съ оригинала саморучнаго письма Василья Андреева большова 1838 года октября 18 дня А. А. Гранцовымъ. Списано съ оригинала саморучнаго письма Сергѣя Гнусина, или семи—именнаго самозванца учителя Фодосѣевыхъ дѣвственниковъ 1838 г. октября 18 дня.

Апрѣля 26.

Съ четвертой недѣли великаго поста и всю Святую недѣлю Рогожской секты (перемазавщины) пошы съѣзжались въ Москву, они извѣстны на кладбищахъ подъ именемъ «черныхъ поповъ» съѣздъ ихъ былъ до 40 человекъ, заняты были исповѣданіемъ, ибо имѣющагося причета недостаточно для исполненія сего таинства, мѣста ихъ временнаго прожитія были въ домахъ богатыхъ кушцовъ.

1) У Андреяна Маркова живущаго на нѣмецкомъ рынкѣ.

2) У кушца Досуева.

3) У купца Александра Николаева Осипова живущаго въ Пятницкой части.

Главный пріѣздъ черныхъ поповъ бываетъ изъ Нижегородской общины: Керженца и Стародубской Злынки; проживая въ Москвѣ у прихожанъ Рогожскаго кладбища отправляютъ разныя служенія и даже обѣдни.

Апрѣля 27.

На страстной недѣлѣ на Преображенскомъ кладбищѣ совершилось два перекрещенія.

1-е Ткачъ фабриканта Гучкова Сергѣй Ивановъ перекрестилъ жену свою Настасью Родіонову въ Фодосѣевскую секту.

2) Ярославской Губерніи, Мышкинскаго уѣзда изъ деревни Слнщиной крестьянка Анна Ипатьева, старостиха надъ дѣвками кладбища въ Гучковой палатѣ, перекрестила мать свою Марю Тимошеву приходившую къ ней для свиданія и возвратившуюся въ вышеозначенную деревню.

Апрѣля 28.

Вогъ копія любопытнаго письма настоятеля Преображенскаго кладбища Семена Козмина съ товарищами, писаннаго на Кубань, въ которомъ они умоляютъ тамошнихъ учителей Фодосѣевскаго толка

допускать къ перекрещенію (православныхъ) не иначе какъ разводя мужа съ женою. Имена Кубанскихъ учителей, Прокопій Ульяновичъ и Андрей Прокофѣевичъ. Письмо это можетъ служить яснымъ доказательствомъ, какъ ученіе Фодосѣевцевъ разливается далеко—и притомъ изъ Москвы.

И аще что здравому ученію противное оставите, по благовѣстїи славы блаженнаго Бога и Господа Иисуса Христа вѣруете и крещеніемъ святымъ креститесь, житія лукаваго неимуще, спасени будете .л. 76 наоборотъ; дондеже неразторгнутъ сихъ оковъ новаго сплетенія, къ тайнамъ Христова крещенія не достойны приступити и у предковъ нашихъ бывшихъ въ Польшѣ въ лѣто 7254, которое слово напечатано и виѣшними въ книжкѣ протоіерея Охтинскаго въ стат. 35: «которые люди русскія (свиречь христіане) поженились въ польшѣ, вѣнчались въ костелахъ (и взяли жены не крещены), а отцы духовныя крестили ихъ просто безъразводу, а дѣло ихъ разсмотрѣлося незаконно до лѣтъ 7257, положили таковыхъ въ подозрѣніе житїи имъ чистотою, аще ли дѣтище родится у нихъ, то разлучити якоже и новоженоеъ, а впредь отнюдь не крестити безъроспусту и таковаго духовника и съ тѣмъ отлучить отъ церкви за непокорство и здѣсь внимати подобаетъ настоятелю и не преступати повелѣнія отъ святыхъ отцовъ и предковъ нашихъ... сего ради усердно просимъ и слезно молимъ, о честнїи старцы и церковнїи питомницы, и всея восточныя страны кубанстїи обитатели, нашего сословія Боголюбивые христіане, паче же и паче ты сѣдїнами украшенный и Божественнымъ писаніемъ одаренный именный ревности наполненный честный старецъ и церковный старѣйшино кавказскія станицы учителю Прокопій Ульяновичъ, поревнуй прежнимъ нашимъ же и вашимъ отцемъ, украси при старости церковнаго правленія доброту, услади своими сладкими усты изсохшїй гортань злосмраднаго киченія новоженствомъ, также и ты Андрей Прокофѣевичъ приди высокою стезею смиренія и возми сладкоуханную вѣтвь совершеннаго церкви послушанія. Прїими драгїй бисеръ чистаго разсужденія и озари всѣхъ свѣтомъ безпристрастнаго поученія и будьте съ нами и съ нашими отцами согласны; тако же и ны въ чемъ неисправны, научите и сами отъ насъ грѣшныхъ смиренное предложеніе съ любовію прїимите, и тако исполнимъ законъ Христовъ. А что вы усердствуете просительными письмами отъ нашей худости благословить вамъ настоятеля, за то похваляемъ благую вашу ревность, чтобъ пред-

принять вамъ жребій отеческаго благословенія, паче же и паче всего возобновить вамъ прежнихъ отецъ благочестія страдалецъ, яко драгій адаматескій благочестія вѣрѣ камень, непреложныя уставы христіанскаго обряда; аще съ вѣрою правою показать и дѣла добрая, то имать Господь воставити отъ каменія Авраамли чада. Зане самъ глагола: небо и земля измѣнятся, евангеліе же и вѣра о миѣ не оскудѣеть, но имать пребывать во вѣки и прочая, просящему дается, вѣруйте и приемете, точію съ домотерпѣніемъ ожидайте Божія милости и нашего къ вамъ прощенія по времени нашей управки, а нынѣ весьма въ несвободности заняты общими нашими дѣломъ я тако при отданіи вамъ нашего почтенія требуемъ вашихъ святыхъ молитвъ, церковнаго мира и союзныхъ любви лицеземно кланяемся: Московскіе настоятели: Аванасій Антоновъ, Тимофей Емельяновъ, Семенъ Козминъ, Семенъ Фоминъ, Василій Осифовъ, Федоръ Емельяновъ.»

Ноября 28 дня 1827 г.
Киновія Пречистыя Дѣвы.

Мая 1.

Преображенское кладбище явнымъ образомъ показываетъ ту власть, которую прилична верховной общинѣ: настоятель Семенъ Козминъ, получивъ извѣстіе, что живущіе въ Тоснѣ Федосѣевцы начали допускать въ свои моленныя женатыхъ своихъ единомышленниковъ, почему вытребовавъ настоятеля Тоснинской общины Григорья Иванова, держалъ его на покаяніи три недѣли; съ нимъ же вытребовалъ и монаха Еърема за то, что перекрещивалъ въ секту Федосѣевскую не донося Общинѣ Московской—сему послѣднему опредѣлялъ шестинедѣльное покаяніе.

Мая 2.

На Преображенское кладбище приняты вновь: купецъ Иванъ Романовъ, принадлежавшій къ молевиѣ Молоткинской (въ Рогожской части въ дурномъ проулкѣ) приобрѣтеніе его для общины весьма значительно. ибо онъ имѣетъ по порядкамъ своимъ по Опекунскому Совѣту Воспитательнаго дома большое вліяніе на служащихъ тамъ чиновниковъ, а съ симъ благосклоннымъ расположеніемъ сопряжено: возвращеніе подкидышей Преображенскихъ къ ихъ родителямъ—это послѣднее обстоятельство необходимо, и драгоцѣнно для общины. Сверхъ сего принять изъ Вышняго Во-

лочка на Преображенское кладбище едосѣвецъ Егоръ Петровъ по искусству своего промовѣданія.

Мая 3.

Недавно возвратившійся изъ Тюмени едосѣвецъ Алексѣй Михѣевъ былъ отправленъ настоятелемъ Семепомъ Козминнымъ въ Тасну къ купцу Карчагину, по дорогѣ: въ Кресцы и Валдай для проповѣданія и перекрещенія—(Алексѣй Михѣевъ былъ три раза перекрещенъ); теперь онъ возвратился и ему поручено воспитаніе дѣтей, которыхъ онъ обучаетъ ходя по разнымъ домамъ; постоянное жителство имѣеть въ Преображенскомъ кладбищѣ.

Мая 4.

Должность могильщиковъ на Преображенскомъ кладбищѣ отправляютъ келаря т. е. служители готовяшіе купанье и подающіе опосъ во время трапезы живущимъ въ пріютахъ; они получаютъ по 5 руб. съ могилы и роютъ по настоящей надобности. Усопшаго приносимаго на кладбище ставятъ въ особенно устроенную часовню; въ это время келаря повѣщаютъ: нѣтъ ли въ женскихъ палатахъ умершихъ дѣтей? Если найдутся, то завернуть въ миткаль или кулекъ, приносятъ къ могилѣ, и когда опускаютъ въ нее гробъ вынесенный изъ часовни, то за нимъ же кидаютъ и младенцевъ.

Не одиѣхъ умершихъ въ Преображенскихъ пріютахъ дѣтей такъ хоронятъ, но въ ночное время приносятъ дѣтей и въ Лефортовской части скончавшихся; принесшій кулекъ съ трупомъ даетъ знать сторожу у воротъ, онъ относитъ его въ келью, въ которую ему назначится, а оттуда погребаютъ вышесказаннымъ образомъ.

Умирающіе скоростяжно жители въ Преображенскихъ пріютахъ хоронятся также какъ и младенцы безъ гробовъ; объ нихъ кладбище не даетъ знать полиціи, ибо паспортъ умершаго передается вновь поступающему.

Мая 5.

Отъ провожавшаго работника своего хозяина едосѣвца Алексѣя Михѣева дознано, что Алексѣй Михѣевъ посланъ былъ отъ Преображенскаго кладбища на Златоустенскія и Ижевскія заводы къ живущимъ тамъ едосѣвцамъ съ письменными настав-

деніями и книгами; послѣднія поручено было раздать въ молельні, ибо въ прошедшемъ году посланныя изъ нижегородской ярмарки Гучковымъ книги и образа на означенные заводы—потонули; хотя иконы и были спасены; но книги совершенно испортились и сдѣлались негодными къ употребленію.

Мая 6.

Въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ былъ настоятелемъ монахъ Василій; нынѣ получено извѣстіе въ конторѣ, что онъ умеръ, и вмѣсто его «Стародубская Покровская обитель ожидаетъ, кого на кладбищѣ назначутъ на его мѣсто, ибо обитель «безъ начальника приходитъ въ упадокъ и Семень Козьминъ представилъ общину Покровскую собственнымъ его распоряженіямъ впредь до назначенія начальника.

Въ 6-ти верстахъ отъ Стародубскаго Покровскаго Монастыря устроенная (подъ названіемъ) малая обитель, управляемая монахомъ Пахоміемъ, весьма много разсылаетъ своихъ монаховъ по разнымъ городамъ; въ ней живутъ преимущественно монахи.

Мая 10.

Отъ пріѣзжихъ по дѣламъ на Преображенское кладбище изъ Астрахани слышно, что тамъ въ самомъ городѣ есть община къ Преображенскому кладбищу относящаяся, начальникомъ которой—первый изъ Астраханскихъ купцовъ Иванъ Артеміевичъ Песковскій, содержащій ее своимъ иждивеніемъ.

На сихъ дняхъ появились на Преображенскомъ кладбищѣ четверо донскихъ козаковъ за покупкой книгъ для своихъ молеленъ.

Доставляемыя свѣдѣнія съ Преображенскаго кладбища раскрываютъ, что ни одна изъ сектъ такъ успѣшно не распространяется, какъ секта еедосѣвская, ни одна, какъ она, не захватила самыя отдаленныя страны Россіи, и вездѣ гдѣ она ни проявляется, видно, что Преображенское кладбище поддерживаетъ своихъ единомышленниковъ деньгами, книгами и даже наставниками.

Во всякомъ случаѣ розысканій со стороны мѣстнаго начальства Преображенскіе еедосѣвцы обезпечены ближайшими мѣстами, въ которыхъ они могутъ сокрыть необходимыхъ имъ людей; близъ самой Москвы, отъ деревни Черкизовой въ двухъ верстахъ, начинается лѣсъ «Лосинный островъ», по опушкѣ котораго

лежать небольшія деревни: Гулямово, Лукина, отъ сей послѣдней въ 3-хъ верстахъ деревня Щитникова, есть самая вѣрная убѣжища для пріюта, ибо означенныя деревни населены единомышленниками Преображенцевъ.

Надзоръ становыхъ приставовъ въ этихъ деревняхъ столь мало значителенъ, столь ослабленъ опредѣленною платою *Филей*, что бѣглый дѣлатель фальшивой монеты идетъ туда, какъ въ вѣрный покровъ, откуда его отправятъ далѣе для распространенія его преступленій.

Мая 12.

Капиталь кладбища *Филей* ежегодно увеличивается значительными пожертвованіями переселяющихся на уединенное житье зажиточныхъ старцевъ; при вступленіи ихъ въ общежитіе на Преображенское кладбище, они (по положенію) должны отдать все свое состояніе въ вѣдѣніе конторы. Если сверхъ отданнаго останется какой-либо капиталъ или имущество, то поселившійся старецъ можетъ ими пользоваться до своей смерти, но всякое завѣщаніе, въ пользу кого-нибудь имъ сдѣланное, контора не уважаетъ и уничтожаетъ, а оставшееся достояніе обращаетъ въ свою пользу.

Послѣднимъ примѣромъ сему можетъ служить старецъ Семень *Өюмшъ*, который хотя и отдалъ общинѣ (при своемъ поступленіи) 35 т. руб., но затѣмъ сбережонными 4 т. руб. хотѣлъ поправить состояніе престарѣлой своей родственницы; несмотря на всѣ ея старанія, контора завладѣла ими.

Капиталь кладбища простирается, по его словамъ, до 6 мил. руб., чего всѣ три православныя лавры въ Россіи не имѣютъ.

Мая 16.

Въ домѣ Московскаго мѣщанскаго градскаго общества возвращаемыми изъ частей города, послѣ умершихъ мѣщанъ, выдаши везуть торгъ, и какъ злоупотребленіе это приноситъ большую выгоду, то едва ли можетъ быть пресѣчено навсегда; хотя бы временно уничтожить по важности его послѣдствій, повергается на разсмотрѣніе слѣдующее предположеніе.

Умершаго мѣщанина видѣ отбирая (какъ и нынѣ то дѣлается) въ частный домъ, на немъ прописывать, что хоронить дозволяется; по привозѣ тѣла на кладбище, на этомъ же видѣ священникъ записавъ въ книгу помѣчаетъ, что тѣло предано землѣ

тогда-то». Послѣ чего Часть, получивъ дважды помѣченный видъ, препровождаетъ его въ домъ мѣщанскаго градскаго общества: этимъ самымъ облегчится и излишняя переписка полиціи, выдающей нынѣ особые билеты на предаііе тѣла землѣ и самый видъ уже, за двумя на немъ надписями, сдѣлается нетруднымъ къ дальнѣйшему употребленію.

Мая 17.

Преображенское кладбище имѣеть большія сношенія съ Бѣлоруссіей, гдѣ множество проживаетъ иль единомышленниковъ, имѣющихъ свои моельни.

Сколько дозволяютъ развѣданія получить свѣдѣній, то извѣстныя моельни въ этомъ краѣ находятся въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ: 1) въ дер. Тискаты, 2) Гулишкахъ, 3) Пудеровѣ, 4) Кантискахъ, 5) Карпушиной, 6) Штыканѣ, 7) Скандишкахъ, 8) Войновѣ, 9) въ Динабургѣ, 10) въ деревнѣ Дегутехъ, 11) Соконыхъ, 12) Кривишевѣ, 13) Фольваркѣ близъ Динабурга, 14) деревнѣ Граверахъ, 15) Пантимишкахъ, 16) Витебскѣ—большая каменная часовня, 17) Богословской слободѣ, 18) Креславнѣ, 19) Полоцкѣ—обитель, устроенная Московскимъ купцемъ Соколовымъ, въ которой настоятелемъ монахъ Ефросинъ, 20) Жарцахъ—обитель, въ которой настоятелемъ братъ монаха Ефросина Гермогенъ Ивановъ.

Мая 20.

О Степанѣ Ивановѣ Тихомировѣ надо присовокупить новыя обстоятельства, что Тихомировъ предается картежной игрѣ, съ большимъ плутовствомъ обыгрывая въ разныхъ мѣстахъ всякаго состоянія людей и получалъ заемныя письма; въ теченіи марта и апрѣля ибсяцевъ 15 претензій по картежнымъ выигрышамъ представилъ ко взыскаіію въ Московскую управу благочинія и должники его были посажены во временную тюрьму. Теперь у Тихомирова возникло дѣло съ купцомъ Бѣлозеровымъ, на котораго онъ представилъ въ 10/т. руб. фальшивое обязательство; онъ по такрвымъ документамъ неоднократно былъ судимъ также, какъ и за фальшивыя приписки бѣглыхъ людей въ Московскія мѣщаню.

Іюня 1.

Управленіе Преображенскаго кладбища, исключительно при надлежащее настоятелю Семену Кузьмину, весьма предусмотрительно распоряжается для скрытія мертворождаемыхъ или до креще-

нiя умирающихъ младенцевъ; по разсказамъ могильщика иногда они кидаются въ отложiя мѣста; для сокрытiя вывоза ихъ изъ Преображенскаго кладбища Семеномъ Кузьминымъ нанятъ особенный отходчикъ, живущiй въ отведенномъ ему подлѣ Ханцловскаго пруда домѣ близъ ограды приютовъ; контора содержитъ его на своемъ иждивенiи, почему всѣ означенные случаи остаются скрытыми; онъ же чиститъ таковыя же мѣста въ домахъ Преображенцевъ, гдѣ живутъ дѣвки, принадлежащiя приюту, какъ-то въ домахъ: Бавыкина, Гучкова, Алексѣя Никифорова и прочихъ.

ЮНЯ 2.

Нижеслѣдующiй случай можетъ показать, какъ полицiя покровительствуетъ Преображенцевъ. 29 числа истекшаго мая мѣсяца назначено было сдѣлать обыскъ въ квартирѣ Кузьмы Кононова. 28 числа г. полицiймейстеръ Верещагинъ далъ приказанiе надзирателю Николину быть готову съ добросовѣстнымъ къ предписанному обыску; тотъ предупредилъ кого слѣдуетъ и 29 числа по обыску ничего не найдено, тогда какъ внезапное появленiе могло открыть остатки матеріаловъ; подобныя предупредительныя извѣщенiя со стороны Верещагина и князя Вяземскаго замѣчены были по случаю розыска о фальшивыхъ депозитныхъ билетахъ въ домѣ Гучкова.

ЮНЯ 6.

Въ Софiевычегодскѣ есть древнiй соборъ, исподненнiй весьма рѣдкихъ иконъ Строгоповской живописи; они были помѣщены въ немъ внутри по стѣнамъ; Федосѣевцы давно ихъ похищали за деньги, наконецъ вознамѣрились остальными воспользоваться, склонивъ тамошняго соборнаго протоiерея за 1000 руб. представилъ начальству, что продажей означенныхъ иконъ будто бы отъ времени испортившихся можно исправить многiя ветхости собора, и по полученiи на то разрѣшенiя, приобрѣли желаемыя иконы; въ дѣлѣ этомъ главнымъ лицомъ былъ Папулинъ (объ немъ было донесено 20 марта 1845 года), изъ числа ихъ на 7/т. руб. продалъ онъ Преображенскому кладбищу, остальные за 13/т. руб. другимъ общинамъ.

Купленныя иконы Семенъ Кузьминъ похѣстилъ въ лѣтней молельнѣ и во второй больницѣ женскаго Преображенскаго приюта, квартальному же надзирателю 3-го квартала далъ 2000 руб.

и г. Болотовъ подалъ на требованіе начальства отзывъ что «отыскваемыхъ иконъ на кладбищѣ не имѣется».

Іюня 7.

Въ Судиславлѣ наставникъ съ потребникомъ, бывшей едосѣвской часовни мѣщанинъ Дмитрій Акимовъ уговорилъ тамошнюю удѣльнаго вѣдомства дѣвку Дарью Ефимову вступить въ секту; отецъ ея сему, противился. Дмитрій Акимовъ увезъ ее и скрылъ во 2-мъ кварталѣ Лефортовской части, въ домѣ мѣщанки Маремьяны Антоновой Поздеевой (или Позднеевой). Отецъ ея подалъ жалобу, дѣло перешло къ г. правящему должность Московскаго оберъ-полиціймейстера; стараніями квартального поручика 2-го квартала Цетрова, Дарья Ефимова 3-го числа сего мѣсяца схвачена была во время слушанія мелевна въ молеельнѣ Матвѣя Григорьева и представлена съ имѣющимъ у ней видомъ къ г. оберъ-полиціймейстеру, но какъ главный виновникъ ея побѣга и совращенія, упомянутый мѣщанинъ Дмитрій Акимовъ находился еще на свободѣ, тѣмъ же числа квартальный надзиратель 2-го квартала Николинъ, далъ знать Семену Кузьмину, что Дмитрію Акимову предстоитъ опасность, ибо Дарья Ефимова можетъ объяснить не только обстоятельства своего побѣга, но и о скрытной молеельнѣ въ Судиславлѣ по сіе время существующей; не взирая на запрещеніе, Семень Кузьминъ въ ту же ночь отплавилъ Дмитрія Акимова въ село Ряполово въ 60 верстахъ отъ Москвы въ Богородскомъ уѣздѣ находящееся; если не примутся надлежащія мѣры къ задержанію Дмитрія Акимова, то это дѣло не будетъ успѣшно окончено.

Г. квартальный надзиратель Николинъ замѣчательнъ по усердію своему къ едосѣвцамъ; признательностію своею они выстроили ему весьма хорошій домъ на Генеральной улицѣ; онъ былъ замѣченъ также по дѣлу Капштейна и Моллера, которые по его содѣйствіямъ отдали ему въ знакъ своей признательности свою мебель, по сіе время въ вышеупомянутомъ домѣ находящуюся.

Іюня 10.

Въ Москвѣ три рода продажи раскольническихъ книгъ, и всѣ они производятся на значительныя суммы:

1) *Въ собственныхъ домахъ* для Преображенскаго кладбища продаютъ.

а) Ерофей Афанасьевъ Московскій мѣщанинъ, живущій близъ Покровскаго моста, во 2 кварт. Лефортовской части.

б) Иванъ Васильевъ Стрѣлковъ, во 2 кварт. Лефортовской части, въ Суровской улицѣ.

2. *Въ лавкахъ, въ Городской части.*

а) Пискаревъ, Василій Яковлевъ Филипповъ.

б) Поликарпъ Власовъ. Всѣ трое торгуютъ между Ильинкой и Варваркой.

3. *Въ разноску продаютъ.*

Для Преображенскаго кладбища.

а) Московскій мѣщанинъ Ефимъ Даниловъ, живетъ въ 2-мъ кварт. Лефортовской части, въ домѣ Филарета Борисова.

б) Московскій мѣщанинъ Иванъ Филимоновъ, живущій въ малой Алексѣевской улицѣ, въ Рогожской части, продаетъ книги для Рогожскаго кладбища.

Въ Макарьевской ярмаркѣ ежегодно производится значительная продажа раскольниковскихъ книгъ, для Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ.

Т о р г у ю щ и е :

1. Мѣщанинъ Иванъ Никоновъ (пріѣзжаетъ изъ Москвы), продаетъ особенно книги къ сектѣ Преображенскаго кладбища принадлежащія.

2. Ярославскій мѣщанинъ Θεодоръ Ильинъ Крапинъ, тоже.

3. Отставной солдатъ Иванъ Ильинъ (онъ ходитъ на деревяшкѣ, отпустилъ себѣ бороду), продаетъ значительное количество книгъ по Рогожскому кладбищу—на Макарьевской, Ростовской и Рыбинской ярмаркахъ, въ день Петра и Павла (въ Рыбинскѣ).

Іюня '11.

1. Скопческая секта распространяется въ православной церкви и во всѣхъ сектахъ; такъ скопцы есть между рогожцами-преображенцами и въ новоблагословенной церкви; это даетъ право предположить, что скопческая секта до сего времени еще не обрѣна въ своей сущности. Скопцы въ православныхъ Московскихъ монастыряхъ отправляютъ по священству должности свои съ примѣрнымъ раченіемъ, ведутъ жизнь воздержную во всѣхъ отношеніяхъ; развѣданія открываютъ, что между монашествующими Ново-дѣвичьяго монастыря есть оскопившіяся женщины.

Второй родъ скопцевъ совершенно противоположенъ первому: неудобопонятное отвращеніе отъ Святыхъ Таинъ есть главное его основаніе; скопцы этого разряда посѣщаютъ приходскія церкви, исполняютъ обряды таинствъ исповѣди и причащенія, но исполнивъ послѣдній стараются, не проглотивъ тѣло Спасителя, удержать его во рту и выплевывать; если же случится проглотить, то производятъ нарочито рвоту, выблевываютъ оное: такъ одинъ изъ нихъ унтеръ-офицеръ Московскаго госпиталя въ 1836 году былъ судимъ въ Москвѣ за вышесказанное дѣйствіе и наказанъ.

2. Въ Москвѣ главный изъ скопцевъ: купецъ Михаилъ Герасимовъ Солодовниковъ и братъ его Алексѣй, живущіе въ Серпуховской части, на Донской улицѣ; они весьма уважаются своимъ обществомъ,—принадлежатъ Рогожскому кладбищу, имѣютъ у себя въ домѣ моленную, куда собираются наканунѣ большихъ праздниковъ многіе изъ единомышленниковъ—служеніе отправляетъ приходящій съ Рогожскаго кладбища пѣвчій.

3. Скопцевъ весьма много въ Москвѣ, внѣ же Москвы они живутъ болѣе по тракту къ городу Покрову, Владимірской губерніи, начиная отъ деревни Черкизовой, въ деревняхъ: Щитниковой, Гуляиновѣ, Измайловѣ, Озерки, Пахрѣ, Гребенщинѣ—скопцы тутъ проживающіе, хотя принадлежатъ частію къ Федосѣвской сектѣ, но посѣщаютъ Солодовниковыхъ.

Іюня 12.

На Преображенскомъ кладбищѣ явился монахъ Виталій (секты сего кладбища), онъ никто иной какъ бѣглый крестьянинъ палаты государственныхъ имуществъ, Боровскаго уѣзда, селенія Мельникова — гдѣ показанъ умершимъ; настоящее имя Никита Мартыновъ.

Виталій (Никита Мартыновъ) 35 лѣтъ, успѣлъ уже многіе постричь въ монашество и схиму, особенно кунцевъ, обирая при семъ ихъ состояніе, личнымъ капиталомъ или въ духовномъ завѣщаніи, въ пользу Преображенскаго кладбища. Онъ теперь живетъ въ мужскомъ богадѣленномъ домѣ, подъ больницей, въ нижнемъ этажѣ.

Іюня 18.

Въ числѣ солдатъ роты дворцовыхъ гренадеръ, находящихся въ С.-Петербургѣ при Высочайшемъ дворѣ, есть нѣсколько чело-

Книга Большой чертежъ, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Θεодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. Н. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана, съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я. М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 по 2 рубля каждая книга. Годы 1861—1880, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

ВРЕМЕННОЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за всѣ безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

